

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Ежегодник 2012

*Тенденции, перспективы, прогнозы
развития стран Востока*

Москва
2012

Главный редактор

В.В. Наумкин

Заместители главного редактора:

В.Я. Белокреницкий

Э.В. Молодякова

А.Д. Васильев

Члены редколлегии:

И.Ю. Авдаков

А.В. Акимов

А.К. Аликберов

А.Д. Воскресенский

С.С. Гончаренко

И.Д. Звягельская

В.А. Исаев

С.Г. Лузянин

Н.М. Мамедова

Д.В. Мосяков

С.А. Панарин

И.Р. Томберг

Н.Ю. Ульченко

А.О. Филоник

Т.Л. Шаумян

Ответственные редакторы и составители выпуска:

В.Я. Белокреницкий

А.В. Акимов

при содействии Н.Ю. Ульченко

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Акимов А.В.

Сценарии развития стран Востока
на долгосрочную перспективу.....5

Мельянцев В.А.

Оценка долгосрочных траекторий роста мировой экономики.....14

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Звягельская И.Д.

Исламское возрождение в Центральной Азии:
причины и игроки.....27

Молодякова Э.В.

Политическая система Японии: возможны ли радикальные
перемены? 32

Бектимирова Н.Н.

Особенности процесса демократизации в Камбодже
и его будущее в XXI в. 39

Жигалина О.И.

Ситуация в этническом Курдистане
и перспективы ее развития.....47

Евсеев В.В.

Иранская ядерная программа
в ближне- и среднесрочной перспективе.....54

Жукова Н.М.

Кипрское урегулирование:
состояние и ближайшие перспективы.....59

Притчин С.А.

Четвертый Каспийский саммит:
можно ли ожидать прорыва? 61

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Бойцов В.В.

Юго-Восточная Азия в глобализующемся мире:
вековые тренды и современные тенденции.....63

Цветкова Н.Н.

ТНК в странах Востока: прямые иностранные инвестиции
и глобальные производственные сети.....76

Кандалинцев В.Г.

Страны БРИКС в потоках прямых иностранных инвестиций.....85

<i>Кандалинцев В.Г.</i> Сравнительный анализ ПИИ Китая, Индии и Японии.....	96
<i>Дерюгина И.В.</i> Особенности и перспективы деятельности ТНК в сельском хозяйстве стран Востока.....	101
<i>Макеев Ю.А.</i> Рынок акций КНР — итоги 2012 г. и перспективы на 2013 г.	107
ОТРАСЛЕВЫЕ ТРЕНДЫ	
<i>Ульченко Н.Ю.</i> Турция: от индустриализации к постиндустриализации — возможности и пределы трансформации.....	111
<i>Маркарьян С.Б.</i> Аграрный сектор Японии: есть ли перспективы развития?	121
<i>Авдаков И.Ю.</i> Стратегия приоритетов развития транспорта Японии.....	128
<i>Муранова А.П.</i> Внешняя торговля стран Юго-Восточной Азии в 2000–2011 гг. и ее развитие в среднесрочной перспективе.....	131
ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС: ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА	
<i>Томберг И.Р.</i> Китай в международной торговле топливом и сырьем.....	137
<i>Семенова Н.К.</i> Китайский энергетический вектор: значение ШОС и безопасность в Центральной Азии.....	144
<i>Чеснокова С.В.</i> Китай сохраняет лидерство в развитии возобновляемой энергетики.....	161
<i>Марьясис Д.А.</i> Израильские месторождения газа — новая реальность энергообеспечения страны, новые горизонты.....	165
НАУЧНЫЕ ЭССЕ И ОПЫТ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ	
<i>Медведко Л.И.</i> Глобализация versus глобализм. Триединая безопасность России	180
<i>Яковлев А.И.</i> Опыт революции 1968 года и «арабской весны».....	186
<i>Акимов А.В., Ванина Е.Ю., Шаумян Т.Л.</i> Отечественные индологи о перспективах развития Индии.....	195
<i>Шаумян Т.Л.</i> Внешняя политика Индии от 1980-х до 2000-х годов (прогнозы и реалии).....	197
РЕЦЕНЗИИ	
<i>Белокреницкий В.Я.</i> Рец. на: А.В. Акимов, А.И. Яковлев <i>Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. М., 2012.....</i>	204

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.В. Акимов

Сценарии развития стран Востока на долгосрочную перспективу

Для долгосрочного прогнозирования социально-экономического развития необходимо сочетание как количественных методов, дающих оценки важнейших переменных мировой системы на будущее, так и качественных, позволяющих обрисовать целостную картину перспектив развития. В этой статье основное внимание уделено качественным методам и результатам их применения, но рассматриваемые ниже сценарии являются обобщением прогнозных расчетов динамики численности населения и ресурсов, необходимых для обеспечения демографического роста и развития. В качестве ключевых ресурсов выделены энергетические, определяющие многие основные технологические возможности индустриального и постиндустриального общества, а также важнейшие для сельского хозяйства ресурсы — пахотные земли и пресная вода¹.

Результаты оценки соотношения население — ресурсы таковы: в ближайшие десятилетия предстоит резкий рост потребностей мирового населения в природных ресурсах для обеспечения догоняющего развития, поскольку сложившаяся глобальная стратегия технологически опирается на ресурсорасточительные модели производства и потребления, укоренившиеся на Западе, ключевые природные ресурсы, обеспечивающие индустриальное развитие (минеральное топливо), смогут обеспечить развитие человечества лишь при существенном технологическом прогрессе и экономической эффективности, и глобальная естественная убыль населения может стать важным положительным фактором в решении проблемы обеспечения человечества природными ресурсами, в первую очередь пахотными землями и пресной водой.

Параллельно с нарастанием проблем ресурсного обеспечения экономического роста важной составляющей мирового развития становится успешное догоняющее развитие, выравнивающее уровень жизни и человеческий потенциал в развитых и развивающихся странах. В то же время в ходе демографического перехода развитые страны начинают испытывать естественную убыль населения в результате старения населения. Во многих развивающихся странах продолжается демографический рост, численность населения этих стран растет, а его качественные характеристики приближаются к уровню развитых стран.

В условиях успешного догоняющего развития и глобализации разных сторон жизни общества важным становится вопрос о самоидентификации, ценностях обществ в разных странах. Социально-экономическое развитие в современных условиях не обязательно означает вестернизацию. Сохранение культурного и цивилизационного своеобразия разных стран и народов в условиях успешного догоняющего развития и дефицита ресурсов порождает как возможности сотрудничества разных культур и цивилизаций, причем в силу численного перевеса неевропейские цивилизации и культуры приобретают все больший вес в мировой системе, так и вероятность конфронтации и борьбы за истощающиеся ресурсы стран, объединяющихся на основе культурной и цивилизационной общности.

Расчеты были ориентированы на исследование взаимодействия современных мировых цивилизаций, поэтому в сценариях не учтены перспективы целого ряда стран Востока: Монголии, Кореи, Таиланда, Бирмы, Вьетнама, Лаоса, Камбоджи, — которые не входят в состав современных мировых цивилизаций, а также стран Центральной Азии. Для последней группы нужны более детальные исследования.

Итак, на основании различных темпов роста населения, потребностей в природных ресурсах, выравнивания уровней развития и человеческого потенциала при сохранении культурного и цивилизационного многообразия выделены следующие сценарии. Некоторые из них применимы для цивилизаций за пределами Востока, другие специфичны для основных стран и групп стран Востока.

Первый сценарий — «Конвергенция цивилизаций» — представляет собой наиболее благоприятный путь развития, бесконфликтный вариант, возможный при целенаправленном управлении мировой системой. Этот вариант присутствует в качестве возможного для всех рассматриваемых стран и групп стран.

«Конвергенция цивилизаций». В результате интенсивного международного общения, совместной деятельности в рамках мировой экономики, успехов догоняющего развития стран, ныне называемых развивающимися, изменения менталитета при выравнивании уровней потребления в разных странах носители всех цивилизаций сближаются в культурной сфере настолько, что любая совместная деятельность не имеет цивилизационных ограничений, люди вполне «притерлись» друг к другу, и никакого антагонизма между носителями разных цивилиза-

¹ См.: Акимов А.В., Яковлев А.И. Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. Глава 2. М., 2012.

ционных ценностей нет. Культурные особенности сохранятся, но они не будут причинами вражды или помехами в совместной деятельности.

Есть довольно убедительные свидетельства того, что такое развитие возможно не только со стороны материальной культуры, которая демонстрирует унификацию потребления в силу того, что современный образ жизни в городе предусматривает использование одних и тех же бытовых приборов и технологий жизнеобеспечения, глобализацию и стандартизацию рабочих мест в современном секторе, но и со стороны духовной. Исследование, проведенное по инициативе Ассоциации американских психологов и ее председателя М. Селигмана, показало, что самые разные народы мира имеют общий набор добродетелей: «...мы прочитали Аристотеля и Платона, Фому Аквинского и Блаженного Августина, Ветхий Завет и Талмуд, труды Конфуция, Будды, Лао-цзы, Бенджамина Франклина, кодекс самураев бусидо, Коран и Упанишады — всего около двухсот произведений. И вот, изучив все это многообразие религиозных и культурных памятников (в том числе с трехтысячелетней историей), мы, едва веря собственным глазам, обнаружили шесть общих для всех народов добродетелей:

Мудрость и знание,
Мужество,
Любовь и гуманизм,
Справедливость,
Умеренность,
Духовность или трансцендентность»².

На пути реализации этого сценария необходимо решить большое количество разных социально-экономических, социально-правовых и культурологических вопросов. Помимо проблем могут быть и определенные прорывы на этом пути, например в случае успешного решения задач по созданию систем автоматизированного лингвистического перевода, что может существенно облегчить общение носителей разных языков без необходимости изучать иностранные языки. Национальная идентичность сохраняется, а общению с людьми другой языковой культуры это никак не мешает.

Ярким примером успеха представителей одной цивилизации в среде другой является индийская диаспора в США. Как пишут Б.Н. Кузык и Т.Л. Шаумян: «Индийцы в США добились немалых успехов. Их средний доход на 25% выше среднеамериканского. Почти у всех индийцев есть собственные дома. Около 65% индийцев имеют высшее образование (при среднем показателе 23% в США). Более 60% индоамериканцев заняты на должностях менеджеров и высококвалифицированных специалистов. Индоамериканцы — это программисты, врачи, биологи, юристы, финансисты, журналисты, научные работники. Среди них преподаватели точных наук в

университетах и колледжах, а в последнее время и в средних школах, большое количество бизнесменов, связанных не только с высокими технологиями, но и с более “земным” бизнесом — торговлей, содержанием гостиниц, мотелей, ресторанов, аптек и т.п. Индоамериканцы владеют 15% новых фирм в Силиконовой долине в Калифорнии, составляют 10–12% всех врачей США, контролируют около 40% американского гостиничного бизнеса»³. Необходимо отметить, что иммигранты, приезжающие из Индии в США, хорошо знают английский язык и имеют высокую квалификацию, но факт то, что при определенных условиях успех возможен.

Для развитых в научно-техническом отношении стран выделен сценарий «Торжество технологий». Он описывает ту часть технологических и научных изменений, которые существенны для прогноза переменных, связанных с демографическими показателями.

«Торжество технологий». Развитие биологии и прикладных биотехнологий приводит к общей практике увеличения продолжительности жизни и массовому активному долголетию в развитых странах. Одновременно происходит революционное развитие технологий, связанных с созданием искусственного интеллекта и манипуляторов, которые делают возможным создание безлюдных технологий в добывающем и обрабатывающем производстве, в сфере услуг. Массовая дешевая рабочая сила практически не нужна. Сокращение численности населения не воспринимается как проблема, проблемой становятся «лишние люди».

Перспективы реализации такого сценария основываются на исследованиях биологов и биохимиков, в частности российского исследователя академика В.П. Скулачева, свидетельствующих не только о существовании биологических механизмов, позволяющих некоторым видам животных жить очень долго и активно, но и возможности биохимического воздействия на организм человека для блокирования биологического механизма старения («старость — это болезнь, ее нужно лечить»).

Фактически Япония была в последние годы экспериментальной площадкой для апробирования названной стратегии развития. Страна практически закрыта для миграции, и проблемы дефицита рабочей силы решает путем успешного развития робототехники. Средняя продолжительность жизни там одна из самых высоких в мире.

Вполне вероятно, что западное общество и Япония усилиями своих ученых приблизятся к названным целям. Открытыми остаются вопросы о готовности долго работать и о степени работоспособности новых долгожителей, их отношениях с иными членами общества. По сути, это станет возрождением слоя аристократии (геронтократии), естественно притязающего на положение господствующего,

² Селигман М.Э.П. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. М., 2006. С. 178.

³ Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия — Россия: стратегия партнерства в XXI веке. М., 2009. С. 333.

а это может вызвать неоднозначные политико-социальные последствия.

Экстраполяцией современного типа развития экономически развитых стран является сценарий «Торжество рантье».

«**Торжество рантье**». Согласно этому сценарию, из западноевропейских стран, США и Японии продолжится уход предприятий обрабатывающей промышленности, но они сохранят свои позиции научно-технического и финансового лидерства в мировой экономике. Это означает понижение угрозы дефицита рабочей силы, и проблема рабочей силы обретает лишь одно значение: привлечение высокообразованных и наиболее одаренных людей из других стран. Остальному миру Запад и Япония предоставляет свой финансовый и интеллектуальный капитал, получая за это доход (ренту). Незападные страны, не обладающие возможностями по развитию высоких технологий, импортируют их и копируют у себя, оплачивая получение этих и финансовых ресурсов у Запада и Японии.

В то же время есть и другая сторона этой модели развития, которая может сформировать описываемый сценарий. Как подчеркивает В.А. Мельянецев: «В развитых странах создан внушительный по численности “креативный класс”, размеры которого можно оценить по такому показателю, как число исследователей на миллион жителей. Если по среднеразвитым странам в 2000–2005 гг. оно не превышало 700–800 человек (в том числе в КНР — 708, Бразилии — 462, Мексике — 321), то в развитых странах было как минимум в пять раз больше (в Германии — 3242, США — 4605, Японии — 5294, Швеции — 5977). Доля квалифицированных работников в числе занятых в среднем по странам ЕС приближается к 3/5, а в США уже превысила 3/4»⁴. Если ныне экономически развитые страны сохранят лидерство в сфере научных исследований и разработок, то перемещение мастерских мира на Восток не лишит их лидерства в силу технологического совершенства и новизны их продукции. По крайней мере, в настоящее время лидерству европейской цивилизации в целом в затратах на научные исследования и разработки никакая другая цивилизация не угрожает (см. рис.1). Только японская следует за ней с большим отставанием. Китайская пока лишь на третьем месте с большим отставанием от лидеров.

Такая стратегия подразумевает максимизацию индивидуального потребления в экономически развитых странах, что возможно при сохранении технологического лидерства и обеспечении дешевого потребительского кредита. Представляется, что это могут обеспечить принципиально новые товары, например автомобиль с электрическим или водородным двигателем, новые электронные технологии и т.д.

⁴ Мельянецев В.А. «Сдают ли развитые страны развивающимся свои позиции?» // Мировая экономика и международные отношения, 2009, № 12. С. 3.

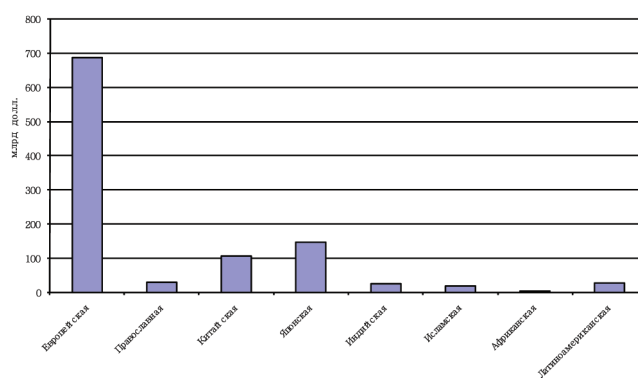

Рис. 1. Распределение затрат на научные исследования и разработки по цивилизациям, млрд. долл. По паритету покупательной способности

Нужно заметить, что не только биржевые спекулянты грезят о том, чтобы этот сценарий реализовался. Все «экономические чудеса» от послевоенного японского до роста Китая в последние годы шли по пути максимизации экспорта в страны «золотого миллиарда», пенсионные фонды, дешевый потребительский кредит — все это части этой модели развития.

Однако разразившийся в конце 2008 г. мировой финансовый кризис поставил под сомнение устойчивость этой модели «интеллектуальной ренты» в долгосрочной перспективе. Кризис показал эфемерность экономического лидерства, основанного на манипулировании финансовыми инструментами, а также поколебал уверенность в потребительском рынке как основе национального хозяйства.

Для **Японии** перечисленные выше сценарии совпадают со сценариями, характерными для европейской цивилизации, но ниже перечислены те сценарии, которые выделены специально для японских условий:

«**Закисание**». Этот вариант возможен, исходя из очевидных демографических изменений: старение населения и ослабление творческого потенциала, лишенного подпитки мигрантами. Сохраняется высокий уровень развития экономики и технологий, высокие уровень и качество жизни, но все это происходит уже по инерции, страна и общество живут старыми достижениями.

Промышленный потенциал слабеет. Предприятия и финансовые учреждения перемещаются в другие страны. Главным принципом становится поддержание существующей ситуации.

«**Реставрация Мейдзи-2**». Открытие страны для иммиграции, что обеспечит поддержание лидерства на новой основе. Такое открытие может означать большие связи с Китаем. Региональное сотрудничество при близкой культуре может стать предпосылкой для роли второго плана в альянсе с Китаем.

«**Младший партнер Китая**». Вариант «Реставрации Мейдзи-2» или «Закисания», при котором Япония встраивается в первом случае в качестве более сильного и активного, во втором — более слабого партнера успешно развивающегося Китая.

Схема сценариев и возможные переходы между ними представлены на рис. 2.

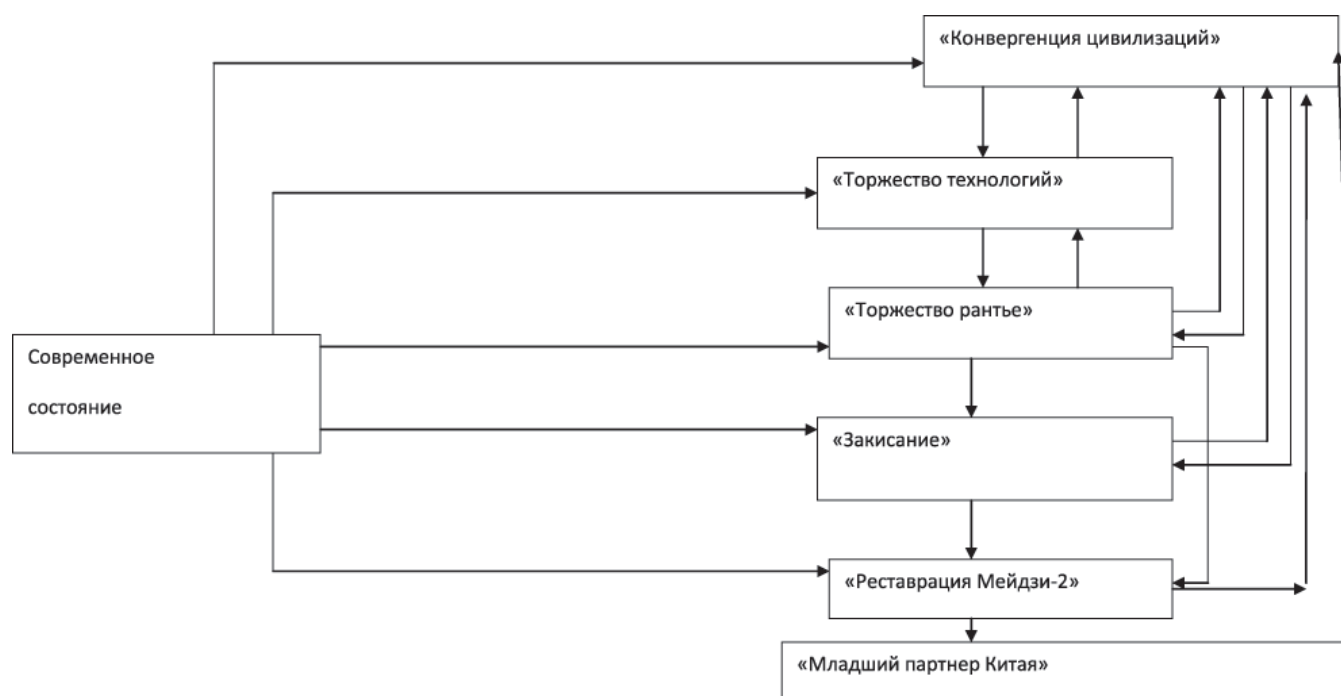

Рис. 2. Схема возможных переходов между сценариями развития Японии.

Китай:

«Экологическая катастрофа». Специалисты, анализирующие ситуацию в Китае, указывают именно на эту опасность, как наиболее серьезную для будущего развития этой страны. Основные факторы, определяющие эту опасность, — очень большая численность населения, особенно сельского, даже после трех десятилетий успешной демографической политики, и ресурсоемкий характер экономического роста. Экономические потери Китая от нарушения экологического равновесия и загрязнения окружающей среды оценивают от 10 до 20% ВВП, причем около 2/3 потерь от нарушения экологического равновесия и 1/3 от загрязнения окружающей среды⁵. Таким образом, можно считать, что 2/3 потерь связаны с чрезмерной нагрузкой на среду в сельской местности из-за перенаселения, а остальные связаны с современным промышленным производством. В целом же загрязнение воздуха и водных ресурсов определяют остроту экологической проблемы.

Наиболее чревата кризисом ситуация с разрушением природной среды в перенаселенной сельской местности, поскольку экологический кризис в этом случае перерастает в социальный. Что касается загрязнения вод и воздуха, то аналогичная ситуация возникла в Японии, Германии и США на стадиях интенсивного промышленного роста. Для решения этих проблем имеются технологические решения, но они требуют больших экономических затрат и проведения государственной политики по внедрению экологически безопасных технологий.

⁵ Ушаков И.В. Экологический лабиринт. Социально-экономические аспекты природопользования в Китае. М., 2008. С. 37.

«Быстрое старение населения и угасание по японскому варианту». Одним из важных факторов успеха китайских реформ и быстрого экономического роста в результате их проведения стала демографическая политика, направленная на сокращение рождаемости в стране. Ее несомненный успех имеет оборотную сторону — старение населения, то есть рост доли пожилых в населении страны. По имеющимся прогнозам, к 2050 г. около 30% населения Китая будет старше 60 лет⁶. В настоящее время в Японии — стране с наиболее старой структурой населения, сталкивающейся с большими проблемами пенсионного обеспечения граждан и необходимостью переносить промышленное производство в другие страны из-за дефицита молодой рабочей силы, доля лиц старше 60 лет составляет 23%. К 2050 г. этот показатель в США достигнет 27%, то есть население Китая будет более старым, чем население США.

Очевидно, что Китай может потерять свое конкурентное преимущество как страна, обладающая достаточно квалифицированной, но дешевой рабочей силой. Удержать позиции «мастерской мира» при стареющем населении, которое будет нуждаться в социальном обеспечении, что будет отрывать средства от экономического развития, будет затруднительно. Китай станет похожим на современную Японию по своим достижениям и проблемам, но с гораздо более низким уровнем ВВП на душу населения.

«Борьба за лидерство в мире». Как подчеркивают авторы доклада Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир»: «Китай имеет предпосылки в ближайшие двадцать лет оказывать на мир большее влияние, чем какая-либо другая страна. Если нынешние тенденции не изменятся, к 2025 г. эконо-

⁶ World Population Ageing 1950–2050. UN, NY, 2002.

мика Китая станет второй по величине в мире, а сам он — ведущей военной силой»⁷. По различного рода оценкам, Китай может стать первой по масштабам экономикой мира еще в первой половине XXI в. Важно отметить то, что экономика Китая будет лидировать не только по объемам, хотя и здесь ее отрыв от других впечатляет уже сейчас. Например, КНР находится на первом месте в мире по производству стали с гигантским отрывом от других государств: 568 млн. т в 2009 г., Япония — 88 млн. т, США — 58 млн. т, Россия — 60 млн. т⁸. Аналогичная ситуация в энергетике, других отраслях металлургии, машиностроении. С 2004 г. Китай является крупнейшим в мире экспортером продукции цифровых технологий, опережая и Японию, и ЕС, и США⁹. По абсолютному числу пользователей Интернета КНР находится на первом месте в мире (свыше 250 млн. чел.)¹⁰.

КНР планирует долгосрочную стратегию развития. В ее разработке участвует Академия общественных наук, Академия наук, исследовательские центры Госсовета, Комитета по планированию развития Китая. При сопоставлении прогнозных оценок, сделанных ранее, и реальных результатов экономического развития оказывается, что прогнозные оценки были вполне реалистичны и весьма близки к тому, что осуществилось¹¹.

Безусловно, КНР предстоит преодолеть немало препятствий на пути к экономическому лидерству, включая технологические, социальные, экономические, экологические проблемы внутри страны, а также сложности утверждения в качестве крупнейшей мировой державы в системе международных экономических отношений. Тем не менее, есть свидетельства тому, что США уже готовы принять Китай в этой его новой роли. Экспертные и политические круги США обсуждают концепцию «G-2» (механизм неформальных договоренностей между США и КНР)¹², которая должна, по сути дела, заменить «G-7» и «G-8» (США, Канада, ФРГ, Великобритания, Франция, Италия, Япония и Россия).

Взаимосвязи между сценариями представлены на рис. 3.

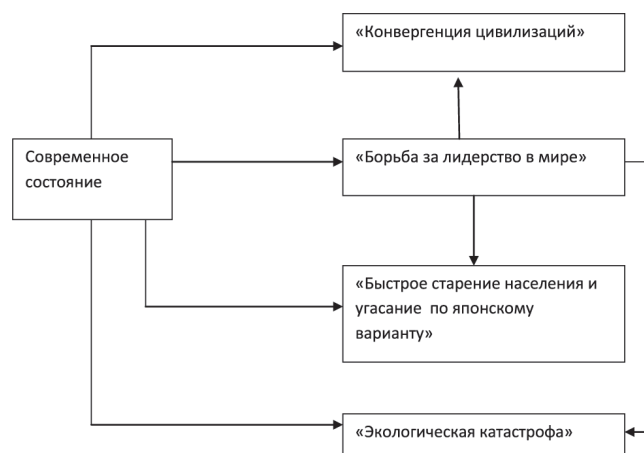

Рис. 3. Возможные сценарии развития Китая.

Индия:

«Эколого-демографическая катастрофа». Большое население, особенно в сельской местности, и ограниченные экономические ресурсы, недостаточные для реализации широкомасштабных программ модернизации экономики в целом и сельского хозяйства в частности, создают условия для экологического кризиса большого масштаба, поскольку уже многие десятилетия в Индии нарастает аграрное перенаселение, которое ведет к разрушению природной среды в деревне. По словам В.Г. Растяникова, «Современная Индия переживает острейший кризис, несмотря на головокружительные успехи экономического роста за последние десятилетия. Червоточина этого кризиса под названием “давление населения на землю” (“pressure of population on land”) весьма болезненно ощущалась крестьянами Индии еще в 30-е годы XX века, к началу XXI века она разрослась в огромную раковую опухоль. Этот кризис имеет перманентный характер. Его причина — не конъюнктурно-рыночного происхождения, не некий особый феномен спада экономического цикла, это кризис самих фундаментальных основ земледельческого производства, исторически главной сферы экономической деятельности народов Индии. Первопричина этого кризиса — чрезмерно интенсивный, не сообразующийся с массой имеющихся природных ресурсов рост населения»¹³. Состояние современного сельского хозяйства Индии характеризует тот факт, что производство продовольственного зерна на душу населения в начале XXI в. ниже, чем в конце XIX в.¹⁴

Как пишет А.М. Горячева: «Уже сейчас страна отягчена таким количеством “избыточного”, бедного, неграмотного и больного населения (“биомассой”, по выражению одного индийского социолога), что ее никак не удастся включить в современный экономический процесс (inclusive growth). Руководс-

⁷ Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. М. С 13.

⁸ Данные WorldSteel Association, сайт worldsteel.org В 2009 г. выпуск в КНР рос, а в других странах в условиях кризиса значительно уменьшился.

⁹ Промышленная политика Китая: очередное достижение // «Экономист», № 1, 2006. С. 50.

¹⁰ Jens Damm. Chinascape moving beyond the People’s Republic // The Newsletter IAS No 50, spring 2009. С. 28.

¹¹ См.: Наумов И.Н. Стратегия экономического развития КНР в 1996–2020 гг. и проблемы ее реализации. М., 2001. С. 70, табл. 14.

¹² Bergsten C. F., Freeman C., Lardy N.R., Mitchell J.D. China’s Rise. Washington D.C., 2008. С. 25–27.

¹³ Растяников В.Г. Аграрная Индия: парадоксы экономического роста. Вторая половина XX в. — начало XXI в. М., 2010. С. 9.

¹⁴ Там же. С. 95.

тво страны отдает себе отчет в том, что даже темпы экономического роста в 8–10% в год не могут решить проблему кардинально»¹⁵.

Таким образом, вероятность кризисного сценария развития в Индии велика.

«Успешное догоняющее развитие и борьба за лидерство в мире».

Создатели аббревиатуры БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), обозначающей страны с большим потенциалом развития в XXI веке, из международной консалтинговой фирмы Goldman Sachs считают, что при успешном развитии к 2050 г. экономика Индии по своим масштабам может превысить экономику США. Для этого, по мнению экспертов из Goldman Sachs, Индии нужно решить десять основных задач, что позволит значительно ускорить темпы социально-экономического развития и к 2050 г. добиться высокого статуса в мировом сообществе. Эти задачи сформулированы следующим образом¹⁶:

1. *Улучшение государственного управления.* Без этого сложно рассчитывать на улучшение системы образования, создание инфраструктуры, повышение продуктивности сельского хозяйства и устойчивое экономическое развитие.

2. *Развитие системы общего образования.* Задача состоит в том, чтобы сделать начальное и среднее образование всеобщим, поскольку в настоящее время лишь часть детей ходит в школу. Всеобщее образование может стать мощным рычагом для раскрытия потенциала нации.

3. *Увеличение числа и повышение качества работы университетов.* Как считают специалисты Goldman Sachs, на противоположной части спектра системы образования Индия также нуждается в улучшениях для раскрытия потенциала ее растущего населения.

4. *Контроль инфляции.* Несмотря на то, что Индия не находится среди стран с очень высокой инфляцией, рост цен в последние годы заметно ускорился. Установление контрольных максимальных значений допустимых темпов инфляции должно обеспечить стабильность цен для гигантского населения страны.

5. *Проведение заслуживающей доверия денежной политики.* Без понятной обществу и деловым кругам предсказуемой денежной политики трудно бороться с инфляцией. Среднесрочные планы, включающие оценку государственных расходов, могут стать полезным инструментом.

6. *Либерализация финансового рынка.* Дальнейшая либерализация финансового рынка Индии может способствовать устойчивому экономическому росту.

7. *Увеличение торговли с соседними странами.* В настоящее время Индия является менее открытой с точки зрения внешней торговли страной, чем другие крупные развивающиеся страны и переходные экономики, особенно по сравнению с Китаем. Рекомендуемыми партнерами для расширения торговли являются крупные соседние страны: Китай, Пакистан, Бангладеш.

8. *Увеличение продуктивности сельского хозяйства.* Сельское хозяйство в условиях роста мировых цен может стать дополнительной возможностью Индии для роста. Необходимо разработать планы повышения продуктивности сельского хозяйства, которые могут быть направлены на удовлетворение глобальных потребностей в продовольствии.

9. *Улучшение инфраструктуры.* Современное качество инфраструктуры в Индии невысоко. Улучшения происходят, но они отстают от роста потребностей. Без развития инфраструктуры экономическое развитие будет иметь ограниченные возможности.

10. *Улучшение качества окружающей среды.* В области улучшения качества окружающей среды необходимо бороться за повышение энергоэффективности и большую экологичность энергетики. Второй задачей в этой области является улучшение водоснабжения и экологическая охрана пресных вод. Это необходимые условия для устойчивого роста.

Представляется, что решение этих задач вполне вероятно, так что Индия сможет реализовать свой потенциал догоняющего развития.

Рост роли Индии в мире в ближайшие десятилетия уже не вызывает сомнений, эта перспектива широко обсуждается: «В следующие 15–20 лет индийские лидеры будут бороться за многополярную международную систему, в которой Нью-Дели стал бы одним из таких полюсов, а также политическим и культурным мостом между поднимающимся Китаем и Соединенными Штатами. Все более уверенное поведение Индии на международной арене, питаемое главным образом экономическим ростом и успешным демократическим развитием, подталкивает страну к партнерству со многими государствами. Однако это партнерство нацелено на максимизацию самостоятельности Индии, а не на союз с какой-либо страной или коалициями стран»¹⁷ (см. рис. 4).

В группе исламских государств мы выделили наиболее крупные части, для которых намечены сценарии развития:

— *арабские страны-нефтеэкспортеры:*

«Энергетика навсегда». Согласно этому сценарию арабские страны-нефтеэкспортеры после выработки месторождений нефти и газа развивают солнечную энергетику. Обилие дешевой энергии позволяет сохраниться тем отраслям тяжелой промышленности, которые работают на местном или привозном сырье и дешевой энергии (черная и цвет-

¹⁵ Горячева А.М. Какое будущее ожидает азиатского гиганта № 2? // Восток (Oriens), 20. С. 109.

¹⁶ J. O'Neill and T. Poddar. Ten Things for India to Achieve its 2050 Potential // Goldman Sachs Economic Research. Global Economic Paper, No 169, June 16, 2008.

¹⁷ Мир после кризиса. Глобальные тенденции–2025: меняющийся мир. Доклад национального разведывательного совета США. М., 2009. С. 74.

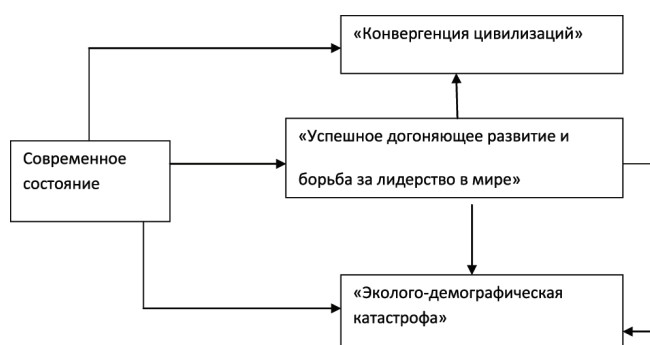

Рис. 4. Возможные сценарии развития Индии.

ная металлургия, химическая промышленность). Возможным представляется и ускоренное создание национальной атомной энергетики, что позволяет нынешний объем доходов от экспорта нефти. Такого рода планы обсуждались в Саудовской Аравии и ОАЭ.

Предложенный вариант развития (при активном использовании зарубежных инвестиций и существенном росте ненефтяных отраслей национального хозяйства) позволит сохранить основы существующей социальной политики, хотя неизбежным видится понижение уровня социального обеспечения со стороны государства.

«Возвращение в пустыню» — альтернативный вариант развития после истощения нефтяных и газовых месторождений. Недостаточная эффективность солнечной энергетики и потенциальная опасность атомных станций резко сокращают возможности для развития национального хозяйства. Из-за существенного падения доходов государства, а также трудностей в создании конкурентоспособных отраслей ненефтяной промышленности в формировании привлекательных финансовых рынков и рекреационных зон в районах Персидского залива и Красного моря происходит процесс упрощения структуры экономики, самым опасным в котором представляется острый кризис водных ресурсов и продовольственного обеспечения. Из этих стран уходят большие массы иностранных работников. В социально-политической жизни вероятна натурализация хозяйственного уклада в соответствии с канонами исламского и племенного жизнеустройства. В системе мирового хозяйства регион превращается в малозначимую окраину.

— *арабские страны, не являющиеся крупными нефтеэкспортерами:*

«Средиземноморская интеграция» основана на тенденции развития экономической интеграции арабских стран Средиземноморья и стран ЕС в систему тесного экономического сотрудничества и взаимодействия. Развитие солнечной энергетики в больших масштабах и транспортировка электроэнергии по подводным кабелям по дну Средиземного моря превращает страны Северной Африки в крупных экспортеров энергоресурсов на новой, не нефтегазовой основе. Поток иммигрантов в страны Европы из Северной Африки уменьшается, поскольку

ку инвестиции развитых стран в этот регион создают там новые рабочие места. Повышается экономическая и социальная стабильность стран Северной Африки и Ближнего Востока.

«Арабская улица». В условиях неизбежного сокращения природных ресурсов и возрастающих противоречий между уровнем экономического и политического развития во всех арабских странах возникает социально-политический конфликт. Его движущей силой становится молодежь, уже сейчас численно преобладающая в арабском обществе. Безработица, социальная несправедливость наряду с завышенными социальными ожиданиями приводят к маргинализации значительных масс населения. Их возможная структуризация и институционализация под национальными и (или) религиозными лозунгами приводят к политической нестабильности и препятствуют достижению цели устойчивого экономического развития.

Такой сценарий проявился в реальности зимой—весной 2011 г. Его перспективы не катастрофичны, но опять-таки в среднесрочном плане приводят к замедлению экономического роста и развития, к социально-экономической стагнации и «откату назад» в политической жизни.

— *Турция, Малайзия, Иран, Индонезия:*

«Исламские тигры» — предусматривает относительно стабильное социально-экономическое развитие этих стран. Существующие тенденции развития с учетом немалого природного и человеческого потенциала позволяют предположить дальнейшее укрупнение роли и влияния названных стран в мировом хозяйстве и мировой политике.

При условии возрастания объема и уровня сотрудничества Турции и Ирана кумулятивный эффект такого партнерства превращает эти страны в мощных игроков, способных к экономической экспансии в регионы Ближнего и Среднего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии.

— *Пакистан, Афганистан, Бангладеш:*

«Прозябание» — таков весьма вероятный сценарий развития ситуации в Пакистане, Афганистане и Бангладеш. При всех существенных различиях этих стран по географическим и социально-экономическим показателям их объединяет один признак: нарастающий кризис национального масштаба, аккумулирующий демографические и социальные трудности, экономические затруднения и политические конфликты.

Политическая нестабильность также препятствует экономическому росту. Возможность стихийных (наводнение, землетрясение) или рукотворных катастроф (атомный потенциал Пакистана) весьма велика.

В таких условиях иной характер приобретает заинтересованность внешних сил в экономическом сотрудничестве. Наиболее вероятная цель внешнего фактора — получение необходимых природных ресурсов и локализация разрушительных процессов внутреннего развития.

Сценарии взаимодействия цивилизаций.

Описанные выше сценарии могут быть объединены в непротиворечивые комбинации, которые опишут многообразие вариантов развития, покажут сложность анализируемой мировой модели, но тогда пространство состояний будет слишком велико для восприятия и первоначального анализа. По этой причине рациональнее выделить принципиально возможные варианты взаимодействия мировых цивилизаций (групп стран), элементами которых являются описанные выше сценарии:

1. «Конвергенция цивилизаций».
2. «Запад сохраняет лидерство».
3. «Лидерство переходит на Восток и Юг».
4. «Борьба за ресурсы».

Эти четыре варианта могут развиваться в различающихся формах, но они охватывают наиболее важные стороны будущего, которое необходимо исследовать. Второй и третий сценарии, по сути дела, отражают две возможности инерционного развития мировой экономики с разным исходом. Они не предполагают принципиальных изменений во взаимоотношениях цивилизаций, не требуют каких-то особых мер надгосударственного управления для своей реализации¹⁸.

Первый сценарий — «Конвергенция цивилизаций» — требует специальных осознанных усилий для своей реализации, управления глобальной системой для достижения желательного варианта развития. Четвертый — наоборот, представляет собой

¹⁸ Различные оценки конвергенции цивилизаций и смены лидерства в мировой системе обобщает В.Я. Белокреницкий: «Возвращаясь к сближению Востока и Запада, нужно отметить, что существуют две точки зрения на вопрос, как такая конвергенция способна повлиять на перспективы глобальной экономики и мировой эволюции. Одну из них надо считать оптимистической, состоящей в том, что сложившиеся на протяжении веков и тысячелетий традиции Востока внесут свой вклад в создание механизма самоподдерживающегося роста, позволят преодолеть “западные” пороки бесконтрольной погони за прибылью, смогут гармонизировать технико-технологический прогресс, снизить напряжение в обществе и его атомарность, уменьшить социальную несправедливость. При этом Китай и Индия в этих проекциях возвращают себе утраченное после XVII в. лидерство в производстве мирового продукта. Кроме того, подъем Восточной и Южной Азии уравнивает распределение “мягкой мощи”, культурно-демонстрационного эффекта, а исламский мир становится средоточием умеренно мессианских представлений, амортизатором разрушительных социальных трений и конфликтов, крупнейшим хранителем духовных ценностей, наряду с христианством и другими религиями. Вторая позиция — пессимистическая. Для ее сторонников Восток остается косной, неспособной к саморазвитию общественной силой. Преобладание традиционного восточного элемента в общемировой культуре и во всей международной системе способно, по их мнению, заглушить потенциал роста и развития как экономического, так и политического плана. Свойственное Востоку стремление к уравнительности, преобладанию общего над частным, бюрократии над средним классом (буржуазией), заведет в тупик весь процесс поступательного развития человечества». (См.: Белокреницкий В.Я. Восток в мирополитических процессах — Азия и Африка в истории международных отношений и современной мировой политике. М., 2010. С. 306–307).

нежелательный вариант, который может быть предотвращен также специальными мерами, осуществляемыми на межгосударственном уровне. Здесь также необходимо управление глобальной системой, но не для достижения желательного, а предотвращения нежелательного развития событий.

Таким образом, первый и четвертый варианты требуют мер по реформированию международных и межцивилизационных отношений, их модернизации. Анализ успешных реформ¹⁹, проведенных в разные исторические эпохи в разных странах, показывает, что ни одна реформа не проводилась заранее, каждой из них предшествовало предкризисное состояние, а угроза кризиса заставила элиту проводить реформы. Таким образом, возникает вопрос, какого рода угроза должна сформироваться для коренной перестройки международных отношений. Второй вывод из опыта реформ состоит в том, что любая сколь-нибудь значимая реформа занимает длительное время, многие годы, а то и десятилетия. Если кризис на уровне страны грозил в худшем случае развалом государства и потерей национальной независимости, то каковы же могут быть последствия для глобализовавшейся мировой системы в случае неудачи ее реформирования? Третья проблема, вытекающая из анализа опыта реформ, состоит в том, что все реформы осуществляются успешно, когда есть эффективный лидер, ведущий элиту и с ней всю страну за собой по пути реформ. Кто может стать таким лидером при проведении реформ на глобальном уровне?

«Конвергенция цивилизаций». Задача состоит в том, чтобы определить пути достижения этого состояния. Это необходимо потому, что неочевидно, что такая система сложится сама по себе.

Транснациональные корпорации, являющиеся мотором глобализации, могут обеспечить экономическое сближение стран, выравнивая как сферу производства, так и сферу потребления. Однако их возможности стереть цивилизационные различия невелики, как показывают примеры стран Персидского залива, имеющих за счет экспорта нефти возможность импортировать все современные товары, и стран Восточной Азии, где развитие современного производства не привело к вестернизации общества.

При конвергенции цивилизаций в результате интенсивного экономического, социального, политического и культурного взаимообщения различных народов в рамках мировой системы, более того — совместной взаимовыгодной деятельности различных государств и частных компаний (прежде всего ТНК) в разных сферах, происходит не только выравнивание уровней экономического развития и потребления.

Народы, принадлежащие к различным цивилизациям, сближаются по своим социокультурным проявлениям настолько, что исчезает антагонизм у

¹⁹ См.: Акимов А.В., Яковлев А.И. Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. Глава 4. М., 2012.

носителей различных религиозно-культурных традиций и систем ценностей. Общие для всех современных людей процессы индустриализации, урбанизации, массового потребления, стандартизации, компьютеризации и глобализации (свободное перемещение людей, информации и капиталов по всему миру) приводят к процессу унификации систем ценностей, религий и культур. В этом случае, при условии признания равноправия всех сторон, участвующих в мировой жизни, возможно избежать открытого конфликта в рамках мировой системы.

«Запад сохраняет лидерство» — это сохранение современного положения вещей на весь XXI век. Такой вариант развития немалым количеством экспертов даже не ставится под сомнение. Тем не менее, понятно, что продолжение современных тенденций развития на весь XXI век возможно только в случае преодоления Западом (ЕС, США и Японией) нынешних проблем в своем экономическом развитии и разрешения кризисных ситуаций с ресурсами, экологией и демографией. Иное ограничение — намерения новых претендентов на роль мирового лидера, позволят ли они сохранить Западу его роль лидера?

«Лидерство переходит к Востоку и Югу». По такому сценарию ведущими процесс мирового развития становятся Китай и (или) Индия, которые в силу сочетания определенных обстоятельств и благодаря умелой политике своих властей сумели перехватить лидерство у Запада, а также обеспечить устойчивое развитие своих стран.

Относительное ослабление Запада, естественно, не означает абсолютного умаления его роли и значения в экономической, военно-политической и культурной жизни мира. Западу придется привыкать к роли партнера в отношениях с незападным сообществом в мировой системе и в национальных границах своих стран.

«Борьба за ресурсы». В рамках мировой системы при главенствующей ныне модели развития «пот-

ребительской экономики» странам, региональным группам и ТНК не удастся сохранить баланс между растущими потребностями людей и убывающими, невозобновляемыми и ограниченными возобновляемыми природными ресурсами. Такой ход развития становится возможным при сохранении геополитического соперничества старого (Запад) и нового (Восток) лидеров мирового развития, ведущего к нарастанию эскалации их противостояния, а также массового взрыва протеста в странах с высокой долей «абсолютно бедного» населения.

Сохранение различий интересов и целей развития различных стран может привести к длительному, затяжному процессу хаоса мировой системы. Выход из этого процесса может обеспечить либо появление абсолютного лидера, насильственными методами создающего основы нового миропорядка, либо согласованная ведущими странами смена целей развития, исходя из систем ценностей своих цивилизаций и объективных условий мирового хозяйства.

Нужно определить, при каких условиях такое развитие событий становится возможным, где локализуется эта борьба или же она примет глобальный характер.

Перечисленные выше четыре варианта развития обобщают пути развития междивизиационного взаимодействия в целом в глобальных условиях. Что касается сценариев по отдельным цивилизациям, то они являются проявлением этих четырех трендов, их конкретизацией.

Представленные выше сценарии являются основой для дальнейшей работы, которая включает их проверку и модификацию, построение системы экспертного мониторинга, которая могла бы, объединяя усилия специалистов-страновиков, давать целостную картину развития на средне- и долгосрочную перспективу.

В. А. Мельянцеv

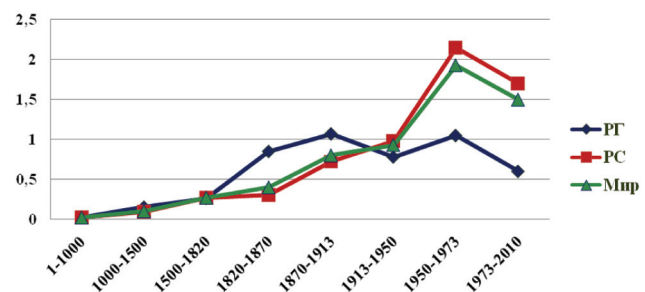
Оценка долгосрочных траекторий роста мировой экономики

Методологически весьма полезной представляется мысль Дж. М. Кейнса о том, что «экономист высшей пробы должен изучать настоящее в свете прошлого во имя будущего»¹. Для выявления устойчивых закономерностей целесообразно объединить мирсистемный подход И. Валлерстайна с броделевским принципом исследования длительных временных протяженностей (“longues durées”). Накопленный к настоящему времени массив статистических данных, собранных благодаря усилиям С. Кузнеца, А. Мэддисона, П. Бэрока, других ученых и международных аналитических центров, позволяя, используя сравнительно несложные статистико-экономические процедуры, уточнить картину глобального роста, о траекториях и перспективах которого сейчас ведется немало споров².

1. Оценивая долговременные тенденции мирового развития, можно обнаружить, что в результате трансформаций, инициированных промышленной и в последние десятилетия информационной революцией, возникновения *современного экономического роста*³, произошло — отчасти вопреки, а быть может, согласно Э. Бозерапу⁴, в немалой мере благодаря существенному ускорению динамики численности населения⁵ (см. граф. 1) — феноменальное по своим

масштабам повышение темпов прироста мирового ВВП в расчете на душу населения (граф. 2) и индекса человеческого развития (ИЧР, граф. 3).

График 1
Среднегодовые темпы прироста численности населения в развитых государствах (РГ), развивающихся странах (РС) и в целом по миру, %

Рассчитано по: Maddison A. *Contours of the World Economy, 1 — 2030 AD*. New York, 2007, с. 376; The World Bank. *World Development Indicators*, 2012. Washington, D.C., 2012, с. 42–44.

ИЧР, который за первые восемьсот лет прошлого тысячелетия в целом по миру вырос не более чем на 1/10, в последующие сто пятьдесят лет увеличился более чем втрое, а затем всего за шесть послевоенных десятилетий повысился как минимум в 2.5 раза. Заметим, что будущие развитые страны, которые по рассматриваемому показателю к началу второго тысячелетия отставали в целом от стран Востока и Юга почти вдвое, сумели, прежде всего вследствие существенного прогресса в своих институциональных и технологических структурах⁶, обогнать последних так же, примерно вдвое, к началу промышленного переворота. Максимальным (четырёхкратным — по ИЧР) этот разрыв оказался в 1913 и 1950 гг.⁷, а затем в результате разнотемповости процессов экономического роста и социо-культурного развития в целом по развитым государствам (РГ) и развиваю-

¹ Цит. по: Кузакова О.А., Бобко Е.И. *История мировой экономики*. СПб, 2011. С. 8.

² См.: Россия и мир в 2020 г. М., 2005; Колодко Гж. *Мир в движении*. М., 2009; Прогноз и моделирование кризисов в мировой динамике. Отв. ред. А.А. Акаев, А.В. Кортаев, Г. Малинецкий. М., 2009; Фридман Дж. *Следующие сто лет*. М., 2010; Стратегический глобальный прогноз 2030. Под ред. акад. А.А. Дынкина. М., 2011; Россия в полицентричном мире. Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М., 2011; Мир после кризиса. *Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир*. М., 2011; Акимов А.В., Яковлев А.И. *Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития*. М., 2012; Мир в 2050 г. Под ред. Д. Франклина и Дж. Эндрюса. М., 2013.

³ См.: Kuznets S. *Modern Economic Growth*. New Haven, 1966.

⁴ См.: Boserup E. *Population and Technology*. Oxford, 1981, а также: Ashraf Q., Galor O. *Dynamics and Stagnation in the Malthusian Epoch* // *The American Economic Review*, 2011, vol. 101, n 5.

⁵ Влияние роста численности населения на экономическое развитие носит амбивалентный характер (см.: Садовничий В.А., Акаев А.А., Кортаев А.В., Малков С.Ю. *Моделирование и прогнозирование мировой динамики*. М., 2012). Широко известны отрицательные так называемые мальтузианские шоки. Но серьезные «вызовы» (по А.Дж. Тойнби) нередко подталкивали человечество к технологическим и институциональным инновациям (Дж. Шумпетер). Возросшая численность и плотность населения при определенных обстоятельствах могут способствовать развитию позитивных экстерналий — через расширение рынков, повышение интенсивности коммуникаций, усиление действия законов конкуренции, ускорение темпов генерации и диффузии идей. Эмпирически на материалах мировой статистики несложно установить, что, при прочих равных условиях, когда среднегодовые темпы прироста численности населения существенно выше (или существенно

ниже) 1%, наблюдается в тенденции замедление подушевого экономического роста.

⁶ Проблемы институциональной и технологической зрелости стран Западной и Восточной доиндустриальной эпохи обсуждаются в работах Л.Б. Алаева, Л.С. Васильева, Л.Е. Гринина, Н.А. Иванова, А.В. Кортаева, В.А. Красильщикова, Э.С. Кульпина, М.С. Мейера, О.Е. Непомнина, С.А. Нефедова, А.М. Петрова, Л.И. Рейснера, А.Л. Рябинина, Н.А. Симонии, П.Ю. Уварова, Л.А. Фридмана, А.И. Фурсова, К. Широкова, а также П. Бэрока, И. Валлерстайна, Дж. Голдстоуна, Э. Джоунса, Й.Л. Ван Зандена, Кларка, Д. Ландеса, У. Макнейла, А. Мэддисона, Дж. Мокира, Я. Морриса, К. Перссона, К. Померанца, Э. Рейнберта, Н. Фергюсона, А.Г. Франка и др.

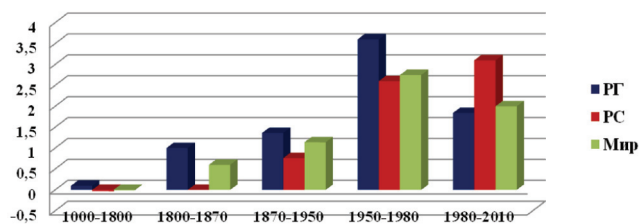
⁷ См.: Мельянцеv В.А. *Восток и Запад во втором тысячелетии*. С. 145.

щимся странам (РС)⁸ он сократился до трехкратного в 1980 г. и примерно 2.5-кратного в 2010 г.

2. Уильям Петти считал, что в основе экономики, как науки, — дефицит, дисбаланс, диспропорции, которые надлежит исправить. Поэтому, ничуть не умаляя успехов, достигнутых человечеством за прошлые столетия, обратим особое внимание на существенные сбои в глобальном росте последних десятилетий, которые усугубились кризисными явлениями, охватившими в конце 2000-х — начале 2010-х гг. РГ, переходные экономики и ряд РС. Хотя в мире продолжается НТР, наступила эра информационных (плюс био- и нано-) технологий, а также произошло значительное (почти на две пятых) уменьшение среднегодовых темпов прироста численности населения (с 1.9–2.0% в 1960-е до 1.2% в 2000-е гг.), среднегодовые (учтенные) темпы прироста глобального ВВП в расчете на душу населения не выросли, а сократились более чем на четверть — с 2.7–2.8% в 1950–1980 гг. до 1.9–2.1% в 1980–2010/2012 гг. (см. граф. 2).

График 2

Среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП в развитых государствах (РГ), развивающихся странах (РС) и в целом по миру, %

Расчитано на основе данных в ППС 2010 г. по: The World Bank. World Development Indicators, 2012, с. 42–44, 214–216; The IMF. World Economic Outlook, September 2011, с. 167; October 2012, р. 190; Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris, 2003, с. 174, 232–233; Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996. С. 61, 145.

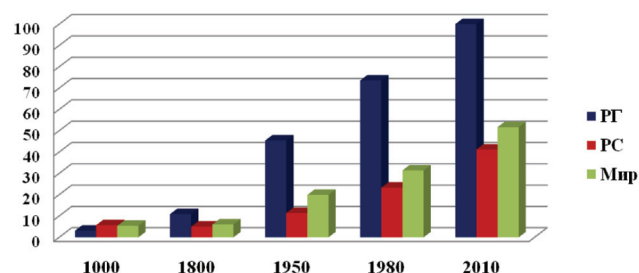
То, что темпы прироста мирового ВВП в расчете на душу населения не снизились еще больше, связано с тем, что резкое падение этого показателя в РГ (с 3.6% в год в 1950–1980 гг. до 2.5% в 1980-е гг., 1.8% в 1990-е гг. и 1.2% в 2000-е гг.) было в известной мере компенсировано его увеличением в РС (с 2.6% в 1950–1980 гг. до 3.1% в 1980–2010 гг.). В результате, как бы это ни звучало диссонансом в

⁸ Для решения основной задачи, поставленной в работе, в ней допущен ряд упрощений. В частности, в группу РС включены и переходные экономики. Некоторые из них, хотя и отличаются в лучшую сторону по уровню развития от многих РС, в разы отстают по этому же критерию от РГ. В 2010 г. подушевой ВНП (в ППС) в РФ не превышал двух пятых от уровня США, в Казахстане — трети от Японии, в Украине — одной пятой от Германии. На страны СНГ приходится менее 8–9% совокупного ВВП развивающихся и переходных экономик (расчитано по: The World Bank. World Development Indicators, 2012, с. 20–22; The IMF. World Economic Outlook, October 2012, с. 179).

контексте продолжающихся дискуссий о мировом кризисе, среднегодовые темпы прироста глобального ВВП в расчете на душу населения выросли с 1.5–1.6% в 1980-е гг. до 1.6–1.8% в 1990-е гг. и 2.8–3.0% в 2000-е гг. При этом доля РС в приросте глобального ВВП увеличилась с немногим более одной четверти в 1800–1950 гг. до двух пятых в 1950–1980-е гг., выше трех пятых в 1990-е гг. и почти трех четвертей в 2000-е гг.⁹ (см. граф. 4). Основываясь на оценках МВФ, можно предположить, что этот показатель составит в 2011–2012 гг. 79–81% и будет на уровне 74–76% в период между 2013 и 2017 гг.

График 3

Динамика индекса человеческого развития в развитых государствах (РГ), развивающихся странах (РС) и в целом по миру (РГ в 2010 г. = 100)

Примечание. Индекс человеческого развития (ИЧР) рассчитан как среднегеометрическое относительных показателей подушевого ВВП (в ППС 2010 г.), средней продолжительности предстоящей жизни от рождения, уровня образования взрослого населения (за 1000–1800 гг. оценено по грамотности, за 1800–2010 гг. — по среднему числу лет обучения). ИЧР по группам стран и в целом по миру взвешен по численности населения.

Расчитано по: Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии. С. 61, 145; Он же. Как это произошло. Возникновение интенсивного способа производства в ныне развитых, развивающихся странах и России // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение, 2004, № 3. С. 36–37; Он же. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (Сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.). М., 2009. С. 206; The World Bank. World Development Indicators, 2012, с. 22, 86–88, 130, 214–216.

3. Глобализация, начавшаяся, по сути, с эпохи Великих географических открытий, прошла, как известно, несколько фаз, обусловив в результате масштабное межстрановое перемещение людей, рабочей силы, еще больше — капиталов, технологий, идей, а также товаров и услуг. Она, без преувеличения, оказала огромное, хотя и неоднозначное воздействие на мировое развитие. Но все же завышать ее масштаб не стоит. Только 2% студентов учатся в зарубежных вузах, 3% людей живут не в тех странах, где родились, 7% риза торгуется на внешних рынках, менее 1% американских компаний экспортируют свою продукцию (причем почти три пятых из них только

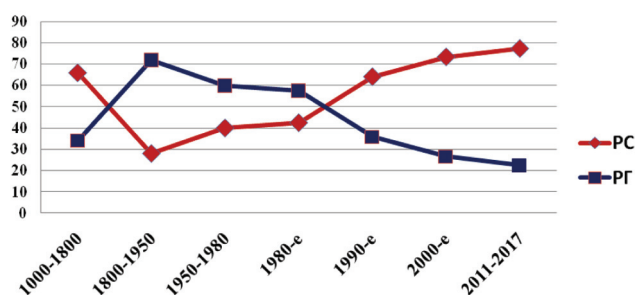
⁹ См.: The IMF. World Economic Outlook. October 2012. Washington, D.C., 2012. С. 179–190. Увеличение доли РС в приросте глобального ВВП прежде всего связано с так называемой «азиатизацией» мирового роста, повышением вклада Китая (с 8% в 1980-е гг. до 16% в 1990-е, 28% в 2000-е и 32–33% в 2010–2012 гг.) и Индии (соответственно с 4% до 6, 11 и 16%).

в одну страну). Приток ПИИ не превышает десятой от объема мировых капиталовложений, менее одной пятой венчурного капитала используется вне страны. Примерно такую же долю составляют акции, которые в среднем по миру принадлежат иностранцам. И не больше пропорция интернет-трафика пока еще переходит национальные границы¹⁰.

Тем не менее, применив несложную формулу, можно установить, что вклад экспорта товаров и услуг в прирост глобального ВВП вырос с 1–3% в 1500–1800 гг. до 10–12% в 1800–1950 гг., затем удвоился (до 23–25%) в 1950–1980 гг., а в последующие три десятилетия еще раз почти удвоился (до 42–44%, в том числе в РС до 36–38% и в РГ — до 49–51%)¹¹.

График 4
Доля развитых государств (РГ) и развивающихся стран (РС) в приросте мирового ВВП, %

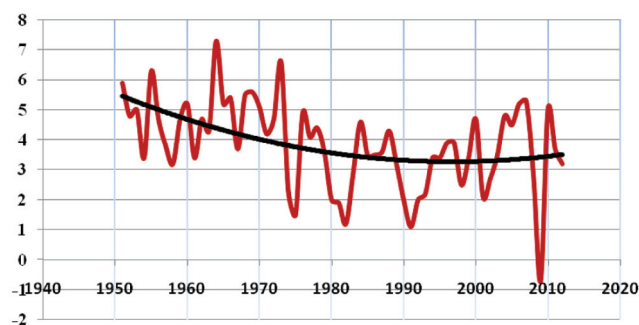

Рассчитано по источникам к граф. 2 и 3.

В отсутствие эффективно работающих международных регуляторов сильно возросшая в последние десятилетия открытость национальных экономик и либерализация их валютно-финансовых систем существенно увеличили нестабильность в мировом хозяйстве, привели к росту числа финансово-экономических кризисов¹², последний из которых нанёс серьёзный удар по механизмам воспроизводства в РГ, резко ослабив международную конкурентоспособность. Неустойчивость роста мирового ВВП (см. граф. 5), измеренная по коэффициенту вариации темпов прироста вокруг среднего¹³, выросла более

чем на три четверти — с 20–21% в 1950–1960-е гг. до 28% в 1970–1980-е гг. и 36–37% в 1990–2000-е гг. (в 2008–2012 гг. коэффициент составил 66%). Нестабильность воспроизводства ВВП повысилась в среднем и по РС, но по РГ она увеличилась в целом за три выделенных субпериода в разы — с 28% до 54 и 75%.

График 5
Темпы прироста ВВП в среднем по миру, %

Рассчитано по: Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris, 2003, с. 236; The IMF. World Economic Outlook, October 2008, с. 259; October 2012, с. 190.

В сложившихся условиях в последние десятилетия бизнес-сообществу в РГ оказалось выгодным интенсифицировать передислокацию капиталов, технологий и рабочих мест из центров мирового хозяйства на (полу)периферию, в страны с низкими социальными и экологическими издержками производства, располагающими большими контингентами дешевой и дееспособной рабочей силы, имеющими относительно устойчивые политические режимы и проводящими не без помощи советников из МВФ, Всемирного банка и ВТО более или менее разумную макроэкономическую политику¹⁴. За 1989–2009 гг. доля занятых в зарубежных филиалах американских ТНК выросла с 1/5 до 1/3. По данным Торговой Палаты США, американские компании зарабатывают ныне от своих внешних операций втрое больше, чем от экспорта товаров и услуг¹⁵.

Заметим, что доля РС в глобальном притоке ПИИ, осуществляемом при активном участии ТНК, выросла за 1980–2011 гг. с 14–21%¹⁶ до 50–51%. И хотя позиции РГ в общем объеме накопленных ПИИ все еще весьма солидны, доля РС в аккумулированном

но темп прироста ВВП в i -м году и среднегодовой темп прироста ВВП за период, охватывающий n лет.

¹⁴ См.: Kollmeyer Chr. Explaining Deindustrialization // American Journal of Sociology, 2009, vol. 114, N 6, p. 1667–1670.

¹⁵ См.: Crooks, E. America: Riveting Prospects // The Financial Times, January 6, 2011; This Time It's Serious // The Economist, February 18th, 2012). Все это, конечно, неплохо для ТНК США, но далеко не так хорошо для внутренней экономики страны и основной части ее населения, проигрывающей в борьбе за часть рабочих мест. Прав Т. Фридман, сказав, что «глобальное поле для конкурентной борьбы выравнивается. Мир стал плоским» (см.: Фридман Т. Плоский мир: краткая история XXI века. М., 2006. С. 13).

¹⁶ Оценки варьируют в зависимости от методологии подсчетов.

¹⁰ См.: Crooks E. America: Riveting Prospects // The Financial Times, January 6, 2011; The Case Against Globaloney // The Economist, April 23rd, 2011.

¹¹ Рассчитано по следующей формуле: $V = [a \cdot 0.5 (b_1 + b_2) : c] \cdot 100$, %, где V — вклад экспорта в прирост ВВП, a и c — среднегодовые темпы прироста экспорта и ВВП, b_1 и b_2 — доля экспорта товаров и услуг в ВВП соответственно в начале и конце периода. Исходные данные взяты из источников к граф. 2 и 3, а также: Bairoch P. Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du monde du XVI siècle à nos jours. Paris, 1997, tome 2. с. 306; Maddison A. Monitoring the World Economy, 1820–1992. Paris, 1995, с. 38, 236, 239; The World Bank. World Development Indicators, 1998, с. 206; 2012, с. 244, 248; Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии. С. 87, 111.

¹² См.: Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок. М., 2011.

¹³ Коэффициент погодовой флуктуации (нестабильности) рассчитан по следующей формуле: $F = \{[\sum (y_i - \bar{y})^2] \cdot n^{-1}\}^{0.5} \cdot (\bar{y} - 1) \cdot 100$, (%), где F — коэффициент флуктуации, y_i и $\bar{y}$ — соответствен-

объеме ПИИ увеличилась с 1/4 в 1990 г. до более 1/3 в 2011 г.¹⁷ Это придало немалый импульс развитию нескольким десяткам стран Востока и Юга, усилило международное разделение труда и интеграционные связи в мировом хозяйстве. Но одновременно эти факторы подстегнули неоднозначные по своему характеру и последствиям процессы деиндустриализации¹⁸ и сервисизации производства и занятости, происходящие в РГ.

4. Приведенные в табл. 1 данные говорят о нарастающей в тенденции интенсивности и весьма существенной противоречивости изменений в структуре мировой занятости. Среднегодовой темп прироста суммы абсолютных величин сдвигов в секторной (отраслевой) структуре¹⁹ занятости вырос в целом по миру с 0.0% в 1500–1800 гг. до 0.2% в 1800–1950 гг., 0.6% в 1950–1980 гг. и 1.0% в 1980–2010 гг. (показатель по РГ повысился соответственно с 0.1% до 0.4, 0.9 и 1.0%, а по РС — с 0.0% до 0.2, 0.6 и 1.0%). Деаграризация структуры занятости, обнаружившаяся в мире (прежде всего в будущих РГ) еще в прединдустриальную эпоху, резко усилилась с начала промышленного переворота и сопровождалась увеличением долей в занятости как вторичного, так и третичного секторов экономики вплоть примерно до 1980 г. После этого в течение последних десятилетий доля индустриального сектора в занятости в среднем по странам Запада и Японии сократилась более чем на треть, а в РС ее среднегодовой темп прироста уменьшился почти вдвое.

В целом по миру доля занятости во вторичном секторе экономики мало изменилась с 1980 по 2010 г. (оставаясь на уровне 21–22%), что в значительной мере связано со сравнительно низкой трудоабсорбционной способностью современной промышленности, а также возросшим спросом в мире (в условиях информационной революции и глобализации) на ряд производственных, социально-культурных и торгово-финансовых услуг (хотя часть занятости в этом секторе в РС, да и в РГ, не отличается высокой продуктивностью и камуфлирует, по сути, скрытую безработицу)²⁰.

¹⁷ Составлено и рассчитано по: UNCTAD. World Investment Report, 2012. New York, 2012, с. 169, 173; Мельянцев В.А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен. С. 97–98. О метаморфозах в потоках ПИИ в РС и в целом по миру см.: Цветкова Н.Н. ТНК в странах Востока: 2000–2010 гг. М., 2011.

¹⁸ См.: Wood A., Mayer J. Has China Deindustrialized Other Developing Countries // The Review of World Economies, 2011, vol. 147, N2, с. 325–350.

¹⁹ Интенсивность сдвигов в структуре занятости (J) рассчитана по следующей формуле:

$$J = \left\{ \left[(100 + \sum_{i=1}^n |A_{it} - A_{i0}|) / 100 \right]^{1/t} - 1 \right\} * 100, \%$$

где A_i — доля сектора i в занятости в проц. пунктах в начальном или конечном моментах периода $(0, t)$, n — число секторов (в данном случае — три: аграрный, индустриальный, третичный).

²⁰ В среднем по РГ доля занятых в сфере услуг возросла в 1980–2010 гг. на треть — с 55–56% до 73–74% (см. табл. 1). При этом, однако, если в Италии и Японии этот показатель в

Уменьшение доли РГ в приросте глобальной занятости — с 32–34% в 1800–1913 гг. до 22–23% в 1913–1950 гг., 13–14% в 1950–1980 гг. и 8–10 % в 1980–2010 гг. происходило на фоне значительного снижения их удельного веса в увеличении индустриальной занятости в мире — с 52–55% в 1800–1950 гг. до 19–21% в первые послевоенные десятилетия и (-)8–10% в 1980–2010 гг. Что касается сферы услуг, то ее вклад в прирост общей занятости вырос в среднем по миру с 26–29% в 1800–1950 гг. до 32–34% в 1950–1980 гг. и 68–70% в 1980–2010 гг., в том числе в РС соответственно — с 18–20% до 24–25 и 62–64% и в РГ — с 48–50% до 90–92 и 132–136%²¹.

Таблица 1

Динамика структуры занятости в развитых государствах, развивающихся странах и в целом по миру, %

	Сектор	1500г.	1800г.	1950г.	1980г.	2010 г.
Развитые государства ¹	Аграрный сектор	80	66	24,9	8,5	3,7
	Промышленность и строительство	10	17	34,8	36	22,4
	Сфера услуг	10	17	40,3	55,5	73,9
Развивающиеся страны ²	Аграрный сектор	80	77	71	62	39,5
	Промышленность и строительство	10	10	12,6	18	22,1
	Сфера услуг	10	13	16,4	20	38,4
В целом по миру	Аграрный сектор	80	75	59,8	51,5	34
	Промышленность и строительство	10	11	18	21,5	22,1
	Сфера услуг	10	14	22,2	27	43,9
Доля в мировой занятости	Развитые государства	20	17	24,3	19,6	15,3
	Развивающиеся страны	80	83	75,7	80,4	84,7

Примечание. 1. Страны Запада и Япония. 2. Страны Востока (без Японии) и Юга, а также страны, имеющие ныне переходную экономику.

Составлено и рассчитано по: Bairoch P. Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du monde du XVI siècle à nos jours. Paris, 1997, tome 1, с. 597; tome 2, с. 189; tome 3, с. 740; Maddison A. Chinese Economic Performance in the Long Run. Paris, 1998, с. 69; ILO. Global Employment Trends, 2012. Geneva, 2012, с. 98–99; The World Bank. World Development Indicators, 1998, с. 52, 60; Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. Под ред. чл.-корр. И.С. Королева, 2003. С. 529–538; Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии. С. 110, 161.

Вместе с тем в послевоенный период среднегодовые темпы прироста производительности (в расчете на занятого) в сфере услуг в целом по РС и РГ отставали, как минимум, на треть от показателя по всей экономике (это отставание стало в среднем вдвое больше, чем в XIX — первой половине XX

итоге не превысил 67–70%, составив в Германии и Франции соответственно 70 и 74–75%, то в Великобритании он достиг почти 79%, а в США 81–82% (см.: The World Bank. World Development Report, 2013. Washington, D.C., 2012, с. 352–353). Таким образом, в последние десятилетия ряд РГ сильно продвинулся по пути «дематериализации» экономики.

²¹ В странах Запада и Японии абсолютная численность занятых сократилась в аграрном секторе в 1950–1980 гг. наполовину, в 1980–2010 гг. — более чем на две пятых, в индустриальном секторе в первый период — выросла почти в полтора раза, а во второй — снизилась на одну пятую (рассчитано по источникам к табл.1).

века). Если в 1950 г. в среднем по странам Запада и Японии продуктивность труда в сфере услуг была в полтора раза выше, чем в индустриальном секторе, то спустя шесть десятилетий она оказалась почти на 1/10 ниже, чем в последнем²².

По нашим расчетам и оценкам, ускорение глобального экономического роста при переходе от доиндустриальной к индустриально-сервисной модели развития²³ (с 0.3-0.4% в год в 1500–1800 гг. до 1.5–1.7% в 1800–1950 гг. и 4.6–4.8% в 1950–1980 гг.) было вызвано примерно на 1/3–2/5 увеличением вклада занятости, на 2/5–1/2 — производительности в основных секторах мировой экономики и почти на 1/5 — повышением вклада перемещения рабочей силы из отраслей с низкой в отрасли с более высокой производительностью труда. Замедление среднегодовых темпов роста мирового ВВП до 3.4–3.6% в 1980–2010 гг. (или примерно на четверть по сравнению с первыми послевоенными десятилетиями) связано соответственно на 1/10 и 9/10 с уменьшением вкладов прироста занятости и производительности (компенсирующий эффект межотраслевой передислокации рабочей силы составил не более 5–7%).

Замедление практически целиком определялось почти двукратным снижением среднегодовых темпов прироста ВВП в РГ (соответственно с 4.5–4.7 до 2.4–2.6%), которое было вызвано на 1/7 уменьшением вклада прироста занятости, на 1/5 — снижением эффекта перемещения труда²⁴ и примерно на 2/3 — уменьшением вклада прироста производительности, в том числе во вторичном секторе — на 13–15%, в сельском хозяйстве — на 20–22% и в сфере услуг (самый большой сектор, в котором концентрируются как продуктивные, так и не очень продуктивные рабочие места) — на 29–31%²⁵.

²² Согласно недавно опубликованным данным Всемирного банка, в 1995–2010 гг. отношение уровня производительности в сфере услуг к соответствующему показателю по индустриальному сектору заметно снизилось в США, Японии, Германии и Канаде (см.: The World Bank World Development Report, 2013. Washington, D.C., 2012, с. 360–361).

²³ По основным секторным источникам роста ВВП.

²⁴ Этот показатель по РГ снизился, по нашим уточненным оценкам, с 10–12% в 1950–1980 гг. до 3–4% в 1980–2010 гг. Между тем в РС, в которых, как отмечалось, в послевоенный период значительно ускорились сдвиги в структуре занятости, он, напротив, повысился соответственно с 16–18% до 28–30%.

²⁵ Расчеты произведены с использованием следующей формулы:

$$\Delta Y/L = \sum_{i=1}^n Li_0/L_0 \cdot \Delta(Y_i/L_i) + \sum_{i=1}^n Y_i/L_i \cdot \Delta(L_i/L_0) + \sum_{i=1}^n \Delta(L_i/L) \cdot \Delta(Y_i/L_i),$$

где Y/L , Y_i/L_i , Y_{i0}/L_{i0} — производительность труда, в т.ч. в i -й отрасли и в базовом периоде; L_i/L , L_{i0}/L_0 — доля i -й отрасли в совокупной занятости, в т.ч. в базовом периоде. Первая компонента — эффект суммарного роста производительности труда по отраслям экономики, вторая компонента — эффект межотраслевого перемещения рабочей силы, третья компонента — совместный эффект производительности и перемещения рабочей силы. Исчислено по источникам к табл. 1 и граф. 2 и 3, а также: Мельянцева В.А. Развитие и развивающиеся страны. С. 198–199; Maddison A. Chinese Economic Performance in the

5. Переход к современному экономическому росту (СЭР) в моделях С. Кузнецца, А. Льюиса, У. Ростоу взаимосвязан с увеличением нормы капиталовложений. Имеющаяся информация позволяет предположить, что доля валовых капиталовложений в ВВП выросла в среднем по миру с крайне низкого уровня в 2–4% в 1000–1800 гг. (возможно, 4–5% в 1500–1800 гг.) до 9–11% в 1800–1950 гг., когда ныне развитые страны, а также (ближе к концу этого периода) ряд латиноамериканских и будущих переходных экономик осуществляли индустриализацию²⁶. В целом по РГ этот индикатор увеличился с 4–6²⁷ до 12–14%, а в среднем по РС — с 2–3 до 6–8%.

Используя несложную (но полезную) методику, встречающуюся в работах Р. Харрода, Е. Доммара, В.А. Яшкина, публикациях Всемирного банка, можно определить, что ускорение роста в целом по миру (с 0.1-0.2% в год в 1000–1800 гг. до 1.5–1.7% в 1800–1950 гг.) было примерно на 1/2–3/5 вызвано повышением нормы капиталовложений и на 2/5–1/2 — увеличением их эффективности, или снижением коэффициента предельной капиталоемкости (в РГ — соотношение факторов было обратным)²⁸.

Развитие цивилизации сопряжено, как известно, с немалыми издержками, в том числе урбанизационными, инфраструктурными, социальными, экологическими и др.²⁹ Поэтому в том, что на следующем этапе СЭР (в 1950–1980 гг.) ускорение мирового роста (до 4.6–4.8% в год) было «оплачено» значительным повышением нормы инвестиций (в среднем до 23–25%; вклад этого фактора в ускорение роста в среднем по РГ и РС достиг 3/4–4/5, а соответственно эффективности капвложений, наоборот, снизился до 1/5–1/4), на наш взгляд, нет ничего удивительного. Люди вообще быстро привыкают к хорошему, воспринимая эффективность (везение и другие приятные обстоятельства) как норму, забы-

Long Run. Paris, 1998, с. 56; Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. Под ред. чл.-корр. И.С. Королева, 2003. С. 517–521.

²⁶ Многие страны Востока и Юга, оказавшись в состоянии колониальной или полуколониальной зависимости, были, как известно, лишены возможности проводить сколько-нибудь эффективные реформы.

²⁷ Для сравнения: в Римской империи эпохи раннего принципата доля чистых капиталовложений в национальном продукте, по оценке Р. Голдсмита, составляла порядка 2%. А. Мэддисон полагал, что ввиду активного инфраструктурного строительства, которое осуществлялось в те времена, доля валовых инвестиций в ВВП могла достигать 6.5% (Goldsmith R. An Estimate of the Size and Structure of the National Product of the Early Roman Empire // The Review of Income and Wealth, 1984, N 3, с. 284; Maddison A. Contours of the World Economy, 1 — 2030 AD. New York, 2007, с. 46).

²⁸ Рассчитано по формуле: $\ln(Y_j/Y_i) = \ln[(M_j/M_i) \cdot (F_j/F_i)]$, где Y , M и F — соответственно среднегодовой темп прироста ВВП, норма капиталовложений в среднем за период и их эффективность (показатель обратный коэффициенту предельной капиталоемкости роста), i и j — соответственно предыдущий и последующий периоды.

²⁹ См., например: Ferguson N. Civilization. The West and the Rest. London, 2011.

вая предостережение Д. Рикардо о возможности наступления фаз убывающей отдачи ресурсов.

Между тем наступившее в мире в последние три десятилетия существенное (в РГ — резкое) замедление среднегодовых темпов экономического роста — соответственно на четверть (до 3.4–3.6%) и почти наполовину (до 2.4–2.6%) — произошло при сохранении в целом по миру достигнутой в первые послевоенные десятилетия нормы капвложений. В среднем по РС она, правда, несколько выросла (с 22–24 до 26–27%, составив в 1980-е гг. 26–27%, в 1990-е гг. 25–26% и в 2000-е гг. 28–29%), а в целом по РГ — сократилась (с 24–26 до 21–22% и соответственно до 23–25%, 21–23 и 17–19%). При этом в среднем по миру коэффициент предельной капиталоемкости роста увеличился на треть — с 5.1 в 1950–1980 гг. до 6.9 в 1980–2010 гг. (см. граф. 6). Однако в РС, куда, ввиду их сравнительно более низких издержек производства, в условиях глобализации и ИР из центров мирового хозяйства интенсивно переводятся бизнесы, показатель повысился всего на 1/6 — с 4.8 до 5.6, а вот в РГ он вырос намного больше — в среднем почти на три пятых (с 5.4 до 8.5, в том числе до 7.5 в 1980-е гг., 8.8 — в 1990-е и 10 — в 2000-е гг.³⁰).

Многочисленные исследователи вслед за Т. Шульцем и Г. Бэккером, Дж. Кендриком и Э. Дэнисоном пишут о возрастающей роли в экономическом развитии вложений в человеческий капитал. По нашим расчетам и оценкам, доля инвестиций в образование, здравоохранение и науку выросла в мире при переходе к СЭР практически на порядок — с мизерных 0.2–0.3% ВВП в течение первых восьми столетий прошлого тысячелетия до 2.5–3.0% в 1800–1950 гг. (в будущих РГ — с 0.4–0.6% до 3–5%, в РС — с 0.1–0.3% до 1.4–1.8%), увеличившись впоследствии, в первые послевоенные десятилетия в 4–5 раз до 12–13% (в РГ — до 14–16%, в РС — до 6–7%), что, как мы уже отмечали, сопровождалось ускорением экономического роста, повышением ИЧР.

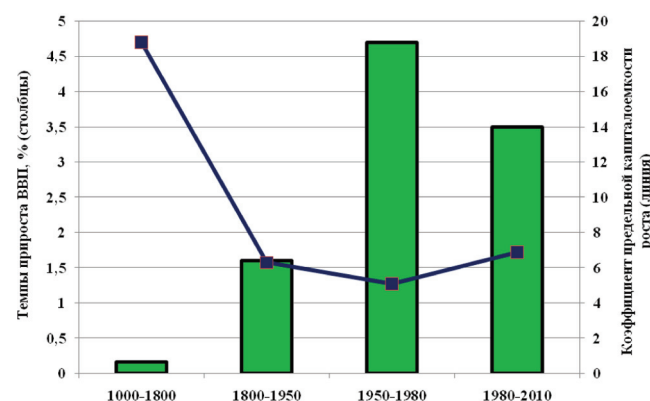
Однако рост этих валовых затрат не может быть (долгое время) почти экспоненциальным. Сам рост этих показателей приводит к обесценению достигнутого, ибо человеческий капитал так же, как и основной капитал, имеет обыкновение достаточно быстро амортизироваться физически и морально³¹. Новые знания, методы, подходы, когнитивные практики нередко убивают старые навыки и знания, а дальнейший рост продолжительности жизни и здоровья населения требует все более мощных удельных вложений.

³⁰ Расчеты выполнены по данным и источникам к граф. 6.

³¹ Если 20–30 лет назад полученного высшего образования хватало на 20–25 лет практической деятельности, то сейчас — всего на 5–7 лет, а в отраслях, интенсивно использующих или «производящих» НТП, — на 2–3 года (См.: Садовничий В.А. Высшая школа России: традиции и современность // Новая и новейшая история, 2003, № 2, С. 10; Степанова Т.Е., Манохина Н.В. Экономика, основанная на знаниях. М., 2008, с. 105).

Расходы на развитие человеческого капитала (в принятых в работе границах — в образование, здравоохранение, науку) достигли в целом по миру в 1980–2010 гг. солидного размера — 16–17%, или 1/6 его ВВП. В РС они, правда, составили более скромную величину (8–10%), но — немалую для их более низкого уровня доходов. А вот в РГ этот показатель с учетом расходов на неформальные виды образования и переподготовки кадров в целом за последние три десятилетия достиг 21–23% их ВВП. Это в целом неплохо, так как в среднем по странам Запада и Японии доля инвестиций в человеческий капитал в совокупных расходах на формирование человеческого и физического капитала (без учета жилья) выросла, по нашим оценкам, примерно с 1/10 в течение нескольких столетий, предшествовавших промышленной революции, до 1/4–1/3 в 1800–1950 гг. 2/5–1/2 в 1950–1980 гг. и почти 3/5 в последние три десятилетия (по РС аналогичный индикатор увеличился, но скромнее — соответственно с 1/10 до менее 1/5, 1/4 и менее 1/3).

График 6
Динамика глобального роста и коэффициента предельной капиталоемкости

Рассчитано по источникам к граф. 2, а также: Maddison A. *Contours of the World Economy, 1 — 2030 AD*. New York, 2007, с. 381; The World Bank. *World Development Indicators*, 2012. Washington, D.C., 2012, с. 244; Мельянцев В.А. *Восток и Запад во втором тысячелетии*. С. 63, 83, 89, 113; Он же. *Как это произошло*. С. 26–27, 29; Он же. *Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен*. С. 112, 181, 204.

Однако, если к весьма солидной «квоте» ВВП, расходуемой в РГ на формирование человеческого капитала, присовокупить другие социальные траты развитых, но стареющих обществ, полученный таким образом индикатор своеобразной «цивилизационной нагрузки» может достигнуть, как минимум, от трети до двух пятых ВВП, а с учетом выросшей с начала СЭР нормы капвложений — 1/2–3/5 ВВП³².

³² Рассчитано по источникам к граф. 2–3, 6, а также: Мельянцев В.А. *Развитые и развивающиеся страны*. С. 9, 122; Он же. *Восток и Запад*. С. 118; Он же. *Как это произошло*. С. 26, 29; Lindert P. *Growing Public. Social Spending and Economic Growth Since the Eighteenth Century*. Vol. 1. Cambridge, 2010, с. 12–13; The World Bank. *World Development Indicators*, 2012, с. 84, 102, 334; The UNDP. *Human Development Report*, 1994; 2007; 2011.

Представляется, здесь коренится немалое противоречие развития. В конечном счете такая ситуация приводит к сдерживанию роста личного потребления дееспособной и работающей части населения, лишая ее ряда экономических стимулов³³. Рост становится очень дорогим. Если бы в РФ не происходило наращивание внутренних и внешних заимствований³⁴, принявших, как известно, в последнее десятилетие огромный масштаб и приведших к глобальному финансовому кризису³⁵, то рост личного потребления, скорректированный на увеличение инвестиций в человеческий капитал, в последние три десятилетия в расчете на душу населения составил бы, возможно, всего около 1% в год, а для большинс-

³³ О торможении в РФ темпов прироста ВВП и эффективности, связанном помимо рассмотренных выше причин с недонакоплением физического капитала, стагнацией уровня расходов в ВВП на образование и НИОКР, уменьшением демографического дивиденда, замедлением роста качества в системе образования и отсутствием прорывных успехов в фундаментальной науке (кроме информационных и отчасти био- и нано-технологий). См.: Полтерович В.М. Модернизация — это творческий процесс // Эксперт, № 26 (711), 5 июля 2010; Мельянцева В.А. Сдают ли развитые страны развивающимся свои позиции? // Мировая экономика и международные отношения, 2009, № 12; Carneiro R., Lee S. Trends in Quality-Adjusted Skill Premia in the United States // The American Economic Review, 2011, vol. 101, n 6, с. 2309; Gordon R. Is U.S. Economic Growth Over? Faltering Innovation Confronts the Six Headwinds. NBER. Working Paper 18315. Cambridge (MA), 2012.

³⁴ В целом по экономически продвинутым странам показатели общего размера выданных кредитов и рыночной капитализации (по долевым бумагам), отнесенные к ВВП, удвоились соответственно за тридцать и двадцать лет (1980–2010 и 1990–2010 гг.), достигнув 164–165% и 95–97%. При этом индикатор «финансовой глубины», включающий также данные о стоимости деривативов, оказался, как минимум, в 10–15 раз больше. Заметим, что аналогичные индикаторы в целом по РС (без учета деривативов) в обозначенные периоды увеличились еще «круче» (с 30–31 до 72–74% и с 18–19 до 72–73%) в немалой мере за счет стремительной финансовализации экономики Китая, что в конечном счете привело к ее заметному перегреву (составлено по: The World Bank. World Development Indicators, 1998, с. 256; 2003, с. 272; 2012, с. 286, 298; Россия в полицентричном мире. С. 42).

³⁵ Гипертрофированное развитие сильно дерегулированного финансового сектора, доля которого в ВВП США, несмотря на замедление экономического роста, в 1981–2008 гг. удвоилась (до 8%), а в общем объеме корпоративных прибылей страны — увеличилась в 2.5 раза (до 2/5), сопровождалось сверхконцентрацией в нем основной массы (в США в 2007 г. 80%) банковских кредитов, нарастанием масштабов рискованного инжиниринга (в том числе финансового мошенничества) и токсичного виртуального богатства. Последовавший кризис, который в немалой мере был спровоцирован быстро растущей задолженностью менее состоятельных семей, «подсевших» на необеспеченные (субстандартные) кредиты, привел к резкому росту частной, и в конечном счете государственной, задолженности, объем которой, отнесенный к размеру ВВП, увеличился в США с 55% в 2000 г. до 101% в 2011 г., в Еврозоне — с 69 до 88%, в Японии — со 135 до 206% (см.: Стиглиц Дж. Крутое пике. М., 2011, с. 17, 204–209, 325–327, 350, 387–389; Botox and Beancounting // The Economist, April 30th, 2011; Kumhof M., Rancière R. Les inégalités, moteur de la crise financière // Problèmes économiques, 2011, n 3023, с. 10–13; Laurent A. Réformer sérieusement nos finances // Commentaire, 2012, n 138, с. 341; Wolf M. We Still Have That Sinking Feeling // The Financial Times, July 10, 2012 (www.ft.com/intl/cms/s/0/c57b0d1e-ca81-11e1-89be-00144feabdc0.html#axzz20Kte4b7R)).

тва населения экономически продвинутых стран (поскольку в них происходил заметный рост неравенства по доходам, богатству и потреблению)³⁶ он был бы существенно меньше. При этом предельная капиталоемкость роста личного потребления оказалась бы, по меньшей мере, в полтора раза выше показателя, рассчитанного по росту ВВП.³⁷

Развивая сказанное, заметим, что согласно расчетам, представленным в граф. 7, переход к СЭР ознаменовался повышением среднегодовых темпов прироста совокупной факторной производительности (СФП). Однако в целом по миру и в частности в РС они все еще сравнительно невысоки и обеспечивают в среднем от четверти до трети прироста ВВП. В РФ вклад СФП в увеличение ВВП выше³⁸, но учетные темпы прироста этого показателя сократились в среднем более чем вдвое за последние три десятилетия. В этих условиях ряд быстрорастущих стран Востока и Юга, используя заимствованные технологии, стал подтягиваться к РФ не только по показателю душевого ВВП и ИЧР, но и по уровню СФП. Китай, в частности, по последнему показателю вырос с 9–14% от индикатора США в 1980 г. до 13–15% в 1990 г., 18–20% в 2000 г. и 22–24% в 2010 г.³⁹

³⁶ Рост неравенства, обусловленный значительным дерегулированием в мире финансовой сферы и трудовых отношений, глобализацией рынка рабочей силы, а также снижением в ряде РФ и РС ставок обложения высоких доходов, привел, в частности, к тому, что в США в 1976–2007 гг. реальная средняя почасовая зарплата американцев практически не увеличилась, в то время как 3/5 прироста ВВП происходило за счет 1% богатейших. В результате доля последних в совокупных доходах жителей США повысилась с 8.9 до 23.5%, а разрыв в доходах между верхушечными 0.1% американцев и низшими 90% населения страны вырос с двадцати- до восьмидесятикратного (см.: Райх Р. Послешок. М., 2012, с. 5, 21, 66; Сакс Дж. Цена цивилизации. М., 2012, с. 35, 83; Frank R. Income Inequality: Too Big to Ignore // The New York Times, October 16, 2010; Zingales L. La crise du capitalisme américain // Problèmes économiques, 2010, N 2994, с. 37; Unbottled Gini // The Economist, January 22nd, 2011; Atkinson A., Piketty Th., Saez E. Top Incomes in the Long Run History // The Journal of Economic Literature, 2011, vol. 49, N 1, с. 9; Kemeny T., Rigby D. Trading Away What Kind of Jobs? // The Review of World Economy, 2012, vol. 148, n 1, с. 14).

³⁷ Рассчитано по источникам к граф. 2, 6, а также: Taming Leviathan // The Economist, March 19th, 2011, с. 4; Lindert, P. Growing Public, с. 12–13; Мельянцева В.А. Развитые и развивающиеся страны. С. 9, 122; Он же. Восток и Запад. С. 118; Он же. Как это произошло. С. 26, 29; The World Bank. World Development Indicators, 1998, с. 90; 2012, с. 84, 102, 334; The UNDP. Human Development Report, 1994; 2007; 2011.

³⁸ Среди РФ существуют немалые различия в доле интенсивных факторов роста (см.: Мельянцева В.А. Развитые и развивающиеся страны. С. 182).

³⁹ Рассчитано по следующей формуле: $TFP_c / TFP_u = (Y_c / (L_c^{0.65} * K_c^{0.35})) / (Y_u / (L_u^{0.65} * K_u^{0.35}))$, где TFP_c и TFP_u , Y_c и Y_u , L_c и L_u , K_c и K_u — соответственно уровни СФП, ВВП, занятости и объема основного капитала в Китае и США. Объем капитала рассчитан методом непрерывной инвентаризации, предложенным Р. Голдсмитом. Исчислено по источникам к граф. 2 и 3. Расчеты — ориентировочные, способные отразить динамику процесса. Если же с учетом имеющихся данных и оценок сделать поправку на объем отработанного времени и меру использования производственных мощностей в двух странах, может

6. Отмечая немалые сбои в хозяйственных механизмах РГ и существенные достижения в ряде НИС и крупных развивающихся стран, следует иметь в виду, что даже успешные РС испытывают немало финансово-экономических, социальных и экологических проблем. В ряде сценариев будущего развития мировой экономики предполагается *торможение роста азиатских стран в связи с обострением у них структурных диспропорций, возникновением «ловушки среднего уровня развития»*⁴⁰. Наш расчет по ряду успешных азиатских стран показывает, что достижение, например, 20% уровня подушевого ВВП США (в КНР в 2010 г. 16%) может, при прочих равных условиях, «сбить» среднегодовой темп его прироста до 4–5%⁴¹. Кстати, в Китае, в котором, по предварительным оценкам, в 2011–2012 гг. подушевой ВВП достиг примерно 17–18% от уровня США, произошло, судя по расчетам, сделанным профессором П. Чованеком из университета Цинхуа на основе композитных индикаторов, замедление роста ВВП до 4–5% в год⁴².

Между тем, судя по данным граф. 8 и 3, несмотря на некоторое *сокращение относительного разрыва* в подушевом ВВП и ИЧР между РГ и РС, произошед-

получиться, что Китай отстает от США по уровню совокупной эффективности не в 4–5, а в 5–6 раз.

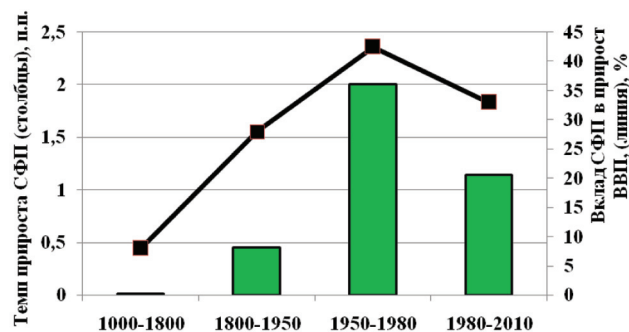
⁴⁰ Речь идет об уменьшении демографического дивиденда и эффекта межотраслевого перемещения занятых в КНР, удорожании рабочей силы и юаня, невозможности продолжать рекордное по темпам наращивание капиталовооруженности труда. См.: Asia 2050. Realizing the Asian Century. ADB. Singapore, 2011; Eichengreen B. et al. When Fast Growing Economies Slow Down. NBER, Cambridge, MA, 2011; China 2030. Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society. The World Bank, Washington, D.C., 2012; Торможение Китая. Специальный доклад // Эксперт, 2012, № 42 (824), с. 40–63. К тому же, учитывая исторические прецеденты, вряд ли можно ожидать, что передовые государства «без боя» сдадут свои позиции догоняющим странам.

⁴¹ См.: Мельянцева В.А. Азиатский экономический подъем и закат Запада: уточнение оценок // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции. М., 2011. С. 155–157.

⁴² См.: Anderlini J. Economists Weigh a Chinese 'Hard Landing' // The Financial Times, August 19, 2012 (<http://www.ft.com/intl/cms/s/0/cc05e828-e860-11e1-8ffc-00144feab49a.html#axzz246ERrLAs>). В дискуссиях, развернувшихся в последнее время, о путях развития современного Китая обсуждаются такие острые проблемы, как несбалансированно высокий уровень накопления и соответственно низкий уровень потребления, препятствующие углублению и расширению внутреннего рынка страны, низкий уровень собственных технологических разработок, сохранение имитационной модели развития и превалирование экстенсивных факторов роста; эффективность его финансовой системы; возросшие в стране уровень коррупции, дифференциации доходов и богатств, а также экологическое неблагополучие (см.: Бергер Я. М. Экономическая стратегия Китая. М., 2009, с. 92–101, 440–492; Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной Республики. М., 2010, с. 316–320, 395–400, 621–636; Хуан Я. Капитализм по-китайски. М., 2010, с. 275–346; Roach St. The Next Asia. New Jersey, 2009; Meyer Cl. La Chine, centre du monde // Etudes, 2010, N 4124, с. 440–442; Gulard M. Le modèle chinois atteint-il ses limites? // Problèmes économiques, 2010, N 3006, с. 17; Leichman E. L'Argent cache des Chinois // Problèmes économiques, 2011, n 3021, с. 12–15).

шее в целом за последние три с небольшим десятилетия⁴³, *абсолютный разрыв* в этих показателях между ними заметно вырос. По ВВП в расчете на душу населения в 1950–1980 гг. — более чем в три раза, в 1980–2012 гг. — в 1.6–1.7 раза, а по ИЧР — соответственно в полтора и в 1980–2010 гг. — в 1.2 раза.

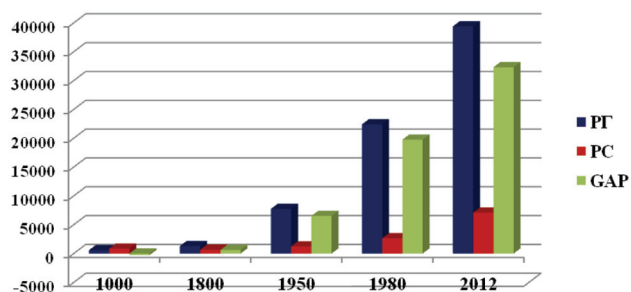
График 7
В целом по миру: среднегодовые темпы прироста совокупной факторной производительности (СФП) и ее вклад в прирост ВВП, %

Примечания.

1. Рассчитано по формуле: $y = \alpha \cdot l + (1-\alpha) \cdot k + r$, где y , l , k и r — среднегодовые темпы прироста ВВП, занятости, основного капитала и совокупной факторной производительности.
  2. Вклад СФП в прирост ВВП рассчитан по формуле: $u = r/y$, %.
  3. Средние показатели эластичности изменения ВВП по рабочей силе (α) и капиталу ($1-\alpha$) взяты равными соответственно в 1000–1800 гг. 0.8 и 0.2; в 1800–1950 гг. 0.7 и 0.3 и в 1950–2010 гг. 0.65 и 0.35.
- График рассчитан по источникам к граф. 6.

График 8
Динамика абсолютного разрыва (GAP) в подушевом ВВП (в долл., ППС 2010 г.) между развитыми государствами (РГ) и развивающимися странами (РС)

Примечание. Данные за 2012 г. — предварительные. Рассчитано по источникам к граф. 3, а также: The IMF. World Economic Outlook, October 2012, с. 190, 194.

При всех немалых достижениях РС, в том числе стран БРИКС и некоторых других динамично растущих РС, в целом они сильно уступают РГ по научно-технологическому уровню. В 2010 г. разрыв между РГ и РС по величине подушевых расходов на НИОКР

⁴³ В частности, по первому показателю он вначале, в 1950–1980 гг. увеличившись с 6.3 до 8.4 — кратной величины, затем, по предварительным данным, за 2012 г. опустился до 5.5–5.6, т.е. достиг значения более низкого, чем в 1950 г.

и числу поданных заявок на патенты в расчете на миллион жителей составлял, по разным вариантам подсчетов, 10–12-кратной величины, а по количеству опубликованных научных статей на миллион человек разрыв достигал 16–18 раз. Хотя доля экономически продвинутых стран в мировом экспорте высокотехнологических товаров сократилась с 78–82% в 2001 г. до 65–70% в 2010 г., на них приходится львиная доля (в 2001–2010 гг. свыше 9/10, на США — более половины) мировой экспортной выручки от продажи патентов и лицензий⁴⁴.

Несмотря на имеющиеся трудности, переживаемые ныне РГ, их инновационно-креативная модель роста себя вовсе не исчерпала. Если, «когда все успокоится», а воздействие кризиса несколько ослабнет, и американцы, возможно, вместе с японцами и некоторыми европейцами возьмутся, как предполагается, за новый мегапроект — освоение глубокого космоса, многим из ныне быстрых стран, но с более слабыми научно-исследовательскими и институциональными системами, до них, скорее всего, будет просто не дотянуться⁴⁵.

К тому же следует иметь в виду, что ныне действующие в РГ системы национальных счетов, созданные для оценки роста индустриализирующихся стран, производящих стандартные товары массового производства, все в меньшей мере способны уловить структурные и качественные сдвиги в их во многом уже постиндустриальных экономиках⁴⁶. Судя по имеющимся расчетам и оценкам, в действительности дефляторы валового продукта в странах Запада и Японии не занижены, как иногда об этом пишут, в том числе в популярной литературе у нас и за рубежом. Наоборот, с учетом значительно возросшего разнообразия товаров и услуг, улучшения их качественных характеристик (в течение года в РГ треть продуктов заменяется или подвергается существенной модификации), а также более тщательного и своевременного отражения в ценовых индексах изменения структуры спроса населения (в последнее время такие альтернативные пересчеты сделаны рядом исследователей) можно говорить о

⁴⁴ Рассчитано по данным граф. 8, а также: The World Bank. World Development Indicators, 2003, с. 204, 304; 2012, с. 24, 334.

⁴⁵ См.: Мельянцева В.А. Сдают ли развитые страны развивающимся свои позиции? // Мировая экономика и международные отношения, 2009, № 12; Покровский В. Земля ждет эпидемия Красной лихорадки // ИГ-наука, 24 ноября 2010.

⁴⁶ См.: Услуги в современной экономике. Отв. ред. Л.С. Демидова, В.Б. Кондратьев. М., 2010, с. 130–149; Современные проблемы модернизации экономики зарубежных стран. Отв. ред. В.Б. Кондратьев. М., 2012, с. 182–183; Nordhaus W. Traditional Productivity Estimates Are Asleep at the (Technological) Switch // The Economic Journal, 1997, vol. 107, n 444, с. 1553–1555; Gordon R., Griliches Z. Quality Change and New Products // The American Economic Review, 1997, n 2, с. 86; Moulton B., Moses K. Addressing the Quality Change Issue in the Consumer Price Index // Brookings Papers on Economic Activity, 1997, N 1, с. 354; Hay C. The 'Dangerous Obsession' with Cost Competitiveness and the Not So Dangerous Obsession with Competitiveness // The Cambridge Journal of Economics, 2012, vol. 36, n 2, с. 472–478.

том, что официальные данные о динамике агрегативных дефляторов, скорее всего, завышены. В результате среднегодовой темп прироста ВВП в США и ряде других РГ в последние два десятилетия, возможно, недооценен, как считает ряд экономистов, минимум на 0.2–0.7% пункта⁴⁷.

Хотя по размерам ВВП (в ППС) РС, судя по предварительным данным, могут к 2013 г. догнать РГ⁴⁸, а Китай к 2016–2017 гг. — США⁴⁹ (кстати, по расчетам МВФ, Индия по этому показателю уже в 2011 г. догнала Японию)⁵⁰, следует учитывать, что по величине национального богатства в 2010 г. Япония и США соответственно в 2.6 и 3.2 раза превосходили Индию и КНР, имея при этом его качественно иную, постиндустриальную структуру (граф. 9). Примечательно, что объем человеческого (интеллектуального) капитала США, который наращивается не только усилиями американцев, но и благодаря внушительной иммиграции умов, превосходит совокупный объем национального богатства (по всем трем элементам) Японии, Китая, Индии и России. В последней, к сожалению, доля интеллектуального капитала, во-первых, меньше, чем у других стран «пятерки», а во-вторых, в тенденции сокращается, что ограничивает возможности ее эффективного встраивания в передовые эшелоны мировой экономики 21-го века.

7. Хотя, по имеющимся оценкам, доля «очень бедных» людей в мире сократилась с 82–85% в 1700–1820 гг. до 3/4 в 1870 г., 2/3 в 1910 г., 1/2 в 1960 г., 1/5 в 1992 г. и 1/10⁵¹ в 2008 г., а «просто

⁴⁷ См.: Bils M. Do Higher Prices for New Goods Reflect Quality Growth or Inflation? // The Quarterly Journal of Economics, May 2009, vol. CXXIV, Issue 2, p. 637, 672–673; Mulligen, van, P. Quality Aspects in Price Indices and Its International Comparisons. Voorburg, Statistics Netherlands, 2003, p. 154–155; Tortella G. The Origins of the Twenty-First Century. New York, 2008, p. 323; Corrado C., Hulten Ch. How Do You Measure a 'Technological Revolution'? // The American Economic Review, 2010, vol. 100, n 2, с. 99–104.

⁴⁸ Независимо от того, будут или нет НИС включены в группу РГ. См. также: Emerging Economies Now Have Greater Heft on Many Measures than Developed Ones // The Economist, August 6th, 2011.

⁴⁹ См.: ОЭСР: США уступят статус крупнейшей экономики мира Китаю в 2016 г. // Ведомости, 09.11.2012 (http://www.vedomosti.ru/companies/news/5911181/oesr_ssha_ustupyat_status_krupnejshej_ekonomiki_mira_kitayu#ixzz2BjhrLrI6).

⁵⁰ См.: The IMF. World Economic Outlook, October 2012, с. 179, 190; OECD. Looking to 2060: Long-Term Growth Prospects. Paris, November 2012.

⁵¹ В исторически длинных сопоставлениях в качестве критерия взят уровень подушевого дневного потребления менее 1 долл. в ППС 2005 г. Если взять за критерий «планку» менее 1.25 долл. в ППС 2005 г., то, согласно данным Всемирного банка, в 2008 г. доля сильно нуждающихся людей в мире окажется на уровне 17–19%, в т.ч. в целом по РС 22–23% (составлено и рассчитано по: The World Bank. World Development Indicators, 2012. Washington, D.C., 2012, с. 72). Чтобы не очернять ситуацию, заметим, что современные «критически бедные», пользуясь многими благами цивилизации и, добавим, глобализации, имеют, к примеру, среднюю продолжительность предстоящей жизни от рождения примерно вдвое, а уровень грамотности — в 3–5 раз более высокие, чем бедняки, жив-

бедных» (критерий — подушевое дневное потребление ниже 2 долл. в ППС 2005 г.) — соответственно с 92–95% до 89–91, 82–84, 68–72, 49–51 и 28–32% в 2008 г., абсолютное число последних, неуклонно возраставшее в течение столетий до середины (конца) 1990-х гг., уменьшилось практически за десятилетие, вследствие существенного прогресса, достигнутого прежде всего в КНР, более чем на 1/7 — с 2.7–2.9 млрд. до 2.3–2.5 млрд. человек в 2008 г.⁵²

В то же время, несмотря на то, что впервые за последние два столетия в 1980–2000-е гг. произошло, как уже отмечалось, определенное уменьшение относительного разрыва в подушевом ВВП в целом между РГ и РС⁵³, в каждой из двух групп стран имело место существенное увеличение внутрисканового неравенства⁵⁴. В результате глобальное неравенство по доходам в обозначенный период, как и в прошлом, продолжало углубляться⁵⁵ (см. граф. 10).

шие два-три столетия назад (см.: Мельянец В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии. С. 61; The World Bank. World Development Indicators, 2012, с. 96, 130, 132–133).

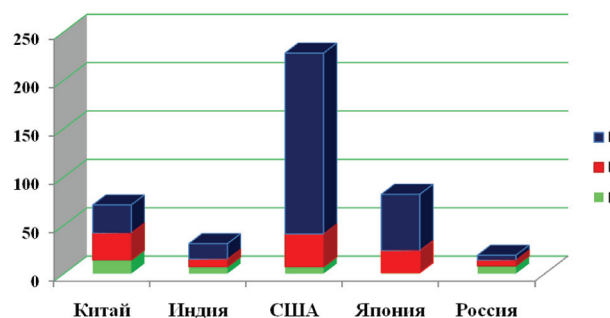
⁵² В Китае показатель сократился с 800–900 млн. в 1993–1996 гг. до менее 400 млн. в 2008 г., в то время как, например, в Индии он вырос соответственно с 760–790 млн. до 860–870 млн., в Африке южнее Сахары — с 430–470 млн. до 560–570 млн. (см.: The World Bank. World Development Indicators, 2012. Washington, D.C., 2012, с.72). Подчеркнем, что многие вопросы, связанные с оценкой уровней бедности и распределения доходов, носят дискуссионный характер (см.: Шишков Ю.В. Глобальная дифференциация подушевых доходов: некоторые вопросы методологии // Мировая экономика и международные отношения, 2006, № 3, с. 3–12; Капица Л.М. Индикаторы мирового развития. М., 2008; Sutcliffe R. World Inequality and Globalization // Globalization and Economy, vol. 1. James P., Gills B., editors. Los Angeles, 2007, с. 276–307; Deaton A. Price Indexes, Inequality and the Measurement of World Poverty // The American Economic Review, 2010, vol. 100, N 1, с. 5–34; Morrison C., Murtin F. Inegalités et pauvreté depuis trois siècles // Commentaire, 2012, N 138, с. 313).

⁵³ О процессах конвергенции в РГ и, наоборот, дивергенции в РС см.: Жуков С.В. Развивающиеся страны: углубление дифференциации // А.А.Рогожин, отв. ред. Современное состояние бизнес-среды развивающихся стран. М., 2006; Фридман Л.А., О многовариантности международных экономических сопоставлений // Россия в окружающем мире. М., 2006; Эльянов А.Я. К вопросу о догоняющем развитии // А.М.Петров, отв. ред. Восток как предмет экономических исследований. М., 2008 и др.

⁵⁴ За последние три десятилетия неравенство в распределении доходов, напомним, существенно выросло в большинстве РГ, стран с переходной экономикой, в ведущих странах и регионах развивающегося мира за исключением Бразилии. По имеющимся данным, коэффициент Джини (по доходам) на рубеже 2000-х — 2010-х годов составил в Китае, Мексике и Нигерии 0.47–0.49, в Индии и Бразилии 0.54–0.55, в Южной Африке 0.63–0.64 (см.: For Richer, for Poorer // The Economist, October 13th, 2012 (<http://www.economist.com/node/21564414>); Like a Peace of String // The Economist, October 13th, 2012 (<http://www.economist.com/node/21564419>); Rhee Ch. Inequality Threatens Asia Growth Miracle // The Financial Times, May 7, 2012 (<http://www.ft.com/intl/cms/s/0/fba71e2c-9607-11e1-9d9d-00144feab49a.html#axzz1wOBj0Vda>); The World Bank. World Development Indicators, 2012, с. 74–76; Мельянец В.А. Развитие и развивающиеся страны. С. 161–167).

⁵⁵ Автор вовсе не разделяет точку зрения, согласно которой увеличение неравенства вообще контрпродуктивно. Заслуживает внимания концепция А.Ю. Шевякова о так называемом

График 9
Общий объем и пропорции распределения совокупного национального богатства, ППС, трлн. долл. 2010 г.

Примечание. N, K, H — доли в структуре богатства природных ресурсов, физического и человеческого капитала. Рассчитано по источникам к граф. 2 и 3, а также: The World Bank. Global Economic Prospects, 2011. Washington, D.C., 2011, p. 4; Where Is the Wealth of Nations. Washington, D.C., 2006, p. 171–174.

Разумеется, в мире в 1980–2000-е гг. заметно сократилось неравенство по показателям продолжительности предстоящей жизни от рождения, достигнутого уровня начального и среднего образования и «информационно-цифрового» потребления⁵⁶. Но остается и, скорее всего, растет глобальное неравенство по доступу к высококачественному высшему образованию и другим качественным услугам, а также распределению мирового богатства. По данным отчета банка Credit Suisse за 2012 г., подготовленного группой международных экспертов под руководством Э. Шоррокса и Дж. Дэвиса, в мире бедные и менее состоятельные 50% мирового (взрослого) населения владеют всего 1% глобального богатства, в то время как преуспевающие 10 — 86%, а самые богатые 1 — 46% его совокупного объема⁵⁷. И хотя рас-

справедливом неравенстве (см.: Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Измерение экономического неравенства. М., 2002). Однако, скорее всего, превышение порогового значения коэффициента Джини по доходам в 0.35–0.40 может усиливать напряжение в экономических и социально-политических структурах обществ (см.: Колодко Гж. Глобализация, трансформация, кризис — что дальше? М., 2011. С. 79). Согласно результатам регрессионной модели, рассчитанной Р. Бенабу, снижение неравенства доходов со сравнительно высокого уровня на одно стандартное отклонение может, даже учтя действие других факторов, увеличить рост подушевого ВВП на 0.5–0.8 проц. пункта, что, заметим, весьма существенно (см.: Benabou R. Inequality and Growth // NBER. Macroeconomics Annual. Cambridge (MA), 1996, с. 13).

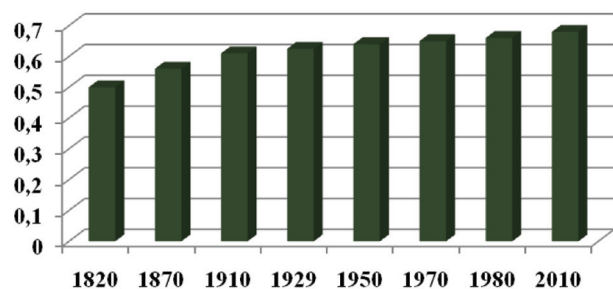
⁵⁶ См.: Sutcliffe R. World Inequality and Globalization // Globalization and Economy, vol. 1. James P., Gills B., editors. Los Angeles, 2007, с. 298; Romer P. What Parts of Globalization Matter for Catch-Up Growth? // The American Economic Review, 2010, vol. 100, N 2, с. 94–98.

⁵⁷ Credit Suisse. Global Wealth Report 2012. Geneva, 2012, с. 15. При этом в России, перешедшей в последние два десятилетия к отнюдь, мягко говоря, не самой эффективной модели капитализма, уровень неравенства в распределении богатства просто зашкаливает. Самые богатые 1% россиян сконцентрировали 71% всех личных активов страны, в то время как в Индии и Индонезии 1 перцентиль владеет 49% и 46% всего

четы ориентировочные, а сама методология требует уточнений, они в целом свидетельствуют если не о взрывоопасной, то о весьма тревожной тенденции.

График 10
Динамика глобального коэффициента Джини (по доходам)

Примечание. Индекс учитывает внутрискановое и междискановое неравенство. Изменяется от 0 до 1 (максимальный уровень неравенства по принятому критерию). Составлено и рассчитано по данным и источникам к граф. 3 и 9, а также материалам Ф. Бургиньона и Х. Моррисона: For Richer, for Poorer // The Economist, October 13th, 2012 (<http://www.economist.com/node/21564414>).

Напряжение в мире, несмотря на многие экономические и социально-культурные достижения за последние два столетия с начала современного экономического роста, остается значительным. Происходит накопление неустойчивости, избыточной конфликтности, вызванных в немалой мере обострением ряда экономических, социальных, экологических и иных проблем⁵⁸. Наблюдается эскалация числа терактов, убийств и самоубийств, социальных про-

личного богатства, в Африке — 44%, в США — 37%, в Китае и Европе — 32%, в Японии — 17% (см.: Гуриев С., Цывинский О. Россия — лидер по распределению богатства // Ведомости, 06.11.2012). Отношение совокупного богатства миллиардеров к объему ВВП в России (18,6%) на три четверти выше, чем в Индии и США (10–11%) и почти в три раза больше, чем в Германии и Бразилии (6–7%). См.: For Richer, for Poorer // The Economist, October 13th, 2012 (<http://www.economist.com/node/21564414>).

⁵⁸ По мнению экспертов, к 2050 г. голод и засуха двинет в путь 200 млн. мигрантов, что на порядок больше, чем общее число беженцев в 2010 г. По оценкам, число ядерных держав примерно к этому времени может удвоиться. Опасность распространения ядерного оружия нет смысла обосновывать. Заметим лишь, что, отвечая на ранее заданный великим физиком Э. Ферми вопрос, почему людям до сих пор, насколько известно, не встретилась ни одна внеземная цивилизация, американские ученые Й. Шкловски и К. Саган еще в 1967 г. дали подкрепленный математическими выкладками ответ: ни одна ядерная цивилизация не способна продержаться более 100 лет — происходит взаимоуничтожение составляющих ее обществ. Тем самым они сделали предположение, надеясь весьма ориентировочное, о возможной (при неблагоприятном стечении обстоятельств) «точке сингулярности» для Земли — 2045 г. (см.: Morris I. Why the West Rules for Now. The Patterns of History and What They Reveal About the Future. London, 2011, с. 601, 607, 613–614; The World Bank. World Development Indicators, 2012, с. 384).

тестов, революций, локальных войн⁵⁹. И не следует, думаем, успокаиваться, зная, что за прошедшие две трети столетия не было крупных потрясений.

О том, что мир, связанный капиталами и торговлей, ждет светлое будущее, устойчиво говорили многие ровно сто лет назад, накануне большой мировой катастрофы.⁶⁰ Между тем процент людей, погибших на нашей планете в результате разнообразных конфликтов и социального насилия, удвоившись в XIX в. по сравнению с уровнем XVI–XVIII вв., в прошлом столетии вырос в два-три раза по сравнению с позапрошлым⁶¹. И хотя после второй глобальной войны был создан ряд надгосударственных институтов, мир нуждается в намного более совершенных глобальных регуляторах, работающих на многосторонней основе, имеющих больший международный вес и способных обеспечить полноту реализации международных контрактов⁶².

Это весьма важно, поскольку, после начала дерегулирования глобальной экономики в середине 1970-х гг., интенсивность финансово-экономических кризисов в мире, в зависимости от способа подсчета, выросла в 4–6 раз по сравнению с первыми послевоенными десятилетиями⁶³. Мировые рынки, что бы ни говорили ультралиберальные экономисты об их способности адекватно вбирать информацию и оказывать оптимизирующее воздействие на экономику (гипотеза эффективного рынка Е. Фамы), имеют в действительности ограниченную эффективность, ибо рынки реагируют главным образом на краткосрочные прибыли. Что касается теории равновесия, то она, по мнению многих известных экономистов, покоится на слабых основаниях.

Чикагский экономист лауреат Нобелевский премии Р. Лукас, который еще в 2003 г. заявил, что «макроэкономика преуспела: ее центральная проблема предотвращения депрессии была решена», в 2009 г., отвечая на вопрос Елизаветы II о состоятельности этой науки, признался, что экономическая теория не может адекватно прогнозировать кризисы⁶⁴. Как

⁵⁹ К началу 2010-х гг. не менее чем в половине стран мира отмечался высокий или очень высокий уровень социально-политической нестабильности. См.: Political Instability Index (http://viewswire.eiu.com/site_info.asp?info_name=instability_map&page=noads). (Accessed 11.15.2012). См.: Феллер В. В смуту XXI века. Самара, 2002; Турчин А.В. Структура глобальной катастрофы. М., 2010; Масарский М. В. Неустойчивость порядка. Очерки философии истории. М., 2010; Смиль В. Глобальные катастрофы и тренды: следующие 50 лет. И., 2012.

⁶⁰ См.: Morris I. Why the West Rules, с. 607.

⁶¹ Рассчитано по: Давыдов А.А. Системная социология. М., 2007. С. 34; Onwards and Upwards // The Economist, December 19th, 2009.

⁶² См.: Россия в полицентричном мире, с. 56, 65; Attali J. Demain, qui gouvernera le monde? Paris, 2011.

⁶³ См.: Стиглиц Дж. Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М., 2011, с. 269; Rodrik D. The Globalization Paradox. Why Global Markets, States, and Democracy Can't Coexist. Oxford, 2011 с.109.

⁶⁴ См.: Kay J. Economics Fails to Resolve Exceptions to the Rule // The Financial Times, September 6, 2011; Rodrik D. The

заметил Х. Дэвис (директор Лондонской школы экономики в 2003–2011 гг.), «ценовые движения, которые, как предсказывают модели, должны происходить раз в миллионы лет, наблюдались несколько раз в неделю на протяжении последних пяти лет»⁶⁵.

График 11

Динамика S&P composite index, 1941-43=10

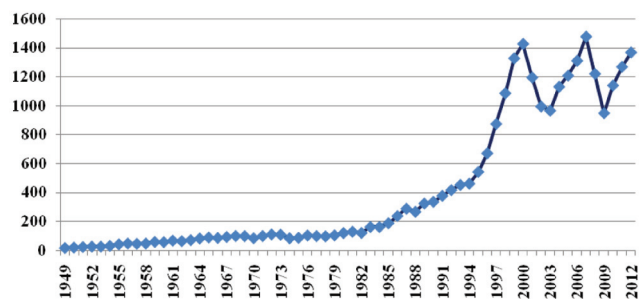

График построен по данным: Economic Report of the President. Washington, D.C., 2012, p. 428–429; Markets Overview (<http://www.bloomberg.com/markets>), accessed 11.15.2012.

Экономисты, стремящиеся свои модели сделать такими же элегантными, как сама математика, весьма часто, как известно, прибегают к нереалистичным допущениям, например о рациональных игроках, обладающих (почти) полной информацией и действующих на практически эффективных рынках. Как указывает известный американский фондовый аналитик Н. Талеб, экономисты должны больше уделять внимание не равновесным, а неравновесным процессам, поскольку экстремальные явления происходят все чаще. Кстати, по имеющимся расчетам, за последние 50 лет половина прибыли на мировых фондовых рынках получена за 10 дней⁶⁶.

Между тем волатильность фондовых рынков, если судить по данным о (только) годовом изменении композитного индекса S&P (см. граф. 11), многократно выросла в последние десятилетия (в 1980–2012 гг. по сравнению с 1950–1979 гг. в четыре раза, в 2001–2012 гг. по сравнению с 1950–1990 гг. в 13 раз).

Поскольку по многим компонентам мирового развития, кроме, пожалуй, демографического, «слишком далеко заглядывать вперед нецелесообразно» (здесь мы согласны с У. Черчиллем)⁶⁷, считаем

Globalization Paradox. Why Global Markets, States, and Democracy Can't Coexist. Oxford, 2011, с. 157; Caballero R. Macroeconomics after the Crisis: Time to Deal with the Pretense-of-Knowledge Syndrome // The Journal of Economic Perspectives, 2010, vol. 24, N 4, с. 85, 101.

⁶⁵ См.: Davies H. Economics in Denial // Project Syndicate, August 22, 2012 (<http://www.project-syndicate.org/commentary/economics-in-denial-by-howard-davies>).

⁶⁶ См.: Балацкий Е.В. Рец. на книгу Н. Талеба «Черный лебедь» // Мировая экономика и международные отношения, 2010, № 6, с. 90; Coy P. What Good Are Economists Anyway? // The Businessweek April 16, 2009; What Went Wrong with Economics // The Economist, July 16th, 2009.

⁶⁷ В отдаленной перспективе не исключены разного рода бифуркации, которые бесполезно пытаться предугадать. Также трудно, например, вычислить принципиально плохо измери-

мым при необходимости ограничиться среднесрочным прогнозом. Используя несложную модель, рассчитанную три года назад⁶⁸, можно в порядке первого приближения предположить, что в течение ближайшего десятилетия среднегодовой темп прироста глобального продукта (без поправки на его качество) составит 3–4%, т.е. будет ниже, чем в 2000-е гг.⁶⁹, но, с учетом растущего влияния РС, скорее всего, выше, чем в 1980–1990-е гг. (в том числе в РГ — максимально 2–2.5%, а в РС, включая и так называемые переходные экономики, — не более 5–6%). В итоге в течение 2009–2020 гг. произойдет определенная рокировка: в глобальном ВВП доля РГ сократится с 52–53 до 42–43%, РС (и переходных экономик, без РФ) увеличится — с 44–45 до 54–55%, а доля РФ — останется на уровне 3%.

Как представляется, прогресс в современном мире, быстро сжимающемся благодаря возросшей мощи коммуникаций и интенсивности социально-культурных взаимодействий, в немалой мере⁷⁰ будет

мные факторы и т.н. «неизвестные неизвестные» (immeasurable unknowns, unknown unknowns) (см.: Big Questions and Big Numbers // The Economist, July 15th, 2006; Cottrell R. The Future of Futurology // The World in 2008 (www.economist.com/theWorldin.) (12–15–2007); Economic Forecasts: Hard to Rely On? // The Finance and Development, 2008, September). Как говорится, если хочешь рассмешить Бога, скажи ему о своих планах на будущее.

⁶⁸ См.: Мельянцев В.А. Перспективы мировой экономики: меняющаяся роль основных участников // Вестник МГИМО — Университета, 2010, № 4 (13), с. 164–166. Расчет произведен и апробирован по данным крупных стран мира за 2000-е гг. с использованием весьма важных и, что не менее ценно при прогнозе, стабильно-инерционных характеристик роста — исходного уровня душевого дохода (который в принципе известен) и предполагаемой средней за период нормы капложений. О ней, учитывая исходное состояние экономик, в т.ч. по РГ (большой уровень задолженности и одновременно императивная необходимость обновления производственного аппарата для преодоления в тенденции депрессионно-замедленного роста), а также публикуемые в международных и страновых стратегиях развития оценки ее предполагаемого изменения в РС и РГ, можно составить необходимое представление с некоторой большей уверенностью, чем по ряду других детерминантов роста. $Z = 2.7 - 0.13Y_0 + 0.19M$, adj. R-squared = 0.79, (0.01) (0.04), где Z = среднегодовой темп прироста ВВП (%), Y_0 — душевой ВВП, в ППС, долл. в начале периода; M — средняя норма капиталовложений, 2005 г., ППС 2005 г., %. Рассчитано по материалам международной статистики, важнейшими из которых были: National Accounts Main Aggregates Database (<http://unstats.un.org/unsd/snaama/selbasicFast.asp>); New Purchasing Power Parity Estimates from the 2005 International Comparison Program // The World Bank. World Development Indicators, 2008. Washington, D.C., 2008, с. 8–10. Коэффициент детерминации достаточно высок, основные параметры статистически значимы на уровне менее 5%.

⁶⁹ Как недавно заметил в одном из своих интервью К. Рогофф (Гарвардский профессор, гроссмейстер по шахматам, автор серьезных исследований по истории и современному состоянию мировых финансов), говоря о перспективах мировой экономики, it's gonna be worse before it gets better («она станет хуже, прежде чем станет лучше»).

⁷⁰ Сугубо антропоцентричный подход к глобальной эволюции человечества, с нашей точки зрения, методологически некорректен. Как сумели показать многие ученые, в т.ч.

зависеть от того, сможет ли он перейти от прежней, действовавшей на протяжении тысячелетий парадигмы развития, основанной по преимуществу на жадности, страхе, безответственной самоуверенности⁷¹, к более устойчивой, назовем ее *конкурентно-*

контрактной, модели, где социальная связанность и сплоченность людей (т.н. *social cohesion*)⁷², не подавляя креативность индивида, как это нередко случалось в традиционных и тоталитарных социумах, станут, хочется верить, играть все большую роль.

А.Л. Чижевский, природные, климатические и космические эффекты играют весомую, а на определенных этапах развития, — ключевую роль (А.Л. Чижевский. Космический пульс жизни. М., 1995).

⁷¹ Why the West Rules — for Now // The Economist, October 9th, 2010, с. 92.

---

⁷² Английский философ и социолог Г. Спенсер подчеркивал, что «эволюция — это переход от несвязанной гомогенности к связанной гетерогенности». Как показывают исследования, создание в обществе более или менее приличного уровня доверия, уменьшая транзакционные издержки, существенно повышает эффективность его функционирования. И, наоборот, нарастание в нем несправедливого неравенства (по А.Ю. Шевякову), ликвидация социальных лифтов, предательство элит (по А. Сену) его разрушают. Это, весьма возможно, предопределило гибель многих цивилизаций в прошлом (см.: Zak P., Knack St. Trust and Growth // The Economic Journal, 2001, vol. 111, April, с. 306; Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. London, 2012).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

И.Д. Звягельская

Исламское возрождение в Центральной Азии: причины и игроки

Независимость и исламский ренессанс. Вопрос о взаимоотношениях государства и религиозных институтов в процессе строительства национального государства является для получивших сравнительно недавно независимость центральноазиатских республик весьма актуальным. Распространение и бытование ислама имело свои особенности в кочевой и оседлой частях региона. Как известно, для кочевников была характерна более поверхностная форма исламизации, в то время как на территории современного Узбекистана существовали очаги исламской учености, проповедовали известные духовные авторитеты.

Рост интереса к исламу и исламским традициям непосредственно связан с поисками национальной идентичности, с зарождением и оформлением местных национализмов. Национализм как понятие относится к сообществам, объединенным общей культурой и отличных в культурном отношении от других сообществ. Если в эпоху СССР во всех республиках, в том числе в республиках Центральной Азии, общегосударственная культурная идентичность базировалась на русской культуре (при сохранении и даже развитии местных культур), то после получения независимости ее место закономерно заняла культура титульного этноса.

Хотя возникновение национализмов имеет общие детерминанты, тем не менее, формирующиеся национализмы даже в одном регионе бывают противоположными и весьма различными. С.Н. Абашин, акцентирующий свое внимание на различиях и асимметрии среднеазиатских национализмов, относит к их общим истокам «изначальное восприятие государственности как “национальной”»; описание нации в этнических терминах, связанных с советской марксистской традицией и “теорией этноса”; особое внимание к проблемам национального языка; интерес к историческим корням и древней истории и т.д. Все это позволяет квалифицировать среднеазиатские национализмы как этнонационализмы. Однако в действительности дело обстоит не так просто»¹. По мнению автора, узбекский национализм в силу исторических причин особое внимание уделяет государству, для которого «языковые и культурные различия могут представлять угрозу.

Единственным инструментом сохранения государства является игнорирование этих различий и одновременно активная политика ассимиляции и интеграции мелких групп в единую общность»². В отличие от узбекского национализма «гипертрофированное внимание таджикского национализма к языку, культуре и истории компенсирует его небольшой интерес к маленькому и слабому государству»³.

В данном случае особую значимость приобретают не столько различия, сколько общие черты среднеазиатских национализмов, а именно, присущий им этно-национализм. На постсоветском пространстве в силу особенностей исторического развития утверждается именно этот тип национализма. Этнический национализм, ставший принципом становления постсоветских государств, порождает трудности для других этнических групп, не способных вписаться в меняющиеся общественные отношения и культурную парадигму, и в силу этого обреченных на маргинализацию.

Поиски национальной идентичности, утверждение самобытности и права на самостоятельное развитие приводили к тому, что главным маркером идентичности становились ценности традиционного ареала, где религиозные настроения были особенно сильны и где превалировало консервативное сознание. Как отмечает С. Панарин: «Ареал первой цивилизации — это пространство модернизации: в нем получили развитие свободно устанавливаемые социальные связи, либеральные ценности, индивидуализм, светское мировосприятие, космополитические образцы культуры. Ареал второй — пространство традиции: в нем сильны наследственные социальные связи, патриархальные ценности, коллективизм, религиозное мировосприятие, этнические и субэтнические образцы культуры»⁴.

Естественно, первый ареал не мог быть источником национального своеобразия, скорее напротив, в нем ценились универсальные ценности, в то время как ареал традиции с характерным для него мифологизированным сознанием, особой ролью религии

¹ Абашин С.Н. Зарождение и современное состояние среднеазиатских национализмов //Национализм в мировой истории. Под ред. В.А.Тишкова и В.А.Шнирельмана. М., 2007. С.362.

² Абашин С.Н. Указ.соч. С. 365.

³ Абашин С.Н. Указ.соч. С. 366.

⁴ Панарин С. Центральная Азия: интеграционный потенциал и перспективы миграции. Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы. Под редакцией г. Витковской. Научные доклады, выпуск 11. М., 1996. С. 25.

и обрядности использовался в качестве мерила самобытности.

Не меньше, чем поиски идентичности, ретрадиционализация общества, ставшая результатом трудного процесса трансформации, способствовала повышению роли религиозного компонента. Традиционные общества консервативны и их консерватизм выступает в качестве системообразующего элемента, сплачивающего и обеспечивающего функционирование этого общества. Модернизированные социальные группы, национальная творческая и техническая интеллигенция не могли противостоять надвигавшемуся традиционализму, который в эпоху кризиса воспринимался как единственная надежная альтернатива распадающейся реальности.

Тесные и закрытые кланово-семейные связи, обеспечивавшие определенный социальный комфорт и возможность выживания, не могут не приходиться в противоречие с задачами модернизации и создания современных обществ. Надо признать, что при советской власти процессы модернизации шли достаточно быстро. Появление широкого слоя образованных людей, новые производства и технологии, относительно высокая социальная мобильность, вовлечение молодежи в новые формы общественной жизни, обеспечивающие общественное признание, наконец, общий атеистический настрой, снижавший интерес к религии до уровня традиции, — все это в комплексе способствовало глубоким изменениям. Достаточно сравнить те части среднеазиатских этносов, которые оказались, например, на территории Афганистана (узбеки, таджики) с их соплеменниками в Узбекистане и Таджикистане. Однако при этом традиционное общество вовсе не было разрушено. Оно продолжало существовать, адаптируясь к новому строю, мимикрируя под советские структуры.

Вхождение в рыночную экономику оказалось для центральноазиатских обществ достаточно болезненным. И потому, что рынок означал куда большую неопределенность и риск, чем регулируемая экономика «социалистического периода», и потому что он явился в весьма специфическом обличье с деформированными формами, которые подверглись еще более удручающей эволюции под воздействием клановости, nepотизма, бюрократического рвения.

В новой псевдорыночной среде традиционное общество консервирует привычную систему ценностей. Накопленное богатство не реинвестируется, но, сообразуясь с общественными требованиями и представлениями, начинает косвенно перераспределяться между членами коллектива — дорогостоящие праздники, подарки и т.п.

Социальная неопределенность и огромный разрыв в доходах, новые риски и вызовы для индивидуума, привыкшего к патерналистскому государству, — все эти факторы оказывают определяющее воздействие на социально-политическую ситуацию в регионе в целом и в отдельных государствах в час-

тности. Они определяют обращение к религии как к единственному надежному утешению и защите от несправедливости.

Усиление ислама, заметное во всех новых независимых государствах Центральной Азии, было обусловлено и внешним влиянием. К ним относится открытость внешнему мусульманскому миру — распространение религиозной литературы, организация хаджа, возможность восприятия новых элементов обрядности, появление различного рода миссионеров. На общественном уровне исламизация общества (поверхностная, не предусматривающая глубокого погружения в религию) выражается во все более очевидной популярности религиозной обрядности — увеличении числа исламских свадеб, праздновании исламских праздников, ношении хиджабов и т.п. Немаловажную роль играет исламский бизнес, который в новых экономических условиях нашел свою нишу. Производство исламской одежды, предметов культа, внедрение исламской моды находят много потребителей, в том числе и в среде молодежи, не отличающейся религиозностью, но готовой следовать традиционным образцам, тем более, если это поощряется в обществе.

Все большее распространение получают хиджабы как всем заметные маркеры принадлежности к исламу. На душанбинских улицах в толпе можно встретить много молодых девушек в мусульманских платках (в советское время горожанки предпочитали ходить с непокрытой головой или завязывали пестрый платок, не закрывавший полностью волос). В Киргизии министерство образования было вынуждено отказаться от намерения запретить школьницам носить хиджабы. 19 февраля 2009 г. министерство издало приказ, в соответствии с которым все школы должны были внести изменения в уставы, прописав там обязательное ношение школьной формы, а также запрет на элементы одежды, которые выражают религиозную принадлежность учащихся. Позиция ведомства изменилась после многочисленных протестов со стороны граждан — его руководители, чтобы не нагнетать страсти, заявили, что речь шла всего лишь о рекомендации.

Важнейшим элементом повышения общественного внимания к исламу стало образование. В первые годы независимости отрезанное от мусульманского мира население Средней Азии весьма неразборчиво относилось к хлынувшему потоку литературы, среди которой было немало сочинений радикалов, к получению грантов на образование. В середине 90-х гг. мне довелось побывать в Йемене. В Хадрамауте я с удивлением узнала, что в одном из средневековых городов в местном медресе учатся два гражданина Узбекистана, государства с богатейшей исламской традицией. Чему и как учатся — неизвестно. Активную работу среди таджикских беженцев в Афганистане вели исламские фонды Пакистана. Детям предоставлялась возможность получить бесплатное духовное образование. Потом они приехали, получив

дипломы, в Таджикистан и стали проповедовать в соответствующем полученному образованию духе. В 1992–2008 гг. 2200 молодых людей из Таджикистана поступили в различные учебные заведения исламских стран, из них лишь 650 человек официально были направлены на учебу. Неудивительно, что власти крайне настороженно относятся к такого рода волонтерам.

Не менее опасной с точки зрения поддержания общественной стабильности становится появление нелегальных исламских школ на территории государств Центральной Азии. В частности, мне приходилось слышать от моих киргизских коллег, что в последние годы незарегистрированные медресе активно привлекают молодежь. Проконтролировать, чему и как там учат, практически невозможно.

Исламские партии и организации. В начале 1990-х гг. в Центральной Азии стали появляться исламские политические организации радикального толка, в становлении которых немалую роль сыграли внешние силы. В Узбекистане в этот период возникли несколько религиозных групп и течений: «Адолат», «Ислом лашкарлари», «Таблих», «Товба», «Нур» и др. Действовали они в основном в Ферганской долине: Наманганской, Андижанской и Ферганской областях. В Таджикистане к началу 90-х гг. включилась в политическую жизнь Партия исламского возрождения Таджикистана, ставшая главной силой оппозиции, развязавшей гражданскую войну.

Исламское движение Узбекистана (ИДУ) было создано в 1996 г. Оно ставило задачу вооруженным путем осуществить свержение существующего светского режима и построить в стране исламское государство. К концу 1990-х гг. ИДУ все в большей мере стало ориентироваться на использование насильственных, террористических методов борьбы. ИДУ сохранило те черты, которые были характерны еще для первых исламистских организаций Ферганской долины (в частности, «Адолат»), что неудивительно, так как ИДУ и было создано теми, кто стоял у их истоков. Среди этих черт можно назвать, во-первых, исламский салафитский пуританизм, заповеди строгого соблюдения верующими норм ислама, во-вторых, претензии на то, чтобы еще до захвата власти в стране фактически попытаться выполнять властные функции в отдельных районах, показав населению, что исламисты способны искоренить преступления и коррупцию, в-третьих, проповедь идеалов социальной справедливости и равенства, в-четвертых, цель создания в стране исламского режима, основанного на господстве шариата.

Лишившись возможности продолжать участие в вооруженной борьбе в охваченной гражданской войной Таджикистане после достигнутого там национального примирения, боевики ИДУ переместились на базы в Афганистане, но несколько раз использовали таджикскую территорию для вторжения в Кыргызстан и далее в Узбекистан, где пытались развернуть боевые действия.

В 1999 г. они вступили в столкновение с правительственными войсками на юге Кыргызстана и в Сурхандарьинской области Узбекистана. 17 февраля 1999 г. ИДУ провело серию взрывов в Ташкенте.

Новая попытка прорыва боевиков ИДУ в Узбекистан была осуществлена осенью 2000 г. и преследовала цель — прорваться в Ферганскую долину, где, по расчетам лидеров движения, их должны были поддержать местные сторонники создания исламского государства. Боевики намерены были установить контроль над одним-двумя районами и, используя их как плацдарм, продолжить вооруженную борьбу. В самой долине заранее были заготовлены склады с оружием и боеприпасами. Попытка прорыва провалилась, но в 2001 г. возникла реальная угроза развертывания широкомасштабных партизанских действий исламистов против Узбекистана. В Афганистане талибы, союзники ИДУ, разгромив группировку генерала Дустума, вышли на границу с Узбекистаном. Пользуясь этим, ИДУ создало на севере Афганистана несколько лагерей подготовки боевиков.

Во время операции сил международной коалиции в Афганистане боевики ИДУ приняли участие в боевых действиях на стороне «Талибан». Многие лидеры движения и боевики были уничтожены. Оно утратило возможности базирования в Афганистане в пограничных с Центральной Азией районах, и остатки его отрядов переместились в Пакистан.

Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) была создана в 1990 г. Во время гражданской войны партия была запрещена и вернулась к политической деятельности только после национального примирения в Таджикистане. Она принимает участие в избирательной борьбе и выдвигает своих представителей в народные кандидаты.

Оставаясь оппозиционной, ПИВТ в то же время находит с правящей элитой общий язык. Это, безусловно, является залогом ее политического выживания, но одновременно ограничивает ее оппозиционность (привлекательную для молодежи), заставляет сужать повестку дня. В руководство партии пришли прагматичные современные лидеры. Эти люди, оставаясь исламистами по своим убеждениям, в то же время нацелены на продолжение модернизации страны и на ее ускорение. Сохраняя связи с ведущими мусульманскими государствами и, очевидно, получая помощь и финансирование из исламских фондов — гранты, литературу, места в учебных заведениях и стипендии, — ПИВТ одновременно ориентируется на западные государства, развивает отношения с ОБСЕ. Эта задача облегчена тем, что еще в ходе переговоров по национальному примирению в Таджикистане ПИВТ оказалась в центре внимания западных правительств и НПО. Она была поставлена в новый международный контекст, не замыкавший ее исключительно на мусульманский мир. Более того, ПИВТ дала пример умеренных исламистов, которые сейчас рассматриваются и на Западе, и в

России как противовес радикалам и экстремистам. Партия стала восприниматься как вполне уважаемый и ответственный партнер, что не может не отражаться и на отношениях международных акторов с режимом Э. Рахмона. На выборах в феврале 2005 г. Партия исламского возрождения надеялась получить в новом Маджлиси Оли (парламенте) не менее семи мест, однако в нынешнем парламенте, как и в предыдущем, ПИВТ представлена только двумя депутатами (всего в двухпалатном парламенте Таджикистана — 99 членов).

ПИВТ не полностью оправдывает ожидания своего электората, и более нетерпеливое молодое поколение, фактически не знавшее ужасов гражданской войны и готовое немедленно и более решительно бороться за справедливость, может составить дополнительный резерв для радикальной Хизб ут-Тахрир. Кроме того, и в самой партии сталкиваются противоположные тенденции, которые будут иметь решающее значение для ее будущего. Стремление модернизировать партию вызывает различную реакцию в рядах ее сторонников. Для социально успешной ее части — это залог сохранения ПИВТ на политической арене Таджикистана. Для старшего поколения и для людей традиционных взглядов новые веяния вряд ли приемлемы.

Хизб ут-Тахрир аль-Ислами (ХТИ) начала действовать в регионе в 1990-е гг. Она ставила в качестве главной задачи создание исламского халифата. При этом партия декларировала свою приверженность мирным, политическим методам борьбы и сосредоточила внимание на пропаганде своих идей и создании разветвленной организационной инфраструктуры. На фоне постепенной трансформации ИДУ в чисто террористическую организацию в центральноазиатском регионе постепенно росли позиции ХТИ.

Хизб ут-Тахрир аль-Ислами была создана в Палестине в начале 50-х гг. Провозглашенные ею цели борьбы с сионизмом вряд ли могли кого-то всерьез заинтересовать в Центральной Азии, но, попав на иную почву, ХТИ мутировала, хотя и сохранила принципиальное положение своей программы — создание исламского халифата. ХТИ одновременно является и транснациональной партией, и сообществом крайне мало связанных между собой в организационном плане, практически автономных национальных организаций. Все они объединены одной идейно-политической платформой: ХТИ гораздо в большей степени, чем ИДУ, является идеологической партией.

Идея халифата не воспринимается сторонниками ХТИ в Центральной Азии как исключительно абстрактная. Исламисты не признают национальной и клановой замкнутости, для них не нужно таможен, границ, сильных правительств. Для людей, уставших от противоборства кланов, которых государственные границы отторгли от родных и близких, лишили привычных занятий, лозунг единого

мусульманского пространства может быть привлеченным как реальная и желаемая альтернатива. Не отпугнула население даже излишняя привязка ХТИ к политическим реалиям ближневосточного региона. Если первоначально ХТИ находила сторонников среди населения Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана (по имеющимся данным, в двух последних республиках среди ее сторонников преобладали узбеки), то в последние годы ее влияние стало распространяться и на южные области Казахстана.

В Таджикистане ХТИ стала серьезным соперником ПИВТ. Тахрировцы привлекают новых членов, обещая решить социальные проблемы. Они делают упор на молодежь, интеллигенцию, женщин, которые после идеологической подготовки становятся активными проводниками их идей. Особое внимание уделяется тем, кто учился в мусульманских учебных заведениях. Хизб ат-Тахрир противопоставляет самой идее светской власти, которую везде должен заменить халифат. Она выступает против капитализма, демократии, толерантности, диалога культур и т.п. Залогом влияния тахрировцев является созданная ими патронажная сеть. Такие патронажные и клановые сети особенно характерны для Центральной Азии, играя важную роль в общественной и политической жизни. Привычная зависимость от общины, клана, семьи и выстраиваемая по этим линиям система лояльности крепко удерживают адептов. В финансировании ХТИ, безусловно, участвуют иностранные спонсоры, но существуют и местные источники финансирования. В последнее время ХТИ все чаще обвиняют в экстремизме. Ее деятельность в Центральной Азии запрещена.

Акрамия — радикальная исламистская организация, получившая широкую известность после подавления властями Узбекистана мятежа в одном из городов Ферганской долины — Андижане 13–14 мая 2005 г. Он был спровоцирован арестом бизнесменов-акрамитов. По мнению узбекистанского исламоведа Б.Бабаджанова, Акрамия возникла в контексте религиозного ренессанса конца 80-х — начала 90-х гг., который «затронул все слои общества, в том числе молодых интеллектуалов из маргинальных слоев с техническим или гуманитарным образованием. Их духовные поиски и созревание приходятся на перестроечное и постперестроечное время «идеологического брожения». Именно в этой среде (прежде всего маргинальной ее части) феномен «возврата к религии отцов» обрел особые черты. Эта среда породила «Акрамия» и подобные ей группы («Маръитфатчилар» в Маргеланской области, «Махдитские группы» в Сырдарье, Ургуте и др.)»⁵. Акрамию и подобные организации Бабаджанов относит к разряду маленьких религиозных общин, своеобразных социорелигиозных мутантов⁶.

⁵ Бабаджанов Б. Феномен «Акрамия»: ложные идеалы и преступная практика // Большая Игра. М., № 02 (08)/2008. С. 41.

⁶ Указ. соч. С. 41.

Можно согласиться с тем, что Акрамия и другие перечисленные организации выполняют социорелигиозные функции. Однако непонятно, почему их надо относить к числу мутантов. Они достаточно органично встроены в традиционный сектор и помогают своим членам решать социальные и экономические проблемы. Они — своего рода альтернатива государственным органам, которые оказываются недостаточно эффективными в этой сфере.

По мнению российских экспертов, в настоящее время в Центральной Азии сформировано новое поколение радикальных исламских организаций, особенностями которого является: а) активное ведение исламской агитации в сети Интернет; б) вербовка представителей властных структур республик региона; в) акцент в работе на традиционные структуры (махалы) с формированием местных базовых ячеек — «халька», состоящих из 5–6 человек; г) пропаганда идей социального равенства («исламский социализм»).

Представители исламских партий начинают принимать участие в политической борьбе, используя легальные каналы выборов. В списках партий, которые принимали участие в парламентских выборах (декабрь 2007 г.), значились члены запрещенной в Кыргызстане организации «Хизб-ут Тахрир». Накануне выборов 16 декабря в Бишкеке и других крупных городах разбрасывались листовки с призывом к созданию исламского государства и поддержке на выборах партии «Эркин Кыргызстан», в которой вторым номером стоял омбудсмен Турсунбай Баркир уулу. Он в свое время стал на защиту партии «Хизб-ут Тахрир», утверждая, что «хизбуты» отвергают насилие, не используют вооруженную борьбу для достижения своих программных целей. По его словам, деятельность этой организации — всего лишь форма свободы слова⁷.

«На севере Киргизии исламистов представляют в основном люди, которые в свое время проходили спецподготовку в Пакистане, а также выпускники западных вузов. На юге и в зоне, прилегающей к Ферганской долине, больше чувствуется влияние радикальных узбекских организаций. Однако, вне сомнения, и то и другое крыло исламского движения в Киргизии могут откликнуться на финансовую помощь со стороны третьих стран, которые заинтересованы в том, чтобы через него дестабилизировать ситуацию в стране», — отмечал киргизский политолог Турат Акимов⁸.

На бытовом уровне процессы реисламизации выглядят все более заметно. В комплексе они могут даже привести к выводу о том, что государства Центральной Азии обречены в перспективе к расширению влияния политического ислама, появлению новых форм его взаимодействия со светской властью. Опросы общественного мнения показывают, что все больше молодых людей даже в бывших кочевых обществах (в Киргизии, например) идентифицируют себя как мусульмане, а уже потом как граждане Киргизии.

Действительно, коль скоро ислам остается важнейшим фактором национальной идентичности, нет оснований ожидать ослабления его влияния на все стороны жизни. Он освящает консерватизм традиционного общества, способного оказать воздействие на темпы проведения реформ, выбор политического пути развития, идеологические ориентиры. Какую бы стратегию в отношении ислама ни избирала власть — осознанно или вынужденно — она не может игнорировать того обстоятельства, что рост политического ислама в большинстве случаев является своего рода протестом против бедности, безработицы, отсутствия социальных гарантий, демонстрацией единения. В условиях обнищания масс, растущего социально-экономического неравенства, все большего авторитаризма властей, коррупции и сужения легальных каналов выражения протестных настроений деятельность исламистских группировок остается важнейшим средством социального протеста.

Вместе с тем нет оснований представлять себе государства Центральной Азии как обреченные на появление теократических режимов, а общества как исключительно отсталые и традиционные. Прежде всего, все они разные, несмотря на сходство отдельных элементов истории и культуры. Нельзя игнорировать уровень модернизации (различный в различных государствах) — формирование научных сообществ, возможность получения хорошего образования, в том числе за границей, развитие производств, появление НПО (неправительственных организаций) и оппозиционных политических партий и прессы. Проблема в том, что приметы модерна нередко носят анклавный характер, мало затрагивая основную часть аграрного населения — тот самый ареал традиции, силу общественного влияния которого еще предстоит оценить.

⁷ Материалы ситуационного анализа: «Трансформация среды безопасности Центральной Азии». Рабочий документ. Ученые записки. Выпуск 1. М., 2008. С. 18–20

⁸ www.RBC daily.ru 02.10.08.

Э.В. Молодякова

Политическая система Японии: возможны ли радикальные перемены?

Главные достижения демократии в послевоенной Японии явились результатом важнейших реформ, которые позволили ей быстро и успешно сблизиться со странами Запада. Стремительное усвоение достижений этих стран обеспечивалось консолидированными усилиями в экономике и политике. Однако сложившаяся политическая система была абсолютно не похожа на системы в Европе или в США.

Практически сразу же власть взяли консерваторы. Созданная ими в 1955 г. Либерально-демократическая партия (ЛДП, *Дзюминсюто* или *Дзиминто*) единолично формировала кабинеты до 1993 г. Преодолев формальную потерю власти в том году, — фактически она осталась в руках тех же консерваторов, покинувших ряды ЛДП, — партия вновь овладела ею спустя одиннадцать месяцев. Но это не было возвратом к прежнему положению вещей. Теперь, не располагая устойчивым большинством в палате представителей парламента, ЛДП была вынуждена действовать с оглядкой на многочисленную, но разнородную и разобщенную оппозицию.

В японской политической системе на протяжении десятилетий существовал феномен доминантной партии¹, который не наблюдается ни в одной развитой демократии. Это заставляло относиться к ней как к некоей аномалии. Но, если помнить о том, что это страна с неевропейской политической традицией, избравшая путь демократии, все встает на свои места.

Действовавшая до середины 1990-х годов многомандатная система относительного большинства, когда от каждого избирательного округа избирается несколько депутатов (разновидность мажоритарной системы), обеспечивала ЛДП необходимое число мандатов для создания однопартийного правительства. Распределение мест в парламенте при такой системе не соответствует действительному соотношению сил и обеспечивает завышение парламентского представительства крупных партий. В такой ситуации появляется большое число «пропадавших» голосов, особенно у тех партий, чья доля электората в избирательном корпусе невелика. Это вело к неравенству веса голосов, что явно противоречит демократическим принципам².

В созданной в 1955 г. политической структуре на одном полюсе сосредоточились консервативные силы в лице ЛДП, на другом — социал-демократи-

ческие в лице Социалистической партии Японии (СПЯ, *Сякайто*, ныне СДПЯ, *Сякайминсюто*). Объединение консервативных сил диктовалось потребностями строительства мощной экономики. Объединяясь в единую партию, левые и правые социалисты, несмотря на серьезнейшие расхождения по принципиальным вопросам, преследовали вполне прагматическую цель сплочения сил. ЛДП и СПЯ придерживались разных взглядов и были приверженцами разных ценностей, что, в общем, соответствовало тогдашнему делению общества на два лагеря — консервативный и прогрессивный. При такой биполярной структуре, казалось, появились предпосылки создания двухпартийной системы европейского образца, но события развивались по другому сценарию.

В глазах избирателей ЛДП символизировала консерватизм и традиционализм, СПЯ — все новое, современное, прогрессивное. Первоначальный успех социалистов был связан с послевоенной демократизацией общества, но в условиях периода высоких темпов экономического роста эта партия не сумела адаптировать свой курс к серьезным переменам, произошедшим в сознании и образе жизни людей, что привело к резкому сокращению ее социальной базы.

ЛДП в середине 1950-х годов сумела определить и затем реализовать объединившую всех национальную цель — догнать западные страны по уровню экономического развития. Именно при единоличном правлении либерал-демократов долгое время в стране сохранялись социальный мир и стабильность. Общество при этом выглядело плюралистическим, поскольку в нем свободно действовали различные политические силы. Вместе с тем динамизм общественного развития обеспечивали не оппозиционные партии, а сама ЛДП в силу своей фракционности. Борьба и соперничество фракций за реальную политическую власть гарантировали гибкость и адаптивность проводимого ею курса при сохранении принципиальной преемственности.

СПЯ не смогла адаптировать свою политику к переменам, однако она оставалась главной и первоначально практически единственной силой оппозиции. Бывшая также в оппозиции Коммунистическая партия Японии (КПЯ, *Нихон кесанто*) восстанавливалась с большим трудом и потерями после проведения авантюристического стратегического курса «вооруженной борьбы» в первые послевоенные годы.

Последовавшее затем увеличение оппозиции в принципе не меняло сути сложившейся системы. Искусственно объединенная Социалистическая партия исходно была нежизнеспособна и стала практи-

¹ См.: Молодякова Э.В. ЛДП — доминантная партия в условиях демократии // Япония: свет и тени. М., 2008. С. 160–178.

² Подробнее см.: Молодякова Э.В. Избирательная система Японии. — Японский опыт для российских реформ. М., 1998, вып. 3. С. 45–54.

чески единственным резервом для появления новых партий. На положении этой партии сильно отразился уход из ее рядов правых социал-демократов в 1960 г. и создание ими самостоятельной Партии демократического социализма (ПДС, *Минсюсякайт* или *Минсято*). Причиной раскола стала несовместимость взглядов правых социалистов по важнейшим вопросам с официальным курсом партии.

Затем в 1978 г. последовал уход из соцпартии группы диссидентов во главе с влиятельным деятелем правого крыла Эда Сабуро и создание Социал-демократического союза (СДС, *Сякай симин рэнго*). Новая партия видела себя как промежуточное звено между ПДС и СПЯ. Но она не смогла полностью порвать с политическими установками Социалистической партии и предложить свою оригинальную программу³.

Еще в 1964 г. абсолютно не традиционным для политической культуры страны путем — по воле крупнейшей организации буддистов-мирян Сока гаккай (Общество по установлению ценностей) — появилась Партия чистой политики (*Комэйто*). Более 10 миллионов членов этой организации вместе с семьями стали основой электората Комэйто. Эта партия провозгласила, что идет «по среднему пути уважения человеческого достоинства, осуществляет на практике политику обновления (реформирования), разделяет концепцию “гуманного социализма”»⁴. В будущем Комэйто станет играть определенную роль в расстановке сил не только в лагере оппозиции, но и вообще на политической сцене.

В 1960–1970-е годы появлялась масса мелких партий-однодневок, которые в своей деятельности ориентировались в основном на решение какой-либо конкретной проблемы. К ним можно отнести Партию служащих (*Сарариман синто*) или Налоговую партию (*Дзэйкинто*), названия которых говорили сами за себя. Как правило, они появлялись накануне выборов и, получив несколько мандатов, исчезали.

Политический вес правящей партии и всей оппозиции долгое время соответствовал их роли в обществе, в котором ЛДП представляла общенациональные интересы, а оппозиционные партии — интересы отдельных групп населения. Однако при сохранении формата «системы 1955 г.» происходило постепенное изменение соотношения сил не только между основными партиями (ЛДП, СПЯ), но и между ними и вновь появившимися. Если на выборах 1958 г. основные партии совокупно получили 91% голосов избирателей, то в 1986 г. — только 66,6%. Несомненно, постепенно увеличивалось число противников ЛДП, но ни порознь, ни все вместе они не могли заставить правящую партию поделить власть.

Диверсификация национальных интересов, усложнение структуры общества, возникновение и усиление гражданских движений, рост электората оппозиционных партий подсказывали правящей элите необходимость задуматься о коррекции своих действий. Голосуя за оппозиционные партии, японские избиратели (в основном новые городские слои) выступали не против консервативной идеологии, а против конкретной политики либерал-демократов в тот или иной период. Отдавая голоса оппозиции, они не рассчитывали, да и не стремились привести ее к власти. Голосование за оппозицию — это был своего рода способ, которым электорат побуждал либерал-демократов серьезно заняться решением назревших проблем. Как показали события самого последнего времени, подобные долговременные действия привели к качественным переменам, а именно к приходу к власти в 2009 г. партии из лагеря оппозиции.

Серьезные перемены в социальной структуре общества вели к постоянному сужению социальной базы либерал-демократов. Это касалось в первую очередь жителей сельскохозяйственных районов и работников строительной индустрии, т.е. слоев, значение которых в обществе объективно шло на убыль. Но в целом обладающее довольно высоким жизненным уровнем население разделяло консервативную идеологию, было привержено демократическим принципам и доверяло правящей партии больше, чем другим, связывая с ней успехи страны и стабильность в обществе.

С усложнением в 1970–1980-е годы политической картины в стране начались дискуссии о создании разного рода коалиций оппозиционных партий с тем, чтобы заставить ЛДП поделить власть. Сначала речь шла о трехпартийной коалиции, в которую могли бы войти центристские ПДС и Комэйто, а также правое крыло СПЯ. (Заметим, что никогда не рассматривался вопрос о включении в какую-нибудь коалицию Коммунистической партии Японии.) Постепенно начали раздаваться голоса о расширении оппозиционных сил за счет привлечения какой-то части либерал-демократов. Другими словами, перспектива появления новых партий переносилась с социал-демократического поля на консервативное.

Выход из рядов ЛДП групп «диссидентов» и их дальнейшее блокирование с центристскими партиями казались продуктивными для образования новых консервативных партий. Первой попыткой раскола правящей партии стал выход в 1976 г. из ее рядов группы депутатов во главе с Коно Ехэй, создавших самостоятельную партию — Новый либеральный клуб (НЛК, *Синдзимин курабу*). Это оказалось бесперспективной затеей. Не только не приобретя сторонников, но и теряя поддержку избирателей, лидер партии договорился в 1986 г. с руководством ЛДП о возвращении в ее ряды.

³ Подробнее см.: Сенаторов А.И. Политические партии Японии. 1945–1992. М., 1995. С. 21–45.

⁴ Державин

Еще одной попыткой расколоть ЛДП можно считать появление в 1992 г. Новой партии Японии (НПЯ, *Нихон синто*) созданной Хосокава Морихиро. Она относилась к числу партий, которые существуют только благодаря деятельности и имиджу своего лидера. Хосокава покинул ряды ЛДП и занялся партийным строительством. Электоратом НПЯ стали жители больших городов, недовольные деятельностью всех партий. Полученные на первых для нее выборах результаты (четыре мандата в палате советников и 35 в палате представителей) не давали партии возможности играть заметную роль в политической жизни.

Кризисные явления внутри Либерально-демократической партии 1990-х годов, предпосылки которых появились еще в предшествующие годы, запустили процесс ее раскола и появления новых партий. В частности, в 1992 г. в связи со скандальным делом о коррупции вокруг транспортной компании «Сагава кубин» был арестован глава крупнейшей фракции (108 человек) ЛДП Канэмару Син, и сразу же встал вопрос о ее руководителе. В результате сложной борьбы фракция раскололась на две соперничающие группы во главе с Одзава Итиро (второе лицо — Хата Цутому) и с Обути Кэйдзо, что вскоре привело к образованию новых партий.

Первоначально Одзава намеревался укрепить личные позиции в ЛДП и не предполагал заниматься сложным делом партийного строительства. Но назначение новых выборов в палату представителей меняло ситуацию, и он посчитал, что настал удобный момент для реализации идеи создания новой консервативной партии за счет раскола ЛДП. Тем более, 1 июня 1993 г. десять парламентариев из различных фракций уже покинули ЛДП и создали Новую партию — Инициатива (НПИ, *Синто сакигакэ, Сакигакэ*). Затем 44 депутата парламента во главе с Одзава и Хата покинули ряды ЛДП и создали Партию обновления (ПО, *Синсэйто*).

В результате выхода двух групп диссидентов перед самыми выборами в палату представителей ЛДП потеряла большинство, но оставалась крупнейшей партией в стране. Оппозиционные партии и группы поспешили создать коалиционное правительство. Однако подобное содружество скоро показало свою нежизнеспособность из-за серьезных расхождений его участников относительно важнейших проблем.

Оппозиционный лагерь приобрел новый характер, когда в нем оказались партии различных идеологических направлений. Вскоре была создана немыслимая ранее коалиция из непримиримых противников — ЛДП, СДПЯ и Сакигакэ. Таким образом, идеологическое противостояние отошло на задний план, и его заменило тактическое.

Разговоры о создании дееспособной оппозиции и о переходе к двухпартийной системе до начала 1990-х годов оставались словесными спекуляциями. Реальная возможность перевода дискуссий на эту тему в практическую плоскость обозначилась лишь после выборов 1993 г., когда кончилось еди-

ноличное правление ЛДП и появилась общенациональная Партия новых рубежей (ПНР, *Синсинто*) на базе самораспустившихся старых партий. Впервые партия образовалась в результате объединения, а не размежевания. На этот раз слились воедино совершенно разные партии и группы: ряд выходцев из ЛДП, недовольных партийным руководством и явным кризисом в партии, Комэйто, ПДС и некоторые небольшие объединения, выступавшие за политические реформы. Ведущей силой в ней были Партия обновления Одзава и Комэйто, что с самого начала создавало напряженность в руководстве.

Существование ПНР оказалось недолговечным из-за пестроты состава, наличия в ней разнородных сил и отсутствия четкой политической позиции. Заметную роль в ее распаде сыграла разгоревшаяся в высшем партийном руководстве борьба бывших премьер-министров Кайфу Тосики, Хосокава Морихиро и Хата Цутому как между собой, так и против амбициозного Одзава, а также тяготение многих партийцев к своей альма-матер — ЛДП. Уже в 1997 г. ввиду критической внутривнутрипартийной ситуации ПНР была распущена. Она раскололась на шесть групп, самыми крупными из которых были Либеральная партия (ЛП, *Дзюто*) Одзава и Новая Комэйто.

Ведущие политики не только не желали, но и не были способны вести конструктивный диалог о реорганизации политической системы. За три года в стране сменились четыре коалиционных правительства. Первые два, без участия либерал-демократов, оказались неустойчивыми. Два других, при участии ЛДП и СДПЯ, свидетельствовали о возможности консолидации и сотрудничества идеологически разнородных сил. Доминирующей идеологией весьма аморфного среднего класса, к которому причисляет себя подавляющее большинство японцев, стал неоконсерватизм, ориентированный на создание системы «социального рыночного хозяйства». Он практически не оставил места тому, что ранее считалось «прогрессивным».

Коалиционные кабинеты при доминировании либерал-демократов продемонстрировали пример готовой к компромиссам политики и сумели достигнуть определенной стабильности. Но слишком разные базовые позиции участников требовали реформирования правительства, и ЛДП начала готовиться к выборам в палату представителей по новой избирательной системе 1994 г.

В соответствии с новой системой 300 депутатов избираются в одномандатных округах и 200 (в настоящее время 180) — в 11 региональных блоках по спискам политических партий, сроком на четыре года. В целом такая система благоприятствует крупным партиям, оставляя мало надежд небольшим. Учитывая политические традиции, в соответствии с которыми даже малые партии оппозиции сохраняли возможность получать места в парламенте, японские политики нашли компромиссное решение при реорганизации избирательной системы: наряду с

одномандатными округами сохранилось пропорциональное представительство по партийным спискам.

Развитие ситуации в стране пошло по пути, во многом напоминающему опыт европейских стран, где громко заявили о себе левоцентристские партии, представленные политиками нового поколения. Подобный процесс в Японии проявлялся в формировании партий демократического толка, а также в сотрудничестве части молодых либерал-демократов с СДПЯ и другими оппозиционными партиями.

Появление осенью 1996 г., буквально накануне выборов в палату представителей по новой схеме, Демократической партии Японии (ДПЯ, *Минсюто*) сенсацией не стало. В ее ряды вошли бывшие члены ПДС, ЛДП, Сакигакэ и некоторые парламентарии из СДПЯ. В отличие от других партий, ее возглавлял тандем Хатояма Юкио и Кан Наото. ДПЯ сразу строилась не по принципу «пирамиды», а по принципу «горизонталей» с опорой на местные отделения, которые имеют право прямого выхода на центр. ДПЯ, как и другие оппозиционные партии, рассматривала себя как партию, выражающую интересы городского населения, а опора на горожан — верный путь для политической силы, которая рассчитывала на длительную перспективу и хотела действовать в соответствии с социально-экономической ситуацией, сложившейся в Японии к началу нового тысячелетия.

ДПЯ ставила целью «ниспровергнуть старый режим, который опирался на старое мышление и властные интересы, решал все сам, и создать новое подвижное, богатое общество, которое ценит человеческую индивидуальность и жизнеспособность». Партия предполагала действовать самостоятельно, не присоединяясь ни к ЛДП, ни к существовавшей оппозиции. Она была настроена на строительство «здоровой и независимой» партии «среднего пути»⁵.

Воспользовавшись расколом ПНР и появлением новых партий, ДПЯ предложила им в 1998 г. создать блок родственных оппозиционных сил. Новая партия сохранила название ДПЯ. Пережив организационные пертурбации и неудачи на выборах различного уровня, демократы в сентябре 2003 г. объединились с небольшой, но дисциплинированной Либеральной партией Одава. Эта партия распускалась, и ее депутаты на индивидуальной основе вступали в ДПЯ. Лидеры демократов рассудили, что Одава — харизматический и очень опытный политик, один из наиболее эффективных и успешных в свое время руководителей партийного аппарата ЛДП, сочетающий популизм с навыками закулисной борьбы, несмотря на имидж «правого» и даже «ястреба», — поможет поднять авторитет партии и укрепить ее позиции. Альянс объективно повышал шансы демократов на увеличение своего представительства в парламенте за счет консервативных избирателей, благодаря авторитету Одава среди «правых».

⁵ <http://www.dpj.or.jp/english/policy.html>

В 2000-е годы в условиях кризиса, захлестнувшего политическую и экономическую жизнь Японии, на фоне катастрофического падения популярности кабинета ЛДП до критической отметки в 14%,⁶ продолжалось укрепление авторитета главной оппозиционной силы — ДПЯ. Контроль оппозицией с 2007 г. над верхней палатой парламента осложнил и даже отчасти нарушил полноценную деятельность правительства и парламента. События на политической сцене менялись, как в калейдоскопе. Либерал-демократы стремительно теряли поддержку избирателей, внутри партии обострились разногласия по поводу проведения основного курса. Демократы продолжали продвигаться к достижению поставленной цели.

Под лозунгом «смена политического режима» (сэйкэн котай) ДПЯ одержала беспрецедентную в истории страны победу на выборах в палату представителей 30 августа 2009 г., получив 308 мандатов из 480. Демократы совершили головокружительный рывок, фактически поменявшись местами с ЛДП в национальной политике.

Действительно, результаты выборов были ошеломляющими. Во-первых, оппозиционная партия впервые пришла к власти, получив большинство мандатов в нижней палате. Во-вторых, вообще впервые такое число мест принадлежало одной партии. В-третьих, поражение ЛДП, сохранившей чуть более трети прежних мандатов, стало настоящим разгромом.

Нынешнее положение ЛДП можно расценивать как кульминацию глубоких сдвигов в политической жизни, которые готовились не одно десятилетие. В данный момент избиратели пошли за ДПЯ. Масштабная победа партии отразила надежды населения на реальные изменения в политике и недовольство существующим положением.

Казалось бы, произошедшие события давали очередную шанс для движения по пути установления двухпартийной системы, но этого не происходит по ряду причин. Противостояние либерал-демократов и демократов не имеет столь принципиального значения, как пытаются представить их лидеры, периодически обменивающиеся резкими заявлениями. Коротко говоря, их объединяет гораздо больше, чем разъединяет. Практически все высшее руководство ДПЯ составляют выходцы из ЛДП. У всех общий политический и социальный background, схожее мировоззрение и взгляды. Статус ДПЯ в политическом спектре до сих пор остается неопределенным. До 2000-х годов большинство депутатов от этой партии выглядели как «младшие братья» либерал-демократов. Кроме того, ДПЯ остается конгломератом разнородных группировок. Таким образом, японская оппозиция окончательно ушла от идеологического противостояния к тактическому.

В 2009 г. ДПЯ стала правящей партией, и это привело к серьезным переменам в оппозиционном

⁶ Асахи симбун. 10.02.2009.

лагере, где главной силой теперь является ЛДП. Она поступает с правительством так же, как действовали демократы, будучи в оппозиции, используя тактику «булавочных уколов» для критики и противодействия, не выдвигая конструктивные предложения. После природной катастрофы 11 марта 2011 г. ЛДП изменила свою линию поведения с конфликта на сотрудничество, было объявлено перемирие между ДПЯ и ЛДП. Для членов парламента это означало принятие законов, необходимых для финансирования работ по ликвидации последствий бедствия и по восстановлению страны, но по каждой позиции шел ожесточенный торг.

Не предпринимая откровенно обструкционистских действий, оппозиция сохраняла критическое отношение к правительству. Такое поведение не способствовало росту авторитета ЛДП, которой спустя неделю после землетрясения премьер предложил образовать «большую коалицию» или хотя бы войти в состав правительства⁷. Лидер либерал-демократов Танигаки Садакадзу заявил, что его партия будет сотрудничать с демократами в ликвидации последствий катастрофы и восстановления страны, даже не входя в правительство, но формирование «большой коалиции» невозможно без достижения договоренности по принципиальным политическим и экономическим вопросам, которые не имеют отношения к произошедшей трагедии. «До марта наша политика заключалась в оказании давления на правительство везде, где только можно, но после трагических событий мы не можем продолжать это», — заявил Танигаки после того, как провел консультации с бывшими премьер-министрами Накасонэ Ясучиро, Кайфу Тосики и Коидзуми Дзюньитиро⁸.

В сентябре 2012 г. на очередных выборах лидера ЛДП после упорной борьбы во втором туре победу одержал Абэ Синдзо. Это первый случай в послевоенной политической истории, когда ушедший в отставку с поста премьер-министра политик вновь избирается лидером партии⁹. Сразу же встает вопрос, сможет ли Абэ как политик вновь завоевать доверие людей, ибо обстоятельства его отставки пять лет назад еще свежи в памяти. Его пребывание на посту премьер-министра запомнилось главным образом потерей его партией большинства в палате советников, что, как правило, предвещает последующее поражение на выборах в ключевую палату представителей.

Избрание Абэ свидетельствует прежде всего о кризисе руководства партии, что очень опасно в преддверии внеочередных выборов в нижнюю палату, а также дает повод говорить об усилении «ястребов» и о «новой волне национализма». В ЛДП Абэ всегда считался правым консерватором, его активно поддерживает старшее поколение избирателей,

которым импонирует его обращение к традиционным ценностям, призывы сделать Японию «прекрасной страной». Но при этом, став премьером, он совершил первые официальные визиты в Пекин и Сеул, не посетил святилище Ясукуни, где почитают «павших за Великую Японию» (визиты в него японских политиков вызывают недовольство и протесты Китая и Республики Корея). В настоящее время ЛДП сделала ставку на Абэ. Сможет ли он привести партию к победе на предстоящих выборах? Сложно ответить на этот вопрос в ситуации, когда, согласно опросам общественного мнения, ЛДП и ДПЯ имеют примерно одинаковый рейтинг поддержки.

Второй по численности оппозиционной партией является Новая Комэйто, которая была создана в ноябре 1998 г. в результате слияния депутатской группы Комэй и Новой партии мира (из бывшей ПНР). Под давлением Сока гаккай на съезде партии в 1999 г. было принято принципиальное решение о смене политической ориентации и переходе из оппозиции к коалиции с правившей тогда ЛДП. При этом Комэйто оставляет себе свободу рук в маневрировании на политической арене. И ЛДП, и ДПЯ для усиления своих позиций заинтересованы в поддержке этой центристской партии, поскольку ее голоса нужны для склонения чаши весов в ту или иную сторону.

Продолжается процесс создания новых партий, главным образом за счет диссидентов из существующих. Например, Новая народная партия (ННП, *Кокуминсинто*) в 2009 г. вошла в предвыборный альянс с демократами и стала их младшим партнером по коалиции. Тогда же появилась реформистская Партия всех (ПВ, *Минна-но то*). Уже во время правления ДПЯ была организована правоконсервативная партия «Вставай, Япония» (*Татиагарэ Ниппон*), которую из-за почтенного возраста ее членов называют «партией пенсионеров». Группа депутатов верхней палаты, которым на выборах в нее летом 2010 г. предстояло отстаивать свои мандаты, создала Новую партию реформ (*Синто кайкаку*). По-прежнему функционируют старые оппозиционные партии — СДПЯ и КПЯ.

Источником появления новых партий стала и сама ДПЯ. За три года пребывания у власти она не только не сумела добиться единства своих рядов, но и пережила серьезный раскол. В конце 2011 г. ее покинули девять депутатов, недовольных политикой премьер-министра Нода Есихико, которые создали партию «Единство» (*Кидзуна*). Затем Одзава Итиро увел из ДПЯ около полусотни своих сторонников и создал партию «Жизнь народа прежде всего» (*Кокумин-но сэйкаку га дайити*), название которой повторяет лозунг демократов, с которым они пришли к власти. «Профессиональный раскольник» Одзава не смог нанести ДПЯ смертельный удар, но серьезно ослабил ее позиции. В его новую партию вошли 37 депутатов палаты представителей и 12 членов палаты советников.

⁷ Киодо цусин. 18.03.2011.

⁸ NHK. 04.04.2011.

⁹ The Japan Times. 28.09.2012.

Большинство членов «Жизни народа» — депутаты первого срока, пришедшие в парламент в результате победы ДПЯ в 2009 г. Они во многом обязаны своими мандатами или лично Одзава, или его окружению, поскольку именно он был главным режиссером избирательной кампании. Как известно, в Японии практически невозможно войти в депутатский корпус, не заручившись такой поддержкой. Этим новобранцев называют «дети Одзава» по аналогии с «детьми Коидзуми» из ЛДП, впервые попавшими в парламент четырьмя годами ранее. Кроме личной преданности у них нет ни политического опыта, ни электоральной базы. Одзава понимает ограниченность возможностей и перспектив своей партии, а потому приступил к поиску союзников, дорожа каждым мандатом. Но вряд ли ему удастся многого добиться при нынешнем раскладе политических сил. Пока об альянсе с ним заявила лишь партия «Единство».

«Жизнь народа» является третьей партией по числу депутатов в парламенте. В основном она предлагает полностью выполнить предвыборный «Манифест» демократов 2009 г., который является их программой действий. Эта во многом популистская программа, разработанная при непосредственном участии Одзава, за три года правления демократов неоднократно нарушалось. Это позволило Одзава демагогически заявить при создании своей очередной партии, что «наша партия сдержит данные народу обещания».

Таким образом, в нынешнем формате политическая система Японии состоит из правящей Демократической партии и оппозиционного лагеря, в котором ведущую роль играет ЛДП. Казалось, вновь можно было бы говорить о возможности установления в стране полноценной двухпартийной системы, где две крупнейшие партии сменяют друг друга у власти. Другими словами, электорат переключался бы с поддержки одной партии на другую. Как уже говорилось, три года назад он пошел за демократами. Сейчас картина намного сложнее, поскольку в сложившейся ситуации ни одна крупная партия в одиночку не сможет одержать безоговорочную победу — на выборах 16 декабря 2012 г.

Опросы общественного мнения отдают обеим главным партиям примерно поровну — чуть меньше 20% голосов респондентов. Исход такой патовой ситуации может зависеть от небольших партий вроде Комэйто или Партии всех, ибо остальные либо слишком слабы, либо не рассматриваются как партнер по коалиции (коммунисты). Однако в стране есть многочисленная политическая сила тех, кто не поддерживает никакую из существующих партий. Их количество вплотную приблизилось к 50%, а столько же имеют в сумме все остальные партии.

Однако в последнее время на политической арене появилась новая сила, которая может изменить расстановку сил. Речь идет о провозглашении в середине сентября 2012 г. создания новой партии под знаменательным названием «Ассоциация реставра-

ции Японии» (*Ниппон исин-но кай*). В своем названии партия использует известное любому японцу со школьных лет слово «реставрация» — «исин»: так назывались события *Мэйдзи исин* (1868 г.), открывшие путь создания новой Японии на основе возвращения власти императору и проведения масштабных реформ. Лидером новой партии является мэр г. Осака 43-летний популярный, темпераментный и амбициозный политик Хасимото Тору, умеющий работать со СМИ. После выборов новая партия может стать «третьей силой» или «третьим полюсом» в политической жизни страны.

История ее появления такова. Хасимото мастерски совершил стратегический маневр: ушел в отставку с поста губернатора префектуры Осака за несколько месяцев до истечения своего четырехлетнего срока, вступил в борьбу за менее престижный и менее влиятельный пост мэра г. Осака, одновременно выдвинув своего союзника на пост губернатора. В результате двойных выборов он и его сторонники добились лидерства в гигантском районе, включающем префектуру Осака и одноименный город, а также г. Сакаи. В предвыборную программу Хасимото входило создание единого административного центра по аналогии с мегаполисом Токио. Для реализации поставленной цели он в 2010 г. создал региональную партию «Ассоциация реставрации Осака» (*Осака исин-но кай*). Успешная региональная партия — редкий феномен в японской политике, поскольку большинство местных лидеров пользуется поддержкой крупных общенациональных партий в ходе местных выборов. «Ассоциация реставрации Осака» получила большинство в законодательном собрании префектуры и более трети мест в городском собрании. Это блестящий старт для только что созданной политической партии. Теперь Хасимото и его сторонники присматриваются и к демократам, и к либерал-демократам, но ведут собственную политическую игру.

Хасимото — не единственный политик местного масштаба, который бросает вызов центральной власти и традиционным властным структурам, которые, как представляется, не способны эффективно действовать в современном глобализованном мире. Примерно такую же политику проводят губернатор префектуры Айти и мэр ее главного города Нагоя. Регионы бросают вызов, поскольку дефицит политических решений усиливает разочарование людей в существующих партиях.

На создание «Ассоциации реставрации Осака» откликнулись все политические силы. Одни полагают, что она может стать силой, которая будет способна реорганизовать политическую жизнь страны, и что с ней нужно сотрудничать, другие хотели бы избежать конфронтации с ней. Сам Хасимото, как представляется, готов либо сотрудничать, либо бороться с другими партиями в зависимости от их отношения к его платформе. Традиционные партии в целом опасаются, что выход на сцену националь-

ной политики популярной региональной партии может нанести им удар на предстоящих всеобщих выборах, тем более что она уже в марте текущего года приняла решение о подготовке кандидатов для предстоящих выборов. «Мы должны предпринять грандиозные усилия для того, чтобы действительно изменить Японию. Готовимся к предстоящей борьбе», — заявил Хасимото на встрече с представителями из всех префектур, отобранных для подготовки почти двухтысячной армии новобранцев, из которых позднее отберут 300–400 кандидатов в депутаты на предстоящих выборах¹⁰.

«Ассоциация реставрации Японии» заявила о намерении получить не менее половины всех мандатов в палате представителей. Партия сразу начала работу по привлечению под свои знамена депутатов от других партий. Уже при регистрации ей удалось

привлечь семь депутатов, избранных от ДПЯ и от ЛДП. Три депутата от «Партии всех» тоже выразили желание вступить в ее ряды. «Ассоциацию реставрации Японии» пытаются представить (в частности, англоязычные СМИ) партией с националистической окраской, а ее лидера — чуть ли не потенциальным диктатором.

В сложившейся ситуации создание мощной коалиции или союза ДПЯ с ЛДП отвечало бы национальным интересам, но, во-первых, либерал-демократы проводят конфронтационную политику, во-вторых, появление третьей силы, способной привлечь разочарованную часть электората, осложняет возможность формирования системы двух партий. Очевидно, что создание в Японии эффективно действующей двухпартийной системы «американского образца» вновь откладывается на долгий срок.

---

¹⁰ Daily Yomiuri online.25.03.2012.

Н.Н. Бектимирова

Особенности процесса демократизации в Камбодже и его будущее в XXI в.

Демократизация политического строя, начавшаяся в Камбодже в 1990-е гг., имела свои существенные особенности. Она инициировалась международным сообществом и осуществлялась при его самом активном, в том числе ресурсном, участии. Реформы начались в условиях острейшего затянувшегося на десятилетие кризиса власти, глубочайшего социально-экономического упадка и преобладания в массовом сознании населения традиционных норм политической культуры. В результате процесс демократизации приобрел неоднозначный характер, он оказался противоречивее, сложнее и многообразнее, чем предсказывали политологи.

В течение последних пяти лет, 2008–2012 гг., Камбоджа по Индексу демократии (Democracy Index) стабильно занимает 100-е место среди 167 стран. Постоянно сохраняя средний показатель демократичности на уровне 4.87 баллов, страна демонстрирует неплохие результаты по электоральному процессу и функционированию государственных органов власти — 6.08 баллов и крайне низкие по политическому участию граждан — 2.78¹. Камбоджа входит в категорию стран с так называемыми «гибридными режимами»², для которых характерна эклектичность политического пространства, что подразумевает сочетание авторитарных и демократических составляющих в политическом процессе, наличие формального набора демократических институтов, но отсутствие полноценно функционирующей демократии. В итоге, как показывает электоральная статистика, всеобщие выборы, которые уже четырежды проводились в Камбодже, ни разу не привели к реальному обновлению правящих элит.

В Камбодже сохраняется модель доминантно-партийного правления в рамках формально плюралистической политической системы. Все три ветви власти (законодательная, исполнительная и судебная) возглавляются представителями Народной партии Камбоджи (НПК), которая в Парламенте и Сенате имеет 2/3 мест. На выборах в местные органы власти в 2012 г. за кандидатов от НПК проголосовало 62% избирателей, что обеспечило ей 72% мест в органах местного самоуправления.

Независимо от степени прозрачности самих выборов их результаты вполне достоверно отражают политические настроения и симпатии населения и во многом совпадают с данными социологических

опросов, ежегодно проводящимися различными международными организациями. Как показали опросы американских социологических служб в 2010–2012 гг., 81% населения считает, что страна под руководством НПК «движется в правильном направлении», причем в молодежных возрастных категориях от 18 до 24 лет таких 88%, от 24 до 29 лет — 85%³. 67% камбоджийцев заявляют о своей безусловной поддержке НПК⁴.

Столь высокий уровень доверия к НПК во многом основан на позитивной мотивации. К числу положительных факторов следует отнести достижение политической стабильности, что рассматривается как важнейшее условие и необходимая гарантия поступательного экономического развития, а также очевидные успехи в экономической сфере. Так, в 2000–2008 гг. рост ВВП держался на уровне 9%. В 2012 г. он составил 7% — один из самых высоких среди стран ЮВА, уровень инфляции не превышал 3.5%. Значительный рост наблюдался в промышленном секторе (14%) и туризме (27%), положительные тенденции наметились в сельском хозяйстве, особенно рисоводстве⁵. По оценке АБР и МВФ, страна существенно продвинулась в осуществлении системных экономических реформ, в развитии инфраструктуры, реструктуризации банковской системы, в диверсификации аграрного сектора, создании более транспарентной среды для ведения бизнеса и улучшении работы государственных служб⁶. Высокие макроэкономические показатели позволили Камбодже снизить порог бедности с 47% в 1993 г. до 20% в 2012 г. и перейти в категорию стран со средним уровнем ИЧР (Индекса человеческого развития)⁷.

Признанием успехов Камбоджи на международной арене стало ее председательство в АСЕАН в 2012 г. и проведение ею международных форумов с участием не только глав государств — членов Ассоциации, но и ведущих держав АТР.

Руководство НПК оказалось готовым к выработке нестандартных, но вписывающихся в тра-

¹ Democracy Index 2010. A report from the Economist Intelligence Unit. P.13; Democracy Index 2011. С. 14.

² См.: Democracy Index 2010.

³ Survey of Cambodian Public Opinion. IRI, July 12- August 6, 2010. С. 11–12; November 30- December 25, 2011. С. 10–11; Пном Пень Пост (на кхмерском языке). 15.05.2012.

⁴ Hun Sen. Selected Comments during the Inauguration of the NR 214 and the Launch of the construction of the Cambodian-Chinese Friendship Bridge over Mekong River at Steong Treng Province. 05.05.2012. www.cnv.org.kh

⁵ Пном Пень Пост (на кхмерском языке). 03.10.2012.

⁶ The Phnom Penh Post 05.11.2012. 21.11.2012.

⁷ www.ASEAN-CN.ORG (обращение 25.11.2012).

диционную политическую культуру решений, что во многом и предопределило доминирование этой партии на внутривнутриполитическом поле. Важнейшим фактором маргинализации политических конкурентов Народной партии Камбоджи и консолидации ее власти являлось умелое выстраивание партией «двухтрековой» стратегии, которая стала активно претворяться в жизнь со второй половины 1990-х гг. Она подразумевала одновременное движение в двух разных направлениях. С одной стороны, правящая элита не только сохраняла достигнутый уровень демократичности (как институтов, так и процедур), но и несколько его углубляла. Свидетельством этого стала реформа по децентрализации власти и работа Международного трибунала над «красными кхмерами» — важнейшего механизма правосудия переходного периода. С другой стороны, власти целенаправленно культивировали методы и нормы традиционной политической культуры (патронажа, патернализма, иерархизма и др.), а также восстанавливали ее внешнюю символику (систему титулов и ритуалов).

Успеху «двухтрековой» стратегии отчасти способствовал и международный контекст. Страны-доноры, участвовавшие в возрождении Камбоджи, с начала 2000-х гг. в условиях общемирового спада демократической волны стали отдавать приоритет системным социально-экономическим реформам в условиях политической стабильности. Строгое следование рекомендациям МВФ и Мирового банка по реформированию экономики во многом обеспечивало властям Камбоджи солидную международную помощь.

Ключевым направлением по ретрадиционализации политического пространства стало воссоздание⁸ разветвленной сети неформальных патронажных отношений, традиционно являвшихся важнейшим структурообразующим элементом камбоджийского общества. Прикрываясь фасадом легальных, теперь уже демократических институтов, эти отношения, возродившиеся в ходе либеральных экономических реформ, в значительной мере обеспечивали победу НПК на выборах и способствовали в дальнейшем ее превращению в политического гегемона.

На первом этапе реанимации патронажных отношений, которая проходила в атмосфере общей политической нестабильности переходного периода, НПК умело использовала в своих интересах благоприятные условия экономической либерализации, предоставив возможность партийным и государственным функционерам распоряжаться природными, бюджетными и административными ресурсами в обмен на политическую лояльность. Это обеспечило консолидацию вокруг НПК всех звеньев государственного аппарата, армейских структур, а также возрождавшегося частного бизнеса. Фактически сфор-

мировалась разновидность «элитного» патронажа, когда бизнес и власть связывали особые отношения. Бизнес не мог успешно функционировать без поддержки власти, власть нуждалась в финансовых вливаниях со стороны бизнеса как в партийную кассу для победы на выборах, так и в интересах собственного обогащения. Этот тип отношений был в высшей степени персонифицирован, держался исключительно на личных договоренностях и обязательствах и не предполагал никакой публичности.

Укрепление государственного аппарата на базе патронажных отношений под эгидой НПК позволяло ей оказывать серьезное экономическое давление на избирателей в сельской местности, где и проживает основная часть населения страны. Либерализация экономики, сопровождавшаяся масштабной приватизацией земли, сдачей в концессии рыболовных и лесных угодий резко усилили экономическую зависимость кхмерского крестьянства от чиновничества, что имело колоссальные политические последствия. Доступ к важнейшим источникам существования крестьян — земельным, лесным и водным ресурсам — в значительной, если не решающей степени определялся местными властями, в ведении которых находились вопросы приватизации. В итоге НПК, действуя через органы местной власти, получила эффективные средства контроля и мобилизации сельского населения и сумела создать в его среде обширные клиентельные сети. Включенность в эту систему связей давала крестьянам надежду на личную безопасность и относительную устойчивость положения даже в крайне трудных условиях существования кхмерской деревни.

Неспособность конкурировавших с НПК политических партий создать столь же разветвленные сети патронажа стала одним из факторов их последующей маргинализации.

По мере укрепления власти НПК в 2000–2008 гг. система «элитного» патронажа существенно трансформировалась, превратившись в систему «массового» патронажа⁹. Отныне часть денежных средств, собираемых партийными боссами, стала перераспределяться в пользу рядовых граждан, в частности направляться на развитие инфраструктуры. В начале 2000-х гг. Хун Сен возглавил кампанию по строительству школ в сельской местности на внебюджетные средства. В рамках данного проекта в 2000–2010 гг. было возведено 3,5 тысячи школьных зданий¹⁰. Деньги поступали из разных источников: от местных олигархов, неправительственных организаций, значительную часть составили личные взносы Хун Сена и его семьи. Всем новостройкам присваивалось его имя. В результате у руководства НПК накапливался впечатляющий список конкрет-

⁸ Система патронажных отношений была разрушена в период правления «красных кхмеров».

⁹ См.: Craig D. & Pak Kimchoeun. Learning from party financing of local investment projects in Cambodia: Elite and mass patronage, accountability and decentralized governance. A discussion paper. 2009.

¹⁰ www.cnv.org.kh (обращение 12.11.2012).

ных дел по «обустройству» страны. Столь щедрая работа о гражданах напрямую увязывалась с итогами всеобщих выборов, которые бы устраивали власть.

Важным шагом по институционализации патронажных отношений стало учреждение системы награды за крупные суммы благотворительных взносов, которая существенно повышала социальный статус дарителей и придавала самой благотворительности большую публичность. Так, бизнесмены, потратившие на благотворительность свыше 100 тыс. долл., получали от короля почетный титул «окня», который обеспечивал его обладателям особое место в социальной иерархии, а вместе с ним влияние в обществе, ценные связи, власть¹¹. Для более мелких дарителей была введена система награждения медалями¹². Некоторые представители бизнес-элиты, спонсирующие партийные проекты на регулярной основе, получали должность советника премьера¹³, которая, как правило, не предполагала оплаты труда и наличие офиса, но указывала на высоко ценящуюся в Камбодже связь с верхними эшелонами власти.

Окончательный этап структурирования системы «массового» патронажа пришелся на период проведения реформы по децентрализации власти в 2000-е гг. Создание системы комитетов местного самоуправления, сформированных на выборной основе, являлось важнейшим шагом по пути дальнейшей демократизации страны. Местные комитеты, наделявшиеся достаточно широкими административными полномочиями, получали в свое распоряжение бюджетные средства на реализацию проектов социально-экономического развития. Реформа должна была уменьшить финансовую зависимость местной власти от центра, развить инициативу как местных чиновников, так и рядовых граждан, внедрить принцип отчетности властей, поднять уровень доверия к ним со стороны камбоджийцев, т.е. привести на низовой уровень общества базовые демократические нормы.

Начиная осуществление реформы, власти прекрасно понимали, что она несет в себе угрозу ослабления патронажа. Поэтому параллельно с процессом децентрализации они приступили к созданию общественных структур, которые бы внедряли на местах систему патронажных отношений и постоянно ее воспроизводили. Во всех провинциях были организованы так называемые рабочие группы местного уровня (далее РГ) во главе с крупными партийными или государственными функционерами. К примеру, РГ провинции Такео возглавил первый заместитель

премьер-министра Сок Ан, РГ провинции Баттабанг — заместитель премьер-министра, министр внутренних дел Со Кхенг. РГ имеют ячейки во всех низовых территориально-административных структурах вплоть до деревни. Как правило, общее число работающих в группе составляет до 1 тыс. активистов. С одной стороны, в группе строго соблюдается иерархия, с другой — существует принцип неформального общения, что позволяет руководителю РГ знать реальную ситуацию на местах и настроения рядовых граждан.

Задача РГ собрать средства на реализацию (после детального обсуждения с местными жителями) какого-либо значимого для данного района проекта в социально-экономической сфере. В последние годы деятельность РГ сконцентрирована на развитии инфраструктуры и строительстве объектов социального назначения. Ответственность за сбор денег лежит на руководителе РГ, который помимо собственного солидного денежного вклада, а также взносов своих подчиненных и партийных соратников обязан мобилизовать поступление средств из других источников: от представителей бизнес — сообщества, зарубежной диаспоры, неправительственных организаций и т.д.

Успех в этом деле непосредственно влияет на репутацию и престиж руководителя РГ, открывая перед ним благоприятные перспективы карьерного роста. Не менее мотивировано участие в работе РГ и для рядовых волонтеров. Для сельской молодежи — это своеобразная возможность социального лифта, так как активистов, проявивших хорошие организаторские способности, нередко привлекают к работе в партийных структурах на постоянной основе. Для представителей мелкого бизнеса — это возможность завести полезные связи.

Деятельность РГ пользуется безусловной поддержкой населения. Накануне всеобщих выборов 2008 г. повсеместно проходили публичные церемонии, на которых звучала одна и та же фраза властей — данный объект построен по просьбе жителей на деньги РГ. Опросы общественного мнения, проведенные в 2010–2011 гг., показали, что особой заслугой НПК 78% кхмеров считает строительство дорог, 59% — школ, 29% — больниц, 19% — ирригационных сооружений¹⁴.

По мнению ряда западных экспертов, во многом благодаря деятельности РГ Камбодже удалось в последние пять лет существенно продвинуться в развитии инфраструктуры, что помогло осуществить серьезную экономическую трансформацию и стимулировать развитие наиболее отсталых — восточных и северных — провинций страны¹⁵.

¹¹ В XVII–XIX вв. этот титул давался чиновникам высокого ранга за длительную и безупречную службу королю. К 2008 г. титул «окня» получили 220 человек.

¹² Золотая медаль присуждается за благотворительные взносы в размере 10–100 тыс. долл.; серебряная — в размере 5–10 тыс., бронзовая — 1–5 тыс. долл. См.: Sopal Ear. *Growth in the Rice and Garment Sectors. // Cambodia's Economic Transformation*. Ed. Hughes C. & Kheang Un. NIAS Press, Copenhagen. 2011. С. 73.

¹³ Штат советников Хун Сена насчитывает 1 тыс. человек. См.: Sopal Ear. *Op. Cit.* С. 73.

¹⁴ Survey of Cambodian Public Opinion. IRI. November 30 — December 25, 2011. С. 12.

¹⁵ Hughes C. & Kheang Un. *Cambodia's Economic Transition: Historical and Theoretical Frameworks. // Cambodia's Economic Transformation*. С. 8.

Массовый патронаж — реальный, все более набирающий силу феномен. Базирующийся на неформальных нормах, он закрепился как общепризнанный элемент, гармонично вмонтированный в официально оформленную систему власти, в рамках которой РГ и выборные местные комитеты, как правило, достаточно плодотворно взаимодействуют. Массовый патронаж — сложное и противоречивое явление, требующее дальнейшего осмысления. С одной стороны, вобрав в себя нормы и правила политического поведения, веками существовавшие в камбоджийском обществе, этот тип патронажа закрепляет традиционный патерналистский характер власти, воспроизводит условия для ее персонификации и обеспечивает доминирование НПК. С другой стороны, через него осуществляется определенный диалог власти и общества, особенно на местном уровне. Это понуждает власть учитывать интересы и мнения населения, вести постоянный мониторинг ситуации на местах. В деятельности РГ, как правило, присутствуют хорошая координация, отчетность, прозрачность, публичность, инициативность, т.е. именно то, что зачастую пока отсутствует в работе местных выборных структур. Через посредство РГ реализуется участие довольно значительной части граждан в общественной жизни. Таким образом, массовый патронаж дает пример того, как традиционные структуры и ценности, приспосабливаясь к вызовам времени, генерируют если не по форме, то, по сути, некоторые демократические нормы.

Важнейшей составляющей двухтрековой стратегии стало «конструирование» харизмы¹⁶ Хун Сена с использованием традиционных норм и правил политического поведения, что позволило премьеру превратиться в политика номер один и обеспечить главенство исполнительной ветви в структуре политической власти.

Формируя свой политический имидж, Хун Сен во многом копирует политические технологии, широко практиковавшиеся самым харизматичным лидером Камбоджи XX в. — Нороддомом Сиануком.

Хун Сен позиционирует себя как лидер, сумевший вывести страну из глубочайшего политического, экономического и социального кризиса начала 1990-х гг. и полностью контролирующей ситуацию в государстве. Он много ездит по стране и присутствует на церемониях ввода в строй даже самых малых объектов социального назначения, (мостов, дорог, каналов, медпунктов, школ и т.д.). У премьера сохраняется очень высокая интенсивность встреч с населением, в среднем за месяц Хун Сен совершает не менее 15–20 поездок по провинциям.

Хун Сен перенял у Н. Сианука приемы подчеркнуто неофициального общения с простым народом.

¹⁶ Термин «конструирование харизмы» широко употребляется в политологической литературе по проблемам лидерства. К примеру, см.: Beyer J.M. Taming and Promoting Charisma to Change Organizations. // Leadership Quarterly, 10(2), 1999. С. 307–330.

Его можно увидеть по колено в воде на рисовом поле, с лопатой в руке на строительстве канала, с банкой, собирающим сок гевеи, спускающимся на вертолете посреди кхмерской деревни и, как правило, всегда в обнимку с простыми камбоджийцами. Виртуозно овладев социальной риторикой на тему «простого человека», он постоянно публично подчеркивает, что «говорит с кхмерскими крестьянами на одном языке» и что «только бедные могут понять бедных», подразумевая, что он сам выходец из бедной крестьянской семьи. Хун Сен призывает своих соратников по партии никогда не забывать «вкус бедности»¹⁷.

Премьер умело выстраивает коммуникативную стратегию. Его речи всегда расцвечены яркими, запоминающимися историями из его собственной жизни, которые тонко вплетены в канву как исторического развития страны в целом, так и того или иного конкретного мероприятия.

Он жестко увязывает наиболее успешные социальные программы, реализуемые через систему массового патронажа, со своим именем, тем самым демонстрируя постоянную заботу о подданных. В качестве признания особых государственных заслуг премьеру был дарован древнейший титул, который присуждался только двум кхмерским военачальникам в XVI в. за победы над сямской армией.

Стиль руководства и манера поведения Хун Сена как публичного политика привели к гипертрофированной персонификации политического процесса, проявившейся в первую очередь в превознесении личных заслуг Хун Сена как в деле сохранения политической стабильности, так и в достижении конкретных результатов роста благосостояния рядовых граждан. Этому способствовало насаждение в массах через СМИ (особенно через телевидение, которое полностью контролируется правящей партией) идеи отсутствия альтернативы Хун Сену, неспособности какого-либо другого политического деятеля возглавить правительство, и, как следствие этого, опасности возникновения в случае ухода лидера вакуума власти, чреватой негативными для страны последствиями — утратой политической стабильности, резким снижением темпов экономического роста, уровня жизни и т.п.

Следует признать, что стратегия Хун Сена достигла своей цели, так как в последние годы фактически все надежды населения на решение каких-либо серьезных социально-экономических и политических проблем возлагаются на премьер-министра. По данным Gallup Poll за 2011 г., почти девять из десяти камбоджийцев — 87% — полагают, что «Хун Сен хорошо выполняет свою работу премьер-министра»¹⁸. Столь высокий рейтинг доверия означает, что, несмотря на сверх длительное пребывание Хун Сена

¹⁷ Hun Sen. Selected Comments at the First Meeting of the Fourth Legislature Cabinet. 26.12.2008. // www.cnv.org.kh

¹⁸ The Phnom Penh Post. 14.05.2012.

во власти — в течение почти трех десятилетий¹⁹, у населения Камбоджи отсутствует явно выраженный массовый запрос на появление как нового лидера, так и новой политической стилистики²⁰.

По данным социологических опросов Института Гэллапа, большинство камбоджийцев «серьезно опасается любых рисков, связанных с изменениями власти, и позитивно относится к тому, что Хун Сен будет переизбираться на следующий срок, так как его политика предсказуема»²¹.

Знаковыми событиями в процессе оформления политического доминирования НПК стало отречение в 2004 г. от престола короля Н. Сианука и его смерть в 2012 г. Общественная значимость института монархии в 1993–2004 гг. определялась неординарностью личности Н. Сианука и безусловным признанием нацией его заслуг как «отца независимости и национального примирения». Как политические элиты, так и рядовые граждане единодушно сходились во мнении, что по масштабу личности, по степени харизматичности Н. Сиануку не было равных в стране. Это позволяло ему выполнять роль арбитра, стоящего над политическими элитами. Сменивший Н. Сианука на троне король Н. Сиамони, не обладает пока столь высоким моральным авторитетом и серьезно проигрывает в сравнении со своим отцом. Королевская семья очень разобщена, она не имеет таких прочных связей с бизнес-элитой, как правящая партия. Все это, не затрагивая стабильности самого института монархии, видимо, приведет к постепенному превращению монарха в чисто церемониальную фигуру.

Однако монополизация НПК политического пространства страны создает определенные риски для самой этой партии. В любых провалах социально-экономической политики население теперь винит только правящую партию. Ярким подтверждением этому стал рост крестьянских протестов в 2011–2012 гг., вызванный участившимися незаконными захватами крестьянских земель. Протесты дискредитировали основные лозунги правящей элиты о достижении внутривластной стабильности и о значительном повышении уровня жизни населения как главных результатах ее двадцатилетнего пребывания у власти. Ситуация усугублялась близостью местных (лето 2012 г.) и парламентских (лето 2013 г.) выборов. Однако, как показывает опыт, Хун Сен в какой-то момент, когда казалось, что ситуация уже проиграна, все-таки успевает найти эффективный ответ на вызовы времени, перехватить инициа-

тиву, предложить свой вариант, который устраивает большинство. Так, в конце апреля 2012 г. он издал указ о введении моратория на выдачу новых и ревизию существующих земельных концессий, а также о защите прав крестьянской собственности²². Указ вызвал неоднозначную реакцию в камбоджийском обществе. В СМИ подчеркивался вынужденный характер этой меры, предпринятый якобы в чисто пиаровских целях, чтобы нейтрализовать возможную критику со стороны специального представителя Генерального секретаря ООН по правам человека С. Субеди, который в ходе визита в Камбоджу в 2012 г. посетил те провинции, где особенно был замечен рост протестных крестьянских движений.

Однако, к удивлению многих, премьер немедленно приступил к реальному исправлению ситуации. Он объявил кампанию по размежеванию спорных земельных участков и ускорению выдачи крестьянам свидетельств о земельной собственности. К участию в ней была привлечена 1 тыс. волонтеров из общественных молодежных организаций. Осенью 2012 г. Хун Сен представил общественности свой личный график поездок по стране для выдачи крестьянам свидетельств о земельной собственности. Быстрота, с которой развернулась эта кампания, и эффективность популистских лозунгов «наказать всех без исключения концессионеров-нарушителей» позволили существенно снизить уровень социального недовольства и склонить общественное мнение на сторону властей.

Способность власти принимать посылаемые обществом сигналы и адекватно реагировать на острые моменты в целом способствует формированию позитивного отношения населения к НПК даже в условиях неблагоприятного социально-экономического контекста. К примеру, подавляющее большинство камбоджийцев недовольно крайне высоким уровнем коррупции. По оценкам Transparency International, по этому показателю в 2011 г. Камбоджа заняла 164-е место среди 183 стран²³. О масштабах взяточничества в стране свидетельствуют данные международных НПО, согласно которым в 2011 г. 84% населения Камбоджи давали взятки, чтобы иметь доступ к образованию, здравоохранению, бизнесу или получить необходимые им услуги от административных служб разного уровня²⁴. При этом социологические опросы показывают, что 87% населения считает, что правительство ведет борьбу с коррупцией, а 45% — что борьба ведется очень активно²⁵. По мнению более 60% населения, Хун Сен сможет побороть коррупцию, так как он «всегда дает

¹⁹ Хун Сен занимает пост премьер-министра Королевства Камбоджа с 1993 г. В 1985–1989 гг. занимал пост премьер-министра Народной Республики Кампучии, в 1989–1993 гг. был премьером Государства Камбоджа.

²⁰ По оценкам Asian Barometer Project в странах Азии, признающих демократические принципы, потребность в установлении каких-либо ограничительных сроков пребывания лидера у власти в целом выражена значительно слабее, чем в других регионах мира. — См.: Democracy Index 2011. С. 24.

²¹ Пном Пень Пост (на кхмерском языке). 14.05.2012.

²² Пном Пень Пост (на кхмерском языке). 08.05.2012.

²³ The Phnom Penh Post. 24.05.2012.

²⁴ The Epoch Times. 15–21.12.2011.

²⁵ Survey of Cambodian public Opinion. IRI. November 30 – December 25, 2011. С. 17.

реалистичные обещания, максимально приближенные к повседневным запросам населения»²⁶.

Все годы борьбы за монополизацию власти НПК выступала единым монолитным блоком. Хотя не секрет, что внутри нее существуют две группировки, сформировавшиеся еще в конце 1980-х гг. В тот период они отражали разность во взглядах членов партии на курс развития страны — консервативный или реформаторский — и были связаны соответственно с именами наиболее влиятельных политиков того времени — Чеа Сима, председателя НПК и Хун Сена — его заместителя. В 1990-е гг., когда ход реформ в Камбодже во многом определялся странами-донорами, различия во взглядах уже утратили прежнее значение, и сохранение группировок в партии определялось главным образом традиционным патронажем, в рамках которого одна часть партийной элиты ориентировалась на Чеа Сима, а другая — на Хун Сена. Между политиками существовала договоренность о разделе сфер влияния, неукоснительно соблюдавшаяся в течение двух десятилетий: Чеа Сим возглавляет партию, а Хун Сен — правительство²⁷. И хотя Чеа Сим все это время держался несколько в тени, он оставался очень авторитетным политическим деятелем, контролировавшим мощные группы влияния в провинциях.

Однако преклонный возраст и слабое здоровье уже не позволяют Чеа Симу в полной мере сохранять прежний уровень влияния. Аресты в 2011–2012 гг. ряда лиц из ближайшего окружения Чеа Сима (начальника протокольного отдела, начальника личной охраны и др.), обвиняемых в коррупции и злоупотреблении служебным положением, косвенно свидетельствуют об определенной перегруппировке сил и возможном обострении борьбы элитных кланов внутри партии. Причем есть основания полагать, что вновь активизировалась борьба по линии консерваторы/реформаторы. Так, среди высокопоставленных функционеров все более открыто стали звучать призывы «навести порядок в собственном доме», разобраться, кто желает перемен, а кто нет²⁸.

Хотя, по общему мнению камбоджийских политологов, Хун Сену едва ли найдется реальная альтернатива, премьер, будучи опытным политиком, предпочитает перестраховаться, значительно усилив позиции в высших армейских структурах с помощью своих сыновей — профессиональных военных²⁹. К тому же, понимая неизбежность естественной смены поколений политической элиты, работая на отдаленную перспективу, Хун Сен начал тонкую

игру по постепенному подключению сыновей к политической деятельности.

Важным показателем процесса демократизации в Камбодже является деятельность оппозиционных партий. Системная оппозиция, представленная двумя партиями, — ведущей, более опытной Партией Сам Рэнси (ПСР), и недавно образованной Партией прав человека (ППЧ) во главе с Кем Сокха, — предпринимает серьезные усилия по превращению в реальную политическую силу.

Долгое время считалось, что ахиллесовой пятой ПСР является ее чрезмерная зависимость от личности лидера. Как утверждали камбоджийские политологи, «в случае ухода Сам Рэнси с политической арены его партия развалится как карточный домик»³⁰. Однако эти пессимистические прогнозы не оправдались. Несмотря на тот факт, что Сам Рэнси вот уже три года живет в Париже и его возможности непосредственно управлять партийными делами довольно ограничены³¹, ПСР на выборах 2012 г. увеличила свое представительство в Сенате с 2 мест до 11, а на выборах в местные органы власти, хотя и не избежала потери 4% по сравнению с выборами 2007 г., все же добилась неплохого результата, обеспечив себе 19% мест.

Партия прав человека, впервые участвовавшая в местных выборах, неожиданно для многих получила 7% мест. В целом итоги выборов свидетельствуют о сохранении оппозиционными партиями своего стабильного сегмента электората, который составляет около 25 — 30% избирателей, прежде всего довольно прочных позиций в столице, где их поддерживает не менее 1/3 избирателей.

Последние годы оппозиции, в значительной мере благодаря инициативам по аграрным вопросам, удалось несколько расширить свою социальную базу в сельской местности — традиционной вотчине правящей партии. Однако основное внимание оппозиционные партии продолжали уделять городской молодежи в возрасте от 18 до 30 лет, т.е. той части электората, которая в Камбодже служит главным источником оппозиционных настроений. В работе с этой возрастной категорией оппозиция активно использует националистическую риторику. Хотя ПСР несколько сбавила ее публичный тон, Сам Рэнси по-прежнему остается лидером волны «этни-

³⁰ The Phnom Penh Post 30.12.2002–02.01.2003.

³¹ Вынужденная эмиграция Сам Рэнси вызвана тем, что в январе 2010 г. муниципальный суд Пном Пеня приговорил его к двум годам лишения свободы за правонарушение на камбоджийско-вьетнамской границе. В 2009 г. он выкопал шесть пограничных столбов, установленных в ходе демаркации границы, заявив, что они должны быть перенесены в глубь территории Вьетнама, которому, по его мнению, незаконно отошли отдельные участки территории Камбоджи. Тем же судом он был приговорен к 10 годам тюремного заключения по другому эпизоду, связанному с распространением якобы сфальсифицированных им карт камбоджийско-вьетнамской границы, свидетельствовавших о «посягательствах Вьетнама на земли Камбоджи». В феврале 2011 г. он был лишен депутатского мандата.

²⁶ Расмей Кампучия (на кхмерском языке). 15.11.2011.

²⁷ См.: Hun Sen. Briefing the Press on the New National Election Committee. September 2004 // www.cnv.org.kh

²⁸ Интервью, взятое автором 20.11.2010.

²⁹ Генерал-майор Хун Манет назначен заместителем командующего Сухопутными силами, зам. начальника личной охраны премьера и начальником департамента по борьбе с терроризмом МО; полковник Хун Манит стал зам. начальника департамента разведки МО.

ческого возрождения», которая несет сильный заряд антивьетнамизма. Оппозиция не признает правомочность камбоджийско-вьетнамских договоров о границе 1985 г. и 2005 г.

В 2011–2012 гг. взаимоотношения оппозиционных партий, особенно ПСР, и правящего режима, как и прежде, развивались в конфронтационном духе. Хун Сен, который в совершенстве владеет технологией власти, прекрасно понимает, что отсутствие оппозиционных партий неизбежно становится фактором, усиливающим напряженность в обществе, ибо, как свидетельствует прошлый опыт Камбоджи, социальные настроения негативного характера, не артикулированные партиями, в поисках самовыражения принимают стихийные, часто насильственные формы. Кроме того, Хун Сен вовсе не желает подрывать конструктивный характер своих отношений с западными партнерами, посягая на классический набор демократических институтов, неотъемлемой частью которого являются оппозиционные партии. Официальная позиция правительства состоит в том, что оно преследует не оппозиционные структуры, а лишь отдельных оппозиционеров, нарушающих закон. Свою задачу власти видят в том, чтобы не запрещать деятельность оппозиции, а контролировать ее, а в случае невозможности установления контроля дискредитировать оппозиционные партии в глазах общественности, представив их маргиналами и аутсайдерами. Поскольку ПСР является крайне несговорчивым партнером, то по отношению к ней власти выбрали тактику дискредитации, важнейшим элементом которой является стимулирование дезертирства из ее рядов.

Кхмерский политолог Лао Монг Хай откровенно признает: «Переход из оппозиционных партий в правящую НПК — это обычное явление в Камбодже. Как правило, изменение партийной принадлежности определяется не идейными соображениями, а чисто личными интересами, надеждой на более благополучное существование, которое обеспечивает им членство в НПК. Подобное дезертирство всегда хорошо оплачено»³². Признавая заурядность самого процесса межпартийных переходов в преддверии выборов, кхмерские политические обозреватели в то же время указывали на невиданный доселе масштаб дезертирства — 500 человек — из ПСР в НПК, отмеченный за месяц до выборов в местные органы власти в мае 2012 г.³³

Противостоять этой тенденции могут реальные шаги к объединению оппозиционных партий. После почти двухлетних переговоров в июле 2012 г. в Маниле (Филиппины) Сам Рэнси и Кем Сокха подписали меморандум о намерении создать в ближайшем будущем на базе своих партий единую организацию «Партию национального спасения Камбоджи» (ПНСК), главная задача которой в краткосрочной

перспективе состоит в подготовке к парламентским выборам 2013 г.³⁴

Следует признать, что, несмотря на определенные успехи, достигнутые оппозицией в прошедшие годы, ей едва ли удастся в ближайшем будущем увеличить свой электорат, так как существуют и в перспективе сохраняются серьезные объективные ограничители деятельности оппозиционных партий. Среди них:

1. Слабая финансовая база, которая в основном формируется из добровольных пожертвований представителей кхмерской зарубежной диаспоры³⁵.

2. Чрезмерная зависимость от международной поддержки. Сам Рэнси неоднократно заявлял, что главным двигателем процесса демократизации в Камбодже должно стать мировое сообщество. Сдерживание авторитарных тенденций власти Хун Сена, а также перспективу своего возвращения в Камбоджу оппозиционный лидер напрямую увязывает с оказанием давления на премьера со стороны западных стран. Однако эти надежды несколько преувеличены. США проводят в Камбодже политику «двойного участия»³⁶. Не скрывая своей поддержки политических требований и инициатив оппозиции, Вашингтон заботится о сохранении постоянного конструктивного диалога с руководством Камбоджи для решения практических вопросов двусторонних отношений. Так, во время своих неоднократных визитов в Камбоджу госсекретарь США Х. Клинтон регулярно встречалась с представителями оппозиции и поднимала перед руководством страны вопросы соблюдения прав человека. Однако в ходе первого в истории Камбоджи визита американского президента в Пном Пень в рамках VII Восточно-Азиатского саммита в ноябре 2012 г. Б. Обама ни разу публично не упомянул проблему прав человека в Камбодже³⁷. Тем самым Вашингтон откровенно продемонстрировал прагматичный курс, направленный на развитие отношений с официальной властью при сохранении контактов с оппозицией.

Учитывая грядущие летом 2013 г. парламентские выборы, можно ожидать некоторого усиления финансовой и особенно информационной поддержки оппозиционных партий со стороны Запада, который за-

³⁴ С правовой точки зрения ситуация осложняется тем, что самороспуск оппозиционных партий автоматически влечет утрату ими мест в высших и местных выборных органах власти. Регистрация же и раскрутка новой партии потребуют значительного времени, которого у оппозиции может оказаться недостаточно, чтобы серьезно подготовиться к выборам. К тому же весь предыдущий опыт их взаимодействия свидетельствовал о неспособности работать конструктивно единой командой.

³⁵ В ходе полугодового турне по странам Европы, США и Канады в 2012 г. Сам Рэнси удалось собрать порядка 100 тыс. долл., тогда как, по мнению кхмерских политологов, для проведения эффективной предвыборной кампании требуется не менее 1 млн. долл. www.ki-media (обращение 12.10.2012).

³⁶ Термин используемый авторами аналитического доклада «Международный фактор в российской внутренней политике // Международные процессы. №1, январь/апрель 2012. С. 59.

³⁷ Пном Пень Пост (на кхмерском языке). 22.11.2012.

³² Cambodia Daily. 11.05.2012.

³³ Пном Пень Пост (на кхмерском языке). 11.05.2012.

интересован в том, чтобы оппозиция как выразитель либерально-демократических ценностей была достаточно широко представлена на выборах. Однако при нынешнем раскладе внутривнутриполитических сил в стране ей едва ли удастся получить голоса более 20–25% избирателей. Мало кто из наблюдателей сомневается в уверенной победе (независимо от степени прозрачности самой процедуры будущих выборов) Народной партии Камбоджи и лично Хун Сена, который действительно в настоящее время пользуется поддержкой значительной части населения страны.

В целом анализ тенденций внутривнутриполитического развития Камбоджи не дает серьезных оснований ожидать в среднесрочной перспективе (до 2020 г.) каких-либо впечатляющих прорывов или откатов в продолжающемся процессе демократизации. С достаточно высокой долей уверенности можно говорить лишь о возможных колебаниях в сторону большего или меньшего соблюдения прав человека, которые будут определяться исключительно потребностью текущего политического момента.

Не вызывает сомнений, что США и ЕС по-прежнему будут использовать рычаги экономического и политического воздействия для укрепления демократических тенденций в Камбодже. Однако Вашингтону и Брюсселю не стоит питать особых иллюзий относительно эффективности такого рода давления на Камбоджу. Руководство страны, поддерживая конструктивный характер отношений с западными партнерами, сумело за последние годы заметно уменьшить зависимость от экономической помощи Запада благодаря расширяющемуся экономическому сотрудничеству с Пекином, которое не обременено никакими политическими условиями. Следует признать, что сегодня критика со стороны западных стран не представляет для нынешней власти реальной угрозы. Имидж правящего класса Камбоджи во главе с Хун Сенем уже давно сформировался, и едва ли какие-либо нападки или похвалы в адрес режима могут принести нечто новое в восприятие его массовым сознанием камбоджийского общества.

Народная партия Камбоджи имеет все шансы сохранить доминирующие позиции в политическом

пространстве страны в первую очередь благодаря умению поддерживать политическую стабильность и экономический рост, которые будут оставаться приоритетными факторами для подавляющего большинства населения. По прогнозам МВФ, в пятилетней перспективе, правительству удастся удерживать высокие темпы экономического роста (около 7%), низкий уровень инфляции (4%) и довести темпы снижения уровня бедности до 1% в год. На эту перспективу работают и возможные уже через 1–2 года поступления в бюджет доходов от нефтедобычи.

К числу потенциальных рисков для самой НПК следует отнести неизбежную смену поколений партийной элиты, которая, скорее всего, произойдет в ходе выборов 2018 г., а также высокую степень финансовой зависимости партии от узкого круга олигархических групп, которые все энергичнее будут стремиться играть самостоятельную роль.

Разумеется, ускорение процесса урбанизации, развитие системы образования, рост мелкого и среднего бизнеса, а также глобальный демократический тренд создают благоприятные предпосылки для увеличения оппозиционного сегмента общества (в пределах 30%). При этом важным мобилизационным козырем оппозиции по-прежнему останутся националистические лозунги. Учитывая остроту проблемы, ставка на национализм предоставит властям удобные поводы для судебного преследования оппозиционеров. Как представляется, правящая элита все активнее будет прибегать к помощи судебной системы для устранения неугодных оппозиционных лидеров.

На этом фоне, очевидно, сохранится выработанный за последние годы алгоритм приобщения камбоджийцев к принципам классической демократии при сознательном культивировании властью традиционных ценностей собственной политической культуры. В результате неизбежно возникнет кхмерский вариант гражданского общества, основанного на эклектичном смешении национального субстрата и западных элементов во всех компонентах политической системы — механизме функционирования органов власти, деятельности политических партий, политическом мышлении и поведении лидеров и масс.

О.И. Жигалина*

Ситуация в этническом Курдистане и перспективы ее развития

Сохраняющаяся напряженность на Ближнем и Среднем Востоке в связи с событиями в Сирии оказывает определенное влияние и на ситуацию в курдских ареалах Сирии, Турции, а также Курдистанского региона Ирака, которые до Первой мировой войны входили в состав Османской империи. Курды представляют собой самостоятельную политическую силу в Западной Азии. На фоне развернувшихся событий в Сирии, связанных с попыткой повстанческой оппозиции свергнуть баасистский режим Б. Асада, твердо и решительно прозвучали требования гражданских прав и автономии курдов Сирии и Турции. Иракские курды, получившие федеративный статус после свержения диктаторского режима С. Хусейна, в непростых обстоятельствах внутри страны и в ближневосточном регионе в целом стремятся сохранить свой полунезависимый статус и в то же время не остаются равнодушными к судьбе сирийских и турецких курдов. Они прилагают усилия для создания необходимых условий для образования курдских автономий в Сирийском и Турецком Курдистане с целью в дальнейшем создания курдского независимого государства в Западной Азии. В связи с этим в предлагаемой статье мы постараемся проанализировать политическое положение обозначенного выше курдского ареала и перспективы развития ситуации в нем под воздействием ряда страновых, внутривосточных и внешних факторов.

Состояние курдской проблемы в Сирии

Сирийский (Западный) Курдистан, находящийся как бы на периферии разделенного государственных границами Ирака, Турции, Сирии и Ирана этнического Курдистана, под влиянием событий, связанных с попытками свержения режима Б. Асада, за последний год стал важным политическим центром. Активизация борьбы множества партий сирийских курдов за свои гражданские права потребовала их объединения и выработки общей платформы действий. Они составили два блока: один из них — Курдский национальный совет (КНС) объединяет организации прозападной ориентации, а другой — Народный Совет Сирийского Курдистана (НССК) находится под влиянием идеологии А. Оджалана. Лидирующее место в последнем занимает Партия демократического союза (ПДС), аффилированная с Рабочей партией Курдистана (РПК) турецких курдов. Эти блоки представляют серьезную военно-политическую силу, решительно заявившую о себе в Сирийском Курдистане, выступающую за свержения притеснявшего их режима Б. Асада. Они стремятся к решению курдского вопроса в Сирии на законодательной основе и в рамках новой конституции.

Летом 2012 г. силы сирийской оппозиции и армия покинули большинство городов Сирийского Курдистана, сосредоточившись на борьбе за Алеппо. Этим воспользовались вооруженные формирования ПДС, которые захватили над ними контроль. Отношения между курдской и сирийской оппозицией неоднозначны, несмотря на то, что Сирийский национальный совет (СНС) возглавляет Абдел Бассет Сейда, курд по происхождению. Кроме того, курды есть как в составе Федеральной сирийской армии, так и в подразделениях Защиты народа, которые выступили, в частности, в Алеппо, где атаковали военный контрольный пункт и убили шестерых асадовских солдат¹.

Несмотря на попытки объединения сирийских курдов, на практике они участвуют в составе различных политических и военных формирований. Их военный потенциал готовы использовать и повстанческие силы, которые считают, что при получении необходимой помощи из Турции они не только могли бы свергнуть режим Б. Асада, но и разгромить группировку сторонников А. Оджалана. Однако в составе сирийской оппозиции военно-политическая группировка его сторонников является наиболее организованной и эффективной.

Из-за отсутствия реальной сплоченности сирийских курдов они по-разному представляют конечные цели своей борьбы: одни из них выступают за повторение опыта иракских курдов, требуя автономии в рамках Сирии. Хотя они считают, что время для автономии пока не пришло, но необходимо добиваться децентрализации, которая, по их мнению, является удобной формой правления в поликонфессиональной и полиэтничной Сирии². Другая часть курдского сообщества Сирии заявляет, что не требует автономии, а желает, чтобы их права были гарантированы новой конституцией. Разделяя эту точку зрения, Байят Башир, лидер Демократической партии Сирийского Курдистана, подчеркнул, что его партия выступает за равноправие в новой Сирии и единство страны³.

Перспектива провозглашения автономии захваченной ПДС территории Сирийского Курдистана вызывает позитивную реакцию турецких и иракских курдов, о чем свидетельствует усиление их трансграничного взаимодействия.

* Статья выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

¹ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/7/syriakurd562.htm>

² <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/7/seriakurd551.htm>

³ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/7/syriakurd560.htm>

Усиление трансграничного взаимодействия курдов Сирии, Ирака и Турции

Авторитетный и гибкий политик иракских курдов Масуд Барзани стал медиатором создания общей политической платформы двух блоков сирийских курдов. 11 июля 2012 г. в Эрбиле (Иракский Курдистан) состоялось заседание руководства двух блоков (КНС и НССК) сирийских курдов под патронатом М. Барзани, на котором было подписано соглашение между ними о единстве действий и создании Курдского Высшего Совета (КВС) сирийских курдов. На него была возложена ответственность за ситуацию в Сирийском Курдистане. Он должен быть там единственным административным органом до тех пор, пока не будут проведены демократические выборы новых структур власти. Были достигнуты договоренности, что в нем оба блока будут представлены 50/50. Безопасность этого региона будет возложена на новые подразделения, готовящиеся сейчас в Иракском Курдистане. М. Барзани заявил о наличии в регионе тренировочных лагерей для военной подготовки сирийских курдов. Это солдаты, дезертировавшие из армии и перешедшие сирийско-иракскую границу. Создаваемые силы будут в распоряжении Курдского Высшего Совета. Кроме того, в качестве поддержки сирийских курдов в Камышлы из Иракского Курдистана было направлено 700 вооруженных бойцов, а также открыт переходный пункт Хабура на иракско-сирийской границе для военных нужд и пр.⁴

Такая поддержка иракских курдов осуществляется, несмотря на их идеологическое различие с ПДС. Не случайно один из курдских чиновников, близких к М. Барзани, заявил, что ПДС не доминирует среди курдских группировок в Сирии; она пытается лишь восполнить политический вакуум и обеспечивает безопасность в Сирийском Курдистане, который покинула сирийская армия⁵.

Несогласованность действий руководства курдской оппозиции Сирии приводит к возникновению противоречий. Так, например, в переговорах в Эрбиле были проигнорированы представители ПДС, что вызвало их резкий протест. С. Муслим, генеральный секретарь ПДС, осудил деятельность членов КНС, пошедших на сотрудничество с СНС, заявив, что этот шаг изолирует ПДС от сирийской оппозиции. А раз был создан ВСК, то принятие решений в интересах одной стороны неприемлемо.

В это же время в Камышлы прошла 100-тысячная демонстрация, участники которой выражали поддержку подписанию Эрбильского соглашения. При этом представитель КНС в Камышлы сказал, что соглашение благотворным образом влияет не только на положение Сирийского Курдистана, но и Сирии в целом. При этом демонстранты держали портреты М. Барзани и А. Оджалана. Во время демонстрации Рамзия Мохаммад, сопредседатель ПДС в Камышлы, заявила

свой протест одностороннему участию КНС в переговорах в Эрбиле. Она отметила, что такая позиция вредит делу сирийских курдов. Р. Мохаммад подчеркнула, что она приветствует Эрбильское соглашение, но выступает против того, чтобы оно использовалось для целей одной политической группы. Она сказала, что курды будут зорко следить за ведением политической игры в Курдистане, в особенности той, которую ведет Турция вокруг событий в Сирийском Курдистане, и призвала к реальному объединению и игнорированию участия во «враждебных сценариях»⁶.

Таким образом, непродуманная политика в курдском вопросе некоторых региональных политических течений может при определенных обстоятельствах стать причиной возникновения внутрикурдского конфликта.

Покровительство М. Барзани, оказанное им двум блокам сирийских курдов во время подписания ими 9 июля соглашения о сотрудничестве и создании Высшего Совета Курдистана (ВСК) как временного органа самоуправления Сирийского Курдистана, существенно усилило его авторитет среди курдов этнического Курдистана. Несмотря на идеологические и прочие расхождения, с ним считается, например, руководитель РПК М. Карайлан, который прислушивается к советам Барзани. Турецкие курды в лице РПК и руководство Курдистанского региона Ирака поддерживают усилия сирийских курдов обрести свои национальные права в новой Сирии, с одной стороны, а с другой — они стараются осуществить и собственные интересы. Начавшийся процесс консолидации сил курдского движения в этническом Курдистане не может не беспокоить Турцию и СНС, заинтересованных в приходе к власти в Сирии происламских сил.

В создавшейся ситуации М. Барзани является ключевой политической фигурой. Его авторитет пытается использовать СНС в своих интересах. Не случайно Эрбиль посетил руководитель СНС А.Б. Сейда, предложивший М. Барзани присоединиться к сирийской оппозиции. До своего назначения на пост руководителя СНС в июне 2012 г. Сейда тайно уже посетил М. Барзани. В новом альянсе сирийских курдов блок КНС для Барзани ближе другого блока Народного совета Сирийского (Западного) Курдистана, находящего под идейным влиянием А. Оджалана, бойцы которого захватили ряд городов Сирийского Курдистана и удерживают над ними контроль. Однако возглавляемые М. Барзани политические силы являются светскими и прозападными, предпочтения которых противоречат основанному на исламе идеалам СНС. Несмотря на идеологические расхождения с ПДС, иракские курды поддерживают устремления сил курдской оппозиции в Сирии.

Положение Курдистанского региона Ирака

В последнее время региональное правительство Курдистана старается укрепить свой Курдистанский

⁴ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/8/turkey4069.htm>

⁵ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/8/state6402.htm>

⁶ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/8/syriakurd579.htm>

регион. Пешмерга (курдская милиция) приведены в полную боевую готовность и готовы занять Киркук, находящийся, однако, под военно-политическим контролем Багдада. Курдские подразделения располагаются севернее Рабии в иракско-турецко-сирийском треугольнике. Они также захватили контроль над провинцией Ниневея.

Являясь опытным политиком, М. Барзани, по видимому, пытается использовать события в Сирии для решения ряда проблем и, в частности, вопроса спорных территорий. Оно торпедируется правящей в Ираке шиитской политической группировкой, руководимой премьер-министром Н. ал-Малики.

В последнее время напряженность между Багдадом и Эрбилем усилилась в связи с продвижением федеральной армии к иракско-сирийской границе. М. Барзани возражает против дислокации иракской армии в спорных территориях. Н. ал-Малики объяснил, что эта мера вызвана необходимостью предотвращения негативного влияния событий в Сирии на ситуацию в Северном Ираке и обеспечения безопасности. Он также подчеркнул, что ответственность за охрану границ и суверенитет возложена на центральное правительство.

Напряженность между Багдадом и Эрбилем усилилась, когда федеральная армия продвинулась из Рабии в контролируемый курдами пограничный пункт Фишхабур в районе Зумара, являющийся частью спорной территории. Курдские пешмерга преградили путь федеральной армии. Н. ал-Малики сказал по этому поводу, что подобные действия регионального правительства Курдистана только усилят внутривосточный конфликт между Центром и Эрбилем. На что курды заявили, что использование армии для урегулирования внутренних конфликтов противоречит иракской конституции, а М. Барзани обвинил ал-Малики в непрофессионализме⁷.

При этом население спорного региона и Ниневеи спасается бегством, опасаясь вооруженных столкновений пешмерга с федеральными войсками, которые будто бы уже введены в Киркук, Джалюла и Саадия. Кроме того, федеральные войска все еще остаются в Змаре, а курдские подразделения из Ханакина следуют к линии возможного столкновения с армией. Губернатор Ниневеи отметил, что напряженность в отношениях между иракскими подразделениями, осуществляющими охрану иракско-сирийской границы, и пешмерга усиливается.

Иракское руководство заявило протест М. Барзани против открытия курдами прохода для вооруженных сирийцев из Сирии в район Хабура. В препятствии пешмерга проходу федеральных войск к иракско-сирийской границе ал-Малики усматривает попытку М. Барзани провозгласить «государство в государстве», что он считает весьма опасным прецедентом. А курдский контроль прохода со стороны Сирии в Хабура является, по его мнению, подтверж-

дением того, что иракские курды не прекратят свою поддержку повстанцам⁸.

Итак, в основе напряженности между Багдадом и Эрбилем находится различие подходов к оценке событий в Сирии. Хотя правительство ал-Малики и выступает как будто против режима Б. Асада, оно заявляет о поддержке «сирийского народа». При этом он перекрыл доступ в страну сирийским беженцам по причине неспособности Ирака обеспечить им соответствующие условия пребывания.

Смягчению отношений между Эрбилем и Багдадом способствовало, однако, вмешательство США. После звонка из Вашингтона состоялось якобы подписание главой подразделений курдских пешмерга и министром обороны Ирака соглашения из 7 пунктов, касающегося продвижения федеральной армии к северной границе Ирака и дислокации подразделений пешмерга в спорных территориях⁹. Стороны договорились сотрудничать с целью предотвращения вооруженных стычек и вывести войска из зоны иракско-сирийской границы по завершении сирийского кризиса. Вашингтон не впервые вмешивается в дела Ирака для смягчения напряженности. Этому должно также способствовать и возобновление экспорта нефти и газа, что было одной из проблем напряженности отношений иракских курдов с центральным правительством¹⁰.

Иракское руководство заинтересовано в сохранении стабильности в Иракском Курдистане. Дело в том, что в конце 2012 г. заканчивается срок полномочий действующего президента Курдистанского региона Ирака М. Барзани. Возглавляемый им клан начал подготовку к сохранению власти в своих руках. Не случайно в Эрбиле была создана новая организация — Совет Безопасности (СБ), которую возглавил Масрур, сын Масуда Барзани. На Совет Безопасности возложена ответственность за внутреннюю безопасность в регионе. Она также будет выполнять военные и разведывательные функции в Курдистанском регионе, имеющем, согласно конституции, свое правительство, законодательство и экономическую самостоятельность. Сосредоточение в одном ведомстве различных структур безопасности, по мнению некоторых экспертов, облегчает принятие военных решений в случае необходимости¹¹. СБ будет иметь статус министерства.

Знаковой фигурой в клане Барзани является также Нечирван Барзани, являющийся заместителем председателя ДПК. Он также исполняет обязанности премьер-министра Регионального правительства Курдистана.

Помимо важных позиций, занятых Масруром и Нечирваном Барзани, братья, племянники и другие родственники Масуда Барзани также занимают влиятельные посты в военной, административной

⁷ <http://www.Ekurd.net/mismas/articles/misc2012/7/govt2050.htm>

⁸ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/7/turkey4061.htm>

⁹ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/8/state6404.htm>

¹⁰ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/8/state6403.htm>

¹¹ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/8state6427.htm>

и торговой сферах¹². Это весьма важно для закрепления роли клана Барзани во властных структурах в преддверии предстоящих выборов президента Курдистанского региона Ирака.

Наряду с кланом Барзани достаточно велика роль и клана Талабани в политической жизни Курдистанского региона Ирака. Дж. Талабани, руководитель ПСК (Патриотического Союза Курдистана), является президентом Ирака, а его жена, Херо, член политбюро партии и руководитель отделения ПСК в Симани. Их сын, Кубат, представитель ПСК в США. Другие родственники также занимают важные посты¹³.

Между тем распределение ключевых постов среди представителей клана Барзани, а также Талабани вызывает неоднозначную реакцию среди курдского населения. Некоторые обозреватели выражают мнение, что тем самым Барзани и Талабани демонстрируют приверженность устаревшему порядку, в то время как главные руководящие посты в Курдистанском регионе должны занимать высококвалифицированные профессионалы и специалисты. Независимые наблюдатели полагают, что Масуд Барзани будет бороться за сохранение власти в своих руках и руках своего клана¹⁴.

Против засилья кланов в высших структурах власти выступает оппозиция Иракского Курдистана, обвиняя альянс ДПК–ПСК в отходе от демократических принципов и возврате к тоталитаризму. Так, например, в социальных сетях выражались саркастические мнения относительно назначения Масрура Барзани руководителем нового ведомства по безопасности, что рассматривалось ими как «поспешная подготовка другого члена его клана на должность главы курдистанского парламента». Они считают такую политику шагом назад в деле развития современной демократии в Иракском Курдистане¹⁵.

Оппозиционные организации, в числе которых Горран (Перемены), Исламский союз Курдистана, Исламская Группа Курдистана и Партия Будущего Курдистана, потребовали распустить СБ, поскольку они выступали против одобрения закона о его созда-

¹² Масрур Барзани Гулиан, военачальник; шейх Адхам Барзани, советник руководителя ДПК; Сидад Барзани, советник руководителя ДПК; Сирван Барзани, советник руководителя ДПК; Дильшад Барзани, представитель ДПК в Германии; Сальван Барзани, посол Ирака во Франции; Бабакар Барзани, главнокомандующий иракской армии, дядя Барзани; Диндар-Зебари, заместитель руководителя департамента международных отношений ДПК, кузен Хошияра Зебари, дяди Масуда Барзани; Баян Сами Абдурахман, представитель ДПК в Великобритании; Чинар Саид Абдулла, член парламента, министр, сейчас она совмещает функции советника руководителя ДПК с руководством общественными организациями ДПК. — <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/6/state6289.htm>

¹³ ЛатурТалабани, начальник антитеррористических сил; Баис Талабани — министр финансов; Шаназ Ибрагим Ахмед, сестра Херо, представитель ПСК в Великобритании; Мохаммед Сабир, племянник Дж. Талабани, посол в Китае; д-р Камал Джамаль, племянник Дж. Талабани, министр ирригации и т.д. — <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/6/state6289.htm>

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

нии. Особое возражение оппозиционных организаций вызвало то, что этот закон был ратифицирован Региональным парламентом, несмотря на протест оппозиции. Это дало основание Масуду Барзани подписать его. Но оппозиция считает, что создание нового Совбеза поставит политическую и гражданскую жизнь Иракского Курдистана под полицейский контроль. Раздражение части курдского населения вызывает и то, что Совбез не будет подконтролен парламенту, а станет частью администрации президента Курдистанского региона, а его руководитель получил статус министра¹⁶.

К концу 2012 г. усилились расхождения по ряду вопросов между М. Барзани и Дж. Талабани¹⁷. Последний выражал недовольство позицией М. Барзани в отношении политики премьер-министра ал-Малики и требовал прервать начавшееся 16 сентября турне по Европе. В то же время Дж. Талабани как будто согласился объединиться с оппозиционным движением Горран. Разногласия между двумя курдскими лидерами ослабляют возможности курдов в переговорном процессе с Багдадом и осложняют внутривластную ситуацию в Курдистанском регионе Ирака.

Таким образом, положение Иракского (Южного) Курдистана достаточно сложное: во-первых, из-за разногласий с Багдадом по сирийскому и нефтяному вопросам; во-вторых, Курдистанский регион представляет как бы центр консолидации курдов этнического Курдистана; его руководство пытается использовать складывающуюся в регионе ситуацию для продвижения решения ряда актуальных проблем, в частности проблемы спорных территорий. Вместе с тем весьма неоднозначна и ситуация в собственно Иракском Курдистане из-за предстоящей борьбы различных политических сил за кресло президента Курдистанского региона.

В то же время сближение М. Барзани с оппозицией сирийских курдов особенно беспокоит руководство Турции, которое опасается того, что в Сирийском Курдистане может быть провозглашена курдская автономия, а это активизирует автономистское движение турецких курдов, возглавляемое РПК. Для обсуждения этих вопросов в Эрбиль нанес визит министр иностранных дел Турции А. Давутоглу, который пытался получить от М. Барзани обещание не оказывать поддержку турецким курдам.

Курдский вопрос и интересы Турции

Среди региональных акторов Турция проявляет наибольшую заинтересованность в событиях в Сирийском Курдистане, расположенном вблизи турецко-сирийской границы. Опасаясь осложнения и без того напряженной ситуации в Турецком Курдистане, где армия сражается с бойцами объявленной террористической Рабочей партии Курдистана

¹⁶ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/state6354.htm>

¹⁷ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/state6520.htm>

(РПК), турецкое руководство склоняется к силовому вмешательству в курдский ареал Сирии с целью выдворения отсюда сил Партии демократического союза (ПДС), аффилированной с РПК.

В контролируемых ПДС курдских районах Сирии наряду с курдским национальным флагом был вывешен флаг РПК, что вызвало большое беспокойство турецких властей и протест со стороны СНС. Турецкие СМИ опубликовали по этому поводу снимки курдских флагов, развивающихся над зданиями в Сирийском Курдистане. В связи с этим в Турции в военных и политических кругах состоялись дискуссии по вопросу усиления повстанческой активности сирийских курдов, а также «террористическо-сепаратистской группы» (имеется в виду РПК, объявленная США и ЕС террористической) в Турции.

Хотя вторая по своей мощи натовская армия Турции уже 28 лет борется против РПК, ей не удается сломить сопротивление курдов. Турецкие власти отказываются идти с ней на переговоры, а те меры, которые они принимают с целью смягчения напряженности в отношениях с курдской оппозицией, недостаточны для глобального решения курдского вопроса в Турции. Анкара также возражает против перспективы создания в Сирийском Курдистане района самоуправления и угрожает военным вторжением на территорию Сирийского Курдистана, контролируемую ПДС. В сложившейся ситуации Анкара пытается использовать в своих интересах лидера иракских курдов М. Барзани, пользующегося также авторитетом и уважением курдов всего этнического Курдистана.

Турецкое руководство тесно сотрудничает с Курдистанским регионом Ирака как в торгово-экономической, так и в политической сфере. При этом оно стремится обуздать националистические амбиции иракских курдов относительно полной независимости Иракского Курдистана и заручиться их поддержкой против РПК.

С самого начала сирийского конфликта Турция настаивает, чтобы М. Барзани присоединился к сирийской оппозиции, исключая участие в ней ПДС. Отношения Турции с иракскими курдами омрачила поддержка М. Барзани оппозиции сирийских курдов. Турецкое руководство опасается того, что иракские курды начнут сотрудничество с РПК против Анкары. Однако это беспокойство, как представляется, сильно преувеличено, поскольку авторитет М. Барзани в Турецком Курдистане не может сравниться с авторитетом лидера РПК А. Оджалана. Руководство Курдистанского региона балансирует между Турцией и РПК. Однако представляется проблематичным, что усилия иракских курдов когда-либо будут направлены на выдворение РПК из Кандильских гор.

Недавний визит (1 августа 2012 г.) А. Давутоглу в Эрбиль был нацелен на то, чтобы склонить М. Барзани вступить в СНС, руководитель которого А. Сейда также участвовал в переговорах. В них приняли участие также 5 членов Высшего совета Курдистана

(только сторонников КНС). Отсутствие на переговорах представителей ПДС вызвало недовольство ее руководства, представители которого пытались отговорить этих пятерых членов ВСК от участия в переговорах, поскольку они были нацелены против Эрбильского соглашения от 9 июля. Но они проигнорировали это предупреждение. Участвовавший в переговорах А. Сейда, руководитель СНС, подписал соглашение с представителями КНС из 4 пунктов, один из которых касается вопроса о совместном управлении в Сирии после свержения режима Б. Асада¹⁸. При этом М. Барзани уклонился от вступления иракских курдов в состав СНС.

По завершении визита А. Давутоглу в Эрбиль было подписано заявление о намерении борьбы против «терроризма и экстремизма в Сирии». При этом турецкая сторона подчеркнула, что она не позволит «террористам» контролировать Сирийский Курдистан. Однако создать новую курдскую коалицию без ПДС не удалось.

Таким образом, представители турецкого руководства прилагают усилия, чтобы обуздать процесс консолидации сил курдской оппозиции в Сирии и иракских курдов, а также расколоть союз сирийских курдов и создать новую коалицию без группировок, руководящихся идеологией А. Оджалана. При этом М. Барзани подчеркивает, что не желает напрямую участвовать в событиях в Сирии. Он заинтересован в сохранении стабильной обстановки в Иракском Курдистане и мирном разрешении противоречий с Багдадом. Так, на брифинге для глав иностранных представительств в Эрбиле министр иностранных дел регионального правительства Курдистана Фалах Мустафа подчеркнул, что Курдистанский регион не намерен вмешиваться в дела Сирии и сирийский народ сам должен решать свою судьбу. Он также отметил, что сирийские курды имеют право на признание своих прав и равноправие. Он разъяснил, что военная подготовка группы сирийских курдов осуществляется иракскими курдами исключительно из гуманитарных соображений.

Склоняясь к военному вмешательству в ситуацию в Сирийском Курдистане, Турция якобы готовит соглашение с Соединенными Штатами об интервенции в Сирию, используя в качестве предлога необходимость защиты турецко-сирийской границы. А Р. Т. Эрдоган, премьер-министр Турции, заявил, что турецкие военные будут преследовать бойцов РПК на сирийской территории, и Анкара не откажется от борьбы с терроризмом¹⁹. Турецкое руководство настаивает на вступлении иракских курдов в СНС, так как хочет, чтобы Эрбиль способствовал предотвращению превращения Сирийского Курдистана в пристанище РПК.

Вместе с тем некоторые зарубежные аналитики считают, что силовое давление не решит курдскую проблему в Сирии. Кроме того, они советуют турец-

¹⁸ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/8/syriakurd580.htm>

¹⁹ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/8/irankurd872.htm>

кому руководству начать переговоры с турецкими курдами под наблюдением региональных и международных представителей, что, несомненно, выгодно для обеих сторон. Они считают целесообразным объединить оппозицию сирийских курдов с сирийской оппозицией, гарантируя сирийским курдам, что после свержения режима Б. Асада их права будут реализованы в новой конституции, а также будет предоставлена возможность самоуправления курдским ареалам или ограниченная автономия. Турция, по их мнению, должна исполнять роль гаранта для сирийских курдов, развивая с Сирийским Курдистаном экономические и политические отношения на обоюдовыгодных условиях, как это делается в отношении Иракского Курдистана²⁰.

Зарубежные аналитики предостерегают Турцию от силового решения курдской проблемы, поскольку этот шаг чреват негативными последствиями для нее самой. Они аргументируют это тем, что против турецкого руководства поднимутся все курды этнического Курдистана²¹.

Таким образом, события в Сирии привлекли внимание региональных и мировых держав к курдской проблеме, решение которой в Турции и Сирии пока находится в подвешенном состоянии. Напряженность сохраняется во всех трех курдских ареалах — Турции, Ирака и Сирии. Озабоченность Турции не привела, однако, к формированию ею четкого представления о решении курдского вопроса ни в Турции, ни в Сирии. Разрядка, по-видимому, может наступить после стабилизации положения в Сирии, прекращения там военных действий, когда будут созданы условия для начала мирного политического урегулирования курдского вопроса в Турции и Сирии.

Перспективы развития ситуации в этническом Курдистане

Перспективы развития ситуации в этническом Курдистане в связи с событиями в Сирии стали предметом внимательного анализа зарубежными специалистами и курдоведом. Так, А. Шанфи из Калифорнийского университета (США) скептически оценивает действия сирийских курдов, позволившие им установить контроль в Сирийском Курдистане. По его мнению, внутривнутриполитическое положение и международные факторы не благоприятствуют провозглашению автономии Сирийского Курдистана, к чему стремятся курды. Эксперт полагает, что и в стране, и за рубежом у сирийских курдов более врагов, чем друзей. Сирийская свободная армия в случае ее поддержки Турцией готова направить свои усилия против той части курдской оппозиции Сирии, которая придерживается идеологии А. Оджалана (Партия демократического союза — ПДС). Он отмечает, что курдская оппозиция в Сирии временно объединилась и способна выдвинуть

требования, которые должна гарантировать новая сирийская конституция после падения режима Б. Асада. А. Шанфи считает, что Запад должен учесть, что «курдское движение является секулярным, и оно более прогрессивно и либерально, чем возникшие ретроградные силы в регионе». Сирийские курды, по его мнению, могут извлечь пользу из опыта иракских курдов, в перспективе добиться внутренней автономии, которая позволит «создать реальные условия для реализации законных этнокультурных прав и требований широких свобод»²².

А. Шанфи тем самым как бы призывает сирийских курдов пойти на сближение с Западом, поддерживать силовое смещение баасистского режима с целью в перспективе добиться автономных прав.

О. Бенджио, руководитель Курдской образовательной программы Центра Моше Даяна университета Тель-Авива, вселяет надежду сирийским курдам на решение курдского вопроса в Сирии, а также и глобального решения курдского вопроса в этническом Курдистане в интересах курдов. Так же как и Х. Занди, специалист из австралийского университета Квинсланд, О. Бенджио указывает на то, что в перспективе курды рассчитывают создать четыре автономных региона с центрами в Диарбакыре, Эрбиле, Камышлы и Мехабаде, обеспечить себе коридор к Средиземному морю для транспортировки нефти и газа из Курдистана на мировой рынок. Однако без действенной внешней помощи сирийским курдам будет сложно удержать свой контроль даже над Сирийским Курдистаном, который может стать плацдармом для атак апочистов (сторонников РПК) против Турции. О. Бенджио отмечает возникновение нового фактора в турецко-сирийско-иракском треугольнике — турецкого. Находящаяся у власти в Анкаре Партия справедливости и развития сейчас, по ее мнению, меняет свою политику как в отношении турецких курдов, так и Курдистанского региона Ирака, которую она называет, как «обязательства переполненные двусмысленностью» («engagementfraughtambiguity»). Она считает, что политика турецкого руководства по курдскому вопросу в Турции только разжигает курдский национализм и усиливает стремление РПК к сопротивлению. В то же время экономические и торговые отношения с Курдистанским регионом, в частности заключение соглашений по нефти и газу в обход Багдада, не препятствует турецкому руководству, по мнению О. Бенджио, подчеркивать важность единства Ирака. В сложившейся ситуации для Турции, полагает эксперт, сейчас лучше примириться со своими курдами и создать буфер вдоль многокилометровой турецко-сирийской границы. В то же время О. Бенджио полагает, что изменение конфигурации Ближнего и Среднего Востока не за горами и курды добьются своих целей, в том числе и выхода к морю.

Х. Занди так же, как и Шанфи, считает, что курды представляют светское и прозападное движение, и

²⁰ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/8/turkey4072.htm>

²¹ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/8/turkey4081.htm>

²² <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/8/syriakurd571.htm>

в интересах Запада и Израиля оказать им помощь, поскольку для них курдский этнографический регион может служить буфером от любой региональной угрозы, в особенности в сдерживании распространения фундаментализма. Активность салафитов в регионе, как известно, поддерживают некоторые исламские страны, в числе которых, в частности, Саудовская Аравия и Катар²³.

Огромные запасы углеводородов и других природных ресурсов Курдистана восполняют энергетическую потребность Запада. В связи с этим Х. Занди считает важным поддержание геостратегических, экономических и политических отношений курдов с Западом с целью создания курдского государства, хотя Иран, Ирак, Сирия и Турция контролируют курдские ареалы и препятствуют процессу самоопределения курдов. Он позитивно оценивает усилия сирийских курдов, контролирующих район с населением в 490 тыс. человек, расположенный близ Средиземного моря.

Таким образом, представители зарубежной науки склоняют мировое общественное мнение поддержать курдов в их усилиях создать автономию в Сирийском Курдистане. Светские прозападные курдские ареалы, утверждают они, могут стать сдерживающим фактором распространения радикального ислама на Ближнем и Среднем Востоке, с одной стороны, а с другой — их создание — это важный этап перекройки границ государств региона, что согласуется, по сути, с американской идеей Большого Ближнего Востока, нацеленную, как считается, на обеспечение нефтегазовых интересов США.

Как нам представляется, в исторической перспективе борьба курдов за свои права продолжится и в Сирийском, и в Турецком, и в Иранском Курдистане. Курдистанский регион Ирака будет укреплять свои экономические и политические позиции, стараясь выполнять консолидирующую функцию среди курдов этнического Курдистана. Сын Масуда Барзани, Негирван Масуд, заявляет, что сейчас «наступает время, когда решится судьба курдской нации». Поэтому курдам необходимо национальное единство для осуществления стратегической национальной политики во имя самоопределения курдской нации. Хотя положение Курдистанского региона ненадежно, желание его населения к независимости огромно: не только курды, но даже туркоманы и ассирийцы-халдеи «ожидают и надеются на провозглашение его независимости»²⁴.

Однако курдская элита понимает нереальность создания в нынешних геополитических условиях и внутривнутриполитических обстоятельствах независимого Курдистана, поскольку любые шаги по расширению курдской автономии в Ираке вызывает озабоченность Анкары и Тегерана. Эта идея нереализуема без поддержки симпатизирующих курдам США и Израиля.

Несмотря на то, что основной контингент американских войск был выведен из Ирака, Соединенные Штаты сохранили свои политические позиции в его Курдистанском регионе. Как отмечалось выше, они заинтересованы в урегулировании отношений между Эрбилем и Багдадом. Им нужен стабильный Курдистан и Ирак. Вашингтон, по-видимому, рассчитывает использовать курдский фактор в своей политике в отношении Сирии и Ирана.

В нынешних обстоятельствах Иранский (Восточный) Курдистан находится как бы в стороне от развивающихся в Западной Азии событий, но политические партии иранских курдов базируются на территории Курдистанского региона Ирака. В последнее время наметились тенденции их объединения. Так, в августе 2012 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между двумя оппозиционными курдскими партиями ДПИК (Демократическая Партия Иранского Курдистана) и Комала (Революционная партия трудящихся Курдистана)²⁵. Однако их активность в Иранском Курдистане сведена к минимуму, т.к. РИА блокируется иранскими силами безопасности. Вооруженные акции осуществляют там бойцы Партии свободной жизни Курдистана (Пиджак), придерживавшейся идеологии А. Оджалана и действующей сепаратно от автономистского движения иранских курдов. В этих обстоятельствах решение курдской проблемы в Иранском Курдистане пока не стоит на повестке дня.

В целом политическая напряженность характерна для всех ареалов этнического Курдистана. Имеющие место в каждом из них внутрикурдские противоречия могут обострить ситуацию в них и перерасти в военно-политические конфликты. Вместе с тем пока борьба курдов нацелена на самоопределение ареалов в рамках их проживания в форме автономии. Перспектива решения курдского вопроса в каждом конкретном ареале зависит от его состояния и особенностей каждой страны проживания курдов. Автономистское движение в Сирийском Курдистане вряд ли будет успешным. Скорее всего сирийские курды будут решать свои проблемы после вероятного падения режима Б. Асада. Затем можно ожидать сдвиги в решении курдского вопроса в Турецком Курдистане.

Нельзя, однако, исключать и использования курдами возможного геополитического изменения региона в случае нанесения вооруженными силами США или Израиля удара по ядерным объектам Ирана. Это, скорее всего, вызовет подъем общекурдского движения с целью создания независимого курдского государства, иначе говоря, удар по Ирану внесет хаос в региональную ситуацию и будет способствовать успеху курдского движения.

Анализ ситуации в этническом Курдистане показывает, что там явно просматриваются тенденции к консолидации различных политических сил курдов Ирака и Турции и активизируются усилия сирийских курдов обрести автономный статус.

²³ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/8turkey4069.htm>

²⁴ <http://www.kurdishglobe.net/display-article.html?id=66A4DBD919CD3E0988401E0...>

²⁵ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/8/irankurd878.htm>

В. В. Евсеев

Иранская ядерная программа в ближне- и среднесрочной перспективе

Иранский ядерный кризис продолжает углубляться. Ярким подтверждением этого стало рассмотрение меджлисом (парламентом) Исламской Республики Иран (ИРИ) законопроекта о перекрытии Ормузского пролива. 20 июля 2012 г. его поддержали 150 из 290 членов парламента¹. Согласно этому закону, который до сих пор не утвержден духовным лидером страны Али Хаменеи, иранский флот должен топить в проливе любое судно тех государств, которые поддержали санкции, введенные с 1 июля нынешнего года Европейским союзом (ЕС) против ИРИ. В качестве ответной реакции 16–27 сентября 2012 г. Центральное командование вооруженных сил США провело в Персидском заливе Международные учения IMCMEX-12 (International Mine Countermeasures Exercise 2012), посвященные отработке задач поиска (траления) морских мин и подводных самодельных взрывных устройств. В них приняли участие более 30 стран, включая Австралию, Великобританию, Иорданию, Йемен, Канаду, Новую Зеландию, Норвегию, Францию и Японию². Станет ли это предпосылкой для силового решения иранской ядерной проблемы? Для ответа на этот вопрос нужно оценить текущий уровень ядерного потенциала ИРИ, а затем рассмотреть перспективы его развития. Это позволит определить реальность исходящей угрозы и спрогнозировать возможные последствия шагов по ее предотвращению.

Состояние иранской урановой программы

Согласно докладу генерального директора Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) от 30 августа 2012 г., ИРИ располагает 16 ядерными объектами³, большинство которых задействованы в урановой программе. В частности, на месторождении Гчин вблизи Бендер-Аббаса в провинции Хормозган ведется добыча природного урана. Руды этого месторождения достаточно богаты по содержанию урана (от 0,2 до 0,5%) и находятся вблизи поверхности Земли. Здесь же построено предпри-

ятие, где планируется ежегодно производить 24 т уранового концентрата⁴.

С весны 2004 г. в Исфахане действует завод по конверсии урана, где производится гексафторид урана (это является подготовительной стадией при центрифужном способе обогащения урана). На этом предприятии получено 550 т гексафторида урана, из которых 91 т направлена на предприятие по обогащению урана в Натанзе. Здесь также выпускаются некоторые побочные продукты, включая диоксид урана, который служит материалом для производства ядерного топлива.

В Исфахане строится комплекс по производству ядерного топлива для реакторов различного типа. В ходе проведенных на этом комплексе работ иранским специалистам удалось получить семь топливных элементов, содержащих уран со степенью обогащения 20% (по урану-235), два топливных элемента с ураном, обогащенных до 3,3%, и пять таких элементов на основе природного урана. На эти цели был израсходован 71 кг урана, обогащенного до 20%⁵.

Среди иранских ядерных объектов особое значение имеют предприятия по обогащению урана в Натанзе и Фордо. Помимо этого существует экспериментальное предприятие, на котором уран дообогащается до 19,8% (такой уран еще считается низкообогащенным). Там же осуществляется тестирование газовых центрифуг новых типов.

К 21 августа 2012 г. на предприятии по обогащению урана в Натанзе было установлено 55 каскадов в составе 9156 газовых центрифуг первого поколения малой мощности (P-1, иранское название — IR-1). Помимо этого готовятся к установке еще 34 каскада центрифуг P-1. На другом предприятии по обогащению урана в Фордо установлено 12 каскадов в составе около 2 тыс. центрифуг P-1.

В период с февраля 2007 г. по август 2012 г. в каскады центрифуг предприятия по обогащению урана в Натанзе было подано 79 т 381 кг гексафторида урана, что позволило получить 6876 кг гексафторида урана, обогащенного до 5% по урану-235. За три последних месяца количество такого материала увеличилось на 679 кг. Процесс обогащения урана продолжается и по настоящее время. При сохранении нынешних темпов производства обогащенного до 5% гексафторида урана к сентябрю 2014 г. Тегеран

¹ Парламент Ирана одобрил законопроект о перекрытии Ормузского пролива [Электронный ресурс] // Сайт Информационного агентства «Росбалт». М., 21 июля 2012 — <http://www.rosbalt.ru/main/2012/07/21/1013584.html>.

² Завершено международное учение ВМС IMCMEX12 [Электронный ресурс] // Центральный военно-морской портал. М., 28 сентября 2012 — http://flot.com/news/navy/?ELEMENT_ID=123619.

³ Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council resolutions in the Islamic Republic of Iran/ Report of the IAEA Director General. 2012. August 30. С. 3.

⁴ Iran's Nuclear, Chemical and Biological Capabilities. A Net Assessment. — The International Institute for Strategic Studies. — London. 2011. С. 50–52.

⁵ Макарчев В. Иран переработал треть своего запаса высокообогащенного урана в порошок для медицинских целей // Информационное телеграфное агентство России «ИТАР-ТАСС». М., 6 октября 2012 г.

будет иметь свыше 12 т. такого ядерного материала, что достаточно для производства (после дообогащения) двенадцати ядерных боезарядов на основе оружейного урана.

Часть указанного материала поступила на расположенное в Натанзе экспериментальное предприятие и аналогичное производство в Фордо. В результате было накоплено 189 кг гексафторида урана, обогащенного до 20%. Из них больше трети, как было указано ранее, пошло на производство ядерного топлива для Тегеранского исследовательского реактора. Это затрудняет оценку возможного количества гексафторида урана со степенью обогащения 20% по урану-235. Но несомненно, что масштабы дообогащения урана на предприятии в Фордо будут расти. В этом случае к сентябрю 2014 г. Иран будет иметь не менее 500 кг указанного ядерного материала⁶.

Следует учитывать, что наработка оружейного урана на основе обогащенного до 3,5% будет в семь раз быстрее, чем при использовании в качестве исходного материала природного урана. Если же начинать обогащение с 20%, то этот процесс будет в пять раз быстрее, чем при обогащении с уровня 3,5%.

Иранское руководство неоднократно заявляло, что наработка обогащенного до 5% урана обусловлена необходимостью производства ядерного топлива для легководных энергетических реакторов, а обогащенного до 20% — для исследовательских реакторов. Однако ныне действует только один энергетический реактор в Бушере, для которого Россия обязалась поставлять ядерное топливо в период всего срока его эксплуатации. Существуют планы строительства одного-двух энергетических и четырех-пяти исследовательских реакторов (официальная цель последних — производство радиоизотопов для медицинских целей), которые на практике не реализуются.

Следовательно, в ИРИ отсутствуют серьезные причины для продолжения процесса обогащения урана, что может привести к созданию ядерного оружия. Однако такие причины могут быть созданы искусственно путем, например, имитации строительства атомной подводной лодки (АПЛ). О таком намерении в середине июня 2012 г. заявил заместитель командующего Военно-морскими силами ИРИ адмирал Аббас Замини⁷. Хотя даже в среднесрочной перспективе Иран самостоятельно не может построить АПЛ. Во-первых, для этого нужно иметь опыт в создании хотя бы исследовательских ядерных реакторов. А такого опыта у иранцев нет.

⁶ По оценкам Международного института стратегических исследований в Лондоне, для производства одного ядерного боезаряда на основе оружейного урана нужно дообогащить 172 кг гексафторида урана, обогащенного до 20%.

⁷ Иран начал разработку атомных подводных лодок, сообщает Fars [Электронный ресурс] // Российское агентство международной информации «РИА Новости». М., 12 июня, 2012. — <http://ria.ru/world/20120612/671538112.html>.

Во-вторых, с помощью Северной Кореи в Иране освоили производство только дизельных малых подводных лодок типа «Гадир» водоизмещением около 500 т. На кораблях такого типа невозможно разместить ядерную энергетическую установку ввиду массово-габаритных ограничений и необходимости обеспечения физической защиты экипажа от смертоносного радиоактивного излучения. Как следствие первая советская атомная подводная лодка проекта 627 «Ленинский комсомол», принятая на вооружение в 1957 г. и неспособная нести баллистические ракеты, имела подводное водоизмещение 4750 тонн⁸.

В-третьих, процесс создания инфраструктуры, необходимой для обслуживания атомных подводных лодок и их утилизации после окончания сроков эксплуатации, требует значительных финансовых средств.

Исходя из этого можно сделать вывод, что иранцы не только будут продолжать процесс дообогащения урана (с 3,5 до 20%), но и рассматривают возможность дальнейшего повышения его степени обогащения⁹.

Состояние иранской плутониевой программы

В настоящее время темпы реализации в ИРИ плутониевой программы достаточно ограничены. Так, с сентября 2004 г. в Араке строится исследовательский тяжеловодный реактор IR-40 мощностью 40 МВт, который сможет нарабатывать ежегодно 9 кг плутония. 1 августа 2012 г. Иран предоставил инспекторам МАГАТЭ доступ к этому реактору. В ходе этой инспекции выявлено, что строительство необходимых зданий почти завершено, смонтированы контуры теплоносителя и замедлителя. По мнению иранских специалистов, эксплуатация исследовательского реактора IR-40 начнется в третьем квартале 2013 г.¹⁰

Строящийся ядерный реактор уже обеспечен как ядерным топливом, так и тяжелой водой. Для этого в 2006 г. в Араке был запущен завод по производству тяжелой воды, а к февралю 2009 г. завершена установка технологической линии по производству соответствующих таблеток из природного урана и сборке из них топливных стержней. В то же время Иран до сих пор не обладает производственными мощностями для регенерации облученного (отра-

⁸ Атомные торпедные подводные лодки типа «Ленинский комсомол» [Электронный ресурс] // Информационный сайт «Atrinaflot.Narod.Ru». М. — http://www.atrinaflot.narod.ru/1_submarines/03_pla_627/0_627_1.htm.

⁹ Использувавшие водо-водяные реакторы атомных подводных лодок первого и второго поколения применяли ядерное топливо со степенью обогащения 21%, а АПЛ третьего поколения — 43–45%. Ядерные энергетические установки с жидкометаллическим теплоносителем вообще используют ядерное топливо с обогащением 90% (по сути, это уран оружейного качества).

¹⁰ Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council resolutions in the Islamic Republic of Iran/ Report of the IAEA Director General. 2012. August 30. С. 6.

ботанного) ядерного топлива и выделения плутония в промышленных масштабах. Учитывая возможную военную направленность этих проектов, совет управляющих МАГАТЭ в ноябре 2006 г. наложил запрет на предоставление Ирану технической помощи в их реализации. Помимо этого у инспекторов МАГАТЭ имеются сомнения в иранском происхождении шестисот 50-литровых емкостей тяжелой воды, которые хранятся в Исфахане. Эти сомнения усилились после того, как им запретили взять соответствующие пробы для последующего анализа.

Сценарии развития событий в ближнесрочной перспективе (2013–2014 гг.)

За последние месяцы экономическое положение ИРИ резко ухудшилось. В результате введенных ЕС, США и рядом других государств санкций на закупку, транспортировку, финансирование и страхование иранской нефти объемы ее экспорта сократились до 1 млн. баррелей в сутки (на 50% по сравнению с прошлым годом), что ведет к сокращению валютных поступлений на 50 млрд. долл. в год. Стремительно падает курс иранского риала (в период с 24 сентября по 7 октября 2012 г. падение составило 40%, а с начала года — 80%), что в октябре нынешнего года привело к акциям протеста в столице государства¹¹. По-видимому, такое развитие событий для руководства ИРИ стало неожиданностью. Оно переоценило зависимость Запада от поставок иранской нефти, особенно в условиях экономической депрессии, а также свою способность играть на противоречиях между основными внешнеполитическими игроками.

В складывающейся ситуации Тегеран был вынужден предложить план поэтапной приостановки обогащения урана до 20% в обмен на смягчение международных санкций. В частности, Иран согласился приостановить такую деятельность на предприятии по обогащению урана в Фордо. Это не нашло своего взаимопонимания в Вашингтоне и Брюсселе. Там настаивают на том, что ИРИ должна немедленно и полностью прекратить обогащение урана до 20%, вывезти из страны имеющиеся запасы такого ядерного материала и закрыть соответствующее предприятие в Фордо. Тогда США и их союзники окажут Ирану помощь в реализации мирной ядерной программы и не введут новых санкций. Однако уже введенные политические и финансово-экономические санкции продолжают действовать до тех пор, пока не будет заключено окончательное соглашение¹².

В этих условиях компромисс между ИРИ и Западом невозможен. Иран стремится сохранить накопленный ядерный потенциал и соответствующую ин-

фраструктуру, а США и их союзники собираются и далее наращивать введенные против него санкции (в ЕС уже достигнута договоренность о запрете поставок иранского газа)¹³. Пожалуй, единственный позитив рассматриваемой ситуации состоит в том, что в ближайшее время Запад не приступит к силовому решению иранской ядерной проблемы и постарается удержать от подобного шага Израиль. Именно поэтому США активно участвуют в кибервойне против ИРИ, частично финансируют создаваемую в Израиле многоуровневую систему противоракетной обороны, оказывают ему значительную военную помощь путем безвозмездной поставки современных образцов вооружений и военной техники.

Развитие событий по иранской ядерной проблеме в 2013–2014 гг. представляется следующим образом. Скорее всего, наступит пауза в переговорном процессе с ИРИ до августа следующего года. За это время пройдут президентские выборы как в США, так и в Иране. Более вероятен сценарий, когда Барак Обама останется президентом на следующий срок. В этом случае Вашингтон продолжит курс на ужесточение против Тегерана различного рода санкций, укрепление безопасности Израиля и арабских монархий. По сути, это будет означать политику сдерживания ИРИ и принуждения ее к уступкам. Это обусловлено следующими причинами:

1) Иран не представляет для американцев и их региональных союзников — израильтян реальной ракетно-ядерной угрозы;

2) существует объективная необходимость создания благоприятных условий для вывода войск США из Афганистана.

Конечно, никто не может исключать прихода к власти в Соединенных Штатах Митта Ромни. Вполне возможно, что республиканцы укрепят свои позиции в Конгрессе США. Тем не менее, любая новая администрация будет вынуждена учитывать существенное влияние Тегерана на ситуацию в Афганистане и Ираке, а также возможность серьезной внутривосточной дестабилизации всего Ближнего и Среднего Востока в случае проведения против Ирана военной операции.

По-видимому, в конце лета (начале осени) 2013 г. пройдет следующий раунд переговоров ИРИ с «шестеркой» (пять постоянных членов Совета Безопасности ООН и Германия) международных посредников по урегулированию иранского ядерного кризиса. К этому времени на переговорный процесс уже не будут влиять президентские избирательные кампании, исчезнут некоторые иллюзии по поводу эффективности вводимых санкций и податливости Тегерана внешнему давлению. Это может способствовать постепенному разрешению иранского ядерного кризиса на основе предложенного Россией принципа поэтапности и взаимности.

¹¹ Оверченко М. Вошли во вкус // Ведомости. М., 8 октября, 2012.

¹² Сурков Н. Иран предложил план решения ядерной проблемы // Независимая газета. М., 8 октября, 2012.

¹³ Калачихина Ю., Юст К. Газовый санкции ЕС в отношении Ирана не принесут выгод Росс // РБК daily. М., 8 октября, 2012.

Ситуация принципиально изменится, если в период 2013–2014 гг. ИРИ существенно повысит степень обогащения урана (например, до 60% по урану-235). В этом случае Израиль, чувствуя нарастающую угрозу, может нанести ракетно-бомбовый удар по иранским ядерным объектам. На такое решение будет влиять большое число факторов. Во-первых, уровень конфронтации с Египтом, состояние сирийского кризиса и степень антиизраильской активности ливанской группировки «Хезболла», палестинских движений «ХАМАС» и «Исламский джихад». А во-вторых, степень политической изоляции ИРИ, внутривосточная обстановка в секторе Газа, на Западном берегу реки Иордан и в самом Израиле, а также в Иордании и Ливане.

Конечно, израильский военный удар не сможет помешать реализации иранской ядерной программы. По американским данным, это лишь замедлит ее приблизительно на два года. В качестве ответной меры Тегеран может прекратить на собственной территории инспекции МАГАТЭ, выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия и даже принять решение на проведение ядерного испытания. Не вмешаться в эту ситуацию США не смогут. Другой вопрос — решатся ли они на проведение против Тегерана военной операции до вывода основной группировки своих войск из Афганистана?

Учитывая это, ряд высокопоставленных представителей силовых структур Израиля выступают против самостоятельного (без поддержки со стороны США) ракетно-бомбового удара по Ирану. Так, начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ) генерал-лейтенант Бени Ганц полагает, что возможности израильской армии по уничтожению иранских ядерных объектов ограничены. Поэтому Тель-Авив не сможет силой остановить ядерную программу ИРИ. Помимо этого, он обращает внимание на неготовность израильского тыла к массированному обстрелу иранскими баллистическими ракетами, а также на возможность утраты потенциала сдерживания в случае неудачной атаки ядерных объектов ИРИ¹⁴.

Перспектива (2017–2020 гг.)

На среднесрочную перспективу можно говорить о двух возможных сценариях дальнейшего развития событий. Первый из них предполагает поиск дипломатического решения иранской ядерной проблемы. При этом очевидно, что Россия и Китай будут препятствовать введению против ИРИ новых санкций со стороны Совета Безопасности ООН. Это не исключает такой возможности в случае, например, существенного повышения Ираном степени обога-

щения урана, но ставит под вопрос легитимность вводимых ЕС, США и некоторыми другими государствами против Ирана односторонних санкций, которые уже сейчас означают почти полное торговое эмбарго. Следующим шагом может быть только экономическая блокада как первая ступень силового разрешения иранского ядерного кризиса.

В этих условиях Иран, скорее всего, продолжит сотрудничество с МАГАТЭ, но будет максимально ограничивать его масштабы. Возможна приостановка на длительный срок процесса переговоров по рассматриваемой проблеме. Тегеран расширит на собственной территории добычу урана и производство уранового концентрата, значительно увеличит количество задействованных газовых центрифуг и соответственно запасы низкообогащенного урана, достроит и приступит к эксплуатации тяжеловодного исследовательского реактора в Араке. Все это не ведет к катастрофическим последствиям, но позволит ИРИ все ближе подходить к «красной черте», за которой вопрос о создании ядерного оружия находится только в политической плоскости.

Несомненно, что Тегеран пока идет по так называемому японскому пути, который предполагает наличие замкнутого ядерного топливного цикла. Принятие им политического решения на создание ядерного оружия будет зависеть от готовности иранских специалистов производить ядерные боезаряды, наличия соответствующей инфраструктуры и материалов, а также уровня противостояния с внешними противниками. Региональная ситуация в сфере безопасности еще не является столь критичной, чтобы получение ядерного оружия стало для ИРИ вопросом жизненной необходимости. Имеются серьезные сомнения и в том, что Тегеран технически полностью готов к реализации этой задачи.

Помимо этого существует множество внешних факторов, которые будут удерживать Тегеран от пересечения ядерного порога. Среди них можно отметить следующие:

- провоцирование США на нанесение по ИРИ «обезглавливающего» удара;
- неизбежное повторение иранского пути к атомной бомбе со стороны его региональных соперников — Саудовской Аравии и Турции, а в перспективе — Египта;
- существенное ухудшение двусторонних отношений практически со всеми близлежащими государствами ввиду появления реальной ракетно-ядерной угрозы;
- ослабление международных позиций, в том числе в Движении неприсоединения.

Второй сценарий предполагает нанесение США по иранским ядерным и военным объектам массированного ракетно-бомбового удара. Основанием для его осуществления служит уверенность западных влиятельных кругов в том, что иранское руководство уже приняло решение о создании ядерного оружия. Однако для президента страны этого недо-

¹⁴ Генерал Ганц: бомбардировка Ирана даст только отрицательный результат [Электронный ресурс] // Информационный сайт NewsRu.Co.il. Тель-Авив, 29 июля, 2012. <http://newsru.co.il/mideast/29jul2012/ganz8011.html>.

статочно. Нужно, как минимум, чтобы Тегеран пересек так называемую «красную линию», в качестве которой можно рассматривать перекрытие Ормузского пролива. Он используется для ежедневной транспортировки от 17 до 19 млн. баррелей нефти и до 95 млн. куб. м сжиженного природного газа. Руководство ИРИ это отчетливо понимает, поэтому рассматривает перекрытие Ормузского пролива как крайнюю меру в случае полного прекращения экспорта иранской нефти. При определенных условиях это может произойти в среднесрочной перспективе.

Иранские ВМС имеют большое количество ракетных катеров и малых (сверхмалых) подводных лодок. Они располагают береговыми ракетными и артиллерийскими комплексами, авиацией и подготовленными морскими диверсантами. Однако все эти средства достаточно уязвимы для американских средств воздушного (ракетного) нападения и ведения противолодочной борьбы. В связи с этим иранцам, в случае принятия соответствующего политического решения, придется пойти на скрытное минирование Ормузского пролива с использованием военных кораблей и гражданских судов, катеров, самолетов и вертолетов. Для восстановления судоходства по этому проливу, как полагают в Пентагоне, потребуется две недели.

В качестве другой «красной линии» американцы рассматривают создание Ираном ядерного оружия. В соответствии с отчетом разведслужб США «Оценка национальной разведкой ситуации в Иране», представленного президенту страны в августе 2012 г., Тегеран не приблизится к созданию ядерного оружия в ближайшем будущем¹⁵. Однако никто не может исключить этого, например, к 2020 г.

Таким образом, нынешнее состояние иранской ядерной программы вызывает серьезную тревогу у международного сообщества. Но это не создает непосредственной военной угрозы даже для близлежащих государств. В период 2013–2014 гг. такое положение, скорее всего, сохранится, что требует активизации усилий по дипломатическому разрешению соответствующего ядерного кризиса. В более долгосрочной перспективе ситуация остается неясной. В случае блокирования иранцами Ормузского пролива или принятия политического решения о создании ядерного оружия противостояние ИРИ с США может перерасти в стадию вооруженного конфликта. Избежать такого развития событий с самыми непредсказуемыми последствиями еще возможно, но для этого нужно пойти на взаимный компромисс, а не ставить каких-либо ультиматумов.

¹⁵ Разведка США: Иран по-прежнему далек от создания ядерного оружия // РБК daily. — М, 10 августа 2012 г.

Н.М. Жукова

Кипрское урегулирование: состояние и ближайшие перспективы

После провала референдума по «плану Аннана» 26 апреля 2004 г., когда турки-киприоты приняли, а греки-киприоты отвергли его, надежды на урегулирование затянувшегося противостояния выглядели более чем призрачными, и только избрание Димитриса Христофиаса президентом Республики Кипр в феврале 2008 г. стало поворотным моментом не только для всех киприотов, но и для мирового сообщества в целом.

Христофиас, генеральный секретарь Прогрессивной партии трудового народа Кипра (АКЕЛ), сменил на посту президента Тасоса Пападопулоса, известного своей неуступчивостью и категоричностью в отношении общины турок-киприотов. Избрание Христофиаса открывало новые возможности для урегулирования кипрского вопроса.

Сразу после прихода к власти Христофиас встретился с лидером общины турок-киприотов Мехметом Али Талатом. В тот момент политические аналитики были крайне оптимистичны и полагали, что два умеренных лидера, придерживающиеся левых взглядов, серьезно настроены разрешить проблему¹.

3 сентября 2008 г. открылись всеобъемлющие мирные переговоры по кипрскому урегулированию между лидерами двух общин. На открытии переговоров присутствовал Специальный советник Генерального секретаря ООН по Кипру Александр Даунер. Встречи двух лидеров стали проводиться каждую неделю.

Стороны договорились, что основу будущего решения будет составлять двухзональная, двухобщинная федерация с политическим равенством, как прописано в резолюциях ООН, при едином государстве с единым суверенитетом, единым гражданством и единой международной правосубъектностью. Целью переговоров является преобразование унитарной Республики Кипр в федерацию.

Лидеры двух общин Христофиас и Талат вели переговоры около двух с половиной лет (сентябрь 2008 г. — март 2011 г.), за это время состоялось более семидесяти встреч. Результатом переговоров стало сближение позиций по трем главам — управление и разделение властей, вопросы, связанные с членством в ЕС, и экономика — в то время как по трем другим главам — территориальные изменения между двумя частями будущего государства, вопросы безопасности и гарантии независимости, а также имущественные вопросы — существенного сближения добиться, к сожалению, не удалось.

Накануне президентских выборов в самопровозглашенной Турецкой Республике Северного Кипра опросы общественного мнения все активнее пред-

сказывали победу лидера Партии национального единства Дервиша Эроглу, занимавшего пост премьер-министра. Население северной части Кипра выражало недовольство безрезультатностью переговоров и крайней, по их мнению, уступчивостью господина Талата в отношении греков-киприотов. В свою очередь, Эроглу во многих интервью активно заявлял, что решение кипрской проблемы он видит в создании на Кипре двух отдельных независимых государств.

Жесткая позиция Эроглу послужила тревожным сигналом мировой общественности в целом и ООН в частности, в связи с чем Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун 1 февраля 2010 г.² прибыл на Кипр с официальным визитом с целью оживить переговорный процесс поиска решения кипрской проблемы. Однако этот визит не принес желаемых результатов.

18 апреля 2010 г. победу на выборах одержал Эроглу. Набрав более половины голосов в первом туре, новый лидер общины турок-киприотов опередил действующего президента непризнанной ТРСК. Стоит отметить, что особую поддержку Эроглу оказали переселенцы из Турции, поскольку в случае объединения острова большей части из них придется либо покинуть Кипр, либо потерять не принадлежащее им по закону имущество.

Победа Эроглу стала неприятным итогом выборов не только для Запада, но и для Турции, поскольку неуступчивость Эроглу на переговорах по кипрскому урегулированию грозила усложнить и без того не легкий процесс вступления Турции в ЕС.

Под воздействием Анкары Эроглу согласился продолжить переговоры с Христофиасом с того момента, где их покинул Талат, то есть сохранить все те немногие договоренности, которые были достигнуты ранее.

Однако с мая 2010 г. и до настоящего времени прогресс на переговорах минимален. По мнению Христофиаса, Эроглу отказывается действовать в соответствии с достигнутыми ранее договоренностями и продолжает видеть решение проблемы в создании двух отдельных государств³. В свою очередь, Эроглу заявил, что турки-киприоты давно потеряли надежду на объединение острова, и обвинил Христофиаса в том, что последний обманывает мир и только делает вид, что желает объединения⁴. Попытки Генерального секретаря ООН призвать сто-

¹ <http://www.pr-inside.com/print783293.htm>

² <http://ru.euronews.net/2010/02/01/un-chief-ban-calls-for-cyprus-leaders-to-compromise/>

³ <http://famagusta-gazette.com/christofias-no-positive-development-in-the-cyprus-problem-due-to-the-turki-p16181-69.htm>

⁴ <http://famagusta-gazette.com/eroglu-christofias-deceived-the-world-over-cyprus-p16394-69.htm>

роны к интенсификации переговорного процесса не принесли желаемых результатов. Недоверие между сторонами растет.

Очередным камнем преткновения в отношениях двух общин стало обнаружение и начало разработки больших запасов природного газа в исключительной экономической зоне Республики Кипр в начале сентября 2011 г. Реакция Турции была крайне резкой. Анкара считает, что разработка месторождений ущемляет права турок-киприотов и должна быть приостановлена до достижения окончательного решения кипрской проблемы. Поскольку Никосия не свернула работы, Турция подписала соглашение с непризнанной Турецкой Республикой Северного Кипра о разграничении континентального шельфа в середине сентября 2011 г. и отправила свои корабли к северной части Кипра для проведения разведывательных работ. Данное соглашение противоречит Конвенции ООН по морскому праву, а также Уставу ООН.

Ситуация еще больше усугубилась с 1 июля 2012 г., когда Республика Кипр приняла на себя обязательства председателя ЕС, которые продлятся шесть месяцев. Турция официально не признает Республику Кипр и соответственно ее председательство. В связи с этим глава турецкого МИД Ахмет Давутоглу заявил, что Анкара не посетит ни одного мероприятия, главой которого будет представитель Кипра⁵. Следует отметить, что в условиях обострения кризисной ситуации в Сирии, когда взаимодействие Евросоюза и Турции по данному вопросу является принципиально важным, игнорирование Анкарой страны, председательствующей в ЕС, не способствует продуктивности диалога в отношении сирийской проблемы.

Последним предложением президента Кипра Димитриса Христофиаса по урегулированию кипрской проблемы стало открытие Вароши под управлением ООН, открытие порта Фамагуста под эгидой ЕС и размораживание восьми глав переговоров о вступлении Турции в ЕС. Однако Анкара заметно охладела к идее членства в Европейском союзе. Для нее скорее приоритетом является прекращение экономической изоляции турок-киприотов. Продолжение турецкой оккупации является одним из основных препятствий на пути урегулирования кипрского вопроса, поскольку она нарушает гуманитарные

права и основные свободы всего кипрского народа, как греков-киприотов, так и турок-киприотов, не способствует полной нормализации греко-турецких отношений и порождает серьезные проблемы на пути вступления Турции в ЕС.

В феврале 2013 г. в Республике Кипр состоятся президентские выборы, и до них не стоит ожидать серьезного прорыва в переговорном процессе. Действующий президент Димитрис Христофиас отказался выставлять свою кандидатуру во второй раз. Кризис, вызванный взрывом на базе «Эвангелос Флоракис» 11 июля 2011 г. в Мари, а также резкое падение кипрской экономики на фоне мирового экономического кризиса ослабили позиции главы государства. Лидер оппозиционной правоцентристской партии «Демократический Сбор» (ДИСИ) Никос Анастасиадис, одержавшей победу на парламентских выборах в мае 2011г.⁶, активно критикует экономическую политику президента и выражает недовольство ходом мирных переговоров. Анастасиадис пытается заручиться поддержкой «Демократической Партии» ДИКО, которая вышла из правительственной коалиции в августе прошлого года по причине серьезных расхождений в подходах к решению кипрской проблемы. Лидер партии Мариос Гароян изначально критиковал позиции президента на переговорах, ратуя за более жесткую линию. Его не устраивают требования Христофиаса о поочередном президентстве, взвешенном голосовании, а также пятидесятитысячная квота на присутствие в стране турецких переселенцев. Очевидно, что данные требования не найдут поддержки со стороны турок-киприотов, что, в свою очередь, только осложнит переговорный процесс, а это, к сожалению, еще больше укрепит сложившееся разделение общин. Лидер ДИКО выдвигает идею создания правительства национального спасения. Если ДИСИ заручится поддержкой ДИКО, ранее заявлявшей, что относится к «независимому центру», то их шансы на победу велики. Партии уже выразили солидарность в вопросе активного вовлечения ЕС в решение кипрского вопроса. Однако на этих выборах определяющим для избирателей станет не подход той или иной партии к решению кипрского вопроса, а ее предложения по управлению сложной экономической ситуацией.

⁵ <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20120608083704.shtml>

⁶ <http://www.km.ru/v-mire/2011/05/22/vybory/parlamentskie-vybory-na-kipre-vyigrala-oppozitsiya>

С. А. Притчин

Четвертый Каспийский саммит: можно ли ожидать прорыва?

Сначала несколько слов о сроках и месте проведения следующего саммита. По результатам переговоров в Баку в ноябре 2010 г. было принято решение, что следующий саммит должен пройти в России раньше конца 2013 г., причем место проведения не было определено, он может состояться либо в Москве, либо в Астрахани. Но геополитическая ситуация, складывающаяся в регионе, не дает оснований полагать, что соседи смогут разрешить существующие проблемы и разрешить все споры. Территориальные споры, рост напряженности вокруг ядерной программы Ирана, — все эти факторы привносят неопределенность в региональные процессы и заставляют откладывать в долгий ящик решение насущных проблем. Несмотря на то, что регулярно проводит встречи Специальная Рабочая Группа на уровне замминистров иностранных дел, сигналов о прорыве или хотя бы новых договоренностях нет.

Прошлые успехи

Теперь несколько слов о втором и третьем саммитах. 18 ноября 2010 г. в Баку состоялся третий Каспийский саммит на высшем уровне. Президенты подписали Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море, а также расширенное совместное заявление по итогам саммита.

Первый документ является закреплением декларации, одобренной каспийской пятеркой 16 октября 2007 г. во время второго Каспийского саммита в Тегеране. Самым важным итогом переговоров тогда стало принципиальное решение, что Каспийское море объявляется «морем мира» и «все вопросы на море будут решаться прикаспийскими государствами мирными средствами». Кроме того, в декларации было прописано, что вооруженные силы сторон не направлены на остальные прикаспийские страны. Также каспийская пятерка взяла на себя обязательство «ни при каких обстоятельствах не предоставлять свою территорию для совершения агрессии или совершения другого военного действия против любой из сторон».

В подписанном в Баку Соглашении оговорены сферы, в которых стороны намерены осуществлять сотрудничество, например борьба с терроризмом, браконьерством, организованной преступностью, контрабандой, а также указан перечень министерств и ведомств, отвечающих в каждой стране за исполнение обязательств в рамках Соглашения.

Не менее значимым стало совместное заявление президентов каспийских стран по итогам саммита. Президенты выступили за придание межправительственного статуса Комиссии по водным биологичес-

ким ресурсам Каспийского моря. Кроме того, президенты договорились, что следующий саммит должен пройти в России раньше, чем через три года, а рабочая группа на уровне замминистров иностранных дел по работе над Конвенцией о статусе моря должна встречаться не реже пяти раз в год.

На саммите фактически не поднималась важнейшая и одновременно самая конфликтная для всех тема принципа раздела Каспия, однако были обозначены решения некоторых частных вопросов, которые приближают к завершению работу над правовой Конвенцией о статусе Каспия. Так, например, президент РФ Д.А. Медведев в своем заявлении, сделанном по итогам саммита, сказал, что уже в ближайшие три месяца может быть согласован вопрос о размере национальной зоны Каспийского моря, прилегающей к береговой линии, и она составит 24–25 морских миль. Это подтвердили и другие главы государств. При этом размер исключительной экономической зоны важен уже сегодня, ведь каспийская пятерка развивает торговое судоходство на море, и этот вопрос необходимо решить, не дожидаясь определения статуса моря.

Фактически главным достижением саммита стало то, что стороны начали всерьез обсуждать насущные проблемы, в частности безопасности, размера национальной зоны, экологии, выходить по ним на взаимоприемлемые решения и готовить совместные документы. В условиях, когда вопрос раздела моря на сектора не будет решен в ближайшие несколько лет, крайне важно договориться о насущных экономических и политических вопросах. Без этого не получится максимально реализовать, например, транспортный потенциал Каспия или начать эффективную работу по защите экосистемы.

Барьеры для решения статуса моря

Территориальные споры и разность подходов стран к разделу Каспия были и остаются главным сдерживающим фактором к решению его статуса. Кризис вокруг иранской ядерной программы является одним из аспектов, который не способствует решению Каспийской проблемы окончательно. Очевидно, в интересах четырех каспийских соседей Ирана — мирное разрешение конфликта, а также снятие всех экономических санкций. Иранское руководство, судя по всему, ни при каких обстоятельствах не пойдет на компромисс в ситуации, когда страна будет в заведомо уязвимом и слабом положении. Подтверждением этого является весь современный переговорный процесс. Каковы бы не были экономические или политические трудности у Тегерана

в условиях международных санкций и угрозы изоляции, он ни разу не отошел от своей первоначальной позиции равного раздела Каспия. Следует отметить, что военное разрешение конфликта может превратить Каспий из моря мира в море войны. И о скором заключении соглашения о статусе Каспийского моря можно будет забыть на многие десятилетия.

В складывающихся условиях особо остро в последнее время развивались ирано-азербайджанские отношения. Обострение в ирано-азербайджанских отношениях связано с нарастанием напряженности вокруг Ирана, ужесточением санкций против него и возникновением реальной угрозы начала военной операции. Западные страны и Израиль пытаются втянуть Азербайджан в антииранскую коалицию. Иран за счет активной политики в отношении республики пытается, с одной стороны, найти механизмы давления на северного соседа, а с другой — за счет провокаций и угроз прозондировать готовность Баку участвовать в антииранской коалиции на случай военной операции.

Еще одним из сдерживающих факторов, тормозящих переговорный процесс, являются азербайджано-туркменские отношения. До июня 2012 г. туркменско-азербайджанские отношения развивались достаточно интенсивно. В конце мая состоялся визит заместителя премьер-министра Азербайджана Я. Эйюбова в Ашхабад. При посредничестве ЕС шел интенсивный диалог по вопросу строительства Транскаспийского газопровода. Но внезапно произошло ухудшение азербайджано-туркменских отношений. Это случилось после начала Туркменистаном сейсмической разведки на спорном месторождении «Кяпаз» («Сердар» — туркменское название). В Баку такой поворот событий был однозначно воспринят как попытка Ашхабада за счет эскалации конфликта снять с повестки дня реализацию Транскаспийского газопровода. Дело в том, что Туркменистан не располагает техническими возможностями разведки и добычи нефти на глубоководных месторождени-

ях на Каспии, и поэтому начало работ на спорном участке было инициировано не с целью реального изучения запасов «Сердара», а чтобы спровоцировать конфликт с Азербайджаном.

Россия рассчитывает на продвижение своих инициатив

Проведение очередного саммита в одном из родов России может способствовать продвижению российских региональных инициатив, которые в последнее время фактически не обсуждаются. Это, например, создание Организации Каспийского экономического сотрудничества (ОКЭС) и региональной системы безопасности «Касфор». Формирование повестки дня и само по себе право принимать саммит дает определенные возможности стране-хозяйке. Так, ОКЭС могла бы стать эффективной региональной организацией в условиях, когда у стран действительно много потенциальных сфер для сотрудничества. Кроме того, в настоящий момент нет такого международного объединения, где были бы представлены все пять прикаспийских стран. С другой стороны, подписание соглашения по вопросам безопасности является важным шагом для обеспечения региональной безопасности, но недостаточным. Необходимо также либо создание военной организации, которая бы имела объединенную структуру управления на случай кризисных ситуаций, либо хорошее взаимодействие и опыт совместных действий у всех пяти армий стран каспийской пятерки. К сожалению, ни того ни другого в регионе не наблюдается. Российская инициатива «Касфор» пока не пользуется поддержкой у стран-соседей из-за опасений, что Москва попытается через нее усилить свое влияние в регионе. В связи с этим основная задача России, как страны заинтересованной в обеспечении стабильности и безопасности на Каспии, убедить региональных партнеров в выгоды и необходимости данных проектов.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

В. В. Бойцов

Юго-Восточная Азия в глобализующемся мире: вековые тренды и современные тенденции

Как известно, глобализация — явление всемирно-исторического масштаба, охватывающее на протяжении длительного времени в той или иной мере не только почти все страны и территории мира, но и все более широкий круг человеческой деятельности (экономику, политику, культуру, идеологию и т.п.). Поэтому, как и в других регионах, процесс глобализации в странах Юго-Восточной Азии не ограничивается одним лишь усилением их вовлеченности в мирохозяйственные связи, но и оказывает нарастающее воздействие на траекторию экономического развития этих стран, а также на формы и уровень жизни громадного большинства их населения, придавая им, где более, а где менее очевидный интернациональный характер.

Первоначально этот процесс охватывал лишь территориально близко расположенные друг к другу группы стран и регионы, как это, в частности, имело место на Дальнем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии в эпоху, предшествовавшую европейской колониальной экспансии, и ограничивался в основном внешнеторговыми связями. На раннем этапе своего проникновения в Юго-Восточную Азию, в особенности в XVI–XVII вв., европейцы также ограничивались преимущественно вывозом некоторых видов производимых или добываемых там традиционных товаров, как, например, пряностей. В годы европейского и североамериканского (на Филиппинах) колониального и полуколониального господства, пришедшегося главным образом на XIX — первую половину XX в., Юго-Восточная Азия, как и другие регионы Азии, Африки и Латинской Америки, подвергшиеся прямой или косвенной европейской и североамериканской колонизации, была превращена в сырьевую периферию индустриализующихся экономик Европы и Северной Америки.

Рост потребностей в промышленном сырье и продовольствии этих экономик заставил европейцев обратить внимание на располагающие богатыми ресурсами страны тропического пояса и среди них — на страны Юго-Восточной Азии. Под нажимом энергично развивающихся европейских держав все остававшиеся еще независимыми государства региона до конца XIX в. были превращены в колонии — (Малайя, с 1963 г. Малайзия), северные территории о. Калимантан, Бирма (с 1991 г. Мьянма), Вьетнам, Камбоджа, Лаос — и полукolonии (Таи-

ланд). А в уже давно находящимся на положении колоний странах (Индонезии и на Филиппинах) методы использования их ресурсов иностранным капиталом были существенно модифицированы и приспособлены к новым потребностям метрополий. Тогда же, благодаря усилиям колониальных администраций и при участии иностранного капитала, во всех странах Юго-Восточной Азии, в одних раньше, в других — позже, начали активно развиваться новые экспортные отрасли, ориентированные главным образом на удовлетворение потребностей европейского и североамериканского рынков.

Хотя из всех этих стран и вывозилась немалая дань, которая вливалась в фонд накопления метрополий и тем самым способствовала ускорению экономического развития последних, не следует ни переоценивать этого факта, ни недооценивать того, что происходило в колониальной и полуколониальной периферии. В эти годы там расширялись площади обрабатываемых земель, сооружались рудники и шахты, строились предприятия по первичной переработке получаемого сырья, прокладывались пути сообщения между центрами производства и морскими портами, открывались мастерские по ремонту оборудования перерабатывающих отраслей и транспортных средств. Иными словами, закладывались основы перехода к новой, более динамичной модели экономического развития.

В то же время при довольно скромных общих параметрах хозяйства стран Юго-Восточной Азии ускорение темпов роста их общественного производства было связано не столько со структурными сдвигами внутри их традиционной экономики, сколько с реакцией на изменившиеся запросы мирового рынка, освоением и экстенсивным расширением производства тех видов сырья, для которых существовали наиболее благоприятные условия. В связи с этим наибольший динамизм был достигнут в тех странах региона, которые сумели наилучшим образом воспользоваться конъюнктурой мирового рынка и оказались готовыми удовлетворить его потребности именно в годы наивысшего подъема международной торговли в колониальную эпоху (1850–1913 гг.). Естественно, наибольший эффект от взаимодействия с мировым хозяйством в эти годы получили те страны региона, которые раньше включились в широкомасштабный международный

товарообмен — сначала Малайя с Сингапуром и Таиланд, затем Бирма и только потом Филиппины и Индонезия.

Таким образом, хозяйство стран Юго-Восточной Азии развивалось в эти годы не только под прямым политическим, но и экономическим воздействием колониальных держав, и, фактически, если не целиком, то, по крайней мере, во многих своих важнейших элементах стало частью единого с метрополиями производственного механизма, обеспечивая его промышленным и сельскохозяйственным сырьем и продовольствием, необходимыми для создания и дальнейшего развития диверсифицированной и высокопроизводительной промышленности в странах Европы, Северной Америки, а позднее и в Японии.

Однако, выполняя столь важную и незаменимую роль в процессе индустриализации мирового хозяйства в целом, страны Юго-Восточной Азии, как и другие афро-азиатские и латиноамериканские страны, оставались в нем «ведомой» и эксплуатируемой, в том числе с помощью механизма цен, частью. В результате, несмотря на ускорение экономического роста, вызванного беспрецедентным развитием сырьевого подразделения в экономике этих стран и возникновением там ряда новых отраслей, прежде всего по переработке промышленного и сельскохозяйственного сырья, общий экономический эффект для них от участия в индустриализации мирового хозяйства оказался весьма незначительным. Достигнутые ими ускорение экономического роста и изменения в структуре производства оказались недостаточными, чтобы сократить хозяйственное отставание от колониальных держав, поднять жизненный и общекультурный уровень громадного большинства их населения и тем более уменьшить установившуюся экономическую (финансовую, материальную, технологическую и интеллектуальную) зависимость от Западной Европы и Северной Америки.

Так, производство валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения в 1960 г. достигало: в Индонезии (в 1967 г.) — 55 долл. США, в Лаосе (в 1984 г.) — 439 долл., в Таиланде — 101 долл., в Камбодже — 117 долл., во Вьетнаме (в 1985 г.) — 239 долл., на Филиппинах — 257 долл., в Малайе — 299 долл., Сингапуре — 395 долл. и в Брунее (в 1965 г.) — 1146 долл., что, за исключением Брунея, было меньше не только соответствующего показателя для мирового хозяйства в целом, равного 444 долл., но и более чем в половине случаев для всей группы развивающихся государств (150 долл.)¹.

В структуре материального производства, исключая Бруней, затем Сингапур и отчасти Филиппины, по-прежнему продолжала преобладать продукция аграрного сектора, на долю которой в 1960 г. приходилось: в Брунее (в 1974 г.) — 1,3%, в Сингапуре

(в 1975 г.) — 2,2%, на Филиппинах — 26,9%, в Малайзии — 34,3%, в Мьянме (в 1965 г.) — 35,1%, в Таиланде — 36,4%, во Вьетнаме (в 1985 г.) — 40,5%, в Камбодже (в 1993 г.) — 46,5%, в Индонезии — 51,5% и в Лаосе (в 1989 г.) — 60,6% их ВВП. В то же время вклад в общественное производство промышленных отраслей как обрабатывающих, так и добывающих, составлял: Малайзии — 19,4%, в Мьянме (в 1965 г.) — 12,7%, в Камбодже (в 1993 г.) — 13,0%, Лаосе (в 1989 г.) — 13,4%, в Индонезии — 15,0%, в Таиланде — 18,5%, в Брунее и во Вьетнаме (в 1985 г.) — 27,4%, на Филиппинах — 31,3%, в Сингапуре (в 1975 г.) — 32,3% и, наконец, в Брунее за счет однобокого развития там добывающих отраслей (в 1975 г.) — 90,5%².

Еще более архаичный характер сохраняла отраслевая занятость. Удельный вес населения, занятого в сельскохозяйственном производстве, во всем экономически активном населении в 1980 г., т.е. даже двадцать лет спустя, достигал: в Малайзии — 40,9%, на Филиппинах — 51,5%, в Лаосе — 79,8%, в Индонезии — 57,8%, в Таиланде — 70,9%, во Вьетнаме — 73,3%, в Камбодже — 75,5%, в Мьянме — 75,9%,³ что превышало индикатор вклада аграрного сектора этих стран в производство их совокупного ВВП.

Соответственно этому в отраслевой структуре экспорта этих стран преобладало сельскохозяйственное сырье и продовольствие. Эти две товарные группы в 1962 г. формировали: 52,3% товарного экспорта в Сингапуре, 61,2% — в Малайзии (в 1964 г.), 62,4% — в Индонезии, 85,6% — на Филиппинах, 89,1% — в Таиланде, 95,6% — в Мьянме и 98,3% — в Камбодже, что намного превосходило средний для всей мировой торговли уровень, равный 30,0%. В то же время доля продукции обрабатывающей промышленности в товарном вывозе в том же 1962 г. составляла: в Брунее — менее 0,1%, в Индонезии — 0,3%, в Мьянме — 0,9%, в Камбодже — 1,6%, в Таиланде — 2,1%, на Филиппинах — 4,6%, в Малайзии (в 1964 г.) — 5,2%, в Лаосе — 9,4% и даже в Сингапуре — всего 26,2%, тогда как вклад продукции обрабатывающей промышленности в товарном экспорте во всем мировом хозяйстве достигал 60,2%.

Сохранилась и высокая зависимость стран Юго-Восточной Азии от внешнеторговых связей с промышленно развитыми государствами. Последние доминировали не только в экспортной торговле этих стран (за исключением Мьянмы и Лаоса), но и в импортной. Так, в 1960 г. товарный экспорт в промышленно развитые страны обеспечивал: в Сингапуре 58,5% всего его совокупного экспорта, во Вьетнаме — 74,4%, в Таиланде — 82,8%, в Камбодже — 84,2%, в Малайзии (в 1967 г.) — 85,1%, в Индонезии — 87,6%, в Брунее — 93,9% и на Филиппи-

¹ Составлено и подсчитано по: World data Bank. World Development Indicators (WDI) & Global Development Finance (GDF) — <http://databank.worldbank.org/ddp/home.do>; The World Bank. World Development indicators 2007 CD-ROM.

² The World data Bank. World Development indicators (WDI) & Global Development Finance (GDF) — <http://data.worldbank.org/ddp/home.do>.

³ Подсчитано по: FAOSTAT. Population. Annual Time Series. — <http://faostat.fao.org/550/DescTopDefault.aspx?PageID=!>

нах — 96,8%. Соответственно товарный импорт из промышленно развитых стран в том же 1960 г. составлял: в Мьянме — 63,9%, в Сингапуре — 78,7%, в Малайзии (в 1967 г.) — 79,3%, в Индонезии — 79,7%, в Брунее — 83,9%, в Камбодже и Лаосе — по 85,6%, во Вьетнаме — 88,8%, на Филиппинах — 91,6% и в Таиланде — 93,3%⁴.

Реальную возможность самостоятельно формировать стратегию своего хозяйственного развития бывшие колонии и полуколонии в Юго-Восточной Азии получили вместе с другими освободившимися странами с достижением ими во второй половине XX в. политического суверенитета. Основные цели этой стратегии заключались в кардинальном ускорении темпов экономического роста этих стран, более справедливым, с их точки зрения, распределении доходов на мировом рынке и изменении своего места в международном разделении труда как преимущественно производителей сырьевых товаров и полуфабрикатов, с одной стороны, и потребителей готовой промышленной продукции — с другой. Важнейшим инструментом достижения этих целей стала здесь, как и в большинстве других молодых национальных государств, ускоренная индустриализация их хозяйства — на начальном этапе практически повсеместно в виде импортозамещающего производства, а по мере его завершения чаще всего в форме экспортоориентации. Вызванная этим потребность в достаточно большом количестве недостающих, а иногда и отсутствующих в этих странах финансовых, материально-технических и прочих ресурсов не могла быть удовлетворена без использования внешних источников, главным образом из промышленно развитых стран Европы, Северной Америки и Японии. В свою очередь, последние, будучи заинтересованными в переносе в ходе нового этапа промышленной революции во второй половине XX в. в развивающиеся страны наиболее трудоемких, материало- и энергоемких, а также экологически «грязных» отраслей промышленного производства, приступили во все расширяющихся масштабах к созданию на территории отдельных стран Юго-Восточной Азии филиалов своих промышленных компаний и смешанных производств. Благодаря этому совокупный объем прямых иностранных частных инвестиций, размещенных за все время в странах региона, в 2010 г. достиг: 921,7 млрд. долл., в том числе в Брунее — 11,2 млрд. долл., на Филиппинах — 24,9 млрд. долл., во Вьетнаме — 65,6 млрд. долл., в Малайзии — 101,3 млрд. долл., в Индонезии — 121,5 млрд. долл., в Таиланде — 127,3 млрд. долл. и в Сингапуре — 469,9 млрд. долл.⁵

В результате целенаправленных усилий большинства стран Юго-Восточной Азии и инвестицион-

ной активности, прежде всего иностранного капитала промышленно развитых государств, экономика целого ряда стран региона (чье материальное производство еще в 1950–1960-х гг. носило аграрный характер), приобрела к концу XX в. черты аграрно-индустриального, а в ряде случаев и индустриально-аграрного хозяйства (прежде всего в Брунее, Индонезии, Таиланде, Малайзии, Вьетнаме). Так, доля промышленности в производстве ВВП с 1960 по 2010 г. возросла: на Филиппинах на 1,3 процентных пункта (п.п.) в Мьянме (с 1965 по 2004 г.) — на 3,5 п.п., во Вьетнаме (с 1985 г.) — на 13,7 п.п., в Лаосе (с 1989 г.) — на 18,4 п.п., в Камбодже (с 1993 г.) — на 10,3 п.п., в Малайзии — на 25 п.п., в Таиланде — на 26,2 п.п. и в Индонезии — на 31,9 п.п. И только в двух странах она уменьшилась: Сингапуре (с 1975 г.) — на 4,4 п.п. и Брунее (с 1985 г.) — на 23,7 п.п., что было главным образом связано с расширением там важнейшего подразделения современного хозяйства — сферы услуг. Как следствие, удельный вес промышленности в производстве ВВП в 2010 г. составил: в Мьянме (в 2004 г.) — 16,2%, в Камбодже — 23,3%, в Сингапуре — 27,9%, в Лаосе — 31,8%, на Филиппинах — 32,6%, во Вьетнаме — 41,1%, в Малайзии — 44,4%, в Таиланде — 44,7%, в Индонезии — 46,9% и в Брунее — 66,8%. В результате вклад индустриального сектора в общественное производство во всех странах региона, за исключением Мьянмы и Камбоджи, превзошел средний для всех стран мира, вместе взятых, равный 26,3%.

В то же время удельный вес аграрного сектора в производстве ВВП в странах региона, за исключением Мьянмы, с 1960 по 2010 г., напротив, уменьшился, в некоторых случаях — весьма значительно, в других, где его место в общественном производстве было и без того достаточно скромным — едва заметно: в Брунее — на 0,5 п.п., в Сингапуре — на 2,2 п.п., в Камбодже — на 15,5 п.п., на Филиппинах — на 14,6 п.п., во Вьетнаме — на 20,5 п.п., в Малайзии — на 23,7 п.п., в Таиланде — на 24,0 п.п., в Лаосе — на 27,9 п.п. и в Индонезии — на 45,3 п.п. Благодаря этому к 2010 г. его доля в общественном производстве снизилась: в Сингапуре — до 0,03%, в Брунее — до 0,8%, в Малайзии — до 10,6%, на Филиппинах — до 12,3%, в Таиланде — до 12,4%, в Индонезии — до 15,3%, во Вьетнаме — до 20,6%, в Лаосе — до 32,7% и в Камбодже — до 36,0%, и лишь в Мьянме, находящейся в эти годы, как было сказано выше, в процессе перманентной и разнонаправленной перестройки, увеличился на 13,3 п.п. и достиг 48,4%. Однако, несмотря на почти повсеместное сужение его сферы, аграрный сектор по-прежнему продолжает играть исключительно важную роль в хозяйстве большинства стран Юго-Восточной Азии. Достаточно сказать, что, за исключением Сингапура и Брунея, его удельный вес в общественном производстве этих стран превысил не только соответствующий индикатор, характеризующий все мировое хозяйство и составивший в том же 2010 г. 2,8%, но и

⁴ The World data Bank. World Development indicators (WDI) & Global Development Finance (GDF) — <http://data.worldbank.org/ddp/home.do>.

⁵ Подсчитано по: STATSAPEC. Key Indicators Database. — http://Statistics.apec.org/index.php/key_indicator/vd_result.

аналогичный показатель для развивающихся стран, равный 9,8%⁶.

Еще более заметной остается роль аграрного сектора в отраслевой структуре занятости большинства стран региона, что является следствием его перенасыщения рабочей силой, не находящей применения в других сферах приложения труда. Несмотря на перманентное, в некоторых случаях заметное, снижение за годы независимости, доля занятых в этом секторе среди всего экономически активного населения в большинстве стран Юго-Восточной Азии, в том числе самых многонаселенных, сохраняется на более высоком уровне, чем в среднем в мире (39,5%). Так, только с 1980 по 2010 г. удельный вес занятых в аграрном производстве во всем экономически активном населении уменьшился: в Сингапуре — на 1,9 п.п., в Лаосе — на 3,9 п.п., в Брунее — на 5,3 п.п., в Мьянме — на 8,7 п.п., в Камбодже — на 9,7 п.п., во Вьетнаме — на 10,1 п.п., в Индонезии — на 16,4 п.п., на Филиппинах — на 17,8 п.п., в Таиланде — на 22,4 п.п. и в Малайзии — на 28,2 п.п. и, как следствие, к 2010 г. сократился: в Сингапуре — до 0,07%, в Брунее — до 0,5%, в Малайзии — до 12,7%, на Филиппинах — до 33,7%, в Индонезии — до 41,4%, в Таиланде — до 48,5%, во Вьетнаме — до 63,2%, в Камбодже — до 65,8%, в Мьянме — до 67,1% и в Лаосе — до 79,9%⁷.

Хотя для большинства стран региона, как и для мировой экономики в целом, в последние десятилетия характерна тенденция к росту сферы услуг и постепенной сервисизации хозяйства, она отличается здесь не только медленными темпами, но и противоречивым ходом. Достаточно сказать, что удельный вес услуг в производстве ВВП с 1960 по 2010 г. возрос только в семи странах Юго-Восточной Азии: в Камбодже (с 1993 г.) — на 0,2 п.п., в Индонезии — на 4,2 п.п., во Вьетнаме (с 1989 г.) — на 5,8 п.п., в Сингапуре (с 1975 г.) — на 6,7 п.п., в Лаосе (с 1989 г.) — на 9,5 п.п., на Филиппинах — на 13,8 п.п. и в Брунее (с 1974 г.) — на 14,4 п.п. В трех других из этих стран он не только не увеличился, но даже, напротив, сократился: в Малайзии — на 1,3 п.п., в Таиланде — на 2,0 п.п. и в Мьянме (с 1965 по 2004 г.) — на 16,8 п.п. Между тем в мировом хозяйстве доля сферы услуг в общественном производстве только с 1970 по 2010 г. увеличилась на 17,5 п.п., а во всей группе развивающихся стран — на 13,8 п.п. В результате вклад сферы услуг в ВВП в 2010 г. составил: в Брунее — 32,5%, в Мьянме (в 2004 г.) — 35,4%, в Лаосе — 35,5%, в Индонезии — 37,7%, во Вьетнаме — 38,3%, в Камбодже — 40,7%, в Таиланде — 43,0%, в Малайзии — 45,0%, на Филиппинах — 55,1% и в Сингапуре — 72,1%. В то же время удельный вес

сферы услуг в мировой экономике в целом достиг в 2010 г. 70,9%, а во всех развивающихся странах, вместе взятых, — 54,7%. Столь заметное отклонение от общемировой тенденции, по крайней мере в большинстве стран региона, свидетельствует о нарушениях в пропорциях развития и является, с точки зрения автора, следствием в одних случаях — форсированной индустриализации, в других — общим низким уровнем хозяйственного развития, в третьих — крайней неустойчивостью вектора их экономического развития, и в четвертых — сочетанием некоторых из вышеперечисленных факторов.

Таким образом, процесс в целом прогрессивной структурной перестройки и потенциального сближения отраслевой структуры производства в странах региона с соответствующей структурой во всей группе развивающихся стран, а позднее — и индустриальных государств, хотя и развивается в целом успешно, однако происходит не только неравномерно территориально, но и достаточно противоречиво — ускоренная индустриализация сочетается там с относительно медленной (в большинстве случаев) деаграризацией производства и в особенности занятости, а также относительным отставанием сферы услуг.

Изменения в отраслевой структуре производства стран Юго-Восточной Азии вызвали и соответствующие изменения в структуре их внешней торговли, в особенности в ее экспортном секторе. Прежде всего, в нем заметно увеличилась доля промышленной продукции, и в первую очередь продукции обрабатывающей индустрии. Так, с 1962 по 2010 г. вклад последней в экспортную торговлю возрос: в Брунее (по 2006 г.) — на 3,29 п.п., во Вьетнаме (с 1997 г.) — на 20,6 п.п., в Мьянме — на 29,1 п.п., в Индонезии — на 37,2, в Сингапуре — на 46,9 п.п., в Малайзии — на 65,0 п.п., в Таиланде — на 73,1 п.п., на Филиппинах — на 81,2 п.п. и в Камбодже — на 94,5 п.п., превысив в большинстве случаев, иногда весьма значительно, соответствующий прирост, наблюдавшийся не только в мировой экспортной торговле в целом (8,7 п.п.), но и в вывозе из всей группы развивающихся стран (27,7 п.п.). В результате удельный вес продукции обрабатывающей промышленности во всем товарном экспорте в 2010 г. составил: в Брунее (в 2006 г.) — 3,3%, в Мьянме — 30,0%, в Индонезии — 37,5%, во Вьетнаме — 64,7%, в Малайзии — 67,2%, в Сингапуре — 73,1%, в Таиланде — 75,3%, на Филиппинах — 85,8%, в Камбодже — 96,1%, тогда как во всей мировой экспортной торговле он достиг 68,9% и соответственно в вывозе развивающихся стран, вместе взятых, — 58,0%. Столь заметное место, занимаемое продукцией обрабатывающей индустрии в экспортной торговле большинства стран региона, свидетельствует не только о сохраняющейся, но и продолжающейся усиливаться экспортноориентированной природе этой отрасли в хозяйстве стран Юго-Восточной Азии. Конечно, немалая часть этой продукции является, по существу, продук-

⁶ Составлено и подсчитано по: The World data Bank. World Development indicators (WDI) & Global Development Finance (GDF) — <http://data.worldbank.org/ddp/home.do>.

⁷ Составлено и подсчитано по: FAOSTAT. Population. Annual Time Series. <http://faostat.fao.org/550/DesktopDefault.aspx?PageID=!>

цией первого передела, как, например, в Камбодже. Однако, хотя заметная часть этой продукции носит вполне современный характер, она практически целиком изготавливается по иностранным лицензиям и на основе зарубежных технологий. Достаточно сказать, что собственные расходы на нужды научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в разные годы с 2002 по 2009 г. составили: в Брунее — 0,04%, в Камбодже — 0,05%, в Индонезии — 0,08%, на Филиппинах — 0,11%, в Мьянме — 0,16%, во Вьетнаме — 0,19%, в Таиланде — 0,2%, в Малайзии — 0,63% их ВВП, что уступало, в некоторых случаях значительно, уровню расходов на НИОКР не только в промышленно развитых странах (2,43%), но даже среднему для всех развивающихся стран (1,07%). И лишь в одном Сингапуре расходы на НИОКР по их доле в общественном производстве оказались сопоставимыми со среднемировым (2,14%), составив 2,66%. Однако незначительность абсолютных масштабов этих средств ограничивают возможности разработки сколько-нибудь значимых и тем более прорывных технологий.

В то время как вывоз готовых промышленных изделий из стран региона демонстрирует устойчивую тенденцию к росту, вклад сельскохозяйственного сырья и продовольствия в их товарный экспорт в большинстве случаев заметно снизился. В 2010 г. это снижение, по сравнению с 1962 г., составило: в Брунее (в 2006 г.) — 1,7 п.п., в Мьянме (в 1992 г.) — 6,0 п.п., во Вьетнаме (в 2009 г.) — 9,7 п.п., в Малайзии (с 1964 г.) — 37,3 п.п., в Индонезии — 39,4 п.п., в Сингапуре — 50 п.п., в Таиланде — 70,6 п.п., на Филиппинах — 77,5 п.п., в Лаосе (в 1974 г.) — 81,7 п.п. и в Камбодже — 94,6 п.п. В результате доля продукции аграрного сектора в вывозе из стран Юго-Восточной Азии в 2010 г. сократилась: в Брунее — до 0,1%, в Сингапуре — до 2,3%, в Камбодже — до 3,7%, на Филиппинах — 8,1%, в Малайзии — до 14,5%, в Таиланде — до 18,5%, в Индонезии — до 23,0%, во Вьетнаме — до 23,4%. Приведенные факты свидетельствуют о происходящем со второй половины XX в. процессе изменения места большинства стран Юго-Восточной Азии в системе международного разделения труда. Из производителей и поставщиков на мировой рынок продукции по преимуществу аграрного сектора они постепенно превращаются в своеобразную фабрику, изготавливающую и снабжающую мировой рынок промышленными полуфабрикатами и готовыми изделиями «второй свежести».

Ускоренный рост промышленного производства и прогрессивные изменения в отраслевой структуре хозяйства позволили большинству стран Юго-Восточной Азии поддерживать на протяжении нескольких десятилетий относительно высокие темпы экономического развития. Так, среднегодовые темпы прироста ВВП в ценах 2000 г. с 1960 по 2010 г. составляли: в Брунее (с 1974 г.) — 1,8%, на Филиппинах — 3,9%, в Лаосе (с 1984 г.) — 4,2%, в Индонезии — 5,4%, в Таиланде — 6,2%, в Малай-

зии — 6,3%, во Вьетнаме (с 1984 г.) — 6,5%, в Сингапуре — 7,7%, в Камбодже (с 1993 г.) — 9,6%, что, как правило, превышало не только средний для всех развивающихся стран, вместе взятых, равный 4,5%, но также и для всей группы индустриально развитых государств (3,1%).

Следствием относительно высоких темпов прироста ВВП в большинстве стран региона стало заметное увеличение их вклада в мировое производство. Если в 1960 г. на все эти страны приходилось всего 0,8% общемирового производства ВВП и 5,1% его совокупного объема, произведенного развивающимися странами, то в 2010 г. их вклад соответственно увеличился до 2,0% и 8,7%.

Благодаря быстрому росту абсолютных объемов производства среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения в большинстве стран Юго-Восточной Азии также находились на относительно высоком уровне. В 1960 — 2010 гг. они достигали в ценах 2000 г.: на Филиппинах — 1,4%, в Лаосе (с 1984 г.) — 2,7%, в Индонезии — 3,5%, в Малайзии — 3,7%, в Таиланде — 4,3%, во Вьетнаме (с 1985 г.) — 4,9%, в Сингапуре — 5,4% и в Камбодже (с 1993 г.) — 5,6%, тогда как в среднем в мире они равнялись 1,8%, в группе развивающихся стран — 2,7% и в промышленно развитых государствах, вместе взятых, — 2,4%.

В результате этого абсолютные значения производства ВВП на душу населения (по курсу обмена валют на долл. США) в странах региона, как правило, заметно возросли и в 2010 г. составили: в Камбодже — 795 долл., в Лаосе — 1158 долл., во Вьетнаме — 1224 долл., на Филиппинах — 2140 долл., в Индонезии — 2952 долл., в Таиланде — 4614 долл., в Малайзии — 8373 долл., в Брунее — 31 002 долл., в Сингапуре — 41 984 долл., что, однако, за исключением Брунея и теперь еще Сингапура, по-прежнему уступает соответствующему показателю для мирового хозяйства в целом, равному 9144 долл., а также более чем в половине случаев — для всей группы развивающихся стран (3486 долл.).

Более того, несмотря на опережающие темпы роста, разрыв между ВВП на душу населения в большинстве стран региона, с одной стороны, и соответствующими показателями роста общественного производства в мире и даже во всей группе развивающихся стран с другой, в большинстве своем не только не сокращается, а, напротив, обнаруживает тенденцию к возрастанию. Так, отставание в объеме производства ВВП на душу населения от среднего для всего мирового хозяйства с 1960 по 2010 г. и рассчитанного в ценах 2000 г. увеличилось: в Камбодже (с 1993 г.) — в 1,2 раза, во Вьетнаме (с 1984 г.) — в 1,3 раза, в Лаосе (с 1984 г.) — в 1,4 раза, в Таиланде — в 1,6 раза, в Индонезии — в 2,2 раза и на Филиппинах — в 2,7 раза. Возросло в половине стран Юго-Восточной Азии и отставание подушевого производства ВВП от всей группы развивающихся стран, составившее за тот же период: во Вьетна-

ме — 1,6 раза, в Камбодже — 1,7 раза, в Лаосе — 1,9 раза, на Филиппинах — 2,0 раза и в Индонезии — 2,5 раза.

Более благоприятными представляются показатели динамики общественного производства на душу населения в пересчете по паритетам покупательной способности валют. Как правило, в этом случае они приобретают заметно большие абсолютные значения. Достаточно сказать, что их объем в 2010 г. достиг: в Камбодже — 2184 долл., в Лаосе — 2567 долл., во Вьетнаме — 3191 долл., в Индонезии — 4312 долл., на Филиппинах — 3952 долл., в Таиланде — 8516 долл., в Малайзии — 14 666 долл., в Брунее — 50 506 долл. и в Сингапуре — 57 902 долл. Благодаря этому средний показатель для всего мирового хозяйства (11 073 долл.) оказался превышенным, кроме Сингапура и Брунея, еще одной страной региона — Малайзией, а аналогичный индикатор для всей группы развивающихся стран, помимо вышеназванных трех стран, — и Таиландом. Однако и в этом случае в большинстве стран региона наблюдается тенденция к нарастанию отставания абсолютных показателей производства ВВП на душу населения как от соответствующих индикаторов для мирового хозяйства, так для и всей группы развивающихся стран. Так, к 2010 г. отставание от указанных показателей для мирового хозяйства, рассчитанное в ценах 2005 г., возросло: в Индонезии (с 1980 г.), Камбодже (с 1993 г.) и Вьетнаме (с 1984 г.) — в 1,3 раза, в Лаосе (1984 г.) — 1,4 раза, на Филиппинах (с 1980 г.) — в 2,0 раза, а от соответствующих индикаторов для всей группы развивающихся стран: в Индонезии — в 1,2 раза, во Вьетнаме — в 1,4 раза, Камбодже — в 1,6 раза, в Лаосе — в 1,7 раза и на Филиппинах — в 5,4 раза⁸.

Все эти факты подводят к заключению о том, что, несмотря на относительно высокие темпы экономического развития, разрыв в подушном производстве ВВП у большинства стран Юго-Восточной Азии со средними для мирового хозяйства и, в том числе, для всей группы развивающихся стран не только не сокращается, но, напротив, продолжает возрастать. В то же время они свидетельствуют о значительных различиях в темпах их экономического развития и, следовательно, о формировании предпосылок для усиления дифференциации среди стран региона. Это подтверждает и сопоставление коэффициентов вариации, рассчитанных по данным о производстве ВВП на душу населения в 1960 г. и 2010 г. Если в 1960 г. указанный коэффициент равнялся 7635, то к 2010 г. он возрос до 10 009, что свидетельствует о тенденции к уменьшению степени однородности среди стран региона⁹.

Тем не менее вполне оправданным будет вывод о том, что ускоренный рост общественного производства позволил странам региона в основном вы-

ровнять свой ослабленный в годы Второй мировой войны, длительной вооруженной борьбы за независимость и сопротивления иностранной агрессии совокупный экономический потенциал со средним для всей группы развивающихся государств и укрепить позиции Юго-Восточной Азии не только среди молодых национальных государств, но и во всем мировом хозяйстве.

Вместе с тем, несмотря на новые прогрессивные черты, проявившиеся в последние десятилетия в экономике этих стран, в их индустриальном секторе преобладают отрасли и технологии вчерашнего и даже позавчерашнего дня, и в том числе так называемые отверточные производства, тогда как отрасли, способные поддерживать процесс дальнейшей и тем более самостоятельной индустриализации, как правило, отсутствуют, как, например, станкостроение и точное приборостроение. Поэтому практически все они, включая и вошедшие в эти годы в группу аграрно-индустриальных и даже индустриально-аграрных стран, могут претендовать лишь на место на периферии индустриального сектора мирового хозяйства.

Изменения в объеме и структуре производства индустриализующихся стран Юго-Восточной Азии вызвали перемены и в их социальной сфере. Прежде всего, выросла не только абсолютная, но и относительная численность лиц, занятых вне аграрного сектора производства. Особенно быстро она увеличивалась в странах с относительно высоким уровнем индустриализации. Так, с 1960 по 2010 г. удельный вес занятых вне аграрного сектора во всем экономически активном населении возрос: в Брунее — на 1,3 п.п., в Сингапуре — на 1,4 п.п., в Лаосе — на 4,9 п.п. в Мьянме — на 8,8 п.п., в Камбодже — на 9,7 п.п., во Вьетнаме — на 10,1 п.п., в Индонезии — на 16,4 п.п., на Филиппинах — на 17,4 п.п. и в Таиланде — на 22,4 п.п., тогда как во всех странах мира, вместе взятых, — на 10,7 п.п. В результате доля занятых вне сферы аграрного производства во всем экономически активном населении в 2010 г. составила: в Лаосе — 20,1%, в Мьянме — 32,9%, в Камбодже — 34,2%, во Вьетнаме — 36,8%, в Таиланде — 51,5%, в Индонезии — 58,6%, на Филиппинах — 66,3%, в Малайзии — 87,3%, в Брунее — 99,5% и в Сингапуре — 99,9% и существенно приблизилась или даже превысила аналогичный средний индикатор для всех стран мира (60,2%)¹⁰.

В соответствии с этим во всех странах региона увеличилась численность населения, проживающего в городах. В первую очередь это также коснулось стран с относительно быстро индустриализующимся хозяйством. Например, за период 1960–2010 гг. удельный вес городского населения возрос: в Камбодже — на 9,5 п.п., в Мьянме — на 13,9 п.п., в Таиланде — на 14,0 п.п., во Вьетнаме — на 15,7 п.п., на

⁸ Составлено и подсчитано по: The World data Bank. World Development indicators (WDI) & Global Development Finance (GDF) — <http://data.worldbank.org/ddp/home.do>.

⁹ Подсчитано по данным: The World data Bank. World Development indicators (WDI) & Global Development Finance (GDF) — <http://data.worldbank.org/ddp/home.do>.

¹⁰ Составлено и подсчитано по: FAOSTAT. Population. Annual Time Series. — <http://faostat.fao.org/550/DesctopDefault.aspx?Page ID=!>

Филиппинах — на 18,3 п.п., в Лаосе — на 25,2 п.п., в Брунее — на 32,2 п.п., в Индонезии — на 35,3 п.п., и в Малайзии — на 45,4 п.п. против 22,2 п.п. во всей группе развивающихся стран и 16,5 п.п. в промышленно развитых странах. Как следствие, доля городского населения составила в конце указанного периода: в Камбодже — 19,8%, в Лаосе — 33,1%, в Таиланде — 33,7%, на Филиппинах — 48,6%, в Индонезии — 49,9%, в Малайзии — 72,0%, в Брунее — 75,6% и в Сингапуре — 100%, что было выше соответствующего среднего уровня для всех развивающихся стран, равного 46,0%, а в Сингапуре, естественно, и для всех промышленно развитых государств (80,2%).

Наряду с изменениями в отраслевой структуре занятости и формах расселения в странах Юго-Восточной Азии изменился и образ жизни заметной части их населения и ее качество. В первую очередь во всех странах региона увеличилась средняя продолжительность жизни (средняя продолжительность жизни при рождении) с 1960 по 2010 г. на Филиппинах — на 11 лет, в Малайзии — на 15 лет, в Брунее и в Сингапуре — на 16 лет, в Таиланде — на 19 лет, в Камбодже — на 20 лет, в Мьянме — на 22 года, в Лаосе — на 23 года, в Индонезии — на 24 года и во Вьетнаме — на 31 год. Это не только позволило несколько выровнять показатели средней продолжительности жизни в регионе, но и превысить соответствующий индикатор для всей группы промышленно развитых государств, равный 11 годам и почти в половине случаев — среднемировой, составлявший 18 лет. В результате к концу указанного периода в семи странах региона (против четырех в 1960 г.) средняя продолжительность жизни оказалась выше аналогичного показателя для всех стран мира, вместе взятых, или равной ей (68 годам) и достигла: в Камбодже — 63 лет, в Мьянме — 65 лет, в Лаосе — 67 лет, на Филиппинах — 68 лет, в Индонезии — 69 лет, в Таиланде и в Малайзии — 74 лет, во Вьетнаме — 75 лет, в Брунее — 78 лет и в Сингапуре — 82 лет, где таким образом даже несколько превысила показатель для промышленно развитых государств, равный 80 годам.

Вырос и удельный вес грамотных среди всего населения, в особенности в государствах с исторически относительно низким его уровнем. Так, доля грамотных во всем их населении в возрасте от 15 лет и старше увеличилась: в Мьянме (в 1990–2008 гг.) — на 2,2 п.п., в Таиланде (в 1980–2009 гг.) — на 4,8 п.п., во Вьетнаме (в 1978–2001 гг.) — на 9,0 п.п., в Камбодже (в 1998–2008 гг.) — на 10,3 п.п., в Сингапуре (в 1980–2009 гг.) — на 11,8 п.п., на Филиппинах (в 1980–2008 гг.) — на 12,1 п.п., в Лаосе (в 1995–2005 гг.) — на 12,4 п.п., в Брунее (в 1981–2009 гг.) — на 17,5 п.п., в Малайзии — (в 1980–2009 гг.) — на 23,9 п.п. и в Индонезии (в 1980–2008 гг.) — на 24,9 п.п. Благодаря этому она соответственно достигла: в Лаосе 72,7%, в Камбодже — 77,6%, в Индонезии — 92,2%, в Малайзии —

92,5%, во Вьетнаме и в Таиланде — 92,8%, в Сингапуре — 94,7%, в Брунее — 95,3%, на Филиппинах и в Мьянме — 95,4%. Таким образом, в большинстве случаев, за исключением Лаоса и Камбоджи, грамотность превысила аналогичный средний показатель для всех стран мира, равный в 2010 г. 84,1% и, в частности, для всей группы развивающихся стран (80,8%), но уступила уровню, достигнутому в промышленно развитых странах (98,3%)¹¹.

Улучшились и материальные условия жизни. Прежде всего, увеличился объем потребляемых продуктов питания в день (калорий). Так, количество потребляемых с пищей в течение суток калорий в странах Юго-Восточной Азии в 1961 г. находилось в интервале от 1684 ккал (в Мьянме) до 2419 ккал (в Малайзии), что составляло от 30,4 до 46,9% их потребления в расположенной в сходных климатических условиях Австралии или от 66,7 до 95,8% — в Японии, страны с относительно сходной структурой питания. Но уже к 2009 г. количество калорий, потребляемых с пищей, увеличилось здесь до 2377 ккал (в Лаосе) — 3088 ккал (в Брунее), что соответствовало 59,8–79,5% их потребления в Австралии или 87,3–119,4% в Японии. Изменилась к лучшему и структура потребляемых продуктов питания. Так, например, в 1961 г. количество содержащихся в ежедневном рационе питания протеинов находилось в странах региона в интервале между 34,0 г в день (в Индонезии) и 49,1 г в день (в Лаосе), тогда как к 2009 г. оно соответственно возросло до 61 г в день (на Филиппинах) — 81,1 г в день (в Брунее). В результате, если в 1961 г. количество протеинов, потребляемых в странах Юго-Восточной Азии вместе с пищей, составляло от 45,7% (в Индонезии) до 66,0% (в Лаосе) от среднемирового уровня их потребления, то в 2009 г. заметно больше — от 70,3% (на Филиппинах) до 93,0% (в Брунее)¹².

Повысилась насыщенность домашних хозяйств бытовой техникой и приборами индивидуального пользования и, прежде всего, обеспеченность их средствами связи и информации. В последние десятилетия этот процесс происходит не столько за счет традиционных их видов (проводной телефонной связи, печатной прессы, радио), сколько благодаря быстрому перемещению сюда из мировых центров инноваций наиболее современных их компонентов (телевидения и в особенности мобильной телефонной связи, Интернета и т.п.). Например, еще в 1995 г. в шести странах региона насчитывалось менее одного абонента мобильной связи на 100 жителей. Однако к 2010 г. их численность увеличилась: до 1 — в Мьянме, 58 — в Камбодже, 65 — в Лаосе, 86 — на Филиппинах, 88 — в Индонезии, 109 — в

¹¹ Составлено и подсчитано по: The World data Bank. World Development indicators (WDI) & Global Development Finance (GDF) — <http://data.worldbank.org/ddp/home.do>.

¹² FAOSTAT. Food Balance Sheets. Food Supply (average 1961 — 2009) — http://faostat.fao.org/home/index.html#visualise_by_domain.

Брунее, 1034 — в Таиланде, 119 — в Малайзии, 127 — во Вьетнаме, 145 — в Сингапуре при среднем для всех стран мира показателе в 77 абонентов на 100 жителей и соответственно 71 — в развивающихся странах и 110 — в промышленно развитых.

Крайне малочисленными в Юго-Восточной Азии в середине 1990-х гг. были и пользователи Интернета. В 1995 г. только в двух странах — Сингапуре и Брунее — их насчитывалось более одного на 100 жителей (соответственно 3 и 1 человек). Однако к 2010 г. ситуация заметно изменилась. Количество пользователей Интернета в одной из стран региона — Сингапуре (71 на 100 человек) — почти достигло соответствующего показателя для промышленно развитых стран (73), еще в трех — Вьетнаме (31), Брунее (53) и Малайзии (56) — превзошло среднестатистический уровень для всех стран мира и еще в одной — Таиланде (22) превысило средний показатель для развивающихся стран (20).

Наконец, и это может быть самое важное, снизилась доля людей, проживающих за чертой бедности. Так, относительная численность людей, находящихся за пределами национальной черты бедности, сократилась: в Индонезии (с 1996 по 2011 г.) на 5,1 п.п., в Брунее (с 2002 по 2006 г.) — на 8,6 п.п., в Малайзии (с 1989 по 2009 г.) — на 11,7 п.п., на Филиппинах (с 1994 по 2009 г.) — на 14,1 п.п. в Камбодже (с 1994 по 2007 г.) — на 16,9 п.п., в Лаосе (с 1992 по 2008 г.) — на 17,4 п.п., в Таиланде (с 1989 по 2009 г.) — на 34,1 п.п., во Вьетнаме (с 1994 по 2008 г.) на 43,6 п.п. и на указанную дату составила: в Малайзии — 3,8%, в Таиланде — 8,1%, в Брунее — 11,1%, в Индонезии — 13,3%, во Вьетнаме — 14,5%, на Филиппинах — 26,5%, в Лаосе — 27,6% и в Камбодже — 30,1%¹³.

Как следует из вышеперечисленных фактов, образ жизни и ее уровень в странах Юго-Восточной Азии постепенно становится все более сопоставимым с жизненным укладом и условиями жизни в более развитых государствах. Но так же, как и в сфере производства, эта динамика отличается крайней территориальной неравномерностью. Поэтому одни страны региона приближаются к более современным и высоким стандартам жизни относительно быстрыми темпами, как, например, Сингапур, Бруней и Малайзия, тогда как другие, напротив, исключительно медленно, демонстрируя в отдельные временные периоды «откаты к прошлому» (прежде всего Лаос, Камбоджа и Мьянма). При этом, хотя образ жизни и ее качество во всех этих странах и стали, в той или иной мере, более похожими на сложившиеся в более развитых экономически государствах, это сходство во многом еще носит «точечный» и чаще всего весьма отдаленный характер.

Не случайно поэтому рейтинги индекса человеческого развития стран Юго-Восточной Азии, за

исключением Сингапура (26 позиция) и Брунея (33 позиция), все еще недостаточно высокие, как в Малайзии (61 позиция), Таиланде (103), на Филиппинах (112), либо откровенно низкие, как в Индонезии (124 позиция), во Вьетнаме (128), в Лаосе, (138), в Камбодже (139) и в Мьянме (133 позиция)¹⁴.

Замедленный характер перестройки социальной сферы во многих, если не в большинстве стран региона, сохранение в ней традиционных, даже архаичных черт в образе жизни их населения и все еще относительно низкий уровень ее качества служат еще одним проявлением периферийного положения этих стран в мировом хозяйстве.

Если обратиться к другой составляющей глобализации — степени включенности юго-восточноазиатского региона в мировое хозяйство, — то практически повсеместное увеличение объемов общественного производства и перестройка отраслевой структуры сопровождались здесь ускоренным ростом внешнеэкономических связей и повышением роли последних в их хозяйстве, а вместе с тем и места стран Юго-Восточной Азии во всей системе международных экономических отношений.

Прежде всего, во всех странах региона заметно вырос абсолютный объем внешней торговли. Так, среднегодовые темпы прироста экспорта товаров и услуг за период с 1960 по 2010 г. в ценах 2000 г. составили: в Брунее (с 1989 г.) — 0,8%, в Индонезии — 5,2%, в Лаосе (с 1989 г.) — 5,5%, на Филиппинах — 5,9%, в Малайзии — 7,8%, в Таиланде — 9,5%, в Сингапуре (с 1975 г.) — 10,4%, во Вьетнаме (с 1989 г.) — 15,1% и в Камбодже (с 1993 г.) — 18,8%, что превышало соответствующий показатель производства ВВП во всех этих странах, за исключением Лаоса, единственной из этих стран, лишенной выхода к морю (см с. 10). В свою очередь, среднегодовые темпы прироста импорта достигли в те же годы в Брунее — 3,5%, в Лаосе — 4,9%, на Филиппинах — 5,7%, в Индонезии — 7,6%, в Малайзии — 7,7%, в Таиланде — 8,2%, в Сингапуре — 9,9%, во Вьетнаме — 13,7% и в Камбодже — 14,2%, что также, за исключением того же Лаоса, было выше среднегодовых темпов прироста их ВВП.

Опережающие темпы прироста внешнеторговых операций в странах Юго-Восточной Азии, по сравнению с производством ВВП, были вызваны прежде всего развитием их индустриального сектора преимущественно за счет экспортноориентированных отраслей, а также необходимостью ввоза для целей ускоренной индустриализации станков, производственного оборудования и запасных частей, равно как и не производимых в этих странах видов сырья, узлов и компонентов для их последующего использования в промышленном производстве.

В целом стоимость товарного экспорта из стран региона увеличилась за 1960–2010 гг. в 228,7 раза,

¹³ The World Bank. World Development indicators (WDI) & Global Development Finance (GDF) — <http://data.worldbank.org/ddp/home.do>.

¹⁴ International Human Development Indicators Database. — <http://hdrstats.undp.org/en/tables>.

а импорта — в 211,6 раза, что было заметно больше, чем во всем мировом хозяйстве, и, в частности, во всей группе развивающихся стран. Так, за указанное время стоимость мировой экспортной торговли возросла в 123,2 раза, а импортной — в 117,9 раза. В свою очередь, стоимость экспортных и импортных операций развивающихся стран во всем их общественном производстве соответственно увеличилась в 156,3 раза и в 130,0 раз. Вместе с ростом объема внешней торговли стран региона увеличился и вклад внешнеторговых операций этих стран в международную торговлю. Если в 1960 г. доля всех стран Юго-Восточной Азии в мировом товарном экспорте составляла 3,7%, то к 2010 г. она возросла до 6,9%, а удельный вес их в мировом товарном импорте соответственно увеличился с 3,5 до 6,2%.

Естественным следствием относительно высоких темпов развития внешнеторговых связей и значительного увеличения их абсолютных масштабов в большинстве рассматриваемых стран стало возрастание вклада экспортно-импортных операций этих стран в национальную экономику. Если, например, в 1960 г. доля экспортной торговли товарами и услугами в ВВП (так называемая экспортная квота) составляла: в Лаосе (в 1984 г.) — 2,8%, во Вьетнаме (в 1986 г.) — 6,6%, на Филиппинах — 11,9%, в Камбодже — 13,9%, в Индонезии — 15,0%, в Таиланде — 15,7%, в Мьянме — 19,7%, в Малайзии — 50,6%, в Брунее (в 1974 г.) — 90,1% и в Сингапуре (в 1966 г.) — 123,3%, то к 2010 г. она увеличилась, за исключением Брунея и Мьянмы, во всех странах региона: в Индонезии — на 9,6 п.п., на Филиппинах — на 22,9 п.п., в Лаосе — на 32,7 п.п., Камбодже — на 40,2 п.п., в Малайзии — на 40,7 п.п., в Таиланде — на 55,6 п.п., во Вьетнаме — на 70,9 п.п. и в Сингапуре — на 83,9 п.п. и в 2010 г. достигла: в Мьянме — 0,2%, в Индонезии — 24,6%, на Филиппинах — 34,8%, в Лаосе — 35,5%, в Камбодже — 54,1%, в Таиланде — 71,3%, во Вьетнаме — 77,5%, в Брунее — 81,4%, в Малайзии — 97,3%, и в Сингапуре — 207,2%, что в большинстве случаев намного превосходит вклад экспортной торговли в общественное производство во всем мировом хозяйстве, составляющем 28,0%, и, в частности, в группе развивающихся стран (28,5%).

Схожая ситуация сложилась и в импортной торговле, где также в большинстве случаев просматривается тенденция к росту удельного веса импортных операций в общественном производстве. Так, если в 1960 г. доля импортной торговли товарами и услугами в ВВП составляла: в Брунее (в 1970 г.) — менее 0,1%, в Лаосе (в 1984 г.) — 6,3%, на Филиппинах — 11,5%, в Индонезии — 11,9%, во Вьетнаме (в 1986 г.) — 16,6%, в Таиланде — 17,0%, в Мьянме — 20,7%, в Камбодже — 22,0%, в Малайзии — 38,4% и в Сингапуре — (в 1965 г.) — 134,4%, то к 2010 г. она, за исключением Мьянмы, увеличилась повсеместно: в Индонезии — на 11,0 п.п., в Брунее — на 15,5 п.п., на Филиппинах — на 25,1 п.п.,

в Малайзии — на 31,1 п.п., в Лаосе — на 31,6 п.п., в Камбодже — на 37,5 п.п., в Сингапуре на 44,3 п.п., в Таиланде — на 46,9 п.п., во Вьетнаме — на 71,2 п.п. и в 2010 г. достигла: в Индонезии — 22,9%, в Брунее — 32,9%, на Филиппинах — 36,6%, в Лаосе — 37,9%, в Камбодже — 59,5%, в Таиланде — 63,9%, в Малайзии — 79,5% и в Сингапуре — 178,7%, тогда как удельный вес импортной торговли в совокупном мировом производстве, так же как и во всей группе развивающихся стран, в основном был заметно ниже и соответственно составлял 28,1% и 28,2%.

Приведенные факты, таким образом, свидетельствуют, что почти для всех стран Юго-Восточной Азии характерна не только особо важная и, как правило, возрастающая роль внешней торговли для их хозяйства, но и исключительно высокая и неослабевающая зависимость от мирового рынка.

В последние десятилетия XX в. и в начале XXI в. эта зависимость приобрела новые пространственные очертания, связанные прежде всего с постепенной переориентацией внешнеторговых потоков стран региона с промышленно развитых на развивающиеся страны. Только с 1960 по 2010 г. удельный вес развивающихся стран увеличился в товарном импорте: в Малайзии (с 1967 г.) — на 15,3 п.п., в Индонезии — на 17,9 п.п., в Брунее (с 1992 г.) — на 20,5 п.п., в Сингапуре — на 21,8 п.п., на Филиппинах — на 23,5 п.п., в Таиланде — на 28,5 п.п., во Вьетнаме — на 34,3 п.п., в Камбодже — на 37,2 п.п., в Мьянме — на 58,5 п.п. и в Лаосе — на 74,6 п.п. и в 2010 г. составил: на Филиппинах — 31,9%, в Таиланде — 35,2%, в Малайзии — 36,0%, в Индонезии — 38,2%, в Брунее — 41,9%, в Сингапуре — 43,1%, во Вьетнаме — 45,5%, в Камбодже — 57,5%, в Мьянме — 74,6% и в Лаосе — 89,0%.

Тенденция к переориентации импортной торговли на развивающиеся страны объясняется главным образом тем, что развернувшаяся там в последние десятилетия индустриализация хозяйства позволила закупать у них в возрастающих масштабах все более разнообразные товары как потребительского, так и производственного назначения, которые в прошлом могли быть приобретены только в промышленно развитых государствах и к тому же по более высоким ценам. С последним обстоятельством связана и относительно высокая доля импорта из развивающихся стран, осуществляемого наименее развитыми странами региона, чей спрос ограничивается пока в основном более дешевыми, хотя и менее качественными и технически несовершенными изделиями, которые в настоящее время производятся многими индустриализирующимися странами Азии, Африки и Латинской Америки.

В свою очередь, увеличился и удельный вес развивающихся стран в товарном экспорте стран региона. С 1960 по 2010 г. его рост составил: во Вьетнаме — 5,4 п.п., в Сингапуре — 10,7 п.п., в Брунее — 11,3 п.п., в Мьянме — 15,7 п.п., на Филиппинах — 19,8 п.п., в Малайзии (с 1967 г.) — 21,3 п.п., в

Лаосе (с 1985 г.) — 22,4 п.п., в Таиланде — 24,3 п.п., в Индонезии — 27,5 п.п., и только в одной Камбодже он уменьшился — на 4,4 п.п. В результате вклад экспорта в развивающиеся страны во всей экспортной торговле стран Юго-Восточной Азии в 2010 г. достиг: в Камбодже — 8,4%, в Брунее — 19,2%, на Филиппинах — 23,0%, во Вьетнаме — 30,6%, в Малайзии — 36,2%, в Индонезии — 36,9 — 84,6%, в Таиланде — 41,5%, в Сингапуре — 52,5%, в Лаосе — 84,6% и в Мьянме — 85,5%¹⁵.

Сохраняющаяся, тем не менее, в большинстве стран Юго-Восточной Азии, несмотря на ее ослабление, преимущественная ориентация экспортной торговли на промышленно развитые страны связана с тем, что последние служат для них стабильным рынком сбыта самых разнообразных товаров — традиционных видов сырья, промышленных полуфабрикатов и дешевых готовых изделий для удовлетворения потребительского спроса наименее обеспеченных слоев населения.

Одним из основных направлений взаимодействия стран региона с развивающимися странами в сфере внешней торговли является расширение и укрепление внутрирегиональных внешнеэкономических связей, осуществляемых ими с конца 1960-х гг. в рамках Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Несмотря на высокую конкуренцию со стороны не только промышленно развитых государств, но и развивающихся стран, и в первую очередь Китая и Индии, прогресс взаимного торгово-экономического сотрудничества стран Юго-Восточной Азии идет опережающими темпами по сравнению с динамикой их внешнеэкономических связей в целом. Только за период с 1993 по 2010 г. объем внутрирегиональной торговли увеличился здесь более чем в 6,3 раза, тогда как вся их экспортная торговля возросла в 4,8 раза. В результате доля взаимной торговли этих стран во всех их экспортных операциях увеличилась на 3,9 п.п. и в импортных — на 8,4 п.п. Благодаря этому удельный вес внутрирегионального экспорта во всей экспортной торговле стран региона в 2010 г. достиг 25,0%, а импорта — во всех их импортных операциях — соответственно 25,8%. В то же время в отдельных странах региона вклад взаимной торговли в их внешнеэкономические операции в целом заметно выше. Так, например, внутрирегиональная торговля формирует 30,0% всего товарного экспорта в Сингапуре, 47,3% — в Лаосе и 49,2% — в Мьянме, а также 34,3% совокупного товарного импорта в Камбодже, 34,7% — в Индонезии, 47,5% — в Мьянме и 68,7% — в Лаосе. Таким образом, глобализация, втягивающая в свою орбиту все без исключения страны Юго-Восточной Азии, вполне органично дополняется нарастающим процессом регионализации¹⁶.

¹⁵ Составлено и подсчитано по: The World Development Indicators (WDI) & Global Development Finance (GDF) — <http://data.worldbank.org/ddp/home.do>.

¹⁶ Составлено и подсчитано по: ASEAN Statistical Yearbook 2003, С. 56; ASEAN. External Trade Statistics. Table 18. — <http://>

Другим важнейшим направлением расширения внешнеэкономических связей в странах региона, наряду с внешней торговлей, является возрастающее взаимное перемещение международного капитала, и в первую очередь прямых иностранных частных инвестиций (ПИИ). Среднегодовые темпы прироста объема новых ПИИ с 1970 по 2010 г. составили: в Брунее — 5,0%, в Малайзии — 8,0%, на Филиппинах — 10,5%, в Индонезии — 11,7%, в Таиланде — 14,1%, в Лаосе (с 1973 г.), в Сингапуре — 16,5%, в Мьянме (с 1974 г.) — 18,0%, в Камбодже (с 1974 г.) — 19,7%, во Вьетнаме (с 1971 г.) — 23,0%. Это в большинстве случаев превышало, иногда заметно, соответствующие темпы прироста ВВП: в Камбодже — в 1,02 раза, в Малайзии — в 1,2 раза, в Лаосе — в 1,4 раза, в Мьянме — в 1,7 раза, в Брунее — в 2,1 раза, во Вьетнаме — в 2,3 раза, Индонезии — в 2,2 раза, в Сингапуре — в 2,3 раза, в Таиланде — в 2,5 раза и на Филиппинах — в 2,8 раза. В результате если в 1970 г. в хозяйство стран региона было вложено в виде ППИ 460 млн. долл., то в 1980 г. — уже 2,6 млрд. долл., в 1990 г. — 12,8 млрд., в 2000 г. — 22,7 млрд. и, наконец, в 2010 г. — 92,4 млрд. долл., что в 184 раза больше, чем в 1970 г.

Следствием столь заметного роста ПИИ, направляемых в страны Юго-Восточной Азии, стало увеличение их удельного веса во всем их международном потоке. Так, если в 1970 г. на долю этих инвестиций, размещенных в хозяйстве стран ЮВА, пришлось 4,4% всего их общемирового объема, то в 1980 г. — 4,8% и в 1990 г. — 6,2%. Однако под влиянием кризиса конца 1990-х гг. и вызванного этим снижением относительных темпов притока в страны региона новых иностранных капиталовложений, а в некоторых из них (в особенности в Индонезии) их временным оттоком, объем новых ПИИ, направляемых в эти страны, во всем их перемещении в масштабах мирового хозяйства сократился в 2000 г. до 1,6% и лишь к 2010 г. возвратился к уровню 1970 г. и даже несколько превзошел его, составив 7,1%.

Хотя ПИИ, направляемые в страны Юго-Восточной Азии, распределяются между ними крайне неравномерно (на Сингапур, например, приходится 47,4% всех прямых иностранных частных инвестиций, размещенных в регионе до 2010 г., включительно, тогда как на Лаос — только 0,2%), все они, тем не менее, оказывают не только заметное, но и, как правило, возрастающее влияние на состояние хозяйства и вектор развития этих стран¹⁷. Так, вклад ПИИ в основной капитал с 1970 по 2010 г. возрос: на Филиппинах (с 1971 г.) — на 2,3 п.п., в Малай-

aseansec.org/stat/Table18_27pdf. Подсчитано по: UNCTAD. Inward and Outward Foreign Direct Investment. Annual. 1970–2011. Direction — Inward. — <http://unctadstat.unctad.org/tableviewer.fspх>.

¹⁷ Подсчитано по: UNCTAD. Inward and Outward Foreign Direct Investment Flows. Annual. 1970 — 2011. Direction — Inward. — <http://unctadstat.unctad.org/TableViewer/tableviewer.aspx?ReportID=88>.

зии — на 2,3 п.п., в Мьянме (с 1972 г.) — на 4,6 п.п., в Таиланде — на 10,0 п.п., в Лаосе — на 11,6 п.п., во Вьетнаме — на 21,6 п.п., в Брунее — на 31,5 п.п., в Камбодже — на 43,3 п.п., в Сингапуре — на 72,3 п.п. и в 2010 г. составил: на Филиппинах — 3,2%, в Мьянме — 4,7%, а в Индонезии — 6,1%, в Таиланде — 12,3%, в Лаосе — 13,8%, в Малайзии — 18,8%, во Вьетнаме — 21,7%, в Брунее — 32,6%, в Камбодже — 43,4% и в Сингапуре — 87,4%¹⁸.

Первоначально основными источниками иностранного капитала в странах Юго-Восточной Азии были колониальные державы, а затем и их конкуренты из числа некоторых индустриализирующихся стран Европы, а также Северной Америки и позднее — Японии, заинтересованных в производстве и импорте сельскохозяйственного и промышленного сырья и некоторых видов продовольствия, а впоследствии — продукции наиболее трудоемких промышленных отраслей. В дальнейшем, по мере деколонизации, круг стран-доноров, получивших более свободный доступ к ресурсам молодых национальных государств в регионе Юго-Восточной Азии, заметно расширился, прежде всего за счет других новых независимых государств Азии. Однако, несмотря на тенденцию к сокращению, основная масса ПИИ по-прежнему направляется в страны региона из промышленно развитых государств. Так, только в 2001–2010 гг. на долю стран ЕЭС, США и Японии пришлось свыше половины этих инвестиций, размещенных в странах Юго-Восточной Азии¹⁹. Если принять во внимание, что немалая часть ПИИ, имея своим территориальным источником некоторые азиатские государства и территории, например Сянган (Гонконг), на практике также принадлежит или хотя бы контролируется этими инвесторами, то следует признать, что отраслевая структура ПИИ, как определялась в прошлом, так и продолжает определяться, в первую очередь интересами инвесторов из промышленно развитых государств.

Основной сферой приложения ПИИ в странах Юго-Восточной Азии до конца XX — начала XXI вв. являлись отрасли индустриального сектора, на долю которых, например, в 2000 г. пришлось около половины их общего объема. Почти три четверти этих капиталовложений были направлены либо в обрабатывающую промышленность, в основном на изготовление продукции из местного сырья для ее дальнейшего использования в производственном процессе, либо на сборку технических изделий массового спроса для их последующего экспорта. Как правило, все эти производства были или экологически «грязным» (переработка минерального сырья, химическая, металлургическая и деревообра-

батывающая промышленность), или наиболее трудозатратными (сборка радиотоваров, телевизоров, средств связи, аудио- и офисной техники и т.п.).

Такая отраслевая структура ПИИ содействовала превращению хозяйства стран региона в современную производственную периферию для индустриально развитых стран, обеспечивающую их не только минеральным, а также растительным сырьем и топливом, но и промышленной продукцией, в том числе промежуточного потребления, при минимизации издержек на ее производство.

Однако к концу 2000-х гг. ведущие позиции в отраслевой структуре ПИИ, направляемых в страны Юго-Восточной Азии, постепенно заняла сфера услуг. Если в 2000 г. на долю последней приходилось 37,7% всех ПИИ, размещенных в этих странах, то в 2010 г. — уже 44,4%, тогда как удельный вес инвестиций в отрасли промышленного производства соответственно сократился с 45,1 до 33,6%. Такая переориентация отраслевых предпочтений в инвестиционной деятельности иностранного капитала отражает тенденцию к сервисизации как национальных экономик, так и всего мирового хозяйства в целом. В то же время, подталкивая и стимулируя развитие в странах региона современных отраслей сферы услуг, иностранный капитал ставит их формирование под свой контроль, а их дальнейший прогресс — в зависимость от иностранной финансовой и технической поддержки²⁰.

Вместе с тем по мере хозяйственного развития стран Юго-Восточной Азии укрепился и экономический потенциал их национального капитала. Возросшие доходы и перспектива более прибыльного их использования за рубежом стимулировали перемещение образующихся у него «излишков» в другие страны, в том числе и соседние. Если в 1972 г. из стран региона было вывезено в виде ПИИ 20 млн. долл., то в 1980 г. — уже 394 млн., в 1990 г. — 2,3 млрд., в 2001 г. — 9,0 млрд. долл. и в 2010 г. — 44,2 млрд. долл., что превысило уровень 1970 г. в 221 раз. Как следствие этого, возрос вклад стран Юго-Восточной Азии в экспорт частного капитала в масштабах всего мирового хозяйства. Однако среди группы развивающихся государств их позиции оказались менее устойчивыми из-за конкуренции таких крупных развивающихся стран, как Китай и Индия, вышедших на международный рынок капитала позже некоторых стран региона, и в первую очередь Сингапура. Поэтому, если доля стран региона в общемировом вывозе ПИИ с 1972 по 2010 г. возросла с менее чем 0,1 до 3,5%, то удельный вес их инвестиций во всех аналогичных зарубежных капиталовложениях развивающихся стран сократился соответственно с 17,7 до 10,2%.

Одновременно с увеличением объема вывозимых из стран Юго-Восточной Азии прямых иност-

¹⁸ UNCTAD. Inward and Outward Foreign Direct Investment Flows. Annual. 1970 — 2011. Percentage of Gross Fixed Capital Formation. — <http://unctadstat.unctad.org/TableViewer/tableview.aspx?>

¹⁹ Подсчитано по: ASEAN Community in Figures 2011. Jakarta, 2012, С. 8.

²⁰ Подсчитано по: ASEAN Investment Report 2011. Appendix 4.1 — 4.11. Jakarta, 2011; Flows of Inward Direct Investment by FSEAN by Economic sectors 2011. Jakarta, 2011, С. 32-37.

ранних частных инвестиций расширилась и география их источников. Первоначально почти все они принадлежали сингапурскому капиталу. Однако в дальнейшем, в условиях количественного и качественного роста местного предпринимательского сектора, экспорт постепенно стали осуществлять и другие страны региона. В результате удельный вес сингапурского капитала во всех ПИИ, размещаемых этими странами за рубежом, сократился к 2010 г. до 48,0%, тогда как, например, малайзийского вырос до 30,2%, тайландского — до 12,3% и индонезийского — до 6,0%²¹.

Одним из сравнительно новых и успешно развивающихся направлений международной инвестиционной деятельности стран Юго-Восточной Азии является внутрирегиональное перемещение ПИИ. Достаточно сказать, что если в 1995 г. на инвестирование в границах региона пришлось 3,5 млрд. долл., то в 2010 г. — 12,3 млрд. долл., или в 3,5 раза больше. Однако все они распределяются крайне неравномерно. Так, за период 1995–2010 гг. свыше 90% этих инвестиций оказались сосредоточенными в пяти странах: во Вьетнаме — 11,3%, в Малайзии — 14,3%, в Сингапуре — 19,5%, в Индонезии — 21,9% и в Таиланде — 24,1%. Однако, несмотря на порой незначительность объема, внутрирегиональные инвестиции вносят заметный, а иногда и значительный вклад во внешнее финансирование большинства стран Юго-Восточной Азии. Достаточно сказать, что их удельный вес во всех новых инвестициях в 1995–2010 гг. составил: на Филиппинах и в Сингапуре — 5,8%, в Брунее — 14,6%, во Вьетнаме — 15,7%, в Малайзии — 17,7%, в Таиланде — 19,1%, в Мьянме — 21,2%, в Камбодже — 25,9%, в Индонезии — 30,0% и в Лаосе — 32,1%. Таким образом, и здесь внешнеэкономическая составляющая хозяйственной деятельности большинства стран Юго-Восточной Азии дополняется заметной и важной для них региональной компонентой²².

Подводя итоги, мы можем констатировать, что вовлечение стран ЮВА в единую мировую систему хозяйства, начавшееся еще в колониальную эпоху, продолжилось и после достижения ими политического суверенитета. Особенно резко этот процесс интенсифицировался во второй половине XX в. в связи с переходом этих стран к форсированной индустриализации и последующей сервисизации их хозяйства, постепенному изменению их места в международном разделении труда и превращению их из производителей сырья и продовольствия в поставщиков на мировой рынок современной промышленной продукции. Вследствие опережающего

роста их внешнеэкономических связей и усиления включенности в мировое хозяйство внешние факторы экономического развития стран региона, и до того игравшие там заметную роль, приобрели в большинстве случаев более всеобъемлющий и масштабный характер. В результате хозяйственная зависимость этих стран от внешнего рынка и в особенности от наиболее развитых в экономическом отношении государств с достижением политической самостоятельности не только не уменьшилась, но даже, напротив, возросла, приобретя при этом более «цивилизованный» характер. Параллельно со сдвигами в экономической жизни в странах Юго-Восточной Азии нарастает тенденция к модернизации их социальной сферы, сближению показателей качества жизни с ее стандартами, сложившимися не только в других развивающихся странах, но и отчасти в развитых государствах. Несмотря на достаточно быстрый общий рост производства, модернизацию его отраслевой и технической структуры, повышение уровня жизни и придание ему более современного характера страны ЮВА по-прежнему продолжают занимать периферийное положение в мировой экономике. Несмотря на заметный рост общественного производства, и в том числе на душу населения, абсолютный разрыв между его уровнем, достигнутым в странах региона, за исключением Сингапура, с одной стороны, и наиболее богатыми странами мира — с другой, не только не сокращается, но, напротив, возрастает, а научно-техническая база, необходимая для независимого развития, отсутствует.

В то же время страны региона переживают процесс ускоренной дифференциации. За более чем полвека независимого политического развития бывшие колонии и полуколонии Юго-Восточной Азии по многим основным хозяйственным и социальным параметрам не столько приблизились друг к другу, сколько отдалились. Не случайно поэтому они представлены: странами, относящимися, по классификации Всемирного банка, к числу государств с наибольшим уровнем доходов (Сингапур, Бруней), странами, принадлежащими, согласно той же классификации, к группе государств с наиболее низким уровнем доходов (Камбоджа и Мьянма), а также странами, чьи доходы определяются как средние различного уровня — низшего (Вьетнам, Индонезия, Лаос и Филиппины) и высшего (Малайзия и Таиланд).

Однако, несмотря на значительную разницу в уровнях экономического развития и условий жизни большинства их населения, страны региона, демонстрируют тенденцию к расширению своего внешнеэкономического сотрудничества с другими молодыми национальными государствами, и в том числе с соседями по региону, в чем находит еще одно воплощение неразрывность процессов глобализации и регионализации. Такого рода сотрудничество в рамках географического региона может

²¹ Составлено и подсчитано по: UNCTAD. Inward and Outward Foreign Direct Investment Flows. Annual. 1970 — 2011. Direction — Inward. — <http://unctadstat.unctad.org/TableViewer/tableview.aspx?ReportID=88>.

²² Составлено и подсчитано по: ASEAN Statistical Yearbook 2003. Jakarta, 2004, P.148-149; ASEAN Statistical Yearbook 2010. Jakarta, 2011, C. 120-121.

носить достаточно традиционный характер обычной межстрановой торговли и перемещения капиталов или облекаться в форму региональных экономических группировок, как, например, в случае с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Последнее, как представляется, предопределяется не только сходством исторических судеб этих стран, ментальности их народов и т.п., но также и общностью положения в мировом хозяйстве. Несмотря на растущее богатство одних и сохраняющуюся относительную бедность других, все они принадлежат к периферии мирового хозяйства, хотя и находятся на разных ее «этажах», и, следовательно, имеют не только конкретные коммерческие выгоды от взаимного экономического сотрудничества, но и более высокие цели защиты интересов сообщества перед лицом промышленно развитых государств и молодых гигантов мировой экономики.

В процессе нарастающей глобализации основной вектор экономического и социального развития стран Юго-Восточной Азии в обозримом будущем, скорее всего, останется без изменений. Конечно, отдельные его компоненты могут и, возможно, будут видоизменяться под воздействием экономической конъюнктуры, возникновения и роста новых центров экономической силы и изменения их соотношения, политических событий и т.п. Однако все это не повлияет принципиально на его общее направление, как не повлияли многочисленные перемены в хозяйственной и политической жизни в мире во второй половине XX — начале XXI вв. Поэтому в обозримом будущем наиболее вероятным является сохранение странами региона достигнутых темпов экономического развития, сопровождаемое естественными периодами замедления и временных откатов, дальнейшими структурными сдвигами в направлении ослабления роли аграрного производства, новым витком индустриализации на обновленном технологическом уровне, расширением и углублением сервисизации хозяйства и постепенным сближением основных экономических и социальных параметров этих стран с соответствующими параметрами наиболее успешных из развивающихся стран, а в более отдаленном будущем — и наиболее развитых в экономическом отношении.

Наряду с этим можно также ожидать и дальнейшего расширения и углубления участия стран Юго-Восточной Азии в международном разделении труда, усиление их включенности в мировое хозяйство в целом и внутрирегиональное торгово-экономическое сотрудничество в частности и, наконец, возможно, повышение доли в мировом производстве, торговле и перемещении капиталов.

Однако все вышперечисленные процессы в хозяйственной и социальной жизни в различных странах региона будут отличаться как по полноте, ширине и глубине охвата, так и по темпам их развития. Все это, несомненно, приведет к усилению дифференциации стран, однако, скорее всего, на более высоком качественном уровне, чем это имеет

место сегодня. Это хотя и усложнит развитие в Юго-Восточной Азии интеграционных процессов, но не отменит тенденции ко все более тесному и устойчивому взаимному сотрудничеству.

Очевидно, что страны региона, несмотря на ожидаемые позитивные сдвиги в экономической и социальной сферах, а также упрочение позиций в мировом хозяйстве, надолго останутся на положении его периферии, зависимой от наиболее развитых и богатых в экономическом и интеллектуальном отношении стран — основных производителей и экспортеров знаний, технологий и новой техники, которые и будут оказывать определяющее влияние на траекторию их развития.

Конечно, положение стран Юго-Восточной Азии будет носить, так сказать, более «цивилизованный» характер. Тем не менее, изменить свое периферийное положение им, скорее всего, не удастся из-за «вторичности» их научно-технической базы, связанной с отсутствием там научных и инженерных школ и традиций, должного кадрового обеспечения и необходимого финансирования. Сказанное представляется справедливым не только в отношении наименее развитых в экономическом отношении стран региона, но и в отношении таких стран? как Малайзия и даже Сингапур. Хотя последний и направляет на НИОКР заметную часть своего ВВП, скромные абсолютные масштабы этих средств не в состоянии обеспечить разработку прорывных технологий и соответствующих материальных ресурсов для их реализации. Известные же достижения Малайзии в области информатизации производства и общественной инфраструктуры практически целиком основываются на зарубежных технологиях и, в небольшой степени, — иностранных инвестициях. Поэтому научно-техническая зависимость в длительной перспективе будет главным и определяющим видом зависимости стран Юго-Восточной Азии от основных мировых центров науки и техники, каковыми в настоящее время являются Северная Америка, Европа и Япония, а в будущем могут стать Китай и Индия. Поэтому представляется, что наиболее перспективным для стран региона в этой сфере может стать постепенное, по мере созревания, включение их не столько в новые производственные цепочки, сколько в научно-исследовательские разработки на правах младшего партнера. Это может стать еще одним шагом в направлении расширения и углубления процесса глобализации и одновременно — регионализации, но уже в границах более крупного географического региона.

Н. Н. Цветкова

ТНК в странах Востока: прямые иностранные инвестиции и глобальные производственные сети

Балансовая стоимость прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в некоторых странах Востока (Азии), например в Китае (без Гонконга), составляет не слишком высокий процент по отношению к их ВВП. Высоким был этот показатель в 2011 г. в Таиланде (40,4%), Малайзии (41,1%) и особенно в международных финансовых центрах — Сингапуре (203%) и Гонконге — (467%). В других странах, крупных получателях ПИИ, это соотношение было невысоким: в 2011 г. балансовая стоимость ПИИ составляла в КНР 10,1% от ВВП, в Индии — 10,4%, в Республике Корея — 11,8%, на Тайване — 12%, в Индонезии — 20% от ВВП¹. Однако достаточно очевидно, что ТНК и генерированный ими экспорт сыграли большую роль в экономическом росте этих стран. Как же это объяснить?

Одно из объяснений состоит в том, что наряду с ПИИ широкое распространение в этих странах Востока получили неакционерные (контрактные) формы сотрудничества (НФС) с ТНК, или неакционерные формы организации международного производства (non-equity modes of international production, NEMs). Благодаря НФС в глобальные производственные сети (global production networks, GPN) или глобальные цепочки создания добавленной стоимости (global value chains, GVC), во главе которых стоят ТНК, включается множество предприятий, не являющихся их филиалами.

ТНК осуществляют свою деятельность за рубежом, прежде всего в форме прямых инвестиций. В платежном балансе к прямым инвестициям обычно относится приобретение 10% и более уставного капитала фирмы. Правда, ТНК — не единственная группа инвесторов. В ПИИ западных стран немалую часть осуществляют и институциональные инвесторы: страховые, инвестиционные компании, пенсионные фонды, фонды коллективных инвестиций. В инвестициях из стран Востока возрастает роль фондов национального благосостояния — государственных инвестиционных фондов, формирующихся за счет доходов от экспорта. Наряду с этим есть многочисленные аспекты деятельности ТНК, которые не исчерпываются понятием прямых вложений. Нередко ТНК используют неакционерные, контрактные, формы сотрудничества, без участия в капитале предприятий. Диапазон этих форм сотрудничества весьма широк. В разных сферах применяются различного рода контракты: это и субподрядные соглашения (аутсорсинг — передача части работ по контракту третьим сторонам, независимым фирмам), и соглашения о разделе продукции («продакшн-ше-

ринг», СПП), и контракты о предоставлении услуг, о техническом содействии, о строительстве объектов «под ключ», и контракты типа BOT (build, operate, transfer; строительство, налаживание нормальной деятельности предприятия, а затем передача его местным, формально независимым контрагентам), и франчайзинг².

ПИИ — это тот компонент деятельности ТНК, по которому достаточно доступны данные и по балансовой стоимости, и по притоку ПИИ по странам и регионам, ежегодно публикуемые ЮНКТАД, подсчитанные на основе данных, предоставляемых национальными статистическими службами. Данные эти не только обновляются, но и корректируются ретроспективно: в докладе за 2011 г. могут быть опубликованы иные данные по той или иной стране, допустим, за 2000 г., чем в докладах за 2002–2006 гг. Очевидно, поправки вносятся и с учетом последующих событий. Составленная «вручную» по докладам ЮНКТАД о международных инвестициях за различные годы таблица (табл. 1) может отличаться от базы данных по балансовой стоимости ПИИ, публикуемой на сайте ЮНКТАД.

Балансовая стоимость аккумулированных инвестиций отличается большей стабильностью, чем потоки ПИИ, она сокращается крайне редко (например, в мире за последние 20 лет, в 1990–2011 гг., это произошло только в 2008 г., в условиях глобального финансового и экономического кризиса). Этот показатель характеризует долговременные тенденции. Потоки ПИИ подвержены большим колебаниям, особенно в контексте глобализации, когда участились случаи трансграничных мегасделок по слияниям и поглощениям компаний. Если в один год в связи со скупкой компаний приток ПИИ в страну значительно возрастает, то на следующий год возможно резкое его сокращение, которое говорит не о каких-либо негативных тенденциях, а о возвращении к нормальному уровню.

В 2000–2011 гг. балансовая стоимость ПИИ возросла: в мире в 3,5 раз, в развивающихся странах в целом — в 3,8, в странах Азии — в 3,7, в странах Восточной Азии — в 2,9, в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА) — в 4, в Южной Азии — в 9,1, в странах Ближнего Востока — в 9,5 раз. Из балансовой стоимости ПИИ в Азии в 2011 г. (почти 4 трлн. долл.) на Восточную Азию приходилось 51,7%, на ЮВА — 27,0%, на Южную Азию — 6,8%, на страны Ближнего Востока — 21,4% (подсч. по табл. 1).

¹ WIR12_webtab07 (20.10.2012)

² Цветкова Н.Н. ТНК в странах Востока // Восток как предмет экономических исследований. М., 2008. С. 212.

Таблица 1
Балансовая стоимость ПИИ в странах и группах стран, 1980–2011 гг., млрд. долл.

	1990	2000	2007	2008	2011
Все страны	1942,2	5757,4	15210,6	14909,3	20438,2
Развитые страны	1412,8	3960,3	10456,6	10212,9	13055,9
Развивающиеся страны	529,6	1736,2	4246,7	4276,0	6625,0
Страны Азии	355,6	1075,0	2706,6	2575,0	3990,7
Ближний Восток	43,8	68,5	353,5	362,6	575,4
Бахрейн	0,6	5,9	13,0	14,8	15,9
Ирак	...	...	1,2	2,1	9,6
Иордания	1,5	3,1	14,5	18,9	23,4
Кувейт	0,04	0,6	0,9	1,0	10,8
Ливан	0,05	5,0	21,1	24,2	40,6
Оман	1,7	2,6	5,9	12,0	15,0
ПНА	...	0,9	1,1	1,2	2,4
Катар	0,06	1,9	7,3	22,1	30,5
Саудовская Аравия	21,9	17,6	76,1	114,3	186,6
Сирия	6,0	7,3	9,7	10,3	10,3
Турция	11,2	19,2	145,6	69,9	140,3
ОАЭ	0,8	1,1	54,8	69,4	85,4
Йемен	180	1336		3305	4,3
ЮЮВВА	311,7	1008,5	2353,1	2212,4	3414,9
Бангладеш	0,5	2,2	4,4	4,8	6,2
Бруней	0,03	3,9	10,0	10,4	12,5
Камбоджа	0,04	1,6	3,8	4,6	6,9
КНР	20,7	193,3	327,1	378,1	711,8
Гонконг	201,7	455,5	1184,5	835,8	1138,4
Индия	1,7	17,5	76,2	123,3	201,7
Индонезия	8,7	25,1	59,0	67,0	173,1
Иран	2,0	2,6			32,4
Республика Корея	5,2	38,1	115,6	90,7	131,7
Лаос	0,01	0,6	1,2	1,4	2,5
Малайзия	10,3	52,7	76,7	73,3	114,6
Мьянма	0,3	5,6	5,4	5,5	9,1
Непал	12	72	126	127	0,34
Пакистан	1,9	6,9	20,1	21,1	21,9
Филиппины	4,5	18,2	19,0	21,5	27,6
Сингапур	30,5	110,6	249,7	326,1	518,6
Шри-Ланка	0,7	1,6	3,5	4,3	5,3
Тайвань	9,7	19,5	48,6	45,5	56,2
Таиланд	8,2	29,9	85,7	104,9	139,7
Вьетнам	1,7	20,6	40,2	48,3	72,8
Россия	–	32,2	...	213,7	457,5

Составлено по:
World Investment Report 2008. N.Y.; Gen., 2008, с. 257–260,
World Investment Report 2009. N.Y.; Gen., 2009, с. 251–254.
World Investment Report 2001. N.Y.; Gen., 2001, с. 301–305,
World Investment Report 2012. N.Y.; Gen., 2012, с. 173–176.

Доля Азии в балансовой стоимости ПИИ в развивающихся странах составляла в 2011 г. 60,2%, она несколько понизилась по сравнению с 1990 г., с 67,1%. Если же сравнить долю ЮЮВВА в балансовой стоимости ПИИ в развивающихся странах за более длительный период, то в 1967 г. она составляла 13,5%, в 2011 г. — 51,5%³. Уже к 1990 г. развивающиеся страны Азии заняли весомое место в привлечении мировых потоков ПИИ: в балансовой стоимости инвестиций во всем мире удельный вес стран Азии в 1990 г. достиг 17,2%, в 2011 г. — 19,5%. За последние четыре десятилетия развивающиеся страны Азии стали ведущим центром притяжения для ПИИ в развивающемся мире.

Стремительный рост ПИИ в странах ЮЮВВА имел место в 1980-х гг. (в 9,7 раза)⁴ и 1990-х гг. (в 3,3 раза) преимущественно за счет стран Восточной Азии, в 2000-х гг. по темпам роста ПИИ Восточную Азию опережали страны Южной Азии (преимущественно за счет Индии) и страны Ближнего Востока. Быстро росли ПИИ и в другие регионы развивающегося мира: в 2000–2011 гг. в Африку в 3,7 раза, в Латинскую Америку — в 4 раза (подсч. по табл. 1). Доля всех развивающихся стран в балансовой стоимости мировых ПИИ неуклонно повышалась: с 22,5% в 1980 г. до 27,3% в 1990 г., 30,2% в 2000 г. и 32,4% в 2011 г.⁵

Что касается данных о потоках ПИИ, то они подвержены резким колебаниям. Так, в первой половине 2012 г. приток ПИИ в Португалию возрос в 2,6 раза по сравнению с аналогичным периодом 2011 г., до 7,8 млрд. долл. Это было связано с одной сделкой по покупке крупного пакета акций государственной компании электроснабжения ЭДП инвесторами из КНР⁶. В период крупномасштабных кризисов (2008 г.) снижаются и потоки, и балансовая стоимость ПИИ.

Эксперты ООН на основе эконометрического анализа опубликовали результаты среднесрочных базовых сценариев, прогнозирующих приток ПИИ в регионы мира на 2012–2014 гг.

Даже самый высокий уровень, прогнозируемый в сценариях, выглядит лишь умеренно оптимистичным. Уровень притока ПИИ во все страны в канун кризиса в 2007 г. (порядка 2 трлн. долл.) может быть вновь достигнут лишь в 2014 г.

Прогноз был опубликован в июле 2012 г. А уже в октябре 2012 г. ЮНКТАД скорректировала свои прогнозы в сторону понижения (нижний уровень представленной «вилки»). Приток ПИИ во все страны мира в первой половине 2012 г. по сравнению с первой половиной 2011 г. снизился на 8,4%, в том числе в развитые страны — на 9,5%, в развивающи-

³ Цветкова Н.Н. Международные монополии и социальная эволюция в развивающихся странах Азии. М., 1983. С. 37.

⁴ World Investment Report 1998. N.Y.; Gen., 1998, с. 373–377.

⁵ Табл. 1, World Investment Report 1998. N.Y.; Gen., 1998, с. 373–377.

⁶ Global Investment Trends Monitor, N 10, 23 Oct. 2012, с. 5.

Таблица 2

Среднесрочные прогнозные оценки притока ПИИ, млрд. долл.

Регионы	Средне- годовой уровень 2005–2007	2009	2010	2011	Прогнозные оценки		
					2012	2013	2014
Все страны	1473	1198	1309	1524	1495–1695	1630–1925	1700–2110
Развитые страны	972	606	619	748	735–825	810–940	840–1020
Развивающиеся страны	443	519	617	684	670–760	720–855	755–930
Африка	40	53	43	43	55–65	70–85	75–100
Латинская Америка	116	149	187	217	195–225	215–265	200–250
Азия	286	315	384	423	420–470	440–520	460–570
Переходные страны	59	72	74	92	90–110	100–130	110–150

Источник: ЮНКТАД, World Investment Report 2012, с. 19.

еся — на 4,8%, в развивающиеся страны Азии — на 11,2%⁷. Последняя цифра связана со снижением на 26% притока инвестиций в Гонконг (КНР), что не следует драматизировать. Перелив капитала из Гонконга в КНР и обратно — это как «борьба нанайских мальчиков» («мальчик»-то один). Но очевидно, что в перспективе роль Гонконга как центра притяжения ПИИ будет уменьшаться по мере развития в качестве международного финансового центра Шанхая, а возможно, и других городов КНР.

Итак, рост ПИИ будет умеренным, с учетом долгового кризиса в Евросоюзе и некоторого замедления экономического роста азиатских стран. Но следует иметь в виду, что ПИИ — это только видимая верхушка айсберга. Активы зарубежных филиалов ТНК во всех странах мира (82 трлн. долл.) в 2011 г. превышали балансовую стоимость ПИИ (20 трлн. долл.) в 4 раза⁸. То же, с вариациями, относится и к отдельным принимающим странам.

А еще важно, что в глобальные производственные сети, которыми управляют ТНК, включаются не только их филиалы, но и формально независимые местные предприятия, связанные с ними контрактными формами сотрудничества. В числе этих предприятий — мелкие и мельчайшие, использующие труд рабочих-надомников, которые не всегда хорошо представляют, на кого они работают. Вот пример из индийского журнала «Economic and Political Weekly» еще 1970-х гг. В городе Нарсапур и его окрестностях женщины из касты агнику-лакшатрия вязали на дому кружевные изделия, которые через цепочку посредников скупались западноевропейскими ТНК розничной торговли («Маркс энд Спенсер», «Кауфхоф») и продавались в их магазинах в Европе⁹. Формально эти женщины не считали себя

работающими по найму, что было бы нарушением их кастового статуса, а фактически они являлись «винтиками» глобальной цепочки создания добавленной стоимости ТНК. Сегодня жители Калужской области сдают перекупщикам грибы-лисички, которые поступают в те же глобальные цепочки создания добавленной стоимости германских ТНК розничной торговли, а затем уже в маринованном виде возвращаются в Россию, опять же в торговые сети западных ТНК.

Неакционерным формам организации международного производства посвящен доклад ЮНКТАД о международных инвестициях за 2011 г. По оценкам авторов доклада, общая сумма продаж, связанных с НДС, составляла в 2010 г. 1,8–2,1 трлн. долл. В докладе рассматриваются четыре типа НДС: производство по контрактам (contract manufacturing) и аутсорсинг услуг по ИТ-БПО (информационных и компьютерных услуг и услуг по дистанционному обслуживанию коммерческой деятельности, business proceedings outsourcing, BPO), по сути это субподряды, но авторам доклада этот термин не нравится; франчайзинг; лицензионные соглашения; управленческие контракты. В производстве по контрактам и аутсорсинге услуг сферы ИКТ сумма продаж оценивалась в 1,1–1,3 трлн. долл., на франчайзинг приходилось 330–350 млрд. долл., на лицензионные соглашения — 340–360 млрд. долл. В неакционерных формах сотрудничества с ТНК в развивающихся странах в 2010 г. было занято от 14–16 млн. до 18–21 млн. человек. По оценкам экспертов ЮНКТАД, по трансграничным НДС в 2010 г. было создано добавленной стоимости на сумму порядка 500 млрд. долл. (почти 1% от мирового ВВП), в том числе в производстве по контрактам и аутсорсинге услуг — 200 млрд., во франчайзинге — 150 млрд. долл. В некоторых странах НДС генерируют до 15% ВВП¹⁰.

⁷ Global Investment Trends Monitor, N 10, 23 Oct. 2012, с. 7.

⁸ World Investment Report 2012. N.Y.; Gen., 2012, с. 24.

⁹ The Economic and Political Weekly. Bombay, 1981. vol. 16, N 10–12, с. 497–500.

¹⁰ World Investment Report 2011. N.Y.; Gen., 2011, с. 154–156.

В докладе ЮНКТАД говорится о том, что НФС получили распространение преимущественно в последние десять лет. В действительности о широком распространении контрактных форм сотрудничества с ТНК можно говорить, скорее, с 1970-х гг.¹¹ Именно в этот период неакционерные формы сотрудничества (соглашения о разделе продукции и контракты о техническом содействии) во многих случаях стали для ТНК единственной возможной формой участия в нефтяной промышленности, в соответствии с ужесточившимся инвестиционным законодательством стран Азии и Африки — экспортеров нефти. Именно в этот период стало осуществляться крупномасштабное перемещение трудоемких производств из развитых стран в развивающиеся. О нем можно судить по динамике занятости. С 1970 по 1980 г. число рабочих мест в текстильной, швейной, обувной промышленности девяти стран Западной Европы — тогдашних членов ЕЭС — сократилось на 1,2 млн. Параллельно с этим возросла занятость в той же группе отраслей в странах Азии. Число занятых в текстильной, кожевенной, обувной, швейной промышленности в Южной Корее в 1971–1978 гг. увеличилось с 274 тыс. чел. до 689 тыс. чел., в Гонконге в 1970–1980 гг. — с 243 тыс. чел. до 402 тыс. чел., в Сингапуре в 1970–1979 гг. — с 20 тыс. чел. до 39 тыс. чел. После 1974 г. более половины импорта одежды поступало в ЕЭС из новых индустриальных стран Азии¹². Но экспортерами одежды, обуви, кожаных изделий и других дешевых товаров ширпотреба (париков, зонтов, игрушек) были преимущественно не филиалы ТНК соответствующих отраслей, а местные предприятия, в основном мелкие. Однако экспорт был интегрирован в глобальные производственные сети ТНК, он осуществлялся на основе субподрядов, долгосрочных контрактов о закупках, в соответствии с которыми субподрядчик могут обеспечивать сырьем, материалами для производства продукции, предоставлять ему технологию, спецификации (сегодня используется термин *original design manufacturing*, ODM), оборудование (сегодняшний термин — *original equipment manufacturing*, OEM). Заказчик осуществляет строгий контроль над качеством той продукции, которой он дает свою марку, свой бренд. Нередко в странах Азии создавались специальные закупочные конторы, служившие посредниками между западными и японскими ТНК и местными субподрядчиками. Английский экономист А. Хоун отметил особую роль в росте экспорта товаров ширпотреба из стран Азии в 1970-х гг. не промышленных ТНК, а ТНК сферы розничной торговли, таких как крупнейшие сети универмагов и

¹¹ См. подр.: Цветкова Н.Н. Иностраный частный капитал и нефабричный пролетариат в развивающихся странах Азии: система субподрядов // Нефабричный пролетариат и социальная эволюция стран Зарубежного Востока. М., 1985, с. 45–66; Цветкова Н.Н. Международные монополии и социальная эволюция в развивающихся странах Азии. М., 1983, с. 54–56, 71–77.

¹² *Les sociétés transnationales dans le développement mondial: un ré-examen.* U.N., N.Y., 1978, с. 5, 31–33.

фирмы посылочной торговли. Американские «Сирз энд Робек», «Пенни», «Монтгомери Уорд», английская «Маркс энд Спенсер», германские «Кауфхоф» и «Квелле» создали сеть закупочных контор для работы с местными субподрядчиками в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Французские фирмы заказывали продукцию субподрядчикам из Марокко, Туниса¹³.

Проведенное в 1978 г. в Гонконге (в тот период — британской колонии) обследование 415 мелких предприятий (до 50 занятых) швейной, трикотажной, текстильной, электронной промышленности, пластмассовых изделий, машиностроения показало, что 80% из них работали по субподрядам — конечными заказчиками были западные и японские ТНК¹⁴. В 1980-х гг. происходило уже перемещение промышленных производств из Гонконга в КНР, в провинцию Гуандун, причем инвесторы «переезжали» туда вместе со своей налаженной системой субподрядных связей с западными заказчиками — ТНК. На предприятиях с гонконгским капиталом в провинции Гуандун в 1998 г. трудилось до 5 млн. человек¹⁵.

К 2010 г. производство по контрактам в швейной, трикотажной, обувной промышленности достигло колоссальных масштабов. Доля производства по контрактам с ТНК в мировом экспорте обуви, одежды, а также игрушек в 2010 г. превысила 50%¹⁶. Где производятся сегодня изделия престижных брендов? У фирмы «Кристиан Диор», символа высокой моды, *haute couture*, и производителя дорогой готовой одежды *prêt-à-porter*, объем продаж составил в 2009 г. 25,5 млрд. долл., 43% одежды производится по субподрядам, в том числе 20% — в странах Азии и 70% — в странах Европы. Фирма «Найк», известная своей спортивной одеждой и обувью (кроссовками), производит всю свою продукцию за пределами США по субподрядам в 46 странах. На нее работает целая «армия» в 600 тыс. человек, в том числе 490 тыс. — в Восточной Азии: во Вьетнаме, Китае, Индонезии, Таиланде, 256 тыс. — в Южной Азии, прежде всего в Индии, 24 тыс. — в странах Европы, Ближнего Востока и Африки¹⁷. Ведущим производителем кроссовок «Найк» стал Вьетнам, а обувь заняла важное место в экспорте этой страны. За пределами США по субподрядам производится почти вся спортивная одежда «Найк» — в 33 странах, прежде всего в

¹³ Hone A. *Multinational Corporations and Multinational Buying Groups: Their Impact on the Growth of Asia's Exports of Manufactures—Myths and Realities* // *World Development*, Oxf., 1974, vol. 2, N 2, с. 149.

¹⁴ *Small Industry Bulletin for Asia and the Far East*, N.Y., 1981, N 17, с. 171.

¹⁵ Гудошников Л.М., Кокарев К.А. Гонконг — особая автономия Китая. М., 1999. С. 170.

¹⁶ *World Investment Report 2011*, с. 155. *World Investment Report 2011*, с. 155.

¹⁷ Здесь и далее данные о швейной и обувной промышленности взяты из *World Investment Report 2011. Annex, Table IV.4*, с. 222.

Китае, Таиланде, Индонезии, Малайзии, Вьетнаме, Шри-Ланке, Камбодже, Турции, на Тайване.

Германская «Адидас» (оборот 14,9 млрд. долл. в 2009 г.) производит свою продукцию по субподрядам в 69 странах, где по ее заказам работают 1230 предприятий, преимущественно в Азии — в Китае, Индии, Индонезии, Таиланде и на Филиппинах. А еще в Китае производятся кроссовки «Абидос» или «Абидос» — контрафактная продукция, имитирующая фирменную («шэньчжай»).

Известный производитель недорогой молодежной одежды — шведская компания H&M (Hennes & Mauritz), чей оборот в 2009 г. составил 14,5 млрд. долл., имеет 675 компаний-субподрядчиков с 1693 фабриками в 30 странах. 600 фабрик находится в Восточной и Юго-Восточной Азии, более 400 — в Южной Азии, 580 — на Ближнем Востоке, в Африке и в Европе.

Производитель спортивной одежды германская фирма «Пума», оборот которой в 2009 г. составил 3,5 млрд. долл., имела субподрядчиков в 45 странах. Продукцию по контрактам ей поставляла 351 фабрика, в том числе 292 в развивающихся и переходных странах. На фирму «Пума», по результатам аудита, работало около 300 тыс. человек: это были субподрядчики первого, второго и даже третьего уровня, т. е. субподрядчики самой «Пумы» (первый уровень), субподрядчики ее субподрядчиков (второй уровень) и т. д. Основные субподрядчики «Пумы» находятся на Востоке: это Китай (100 предприятий), Турция (30), Вьетнам (22 предприятия), а также Камбоджа, Бангладеш. В экспорте последних двух стран ведущие позиции стала занимать одежда различных видов, а доля сырья (например, джута у Бангладеш) резко сократилась. В Бангладеш и в Камбодже экспорт одежды составлял в 2008–2009 гг. 70–80% от всего экспорта. По меткому высказыванию венгерского экономиста Д. Адама, «банановые республики превращаются в пижамные»¹⁸.

— Слово «объединенные» в девизе итальянской компании United Colours of Benneton «Беннетон» (оборот в 2009 г. 2,9 млрд. долл.) совершенно оправданно. «Беннетон» имеет целую сеть субподрядчиков, в основном в странах Востока. Региональная штаб-квартира фирмы в Гонконге координирует деятельность ее субподрядчиков в Китае, штаб-квартира в Бангалоре служит координационным центром для Индии, в Бангкоке — для Таиланда, Лаоса, Камбоджи, Индонезии, Вьетнама. В декабре 2010 г. аутсорсинг давал 50% оборота «Беннетон».

Германская компания «Хьюго Босс», производитель престижной мужской одежды (оборот в 2009 г. 2,2 млрд. долл.), имеет свои собственные предприятия, но использует и сеть из 300 субподрядчиков, которые обеспечивают 76% продаж фирмы. 51% продукции «Хьюго Босс» производится по субподряд-

дам в восточноевропейских странах, 27% — в Азии, 11% — в Западной Европе. Дешевую рабочую силу можно найти и в развитых странах: это прежде всего иммигранты, часто нелегальные, готовые на любую работу, а иногда и коренные жители, которые боятся лишиться своих рабочих мест из-за «социального демпинга» (так называют в западных странах экспорт рабочих мест в связи с перемещением производств в страны с дешевой рабочей силой и менее развитой системой социального страхования) и поэтому соглашаются на низкую зарплату («модель Сантье» во Франции).

Но все-таки разница в уровнях зарплаты, в соответствии с теорией абсолютных преимуществ Адама Смита, служит побудительным мотивом для перемещения производств в страны Востока. Дополнительное снижение издержек производства при размещении субподрядов на мелких предприятиях достигается и за счет более плохих условий труда, применения ненормированного рабочего дня, отсутствия затрат на соблюдение элементарных норм техники безопасности, гигиены, затрат на социальное страхование. Упомянувшееся обследование мелких предприятий Гонконга показало, что лишь 13% из них были расположены в специальных помещениях. Нередко используется труд надомных рабочих, в этом случае фирма не несет затрат на оборудование рабочего места. На мелких предприятиях, включающихся в глобальные цепочки создания добавленной стоимости, применяется и детский труд. Критики глобализации связывают с субподрядом «современное рабство» — использование детского труда, труда с низким уровнем оплаты, «целых контингентов рабочих, которые подвергаются сверхэксплуатации»¹⁹.

В качестве заказчиков при субподрядах в легкой промышленности выступают и фирмы посылочной торговли. Если вы приобретаете товар у фирм посылочной торговли «Квелле», «Отто», «Редут» и есть ярлык с названием компании, но не указана страна-производитель, то изделие произведено по субподряду где-то в Азии, в Северной Африке или в Восточной Европе.

Заказчиками при субподрядах являются и ТНК азиатских стран, которые размещают заказы на производство в странах с самой дешевой рабочей силой — в Камбодже, Лаосе, Бангладеш. Они «переносят» туда и налаженную систему связей с западными заказчиками. Такого рода субподряды Юг-Юг — это одно из важных направлений в региональной интеграции. Нередко восточные ТНК-заказчики действуют не в одной отрасли, а в целом «букете» отраслей, переключая заказы из одной сферы в другую в зависимости от спроса.

В докладе «Мир перевернулся», об инновациях из стран с развивающимися рынками, опубликованном в журнале «Экономист» в 2010 г., отмечается,

¹⁸ Summary of the Hearings before the Group of Eminent Persons to Study the Impact of Multinational Corporations on Development and on International Relations. N.Y., 1974. с. 143.

¹⁹ Dictionnaire de la globalisation. Sous la direction de A.-J. Arnaud. P., 2010. С. 202, 204, 205.

что ТНК из стран с развивающимися рынками становятся источниками бизнес-инноваций, нововведений в организации производства, как в 1970-е гг. японские корпорации, прежде всего автомобильные, например «Тойота», внедрившие систему поставки компонентов для производства автомобилей точно в срок, без хранения на складах (система получила название just-in-time). Один из видов бизнес-инноваций, связанных с деятельностью ТНК из стран Востока, — это использование ими сетей, сетевого принципа организации (более широкое, чем у западных ТНК). Субподрядчики — мелкие предприятия — гибко перестраиваются, переходя от производства одного трудоемкого товара к производству другого, как только он начинает пользоваться повышенным спросом (например, от шитья одежды к сборке велосипедов, по утверждению «Экономист»). Пример таких сетей дает компания Li&Fung (Гонконг, КНР; оборот в 2011 г. 20 млрд. долл., 812-е место в рейтинге «Форбс»), она имеет 80 представительств в развитых странах, которые работают с компаниями-заказчиками, и 12 000 мелких предприятий-субподрядчиков в развивающихся странах. «Вместо ищущих возможности получения прибыли /западных/ компаний с армией постоянных наемных работников фирмы становятся свободными сетями, конфигурация которых быстро меняется в зависимости от быстро меняющегося ландшафта. При этом нет ни недогрузки производственных мощностей, ни массовых увольнений, ни нехватки кадров в случае роста спроса»²⁰.

Международный, трансграничный аутсорсинг переплетается с внутренним аутсорсингом, при котором заказчик и субподрядчик являются резидентами одной страны. Одни и те же компании используют и то и другое. Второе направление бизнес-инноваций ТНК из стран Востока, тесно связанное с первым, — широкое использование преимуществ мелкого производства на основе субподрядных отношений. Опора на аутсорсинг позволила индийскому оператору мобильной связи компании «Бхарти эйртел» значительно снизить цены на свои услуги. «Бхарти эйртел» выкупила у кувейтской компании «Заин» ее бизнес в африканских странах и теперь отдает на аутсорсинг разработку ИТ и БПО местным небольшим предприятиям.

Аутсорсинг и сетевой принцип организации сейчас активно внедряют и западные ТНК, но эксперты журнала «Экономист» утверждают, что они больше присущи ТНК из стран Востока. Впрочем, очень часто в этих производственных сетях, которые становятся глобальными, ТНК из стран Востока сотрудничают с западными ТНК.

Широкое распространение получило производство по контрактам в электронной промышленности,

в производстве автомобильных компонентов, полупроводников, в фармацевтической промышленности.

В мировом экспорте электронной продукции, по оценкам ЮНКТАД, почти половина приходится на компании с НФС. В Докладе о международных инвестициях 2011 г. приведен список ведущих компаний-субподрядчиков в электронной промышленности²¹. Среди них лидируют пять тайваньских компаний. В числе 10 ведущих субподрядчиков находятся также 1 гонконгская, 1 сингапурская компания, 2 компании из США, 1 компания из Канады. Первое место среди субподрядчиков занимает тайваньская компания «Хон Хай» («Фоксконн»). Ее оборот составил в 2009 г. 59,3 млрд. долл., число занятых — 611 тыс. человек. В 2011 г. оборот достиг 102 млрд. долл., число занятых — 995 тыс. человек. Компания заняла 60-е место в списке «Форчун» за 2010 г. (по своему обороту), 156-е место в списке «Форбс» за 2011 г. (по рейтингу «Форбс» на основе оборота, прибыли, активов, рыночной капитализации). Только за 2009–2011 гг. число занятых и оборот «Хон Хай» увеличились на 2/3. Уже в 2010 г. «Хон Хай» входила в десятку крупнейших компаний-работодателей из списка «Форчун»²². В 2012 г. число занятых в «Хон Хай» оценивалось уже в 1,2 млн. человек. В последние годы «Хон Хай» («Фокскон») после самоубийств рабочих, несчастных случаев на ее предприятиях стала объектом критики в мировых СМИ из-за низкой зарплаты, высокой продолжительности рабочего дня, плохих условий жизни в общежитиях, жесткой полувоенной дисциплины, системы штрафов за нарушения работников ее фабрик в Китае. В конце сентября 2012 г. на предприятии «Хон Хай» в Китае вновь имели место трудовые конфликты, беспорядки, массовые драки. Именно на предприятиях «Хон Хай» в условиях, далеких от идеальных, осуществляется сборка айфонов и айпадов по субподрядам с «Эппл». Однако среди заказчиков «Хон Хай» — не только «Эппл», но и американские компании «Хьюлетт-Паккард», «Делл», «Майкрософт», «Интел», CISCO, финская «Нокиа», шведско-японская «Сони-Эрикссон», южнокорейская «Самсунг электроникс», тайваньская «Асер», японская «Нинтендо». Основные фабрики «Хон Хай» размещены в Китае (20 фабрик), есть предприятия и в Малайзии, Вьетнаме, Чехии.

Второе место среди 10 ведущих субподрядчиков в электронной промышленности занимает сингапурская компания «Флекстроникс» (оборот в 2009 г. 30,9 млрд. долл., 160 тыс. занятых). Ее ведущие заказчики — «Алькател-Льюсент», CISCO, «Делл», «Сони-Эрикссон», «Хьюлетт-Паккард», «Майкрософт», «Истмэн-Кодак», «Моторола», а также китайские

²⁰ The World Turned Upside Down. A Special Report on Innovation in Emerging Markets. The Economist, April, 17, 2010. www.economist.com (12.05.2010).

²¹ World Investment Report 2011. с. 154–156. Здесь и далее данные об электронной промышленности взяты из: World Investment Report 2011, Annex, Table IV.1.

²² http://www.forbes.com/lists/2012/18/global2000_2011.html (5.6.12); <http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2011/html> (5.6.12).

«Леново» и «Хуавей». Предприятия «Флекстроникс» находятся в Китае, Малайзии, Индии, а также в Бразилии, Мексике, Венгрии, Польше, Украине.

Среди клиентов тайваньской компании «Кванта» (3-е место, оборот в 2009 г. 25,4 млрд. долл.) — те же «Эпл», «Делл», «Хьюлетт-Паккард», «Сони-Эрикссон», CISCO, «Леново», а также германская «Сименс», японские «Фудзицу», «Шарп», «Панасоник», «Тошиба». На предприятиях фирмы трудится 64,7 тыс. работников, в основном в Китае.

Клиентами тайваньской «Компал» (оборот в 2009 г. 20,4 млрд. долл., 58 тыс. занятых) являются «Асер», «Делл», «Хьюлетт-Паккард», «Тошиба», «Фудзицу», «Сименс», «Леново». Ее производственные мощности размещены в основном в Китае, но также во Вьетнаме, Бразилии. В США создан филиал для работы с заказчиками.

Тайваньская компания «Вистрон» (оборот в 2009 г. 13,9 млрд. долл., 39 тыс. занятых) является субподрядчиком «Асер», «Сони-Эрикссон», «Делл», «Майкрософт», «Леново», «Хьюлетт-Паккард». Ее центры НИОКР находятся в КНР и Нидерландах, фабрики — в КНР, на Филиппинах, в Чехии и Мексике.

Тайваньская компания «Инвентек» (в 2009 г. оборот 13,4 млрд. долл., 61 тыс. работников) осуществляет производство по контрактам «Эпл», «Хьюлетт-Паккард», «Асер», «Тошиба», «Фудзицу», «Сименс», «Леново». Ее филиалы расположены в Китае, Южной Корее, США, Мексике, Великобритании, Чехии, филиал по аутсорсингу услуг ИТ-БПО — в Китае.

Сегодняшние глобальные производственные сети обладают весьма сложной, запутанной структурой. В электронной промышленности вместо схемы: один крупный заказчик — ТНК — и много работающих на него мелких субподрядчиков, чаще встречается иная схема. Один крупный заказчик передает субподряды целому ряду крупных компаний-субподрядчиков. Крупные субподрядчики, которые сами трансформировались в ТНК, имеют многомиллиардные обороты и филиалы во многих странах, работают не на одного, а на нескольких заказчиков. «Все работают на всех по контрактам». Субподрядчик при этом включается не в одну, а в несколько глобальных цепочек создания добавленной стоимости.

«Хьюлетт-Паккард» использует в качестве субподрядчиков почти все компании из десятки — «Хон Хай», «Флекстроникс», «Кванту», «Компал», «Вистрон», «Инвентек», гонконгскую ТПВ, американские «Джабил» и «Санмину». Но эти компании работают не только на нее, в числе их клиентов не только западные ТНК, но и новые игроки на рынке — ТНК из Китая «Леново» и «Хуавей». Почти те же субподрядчики, кроме «Инвентек», работают и на компанию «Делл». «Тошиба» и «Фудзицу» используют сотрудничество с «Квантой», «Компал» и «Инвентек». Практически все 10 ведущих компаний-субподрядчиков имеют производственную базу в Китае, хотя она и не единственная.

По субподрядам «Эпл» среди первой десятки компаний-субподрядчиков работают, наряду с «Хон Хай», «Кванта», «Инвентек», американская «Джабил». Среди клиентов «Хон Хай» — 5 американских ТНК, финская, тайваньская, японская, шведско-японская ТНК и корейская ТНК «Самсунг». Сегодня разворачивается весьма острая конкуренция между «Эпл» и «Самсунг» на рынке смартфонов. «Хон Хай», собирая айфоны и айпады по контрактам с «Эпл», также включается в эту конкуренцию с «Самсунг электроникс». Но при этом «Самсунг» входит в число клиентов, по субподрядам которых работает «Хон Хай». А в производстве полупроводников субподрядчиком «Эпл» был в 2009 г. «Самсунг»(!). Сотрудничество сочетается с ожесточенным соперничеством, как, впрочем, и в реальной жизни. В глобальных производственных сетях глобальные цепочки создания добавленной стоимости переплетаются друг с другом, причем их соприкосновение друг с другом нередко носит характер жесткой конкуренции.

Большое развитие НФС получили в сфере услуг информационных и компьютерных услуг и услуг по аутсорсингу обслуживания коммерческой деятельности²³. Среди 15 ведущих компаний — провайдеров услуг по аутсорсингу в сфере ИТ и дистанционного обслуживания коммерческой деятельности — преобладали компании из развитых стран: их было 13²⁴. Лидировала ИБМ, у которой в 2009 г. оборот в сфере ИТ — БПО составил 38,2 млрд. долл., в этой сфере было занято 190 тыс. из общего числа работников ИБМ в 427 тыс. чел., в 40 странах. В индийском филиале работало 100 тыс. человек. Второй была «Хьюлетт-Паккард», ее оборот достиг в 2009 г. 34,9 млрд. долл., общее число занятых — 324,5 тыс. человек, в том числе 138,5 тыс. — ИТ-БПО в 50 странах. Ключевые сервисные центры НР (Хьюлет-Паккард) находятся в США, Великобритании и Индии. На последнюю приходится 30% сотрудников, работающих в сфере аутсорсинга услуг ИКТ. 7 глобальных центров компании расположены в Индии, Китае, Сингапуре, Мексике, Коста-Рике и Испании.

В число ведущих провайдеров аутсорсинга услуг ИТ-БПО входят также «Фудзицу» (оборот 27 млрд. долл., 91 центр по ИТ-услугам и аутсорсингу БПО в 16 странах, включая Великобританию, Финляндию, Австралию, Филиппины, Китай, Сингапур и Индию). Американская «Ксерокс» имеет сервисные центры в Индии, Мексике, на Филиппинах, Ямайке, в Гане, Бразилии, Гватемале, Чили, Аргентине, Испании, Польше и Ирландии. У ирландской «Аксенчер» все 204 тыс. занятых работают в основном в сфере услуг ИТ-БПО, фирма имеет 50 центров по оказанию этих услуг по всему миру, в том числе в Индии, в странах Африки и Ближнего Востока. Французская «Атос» и

²³ См. подр.: Цветкова Н.Н. ТНК в странах Востока: 2000–2010 гг. М., 2011. С 202–236.

²⁴ Здесь и далее данные об аутсорсинге услуг ИТ и БПО взяты из: World Investment Report 2011, Annex, Table IV.5.

британская «Лоджика» имеют филиалы в Марокко, французская «Капжемини» — в Румынии, а также Вьетнаме, Австралии и Индии. Практически все ведущие провайдеры услуг ИТ-БПО разместили свои филиалы в Индии.

В список 15 крупнейших провайдеров ИКТ-услуг вошли две из трех ведущих компаний данной сферы в Индии. «Тата Консалтанси сервисиз» (TCS) заняла 11-е место. В 2009 г. ее оборот составил 5,2 млрд. долл., число занятых — 143 тыс. человек, в 2011 г. оборот повысился до 8,4 млрд. долл. (667-е место в рейтинге «Форбс»). TCS действует в международных масштабах, размещает филиалы, работающие по субподрядам, в соседних странах Азии (nearshoring, ниаширинг), а также в Африке, в странах Ближнего Востока и Восточной Европы. Индийская фирма «Випро», с оборотом в 4,2 млрд. долл. 108 тыс. занятых в 2009 г. (в 2011 г. оборот возрос до 7 млрд. долл.), имеет сервисные центры в США, Франции, Германии, Австралии, Нидерландах, Швеции, Японии и Великобритании. Одновременно с этим она вынесла часть своих операций в страны своего региона — Малайзию, Вьетнам, Индонезию, Филиппины, Китай, а также в Бразилию и Польшу. Третья индийская компания сферы ИКТ-услуг «Инфосис», (оборот в 2011 г. 6,2 млрд. долл.) также действует в международных масштабах.

Оценки вклада НФС в занятость, ВВП и экспорт развивающихся стран в Докладе ЮНКТАД представляются несколько заниженными. Так, общее число занятых по НФС оценивается в 16–21 млн. чел. А на предприятиях одной только «Хон Хай» работало в 2012 г. 1,2 млн. человек. В аутсорсинге услуг ИТ и БПО, которые не могут по своей сути поставляться просто на открытый рынок и должны осуществляться только на основе конкретных предварительных заказов, в Индии в 2010 г. было занято порядка 2 млн. человек. Общие продажи предприятий, осуществляющих аутсорсинг ИТ-БПО по контрактам с ТНК, в развивающихся странах оценивался в 100 млрд. долл. А экспорт одних только информационных и компьютерных услуг из Индии в 2010 г. достиг 58 млрд. долл. (1-е место в мире), из КНР — 9 млрд. долл. Данные по БПО выделить гораздо сложнее. В международной статистике эти данные включаются в общие цифры бизнес-услуг. В 2006 г., например, экспорт ИТ-услуг из Индии составлял 29 млрд. долл., а экспорт услуг по обслуживанию коммерческой деятельности (БПО) — 23 млрд. долл.²⁵ Вместе с тем в этот экспорт могли входить и услуги, оказанные филиалами ТНК в Индии другим звеньям той же компании (тогда это не аутсорсинг, а оффшоринг). В 2005 г. в индийском экспорте ИТ-услуг на филиалы иностранных ТНК сферы ИТ приходилось 15%. Остальные 85% экспорта ИТ-услуг осуществляли индийские компании, в том числе 4 ведущие компании сферы ИТ — «Вип-

ро», «Тата консалтанси сервисиз», «Инфосис» и «Сатъям» — 45%, индийские компании сферы ИТ второго эшелона — 25%, недавно вышедшие на рынок индийские компании (upstarts) — 15%. В сфере аутсорсинга операций по обслуживанию коммерческой деятельности ситуация в Индии резко отличалась от сферы информационных и компьютерных услуг. Из экспорта услуг БПО, в 2004/2005 г. составлявшего 5 млрд. долл., 46% приходилось на филиалы иностранных компаний по оказанию услуг по обеспечению коммерческой деятельности, еще 14% — на филиалы иностранных ТНК сферы ИТ (которые обслуживали не свою ТНК, а других ТНК-заказчиков). Всего на филиалы иностранных ТНК приходилось 60% экспорта услуг по обеспечению коммерческой деятельности, на индийские компании — 40%, в том числе 4% — на 4 ведущие индийские компании сферы ИТ, 4% — на компании второго эшелона, 18% — на индийские компании, созданные специально для аутсорсинга услуг по обеспечению коммерческой деятельности, 14% — на недавно созданные индийские компании. В целом же филиалы иностранных ТНК осуществляли около 1/3 экспорта ИТ-услуг из Индии и 2/3 экспорта услуг, связанных с ИКТ²⁶.

В центр пристального внимания экспертов ЮНКТАД попали далеко не все контрактные формы сотрудничества, используемые ТНК. По базам данных той же ЮНКТАД, на июнь 2007 г. в ведущих странах-экспортерах нефти и газа (Ближнего Востока — Иране, Ираке, Кувейте, Катаре, Саудовской Аравии, ОАЭ), Юго-Восточной и Восточной Азии (КНР, Индонезии, Вьетнаме), Северной Африки (Алжире, Ливии), Африки (Анголе, Экваториальной Гвинее, Нигерии, Судане), Латинской Америки (Венесуэле, Бразилии) действовало 1104 контракта о сотрудничестве с ТНК. Более половины из них (584; 51,1%) составляли соглашения о разделе продукции (СРП), 40,9% (451 соглашение) — концессионные соглашения и соглашения о создании совместных предприятий, 1,9% от общего числа — соглашения об услугах, о техническом содействии²⁷. В Индонезии и Малайзии, например, иностранные ТНК работали преимущественно на основе соглашений «продакшн шеринг», причем их доля в добыче нефти оценивалась в 2005 г. в Индонезии в 75%, в Малайзии — в 43%²⁸.

Недостаточно учтен в Докладе 2011 г. и вклад производства по контрактам сельского хозяйства, совсем не рассматривается роль в обрабатывающей промышленности — таких НФС, как контракты «под ключ», различные разновидности контрактов типа BOT (build — operate — transfer).

Но надо отдать должное авторам Доклада 2011 г. Очень трудно подвергать оценкам глобальные производственные сети, переплетенные, перепутанные

²⁵ <http://stats.unctad.org/Handbook/TableViewer/TableView.aspx?Report.id=1914> (21.10.2009)

²⁶ Information Economy Report 2007–2008. UNCTAD. N.Y.; Gen., 2007. С. 127.

²⁷ World Investment Report 2007. С. 108.

²⁸ World Investment Report 2007. N.Y.; Gen., 2007. С. 106, 108.

друг с другом. Их отдельные звенья то сворачивают свои операции, то переключаются на производство других товаров, встраиваясь в другие цепочки создания добавленной стоимости. Те же компании-субподрядчики не ограничиваются только работой на иностранных ТНК, некоторые выпускают продукцию и под собственными брендами. И еще, ПИИ размещены в мире крайне неравномерно. По подсчетам автора, в 2008 г. на 40 стран, в их числе 10 стран и территорий Востока (Китай с Гонконгом, Сингапур, Индия, Таиланд, Южная Корея, Малайзия, Саудовская Аравия, ОАЭ, Турция), приходилось 90% балансовой стоимости ПИИ²⁹. Можно утверждать, что сети субподрядных отношений в первую очередь охватывают ведущие принимающие страны для ПИИ. Но их охват шире. В глобальные производственные сети текстильной, швейной промышленности включились и некоторые страны, не являющиеся крупнейшими получателями ПИИ, — Вьетнам, Камбоджа, Бангладеш. В развитии услуг сферы ИКТ участвуют в Азии Филиппины, Шри-Ланка, даже Непал, в Африке — Гана, Сенегал, Египет, Марокко. Тем не менее, не стоит представлять, что глобальные производственные сети равномерно опутывают весь мир. Даже в странах, чьи предприятия встроились в глобальные цепочки создания добавленной стоимости ТНК, за пределами этой системы остается значительная часть их экономики, экономически активного населения. В Индии в услугах сферы ИТ и БПО занято порядка 2, пусть даже 3 млн. человек. Но это составляет весьма малую долю от ее населения в 1,2 млрд. человек и от экономически активного населения.

Все более активную роль в глобальных производственных сетях играют ТНК из стран Востока. Многие компании-субподрядчики западных ТНК сами превратились в ТНК. У той же «Хон Хай» оборот выше, чем у ее заказчика «Эпл». ТНК из стран Востока активно инвестируют в соседних странах, а их особенностью как раз называют опору на сетевой бизнес, на аутсорсинг. В балансовой стоимости ПИИ в странах ЮЮВВА в 2008 г. более половины приходилось на инвестиции из своего региона (особенно если учитывать инвестиции из оффшоров, куда сначала ввозится капитал, допустим из КНР, а затем он же, но уже как иностранный, поступает обратно в Гонконг или в КНР (аналогичным образом обстоит дело с инвестициями в Россию с Кипра). В 2006 г. в списке 500 глобальных компаний и банков с крупнейшими оборотами и доходами американского журнала «Форчун» было 54 компании из развивающихся стран Азии, в том числе 24 компа-

нии из КНР (включая Гонконг), 14 южнокорейских, 6 тайваньских, 6 индийских компаний, по 1 компании из Сингапура, Саудовской Аравии, Малайзии и Турции. К 2010 г. число компаний и банков из стран Востока среди глобальных 500 компаний «Форчун» возросло почти в 2 раза, с 54 до 97 (с 10,8 до 19,4% от общего числа). Сегодня почти 1/5 глобальных компаний и банков из списка «Форчун» и 1/4 из списка «Форбс» (483 компании и банка из 2000 в списке, опубликованном в 2012 г.) — это компании и банки из стран Востока³⁰.

Итак, сегодня страны Востока не только привлекают ПИИ, на основе которых на их территории создаются филиалы ТНК. Они включаются в глобальные цепочки создания добавленной стоимости и в глобальные производственные сети ТНК (это не одно и то же). Одна и та же компания в одних цепочках создания добавленной стоимости может выступать как заказчик, а в других — как субподрядчик (пример ИБМ, «Делл», «Самсунг»). Компания-субподрядчик, работая по заказам разных ТНК, может включаться одновременно в несколько цепочек создания добавленной стоимости. ПИИ тесно связаны с контрактными формами сотрудничества, иногда их трудно отделить друг от друга. Сотрудничество «Эпл» и «Хон Хай» — это производство по контрактам. Но фабрики в Китае являются дочерними предприятиями «Хон Хай», т.е. созданы на основе ПИИ. Экспорт информационных и компьютерных услуг из Индии местными фирмами осуществляется по контрактам, которые можно охарактеризовать как «интеллектуальные субподряды». Но часть его — это экспорт филиалов ТНК, которые выполняют эти работы для других филиалов той же ТНК и материнской компании (т.е. это не аутсорсинг). Наряду с этим определенная доля экспорта ИТ-услуг филиалами ТНК — это их работа на других заказчиков, а не на свою структуру (в этом случае это аутсорсинг). Глобальные производственные сети, где во главе разных переплетающихся цепочек создания добавленной стоимости стоят разные ТНК, из стран Запада и из стран Востока, приобретают весьма сложную архитектуру, что делает затруднительным общую цифровую оценку реального вклада неконтактных форм сотрудничества с ТНК в ВВП стран Востока, их занятость и экспорт. Но, несомненно, вклад сотрудничества ТНК с ТНК (и ПИИ и неакционерных форм) значительно выше (как минимум вдвое), чем показатели, даваемые простым сравнением ПИИ и ВВП принимающих стран.

²⁹ Цветкова Н.Н. ТНК в странах Востока: 2000–2010 гг. С.56.

³⁰ <http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2007/countries.html>. http://www.forbes.com/lists/2012/18/global2000_2011.html (5.6.12); http://www.forbes.com/lists/2008/18/biz_2000global08_The-Global-2000_Rank_20.html (5.6.12);

В.Г. Кандалинцев

Страны БРИКС в потоках прямых иностранных инвестиций

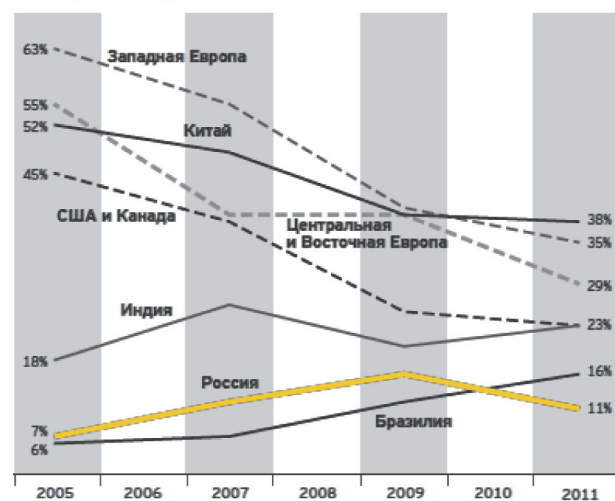
Потоки прямых иностранных инвестиций (как притоки, так и оттоки) оказывают заметное влияние на развитие стран БРИКС. В настоящей статье анализируются факторы инвестиционной привлекательности и структура потоков ПИИ. Рассматриваются также особенности ситуации в отдельных странах альянса.

I. Факторы и структура ПИИ

Инвестиционная привлекательность

Мировой кризис 2008–2009 гг. снизил инвестиционную привлекательность стран в целом, но страны БРИКС заметно выделялись на общем фоне своими позитивными результатами. Бразилия, Россия и Индия с 2005 по 2011 г. (см. диаграмму) повысили свою инвестиционную привлекательность, а Китай хотя и снизил ее в целом, но вышел на первое место благодаря тому, что опережавшие его в прошлом европейские страны испытали снижение данного показателя в существенно большей степени. Привлекательность для инвесторов пятого члена БРИКС ЮАР скромнее, но значительна с региональной точки зрения, т.е. в масштабах Африки.

Какие регионы или страны являются наиболее привлекательными для инвесторов с точки зрения начала коммерческой деятельности?

Респондентам было предложено дать три варианта ответа (на графике показаны результаты ответов начиная с 2005 года).
Общее количество респондентов: 812.
Источник: Исследование инвестиционной привлекательности европейских стран, «Эрнст энд Янг», 2011 год (Ernst & Young's 2011 European attractiveness survey).

Бразилия располагает хорошим инвестиционным климатом в сельскохозяйственном секторе: дешевой рабочей силой, значительными и недорогими территориями, используемыми в сельскохо-

зяйственных целях, благоприятными погодными условиями в центральной и северной частях страны, передовыми сельскохозяйственными технологиями и развитой транспортной инфраструктурой. Другими факторами выступают значительная численность населения, развитый рынок недвижимости и отсутствие серьезных ограничений для деятельности иностранных инвесторов. Так, для ведения бизнеса в стране на таких же условиях, как и у местных компаний, иностранному инвестору достаточно иметь депозит 85 тыс. долл. в бразильском банке и партнера — гражданина Бразилии.

По мнению инвесторов, основным фактором привлекательности России является растущий внутренний рынок. Из 205 руководителей международных компаний, принявших участие в исследовании «Эрнст энд Янг», 30% оценили его как очень привлекательный. При этом 75% считают его привлекательным, что является очень высоким показателем. Позитивное влияние оказывают также такие факторы, как доступная рабочая сила, развивающаяся логистическая сеть и возможности для роста производительности действующих предприятий¹.

Индия притягательна для иностранных инвесторов благодаря крупному внутреннему рынку, большому потенциалу роста, доступности квалифицированной рабочей силы и относительно стабильному законодательству. Эти ключевые факторы меняют представление об Индии, как стране специализирующейся на аутсорсинге бизнес-процессов. Сегодня многие инвесторы воспринимают Индию как будущего глобального лидера в образовании, НИОКР и производстве качественной продукции.

Китай является мировым лидером по инвестиционной привлекательности. Помимо огромного внутреннего рынка и высоких темпов роста, существуют и другие конкретные причины инвестиционной привлекательности данной страны. К ним относятся: развитие инфраструктуры, доступность ресурсов (природных и трудовых), производительность и навыки рабочей силы, развитие в бизнесе цепочки создания стоимости. Значительную роль играет доступность дешевых и квалифицированных работников, способных создавать, производить и поставлять на мировой рынок конкурентоспособную продукцию.

ЮАР уступает по привлекательности всем остальным странам БРИКС. Тем не менее, на региональном уровне Южно-Африканская Республика выступает значительным центром притяжения прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Эта страна обладает

¹ Растущие возможности: исследование инвестиционной привлекательности России. «Эрнст энд Янг», 2011 год.

важными факторами привлекательности — богата природными ресурсами, имеет относительно квалифицированную рабочую силу и является одним из наиболее крупных в Африке внутренних рынков.

С учетом сложившихся тенденций можно прогнозировать на ближайшие несколько лет динамику инвестиционной привлекательности стран БРИКС. Лидерами останутся Китай и Индия. Их позиции сближаются, и вероятные рейтинги компании «Эрнст энд Янг» для них составят соответственно 35% и 30%. Следующая пара стран — Бразилия и Россия. Они сумеют повысить свой рейтинг, вероятно, до уровня 20% и 15% соответственно. ЮАР может иметь рейтинг 7%, что соответствует рейтингу Бразилии и России в 2005 г.

Вместе с тем не следует преувеличивать благоприятность инвестиционного климата в странах БРИКС. Есть определенные проблемы, которые оказывают сдерживающее влияние на приток и отчасти стимулирующее на отток ПИИ. Одной из таких проблем являются условия ведения бизнеса в соответствующих странах. В рейтинге легкости ведения бизнеса, рассчитываемом ежегодно Мировым банком и Международной финансовой корпорацией, с 2012 г. оценивается десять областей: регистрация предприятий, получение разрешений на строительство, присоединение к электрическим сетям, регистрация собственности, кредитование, защита инвесторов, налогообложение, международная торговля, обеспечение исполнения контрактов и разрешение неплатежеспособности. На основе этих оценок определяется общий рейтинг соответствующей страны с точки зрения легкости ведения бизнеса для малых и средних предприятий.

Кроме ЮАР, которая занимает довольно высокое общее 35-е место и даже является мировым лидером по доступности кредитов, позиции остальных стран БРИКС не выглядят впечатляющими. Китай расположился в середине рейтинга 183 стран, Россия, Бразилия и Индия разместились заметно ниже (см. таблицу 1).

Если рассматривать частные рейтинги, то можно выделить области, которые являются проблемными для четырех крупнейших стран альянса. Так, в получении разрешений на строительство лучший пока-

затель у Бразилии, но это всего лишь 127-место, три остальные страны находятся в самом конце. Примерно та же картина и регистрации предприятий, где лучший результат у России (111-е место).

В других областях более заметен разброс частных рейтингов, говорящий об отличиях в ситуации с условиями ведения бизнеса в отдельных странах БРИКС. Бразилия занимает неплохое 51-е место по легкости присоединения к электрическим сетям, но Россия находится на последнем 183-м месте. Другим примером подобной дифференциации может служить обеспечение исполнения контрактов. В этом рейтинге Россия и Китай занимают высокие места (13-е и 16-е соответственно), а Индия — предпоследнее 182-е.

О перспективах занятия более высоких мест странами БРИКС в общем рейтинге можно судить по их представленности в списке стран, реализующих лучшие практики с целью повышения легкости ведения бизнеса. Эта представленность не так заметна. В проблемной области получения разрешений на строительство только Китай реализовал одну из практик — перешел к использованию технологии «универсального магазина» (one-stop shop). Эта страна была также единственным представителем пятерки среди стран, реализовавших лучшие практики в области регистрации предприятий (Китай перевел процедуры в онлайн). В целом же из 36 лучших практик, названных в отчете Doing Business 2012, Китай реализовал 6, Россия, Индия и Южная Африка — по 3, Бразилия — 2.

Приведенные выше данные говорят о том, что условия ведения бизнеса для малых и средних предприятий в странах альянса не являются особо благоприятными. Этот фактор не оказывает заметного влияния на привлечение инвестиций крупного капитала и потому может и не оказывать критического воздействия на приток ПИИ. Однако в кризисных ситуациях, выход из которых связан с перестройкой структуры национальных экономик, привлечение инвестиций более гибкого и оперативного малого и среднего иностранного капитала может приобрести большее значение.

Таблица 1

Место стран БРИКС в рейтинге легкости ведения бизнеса

Страна	Легкость ведения бизнеса (общий рейтинг)	Регистрация предприятий	Получение разрешений на строительство	Присоединение к электрическим сетям	Регистрация собственности	Кредитование	Защита инвесторов	Налогообложение	Международная торговля	Обеспечение исполнения контрактов	Разрешение неплатежеспособности
Бразилия	126	120	127	51	114	98	79	150	121	118	136
Россия	120	111	178	183	45	98	111	105	160	13	60
Индия	132	166	181	98	97	40	46	147	109	182	128
Китай	91	151	179	115	40	67	97	122	60	16	75
ЮАР	35	44	31	124	76	1	10	44	144	81	77

Источник: Doing Business 2012: Doing business in a more transparent world (A copublication of The World Bank and the International Finance Corporation).

Потоки ПИИ

За шестилетний период, с 2005 по 2010 г., общий мировой поток ПИИ превысил 8,5 трлн. долл. (по годовую динамику см. в таблице 2). Из этого объема в страны БРИКС поступило 14% инвестиций, в то время как из стран БРИКС в другие страны было направлено 7% ПИИ. Следовательно, пятерка названных государств в большей степени играет роль принимающей инвестиции стороны, нежели их источника. Лидером по притоку в БРИКС выступает Китай, на который приходится 6% мирового притока ПИИ или половина притока в БРИКС. В оттоке Китай делит лидерство с Россией — на каждую из стран приходится по 3% мирового оттока. Россия стоит в потоках ПИИ несколько особняком по сравнению с другими членами альянса. Ее показатели притока и оттока примерно равны за рассматриваемый шестилетний период, и поэтому она в почти равной мере является получателем и источником инвестиций.

Степень ориентированности на приток можно измерять с помощью показателя «норма нетто-притока» (разность между притоком и оттоком, деленная на приток и умноженная на 100). Этот показатель у России составляет в среднем за шесть лет всего 7%. Наиболее ориентированы на приток Бразилия и Южная Африка (норма нетто-притока у обеих стран составляет 68%), далее идут Китай (57%) и Индия (46%).

Ситуация в каждой из двух основных сфер ПИИ — трансграничных слияниях и поглощениях (M&A) и инвестициях в новые проекты (greenfield investments) — различна. Приток ПИИ в сфере слияний и поглощений в странах БРИКС заметно уступает по доле в мировом итоге притоку инвестиций в новые проекты. Так, доля альянса в мировом объеме чистых продаж M&A (чистые продажи характеризуют приток ПИИ в M&A) за 2005–2010 гг. составила 4,9%, в то время как доля притока инвестиций в новые проекты составила 23,8% от мирового итога по притоку greenfield investments. Совсем другая картина по оттоку: здесь страны БРИКС в мировом объ-

Таблица 2

Общий поток ПИИ, млрд. долл.

	Приток						Отток					
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Мир	983	1462	1971	1744	1185	1244	882	1405	2175	1911	1171	1323
БРИКС, в том числе	115	141	205	280	198	222	32	92	95	144	108	148
Бразилия	15	19	35	45	26	48	3	28	7	20	-10	12
Россия	13	30	55	75	37	41	13	23	46	56	44	52
Индия	8	20	25	43	35	25	3	14	17	19	16	15
Китай	72	73	84	108	95	106	12	21	22	52	57	68
Южная Африка	7	-1	6	9	5	2	1	6	3	-3	1	1

Источник: UNCTAD World Investment Report 2011.

еме чистых покупок M&A имеют долю 9,3%, а в мировом оттоке инвестиций в новые проекты — 8,2%.

В сфере трансграничных слияний и поглощений пятерка стран больше ориентирована на отток, а не на приток ПИИ. За шесть лет превышение оттока над притоком в данной сфере достигло 149 млрд. долл. Наиболее низкую ориентированность на отток в M&A демонстрирует Южная Африка (норма нетто-покупок равна 12%), зато остальные члены альянса показывают довольно высокую ориентированность на отток: норма нетто-покупок Бразилии составляет 41%, России — 43%, Китая — 52%, Индии — 60%.

Несмотря на ориентированность в сфере M&A на отток, число сделок по притоку (3591) в странах БРИКС за 2005–2010 гг. заметно превышает число сделок по оттоку (1985). Это означает, что средняя величина сделки по притоку резко уступает средней величине сделки по оттоку. Другими словами, активы в странах БРИКС продаются относительно дешево — в среднем за 47 млн. долл. на одну сделку. Это более чем в два раза ниже среднемирового объема сделки, который составляет 101 млн. долл. Приобретаются же активы за рубежом странами альянса значительно дороже — в среднем, за 160 млн. долл. на одну сделку. Это уже более чем в полтора раза дороже, чем в среднем в мире.

Неудивительно, что компании из БРИКС часто фигурируют в списке самых крупных покупателей активов. Например, в 2010 г. из 43 сделок объемом более 3 млрд. долл. вторая по величине сделка была осуществлена индийской компанией Bharti Airtel Ltd, приобретшей за 10,7 млрд. долл. нигерийского оператора радиотелефонной связи «Zain Africa BV». В этом списке четыре покупки приходятся на китайские фирмы (в том числе две из Гонконга), две — на индийские фирмы, и по одной — на фирмы Бразилии и России.

В целом положение в сфере трансграничных слияний и поглощений можно охарактеризовать двояко. С одной стороны, инвестиционная привлекательность стран альянса в сочетании с невысокой рыночной стоимостью реальных активов (которые нуждаются в иностранных передовых технологиях и других факторах поддержки конкурентоспособности) обес-

печивает большое количество сделок по приобретению иностранными покупателями соответствующих активов в странах БРИКС. Это своего рода массовая распродажа относительно недорогих активов. С другой стороны, фирмы из стран БРИКС стремятся приобретать за рубежом стратегически перспективные активы, которые дороги, но могут обеспечить ключевые рыночные интересы покупателей. Здесь уже больше признаков эксклюзивного выбора, чем стремления купить побольше и подешевле.

В сфере инвестиций в новые проекты в потоках ПИИ сильнее выражена ориентация на приток. За шесть лет, с 2005 по 2010 г., в странах альянса превышение притока над оттоком составило 896 млрд. долл., а норма нетто-притока достигла 65%. Наиболее низка норма нетто-притока в Южной Африке (31%), далее идут Россия и Индия (59%) и, наконец, лидируют по данному показателю Бразилия и Китай (72%).

Средняя стоимость проекта greenfield investments в странах БРИКС выше среднемировой как в притоке, так и в оттоке ПИИ. Но в притоке это превышение сравнительно мало: 79 млн. долл. против среднемирового показателя 72 млн. долл. В оттоке превышение заметно больше, так как там средняя стоимость проекта стран альянса достигает 103 млн. долл.

Вероятно, эти цифры означают, что страны БРИКС предпочитают при создании новых объектов более крупные и дорогие проекты, причем и по притоку, и по оттоку. Но все же инвестирование в активы за рубежом обходится дороже — в силу более стратегического характера таких проектов, что проявляется и в большей стоимости соответствующих проектов. В притоке средняя стоимость проекта наиболее высока у Бразилии (121 млн. долл.) и России (90 млн. долл.). Далее идут Южная Африка (75 млн. долл.), Китай (74 млн. долл.) и Индия (71 млн. долл.). В оттоке лидером также является Бразилия (122 млн. долл.), за ней располагаются Китай (121 млн. долл.), Россия (109 млн. долл.), Южная Африка (97 млн. долл.) и Индия (82 млн. долл.).

II. Положение в отдельных странах

Китай

В Китае по состоянию на 2010 г. накопленные входящие ПИИ достигли 2401,6 млрд. долл., при этом общее количество реализованных проектов составило 710 747. Согласно несколько более ранним данным, географическое распределение накопленного притока было следующим. Безусловное лидерство и по количеству проектов, и по стоимостному объему имеет Гонконг, на который приходится 47% всех проектов и 38% стоимостного объема инвестиций.

На втором месте идут оффшоры (свободные порты, Виргинские о-ва, Каймановы о-ва и др.). Их доля в числе проектов — 12,5%, в стоимостном объеме инвестиций — 45%. Бросается в глаза, что из оффшоров поступают инвестиции в наиболее крупные

проекты, о чем свидетельствует чуть ли не четырехкратный отрыв доли оффшоров в стоимостном объеме инвестиций от их доли в числе проектов.

На третьем месте находятся ближайшие азиатские соседи Китая — Япония, Южная Корея, Сингапур, Макао, Малайзия, а также Тайвань. Их доля в количестве проектов составила — 27%, а в стоимостном объеме — 12,9%. Далее идут Евросоюз (доля в числе проектов — 6,7%, доля в стоимостном объеме — 4,6%) и Северная Америка (7,9% и 3,2% соответственно).

Такое географическое распределение притока ПИИ говорит о том, что решающую роль в нем играет китайский и азиатский капитал. Через Гонконг и оффшоры в Китай возвращается ранее вывезенный капитал и поступает капитал хуацяо (этнических китайцев, проживающих за пределами Китая). Из азиатских стран также поступают инвестиции из других источников. Ввиду отсутствия статистических данных назвать конкретные величины названных источников ПИИ не представляется возможным.

В секторном распределении притока ПИИ на первом месте находится обрабатывающая промышленность с долей 42% в количестве проектов и 46% в стоимостном объеме инвестиций. Далее картина распределения довольно сильно различается в зависимости от того, будем ли мы рассматривать данные по количеству проектов или по стоимостному объему.

По количеству проектов ПИИ на втором месте находится оптовая и розничная торговля (21,3%), на третьем — аренда и бизнес-услуги (11,4%), на четвертом — научные исследования, технологические услуги и геологические изыскания (6,7%), на пятом — компьютеры и ПО (программное обеспечение) (4,7%). По стоимостному объему ПИИ второе место в Китае занимает недвижимость (17,2%), третье — финансы (15,2%), четвертое — аренда и бизнес-услуги (4,7%), пятое — оптовая и розничная торговля (4,1%)².

Очевидно, что эти данные свидетельствуют о том, что большое количество относительно небольших по объему ПИИ проектов концентрируется в оптовой и розничной торговле, аренде и бизнес-услугах, научных исследованиях, технологических услугах и геологических изысканиях. Средний проект в этих секторах по объему привлеченных ПИИ обычно в несколько раз меньше среднего по всей экономике. Напротив, в финансах и недвижимости сосредоточены крупные проекты с объемом привлеченных ПИИ, в 20 и более раз превосходящих средний показатель по стране.

В экспорте капитала из Китая (прямых зарубежных инвестициях — ПЗИ) последние годы также наблюдалась положительная динамика. Основными причинами послужили: рост ПЗИ, имеющих целью последующий возврат в Китай (через Гонконг, оффшоры), и рост ПЗИ в реальный сектор с целью избавиться от избыточных активов в виде американских и европейских долговых обязательств.

² <http://www.fdi.gov.cn>

Подобная специфика, характеризующаяся наличием в ПЗИ как конечных, так и «транзитных» инвестиций, требует уточнения объема накопленных ПЗИ. По некоторым оценкам³, накопленные на конец 2010 г. конечные инвестиции Китая за рубежом составили около 315 млрд. долл. Географическое распределение:

Латинская Америка —

более 50 млрд. долл., в том числе Бразилия (14,9) и Венесуэла (8,9).

Западная Азия — 45,2 млрд. долл., включая

Иран (15,1), Казахстан (11,4) и Россию (6,7).

Африка южнее Сахары — 44 млрд. долл.,

в том числе Нигерия (15,4), ЮАР (6,2) и ДРК (5,9).

Северная Америка — 38,1 млрд. долл.,

в том числе США (28,1) и Канада (10,0).

Арабские страны — 37 млрд. долл., в том числе

Алжир (9,2), Саудовская Аравия (8,1) и Ирак (4,3).

Европа — 35 млрд. долл., в том числе

Великобритания (8,5), Швейцария (7,2)

и Греция (5,0).

Австралия — 34 млрд. долл.

Юго-Восточная Азия — 32 млрд. долл., в том числе

Индонезия (9,8), Сингапур (7,0) и Вьетнам (6,4).

Широкая географическая диверсификация китайских ПЗИ сочетается с отраслевой диверсификацией. Согласно таблице 3, лидирует с заметным отрывом от других сектор бизнес-услуг.

Таблица 3

Структура китайских зарубежных инвестиций, накопленных на конец 2009 г.

Сектор	Объем ПИИ, млрд. долл.	Удельный вес, %
Бизнес-услуги	72,9	30,0
Добывающая промышленность	40,6	17,0
Финансы	46,0	19,0
Оптовая и розничная торговля	35,7	15,0
Транспорт и коммуникации	16,6	7,0
Обрабатывающая промышленность	13,6	6,0
Прочие отрасли	20,4	6,0
Всего	245,8	100

Источник: Салицкий А.И., Томберг. И.Р. КНР: экспорт капитала продолжается... (Интернет-журнал «Новое Восточное Обозрение», 07.10.2011).

Сравнение структуры накопленных ПИИ в Китае и китайских ЗПИ показывает, что в последних доля обрабатывающей промышленности почти в восемь раз меньше, а доля бизнес-услуг более чем в шесть раз больше. Доля добывающей промышленности больше в 32 раза. Это говорит о том, что зарубежные инвестиции Китая в значительной мере направ-

лены на обеспечение ресурсных интересов страны, с одной стороны, а с другой — на освоение емкого и динамичного сектора бизнес-услуг.

Индия

В географической структуре притока ПИИ в Индию лидирующую позицию занимают США, хотя их доля падает. В 2009 г. число проектов ПИИ с участием американского капитала было равно 223, или 30% от общего числа проектов ПИИ в Индии (в 2003 г. — 45%). Относительное ослабление позиций США связано с тем, что американские инвестиции за пределами Европы и Канады ориентированы на финансы и страхование, а в Индии в финансовом секторе существуют жесткие ограничения на иностранное участие в собственности. Основным целевым сектором для американских компаний остается дизайнерско-девелоперская деятельность, замедление инвестиций в который служит еще одним фактором падения доли США.

Соединенное Королевство выступает вторым крупнейшим инвестором с точки зрения числа проектов (87), и третьим — с точки зрения количества создаваемых рабочих мест. Основные сферы инвестиционной деятельности фирм Великобритании — бизнес-услуги, обрабатывающая промышленность, торговля и маркетинг. Третью строчку в списке крупнейших инвесторов занимает Германия, на которую в 2009 г. пришлось 75 проектов ПИИ. В топ-10 по числу проектов ПИИ входят также Япония (69), Франция (40), Нидерланды (22), Южная Корея (18), Швейцария (18), Малайзия (17) и Италия (17).

Сравнительные преимущества Индии, проявлявшиеся в секторе ПО и ИТ (информационных технологий), набирают силу также в секторе бизнес-услуг. Хотя сектор ПО и ИТ остается крупнейшим с точки зрения как числа проектов ПИИ, так и с точки зрения количества создаваемых иностранными инвестициями рабочих мест, тем не менее относительно среднесрочных средних значений оба названных показателя сектора существенно упали. Аналогичное, но меньшее снижение показал и сектор бизнес-услуг (см. таблицу 4).

Весьма привлекателен для иностранных инвесторов сектор автомобилестроения. Быстро растут на внутреннем рынке продажи легковых автомобилей, что является следствием увеличения среднего класса и повышения доступности потребительских кредитов. Наличие в стране квалифицированной рабочей силы и сильная сеть поставщиков компонентов для автомобилей побуждают многие глобальные фирмы расширять экспорт из Индии. Также можно отметить привлекательность сектора финансовых услуг и «рывок» таких секторов, как «Промышленное машиностроение, производство оборудования и инструментов» и «Химикаты».

³ См.: Салицкий А.И., Томберг. И.Р. КНР: экспорт капитала продолжается... (Интернет-журнал «Новое Восточное Обозрение», 07.10.2011).

Таблица 4
Десять крупнейших секторов Индии, проекты ПИИ

Сектор	Число проектов ПИИ в 2009 г.	Рост относительно средне-срочной средней	Количество созданных ПИИ рабочих мест в 2009 г.	Рост относительно средне-срочной средней
Программное обеспечение и ИТ-услуги	96	-36%	23 092	-39%
Бизнес-услуги	86	-34%	14 365	-22%
Промышленное машиностроение, производство оборудования и инструментов	67	56%	9474	22%
Финансовые услуги	52	16%	16 649	25%
Коммуникации	37	-4%	10 399	-21%
Химикаты	31	54%	3 194	68%
Автомобилестроение (ОЕМ)	27	15%	21947	11%
Транспорт	24	-15%	1820	-63%
Производство компонентов для автомобилей	24	-3%	6606	-21%
Металлы	24	14%	12 602	3%

Источник: Ernst & Young's 2011 India attractiveness survey.

Индия активно использует такой инструмент привлечения ПИИ, как специальные экономические зоны (СЭЗ). Больше всего СЭЗ создано и работает в секторе информационных и связанных с ними технологий. Их число составляет 67. Немало мультипродуктовых СЭЗ (15) и зон, специализирующихся на электронике и хай-тек инжиниринге (13). Менее многочисленна группа СЭЗ, ориентированных на фармацевтику (5), производство обуви (4), ювелирное дело (4) и некоторые другие сферы⁴.

Значительная часть ПЗИ индийских компаний направляется в финансовые офшорные центры — Сингапур, Маврикий и Нидерланды (см. таблицу 5). Данные центры обычно рассматриваются как пункты мобилизации фондов для последующего инвестирования в третьи страны. При этом принимаются

⁴ Ernst & Young's 2011 India attractiveness survey.

во внимание деловые и юридические соображения, льготное налогообложение и более легкий доступ к финансовым ресурсам в соответствующих странах.

Например, Сингапур и Нидерланды весьма привлекательны для индийских холдинговых компаний благодаря низким и простым ставкам налогов, большому количеству межстрановых соглашений об избежании двойного налогообложения, распространности английского языка в деловом обороте, человеческому капиталу, отличной логистике и надежному авиационному и морскому сообщению.

Индийский бизнес особенно активно стал инвестировать в Сингапур после вступления в августе 2005 г. в силу Comprehensive Economic Agreement (CECA). Это двустороннее индийско-сингапурское соглашение носит всеобъемлющий характер и охватывает такие области, как торговля товарами, услуги и инвестиции. Другим положительным фактором стало обновленное соглашение об избежании двойного налогообложения. Ожидается, что в перспективе будет замечен сдвиг от Маврикия к Сингапуру. Этот сдвиг коснется как индийских ПЗИ, которые все больше будут концентрироваться в Сингапуре для дальнейшего глобального распределения, так и ПИИ, которые, наоборот, будут приходить из разных стран в Сингапур для конечного инвестирования в Индии⁵.

С точки зрения мотивов конечного инвестирования можно выделить три цели: рынок, технология/бренд и ресурсы. ПЗИ, ориентированные на поиск рынков сбыта, преобладают в ИТ, фармацевтике, автомобильных компонентах, строительстве, телекоммуникациях. Это самый распространенный мотив конечного инвестирования индийских компаний. Инвестиции с целью обретения доступа к технологии или бренду более всего характерны для капитальных товаров, автомобилестроения и пищевой промышленности. Ожидаемо, что ПЗИ с целью получения доступа к ресурсам осуществляются в сфере производства нефтепродуктов и некоторых других⁶.

ПЗИ в развитые страны осуществляются индийскими инвесторами чаще всего посредством слияний и поглощений, а в развивающиеся страны — в форме инвестиций в новые проекты. Одной из причин, почему прямые индийские инвестиции осуществляются в развитые страны через слияния и поглощения, является зрелость и насыщенность рынков этих стран. В таких условиях получить долю рынка можно вместе с приобретаемым предприятием. Например, крупные приобретения компании Tata позволили ей быстро достичь нужного масштаба операций и стать крупнейшим производителем и работодателем в Великобритании.

⁵ Sasidaran Gopalan and Ramkishan S. Rajan. India's FDI Flows: Trying to Make Sense of the Numbers. ESCAP, Issue No.5, January 2010, с. 4.

⁶ Ravi Subramanian, Charu Sachdeva, Sebastian Morris. FDI Outflows from India: An Examination of the Underlying Economics, Policies and their Impacts. W.P. No. 2010-03-01. Indian Institute of Management. Ahmedabad-380 015, India, с. 31.

Таблица 5
Географическая структура индийских зарубежных инвестиций, млрд. долл.

Страна	2008-09	2009-10	2010-11	2011-12*	Всего:
Сингапур	4,06	4,20	3,99	1,86	14,11
Маврикий	2,08	2,15	5,08	2,27	11,57
Нидерланды	2,79	1,53	1,52	0,70	6,54
США	1,02	0,87	1,21	0,87	3,97
ОАЭ	0,63	0,64	0,86	0,38	2,51
Британские Виргинские острова	0,00	0,75	0,28	0,52	1,55
Соединенное Королевство	0,35	0,34	0,40	0,44	1,53
Каймановы острова	0,00	0,04	0,44	0,14	0,62
Гонконг	0,00	0,00	0,16	0,31	0,46
Швейцария	0,00	0,00	0,25	0,16	0,41
Другие страны	7,65	3,19	2,65	1,23	14,71
Всего	18,58	13,71	16,84	8,86	

* С апреля 2011 г. по 28 февраля 2012.

Источник: Address delivered by Shri. Harun R Khan, Deputy Governor, Reserve Bank of India at the Bombay Chamber of Commerce & Industry, Mumbai on March 2, 2012.

В росте индийских ПЗИ определенную роль играют индийские банки. Хотя обычно местным банкам не разрешается финансировать вклады учредителей в акционерный капитал, финансовая поддержка операций местных компаний с акционерной ответственностью совместных предприятий/филиалов или других зарубежных предприятий (новых или существующих) разрешается, если инвестиции носят стратегический характер. В целях облегчить подобную поддержку зарубежных операций индийского бизнеса национальный Резервный Банк увеличил лимит кредитных и некредитных инструментов, предоставляемых индийским компаниям для зарубежных операций такого рода.

В секторной структуре ПЗИ Индии преобладает обрабатывающая промышленность, а также финансы, страхование, недвижимость и бизнес-услуги (см. таблицу 6). В различных отраслях обрабатывающей промышленности и сферы услуг наблюдается разная распространенность применяемых моделей инвестирования. Так, в ИТ преобладают ПЗИ в новые проекты (44%), в фармацевтике — приобретения (46%), в производстве автокомпонентов — приобретения (60%), в строительстве — экспансия (87%), в телекоммуникациях — совместные предприятия (61%), в нефтепродуктах — новые проекты (51%),

в добыче нефти и газа — новые проекты (42%) и альянсы (38%), в машиностроении и производстве капитальных товаров — приобретения (64%) и совместные предприятия (36%) и т.д.⁷

Таблица 6
Секторная структура индийских зарубежных инвестиций, млрд. долл.

Сектор	2008-09	2009-10	2010-11	2011-12*	Всего:
Обрабатывающая промышленность	10,18	5,35	5,04	2,74	23,31
Финансы, страхование, недвижимость и бизнес-услуги	3,55	4,41	6,53	2,53	17,03
Оптовая и розничная торговля, рестораны и отели	1,17	1,13	1,89	1,00	5,19
Транспорт, коммуникации и складские услуги	0,31	0,38	0,82	1,34	2,85
Строительство	0,35	0,36	0,38	0,37	1,46
Коммунальные, социальные и личные услуги	0,39	0,18	0,70	0,18	1,45
Электроэнергия, газ и вода	0,14	0,84	0,10	0,04	1,19
Разное	0,12	0,11	0,18	0,10	0,51
Всего	18,58	13,71	16,84	8,73	57,86

*С апреля 2011 г. по 22 февраля 2012 г.

Источник: Address delivered by Shri. Harun R Khan, Deputy Governor, Reserve Bank of India at the Bombay Chamber of Commerce & Industry, Mumbai on March 2, 2012.

Эти данные говорят о том, что индийские компании в каждой отрасли имеют определенную стратегию инвестирования. Эти стратегии варьируются в зависимости от объективных условий. В ИТ гибкость и интеллектоемкость бизнеса делает более подходящей стратегию инвестирования в новые проекты. В телекоммуникациях на первый план часто выходит задача объединения потенциалов партнеров, и потому более распространены совместные предприятия. В целом же можно сказать, что быстрое приобретение необходимого международного опыта позволили индийским компаниям в последние годы успешно продвигаться в стратегически важные отрасли за рубежом.

⁷ Ravi Subramanian, Charu Sachdeva, Sebastian Morris. FDI Outflows from India: An Examination of the Underlying Economics, Policies and their Impacts. W.P. No. 2010-03-01. Indian Institute of Management. Ahmedabad-380 015, India, c. 28.

Россия

В период с 2006 по 2010 г. общее количество проектов в России, финансируемых за счет прямых иностранных инвестиций (ПИИ), составило 740. Лидерами в привлечении ПИИ выступили две отрасли — автомобильная и пищевая промышленность. На каждую из них приходится 11% от общего числа проектов. Однако еще пять отраслей имели аналогичный показатель в диапазоне от 5 до 8% (см. таблицу 7).

Проекты с участием иностранного капитала в большинстве случаев были ориентированы на внутренний рынок страны. Особенно это заметно в отраслях, лидирующих в привлечении ПИИ (автопром и пищевая промышленность).

Более 60% всех проектов реализовывались с помощью инвестиций из США и Западной Европы. Распределение проектов по странам происхождения ПИИ было следующим: США — 16%, Германия — 13%, Финляндия, Франция, Великобритания — по 6%, Швейцария и Япония — по 5%, Австрия, Швеция, Дания — по 3%, другие страны — 34%. Россия привлекает относительно немного инвестиций из стран-партнеров по БРИКС и скорее конкурирует с ними за ПИИ. Особенно ощутима конкуренция со стороны Китая, в меньшей степени — Индии (здесь и далее данные опросов компании «Эрнст энд Янг»). Среди субъектов РФ бесспорно ведущие позиции по проектам с ПИИ имели Москва и Санкт-Петербург, на которые приходилась практически половина всех проектов (37% и 12% соответственно). Еще 8 субъектов имели долю от 2 до 5%, причем все они расположены в европейской части страны (Калужская область — 5%, Нижегородская область — 4%,

Таблица 7

Прямые иностранные инвестиции по отраслям российской экономики в период с 2006 по 2010 г.

Позиция в рейтинге	Отрасль	Количество проектов, финансируемых за счет ПИИ в период с 2006 по 2010 г.	Доля от общего числа проектов в период с 2006 по 2010 г.	Количество новых рабочих мест* в период с 2006 по 2010 г.
1	Автомобильная промышленность	84	11%	17 690
2	Пищевая промышленность	80	11%	9766
3	Добыча неметаллических полезных ископаемых	61	8%	3785
4	Химическая промышленность	57	8%	3169
5	Производство станков и оборудования	50	7%	1959
6	Транспортные услуги	45	6%	294
7	Финансовое посредничество	43	6%	268
8	Профессиональные услуги	39	5%	278
9	Производство пластмасс и искусственного каучука	29	4%	1914
10	Разработка программного обеспечения	25	3%	1284
	Другие отрасли	227	31%	15 379
	Всего	740	100%	55 786

Источник: Ernst & Young European Investment Monitor. 2011 год.

* Количество новых рабочих мест для проектов, по которым есть данные.

Ленинградская область, Республика Татарстан, Владимирская область и Краснодарский край — по 3%, Ярославская и Тверская области — по 2%, другие — 26%).

Основными барьерами для инвестиций в России иностранные инвесторы считают сложность административных процедур (25%), слишком высокий уровень коррупции (21%), отсутствие международного проекта (20%). Однако отмечаются и другие барьеры: жесткое регулирование, сложности с лицензированием или получением разрешения для ведения бизнеса (14%), работа только на внутреннем рынке (10%). Имели определенное значение и такие барьеры, как небольшой размер рынка, плохое географическое положение, недостаток информации и услуг, низкий уровень потребления, недостаточная прозрачность ведения бизнеса, неудовлетворительная инфраструктура, высокие затраты на ведение бизнеса, политическая нестабильность (от 5 до 9%).

С учетом этих данных вполне логичным выглядят и ответы респондентов о мерах, которые необходимо предпринять для улучшения инвестиционного климата в России: повышение эффективности законодательства (снижение уровня коррупции) — 63%, снижение уровня бюрократии — 53%, повышение прозрачности системы регулирования предпринимательской деятельности — 39%⁸.

Потоки ПИИ в России, следовательно, ориентированы на освоение внутреннего рынка, поступают прежде всего в отрасли потребительского и добывающего секторов, географически сфокусированы на двух столицах и европейской части страны, сдерживаются барьерами, относящимися к административному и коррупционному факторам. Такой характер участия иностранного капитала в развитии россий-

⁸ Растущие возможности: исследование инвестиционной привлекательности России. «Эрнст энд Янг», 2011 год.

ской экономики не слишком способствует усилению ее инновационного характера. По мере снятия основных барьеров и улучшения инвестиционного климата положение, возможно, начнет меняться в лучшую сторону.

По данным Росстата, накопленные прямые инвестиции России за рубежом (т.е. ПЗИ) на конец 2010 г. составили 56,8 млрд. долл. В географическом распределении этих инвестиций лидируют (как и в других странах БРИКС) оффшоры. Так, на Нидерланды приходится 19,4 млрд. долл., на Кипр — 15,0 млрд. долл. Иначе говоря, эти два оффшорных центра привлекли 34,4 млрд. долл., или 60,6% всех российских накопленных инвестиций за рубежом. В десятку крупнейших стран-получателей российских ПЗИ также вошли: США (6,5 млрд. долл.), Беларусь (2,7 млрд. долл.), Швейцария (2,5 млрд. долл.), Великобритания (2,3 млрд. долл.), Виргинские Британские о-ва (1,8 млрд. долл.), Армения (1,3 млрд. долл.), Австрия (0,5 млрд. долл.) и Люксембург (0,4 млрд. долл.).

Структура российских ПЗИ по видам экономической деятельности отличается преобладанием всего трех позиций: оптовая торговля — 43,6%, добыча топливно-энергетических полезных ископаемых — 18,4%, производство кокса и нефтепродуктов — 18%⁹. Из этих данных можно заключить, что основными мотивами зарубежного инвестирования российских компаний являются доступ к рынкам и доступ к ресурсам, и в существенно меньшей степени — доступ к технологиям.

Российские компании в своей зарубежной деятельности сталкиваются с рядом проблем. По мнению А.А. Пахомова, среди этих проблем следует отметить отсутствие у них положительной истории сделок по слияниям и поглощениям за рубежом, высокую концентрацию управления в руках одного акционера, внутрикорпоративные проблемы, низкий уровень подготовки сделок и управления активами, а также неэффективность лоббирования интересов деловых кругов России государственными структурами. В силу этого российские компании сталкиваются с гораздо большими препятствиями на рынках развитых стран, чем другие крупные иностранные корпорации¹⁰.

Бразилия и Южная Африка

Для притока ПИИ в Бразилию характерна тенденция концентрации в сфере услуг. За 2001–2006 гг. в страну поступили инвестиции в объеме 63,6 млрд. долл., из них на сферу услуг пришлось более половины всего объема — 54,5%. Наиболее значимые позиции: телекоммуникации (14%), электричество, вода и газ (7,5%), финансовые услуги (6,8%), биз-

нес-услуги (6,2%), розничная торговля (4,6%) и оптовая торговля (3,2%). Такая структура говорит о том, что в сфере услуг иностранный капитал прежде всего формирует среду деловой активности и доступа к рынкам страны.

ПИИ в обрабатывающую промышленность стоят на втором месте, их объем составил за указанный период 44,9 млрд. долл., или 38,5%. Лидирует позиция «продовольствие и напитки» (9,4%), за ней идут химикаты (6,2%), автопром (5,4%), металлургия (3,2%), электронное и телекоммуникационное оборудование (2,6%), целлюлозно-бумажная промышленность (2,3%), машиностроение (1,7%), электрооборудование (1,3%). Таким образом, ПИИ в обрабатывающей промышленности распределены более равномерно, чем в сфере услуг, что может говорить о том, что для иностранных инвесторов здесь нет особых предпочтений в выборе областей приложения капитала, но действует общая инвестиционная привлекательность страны. На сельское хозяйство и добывающую промышленность приходится 7,1% притока ПИИ¹¹.

О географической структуре притока ПИИ дает представление перечень пятидесяти крупнейших (по объему продаж в 2008 г.) компаний, работающих в Бразилии. Двадцать две из них — иностранные ТНК. В телекоммуникациях оперирует четвертая по величине испанская Telefonica, седьмую позицию занимает немецкая компания Volkswagen (автопром), восьмую — англо-голландская Shell (оптовая торговля топливом), девятую — американская General Motors (автопром), одиннадцатую — аргентинская Bunge Food (продовольствие и напитки), четырнадцатую — французская Carrefour (розничная торговля) и т.д.¹²

В зарубежных прямых инвестициях ситуация в Бразилии выглядит вполне традиционно для БРИКС: на первых позициях уверенно располагаются оффшоры. На Каймановы острова поступило 33,9% бразильских накопленных ЗПИ, Виргинские острова — 18,7%, Багамские острова — 13,6%. Далее идут страны с преобладанием конечных (не оффшорных) инвестиций: Уругвай (7,2%), Испания (3,8%), Аргентина (3,7%), США (3,2%).

Южная Африка в последнее время переживает бум в иностранных инвестициях. В 2011 г. количество проектов с участием ПИИ в стране впервые превысило 150, и аналогичный результат ожидается в 2012 г. Лидирует сектор программного обеспечения и ИТ, на который приходится 14% проектов. Далее идут бизнес-услуги, финансовые услуги, металлы, автопром. Основной приток ПИИ идет из Европы (44% проектов), а первые места среди стран-инвес-

⁹ <http://www.gks.ru>

¹⁰ А.А.Пахомов. Инвестиционная деятельность российских компаний за рубежом. Тенденции развития. М. 2011. С. 139.

¹¹ Celio Hiratuka. Foreign Direct Investment and Transnational Corporations in Brazil: Recent Trends and Impacts on Economic Development. The Working Group on Development and Environment in the Americas. Discussion Paper, Number 10, April, 2008, с. 4.

¹² The Boyden Report: Brazil (<http://www.boyden.com>).

торов занимают США, Соединенное Королевство, Германия, Индия и Австралия.

В зарубежных прямых инвестициях Южная Африка также активна, в том числе и в Африке. Страна входит в пятерку крупнейших источников инвестиций в некоторых африканских странах, занимая в Мозамбике первое место, Нигерии — третье, Гане и Кении — четвертое, Демократической Республике Конго и Маврикий — пятое¹³.

III. Основные выводы

В последние годы инвестиционная привлекательность стран БРИКС растет — абсолютно (Бразилия, Индия, в меньшей степени Россия) или относительно (Китай). Это связано как с меньшей вовлеченностью альянса в кризисные явления мировой экономики, так и наличием у них важных факторов экономического роста, которые остаются привлекательными для многих инвесторов. Важнейшие из этих факторов — крупные внутренние рынки, квалифицированная и недорогая рабочая сила, богатые природные ресурсы.

Несмотря на это, инвестиционная привлекательность несколько сдерживается определенными проблемами бизнес-среды. В рейтинге легкости ведения бизнеса позиции альянса (кроме ЮАР) более чем скромные. Препятствия в области ведения бизнеса касаются мелких и средних компаний. В ситуации, когда объективно потребуется гибкость и оперативность бизнеса, например при структурной перестройке экономики, роль мелкого и среднего бизнеса будет возрастать. Следовательно, сильнее будут сказываться и барьеры в области условий ведения бизнеса.

Страны альянса в целом являются нетто-получателями ПИИ, хотя и объем их собственных прямых зарубежных инвестиций довольно значителен. В некоторых случаях приток почти равен оттоку (Россия). Отток прямых инвестиций — явление двойственное. С одной стороны, отток говорит о недостаточной привлекательности рынков собственной страны для национальных компаний, которые ищут более привлекательные ниши в других странах. С другой стороны, ПЗИ нередко осуществляются с целью получения доступа к сырьевым и технологическим ресурсам. Поэтому конечный эффект нетто-позиции стран БРИКС в потоках ПИИ может быть как негативным, так и позитивным.

В области слияний и поглощений пять рассматриваемых стран более ориентированы на отток. Это связано с тем, что они стремятся приобретать за рубежом стратегически важные и дорогие активы, в то время как собственные национальные предприятия продаются значительно дешевле. Несомненно, здесь нередко действует логика «купить передовое иностранное предприятие с технологией и рынком или

продать отстающее в надежде на его модернизацию и развитие иностранным собственником».

Секторная структура поступающих ПИИ в отдельных странах БРИКС заметно отличается. В Китае проекты ПИИ концентрируются в обрабатывающей промышленности, оптовой и розничной торговле, аренде и бизнес-услугах. Доминирующей логикой здесь выступает быстрое развитие обрабатывающих производств и формирование под них адекватных каналов продаж и деловой инфраструктуры.

В Индии проекты ПИИ фокусируются в сфере услуг, причем на первых местах находятся ИТ сектор, бизнес-услуги и финансовые услуги, а из обрабатывающих производств в лидерах представлены в основном промышленное машиностроение и производство оборудования. Это говорит о более избирательной стратегии развития, сдвинутой на сферу услуг и пытающейся извлечь максимальный эффект из нескольких ключевых секторов.

В России сложился вариант, отчасти напоминающий ситуацию в Китае своей ориентацией на обрабатывающую промышленность (по числу проектов ПИИ в России лидируют автопром и пищевая промышленность), и отчасти ситуацию в Индии — более узким фронтом притока иностранных инвестиций всего в несколько основных секторов.

Бразилия, как и Индия, больше проектов ПИИ привлекает в сферу услуг, хотя обрабатывающая промышленность тоже заметна. Набор секторов относительно диверсифицирован, и это указывает, по крайней мере, косвенно на инвестиционную привлекательность бразильской экономики в целом. Секторная структура притока проектов ПИИ в ЮАР схожа с индийской: здесь тоже на первом месте ИТ сектор, а среди ключевых секторов те же бизнес-услуги и финансовые услуги.

В известном смысле можно сказать, что приток проектов ПИИ в Китай и Россию больше носит индустриальный характер, а в Индию, Бразилию и ЮАР — постиндустриальный. Конечно, данный вывод лишь приблизительно характеризует секторные различия притока проектов ПИИ в названные страны, но сами эти различия отчетливо прослеживаются из соответствующих статистических данных.

Иная ситуация в оттоке, т.е. в потоках ПЗИ. В Китае секторная структура оттока инвестиций резко отличается от структуры оттока. Доминирует сфера услуг и отчасти добывающая промышленность, доля же обрабатывающей промышленности весьма невелика. Из этого можно заключить, что вывоз китайского капитала связан с необходимостью выстраивания за рубежом инфраструктуры (торговой, финансовой, обслуживающей) для экспортной экспансии китайских компаний и для обеспечения их других глобальных интересов.

В Индии структура ПЗИ не столь сильно отличается от структуры ПИИ, хотя различия, конечно, есть. Основное из них — относительно высокая доля обрабатывающей промышленности в ПЗИ. Ве-

¹³ Ernst & Young's 2011 Africa attractiveness survey.

роятно, индийские компании более акцентировано стремятся получить за рубежом не только доступ к рынкам, но и к технологиям и брендам, отчего заметна доля обрабатывающей промышленности в индийских ПЗИ.

Россия имеет в ПЗИ узкий набор секторов с полным доминированием оптовой торговли, добычи топливно-энергетических полезных ископаемых и производства кокса и нефтепродуктов. Сырьевой характер специализации страны выражен сильно и маловероятно, что в ближайшем будущем он изменится.

Географическая направленность ПИИ и ПЗИ стран БРИКС характеризуется двумя особенностями. Во-первых, страны альянса уделяют достаточ-

но много внимания своим соседям по региону, чья доля в потоках инвестиций обычно высока. Кроме того, в этих потоках очень значительную роль играют оффшорные центры. В этих центрах происходит мобилизация ресурсов, оптимизация условий ведения бизнеса, определяются маршруты и стратегии дальнейшего распределения инвестиций в конечные пункты их производительного использования. Здесь страны БРИКС действуют в целом по одному сценарию, а иногда — в одних и тех же оффшорных центрах. Оффшорные центры превратились в необходимую часть системы международного движения инвестиций, и страны альянса довольно успешно используют их возможности.

Сравнительный анализ ПИИ Китая, Индии и Японии

В предыдущей статье¹ автора была описана модель цивилизационного развития, предоставляющая формат для структурирования исследования ряда важнейших направлений странового развития. Эта модель носит рамочный характер и потому нуждается в конкретизации более частными, ориентированными на изучение конкретных вопросов. Ниже рассматривается такая частная модель потоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и проводится сравнительный анализ потоков Китая, Индии и Японии.

1. Модель потоков ПИИ

Модель потоков ПИИ (см. схему) предназначена для исследования как входящих, так и исходящих потоков ПИИ, обуславливающих позицию соответствующей страны в таких потоках. Логика модели раскрывается последовательностью четырех составляющих: факторы (исходный пункт расположен внизу схемы), далее вверху сферы, векторы и результаты (заключительный пункт).

Это означает, что потоки ПИИ первично формируются факторами инвестиционной привлекательности страны и мотивами экспорта ПИИ в другие страны. Реальные потоки принимают определенную конфигурацию в разрезе секторного и географического распределения. Общее соотношение входящих и исходящих потоков, как и факторы, лежащие в основе их формирования, создают позицию страны в потоках ПИИ. Эта позиция характеризуется составляющей «результаты».

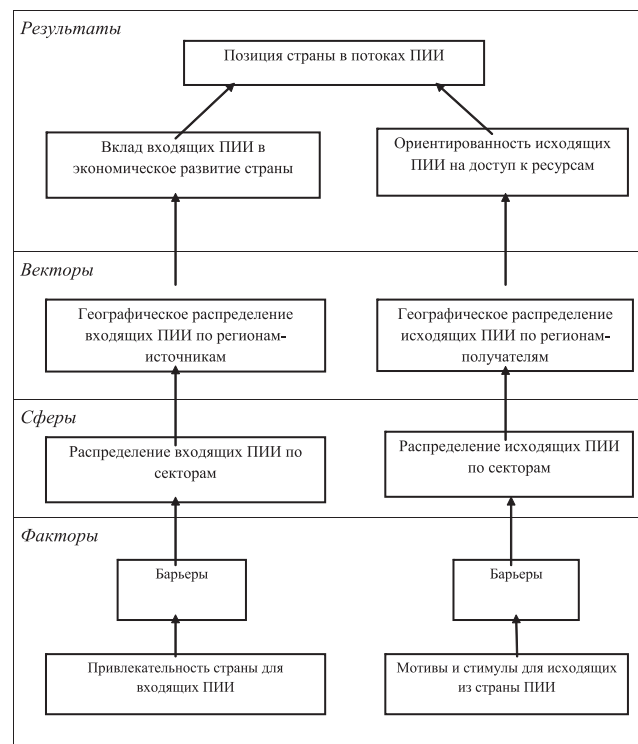
В составляющей *результаты* применяются показатели: норма нетто-притока и норма нетто-оттока ПИИ, доля входящих ПИИ в ВВП страны, доля инвестиций в доступ к ресурсам в общем объеме исходящих ПИИ. Норма нетто-притока (%) рассчитывается как частное от деления превышения притока над оттоком на приток, умноженное на 100. Норма нетто-оттока (%) — как частное от деления превышения оттока над притоком, умноженное на 100. Показатели нормы нетто-притока и нормы нетто-оттока используются для сравнительной оценки степени преобладания входящих или исходящих потоков. Они характеризуют позицию страны в потоках ПИИ. Показатель доли входящих ПИИ в ВВП страны употреблен как один из возможных для оценки вклада иностранного капитала в экономическое развитие страны. Другой показатель, «доля инвестиций в доступ к ресурсам в общем объеме исходящих ПИИ», применяется для оценки роли экспорта капитала в

укреплении ресурсообеспеченности страны. Взятые вместе, названные показатели комплексно характеризуют позицию страны в потоках ПИИ.

Составляющая «векторы» содержит показатели, отражающие географическое (по регионам и странам) распределение ПИИ. Наряду с абсолютными показателями стоимостного объема инвестиций здесь используются доли регионов и первых десяти стран-источников входящих потоков, а также доли регионов и первых десяти стран-получателей исходящих потоков. Аналогичные показатели распределения используются в составляющей «сферы». В составляющей сферы используются стоимостные объемы инвестиций и доли секторов в суммарном объеме инвестиций.

В составляющей «факторы» применяются показатели опросов целевых аудиторий (реальных и потенциальных инвесторов) и объективные данные специализированных исследований (например, показатели легкости ведения бизнеса в стране). Поскольку в этой составляющей речь идет о восприятии инвестиционного климата в той или иной стране, мотивах экспорта капитала из данной страны, а также барьерах, то точные оценки здесь затруднены. Поэтому в анализе факторов динамики ПИИ достаточно важна роль качественного анализа.

Схема: модель потоков ПИИ

С помощью модели потоков ПИИ можно отслеживать основные структурные сдвиги в привлекатель-

¹ Кандалинцев. В.Г. Модернизация: исследование на основе модели цивилизационного развития. «Восточная аналитика» Ежегодник 2011: Институт востоковедения РАН.

ности страны для импорта и стимулах для экспорта капитала, секторных и географических направлениях движения ПИИ, а также оценивать параметры позиции выбранных стран в потоках ПИИ.

1. Факторы импорта и экспорта ПИИ

Факторы, влияющие на динамику входящих потоков ПИИ, носят двоякий характер. Одни из них (преимущества) обуславливают инвестиционную привлекательность страны. Другие (барьеры) — препятствуют импорту капитала. Поэтому оптимальное сочетание факторов заключается в высокой инвестиционной привлекательности и низких барьерах.

В таблице 1 приведены данные опроса 209 старших менеджеров ряда компаний, осуществляющих инвестиции за рубежом. Опрос касался факторов инвестиционной привлекательности десяти ведущих по количеству полученных проектов ПИИ стран Азии (цифры в таблице означают место в рейтинге).

Таблица 1
Инвестиционная привлекательность

Факторы	Китай	Индия	Япония
Внутренний рынок	1	3	2
Квалификация рабочей силы	2	3	1
Качество жизни	4	5	1
Транспортно-логистическая инфраструктура	2	4	1
Инфраструктура телекоммуникаций	2	3	1
Стоимость рабочей силы	1	2	7
Прозрачность и стабильность	2	5	1
Качество НИОКР	2	3	1

Источник: Japan Attractiveness Survey 2008. Ernst&Young, JETRO.

Как видно из таблицы 1, Китай и Япония имеют сопоставимый уровень инвестиционной привлекательности, хотя компоненты этой привлекательности очень разнятся в двух странах. Япония лидирует по шести показателям, но сильно уступает Китаю по стоимости рабочей силы и в меньшей степени по емкости внутреннего рынка. Индия имеет более низкий уровень привлекательности по сравнению с двумя названными странами.

Ситуация меняется, если наряду с привлекательностью будут учитываться и барьеры. Прежде всего, это касается Японии. Традиционно закрытый харак-

тер японского общества и особенности национальной деловой практики ощутимо тормозят импорт ПИИ. Так, японские компании обычно прибегают к протекционистским мерам, например к схемам перекрестного владения акциями с целью избежать слияний и поглощений с участием иностранных фирм. Кроме того, японский рынок высококонкурентен и требует тщательно выверенных стратегий, которые далеко не сразу дают результат. Как правило, прямые иностранные инвестиции не приносят в Японии прибыль первые 3–5 лет².

Эти и другие барьеры приводят к разрыву между потенциалом привлечения ПИИ, который создается инвестиционной привлекательностью Японии, и реальной силой притяжения инвестиций, которая сдерживается барьерами. Данный разрыв заметен при сопоставлении некоторых международных рейтингов. Так, по показателю индекса привлеченных ПИИ Япония в 2010 г. занимала 136-е место среди 141 страны. Однако по индексу потенциала привлечения ПИИ эта страна занимает гораздо более высокое место (26-я позиция из 141 страны в 2008 г. и 2009 г., 22-я — в 2004 г., а наивысший показатель — 9-е место в 1995 г.)³.

Барьеры на пути ПИИ относительно ниже в Китае и Индии. Они есть, безусловно, и там, но проявляются в основном как запреты и ограничения на деятельность иностранного капитала в определенных отраслях национальных экономик, а также как проблемы в организационных, правовых и технических аспектах ведения бизнеса. При этом государственные органы в Китае и Индии уже довольно давно активно стремятся решать возникающие проблемы, а наряду с ограничениями предлагают и заметные стимулы. Поэтому с точки зрения реальной силы притяжения иностранных инвестиций на первом месте стоит Китай, далее следуют Индия и Япония.

В области экспорта капитала наиболее мотивированы японские компании. Высокие издержки производства в Японии вынуждают их разворачивать производственные мощности за рубежом, что позволяет повышать конкурентоспособность за счет использования более дешевых факторов производства и преодоления таможенных барьеров на экспортных рынках. Следовательно, японский экспорт капитала в форме ПИИ стимулируется задачей доступа к дешевым факторам производства и рынкам.

Серьезно мотивирован и экспорт капитала из Китая, который преследует такие цели, как доступ к природным ресурсам (особенно углеводородам), технологиям и рынкам. Кроме того, для госпредприятий Китая, которые доминируют в его исходящих потоках ПИИ, существенную роль играет эк-

² Investing and localizing in Japan. US-Japan Centre for Industrial Cooperation. Tokyo, October 2011, с. 25.

³ Тимонина И.Л. Инвестиционный климат в Японии и проблема привлечения прямых иностранных инвестиций. — Мировое и национальное хозяйство, №2 (21), 2012.

спорт госкапитала в оффшоры с последующей его трансформацией в частный и возвратом в Китай. Мотивы и стимулы экспорта ПИИ из Индии во многом определяются стратегией занятия эффективных ниш в мировой экономике, особенно в сфере ИКТ (информационно-информационных технологий) и бизнес-услуг. В целом можно сделать вывод, что все три страны имеют стратегические основания для наращивания экспорта капитала в форме ПИИ, хотя конкретно решаемые при этом задачи различны.

2. Сферы: постиндустриальный сдвиг

Для анализа распределения ПИИ по сферам была использована четырехсекторная модель экономики. В первичный сектор входят сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, рыболовство, лесоводство. Вторичный сектор: обрабатывающая промышленность. Третичный сектор: транспорт, связь, торговля, туризм, здравоохранение и другие услуги. Четвертичный сектор — информационные технологии, образование, научные исследования, глобальный маркетинг, банковские и финансовые услуги.

Характеристика структуры распределения ПИИ далее дается с использованием понятия «постиндустриальный сдвиг». Данный сдвиг — это преобладание ПИИ в третичном и четвертичном секторах. Из данных таблицы 2 видно, что по притоку ПИИ безусловным лидером во всех четырех секторах является Китай. Особенно массивным является привлечение Китаем прямых инвестиций во вторичный и третичный сектор, где они суммарно за 5 лет превысили 350 млрд. долл. Лидирует в этой паре вторичный сектор (46%), но с не слишком большим отрывом от третичного сектора — 35%, что говорит о том, что постиндустриальный сдвиг уже начинается.

Объем притока ПИИ в Индию в четыре раза меньше, чем в Китай. Однако в Индии постиндустриальный сдвиг выражен гораздо сильнее, поскольку 44% капитала импортировано в третичный сектор и еще 30% — в четвертичный. Наименьший приток ПИИ в Японии. Он на порядок меньше, чем в Китае. Но постиндустриальный сдвиг практически максимальный — более 90% импорта капитала приходится на четвертичный сектор.

В области *оттока* ПИИ ситуация иная. Лидером по объему исходящих ПИИ является Япония. Объем экспорта ПИИ Японии в 1,6 раза превышает аналогичный показатель Китая и в 4,3 раза показатель Индии. Однако постиндустриального сдвига в японском оттоке практически нет, поскольку на третичный и четвертичный сектора падает менее половины (46%) объема исходящих ПИИ. Китайские исходящие ПИИ сконцентрированы в третичном (57%) и четвертичном (18%) секторах, т.е. сдвиг выражен сильно. В оттоке Индии, напротив, наблюдается положение «индустриального» сдвига, так как на первичный и вторичный сектора приходится едва ли не три четверти всего экспорта ПИИ.

Таблица 2

Распределение ПИИ по секторам за период 2006–2010 гг., млрд. долл.

	Входящие потоки ПИИ			Исходящие потоки ПИИ		
	Китай	Индия	Япония	Китай	Индия	Япония
Первичный сектор	6,5	2,7	0,1	39	27,1	32,3
Вторичный сектор	198,2	24,1	8,9	17,8	36,1	165,8
Третичный сектор	152,9	47,0	-5,5	131,1	15,8	67,2
Четвертичный сектор	73,2	32,2	43,5	40,6	6,2	104,1
Итого:	430,8	106,0	47,0	228,5	85,2	369,4

Источник: UNCTAD и данные национальной статистики. Помощь в сборе данных автору оказали магистранты ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова О. Масловская, Е. Первышева и В. Тихонов.

Приведенные данные говорят о том, что позиции трех стран в потоках ПИИ различны. В Китае большая емкость внутреннего рынка позволяет привлекать крупные иностранные инвестиции во вторичный сектор (микроэлектроника, текстильная и швейная промышленность), а низкая стоимость квалифицированной рабочей силы позволяет ориентировать обрабатывающие производства на экспорт. Использование таких заметных преимуществ и направляет значительную часть входящих ПИИ во вторичный сектор. Третичный сектор во многом прямо или косвенно связан с обслуживанием производственных цепочек, и в его структуре входящих ПИИ доминируют операции с недвижимостью. В четвертичном секторе велика роль финансовых услуг.

Индийский импорт ПИИ сконцентрирован в третичном секторе, где важны такие сферы, как недвижимость, телекоммуникации, транспорт. В четвертичном секторе иностранные инвестиции оседают в сферах финансовых услуг и создании программного обеспечения. Японский импорт ПИИ в четвертичный сектор сфокусирован на банковских и финансовых услугах.

В оттоке ПИИ только в Китае наблюдается сильный «постиндустриальный сдвиг». В третичном секторе он формируется исходящими ПИИ в сферах бизнес-услуг, оптовой и розничной торговли, транспорта и связи. В четвертичном секторе доминируют исходящие ПИИ в сферах банковских и финансовых услуг (90%), но начинают увеличиваться и потоки в образование, исследования, информационные технологии.

Японская структура оттока ПИИ в терминах «постиндустриального сдвига» дуалистична. Доли «индустриального» и «постиндустриального» сегментов вполне сопоставимы. Это говорит о том, что задачи японской стратегии в экспорте капитала более диверсифицированы. Они касаются и обеспече-

ния доступа к сырью, и переноса обрабатывающих производств за рубеж (машиностроение и металлообработка, химия и нефтехимия, легкая и пищевая промышленность), и формирования доступа к рынкам (торговля), и участия в глобальных финансовых потоках. В Индии же исходящие ПИИ вообще фокусируются в «индустриальном» сегменте, что дает третий вариант стратегии, более ориентированный на доступ к сырью, промышленным технологиям и рынкам.

3. Векторы: сначала в оффшоры

Специфика исследования географических направлений потоков ПИИ связана с тем, что в Китае и Индии путь большей части ПИИ (как входящих, так и исходящих) пролегает через оффшоры: Гонконг, Маврикий, Британские Виргинские о-ва, Каймановы о-ва и др.

Таблица 3

Распределение ПИИ по регионам за период 2006–2010 гг., млрд. долл.

	Входящие потоки ПИИ			Исходящие потоки ПИИ		
	Китай	Индия	Япония	Китай	Индия	Япония
Азиатско-Тихоокеанский регион	68,0	15,2	10,1	19,7	24,3	120,1
Европа	24,6	17,6	14,1	13,1	29,6	95,3
Северная Америка	36,1	6,9	26,8	5,9	6,5	93,5
Латинская Америка и Карибский бассейн	н.д.	н.д.	-2,8	1,8	0,2	22,1
Ближний Восток и Африка	н.д.	1,7	0,2	11,1	4,4	5,4
Оффшоры	302,1	64,6	5,4	176,9	21,1	33,0
Итого:	430,8	106,0	47,0	228,5	85,2	369,4

Источник: UNCTAD и данные национальной статистики. Помощь в сборе данных автору оказали магистранты ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова О. Масловская, Е. Первышева и В. Тихонов.

В Китае 70% импорта и 77% экспорта ПИИ опосредовано оффшорами, в Индии — соответственно 61% и 25%. В Японии эти показатели в несколько раз ниже: 11% и 9%. В этой ситуации можно более или менее уверенно судить о конечных географических направлениях потоков ПИИ только в отношении Японии. По Китаю и Индии придется ограничиться приблизительными оценками.

В Китае в объеме входящих потоков ПИИ с известным из статистики регионом (и страной) про-

исхождения на первом месте находится Азиатско-Тихоокеанский регион, на втором — Северная Америка, на третьем — Европа. Вероятно, что входящие через оффшоры (Гонконг, Аомынь, Тайвань) потоки инвестиций не изменяют существенно данного положения. Хотя, конечно, некоторая часть импорта ПИИ через оффшоры имеет происхождением Латинскую Америку, Ближний Восток и Африку.

В экспорте ПИИ (с известными регионами-получателями) из Китая на первом месте также Азиатско-Тихоокеанский регион, затем следует Европа, потом — Ближний Восток и Африка. Из потоков в оффшоры за 2006–2010 гг. примерно 133,4 млрд. долл. приходится на Гонконг и 33,1 млрд. долл. на Британские Виргинские о-ва и Каймановы о-ва. Если принять гипотезу, что через Гонконг осуществляются инвестиции в основном в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, а через Британские Виргинские и Каймановы о-ва в Северную и Латинскую Америку, тогда, вероятно, на второе место выйдет Северная Америка, а третье и четвертое места поделит Латинская Америка и Европа.

Для Индии как в импорте, так и в экспорте ПИИ характерна европейская и азиатская ориентация. При этом львиная доля притока через оффшоры в Индию идет из Маврикия, что говорит о специфическом контуре движения финансовых ресурсов из Индии в Маврикий и затем назад в Индию (по налоговым и другим причинам). Подобное круговое движение финансовых ресурсов через оффшоры распространено и в Китае, и даже появился термин *round-tripping investments*. Поэтому, вероятно, оборот ПИИ через Маврикий не изменяет преобладания европейско-азиатской ориентации потоков Индии.

В Японии уровень «оффшорного транзита» ПИИ мал, и потому можно констатировать на основании данных таблицы 3, что в притоке лидируют Северная Америка, Европа и Азиатско-Тихоокеанский регион. А в оттоке — те же три региона, но в обратном порядке.

4. Результаты: особенности национальной стратегии

За период 2006–2010 гг. норма нетто-притока ПИИ в Китае составила 64%, в Индии — 23%. В Японии отток доминировал, поэтому норма нетто-оттока достигла 90%. Эти показатели говорят о том, что в потоках Китая импорт инвестиций стабильно и значительно превышает их экспорт. Соответственно, позиция страны в потоках ПИИ связана в первую очередь с развитием производств непосредственно в Китае, и только потом ориентируется на обеспечение доступа к ресурсам за границей.

В Индии ситуация выглядит довольно сбалансированной, потому что норма нетто-притока невысока. Япония имеет позицию противоположного Китаю и отчасти Индии типа: доминируют исходящие потоки, поэтому норма нетто-оттока очень высо-

ка. Япония лишь в малой степени использует ПИИ для развития внутренних производств. Данные по доле входящих ПИИ в ВВП, характеризующие вклад иностранного капитала в развитие страны, подтверждают эти выводы. Наибольшая доля за выше-названный период в Китае — 2,4%, в Индии — 1,7% и Японии — 0,2%.

В последние годы позиция Японии в потоках ПИИ начинает вызывать неудовлетворенность в правительственных и предпринимательских кругах этой страны. В политическом докладе Кэйдзай Дзюкай, обнародованном весной 2005 г., говорилось, что достижение в долгосрочной перспективе 10%-ного уровня накопленных ПИИ по отношению к ВВП Японии отвечает национальным интересам страны. Поддерживаемая организацией политика в отношении иностранных капиталовложений предлагает не делать различий между внутренними и иностранными инвесторами и провести реформирование в трех областях:

- внести изменения в коммерческое и налоговое законодательство с целью облегчения сделок по слияниям и поглощениям;
- либерализовать сферу медицинского обслуживания, а также рынки фармацевтики и медицинского оборудования;
- на основе сотрудничества правительства, местных властей и частного сектора создать эффективную систему привлечения и поддержки ПИИ⁴.

Вероятно, позиция Японии в потоках ПИИ в будущем будет меняться и приближаться к более сбалансированному варианту. Согласно приблизительным расчетам, показатель ориентированности исходящих ПИИ на доступ к ресурсам (сырью, технологиям, рынкам) в Японии равен 92%, в Китае — 65%,

в Индии — 38%. На снижение данного показателя в Китае и Индии оказывает существенное влияние round-tripping investments. Тем не менее, нет сомнений, что конечный экспорт ПИИ из Китая и Индии значительно ориентирован на доступ к ресурсам, в том числе и технологическим.

Так, в 2010 г. в Германии Китаю впервые удалось оттеснить с первой позиции Соединенные Штаты, традиционно считавшиеся самым активным инвестором. Наиболее привлекательной для китайских компаний является машиностроительная отрасль. Китайцы занимаются поиском привлекательных с инвестиционной точки зрения немецких машиностроительных предприятий, вкладывают в них капитал и затем целенаправленно развивают это предприятие. При этом, как отмечает немецкий менеджер Михаэль Пфайффер, «речь идет не о том, чтобы максимально использовать все мощности фирмы, а затем от нее отказаться. Подобная политика практиковалась в прошлом, пока Китай не заметил, что такого рода инвестиции себя не оправдывают»⁵.

На сегодняшний день позиции Китая, Индии и Японии в потоках ПИИ сильно отличаются друг от друга. Но в перспективе резкость различия будет ослабевать — главным образом это проявится через снижение высокой нормы нетто-притока ПИИ в Китае и высокой нормы нетто-оттока в Японии. Своеобразие национальных стратегий в отношении ПИИ при этом будет сохраняться. Различные, а потому и не всегда ведущие к «лобовым конкурентным столкновениям» секторные и географические профили потоков ПИИ трех стран позволяют им находить свое перспективное место в глобальной инвестиционной модели. И это будет учитываться в национальных стратегиях.

⁴ Там же.

⁵ <http://dw.de>.

И.В. Дерюгина

Особенности и перспективы деятельности ТНК в сельском хозяйстве стран Востока

Сформировавшиеся в мировом хозяйстве две противоборствующие тенденции — глобализация и регионализация — в ближайшей перспективе начнут проявляться более выпукло. Первая — стремление к большей открытости мировой экономики — найдет свое выражение в усилении деятельности транснациональных корпораций (ТНК), охвате ими новых рынков, создании новых форм проникновения капитала. Вторая тенденция — объективное желание защитить внутреннюю экономику от бесконтрольного действия внешних экономических агентов — будет направлена на укрепление внутрирегиональных связей, развитие региональной интеграции. Обе тенденции возникли в последней трети XX века, с начала XXI века стали формировать новый взгляд на мировую экономику, а в текущие два десятилетия под их воздействием изменится соотношение сил в мировом хозяйстве. В рамках единства и борьбы двух этих отношений в сельском хозяйстве стран Востока¹ уже сформировались, а в будущем станут играть еще большую роль новые региональные центры глобализации. В азиатском регионе возникли новые центры базирования ТНК, которые, используя все выгоды интеграционной защиты, опираются на уже принятые межстрановые соглашения. Примерами могут выступать соглашения в области сельскохозяйственного производства в рамках ШОС, АТЭС, БРИКС.

В конце 2000-х годов более половины всех прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в страны Востока поступало из своего же региона².

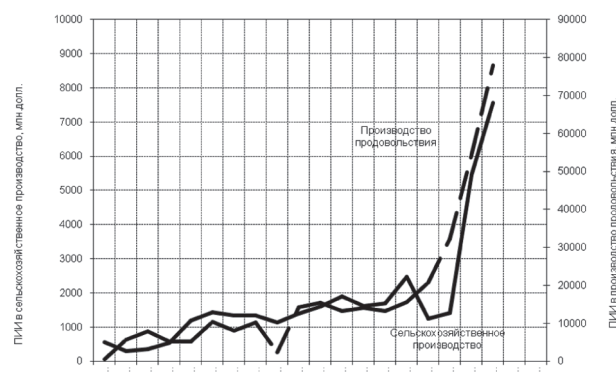
Шестью крупнейшими странами Востока — донорами ПИИ в 2010 г. было вывезено ПИИ на сумму 236 млрд. долл., в том числе из Гонконга — 95 млрд. долл., из Китая — 69 млрд. долл., из Республики Корея 23 млрд. долл., из Сингапура — 21 млрд. долл., из Индии — 14 млрд. долл., из Малайзии — 14 млрд. долл. На них пришлось 60% ПИИ, вывезенных из всех развивающихся стран³. В 2011 г. к этой группе стран по объему вывезенных инвестиций стал приближаться Таиланд — внешний поток ПИИ составил 11 млрд. долл.

Отраслевая динамика прямых иностранных инвестиций (ПИИ) показывает, что сельскохозяйственная сфера за последние полвека потеряла свои позиции. Если на рубеже 60–70-х годов XX века в

странах Востока доля сельского хозяйства в валовом потоке ПИИ составляла 20%⁴, то на рубеже 80–90-х годов — 8,6%, а в середине 2000-х годов — примерно 2,2% всех ПИИ в экономику страны, в том числе 0,8% — на сельскохозяйственное производство и 1,4% — на пищевую промышленность⁵.

Однако расширение использования сельскохозяйственного сырья для производства биотоплива, создание новых видов продуктов химической и фармацевтической промышленности на основе достижений биотехнологической революции вызвали в 2007 г. резкий рост капиталовложений в сельскохозяйственную сферу — всего за один год (2006–2007 гг.) поток ПИИ в сельское хозяйство и пищевую промышленность увеличился почти в 2 раза, а непосредственно в сельскохозяйственное производство — в 4 раза (см. рис.1).

Рисунок 1
ПИИ в сельскохозяйственную сферу развивающихся стран

Источник: World Investment Report 2009 (WIR 2009). Transnational Corporations, Agricultural Production and Development / UNCTAD. N.Y., 2009. С. 115.

Приток ПИИ в сельское хозяйство, связанный с ростом использования сельскохозяйственного сырья для промышленных нужд — производство биотоплива, продуктов химической, фармацевтической, легкой промышленности, — будет продолжать расти. Увеличение потребности в новых видах продуктов, изготовленных биотехнологическими методами, приведет к тому, что будет обостряться

¹ В статье рассматриваются страны Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии.

² Цветкова Н.Н. ТНК в странах Востока: 2000–2010 гг. М., 2011. С. 113.

³ UNCTAD Database // www.unctadstat.unctad.org/

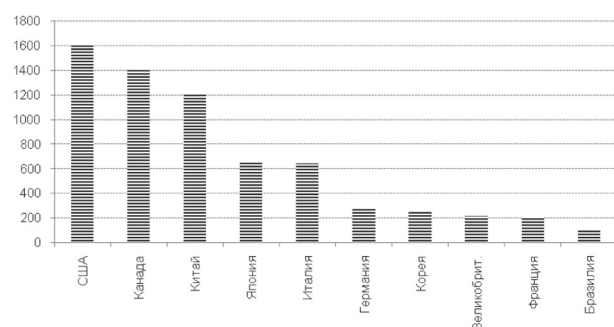
⁴ Дьякова И.С. Влияние монополий Запада на продовольственное обеспечение развивающихся стран Азии // Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки. Отв. ред. В.Г. Растяникова. М., 1982. С. 89.

⁵ World Investment Report 2009. Transnational Corporations, Agricultural Production and Development. UNCTAD. N.Y., 2009. С. 112.

конкуренция между продовольственным и непродовольственным использованием зерновых и технических культур. Лидерами в производстве биотоплива являются США, Бразилия, ЕС, Китай, следующим эшелон идут Индия, Индонезия, Малайзия. В большинстве стран Востока приняты специальные программы развития биоэнергетики⁶. В этих условиях повышательная динамика цен на сельскохозяйственное сырье, прогнозируемая ЭСКАТО на ближайшую перспективу⁷, вызовет к жизни лавинообразный рост активности ТНК в агропромышленном секторе стран Востока.

Особенностью проникновения иностранного капитала в аграрную сферу в современный период является тенденция концентрации деятельности ТНК на оси Юг-Юг. Так, из стран-доноров по объему накопленных в сельском хозяйстве развивающихся стран иностранных инвестиций третье место в мире занимает Китай (1,2 млрд. долл.), следуя с небольшим отставанием за США (1,6 млрд. долл.) и Канадой (1,4 млрд. долл.). Четвертое и седьмое место делят Япония (0,6 млрд. долл.) и Республика Корея (0,2 млрд. долл.) (см. рис. 2).

Рисунок 2
10 ведущих стран-доноров ПИИ в сельское хозяйство (накопленные ПИИ, 2007), млн. долл.

Источник: WIR2009.C.118.

Китай, выступая инициатором интеграционных соглашений по сельскому хозяйству в рамках ШОС, АТЭС, БРИКС, быстрыми темпами наращивает инвестиции в аграрное производство ряда стран Востока. В сферу его интересов попали Киргизия, Казахстан, Россия, Вьетнам, Камбоджа, Лаос. Китай как донор ПИИ начал свою деятельность с середины 1990-х годов, но наибольшую активность приобрел во второй половине 2000-х годов, в эти годы ежегодный темп прироста вывезенных накопленных ПИИ не падал ниже 25% (уровень 2011 г.). Необходимо подчеркнуть, что повышательная волна экспансии китайского транснационального капитала, которая практически не была затронута финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг., еще отнюдь не

⁶ Акимов А. Биотопливо или углеводороды // Международная жизнь. АТЭС Россия 2012. М., 2012. С. 157–172.

⁷ Economic and Social Survey of Asia and the Pacific 2012. Pursuing shared prosperity in an era of turbulence and high commodity prices. UN ESCAP. 2012.

достигла максимума и в ближайшие годы будет двигаться вверх. Причем эффективная поддержка государства международным инвестиционным планом китайских фирм, оказываемая в русле стратегии «Идти во вне», придает этому процессу существенное ускорение.

Япония, которая занимает четвертое место как донор ПИИ в сельское хозяйство, также начинает увеличивать вывоз капитала в данную сферу Востока. Это связано с сокращением традиционных отраслей аграрного производства в самой Японии, уменьшением государственной поддержки их производителей и потребностью в новых видах продовольственных продуктов, производство которых невозможно в Японии из-за ограниченности ресурсов. Так, количество фермерских хозяйств с начала 2000-х годов сокращалось со средней скоростью 4–5% в год, а обрабатываемая площадь — 1% в год. Если в 2000 г. закупочные цены для рисопроизводителей были более чем в 7 раз выше мировых, то в 2010 г. — менее чем в 3 раза, т.е. в то время как мировые цены на рис за десятилетие 2000-х годов выросли в два с половиной раза, закупочная цена риса в Японии практически не изменилась⁸. Поддержка государства сместилась в сторону животноводческой отрасли (закупочные цены на мясо в 10 раз превышают мировые). Эти тенденции вызвали к жизни ситуацию, когда под управлением и контролем японских ТНК сельскохозяйственные производители стран Юго-Восточной Азии выращивают специальные продукты, которые впоследствии экспортируются в Японию (например, специальные сорта риса ТНК Японии выращивают в Камбодже и Лаосе в долине реки Меконг).

Политике привлечения в аграрный сектор иностранных инвестиций активно следуют правительства стран бывшего социалистического лагеря — Вьетнама, Камбоджи, Лаоса.

Готовы принимать иностранные инвестиции в сельское хозяйство Киргизия, Монголия, Мьянма. Дальневосточный регион России также обладает большой абсорбирующей способностью для вложения иностранного капитала в агропромышленный комплекс. Все перечисленные аспекты приведут к усилению внутрирегиональных межфирменных отношений.

Среди стран-реципиентов ПИИ в сельском хозяйстве первое место занимает Китай, на втором месте Малайзия (исторически привлекавшая большие объемы иностранного капитала в плантационную отрасль сельского хозяйства) и на третьем — Россия (см. табл. 1).

В сельское хозяйство Китая иностранные инвестиции стали поступать с 1998 г., ежегодный их приток изменялся от 600 млн. долл. до 1,2 млрд. долл. (см. рис. 3), что позволило к 2007 г. увеличить объем накопленных ПИИ до более чем 6 млрд. долл., а к 2008 г. — 7 млрд. долл. С использованием иностран-

⁸ FAOSTAT-Agriculture // <http://faostat.fao.org>; UNCTAD Database // www.unctadstat.unctad.org/

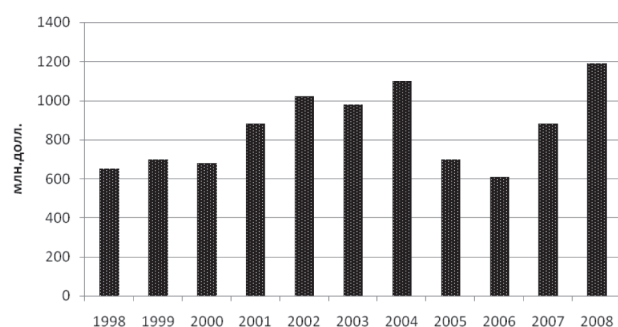
ного капитала в сельском хозяйстве Китая создается 18,6% добавленной стоимости, хотя относительная доля ПИИ, приходящаяся на аграрный сектор не столь велика — всего 1% (см. табл. 2, табл. 3). Особенностью распространения деятельности ТНК в сельском хозяйстве Китая являются государственные планы по привлечению иностранного капитала в заранее определенные области, например в разработку новых технологий, оборудования, управленческих методов, создание принципиально новых сельскохозяйственных продуктов, пищевую индустрию. Результатом внедрения новых технологий стало выращивание суходольного риса на площади свыше 13 млн. га в 10 провинциях Китая. Значительное место в агробизнесе Китая играют японские ТНК, такие как «Satake» (производство оборудования для возделывания риса), «Mitsui» (организация контрактного фарминга в рисопроизводстве). В настоящее время в Китае имеются большие планы по привлечению иностранного капитала — преимущественно в разработку новейших технологий выращивания сахара, фруктов, зеленых кормов, получение органических удобрений из альтернативных источников, создание генномодифицированных сортов многолетних деревьев (масличной пальмы, сырье которой является самым эффективным источником производства биодизельного топлива, продуктов лакокрасочной промышленности). Таким образом, можно ожидать еще более мощного притока ПИИ в сельское хозяйство Китая, причем из таких стран, как Малайзия, Япония, Индонезия.

Таблица 1
ПИИ в сельском хозяйстве, млн. долл.

Страна-реципиент	Поток ПИИ (ср. 2005–2007)	Страна-реципиент	Накопленные ПИИ (2007)
Китай	747,0	Китай	6156,2
Малайзия	671,2	Вьетнам	1753,1
Россия	187,7	Индонезия	1001,4
Индонезия	119,6	Россия	953,0
Камбоджа	87,0	Республика Корея	400,5
Вьетнам	51,4	Камбоджа	318,7

Источник: WIR 2009. С. 117.

Рисунок 3
Поток ПИИ в сельское хозяйство Китая

Источник: WIR 2009. С. 137.

Сельское хозяйство как реципиент ПИИ занимает существенное место в национальной экономике в Малайзии, Камбодже, Лаосе, Вьетнаме. Так, в Малайзии, где иностранный капитал исторически был широко представлен в плантационном хозяйстве, 11% всех национальных ПИИ направляется в сельское хозяйство, и именно иностранные инвестиции составляют почти 22% всех капиталовложений в данный сектор экономики страны (ср. табл. 2, табл. 3). В Камбодже, Лаосе, Вьетнаме — странах, в которых широкое привлечение иностранного капитала в сельское хозяйство началось с 90-х годов XX века, ТНК играют значительную роль в рисопроизводстве. В Камбодже 15% всех национальных ПИИ аккумулированы в сельском хозяйстве и на них приходится почти 20% всех капиталовложений в аграрную отрасль. Во Вьетнаме, который на несколько лет ранее стал привлекать иностранный капитал в национальную экономику, сфера вложения ПИИ более диверсифицирована — на сельское хозяйство приходится всего 3% всех ПИИ в страну. Государственная политика в этих странах направлена на стимулирование иностранных инвестиций в сельское хозяйство, в первую очередь в отрасль рисоводства, а также выращивание хлопка, сахарного тростника, масличных культур. В этих странах наблюдается значительное присутствие ТНК из Таиланда (во Вьетнаме), Китая, Японии (в Камбодже и Лаосе). Благодаря новым формам управления и организации в рисоводстве производство риса во Вьетнаме за 1990–2010 гг. увеличилось в два раза, и страна вышла на второе место после Таиланда по экспорту хлопка — в 2010 г. экспорт хлопка достиг 6,9 млн. т против 8,9 млн. т в Таиланде. Можно предположить, что это направление деятельности азиатских ТНК в странах Востока будет набирать обороты и капиталовложения в сельское хозяйство стран бывшего социалистического лагеря будут увеличиваться.

Таблица 2
Доля ежегодных ПИИ в валовых отраслевых инвестициях, доля накопленных ПИИ в ВВП, %

Принимающая страна	Доля потока ПИИ в валовых отраслевых инвестициях		Доля накопленных ПИИ в ВВП	
	Сельское хозяйство (ср. 2005–2007)	Вся экономика (2007)	Сельское хозяйство (2007)	Вся экономика (2007)
Малайзия	21,9 %	20,6 %	—	29,7 %
Камбоджа	19,1 %	51,9 %	—	44,2 %
Лаос	5,7 %	19,6 %	—	28,3 %
Вьетнам	1,5 %	25,5 %	17,6 %	56,6 %
Китай	0,5 %	6,0 %	18,6 %	9,7 %
Россия	0,3 %	12,4 %	1,5 %	28,6 %

Источник: WIR 2009. С. 135.

Сектор плантационного хозяйства стран Востока — отрасль, где ТНК исторически имели большие активы. Аграрные реформы 1960–1970-х годов и национализация плантаций в странах Юго-Восточной Азии привели к сокращению доли иностранного капитала в этой отрасли сельского хозяйства. Но с конца 70-х годов, когда в большинстве стран Юго-Восточной Азии начался откат процессов национализации, транснациональный капитал вернулся в плантационное хозяйство, но теперь он в значительной своей части имел азиатские корни. Ведущие ТНК, действующие в секторе плантационного хозяйства, в настоящее время имеют штаб-квартиры в Малайзии, Таиланде, Индонезии, США, Шри-Ланке. В связи с тем, что биотехнологическая революция позволила создать огромное число принципиально новых товаров химической, фармацевтической, энергетической промышленности из продуктов плантационного хозяйства, правомерно ожидать увеличения иностранных инвестиций в данный сектор сельского хозяйства стран Востока как традиционно развивающихся это направление — Малайзия, Индонезия, Филиппины, так и новых — Китай, Вьетнам.

Таблица 3
Удельный вес ПИИ в сельское хозяйство
во всем объеме ПИИ в экономику страны, %

Страна-реципиент	Приток ПИИ	Страна-реципиент	Накопленные ПИИ
Камбоджа	15%	Камбоджа	16%
Малайзия	11%	Вьетнам	6,5 %
Индонезия	5 %	Китай	2 %
Вьетнам	3 %	Республика Корея	1 %
Китай	1 %	Филиппины	0,3 %
Россия	0,5 %	Россия	0,5 %

Источник: WIR 2009. С. 113.

Рассмотрим сложившиеся к настоящему времени формы участия ТНК в сельском хозяйстве. Комиссия ЮНКТАД выделяет пять основных форм участия ТНК в аграрном воспроизводственном процессе:

- прямые иностранные инвестиции в сельскохозяйственное производство — владение активами, включая или не включая собственность на землю;
- контрактный фарминг (неакционерная форма участия ТНК в сельском хозяйстве);
- управленческий контракт (различные формы передачи технологий, знаний, НИОКР);
- стандартизация и спецификация при закупках продукции, отслеживание качества и безопасности сельскохозяйственной продукции;
- торговля, хранение, переработка (на основе рыночных отношений).

В сельском хозяйстве стран Востока, представленном главным образом мелкими и мельчайшими хозяйствами, особое внимание уделяется такой форме участия ТНК, как контрактный фарминг. Он

выступает альтернативой ПИИ в непосредственное сельскохозяйственное производство. Широко распространенный с 70-х годов XX века контрактный фарминг в настоящее время проявляется в новых формах. Представим основные его модели⁹.

«Централизованная модель» — это классический тип контрактного фарминга, при котором ТНК напрямую закупает продукцию у большого числа независимых мелких производителей. Здесь имеет место вертикальная координация, которая подразумевает, что качество продукта и его количество строго оговорено до начала периода сельскохозяйственных работ. Такая модель охватывает производство и сбыт сельскохозяйственных продуктов, которым для создания потребительских свойств требуется дополнительная обработка (например, сахарный тростник, чай, кофе).

«Модель центрального ядра» предполагает, что ТНК не только покупает продукцию у независимых производителей, но имеет собственное хозяйство (так называемую центральную плантацию). Собственное хозяйство может использоваться как для производства продукта, так и для выращивания посадочного материала и научных целей. Но наиболее часто производство продукта сосредоточено в мелких хозяйствах, а центральная плантация обеспечивает их семенами, удобрениями, технической помощью. Это гарантирует ТНК требуемый стандарт продукции, а производителям заранее оговоренный процент закупочной цены. Такой тип контрактного фарминга применяется при выращивании многолетних культур.

В модели, названной «многосторонней», покупателем выступает совместное объединение, образованное предприятием государственной формы собственности и ТНК. Условием существования совместных предприятий является доступ к кредитным ресурсам, средствам производства, широкомасштабное сервисное обслуживание. Такие объединения появились в странах Востока в рамках процесса либерализации деятельности ТНК, в частности они распространены в рисопроизводящих отраслях Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, которые остро нуждаются в государственной поддержке.

«Неформальная модель» характеризуется существованием мелких закупочных компаний, имеющих контрактные отношения с фермерами на сезонной основе. Возможности такого типа контрактного фарминга зависят от инфраструктурной поддержки государством, а основное применение данная модель находит в секторах овощеводства и плодоводства.

«Посредническая модель» включает дополнительное звено — посредника-скупщика, действующего между ТНК и сельскохозяйственным производителем. В такой модели нет связи между крупным трейдером и производителем, поэтому вертикальная ко-

⁹ World Investment Report 2009. Transnational Corporations, Agricultural Production and Development. С. 119.

ординация, соответствующий контроль над качеством продукта, закупочными ценами отсутствует.

Агропромышленный комплекс представлен тремя сферами:

I — предпроизводственная сфера — включает отрасли, производящие средства производства для сельского хозяйства: сельскохозяйственное машиностроение, производство семян, минеральных удобрений, кормов, сельское производственное строительство, микробиологическая промышленность;

II — сфера непосредственного производства сельскохозяйственной продукции: земледелие, животноводство, лесное хозяйство, рыболовство;

III — постпроизводственная сфера — отрасли, обеспечивающие заготовку, хранение, транспортировку, реализацию и переработку сельскохозяйственного сырья, например пищевая, отрасли легкой, химической, фармацевтической промышленности (см. рис. 1).

Рисунок 4

ТНК в трех сферах агропромышленного комплекса стран Востока

Источник: WIR 2009. С. 107.

В современный период произошла дифференциация деятельности ТНК различных стран мира в определенных секторах сельского хозяйства. Причем можно выявить некоторые общие черты такой дифференциации — крупные ТНК западных стран сосредоточили свою деятельность на первой и третьей сфере агропромышленного комплекса, снизив свое участие в непосредственном процессе сельскохозяйственного производства, т.е. в АПК-II. В то же время ТНК азиатских стран в значительной части ведут деятельность в сфере непосредственного аграрного производства. Так, из десяти ведущих по размеру иностранных активов компаний в сфере АПК-II сосредоточены семь ТНК Азии, а в сфере АПК-I — только одна японская компания (см. табл. 4).

Внедрение ТНК в сферу АПК-I включает обеспечение производителей семенами, удобрениями, оборудованием, разработку и внедрение новых технологий и материалов. Производство средств производства для сельского хозяйства в современный период сконцентрировано в собственности ТНК западных стран. Ведущими ТНК выступают компании из Германии и США (см. табл. 4).

Вложения в сферу АПК-II предполагает ПИИ в активы сельскохозяйственных предприятий (ТНК выступают либо владельцами земельных участков, либо их арендаторами), и в этой области в основном организовано сотрудничество по оси Юг-Юг. В десятке ведущих мировых корпораций четыре ТНК из Малайзии, одна — из Таиланда, одна — из Шри-Ланки и одна — из Индонезии (см. табл. 4).

В сфере АПК-III функционирует большее число ТНК, чем в других сферах АПК, основными областями вложения иностранного капитала является пищевая промышленность, торговля, хранение, транспортировка и переработка сельскохозяйственного сырья. Приоритет в этой области принадлежит европейским и американским ТНК, штаб-квартиры ведущих компаний базируются в Швейцарии, США, Германии, Великобритании, и только две компании из 30 перечисленных имеют центры в Гонконге и одна в Японии (см. табл. 4).

Тенденция к сокращению участия ТНК в процессе непосредственного аграрного производства и концентрации в смежных отраслях экономики, которые начали формироваться с рубежа 70–80-х годов, к настоящему времени проявляются все более выпукло. Особенность информационного этапа производительных сил в сельском хозяйстве состоит в том, что вся сфера АПК-I, которая включает производство средств производства, разработку научных знаний в виде новых сортов семян, новых технологий возделывания культур, уникальных систем орошения и др., практически полностью выносятся из национальной экономики и монополизируется ТНК¹⁰. В будущем это приведет к резкому усилению зависимости мелких сельскохозяйственных производителей от деятельности крупных европейских и американских ТНК и, как следствие, к увеличению присутствия иностранного капитала в агробизнесе стран Востока.

Вместе с тем пойдет наверх динамика внутрирегиональных потоков ПИИ в сельскохозяйственное производство, будут появляться новые ТНК (хотя и не такие крупные, как «SimeDarby» из Малайзии) из Китая, Японии, Таиланда, Индонезии и, вероятно, Вьетнама. Те же крупные ТНК азиатского мира, которые уже сформировались (см. табл. 5), увеличат свое присутствие в соседних странах.

Таким образом, два направления развития мирового хозяйства — глобализация и регионализация — будут в ближайшей перспективе проявляться все более отчетливо. Будут увеличиваться потоки иностранного капитала в сельское хозяйство стран Востока, но еще с большей скоростью будет возрастать внутрирегиональная деятельность транснациональных корпораций Азии.

¹⁰ Подробнее см.: Пузь В.И., Растяников В.Г. Транснациональные корпорации и продовольственное обеспечение в странах Востока // Восток: продовольствие и развитие. Отв. ред. В.Г. Растяников. М., 1986. С. 142–162.

Таблица 4

**10 ведущих ТНК в агропромышленном комплексе стран Востока
(по размеру иностранных активов в 2007 г.)**

№	Инвестиции в аграрное производство АПК-II	Производство средств производства АПК-I	Пищевая промышленность АПК-III	Торговля АПК-III	Торговля (Компании в личной собственности) АПК-III
1	«Sime Darby» Малайзия	«BASF AG» Германия	«Nestle SA» Швейцария	«Wal-Mart» США	«Cargill» США
2	«Dole Food» США	«Bayer AG» Германия	«Inbev SA» Великобритания	«Metro AG» Германия	«Mars» США
3	«Fresh Del Monte» США	«Dow Chemical» США	«Kraft Foods» США	«Tesco PLC» Великобритания	«Lactalis» Франция
4	«Charoen Pokhand» Таиланд	«Deere & Co» США	«Unilever» Великобритания	«McDonalds» США	«Suntory Ltd.» Япония
5	«Chiquita» США	«El DU Pont» США	«Coca-Cola» США	«Delhaize Group»	«Dr Oetker» США
6	«Kuala Lumpur Kerong» Малайзия	«Syngenta AG» Швейцария	«SAB Miller» Великобритания	«Carrefour SA» Франция	«Louis Dreyfus» Франция
7	«Kulim» Малайзия	«Yara International» Норвегия	«Pernod Ricard SA» Франция	«Sodexo» Франция	«Barilla» Италия
8	«PPV Group» Малайзия	«Monsanto» США	«Pepsico» США	«Compass Group PLC» Великобритания	«Ferrero» Италия
9	«Carsons Cumberbatch» Шри-Ланка	«Potash Corp. Of Saskatchewan» Канада	«Cadbury PLC» Великобритания	«China Resources» Гонконг, Китай	«Keystone Food» США
10	«TSH Resources Bhd.» Малайзия	«Kubota Corp.» Япония	«Bunge Limited» США	«Dairy Farm» Гонконг, Китай	«McChain Foods» Канада

Источник: WIR 2009. С. 124.

Таблица 5

Пять крупнейших ТНК Азии в агропромышленном комплексе (2007 г.)

	Название ТНК	Иностранные активы, млн. долл.	Все активы, млн. долл.	Доля иностранных активов во всех активах	Отрасли вложения ПИИ
АПК-II					
1	«Sime Darby» Малайзия	4695	10879	43%	Плантации масличной пальмы, каучука, производство пальмового масла, химическая промышленность
2	«Charoen Pokhand» Таиланд	1022	3012	34%	Производство кормов, животноводство, рыбоводство, пищевая промышленность
3	«Kuala Lumpur Kerong» Малайзия	760	2052	37%	Плантации масличной пальмы, каучука, производство пальмового масла, розничная торговля
4	«Kulim» Малайзия	493	1677	30%	Плантации масличной пальмы, каучука, производство пальмового масла, химическая промышленность
5	«PPV Group» Малайзия	171	3623	5%	Мукомольное производство, закупки, хранение
АПК-III					
1	«Kirin Holding Company» Япония	10044	21797	46%	Пищевая промышленность, научные разработки
2	«China Resources» Гонконг, Китай	6137	7779	79%	Розничная торговля, супермаркеты, пивоваренная компания
3	«Wilmar International» Сингапур	5765	10414	55%	Закупки, хранение, производство пальмового масла, сахара, кормов
4	«Fraser & Neave» Сингапур	4699	8927	53%	Производство продуктов питания и напитков
5	«Dairy Farm» Гонконг, Китай	1425	2289	62%	Розничная торговля, супермаркеты

Источник: WIR 2009. С. 239–242.

Ю.А. Макеев

Рынок акций КНР — итоги 2012 г. и перспективы на 2013 г.

В 2012 г. на китайском рынке акций продолжилось снижение. По итогам первых трех кварталов основной индекс фондового рынка KHP Shanghai composite снизился на 5.2%, достигнув уровня 2086.17 пунктов. Таким образом, темпы снижения по сравнению с предыдущим годом, когда индекс потерял 21.7%, существенно замедлились. В то же время высокий уровень волатильности, отмечавшийся на китайском рынке акций в 2011 г., в текущем году вновь проявился. Разница между максимумом и минимумом, зарегистрированным в течение первых трех кварталов составила, по индексу Shanghai composite 23.8%.

Начало года на китайском фондовом рынке ознаменовалось заметным ростом котировок акций. Действия мировых центральных банков, предпринятые с тем, чтобы сдержать распространение кредитного кризиса в Европе вместе с появившимися признаками наметившегося улучшения состояния мировой экономики, повысили склонность инвесторов вкладывать средства в рискованные активы. В результате месячный рост рынков акций стран с развивающейся экономикой по итогам января оказался близок к рекордному за последние десять лет. По итогам января индекс Shanghai composite прибавил 4.2%. В январе китайский рынок акций продемонстрировал отстающую динамику в сравнении с рынками большинства других стран с развивающейся экономикой.

В феврале темпы роста рынка акций КНР ускорились, компенсируя тем самым отставание предыдущего месяца. Под влиянием позитивного внешнего фона участники китайского рынка поверили в сценарий «мягкой посадки» экономики КНР. Оптимистичный настрой инвесторов позволил к концу февраля достичь уровня 2478.38 пунктов по индексу Shanghai composite. Даная отметка стала максимальной достигнутой рынком в январе–ноябре 2012 г.

В марте настроения инвесторов существенно ухудшились. Снижение властями КНР прогноза роста ВВП с 8.0 до 7.5% на фоне сохранения достаточно высокого инфляционного давления и продолжающегося ухудшения конъюнктуры рынка недвижимости оказали негативное воздействие на котировки акций. Наихудшая динамика при этом наблюдалась по котировкам акций компаний сектора недвижимости. Макроэкономические данные свидетельствовали о возможном негативном сценарии развития ситуации. Так, темпы выдачи новых кредитов существенно замедлились в марте, хотя на первый квартал традиционно приходится около 40% всех выданных в течение года кредитов. Действия Народного Банка Китая (НБК), снизившего норматив обязательных резервов для крупнейших банков, не смогли успо-

коить инвесторов, ожидавших более решительных действий по смягчению кредитно-денежной политики и стимулированию экономической активности. Данные о сохранении инфляционного давления (под воздействием повышения цен на топливо и тарифов на электроэнергию индекс потребительских цен превысил в первом квартале 3% в годовом исчислении) не давали надежду на снижение процентных ставок НБК в будущем. Тем не менее, первый квартал рынок акций Китая завершил с положительным результатом, повысившись на 2.9%.

Во втором квартале на мировых финансовых рынках усилились опасения по поводу обострения кризиса в еврозоне. Обеспокоенность инвесторов в связи с возможным выходом Греции из еврозоны, напряженная ситуация с исполнением бюджета Испании оказывали негативное воздействие на мировые финансовые рынки. Однако китайскому рынку акций по итогам второго квартала удалось удержаться на ранее достигнутых уровнях. Снижение индекса Shanghai composite по итогам квартала составило всего 1.7%. В то же время снижение основных мировых фондовых индексов было значительно более существенным. Устойчивость китайского рынка объяснялась действиями НБК, неожиданно снизившим в июне ключевые ставки на 25 базисных пункта.

Впервые с кризиса 2008–2009 гг. НБК пошел на снижение ставок с тем, чтобы подстегнуть замедляющийся рост экономики. Ставка по банковским кредитам на один год была снижена до 6.31% годовых, депозитная ставка — до 3.25%. Ранее ожидалось, что НБК в 2012 г. не будет снижать ставки, а вместо этого сократит норматив обязательных резервов для банков, стимулируя их тем самым к увеличению кредитования. С ноября 2011 г. НБК снизил норматив обязательных резервов для крупнейших банков на 150 базисных пунктов до 21.5%.

Действия НБК были обусловлены данными о дальнейшем замедлении темпов роста ВВП в IV квартале 2011 г. и информацией о замедлении темпов роста промышленного производства и снижении индексов экономической активности. Нейтрализации негативного воздействия внешнего фона на рынок акций способствовали также данные о снижении инфляционного давления (в конце квартала индекс потребительских цен опустился ниже отметки в 3%), позволившие рассчитывать на дальнейшее смягчение кредитно-денежной политики в будущем.

Третий квартал на фондовом рынке КНР прошел под знаком усиливающихся опасений по поводу замедления китайской экономики. Выходящая макроэкономическая статистика воспринималась инвесторами как свидетельство того, что Китаю не

избежать резкого торможения темпов роста. Ослабление внешнего спроса вместе с недостаточными темпами увеличения внутреннего спроса способствовали снижению экономической активности. В таких условиях денежные власти КНР пошли на очередное смягчение политики. Меньше чем через месяц после первого снижения Народный Банк Китая сократил ставки по кредитам и депозитам, пытаясь поддержать высокие темпы экономического роста.

Ставка по кредитам сроком на 1 год сократилась на 0.31% до 6%, а ставка по годовым депозитам уменьшилась на 0.25% до 3%. Решение вступило в силу с 8 июля. Следует также отметить, что одновременно НБК разрешил банкам выдавать кредиты по ставкам на 30% ниже установленного уровня (ранее показатель составлял 20%). Смягчение кредитно-денежной политики на этот раз не оказало поддержку фондовому рынку. В какой-то мере это было обусловлено тем, что в условиях замедляющейся инфляции реальные процентные ставки остались высокими, несмотря на их номинальное снижение. Еще одним фактором, оказывавшим давление на рынок акций в течение третьего квартала, можно считать приближение XVIII съезда Коммунистической партии Китая, на котором власть должна была перейти к «пятому поколению» китайских руководителей. Неопределенность по поводу смены власти усиливалась коррупционным скандалом в руководстве КПК, во многом в результате которого начало съезда было перенесено на месяц.

По итогам третьего квартала снижение индекса Shanghai composite составило 6.3%. В результате китайский рынок акций оказался в числе аутсайдеров как среди рынков развитых стран, так и рынков с развивающейся экономикой.

В течение 2012 г. власти Китая предприняли ряд действий, которые способствовали дальнейшему развитию рынка акций и должны оказать долговременный позитивный эффект на рыночную конъюнктуру. Среди таких мер следует особо отметить многократное увеличение квоты на покупку акций иностранными инвесторами. Следует отметить, что доступ иностранных инвесторов на внутренний рынок акций в КНР (рынок акций типа «А») по-прежнему ограничен. Впрочем, помимо инвестирования средств в китайские акции в рамках так называемой схемы компетентных иностранных институциональных инвесторов (КИИИ), в текущем году появилась возможность вложения средств в рамках схемы для КИИИ в местной валюте — жэньминьби (юанях).

Напомним, что с 1 декабря 2002 г. иностранные инвесторы получили доступ на внутренний фондовый рынок КНР. Комитет по управлению и контролю за ценными бумагами и Народный Банк Китая разработали специальную схему, регламентирующую возможность приобретения акций типа «А» иностранными инвесторами. Эта схема, хотя и делает возможным доступ нерезидентов на внутренний китайский рынок, тем не менее, предъявляет к ин-

весторам жесткие требования, существенно ограничивающие круг возможных иностранных участников рынка.

Возможность приобретения акций типа «А» предоставляется только так называемым компетентным иностранным институциональным инвесторам. Для получения статуса КИИИ иностранные инвесторы должны получить специальную лицензию и квоту, определяющую предельный размер капитала, который они смогут использовать для работы на китайском рынке ценных бумаг.

Для этого они должны соответствовать определенным критериям. Так, например, иностранным управляющим компаниям (компаниям, осуществляющим доверительное управление активами) необходимо иметь соответствующий опыт работы в течение пяти лет, при этом сумма активов, находящихся в их управлении в последнем отчетном периоде, не должна быть меньше 500 млн. долл.

Помимо акций типа «А», КИИИ могут осуществлять операции с государственными и корпоративными облигациями, прошедшими листинг на биржах КНР, а также другими финансовыми инструментами, перечень которых устанавливается властями КНР. После получения лицензии КИИИ должны открыть юаневый счет в китайском банке, который одновременно будет номинальным держателем приобретаемых нерезидентом ценных бумаг. Проведение операций на фондовом рынке КИИИ разрешается только через китайские инвестиционные компании. Размер участия в капитале китайских компаний для КИИИ строго ограничен — по отдельности они могут владеть не более 10% находящихся в обращении акций эмитента. Доля всех КИИИ не могла ранее превышать 20% акций, выпущенных отдельной компанией. Также совокупная доля участия КИИИ в капитале компаний не должна превышать установленных для нерезидентов квот на участие в отдельных отраслях. Ввиду отсутствия конвертируемости жэньминьби по капитальным операциям — инвестирование капитала и его репатриация КИИИ строго регламентируются.

В декабре 2007 г. Госсовет КНР принял решение об увеличении квоты для КИИИ с 10 млрд. долл. до 30 млрд. долл. Решение было принято в связи с тем, что прежняя квота была практически исчерпана. К ноябрю 2010 г. 100 иностранным инвесторам был присвоен статус КИИИ, их совокупная квота при этом составляла около 18.9 млрд. долл.

В апреле 2012 г. Госсовет КНР увеличил квоту по программе КИИИ до 80 млрд. долл. При этом, по заявлению главы Комитета по управлению и контролю за ценными бумагами Го Шукина, существует договоренность с регулирующими органами о дальнейшем увеличении квоты в случае, если она будет исчерпана. По словам Го Шукина, максимальная квота на одного иностранного инвестора будет вскоре повышена с текущего лимита в 1 млрд. долл. вплоть до

5 млрд. долл.¹ В июле Комитет по управлению и контролю за ценными бумагами значительно смягчил правила работы КИИИ, снизив требования к претендентам на получение квоты (в частности, были снижены требования по размеру активов, находящихся под управлением с 5 млрд. долл. до 500 млн. долл.) и увеличив долю возможного владения в капитале одной компании до 30%. Одновременно была значительно активизирована и ускорена работа по одобрению квот для претендентов на получение статуса КИИИ. За первые девять месяцев 2012 г. были одобрены квоты для 72 иностранных институциональных инвесторов в общем размере 9.18 млрд. долл. Общий размер утвержденных квот при этом достиг 30.8 млрд. долл. Роль иностранных инвесторов на китайском рынке акций пока невелика. Размер утвержденной квоты по программе КИИИ составляет около 1.1% от рыночной стоимости обращающихся акций. Тем не менее, в текущих условиях приток свежих средств иностранных инвесторов в рамках недавно утвержденных квот может оказать существенную поддержку рынку, учитывая возможное дальнейшее ускорение процесса утверждения новых квот и вероятное увеличение ранее утвержденных лимитов. Поддержку рынку также должно оказать решение о разрешении провинциальным пенсионным фондам вкладывать средства в биржевые акции.

Важную роль на рынке акций КНР вскоре, видимо, начнут играть иностранные инвесторы, работающие по схеме для компетентных институциональных иностранных инвесторов в жэньминьби (КИИИЖ). В декабре 2011 г. Комитет по управлению и контролю за ценными бумагами, Народный Банк Китая и Государственное управление валютного контроля опубликовали совместное постановление, которое определило порядок доступа иностранных инвесторов, осуществляющих инвестирования средств в жэньминьби, которые были привлечены в оффшорных центрах (преимущественно в Гонконге) посредством схемы для компетентных институциональных иностранных инвесторов. Определенным иностранным управляющим и инвестиционным компаниям было предоставлено право через дочерние компании в Гонконге привлечь оффшорные средства в юанях и инвестировать их в дальнейшем на внутреннем фондовом рынке КНР в рамках установленных квот. Первоначально размер совокупной квоты в рамках схемы КИИИЖ был установлен в размере 20 млрд. юаней. Уже в апреле 2012 г. квота была увеличена до 70 млрд. юаней. Ожидается, что до конца текущего года квота возрастет еще на 200 млрд. юаней. Создание и внедрение схемы КИИИЖ будет способствовать дальнейшему открытию китайского фондового рынка и интернационализации жэньминьби, а также увеличит приток свежих средств на фондовый рынок со стороны иностранных инвесторов.

¹ <http://www.xinhua.org> 2012/11/12/

Плохая рыночная конъюнктура определила значительное снижение активности на первичном рынке акций. По итогам первого полугодия объем IPO (первичное размещение акций) на китайских биржах составил всего 77.5 млрд. юаней, сократившись по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 58%. Количество сделок на первичном рынке также резко упало, снизившись со 176 до 104. В 2011 г. объем привлеченных на первичном рынке акций средств составил 552 млрд. юаней (показатель снизился на 415 млрд. юаней, или на 42% по сравнению с 2010 г.). Продолжающееся второй год подряд резкое снижение объемов первичного размещения акций может в будущем воспрепятствовать притоку средств инвесторов на вторичный рынок. Значительное число эмитентов были вынуждены отложить размещение акций в неблагоприятных условиях. По мере улучшения рыночной конъюнктуры данные эмитенты активизируют проведение IPO, отвлекая тем самым ликвидность с вторичного рынка, что, в свою очередь, будет препятствовать росту китайских фондовых индексов. Негативное влияние на рыночную конъюнктуру оказывает также включение в биржевой оборот акций, ранее являвшихся неторгуемыми. В октябре на Шанхайской и Шэньчжэньской биржах было продано 320 млн. акций (на 79% больше, чем в сентябре), переведенных ранее из категории неторгуемых.

Основные показатели рынка акций КНР

	2007	2008	2009	2010	2011	9 мес. 2012
Количество компаний, прошедших листинг	1550	1625	1718	2063	2342	2489
Совокупная капитализация (млрд. юаней)	32174	12137	24394	26422	21475	21394
Капитализация акций, находящихся в свободном обращении (млрд. юаней)	9306	4521	15126	19311	16492	16570
Среднее P/E Шанхайская фондовая биржа	59.24	14.86	28.73	21.61	13.40	11.25
Среднее P/E Шэньчжэньская фондовая биржа	72.11	17.13	46.01	44.69	23.11	21.12

Источник: <http://www.csfc.gov.cn>

В результате длительного снижения котировок уровень оценки стоимости китайских акций опустился до минимальных исторических уровней. Среднее значение показателя P/E² для акций, торгуемых на Шанхайской фондовой бирже, опустилось, по данным на конец октября, до уровня 11.25,

² Коэффициент «цена/прибыль» (Price to Earnings, P/E) — финансовый показатель, равный отношению рыночной стоимости всех акций компании к годовой чистой прибыли.

для акций на Шэньчжэньской фондовой бирже — до 21.12. Снижение показателей с начала года составило соответственно 16.0% и 9.9%. По сравнению с 2007 г. показатели снизились соответственно на 81.0% и 70.7%. Более высокая оценка акций на Шэньчжэньской фондовой бирже объясняется тем, что на ней торгуются акции быстрорастущих высокотехнологических компаний. Соотношение рыночной капитализации акций к ВВП также продолжает снижаться. На конец сентября значение показателя опустилось до отметки около 40% в годовом исчислении. Максимальное значение показателя было достигнуто в 2007 г., когда соотношение рыночной капитализации акций/ВВП достигло 131.1%. По итогам 2011 г. показатель составил 45.54%. Снижение оценочной стоимости китайских акций отражает рост опасений по поводу возможного существенного замедления темпов роста экономики КНР, а соответственно и снижения темпов роста прибыли китайских корпораций.

В настоящее время акции китайских эмитентов стали одними из наиболее недооцененных по сравнению с акциями на всех других рынках развивающихся стран. В результате, по оценкам «Тройка Диалог», рассчитываемая на основе модели Гордона премия за риск³ составляет, по данным на начало сентября, 9.82%⁴. Данный показатель больше, чем в любой другой развивающейся стране, за исключением России, Пакистана и Индонезии, премия за риск в которых составляет соответственно 9.98, 11.36 и 13.04%. Для сравнения премия за риск для акций Бразилии, Индии и ЮАР составляет соответственно 5.49, 7.07 и 5.14%.

Опубликованная в первой половине четвертого квартала статистика позволяет надеяться на благоприятный для рынка акций сценарий развития китайской экономики в 2013 г. В третьем квартале 2012 г. темп роста ВВП КНР замедлился до 7.4% по сравнению с 7.6% в предыдущем квартале и 8.1% — в первом квартале. Замедление темпов роста китайской экономики было отмечено седьмой квартал подряд. В то же время, по данным за октябрь, темпы промышленного роста ускорились до 9.6% в годовом исчислении по сравнению с 9.2% в сентябре, рост месячного производства (от месяца к месяцу) достиг в октябре 0.8%. Рост объема инвестированных в основные фонды средств за первые 10 месяцев составил 20.7%. При этом в октябре 2012 г. инвестиции увеличились на 22.2% по сравнению с тем же месяцем предыдущего года. Значение пока-

зателя оказалось максимальным за предыдущие 11 месяцев. Рост совокупного объема планируемых инвестиций в рамках начатых новых инвестпроектов ускорился в октябре до 35.2% по сравнению с 31.2% в сентябре, свидетельствуя об увеличении инвестиционной активности в основные фонды. Темпы роста розничных продаж и продаж недвижимости в октябре также продемонстрировали ускорение. Вышедшие данные свидетельствуют о том, что предпринятые денежными властями во втором квартале стимулирующие меры начали оказывать стабилизирующее воздействие на экономику. По данным Отчета о денежно-кредитной политике Народного Банка Китая за третий квартал, средневзвешенная ставка кредитования в сентябре составила 6.97%, снизившись с 7.6% в первом квартале⁵. Необходимо также отметить, что инфляционное давление продолжает ослабевать. В октябре рост уровня потребительских цен замедлился до 1.7% в годовом исчислении (по итогам 2011 г. показатель составил 5.4%). Замедление инфляции создает условия для дальнейшего смягчения кредитно-денежной политики в будущем. Таким образом, можно надеяться на то, что тенденция замедления темпов роста китайской экономики будет вскоре сломлена. Однако помимо внутренних макроэкономических данных значительное воздействие на китайский рынок акций продолжит оказывать экономическая ситуация в еврозоне и в США. Вряд ли динамика экономических показателей западных стран в первой половине 2013 г. будет способна оказать позитивное влияние на настроения участников финансовых рынков. В то же время следует отметить, что сам факт стабилизации темпов роста китайской экономики должен оказать благоприятное воздействие на уровень экономической активности в мире. В таких условиях в целом по итогам 2013 г. китайский рынок акций, по всей видимости, продемонстрирует позитивную динамику. Недооцененность рынка акций КНР по сравнению с другими развивающимися рынками в условиях наметившейся стабилизации темпов роста китайской экономики создают условия для притока ликвидности, в том числе и со стороны иностранных инвесторов. Одним из сдерживающих рост рынка факторов будет значительный объем ранее отложенных IPO. По мере улучшения рыночной конъюнктуры следует ожидать активизации процесса первичных размещений акций, которые будут отвлекать средства со вторичного рынка.

³ Рассчитывается по следующей формуле: прогнозируемый долгосрочный рост прибыли на акцию или номинального ВВП плюс дивидендная доходность минус безрисковая ставка доходности.

⁴ Стратегия. Квартальный обзор. Сентябрь 2012 г. ИК «Тройка Диалог», с. 41.

⁵ China Monetary Policy Report, Quarter 3. P. 6.

ОТРАСЛЕВЫЕ ТРЕНДЫ

Н.Ю. Ульченко

Турция: от индустриализации к постиндустриализации — возможности и пределы трансформации

Одна из особенностей модели экономического развития Турции в годы правления Партии справедливости и развития (с 2002 г. по настоящее время) заключалась в продолжении курса на снижение инвестиционной активности государства, а следовательно, в придании более завершенного характера начавшемуся еще в 1980-е годы процессу переноса основного акцента в развитии производства на частный сектор. Удержание на сравнительно низком уровне инвестиционных расходов или даже их некоторое сокращение стало одним из основных способов повышения сбалансированности государственных доходов и расходов. В итоге в 2003 г. государственные инвестиции в основной капитал составляли 7,2% ВВП, а в 2010 г. и 2011 г. — 3,4 и 3,6% ВВП соответственно¹. Но если в 1990-е — начале 2000-х годов сокращение и дальнейшее удержание на сравнительно низком уровне инвестиционных расходов было неизбежным в связи с давлением на бюджет процентных выплат по обслуживанию государственного долга, то успех финансовой стабилизации (в 2003 г. процентные выплаты по госдолгу поглотили 40% суммарных государственных расходов, а в 2011 г. менее 10%)² теоретически позволял правительству возобновить активную инвестиционную деятельность. Именно этого, как будто, и следовало ожидать, исходя из глубоко укоренившихся в экономической политике Турции этатистских традиций. Но в действительности доля инвестиций в суммарных государственных расходах оставалась заметно ниже средних для конца 90-х годов показателей, не говоря уже о 1980-х годах, когда на фоне еще сравнительно невысокого уровня государственной задолженности инвестиционные расходы составляли свыше половины суммарных расходов в системе госфинансов(%):³

1987	1995	1997	1999	2001	2003	2004
59,9	14,6	19,4	15,5	11,2	12,0	13,0

2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
8,8	9,6	9,5	9,8	8,3	10,1	9,7

¹ UCSET. Economic Report 1998. Ankara, 1999, с. 24; TOBB. Ekonomik Rapor 2005. Ankara, 2006, с. 78; TOBB. Ekonomik Rapor 2011. Ankara, 2012, с. 220.

² Подсчитано по: TOBB. Ekonomik Rapor 2011. Ankara, 2012, с. 220.

³ Рассчитано и составлено по: Economic Report 1989. Ankara, 1989, с.187.

Вполне ожидаемо снизилась доля государства и в суммарном объеме инвестиций в национальную экономику с 32% в 2002 г. до 20% к 2011 г.⁴ Выступая на Улудагском экономическом форуме в Бурсе в июне 2012 г., заместитель премьер-министра Турции Али Бабаджан отметил, что экономический рост страны в последние годы стал ростом, опирающимся на частный сектор⁵.

Насколько оправданной оказалась подобная политика, в какой мере она способствовала цели обеспечения устойчивого экономического роста страны, насколько бизнес, занятый в производственной сфере, готов ответить на вызовы, стоящие перед экономикой страны, и в какой форме готова поддержать его власть, словом, каковы итоги и перспективы использования данной модели в дальнейшем?

Прежде всего, следует отметить, что отказ правительства от существенного расширения участия в инвестиционном процессе отнюдь не означал сворачивание промышленной политики, которая продолжала осуществляться как целый ряд мер по приданию динамизма промышленному производству в стране⁶.

Во-первых, следует сказать об обеспеченном властью принципиальном весьма благоприятном для бизнеса изменении макроэкономической ситуации в стране: последовательно проводя меры по сокращению бюджетного дефицита (с 14,6% ВВП в 2002 г. до 1,3% ВВП в 2011 г.) и государственного внутреннего долга (с 85% ВВП в 2002 г. до 28,5% ВВП в 2011 г.), правительство ПСР сумело добиться снижения инфляции в среднегодовом исчислении с 45% в 2002 г. до 6,5% в 2011 г.⁷ В итоге в стране сложилась стабильная с достаточно уверенным позитивным прогнозом развития экономическая обстановка, а значит, существенно улучшились предпосылки для принятия инвестиционных решений.

⁴ TUIK. İstatistik gostergereler 1923–2008. Ankara, 2009, с. 746; TOBB. Ekonomik Rapor 2011. Ankara, 2012, с. 194.

⁵ Capital. Uludağ Ekonomi Zirvesi. Haziran 2012, с. 9.

⁶ На обрабатывающую промышленность Турции приходится свыше 80% промышленного производства страны, что допускает в ряде случаев синонимичное использование понятий «промышленность Турции» и «обрабатывающая промышленность Турции».

⁷ TOBB. Ekonomik Rapor 2003. Ankara, 2004, с. 80; TOBB. Ekonomik Rapor 2011. Ankara, 2012, с. 221, 231, 367; TOBB. Ekonomik Rapor 2005. Ankara, 2006, с. 91, 125.

Во-вторых, годы правления ПСР стали периодом уверенного роста турецкого экспорта, то есть повышения возможностей развития местного производства за счет внешнего рынка. Многие эксперты видят прямую связь между активизацией внешней политики Турции и реализацией ее внешнеэкономических интересов, в рамках которой превращение страны в инициативного внешнеполитического актора сопровождалось закреплением статуса активно торгующего государства (нации). По мнению одного из турецких экспертов, турецкое общество приняло новую внешнеполитическую формулу, которая учитывала экономические реалии, заключающиеся в важности наращивания экспорта⁸. В итоге экспорт страны вырос с 40 млрд. долл. в 2002 г. до 143 млрд. долл. в 2011 г.⁹ Превратив внешнюю политику в инструмент обеспечения внешнеэкономических интересов страны, руководство Турции поставило амбициозную задачу увеличить объем экспорта к 2023 г. до 500 млрд. долл.¹⁰ Правда, следует признать, что успешная реализация такого рода прикладных целей внешней политики нуждается в бесконфликтном, насколько это возможно, региональном, а в идеале — и общемировом пространстве. Приоритет задачи по развитию торговли с зарубежными государствами стал возможным по мере укрепления безопасности Турции после крушения системы биполярного мира. Нынешнее обострение региональной обстановки, и в частности ухудшение отношений с Сирией, опасно для Турции не только политически, но и грозит существенными экономическими потерями из-за дестабилизации и потери рынков стран региона.

В-третьих, ни годы кредитного сотрудничества с МВФ, жестко контролировавшего состояние государственных финансов Турции, ни дальнейшие собственные усилия в сфере поддержания сбалансированного бюджета не привели к структурным сдвигам в налоговой политике страны, которая еще с середины 1980-х годов развивается как политика обеспечения предложения: прямые налоги обеспечивают существенно меньшую часть суммарных налоговых поступлений, чем косвенные (налоги на потребителя). В 2003 г. поступления от косвенных налогов обеспечили 64% общих налоговых поступлений, а в 2011 г. — 68%¹¹. Одним из важных налоговых нововведений ПСР стало снижение ставки корпоративного налога с 30 до 20% при общем упрощении налогового режима для предпринимате-

лей¹². Правительство также согласилось на прогрессивное снижение налоговых льгот в свободных зонах и минимизацию географических, отраслевых и иных льгот на инвестиции в рамках системы так называемых поощрительных сертификатов. В итоге динамика суммарных инвестиций, которые были реализованы на основе их получения, измеренная как изменение объема по сравнению с предыдущим годом, была разнонаправленной¹³ (%):

1997	2003	2004	2005	2006
65,3	65,1	-16,4	10,9	-6,3
2007	2008	2009	2010	2011
15,8	7,2	2,5	82,0	-13,4

В-четвертых, особым вниманием правительства пользовались мелкие и средние предприниматели — представители так называемого зеленого (исламского) капитала, как правило, из глубинных районов Анатолии, преимущественно связанные с внутренним рынком страны или неевропейскими внешними рынками. Этот долгое время забытый сегмент турецкого бизнеса, сделавший ставку на ПСР и обеспечивший ей значимую поддержку, в последние годы был вознагражден ожидаемым вниманием и интересом со стороны власти. Государственная организация по поддержке мелкого и среднего бизнеса (КОСГЕБ) с 2010 г. существенно расширила направления предоставляемой помощи, и что особенно важно — ее объемы: если в 2009 г. они составили около 28 млрд. тур. лир, то в 2010 г. — 48 млрд., а в 2011 г. — 177 млрд.¹⁴ В 2004 г. Совет банков Турции принял решение об обеспечении малого и среднего бизнеса страны краткосрочными кредитами. В 2009 г. изменения в учредительном законе КОСГЕБ открыли возможности для его эффективного использования. В итоге из общего объема помощи, предоставляемой КОСГЕБ для оплаты процентов по используемым кредитам, свыше половины из 900 млн. тур. лир пришлось на 2009–2011 гг., а из общего числа предпринимателей, воспользовавшихся такого рода льготой по кредитам, — около 202 тыс., свыше 80%, прибегли к займам с субсидированными процентами на протяжении этих же трех лет¹⁵.

Наконец, в последние несколько лет развитие производства в Турции было поддержано мерами расширения внутреннего рынка, что вполне отве-

⁸ Ульген С. Место под солнцем или пятнадцать минут славы? Новый внешнеполитический курс Турции. М., 2010. С. 17.

⁹ TOBB. Ekonomik Rapor 2005. Ankara, 2006, с. 107; TOBB. Ekonomik Rapor 2011. Ankara, 2012, с. 265.

¹⁰ Hükümet Programı (Программа 61-го правительства Турции), Ankara, 2011, с. 24. <http://www.basbakanlik.gov.tr/Forms/pgGovProgramme.aspx>

¹¹ Рассчитано по: TOBB. Ekonomik Rapor 2005. Ankara, 2006, с. 77; TOBB. Ekonomik Rapor 2011. Ankara, 2012, с. 219.

¹² Erdilek A. Foreign Direct investments and Turkey's globalization. Turkey's Zaman. Turkey Outlook, 6–7 October 2009. Istanbul, 2009, с. 120.

¹³ Составлено по: TOBB. Ekonomik Rapor 2005. Ankara, 2006, с. 57; TOBB. Ekonomik Rapor 2006 Ankara, 2007, с. 54; TOBB. Ekonomik Rapor 2007. Ankara, 2008, с. 57; TOBB. Ekonomik Rapor 2008. Ankara, 2009, с. 76; TOBB. Ekonomik Rapor 2011. Ankara, 2012, с. 199. TOBB. Ekonomik Rapor 2005. Ankara, 2006, с. 77.

¹⁴ Türkiye Yatırım Danışma Konseyi İlerleme Raporu 2012. Ankara, 2012, с. 74.

¹⁵ Ibid, с. 75.

Таблица 1
Темпы роста промышленности и ее доля в ВВП

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Темпы роста промышленного производства (%)*	2,7	7,8	11,3	8,6	8,3	5,8	1,1	-7,2	13,6	9,4
Доля промышленности в ВВП (%)*	25,1	25,7	26,1	26,2	26,5	26,8	26,8	26,1	27,1	27,2

*В постоянных ценах 1998 г.

Составлено и рассчитано по: TÜİK. İstatistik Göstergeler 1923–2008. Ankara, 2009, с. 697–698; TOBB. Ekonomik Rapor 2011. Ankara, 2012, с. 137.

чает идею поддержки связанного с ним сегмента промышленного бизнеса. Правда, на сей раз такого рода поддержка осуществлялась не за счет использования политики роста бюджетного дефицита, как это было в 1990-е годы, а за счет небывалого роста объемов потребительского кредитования. В 2009 г. объем выданных турецкими банками потребительских кредитов, включая ипотечное кредитование, составил 93 млрд. тур. лир, в 2010 г. — 133 млрд. тур. лир, что соответствовало росту на 36%. В 2011 г. объем потребительских кредитов вновь увеличился почти на треть, достигнув 172 млрд. тур. лир. При этом, если в 2002 г. доля потребительских кредитов в общем объеме банковских кредитов составляла 5%, то в последние годы удерживается на уровне, близком к 25%¹⁶. В определенной мере внутреннее потребление стимулировалось и положением дел в сфере налогообложения: несмотря на доминирующее фискальное значение косвенных налогов, относительные размеры общей налоговой нагрузки оставались достаточно стабильными и невысокими на протяжении всего периода правления ПРС, даже продемонстрировав тенденцию к снижению на несколько процентных пунктов: в 2003 г. налоговая квота составила 23,4% ВВП, а в 2011 г. — 19,6%¹⁷.

Какие же результаты обеспечил этот комплекс мер поддержки? Промышленность страны в начале XXI века росла уверенными темпами, что позволило ей сохранить и даже несколько повысить свою долю в ВВП, составившую в 2011 г. чуть более 27% (см. табл. 1).

Если говорить о составляющих роста, то, во-первых, заметно выросли расходы частного сектора на инвестиции относительно ВВП (%)¹⁸:

2003	2004	2005	2006	2007
11,3	14,2	15,5	18,9	18,4
2008	2009	2010	2011	
16,4	13,2	15,0	18,1	

¹⁶ TCBB. Bankalarımız 2009. Ankara: 2010, с. 1–39; The Banks Association of Turkey. Banks in Turkey 2010. Ankara, 2011, с. 1–39; The Banks Association of Turkey. Banksin Turkey 2011. Ankara, 2012, с. 1–41.

¹⁷ TOBB. Ekonomik Rapor 2005. Ankara, 2006, с. 82; TOBB. Ekonomik Rapor 2011. Ankara, 2012, с. 223.

¹⁸ Составлено по: Ekonomik rapor 2005. Ankara, 2006, с. 24; Ekonomik rapor 2008. Ankara, 2009, с. 35; Ekonomik rapor 2011. Ankara, 2012, с. 141.

Этот рост продолжался до начала первой волны глобального кризиса, затем в 2008–2009 гг. сменился падением, а в 2010–11 гг. инвестиционные расходы частного сектора вновь заметно выросли.

Во-вторых, действительно, свою положительную роль сыграл и рост емкости внутреннего рынка. Так, по оценкам лондонского «Economist Intelligence Unit», в 2010 г. взвешенный вклад валовых инвестиций в итоговый экономический рост составил 5,3%, а частного потребления — 4,9%, притом что экономика выросла на 8%¹⁹.

Особенностью экономического развития в годы правления ПРС следует считать весьма заметный в целом рост численности ежегодно учреждаемых новых компаний различной формы организации (анонимных, с ограниченной ответственностью, коллективных, командитных и пр.)²⁰:

1992	1995	1997	2000	2002	2003	2004
27816	56046	67898	33161	30842	32259	40919
2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
47401	52699	56350	49000	87422	101286	113837

Особенно следует подчеркнуть, что масштабы «компаниеобразования» кратное превосходили те, что имели место даже в благополучные годы периода 1990-х, включенных в выборку. Эти статистические данные подтверждают наличие в экономике страны процессов, о которых один из аналитиков написал: «Политика правительства направила возросшую экономическую энергию предпринимательских прослоек из провинции на повсеместное развитие торговли и рынка, превратив таким образом Турцию в то, что исследователь Кемаль Киришчи назвал торгующим государством»²¹. Наличие схожего процесса подъема «предпринимательского воодушевления» в Турции в последние годы констатируют и западные аналитики, отмечая, что в последние годы Центральная Анатолия стала местом свершения своего рода экономического чуда, в результате

¹⁹ Economist Intelligence Unit. Country Forecast. Turkey. London, April 2011, с. 12.

²⁰ Составлено по: UCCET. Economic Report 1998, с. 47; TOBB. Ekonomik Rapor 2008. Ankara, 2009, с. 64; TOBB. Ekonomik Rapor 2006, Ankara, 2007, с. 45; Ekonomik Rapor 2011, с. 184.

²¹ Özel Waves S., Ways and Historical Turns: Turkey's Strategic Quest// GMF. Analysis. On Turkey Series. Wash., January 30, 2012, с. 3.

которого многие старые торговые городки превратились в промышленные центры, а наступившая эра процветания привела к переоценке прежних ценностей и формированию новых культурных стереотипов, которые включают упорный труд, предпринимательскую инициативу и движение вперед²².

К числу нерешенных проблем в промышленном развитии страны следует отнести остающуюся высокой степень его зависимости от импорта, размеры которого за годы правления выросли с 47 млрд. долл. в 2002 г. до 233 млрд. по итогам 2011 г.²³ Связь этого процесса с потребностями развития национальной промышленности (речь идет о ее обеспечении ввозными инвестиционными и особенно промежуточными товарами) легко обнаружить на основании анализа структуры импорта — максимально лишь около 14% ввоза в последние годы приходится на потребительские товары (см. табл. 2).

Таблица 2

Структура импорта Турции по назначению ввозимых товаров, %

Годы	Инвестиционные товары	Потребительские товары	Сырье и промежуточные товары	Итого
1990	25,9	13,6	60,5	100
2000	20,8	13,7	65,5	100
2003	16,3	11,3	71,7	100
2004	17,8	12,4	69,3	100
2005	17,5	12,0	70,1	100
2006	16,7	11,5	71,4	100
2007	15,9	11,0	72,7	100
2008	13,9	10,6	75,1	100
2009	15,2	13,7	70,6	100
2010	15,5	13,3	70,8	100
2011	15,5	12,3	71,9	100

Составлено и рассчитано по: Economic report 1990. Ankara, 1990, с. 291; Ekonomik rapor 2000. Ankara, 2001, с. 106; Ekonomik rapor 2005. Ankara 2006, с. 98; Ekonomik rapor 2008. Ankara, 2009, с. 124; Ekonomik rapor 2011. Ankara, 2012, с. 251.

Учитывая же меры по оживлению спроса внутреннего рынка, а значит, низкий уровень сбережения национальной экономики (по оценкам заместителя премьер-министра Турции А. Бабаджана, в 2012 г. уровень сбережений национальной экономики составил 12% ВВП, что соответствовало минимальному уровню за весь период республиканского развития)²⁴, высокая инвестиционная активность означала значительную зависимость экономического роста от внешних источников финансирования. Иными словами, рост импорта происходил на фоне

хронической и острой проблемы дефицита внешней торговли и, как следствие, дефицита по счету текущих операций (его значение выросло с 1,5 млрд. долл. в 2002 г. до 77 млрд. в 2011 г.)²⁵. Привязка роста экономики в целом и промышленности в частности к обширному импорту, который в значительной мере оплачивался средствами, привлеченными из-за рубежа, убедительно иллюстрируется сменой вектора основных макроэкономических показателей Турции в условиях глобального кризиса: в 2009 г. при отрицательных темпах роста и спаде в промышленности существенно снизились объемы импорта и дефицит по счету текущих операций платежного баланса. Именно фактор «внешней несбалансированности» до последнего времени оставался решающим для международных агентств, предпочитавших осторожно оценивать кредитный рейтинг Турции. Но в ноябре 2012 г. агентство Fitch Ratings повысило рейтинг Турции с отметки ВВ+ (спекулятивный рейтинг, означающий возможность возникновения кредитных рисков) до ВВВ- (инвестиционный рейтинг, означающий хорошую кредитоспособность, низкие текущие ожидания по кредитным рискам). Поводом для этого стало снижение внешнеторгового дефицита. Тем не менее, следует особо подчеркнуть, что этот, казалось бы, положительный сдвиг ожидается на фоне снижения прогнозируемых темпов роста по итогам 2012 г. до 3%²⁶. Так что основной структурный дисбаланс в промышленном развитии страны остается непреодоленным.

Внимания заслуживает то, что, по всей видимости, мы становимся свидетелями попытки властей кардинально решить данную проблему, а не просто инерционно и не всегда эффективно продолжать поиск дополнительных источников внешнего финансирования. Первый этап такого рода попыток был связан с провозглашенной в начале 1980-х годов Т. Озалам стратегией массивного перехода к экспортоориентированному развитию. Тогда его знаменитый лозунг «экспортировать или погибнуть» позволил Турции за короткое время повысить угрожающе низкое отношение экспорта к импорту в 40% до 70–80% к концу 1980-х. Локомотивом развития турецкого экспорта стали преимущественно трудоемкие отрасли — текстильная, швейная, пищевкусовая. Впоследствии происходила диверсификация турецкого экспорта и постепенное повышение роли капиталоемких отраслей. Исследование динамики структуры турецкого промышленного экспорта с конца 1980-х до второй половины 1990-х, проведенное турецким исследователем Я. Кепенком, свидетельствует о стабильно важной роли отраслей ресурсоемкой и трудоемкой подгруппы (пищевкусовая, текстильная, швейная промышленность) (см. табл. 3).

²² ESI. Islamic Calvinists. Change and Conservatism in Central Anatolia. Berlin-Istanbul, 2005, с. 2.

²³ ТОВВ. Ekonomik Rapor 2005. Ankara, 2006, с. 107; ТОВВ. Ekonomik Rapor 2011. Ankara, 2012, с. 265.

²⁴ Capital. Uludag Ekonomi Zirvesi. stanbul. Haziran 2012, с. 3.

²⁵ Ibid.

²⁶ Впервые в истории: кредитный рейтинг Турции поднят до «инвестиционного». www.zman.com/news/2012/11/05/138204-print.html

Таблица 3

Основные подгруппы экспорта обрабатывающей промышленности Турции, (%)*

Подгруппа	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Ресурсоемкая	12,4	11,7	13,9	12,8	12,2	13,3	13,4	12,9
пищевкусовая	9,2	8,6	11,0	10,7	10,6	11,3	11,5	11,3
лесная	0,4	0,3	0,3	0,3	0,2	0,4	0,4	0,3
нефтепереработка	2,8	2,8	2,6	1,9	1,3	1,5	1,5	1,2
Трудоемкая	44,8	46,2	45,9	47,5	47,2	44,9	46,2	44,9
текстильная	21,5	20,6	21,0	21,4	20,7	22,0	21,5	22,5
швейная	21,9	24,4	23,6	24,5	24,7	20,6	22,9	20,1
обувная	0,9	0,8	0,9	1,0	1,1	1,4	0,9	1,1
мебельная	0,4	0,4	0,4	0,5	0,7	0,8	0,9	1,2
Базирующаяся на квалификационных навыках	36,6	34,1	31,1	30,0	31,3	32,1	30,0	30,0
бумажная	0,6	0,7	0,7	0,7	0,8	1,0	0,8	0,8
химическая	12,4	9,2	7,6	6,7	6,0	6,2	6,0	6,1
производство резины и пластмасс	1,7	1,2	2,0	2,2	2,1	2,3	2,6	2,5
производство неметаллических изделий	3,2	3,9	4,4	4,3	3,7	3,7	3,6	3,8
черная и цветная металлургия	16,7	16,9	13,8	12,5	15,5	15,0	11,9	11,1
производство транспортно-го оборудования	2,0	2,3	2,6	3,4	3,3	3,8	4,9	5,5
Дифференцированная	4,6	5,1	5,9	7,3	7,2	7,6	8,5	10,0
металлообработка	1,3	1,5	1,5	1,9	1,7	1,6	1,8	2,0
неэлектрическое машиностроение	2,2	1,9	2,3	2,8	3,0	3,4	3,7	4,2
электромашиностроение	1,1	1,7	2,1	2,6	2,5	2,6	3,0	3,8
Научеёмкая	1,6	2,8	3,1	2,4	2,0	2,0	1,9	2,2
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

* При выделении подгрупп использован принцип классификации промышленной продукции, применяемый статистическими службами ОЭСР. Источник: Kerenek Y. Some Technological Aspects of the Turkish Manufacturing Exports During the 1990s. Maastricht, 1998, с. 7.

Одновременно отмечалось некоторое снижение удельного веса подгруппы, базирующейся на использовании квалификационных навыков рабочей силы. Из положительных структурных сдвигов в этой подгруппе отмечалось лишь начало ускоренного роста экспорта автотранспортных средств, который происходил темпами более высокими, чем экспорт в целом, в результате чего его доля с 2% на начало периода повысилась до 5,5%.

В 2000-е годы до наступления глобального кризиса капиталоемкие отрасли развивались заметно более интенсивно, обогнав по темпам роста получившие развитие уже в предшествующий период трудоемкие, которые в отдельные годы демонстрировали даже спад производства (см. табл. 4).

Успехи, достигнутые страной в развитии промышленности, и ее амбициозные планы могут быть проиллюстрированы целым рядом убедительных примеров. Так, в сентябре 2011 г. был спущен на воду фрегат «Хейбелиада». Это первый боевой корабль, который спроектировали турецкие специалисты, причем систему его вооружений полностью произвела турецкая оборонная промышленность. По заявлению турецкого премьер-министра Р.Т. Эр-

догана, уровень самообеспечения Турции по вооружению и военному оснащению составляет ныне 50%. При этом объем экспорта страны по данным статьям составляет 1 млрд. долл. Премьер-министр также объявил о полной готовности базы для начала производства турецкого танка «Алтай» и о начале испытаний турецкого беспилотного самолета «Анка», о завершении проектирования турецкого военного вертолета «Атак». «К 2023 г. — столетнему юбилею республики -- мы достигнем превращения Турции в страну, производящую и экспортирующую свои винтовки, пушки, танки, вертолеты, самолеты, в том числе беспилотные», — резюмировал Р.Т. Эрдоган²⁷.

«Технологическое» честолюбие премьер-министра поставило в повестку дня и такой важный для национальной гордости вопрос, как производство собственного турецкого автомобиля. В конце сентября 2011 г. национальный Союз производителей автомобильной продукции разработал и предложил на рассмотрение министра науки, промышленности и технологии Н. Эрджюна доклад о возможности реа-

²⁷ Milliyet, 28.09.2011.

Таблица 4

Темпы роста отраслей обрабатывающей промышленности Турции (2002–2008 гг.), %

Отрасли обрабатывающей промышленности	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Пищевкусовая	2,8	7,7	-0,5	6,2	6,0	2,4	4,1
Текстильная	12,5	2,1	-1,5	-11,8	-1,0	2,3	-10,6
Швейная	3,3	1,8	3,5	-12,4	-4,8	1,8	-12,1
Нефтепереработка	9,1	3,1	-4,7	-0,1	2,3	2,1	2,4
Химическая	14,2	8,8	16,1	6,3	6,3	9,6	-0,3
Производство черных и цветных металлов	10,0	11,9	11,6	3,4	10,7	11,7	-2,0
Машины и оборудование	21,3	22,4	31,0	1,2	22,0	4,6	-4,8
Транспортные средства	27,1	47,7	53,3	9,6	9,7	10,3	5,9
Обрабатывающая промышленность в целом	10,9	9,3	10,4	4,8	5,5	4,8	-1,8

Источник: Erdolek O. Buyuyen ekonomi artan issizlik: Istihdamsiz buyume. Turkiye Ornegi. Izmir, Ege Universitesi, 2010, с. 13.
http://www.tcmb.gov.tr/yeni/iletisimgm/ozge_erdolek.pdf

лизации данного проекта. В нем констатировалось, что Турция, где автомобилестроение существует уже 40 лет и производятся (собираются) в партнерстве с иностранными компаниями 13 моделей легковых автомобилей, обладает способностью наладить выпуск собственного автомобиля. Приблизительная стоимость модели, рассчитанной на средний класс, оценивалась в 20 тыс. тур. лир. (несколько более 10 тыс. долл.), суммарные необходимые инвестиции, включая рекламные и маркетинговые расходы, — в 4,5 млрд. долл., время, необходимое для налаживания производства в объеме 200 тыс. штук, — в 48 месяцев²⁸.

Доля среднетехнологичной продукции в общей стоимости продукции обрабатывающей промышленности страны в 2002 г. составляла 35%, а в 2011 г. — 60%, в экспорте данной отрасли — 47 и 60% соответственно²⁹.

Но произошедшие сдвиги оказались недостаточными для решения проблемы хронического дефицита внешней торговли страны, а значит — улучшения соотношения между импортными потребностями национальной промышленности и ее экспортными возможностями.

Поэтому, правящая ПСР, поставив перед собой задачу принципиального снижения зависимости развития национальной промышленности от внешних факторов, пошла по пути не только и не столько дальнейшего наращивания экспорта, сколько завершения индустриализации импортзамещающего характера. В качестве одной из основных целей нового пакета мер по поддержке инвестиций, в том числе иностранных, вступившего в силу с начала 2012 г.³⁰, выделялось «наращивание местного про-

изводства промежуточных и сырьевых товаров, от импорта которых Турция зависит в настоящее время».

Объявленные меры поддержки инвестиций включают:

— освобождение от уплаты налога на добавленную стоимость импорта или местного производства машин и оборудования для реализации инвестиционных проектов в рамках программы поощрения инвестиций, в этом случае импорт осуществляется и без уплаты таможенных пошлин;

— снижение для инвестора ставки налога на прибыль;

— снижение выплачиваемых работодателем сумм социальных страховых взносов за вновь нанятых работников до уровня, начисляемого на официальную минимальную заработную плату;

— государственную поддержку при выплате процентов по используемым инвестиционным кредитам при условии, что размер заемных средств не превышает 70% заявленного объема инвестиции;

— предоставление инвесторам на особых льготных условиях земельных участков, принадлежащих государству;

— возмещение затрат по выплате налога на добавленную стоимость при использовании строительных услуг и приобретении стройматериалов для инвестиционных проектов стоимостью не менее 500 млн. долл.

Поддержка инвестиций производится по четырем основным программам: общей (для инвестиций объемом от 500 тыс. до 1 млн. тур. лир, не подпадающих под иные программы), региональной (нацелена на решение проблемы региональной экономической неравномерности и предусматривает максимальные льготы для регионов северо-востока, юго-востока и востока страны), программе поддержки крупномасштабных проектов и стратегичес-

²⁸ Hürriyet, 29.09.11; Sabah, 30.09.2011.

²⁹ 2013 Yılı programı. Ankara, 2012, с. 165. <http://www.dpt.gov.tr/PortalDesign/PortalControls/WebIcerikGosterim.aspx?Enc=83D5A6FF03C7B4FCF07F79958BF4D423>.

³⁰ См. подробнее: The Turkish Perspective, 2012, May-June, с. 28–37; Republic of Turkey Ministry of Economy. General Directorate

of Incentive Implementation and Foreign Investment. The New Investment Incentive Program of Turkey. Ankara, 2012.

ких инвестиций. Программа поддержки крупномасштабных инвестиций, помимо требований к объемам финансирования, предъявляет условия и к отраслевой направленности инвестиций. Так, для нефтеперерабатывающей промышленности минимальный уровень требований к объему инвестиций для получения льгот поданной программе — 1 млрд. тур. лир, для химической промышленности, проектов строительства портов и развития портового хозяйства — 200 млн. тур. лир, для производства локомотивов и вагоностроительной промышленности, электроники, производства медицинского и оптического оборудования, фармацевтики, машиностроения, самолетостроения и производства космических аппаратов — 50 млн. долл. Таким образом, данное направление поддержки нацелено на крупные высокотехнологичные предприятия. Их развитие активно поддерживалось и в рамках ранее действовавших программ в соответствии с курсом на увеличение выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью, повышение технологического уровня страны и ее конкурентных преимуществ. В новой программе предусмотрено лишь снижение необходимых объемов инвестиций для некоторых из отраслей. Например, для предприятий химической промышленности и портового хозяйства, электроники прежний минимум инвестиций составлял 1 млрд. долл.

Надо отметить, что особого успеха данное направление поддержки не принесло: доля высокотехнологичной продукции в общей стоимости производства обрабатывающей промышленности Турции в 2002 г. составила 5,1 и 2,8% в 2011 г., а в экспорте — 6,2 и 2,8% соответственно. Между тем в 2011 г. экспорт стран ЕС на 20% состоял из высокотехнологичной продукции, что являлось далеко не самым высоким мировым показателем³¹. Тем не менее, повышение экспорта продукции, производство которой базируется на использовании высоких и средневысоких технологий, в новой программе как целевая установка сохранилась. Со временем станет ясно, имело ли ее сохранение лишь формальный характер.

Поддержка так называемых стратегических инвестиций — новое направление программы. Оно нацелено на налаживание производства в Турции промежуточных и сырьевых материалов, от импорта которых зависит страна. Правда, увеличение производства сырья лимитировано фактором наличия его запасов в недрах страны, так что, видимо, в основном речь идет все же о производстве промежуточных материалов. Поддержка распространяется на инвестиции, цель которых наладить местное производство товаров, по которым уровень импортной зависимости Турции превышает 50%. При этом абсолютная стоимость импорта по данной статье за

последний год должна быть выше 50 млн. долл. Но ограничение не действует в ситуации, когда местное производство данного товара отсутствует. Минимальный объем инвестиции составляет 50 млн. тур. лир. Минимальный уровень добавленной стоимости для продукции создаваемого предприятия должен составлять 40%, если речь не идет о нефтепереработке и нефтехимии, в отношении которых допустимы более низкие стандарты производства добавленной стоимости.

По всей видимости, в программе поощрения инвестиций нашла отражение новая концепция формирования отраслевой структуры турецкой промышленности: предпринять результативную уже в краткосрочном периоде (в отличие от мер по повышению стоимости турецкого экспорта за счет смещения акцента в пользу более высокотехнологичной продукции) попытку решить проблему дефицита внешней торговли посредством сокращения стоимости импорта и его замещения местным производством.

Чего же следует ожидать от нововведений в курсе промышленной политики? По всей видимости, новое направление окажется успешным, во-первых, в силу самого фактора государственной поддержки импортзамещающих отраслей. Система мер по поощрению инвесторов выглядит довольно убедительной и привлекательной. Перевод задачи с микроуровня (принятие положительного решения инвестором) на макроуровень (обеспечение финансирования новых инвестиций в масштабе национальной экономики) наталкивается на сложности в виде исключительно низкой нормы сбережений. Правительство едва ли готово решать эту задачу посредством восстановления прежних масштабов собственной инвестиционной деятельности в силу как прошедшей **экономической моды** на подобные действия, так и сознательного смещения бюджетных акцентов на весьма актуальные для него социальные проекты. Кстати, считается, что именно рост доступности бесплатных медицинских услуг в период правления ПСР стал одним из факторов ослабления интереса населения к формированию сбережений.

Тем не менее, определенные контрмеры, направленные на то, чтобы переломить эту тенденцию и поддержать будущие инвестиции, опирающиеся на новую систему поощрений, предприняты: в начале 2012 г. правительство приняло решение о субсидировании в размере 25% частных пенсионных сбережений граждан. Это, по мнению аналитиков, окажет весьма позитивное воздействие на рост внутренних сбережений³². Во-вторых, надежду на успех дает вполне реальный и выполнимый характер поставленных задач. Речь идет о развитии и закреплении по факту уже сформировавшейся тенденции ускоренного развития капиталоемких отраслей, кото-

³¹ 2013 Yılı programı. Ankara, 2012, p. 165/ <http://www.dpt.gov.tr/PortalDesign/PortalControls/WebIcerikGosterim.aspx?Enc=83D5A6FF03C7B4FCF07F79958BF4D423>.

³² Gursel S. The Turkish Economy in Perspective/The Turkish Perspective, 2012, May-June, c. 13.

рые по большей части и обеспечивают производство промежуточных товаров — продукции нефтехимии, черной и цветной металлургии, целлюлозы и проч. Возникает вопрос, не несет ли этот успех угрозу замещения не только импорта, но и курса на рост высокотехнологичного экспорта? Но дело в том, что на сегодня производительность труда в Турции в среднем в 2,5 раза ниже, чем в США³³. В такой ситуации принято считать, что более выгодно заниматься не инновациями (изобретением новых технологий), а модернизацией (перенимать передовые технологии у развитых стран)³⁴, на что, собственно, и нацелено новое направление программы поддержки инвестиций.

Определенной проблемой для правительства может стать то обстоятельство, что упор на развитие импортзамещающих капиталоемких отраслей закрепит уже отмеченную некоторыми исследователями тенденцию промышленного роста без увеличения занятости, что придает особую актуальность рассуждениям о том, что поддержание занятости — дело не только экономики, но и государственной политики регулирования рынка труда особенно с учетом того, что ежегодный прирост численности населения трудоспособного возраста в Турции составляет 800 тыс. человек³⁵.

Но к каким же результатам может привести успех мер по завершению импортзамещающей индустриализации с точки зрения качественных и структурных характеристик турецкой экономики. Очевидно, речь идет о постепенном приближении Турции к завершающей стадии индустриального развития, для которой как раз и характерен рост промышленности, не предъявляющий заметного дополнительного спроса на рабочую силу. Вслед за этим, как следует из опыта западных стран, после достижения стадии «зрелой экономики с высоким уровнем дохода» начинается процесс деиндустриализации — снижения доли промышленности сначала в структуре занятости, а затем и ВВП. Деиндустриализация стала очевидной тенденцией, которую переживали на пути к постиндустриальной стадии развитые экономики за последние несколько десятилетий. Считается, что этот процесс набирает силу при уровне развития, характеризующемся величинами душевого дохода в 8–9 тыс. долл. (в постоянных ценах 1986 г.). При всей разнонаправленности и специфике трендов, прослеживающихся в развивающихся странах, ныне можно говорить о состоявшемся вступлении некоторых из них в стадию позитивной деиндустриализации, когда излишек рабочей силы, формирующийся по мере роста производительности труда в промышленности на фоне применения более пе-

редовых технологий и производственного оборудования, адсорбируется быстро растущим сектором услуг. Что касается Турции, то к 2011 г. она имела показатель душевого ВВП, превышающий 10 тыс. долл. Но доля добавленной стоимости, созданной в промышленности, в 2000-е годы (26–27%) была заметно выше, чем в 1990-е, хотя в последние годы она растет невысокими темпами³⁶ (%):

1960–1969	1970–1979	1980–1989	1990–2000
12,7	13,4	18,7	18,3

Что касается относительных и особенно абсолютных показателей занятости в промышленности, то пока и они продолжают расти (см. табл. 3), хотя для Турции по-прежнему характерен низкий уровень трудового участия населения, что обуславливает общее невысокое число занятых в промышленности при общей численности населения около 75 млн. человек. Так что пока Турция все еще переживает стадию структурных изменений экономики, связанных с нарастающим трендом в развитии индустриализации.

Таблица 3

Абсолютная и относительная численность занятых в промышленности Турции

	1995	2000	2003	2005	2010	2011
Доля от общей численности занятых (%)	15,3	18,2	18,2	19,4	26,2	26,5
Абсолютная численность (млн. чел.)	3,1	3,7	3,8	4,3	5,9	6,4

Составлено по: UCSET. Economic Report 1998. Ankara, 1999, с. 123; TOBB. Ekonomik Rapor 2000. Ankara, 2001, с. 123; TOBB. Ekonomik Rapor 2005. Ankara, 2006, с. 116; TOBB. Ekonomik Rapor 2011. Ankara, 2012, с. 344.

О наступлении ее более зрелой экономической стадии пока свидетельствует лишь то, что в 1990–2000-е годы капиталонакопление, как правило, происходило более высокими темпами, чем рост занятости³⁷. Реализация мер поддержки инвестиций, по всей видимости, способна обеспечить в обозримом периоде некоторый дополнительный рост как доли промышленности в ВВП, так и занятости до предельных значений. Так, к началу процесса деиндустриализации, а именно в 1980–1989 гг., доля добавленной стоимости, созданной в промышленности в Южной Корее, составляла около 30%, а на Тайване — около 35%³⁸. То есть стадия завершающей

³³ Подсчитано по: <http://data.worldbank.org/indicator/SL.GDP.PCAP.FM.KD>

³⁴ См. подробнее: Гуриев С. Зачем России институты инновационного развития/ Вестник, 28.09.2012.

³⁵ Ульченко Н.Ю. Демографический статус мусульманской Турции в Европе. Исламский фактор в истории и современности. М., 2011. С. 72.

³⁶ UNITED NATIONS CONFERENCE ON TRADE AND DEVELOPMENT. TRADE AND DEVELOPMENT REPORT, 2003. CAPITAL ACCUMULATION, GROWTH AND STRUCTURAL CHANGE. New York and Geneva, 2003, с. 97.

³⁷ См. подробнее: Erdolek O. Buyuyen ekonomiantanissizlik: Istihdamsizbuyume. Turkiye Ornegi. Izmir, Ege Universitesi, 2010, с. 10–11/ http://www.tcmb.gov.tr/yeni/iletisimgm/ozge_erdolek.pdf

³⁸ UNITED NATIONS CONFERENCE ON TRADE AND DEVELOPMENT. TRADE AND DEVELOPMENT REPORT, 2003. CAPITAL ACCUMULATION, GROWTH AND STRUCTURAL CHANGE. New York and Geneva, 2003, с. 97.

индустриализации или зрелого индустриального общества, очевидно, еще не пережита Турцией, но, представляется, будет успешно преодолена страной в обозримом будущем, в том числе и благодаря новой программе поддержки инвестиций.

Соглашаясь с невозможностью формирования постиндустриальных отношений в недоиндустриализованном обществе³⁹, попробуем ответить на вопрос о возможности последующего, уже после прохождения этапа зрелой индустриализации, движения Турции к стадии постиндустриального развития, когда главным для страны станет вопрос не что производить, а как производить. Здесь возникает большое количество сомнений, которые имеют своим истоком как анализ подобных прецедентов в других странах догоняющего развития, так и собственно турецкой специфики. Например, Малайзия поставила перед собой схожие задачи по завершению индустриализации еще в далеком 1981 г. Цель Четвертого пятилетнего плана (1981–1985) заключалась в том, чтобы создать многоотраслевое хозяйство с развитой индустрией, включая оборонную, которое было бы защищено от колебаний на мировом рынке. «По существу, — писала Л.Ф. Пахомова, — это был переход ко второй стадии политики импортзамещения: налаживался выпуск продукции позволявшей уменьшить зависимость предприятий от ввоза исходного сырья и компонентов производства (курсив — Н.У.)»⁴⁰. Эта же задача оставалась актуальной и для пятого (1986–1990) и шестого (1991–1995) планов. Но сегодняшняя решившая эти задачи Малайзия «рискует остаться в «ловушке среднеразвитости», когда страна, успешно вырвавшись из нищеты и отсталости, застывает на достигнутом уровне и не продвигается вперед»⁴¹. Поэтому справедливо говорится о том, что ныне задача догоняющего развития является гораздо более сложной, чем в середине XX в., так как страны «не могут ограничиться только догоняющей индустриализацией. Они вынуждены в той или иной мере уделять внимание догоняющей постиндустриализации, что намного сложнее... решающее значение приобретает уже не выплавка стали, не производство станков, автомобилей или даже компьютеров, а общий уровень знаний и профессионализма трудоспособного населения, его нацеленность на инновации во всех областях»⁴². Таким образом, основным становится вопрос качества развития, которое ту-

рекие лидеры как будто не выпускают из поля зрения. Важной предпосылкой успеха актуальной для Турции структурной перестройки экономики является растущий уровень образовательной подготовки населения страны. Так, охват базовым средним образованием (средним образованием первой степени) повысился с 32% в 1998–1999 учебном году до 48% в 2009–2010 г., средним образованием второй степени — с 25 до 36% (*целевая установка стран ЕС по данному показателю составляет 85%*. — Н.У.). Заметны положительные сдвиги и в системе высшего образования: уровень охвата повысился с 9% в 1998–1999 учебном году до 36% в 2009–2010 г.⁴³ О своем вкладе в обеспечение положительных тенденций в сфере образовательной подготовки населения Турции с гордостью заявляет правящая партия. В программе сформированного ею по итогам выборов 2011 г. правительства отмечалось, что за период с 2002 по 2011 г. в стране было построено 163 тыс. новых школ, впервые в истории республики начался переход к бесплатному обеспечению учебниками учащихся начальных и средних школ, количество университетов выросло с 76 до 165, их бюджет увеличился в пять раз, составив в 2011 г. 11,5 млрд. тур. лир (около 8 млрд. долл. — Н.У.)⁴⁴.

Но помимо количественных сдвигов важная роль принадлежит качественным характеристикам как образования, так и научного развития, то есть наличию национальных научных школ, «которые формируются десятилетиями, а не возникают, как Афродита, из пены морской по приказу просвещенных бюрократов»⁴⁵. Между тем в 2009 г. в Турции было зафиксировано 2,5 тыс. обращений о регистрации патентов от граждан страны, тогда как в США — порядка 225 тыс.⁴⁶ Важно и понимание того, что модернизация «неизбежно приводит к постепенному уходу от архаичных стереотипов общественного сознания, переоценке ценностей и формированию новой системы морально-этических координат, отвечающих задачам очередной стадии развития государства. Вот почему увенчавшиеся успехом проекты модернизации пусть и «вырастали» из традиционных для каждого социума социально-философских парадигм, но предполагали отказ от представлений о мнимой возможности «автаркического развития» и культурологической консервации»⁴⁷. Что касается Турции, то непрекращающийся процесс поиска национальной идентичности на цивилизационном пространстве между Востоком и Западом, между модернизацией и традиционными ценностями привел к появлению весьма специфического с точки зрения

³⁹ Об этом см. подробнее: Мальцев А. Модернизационная парадигма: теоретические подходы и исторический опыт/ Мировая экономика и международные отношения, 2012, №4. С. 108.

⁴⁰ Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М., 2007. С. 85.

⁴¹ Красильщиков В. Догоняющее развитие: умозрительные конструкции и реалии/Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 3. С. 115.

⁴² Шишков Ю.В. Государство и догоняющее развитие/ Цит. по: Красильщиков В. Догоняющее развитие: умозрительные конструкции и реалии. С. 113.

⁴³ Republic of Turkey. Pre-Accession Economic Programme (2011–2013). Ankara, 2011, с. 164.

⁴⁴ Hükümet Programı, с. 37–38.

⁴⁵ Красильщиков В. Догоняющее развитие: умозрительные конструкции и реалии. С. 115.

⁴⁶ См.: <http://data.worldbank.org/indicator/IP.PAT.RESD>

⁴⁷ Мальцев А. Модернизационная парадигма: теоретические подходы и исторический опыт. С. 108.

попытки синтеза несовместимых субстанций варианта реформы средней школы, который предложила правящая партия. Проект соответствующего закона был принят парламентом в апреле 2012 г.: предусматривая увеличение общего числа лет обязательного обучения в средней школе, с 8 до 12, он вводит и изучение как в младших, так и старших классах средней школы на добровольной основе (в качестве факультатива) курса по основам Корана и жизнеописанию пророка Мухаммеда. Оппозиция расценила принятие закона как смертельный удар (*coup de grace*) по уже существенно подорванной республиканской традиции секулярного образования, настаивая на том, что в школах, расположенных в малых населенных пунктах, ученик, который хотел бы отказаться от посещения подобных курсов, едва ли сможет противостоять давлению сверстников. И действительно, президент страны А. Гюль, видимо, весьма точно охарактеризовал реформу как последний шаг в устранении последствий (очевидно, негативных) процесса 28 февраля 1997 г.⁴⁸, когда длительное заседание Совета национальной безопасности завершилось решением о введении обязательного среднего образования (продление числа лет обязательного обучения с 5 до 8) и ликвидации школ *имам-хатибов* (школ по подготовке священнослужителей) — они подлежали перепрофилированию в общеобразовательные средние школы. Лица, желающие иметь профессиональное религиозное образование, могли, согласно принятому тогда решению, получить его в религиозном лицее после получения диплома об окончании общеобразовательной 8-летней школы. В итоге, как констатировала Ю.А. Ли, «введение обязательного среднего образования разрушило устоявшуюся схему системы религиозного образования в рамках государственной школы»⁴⁹. Так что, как следует из слов президента, речь идет о реабилитации данной системы в рамках закона о реформе.

Насколько совместима данная реформа с постиндустриальными амбициями Турции, если таковые

существуют. Усомниться в эффективности активно пропагандируемого в сегодняшней Турции синтеза знакомства с достижениями передовой технической мысли Запада и утверждения моральных ценностей ислама позволяет опыт развития Османской империи, который во многом оказался опытом быстрого наращивания экономического отставания. Анализируя причины этого, С.М. Иванов подчеркивал, что «принципы функционирования османской экономической системы и экономическая культура мусульман определялись..., в том числе и свойственным им образом мысли». Раскрывая это положение, С.М. Иванов привел цитату из работы турецкого исследователя экономической истории Османской империи М. Генча: «В менталитете османских турок отсутствовало стремление к каким-либо изменениям, улучшениям, хотя бы небольшим шагам вперед»⁵⁰. Так что есть опасения, что возвращение мышления к религиозному сознанию может уподобить турецких учащихся сингапурским школьникам. Попытки заставить их вопреки социокультурным традициям быть творческими под угрозой палки привели лишь к тому, что в процветающем городе-государстве, по замечанию В.А. Красильщикова, возрос спрос на услуги врачей невропатологов для детей и подростков⁵¹.

Поэтому, с одной стороны, не вызывает сомнения способность Турции успешно дорасти до завершающей стадии индустриализации и, пройдя ее, продвинуться вперед в решении проблемы импортной зависимости национальной промышленности и привязки процесса роста национальной экономики к внешним источникам финансирования. В то же время нет убедительных свидетельств того, что Турция может оказаться более успешной, чем другие страны Востока на стадии догоняющей постиндустриализации. Скорее, поддавшись искушению возродить традиционные ценности и пересмотрев парадигму модернизации, Турция может столкнуться с проблемой замедления качественной трансформации экономики.

⁴⁸ Turan I. Religious Education in Public Schools: Going Parochial or Democratic? / GMF. Analysis. On Turkey Series. Wash., April 13, 2012, с. 3.

⁴⁹ Ли Ю.А. Реформы в системе образования Турецкой Республики (1970–2002). М., 2006. С. 37.

⁵⁰ Иванов С.М. Турецкая модель развития: Запад на Востоке и Восток на Западе. — Экономика развивающихся стран. Сборник статей памяти В.А. Яшкина. М., 2004. С. 234, 236.

⁵¹ Красильщиков В. Догоняющее развитие: умозрительные конструкции и реалии. С. 113.

С.Б. Маркарян

Аграрный сектор Японии: есть ли перспективы развития?

Вот уже несколько десятилетий сельское хозяйство Японии является, в известной мере, ахиллесовой пятой ее экономики. В настоящее время основные проблемы аграрного сектора — недостаточный уровень производства, нехватка рабочей силы, особенно молодой, низкий уровень сельскохозяйственных доходов и конкурентоспособности на внешнем рынке. Достаточно хорошо технически оснащенная отрасль значительно уступает по производительности труда и эффективности производства другим сферам национального хозяйства, а также аграрным секторам развитых стран и, что самое главное, уровню их развития в странах-импортерах продовольствия. Это сегодня — главная болевая точка аграрного сектора, которая приобрела особенную остроту в условиях масштабного распространения соглашений о свободной торговле.

Основная причина низкой эффективности сельскохозяйственного производства — незначительные размеры хозяйствования, главным образом в связи с мелкими, и зачастую раздробленными, земельными наделами фермеров. Это не дает им возможности экономить на масштабах производства, особенно в сельскохозяйственных отраслях, а на них приходится свыше двух третей стоимости сельскохозяйственной продукции. Подавляющее большинство хозяйств имеет в своем распоряжении до 1 га. Парцеллярное землепользование — характерная черта Японии, связанная как с природно-географическими, так и с социально-экономическими и историческими условиями развития страны.

Прежде всего, надо отметить незначительные размеры пригодной к обработке земли. Примерно 70% территории страны приходится на горно-лесные районы. Доля обрабатываемой площади никогда не поднималась выше 16%. В 2005 г. она составила 12,4 %. Равнины занимают лишь 20% площади. Более того, большая часть обрабатываемых земель находится на склонах, и террасированные поля — привычный пейзаж страны. Исторически сложилось так, что после ликвидации феодального землевладения в последней четверти XIX века большая часть земли правдами и неправдами (ибо ее купля-продажа была запрещена) попала в руки помещиков, многие из которых ее не обрабатывали, а сдавали мелкими участками в аренду. Кардинальная земельная реформа конца 1940-х годов передала землю в руки тех, кто ее обрабатывал, и ограничила размеры землепользования в среднем (в зависимости от района) в пределах 3 га, чтобы предотвратить возрождение сложившихся до Второй мировой войны крупных землевладений.

Пореформенная протекционистская аграрная политика (низкие налоги на сельскохозяйственные земли, высокие цены производителя, устанавливаемые государством, льготное кредитование и пр.) в значительной степени способствовала становлению современного уровня сельского хозяйства и улучшению жизни сельского населения. В то же время техническое оснащение производства, облегчая труд и повышая его производительность, одновременно увеличивало и его издержки, ибо мелкие размеры хозяйствования не позволяли экономить на масштабах производства. Кроме того, государственный контроль над производством и распределением основных видов сельскохозяйственной продукции, сохранение барьеров на мобильность земли и защита производителей от конкурирующей с японской иностранной продукцией значительно ограничивали развитие рыночных рычагов функционирования отрасли, подрывали возможности повышения эффективности производства.

Надо сказать, что в Японии жесткое государственное регулирование и протекционистская политика распространялись в отдельные периоды и в отношении других отраслей экономики, но при этом создавались и условия развития там конкуренции. В аграрном же секторе этого не было. У многих производителей, особенно мелких (а их было большинство), не было необходимости экономить ресурсы, применять более совершенные технологии, стремиться к повышению производительности труда. Все это тормозило появление настоящих предпринимателей, имеющих хозяйственную смекалку. В результате эффективность производства снижалась, что ставило сельское хозяйство в тяжелое положение перед внешними вызовами, а потребителя — перед высокими ценами на продовольствие.

Таким образом, то, что в первые два послевоенных десятилетия было благом для развития отрасли, постепенно становилось тормозом на пути роста производства и, что особенно важно, его эффективности. Понимая остроту надвигающихся проблем, правительство предпринимало отдельные шаги, направленные на изменение такого положения. Но осуществляло их весьма медленно и часто непоследовательно, поэтому результаты были весьма скромными. Правительство боялось, что принятие более радикальных мер может привести к разорению части крестьянства, вызвать социальные волнения и снизить уровень производства.

Однако эти опасения не имели под собой серьезного основания. Во-первых, уже к концу 1960-х годов в стране наблюдалось перепроизводство главной культуры — риса, а во-вторых, большинство

крестьянских семей было связано с городом (число так называемых совместителей составляло 80 % товарных хозяйств), и в целом семья имела достаточно хороший доход. Кроме того, как известно, японцам свойственны дисциплинированность и конформизм, уважение к закону и власти, умение подчинять личные интересы интересам общества. Другими словами, причин для деструктивных выступлений, по существу, не было, а вышеупомянутые действия правительства Либерально-демократической партии (ЛДП) диктовались главным образом политическими мотивами — боязнью потерять значительную часть электората (традиционно в послевоенный период деревня голосовала за правящую партию)¹. И конечно, определенную роль в протекционистской политике сыграл и общий патерналистский настрой в стране, отличающийся приверженностью конфуцианской этике.

Толчком к принятию более серьезных мер для разрешения указанных проблем послужила в начале 1990-х годов вынужденная либерализация важных для Японии видов сельскохозяйственной продукции по требованию ВТО. Из наиболее важных мер, принятых со второй половины 1990-х годов, можно отметить введение тарификационной системы защиты от дешевой импортной продукции (вместо количественного ограничения ее ввоза), смягчение практики административного регулирования производства, частичное дерегулирование сферы внутренней торговли сельскохозяйственной продукцией, прекращение поддержки цен на нее, введение системы адресной помощи только крупным хозяйствам, предоставление несельскохозяйственным акционерным компаниям права вести сельскохозяйственное производство на арендуемой земле.

Однако более радикальные решения, например о разрешении покупки земли несельскохозяйственными компаниями или о снижении тарифов на импортное продовольствие, что должно было привести к повышению эффективности производства, приняты не были. Нынешнее правительство Демократической партии Японии (ДПЯ) продолжает проводить в области защиты сельского хозяйства ту же политику, что и ее предшественница — ЛДП.

Правда, ДПЯ пытается решить все указанные выше проблемы, прежде всего путем непосредственной поддержки доходов производителей, а не повышением цен. С точки зрения торговых отношений Японии с другими странами программа прямых выплат весьма важна, ибо поддержка доходов не считается мерой, искажающей правила торговли. Европа и США по принятии решений Уругвайского раунда переговоров в рамках ГАТТ в первой половине 1990-х годов перешли на систему поддержки доходов, Япония же продолжала осуществлять цено-

вую поддержку, что ложилось тяжелым бременем на японского потребителя².

Но все дело в том, что основной пафос новой японской системы поддержки доходов заключается в том, что поддержка предоставляется всем без исключения фермерским хозяйствам, а не только крупным, что начала делать в последние годы своего правления ЛДП. С точки зрения социальной эта мера очень привлекательна и понятна, но как бы демократы не столкнулись с теми же трудностями, что и их предшественники, ибо мелкие хозяйства и фермеры-совместители в таких условиях вряд ли станут сдавать землю в аренду и могут даже вернуть уже ранее сданную. И, получая субсидии и платя низкие налоги на сельскохозяйственные земли, они не будут заинтересованы ни в каких реформах.

Таким образом, ясно, что во многом эта акция, как и в свое время у ЛДП, является прежде всего политической, но отнюдь не социальной и тем более не экономической. Короче говоря, ДПЯ наступает на те же грабли, что и предыдущее правительство. «Эффективность» этих новых мер поддержания доходов удачно проиллюстрировал вице-президент университета Мияги Охидзуми Кадзунуки: «Действия правительства напоминают одновременное нажатие на газ и на тормоз»³. В результате перспективы появления крупных по земельной площади хозяйств, надежды на снижение издержек производства и, как следствие, — повышение конкурентоспособности японской сельскохозяйственной продукции могут стать весьма проблематичными.

Но сегодня положение таково, что эту поддержку демократам все же придется подкорректировать. В связи с постигшим Японию стихийным бедствием в марте 2011 г. основное финансирование пойдет на восстановление причиненного ущерба, и денежных средств на поддержку доходов всех фермеров просто не будет. В пострадавшем районе страны именно сельское, лесное и рыбное хозяйство играет ключевую роль в экономике. Северо-восточный район (Тохоку) — один из самых развитых сельскохозяйственных районов страны. На наиболее пострадавшие, по оценке Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства (далее: Министерство сельского хозяйства), префектуры приходится свыше 19% всей обрабатываемой площади, в том числе под рисом — почти четверть. Здесь сосредоточено около 12% голов молочного скота и 16% — мясного, свыше четверти поголовья свиней и несушек, около 24% — бройлеров, производится 13% молока и 27% яиц⁴. Префектура Фукусима, которая пострадала из-

¹ В 1968 г. за ЛДП голосовало 30 % избирателей, в 1983 г. — 17%.

² По подсчетам ОЭСР (2006), из-за поддержки цен японский потребитель платит примерно 88 % общей суммы денежных средств, идущих на поддержку сельского хозяйства, в то время как в США — 17 %, в Европе — 45 % (в 1986–1988 гг. в США и Европе эти цифры были гораздо выше — соответственно 37 и 86 %).

³ Nikkei Weekly. 03.10.2011.

⁴ Данные за 2009 г., по рыбе — 2008 г. Подсчитано по Нихон

за аварии на АЭС «Фукусима-1», была на четвертом месте в стране по производству риса, на втором — по производству персиков и стручковых бобов, на третьем — груш и огурцов⁵.

Министерство сельского хозяйства оценило ущерб, нанесенный аграрному сектору (на 5 марта 2012 г.) — в 947,6 млрд. иен⁶ (опустошена земля, засолена почва, разрушены постройки, ирригационные и дренажные каналы, повреждено оборудование, причинен ущерб сельскохозяйственной продукции, скоту, предприятиям по производству кормов и пр.). По планам министерства, в наиболее пострадавших префектурах — Иватэ и Мияги — земля станет пригодной для проведения сельскохозяйственных работ в течение года, начиная с апреля 2012 г. на 46 % и на 95 % — в 2014 фин. г.; в префектуре Фукусима в 2012 фин. г. она будет восстановлена лишь на 20 %⁷. Согласно оценкам, реконструкция в целом займет не менее десяти лет. Еще больший срок потребуется для префектуры Фукусима, где полностью дезактивация в связи с радиоактивным загрязнением может занять, по некоторым оценкам, даже до 30 лет⁸.

Однако, как это ни парадоксально, но в связи с этой трагедией появилась даже надежда, что в ходе работ по ликвидации последствий природно-техногенной катастрофы могут быть решены и проблемы структурной перестройки отрасли. Дело в том, что в правительственной концепции восстановительных работ речь идет не просто о восстановлении сельскохозяйственного производства, а и о его реконструкции, т.е. о проведении тех реформ, на которые руководство страны в течение длительного времени никак не может решиться.

В частности, в докладе Совета по вопросам ликвидации последствий землетрясения, представленном премьер-министру 25 июня 2011 г., в части, касающейся восстановления аграрного сектора экономики, лесного и рыбного хозяйства, был определен следующий лозунг — «от быстрого восстановления к реконструкции». Именно в слове «реконструкция» и заключена, по сути, необходимая реформа.

Для ее осуществления предлагаются три стратегические установки, поскольку в регионе, о котором идет речь, имеются районы с различными экономическими, топографическими, климатическими и культурными характеристиками. Направления перестройки должны выбираться в соответствии с этими характеристиками. Первая стратегия предполагает создание продукции с высоким уровнем добавленной стоимости. Речь идет об обеспечении занятости

и повышении доходов путем создания так называемой «шестой отрасли» — нового бизнеса, который будет синтезом первичных, вторичных и третичных секторов и местного производства и будет основываться на передовых технологиях. Вторая стратегия направлена на снижение издержек производства на основе изменения и детальной разработки планов использования земли⁹. Третья касается диверсификации управления фермерского хозяйства. Речь идет об изыскании новых источников доходов путем развития туризма в сельской местности, в том числе агротуризма, или создания новых видов предпринимательства, например производства энергии из биомассы и т.п.

В этой связи представляют определенный интерес и ряд рекомендаций, изложенных в документе Штаба по ликвидации последствий землетрясения от 29 июля 2011 г. В нем, в частности, предлагается восстанавливать район Тохоку как новую базу обеспечения продовольствием. Для этого, по мнению разработчиков документа, надо опираться на новую систему использования земли и прилагать усилия, чтобы этот район послужил моделью для остальных регионов страны, имея в виду важность первичных отраслей для развития экономики и общества в целом. Кроме того, рекомендуется готовить будущих участников сельскохозяйственного производства путем обсуждения данного вопроса в местном сообществе на основе реализации упомянутых выше трех стратегий; внедрять новую структуру сельского хозяйства путем развития информационных технологий в аграрной сфере, которые помогут производить высококачественную продукцию и проводить исследования в широких масштабах с использованием передовых сельскохозяйственных технологий.

Комментируя правительственные проекты мероприятий по ликвидации последствий событий 11 марта, по восстановлению и перестройке пострадавших районов, а также основные направления развития отрасли на 2011 фин. г., опубликованные в ежегодном отчете Министерства сельского хозяйства о положении с продовольствием, сельским хозяйством и сельскими районами, представители японских академических кругов отмечают определенный прогресс в направлении создания «нового сельского хозяйства» (правда, при этом они подчеркивают необходимость осуществления более радикальных шагов по пути изменения аграрной структуры) и выражают надежду, что новая концепция развития отрасли выведет ее далеко за пределы «реставрации после землетрясения».

Возможность осуществления надежды на безотлагательное проведение реформ подкрепляется еще одним обстоятельством. Речь идет о развора-

токэй нэнкан (Японский статистический ежегодник) Токио, 2012 (www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.html).

⁵ Данные на 2010 г. Nikkei Weekly. 28.11.2011.

⁶ FY2011 Annual Report on Food Agriculture and Rural Areas. Summary. Japan, 2012 (www.maff.go.jp/j/wpaper/w_maff/h23/pdf/e_all.pdf).

⁷ Kyodo, 26.08.2011.

⁸ Nikkei Weekly. 28.11.2011.

⁹ Предполагается, в частности, создать орган, который бы арендовал у собственников не используемую ими землю с тем, чтобы затем отдавать ее в аренду тем, кто может вести производство на больших площадях — 20–30 га (The Nikkei. 12.07.2011, утренний выпуск).

чивающейся в настоящее время кампании по заключению Транс-тихоокеанского стратегического экономического партнерского соглашения (ТТП). В ноябре 2011 г. Япония объявила, что она готова принять участие в переговорах по присоединению к Восточно-азиатскому содружеству, которое было создано в 2006 г. как зона свободной торговли между Сингапуром, Новой Зеландией, Брунеем и Чили. В настоящее время о присоединении к этому соглашению ведут переговоры США, Австралия, Перу, Вьетнам, Малайзия. Начиная с 2010 г. уже прошло девять раундов переговоров, которые предполагается завершить в 2012 г.¹⁰ Ряд других стран (Канада, Южная Корея, Филиппины, Тайвань) также заявили о своем намерении присоединиться к этим переговорам. И, что очень важно для Японии, идею создания ТТП усиленно продвигают США — главный экспортер продовольствия в эту страну (доля США, хотя и очень снизилась за последние 20 лет, в 2010 г. составила 26,8 %).

Участие Японии в этих переговорах ставит перед ней серьезную задачу — не поставить под удар свой неконкурентоспособный аграрный сектор. До последнего времени на переговорах по линии ВТО и во время обсуждений условий двусторонних соглашений с рядом стран об экономическом партнерстве (к февралю 2011 г. Япония уже заключила или закончила переговоры об этих соглашениях с 13 странами) японская сторона, так или иначе, ухитрялась сохранять защитные меры для своего сельского хозяйства. Речь идет, в частности, о достаточно высоких тарифах на наиболее «значимые» для нее продукты питания.

В случае присоединения к этому соглашению стране придется ликвидировать тарифы примерно на 5900 позиций. Пока что уже заключенные двусторонние соглашения об экономическом партнерстве оставили тарифы 940 позициям, в том числе на долю сельского хозяйства приходится примерно 850. Согласно правительственным подсчетам, если Япония станет участником этого соглашения, то ее ВВП может вырасти примерно на 0,48–0,65 %, если же нет, то снизится на 0,13–0,14 %¹¹ и, что для нее особенно серьезно, она останется, по мнению председателя Японской федерации экономических организаций (Ниппон кэйданрэн) Енэкура Хиромаса, «за бортом глобального экономического роста»¹². И в этом случае, по подсчетам Министерства экономики, торговли и промышленности, ее ВВП недосчи-

тается свыше 10 трлн. иен и будет ликвидировано 8 млн. рабочих мест¹³.

В общем, проблема эта для Японии весьма сложная, так как поднимает очень много вопросов. Например, таких как необходимость резкого повышения эффективности сельскохозяйственного производства, наличие больших денежных средств для выплаты компенсаций фермерам, ужесточение требований со стороны США о снятии ограничений на импорт американской говядины, противостояние американским обвинениям по поводу нечестной конкуренции со стороны японской почтовой компании, поддерживаемой государством, или требования развивающихся стран о приеме иностранных рабочих, к чему Япония относится очень настороженно, и т.п.

Против участия в этих переговорах выступают, конечно, фермеры и их организации. Председатель Всеяпонского совета сельскохозяйственных кооперативов Мотэки Мамору заявил на пресс-конференции, что этот шаг несовместим с обеспечением продовольственной безопасности Японии, что участие в этих переговорах затруднит поднять уровень самообеспеченности продовольствием до 50% (в настоящее время этот показатель составляет лишь 40%)¹⁴. По его мнению, вопрос, присоединяться или не присоединяться к переговорам, может означать «обеспечить или разрушить будущее страны»¹⁵. Министрство сельского хозяйства также стремится воспрепятствовать переговорам по этому вопросу. Оно опубликовало расчеты, согласно которым при ликвидации тарифов только на 19 основных сельскохозяйственных позиций¹⁶ будет потеряно много рабочих мест, а стоимость японского сельскохозяйственного производства сократится до 4 трлн. иен, т.е. примерно в половину. Часть членов ДПЯ, в том числе и парламентарии, также высказываются против. Негативно оценивают присоединение к ТТП и некоторые представители академических кругов, считая, что этот проект выгоден именно США и ничего не может дать японской экономике в целом, но при этом разрушит ее сельское хозяйство¹⁷.

Другие же, наоборот, считают, что участие Японии в ТТП в долгосрочной перспективе окажет положительное влияние на развитие японского сельского хозяйства или что именно это торговое партнерство «сможет стать такой крайне необходимой шоковой терапией» для японского аграрного сектора¹⁸. Во время опроса населения в отношении

¹⁰ Предполагается, что к этому времени будет принято решение о ликвидации 11 тыс. тарифов и создана дорожная карта будущих торговых отношений (www.fas.org/sgp/crs/row/R40502.pdf). Очередное совещание прошло в начале сентября 2012 г. По результатам этого форума аналитики предполагают, что премьер-министр Нода объявит о присоединении к переговорам по ТТП в октябре, после осуществления перестановок в правительстве (www.eastasiaforum.org/trans-pacific-partnership/).

¹¹ The Nikkei. 28.10.10, утренний выпуск.

¹² The New York Times. 11.11.2010.

¹³ The New York Times. 11.11.2010.

¹⁴ Он подсчитан на основе количества числа килокалорий, заключенных в отечественной продукции.

¹⁵ The Nikkei. 28.10.10; 29.10.10, утренний выпуск.

¹⁶ В настоящее время рис, арахис и крахмал облагаются пошлинами в размере 500–1000 %, пшеница, ячмень, масло, обезжиренное сухое молоко, свинина, сахар и шелк — в размере от 200 до 500 %.

¹⁷ Nikkei Weekly. 20.12.2010.

¹⁸ The New York Times. 11.11.2010; The Nikkei. 24.11.2011.

участия страны в ТТП, проведенного «Kyodo News», «За» высказались 46,6%, «Против» — 38,6%. И это не удивительно, ибо цены в Японии на продукты питания значительно превышают среднемировые¹⁹.

6 ноября 2010 г. правительство приняло документ под названием «Основная политика по вопросу о всеобъемлющем экономическом партнерстве», в котором была продемонстрирована приверженность Японии принципам свободной торговли. В нем отмечалось, что в современных условиях необходимо углублять экономические отношения со всеми странами, и в частности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который очень важен для Японии со всех точек зрения, и она заинтересована в его развитии и процветании. Подчеркивалось, что инициатива создания зоны свободной торговли поможет сформировать единый Азиатско-Тихоокеанский регион. Поэтому правительство приняло решение «открыть страну» и «повести ее в новое будущее».

В документе также подчеркивалось, что при этом необходимо провести ряд серьезных реформ для подъема конкурентоспособности японской продукции, в частности в аграрном секторе, для чего будет создан специальный орган содействия проведению в нем структурных реформ, который подготовит свои предложения к июню 2011 г.²⁰

Однако трагические события 11 марта 2011 г. внесли свои коррективы, и 17 мая 2011 г. кабинет министров принял постановление об основных направлениях предстоящей политики в связи с событиями марта 2011 г. В разделе о соглашениях об экономическом партнерстве отмечалась приверженность базовой политике укрепления тесных связей Японии с другими странами, но при этом акцентировалась необходимость принимать во внимание чувства фермеров и рыбаков, которые понесли огромные потери. В этом документе также упоминалось, что время принятия решения о присоединении или неприсоединении к переговорам о ТТП будет определяться, исходя из общей перспективы на будущее²¹. И конечно, в июне 2011 г., как это предполагалось ранее, конкретные предложения по проведению структурных реформ в аграрном секторе не были опубликованы, а дебаты о «вступлении» или «невступлении» в переговоры о зоне свободной торговли продолжались.

В разгар этих дебатов правительство в октябре 2011 г. опубликовало доклад о планируемых путях реформирования аграрного сектора. Предполагается в течение пяти лет увеличить средний размер хозяйства в 10 раз — до 20–30 га в равнинных и до 10–20 га в холмистых и горных районах. В связи с

этим в Министерстве сельского хозяйства прорабатывался вопрос о предоставлении субсидий тем собственникам, которые продают или сдают в аренду свою землю молодому поколению фермеров, а не только тем, кто покупает или берет землю в аренду. Средства для этого были предусмотрены в третьем дополнительном бюджете на 2011 фин. г. Но выполнение этой программы откладывалось до начала следующего финансового года. В 2011 фин. г. размер субсидий тем, кто берет в аренду землю для расширения хозяйственной деятельности, предполагалось определить в 20 тыс. иен за 0,1 га (или 1 тыс. кв. м). С 2012 фин. г. Министерство сельского хозяйства планирует предоставлять такие субсидии индивидуальным продавцам и арендодателям, в том числе организациям-посредникам по сделкам²².

Правительство также планирует ввести субсидии для оказания помощи молодым работникам, которые начали заниматься сельским хозяйством. Кроме того, предполагается создание специального фонда на основе государственно-частного партнерства для того, чтобы финансировать тех, кто займется одновременно не только производством, но и переработкой и реализацией сельскохозяйственной и рыбной продукции²³.

Одновременно встает вопрос о пересмотре программы поддержки доходов как одной из мер по подъему эффективности сельскохозяйственного производства. С одной стороны, по подсчетам Министерства сельского хозяйства еще осенью 2010 г., в случае присоединения к ТТП и отмене тарифов потребуются увеличить сумму ежегодных субсидий для этой цели, что чревато финансовыми осложнениями. С другой — если планы правительства по увеличению размеров хозяйств будут реализованы, то себестоимость производства сама по себе снизится, и надобность в этой поддержке в значительной степени отпадет. Кроме того, тарифы не будут отменены в одночасье. Пример тому Перу, получившая льготный период в 10–12 лет²⁴. Япония, с ее многолетней практикой отстаивания своих интересов в ВТО, скорее всего, сможет добиться аналогичной отсрочки.

Какие же возможности есть у японцев для сравнительно быстрого подъема сельского хозяйства. Хотя положение в отрасли в настоящее время очень серьезно (сокращаются обрабатываемая площадь, объем производства, сельскохозяйственные доходы и численность хозяйств, в которых есть сравнительно молодые работники, себестоимость продукции продолжает оставаться высокой), все же серьезно говорить о том, что японское сельское хозяйство перестанет существовать, вряд ли стоит.

Предложений, как улучшить сложившуюся ситуацию в аграрном секторе, достаточно много, и они вполне реалистичны. Их неоднократно представля-

¹⁹ The New York Times. 11.11.2010. На рис они выше в четыре раза, масло и говядину — в три раза, на пшеницу — в два раза.

²⁰ www.kantei.go.jp/foreign/kan/topics/20101106basicpolicyepa.pdf

²¹ www.kantei.go.jp/foreign/topics/2011/20110517_guideline_2hdf

²² Kyodo. 13.09.2011.

²³ Kyodo. 26.10.2011.

²⁴ Nikkei Weekly. 31.01.2011.

ли деловые круги в лице различных экономических организаций, и прежде всего Японской федерации экономических организаций (Ниппон кэйданрэн), а также отдельные политики, экономисты и специалисты по аграрному вопросу как во время совещаний и конференций, так и в научных исследованиях. Так, например, на японском форуме по вопросам международных отношений в 2009 г. был принят документ-рекомендация под названием «Стратегия Японии в отношении развития сельского хозяйства в глобализованном мире», под которым стоят подписи 99 человек — политиков, экономистов, общественных деятелей²⁵.

Аграрный сектор рассматривается в этой «Стратегии» не только как источник снабжения японцев продовольствием, но и как отрасль с потенцией роста и возможностями внести свою лепту в мировые рынки продовольствия. Авторы документа предлагают, в частности, создать «базовые зоны по производству продовольствия» (типа свободных экономических зон), где бы высококачественная продукция производилась при низкой себестоимости на крупных участках обрабатываемой земли с использованием новейших технологий²⁶. В этих зонах предполагается обеспечить свободный переход земли в аренду или владение и снять любые другие ограничения при одновременном запрете нецелевого использования сельскохозяйственной земли на период не менее 30 лет. Подчеркивается, что для стимулирования создания крупных землевладений необходимо как можно быстрее побудить владельцев мелких хозяйств расстаться с землей (при соответствующей компенсации).

Среди других предложений по укрупнению хозяйственных единиц заслуживает внимания рекомендация о порядке ликвидации чересполосицы. Дело в том, что в Японии исторически сложилось так, что обрабатываемая земля в хозяйстве состоит из нескольких, а зачастую и очень многих (до 60 единиц) участков, которые нередко находятся друг от друга на большом расстоянии, и к тому же их форма бывает весьма причудливой. Из-за этого даже в крупном по размеру земельной площади хозяйстве сложно эффективно использовать современную технику. Поэтому очень важно, чтобы укрупнение размеров хозяйств проводилось не путем обмена прав на землю между собственниками (что ранее иногда имело место), когда в неизменном виде остаются очертания границ участков, а на основе соединения разрозненных полей в единое пространство, чтобы можно было эффективно провести работы по улуч-

шению земель, изменить формы и размеры отдельных участков²⁷.

И как раз опустошенная, а затем восстановленная после стихийного бедствия 11 марта земля, по мнению японских аналитиков, могла бы стать полигоном для проведения такого рода мероприятий. Уже предлагаются соответствующие проекты. В частности, в префектуре Мияги рассматривается вопрос о создании на основе государственно-частного партнерства суперсовременной фермы размером в 200–300 га. В проекте предполагают принять участие такие известные компании, как «Фудзицу», «Хитати» или «Шарп». Проявляют интерес также «Панасоник», «NEC», «Яммар» и др., приглашаются и различные НИИ. Руководство фермой будет возложено на местные сельскохозяйственные компании²⁸.

Несколько подробнее целесообразно рассказать и о предложениях по поводу производства риса, прежде всего потому, что именно в рисоводстве очень высоки издержки, а рис выращивает примерно половина всех хозяйств страны. Специалисты считают, и с их мнением трудно не согласиться, что необходимо прекратить ограничивать производство риса (что требует правительство и выдает для этого субсидии). Более того, наоборот, можно выращивать его в любом количестве, ибо он высокого качества и всегда найдет спрос на мировом рынке (при условии, конечно, что его себестоимость будет снижена). Они полагают, что существующие в настоящее время условия в аграрном секторе не дают возможности талантливым фермерам проявить свои способности, а стране — свой экономический потенциал²⁹.

По подсчетам аналитиков, при увеличении производства в условиях снижения на рис внутреннего спроса (он постоянно падает прежде всего из-за дифференциации структуры питания) цены упадут, и все проблемы на внешнем рынке разрешатся сами собой. Сейчас же население несет двойную нагрузку — покупает дорогой рис и платит налоги, которые идут на субсидии для сокращения площадей под этой культурой. А чтобы выплачивать эти субсидии, чиновники Министерства сельского хозяйства стараются увеличивать сельскохозяйственный бюджет под благовидным предлогом повышения степени самообеспеченности продуктами питания³⁰.

²⁵ www.jfir.or.jp/e/pr/pdf/31pdf

²⁶ Предлагается выделить для этих зон примерно 1,5 млн. га, где предварительно создать инфраструктуру и обеспечить условия для повышения производительности труда; сформировать здесь около 10 тыс. хозяйств, имеющих примерно по 100 га под обработкой.

²⁷ А на остальной территории такие работы можно будет проводить в качестве общественных работ при участии государства, местных органов власти и индивидуальных хозяйств. В этом случае предлагается оценить землю до проведения работ по улучшению земель и после их завершения, и все различия в объединяемых участках — в качестве воды, уровней склонов и других природных условий — подсчитать в денежной форме.

²⁸ The Nikkei. 05.01.1012.

²⁹ Japan Echo, June 2009, с. 21, 22, 24; Нихон кэйдзай симбун. 19.05.2009.

³⁰ Asakawa Yoshihiro. Playing Tricks with the Food Self-Sufficiency Ratio//Japan Echo, June 2009.

В противовес критикам политики либерализации торговли рисом, в НИИ экономики, торговли и промышленности было проведено исследование этой проблемы. На основе использования стохастической модели общего равновесия было проанализировано несколько сценариев производства риса в Японии и в странах-экспортерах этой продукции. Ученые пришли к выводу, что снятие таможенных барьеров не может повлиять негативно на обеспечение японцев рисом, на чем настаивали противники либерализации³¹.

Можно привести еще немало подобных высказываний и примеров, которые подтверждают, что защита нерентабельного производителя — это, прежде всего стремление правящей партии сохранить поддержку своих избирателей, а отнюдь не серьезное беспокойство за судьбу производства.

Таким образом, основные направления реформирования просматриваются достаточно отчетливо. Надо лишь разработать механизмы, которые сумеют реализовать планы правительства по реформированию аграрного сектора, изложенные в конце 2011 г. — 10-кратное увеличение размеров хозяйств, создание условий для привлечения молодежи в отрасль и организация финансирования интеграции производства, переработки и реализации аграрной продукции. И необходимо проявить политическую волю для осуществления этих мер. Главное — чтобы они проводились целеустремленно и планомерно. Безусловно, институциональные реформы всегда в той или иной степени наносят определенный ущерб той или другой части общества. И конечно, надо хорошо продумать, как его минимизировать, разработать оптимальные пути проведения необходимых преобразований.

---

³¹ Productivity Shocks and National Food Security for Japan //RIETI Discussion Paper Series 09-E-004.

И.Ю. Авдаков

Стратегия приоритетов развития транспорта Японии

Бурное экономическое развитие Японии в 50-х — начале 70-х годов XX столетия заставило весь мир говорить об «экономическом чуде». Из среднеразвитой страны с разрушенным войной хозяйством она превратилась в высокоразвитую индустриальную державу. Перед государством встали новые проблемы, связанные с необходимостью структурной перестройки. Но мировой энергетический кризис 1973–1974 гг. больно ударил по экономике Страны восходящего солнца и, явившись концом двадцатилетнего периода высоких темпов экономического роста Японии, отодвинул время структурной перестройки на 80-е годы. Уже в 1990-е годы экономика страны была вновь охвачена циклическим спадом, из которого она только в начале 2000-х годов начала выходить вплоть до начавшегося мирового кризиса в середине 2008 г. Катастрофические землетрясения и цунами 2011 г. нанесли еще один ощутимый удар по экономике Японии.

Однако, несмотря на спорадически возникающие экономические проблемы, страна довольно эффективно преодолевает их благодаря в первую очередь гармоническому взаимодействию государства и бизнеса и инновационному развитию. Вопрос о приоритетах инновационного развития особо остро встал в Японии к началу 70-х годов. Как справедливо отмечает Ю.Д. Денисов: «В результате проведенного анализа мировой экономической ситуации, ресурсных возможностей Японии и ее положения в системе мировых хозяйственных связей, Экономический совет Японии сделал вывод: стратегия всеобщего развития, реализуемая в США, когда одновременно уделяется внимание росту практически всех промышленных отраслей и, следовательно, исключительно широкому комплексу научно-технических направлений, для Японии неприемлема... Наиболее правильным представлялся другой путь — сосредоточить национальные ресурсы на отдельных научных и производственных направлениях, т.е. избрать так называемую селективную стратегию экономического развития, реализуемую на основе тщательно выбранных приоритетов»¹.

Приоритеты предстояло выделить и в области научно-технического развития на транспорте и в транспортном машиностроении. К этому времени по целому ряду показателей научно-технического уровня развития транспорта Япония догнала, а по отдельным показателям и обогнала экономически развитые страны. Но весь созданный потенциал и ресурсы для дальнейшего развития не были достаточными, чтобы страна могла в равной степени раз-

вивать имеющийся транспортный комплекс, стать мировым лидером во всех видах транспортного машиностроения. Поэтому основой транспортной политики Японии стал избирательный подход, предусматривающий выделение главных направлений научно-технического развития и определение тех видов транспорта, которые должны получать приоритетную поддержку государства. На прочих направлениях транспортная стратегия предусматривала заимствование иностранных научно-технических достижений, т.е. приобретение патентов, лицензий, а также закупку готовой техники.

В соответствии с транспортной стратегией в приоритетные научные направления не были включены научно-исследовательские и конструкторские работы в авиационной промышленности и, соответственно, производство самолетов. Догнать мировой уровень при имеющемся (или вернее отсутствующем) научно-техническом потенциале в области авиационной промышленности представлялось невозможным творцам стратегии развития транспорта и транспортного машиностроения Японии. Они считали, что поднимать производство самолетов и авиационных двигателей с нуля (после Второй мировой войны оккупационные власти его ликвидировали) при ограниченности квалифицированных людских и денежных ресурсов было бы нецелесообразным.

В то же самое время приоритеты в области транспорта (и транспортного машиностроения) были отданы автомобильному, морскому и, главное, **железнодорожному транспорту**. Действительно, к 1970-м годам, когда была сформирована стратегия приоритетов, уже имелся огромный научно-технический потенциал на железнодорожном транспорте. К этому времени были построены первые в мире сверхскоростные железные дороги. Рассмотрим, как была создана сверхтехнологичная по тем временам железная дорога Токайдо.

Оживление экономики и последовавший за ним бурный ее рост с середины 1950-х годов поставил вопрос о необходимости реконструкции главной дороги — Токайдо. Существующую магистральную железную дорогу было решено дополнить новой железной дорогой и автомагистралью. Строительство новой железной дороги стало предметом бурных дискуссий в среде профессионалов, что находило свое отражение и в средствах массовой информации. Выявились две позиции по данному вопросу: первая — строить дорогу, аналогичную существующей, то есть узкоколейную, вторая — дорогу нового поколения с широкой колеей. Вторую точку зрения поддержал и активно отстаивал Сого Синдзи², пре-

¹ Япония. Ежегодник. 2008 г. Российская академия наук. Москва, 2008, с. 148–149.

² Сого Синдзи (1884–1981) родился в префектуре Эхиме (на

зидент «Кокутэцу». Он привлек к работе вышедшего в отставку начальника Отдела подвижного состава и механической техники Сима Хидео³, назначив его вице-президентом «Кокутэцу» по технике.

В 1957 г. Научно-исследовательский институт железнодорожной техники (Тэцудо Сого Гидзюцу Кэнкюдзе) подготовил техническое обоснование создания новой железной дороги со стандартной колеей, в соответствии с которым скоростные электромоторные поезда смогли бы преодолевать расстояние между Токио и Осакой (515 км) за 3 часа. В августе 1957 г. Министерство транспорта образовало Комитет по исследованию магистральных железных дорог «Кокутэцу» («Нихон Кокою Тэцудо Кансэн Тосакай»), которому было поручено провести тщательный анализ предложений строительства железной дороги и выбрать из них наилучшее. В результате проведенного анализа и при активной позиции руководителей «Кокутэцу» С. Сого и Х. Сима Комиссия после долгих колебаний пришла к окончательному выводу о перспективности строительства сверхскоростной линии синкансэн между Токио и Осака. Строительство Токайдо синкансэн началось в 1959 г. и к началу Олимпийских игр 1964 г. в Токио первая в мире сверхскоростная линия синкансэн была открыта.

В 1964 г. максимальная скорость поездов на этой линии была 210 км/ч. Так, синкансэн «Кодама» преодолевал расстояние между Токио и Осака за 4 часа, а появившийся в 1965 г. «Хикари» уже за 3 часа 10 минут. С появлением этой линии и усилением конкурентной борьбы за пассажирские перевозки с автомобильным транспортом начались изменения в расписании движения поездов. Еще в 1961 г. «Кокутэцу» была вынуждена пересмотреть расписание в связи с вводом в эксплуатацию поездов «Лимитед экспресс» на еще 34 путях, доведя их число до 54. Эти скоростные поезда были весьма комфортабельны: имелись кондиционеры, система резервирования мест и т.д. До появления сверхскоростной линии синкансэн между Токио и Осака функционировало только четыре «Лимитед экспресс» в каждую сторону.

С самого начала на линии синкансэн стали использоваться 14 двенадцативагонных «Хикари» и

севере о. Сикоку). По окончании юридического факультета Токийского университета в 1909 г. он стал работать в Железнодорожном агентстве, где на формирование его взглядов большое влияние оказал Гото Симпэй. В 1926 г. Синдзи Сого стал директором Южно-Маньчжурской железной дороги, затем после Второй мировой войны — председателем Ассоциации железнодорожников, а в 1955 г. был назначен президентом «Кокутэцу».

³ Сима Хидео (1901–1998) закончил в 1925 г. Токийский университет по специальности механическая техника. Явился создателем паровозов 2–8–2 класса «D-51» и «D-52», а в послевоенный период 4–6–4 класса CG2. При этом активно отстаивал техническое направление развития электромоторных поездов, подчеркивая ограниченные возможности локомотивной техники при узкоколейности японских железных дорог. Его по праву называют отцом синкансэнов. С 1969 по 1977 г. был президентом Национального агентства по космическим исследованиям.

12 таких же «Кодама» ежедневно в направлении туда и обратно. Частота подачи поездов увеличилась. Во время Осакской международной выставки 1970 г. 3 шестнадцативагонных «Хикари» и 6 двенадцативагонных «Кодама» отправлялись ежечасно. По закрытии выставки три «Хикари» и три «Кодама» ежечасно отправлялись на встречных направлениях. Протяженность сверхскоростной линии синкансэн росла, увеличивалось число перевозимых пассажиров: со 100 млн. человек в июле 1967 г. до 200 млн. человек в марте 1969 г. и 300 млн. человек к июлю 1970 г. Уже на третий год функционирования этой линии доходы превысили расходы (включая процент на заемный капитал и амортизационные отчисления).

Экономический эффект сверхскоростной линии синкансэн Токайдо стимулировал начало строительства 554-километровой линии Санъе, идущей от Осака до Хаката (Фукуока, о. Кюсю). Максимальная скорость движения на этой линии была 260 км/ч. Линия проходила по многим тоннелям, в том числе 18,7-километровый тоннель Син Каммон под проливом Каммон. Интерес и спрос на синкансэны возрос во многих районах страны. В результате в 1970 г. был обнародован Закон о национальном развитии сверхскоростных линий синкансэн. В соответствии с этим законом были построены 497-километровая линия Тохоку синкансэн (Токио–Мориока, север о. Хонсю) и 270-километровая линия Дзезцу, идущая от станции «Омия» (30 км к северу от Токио) до Нигаты (побережье Японского моря). По закону всего предполагалось построить 7000 км путей таких линий, включая уже построенные Токайдо и Санъе. (см. схему). Но все линии, кроме Токайдо и Санъе, были нерентабельны.

Тем не менее создание сети синкансэн было революционным переворотом в железнодорожном транспорте Японии, повлиявшем впоследствии на развитие железнодорожных пассажирских перевозок в Европе, а затем и Азии. Большая заслуга в этом достижении XX в. принадлежит руководству и инженерам «Кокутэцу»⁴.

Навсегда Страна восходящего солнца войдет в историю как создатель первых в мире сверхскоростных дорог — синкансэн. Они явились венцом научно-технического творчества в области железнодорожного транспорта в прошлом столетии. Однако их изобретение и пуск были бы невозможны без научно-технического прогресса в других областях знания, включая электронику. Японский опыт создания скоростных железных дорог применяется во многих передовых странах мира. Но XXI в. бесспорно станет свидетелем широкого распространения поездов нового поколения — на магнитных подушках — развивающих скорость свыше 500 км/ч, и Япония успешно проводит НИОКР в этом направлении.

Есть у Японии и другие, хотя и менее известные, но не менее впечатляющие, научно-технические достижения в области железнодорожного транспорта. Все четыре основных японских острова — Хонсю, Кюсю, Сикоку и Хоккайдо — имеют железнодорожное сообщение по мостам или туннелям. Самый длинный в мире туннель (53,85 км), проложенный по морскому дну, соединяет острова Хонсю и Хоккайдо. Проекты строительства железнодорожных туннелей и мостов, которые предполагается построить в ближайшее время, еще более грандиозны.

Созданный почти с полувековым отставанием от передовых стран Европы и США железнодорожный транспорт Японии исторически не только быстро догнал европейский уровень развития, но уже в 1960-е годы смог стать одним из мировых лидеров. Япония стала первой в мире страной, где появились качественно новые сверхскоростные поезда, явившиеся результатом научно-технического прогресса в области пассажирских перевозок и технического перевооружения железных дорог. За Японией последовали Голландия, Франция и ряд других европейских стран. Немногим менее полувека потребовалось азиатским странам — Китаю, Южной Корее, Тайваню, — чтобы также приступить к строительству скоростных дорог.

Значение синкансэнов, минисинкансэнов и других скоростных поездов для экономики Японии трудно переоценить. Суперэкспрессы, идущие регулярно с интервалом 10–15 минут со средней скоростью 200 км/ч, стали обычным транспортным

средством для деловых поездок и поездок на работу для миллионов японцев. Они способствовали объединению городов по транспортной линии Токайдо в один олигополис.

Рассматривая вопросы стратегии инновационного развития транспорта Японии в широком смысле, не следует упускать из вида такой ее аспект, как модернизация в области управления отраслью. Рамки статьи не позволяют подробно остановиться на указанной проблеме, но представляется целесообразным хотя бы ее обозначить.

В условиях глобализации мировой экономики и либерализации национальных рынков Япония одной из первых приступила к широкомасштабной приватизации государственных железных дорог. Японская модель приватизации оказалась весьма удачной. После десятилетнего спада в деятельности государственной корпорации «Кокутэцу» вновь образовавшиеся вместо нее семь крупнейших железнодорожных компаний быстро вышли на режим самоокупаемости. Приватизация государственных железных дорог усилила конкуренцию в области перевозок. Но развитие железнодорожного транспорта Японии и после приватизации остается под контролем государства, которое регулирует тарифы на перевозки, дает рекомендации, а частично и финансирует на коммерческой основе новое строительство. Такое гибкое сочетание государственных и рыночных рычагов регулирования отрасли принесло заметные положительные результаты⁵.

В заключение хотелось бы отметить, что на азиатском транспортном пространстве все ощутимее влияние других стран помимо Японии, и прежде всего Китая. КНР — первая страна в мире, построившая (не без участия немецкой олигополии «Сименс») железную дорогу на магнитной подушке, соединившую центр Шанхая и аэропорт этого города. Значительных успехов достиг Китай в области железнодорожного машиностроения. В конце 2010 г. изготовленный в Китае поезд CRH 380A установил мировой рекорд скорости — 486 км/ч. К концу 2010 г. протяженность высокоскоростных железных дорог в КНР достигла 8,3 тыс. км — это также высшее мировое достижение. К 2012 г. планируется довести длину этих магистралей до 13 тыс. км⁶.

В условиях ужесточения в мире конкурентной борьбы в области транспорта и транспортного машиностроения перед Японией еще острее встает проблема опережающего инновационного развития, совершенствования системы приоритетов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, выбора новых направлений развития техники.

⁵ Подр. см.: Авдаков И.Ю. Модернизация организационной структуры государственных железных дорог Японии. «Восточная аналитика 2011 г.». М., 2011.

⁶ Подр. см.: Томберг И.Р. Железные дороги Китая: мирохозяйственный опыт». — Техника железных дорог, № 4 (16), ноябрь 2011.

⁴ Satoru Sone. Future of High — Speed Railways. — Japan Railway & Transport Review. 1994, № 30, с. 4–8.

А. П. Муранова

Внешняя торговля стран Юго-Восточной Азии в 2000–2011 гг. и ее развитие в среднесрочной перспективе

В данной статье рассмотрены некоторые аспекты развития внешней торговли региона Юго-Восточной Азии¹ в 2000–2011 гг. и сделана попытка определить ее перспективы.

1. Динамика внешнеторгового оборота

Как известно, ЮВА — регион с очень динамичной экономикой. Темп прироста реального ВВП весьма высокий и значительно превышает общемировую, что видно из данных табл. 1.

Таблица 1

Динамика прироста ВВП мира и стран ЮВА, %

Годы	Мир	Страны ЮВА
1990–2000	2,8	5,1
2000–2005	2,9	5,0
2007	4,9	6,6
2008	1,7	4,3
2009	(-)2,0	1,0

Источник: Statistical Yearbook for Asia and the Pacific, 2011. UN ESCAP. Bangkok, 2012. Table III.1.

Двигателями экономического развития и роста региона являются шесть стран — Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины; на них в 2010 г. приходилось 75% территории, 86% населения и 96% совокупного ВВП². Темп роста их ВВП составлял(%)³:

	2003–2007 гг. (в среднем в год)	2010 г.
Вьетнам	8,1	7,2
Индонезия	5,5	6,1
Малайзия	6,0	6,5
Сингапур	7,5	14,0
Таиланд	5,6	7,0
Филиппины	5,7	6,0

Высокий экономический ритм поддерживается в этих странах благодаря прагматичной политике, высокой норме накопления, большому притоку иностранного капитала. Избранная всеми страна-

¹ В регион входят Бруней-Даруссалам, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Тимор-Лесте, Филиппины. Все страны, кроме Тимора-Лесте, входят в ASEAN. В 2009 г. население региона составляло 599 млн. человек, совокупный ВВП — 1.859 млрд. долл. США. В данной статье Тимор-Лесте не учитывается.

² ASEAN Community in Figures, 2011. Jakarta, April 2012, с. 1.

³ Southeast Asian Economic Outlook. 2010. OECD. 2010, с. 10.

ми экспортно ориентированная модель развития определяет и высокий ритм внешней торговли. В 2000–2008 гг. среднегодовые темпы прироста кумулятивного внешнеторгового оборота региона равнялись в экспорте — 11%, в импорте — 12%. При этом характерной чертой торговли является постоянный активный баланс, даже во время кризиса. Динамика внешнеторговых операций региона представлена в табл. 2.

Таблица 2

Динамика внешнеторгового оборота стран ЮВА в 2000–2011 гг.

Показатели	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Млрд.долл.						
Оборот	811,2	1254,4	1945,8	1542,0	2006,7	2391,3
Экспорт	431,7	653,8	998,3	814,0	1051,7	1239,5
Импорт	379,5	600,6	947,5	728,0	955,0	1151,8
Баланс	52,2	53,2	50,8	86,0	96,7	87,7
Темп роста = 100						
Оборот	100	155	240	190	247	295
Экспорт	100	151	231	188	244	287
Импорт	100	158	250	192	252	303
Баланс	100	102	97	163	185	168

Источник: 2011 International Trade Statistics Yearbook. Vol. 1. Trade by country. UN. 14 June 2012. Table A.

Примечание: внешнеторговый оборот и темп роста подсчитаны автором.

Глобальный экономический кризис сбил высокую динамику: в 2009 г. стоимость экспорта региона сократилась до 81% объема 2008 г., а импорта — до 77%. Однако регион быстро отреагировал на ухудшение ситуации на мировом рынке и восстановил объем внешнеторговых операций в очень короткий срок. Уже в 2010 г. стоимостные объемы экспорта и импорта превзошли не только уровень кризисного года, но и 2008 г. (заметим, что для восстановления стоимости всей мировой торговли и торговли развитых государств потребовалось два года, а для Великобритании, Франции и Испании даже три года). В регионе сильнее всего пострадали от кризиса страны с гипертрофированной ориентацией на внешний рынок — Бруней, Сингапур Филиппины: их товарооборот снизился в 2009 г. по сравнению с 2008 г. соответственно на 25%, 22% и 21%. Почти не пострадали наименее развитые государства, слабо интегрированные в мировой рынок, — Камбоджа, Лаос и Мьянма. Индекс объема внешнеторговых операций государств ЮВА составил в 2009 г. (2008 г. = 100): в Индонезии — 80, Таиланде — 81,

Малайзии — 83, Вьетнаме — 89, Мьянме — 98, Камбодже — 99, Лаосе — 112⁴.

Перспективы развития внешней торговли ЮВА зависят и от конъюнктуры мирового хозяйства, и от внутренних факторов.

В апреле 2011 г. Международный валютный фонд в докладе «Перспективы развития мировой экономики» опубликовал прогноз прироста реального ВВП мира и мировой торговли. По этому прогнозу предполагается, что реальный ВВП будет возрастать в развитых государствах на 3,3% в год в 2009–2012 гг. и на 4,6% в 2013–2016 гг., а в развивающихся странах и в странах с формирующимся рынком — соответственно на 5,7 и 6,7%⁵. Учитывая, что темпы роста стран ЮВА в предшествующие годы были выше общемировых, можно предположить, что и в ближайшей перспективе в регионе сохранится прежняя экономическая динамика на уровне в среднем 7% в год.

Такое предположение подтверждается прогнозом, который сделали аналитики из Центра развития ОЭСР в ноябре 2010 г. По их расчетам, реальный ВВП стран ЮВА будет возрастать довольно высокими темпами (см. табл. 3).

Таблица 3
Прогнозируемые темпы прироста ВВП в странах ЮВА, %

Страны	2011–2015 гг. в среднем в год	2015 г
Вьетнам	8,1	7,2
Индонезия	5,5	7,1
Малайзия	6,0	5,3
Сингапур	7,5	4,5
Таиланд	5,6	5,1
Филиппины	8,1	7,2
Средний темп для 6 стран	6,1	6,0

Источник: Southeast Asia Economic Outlook 2010. Development Centre of the OECD. Nov. 2010, с. 10.

В апреле 2012 г. МВФ опубликовал новый сценарий развития мировой экономики в среднесрочной перспективе. Среднегодовые темпы прироста реального ВВП во всех странах мира в 2014–2017 гг. оцениваются в 4,5%, при этом в развитых странах он будет на уровне 2,6%, в развивающихся странах и странах с формирующимся рынком — 6,3%⁶.

При таких темпах ВВП сохранятся и благоприятные условия для развития внешней торговли, причем импорт будет развиваться немного быстрее экспорта, а внешняя торговля развивающихся стран

и стран с формирующимся рынком будет обгонять темпы развития этой отрасли развитых государств (см. табл. 4).

Таблица 4
Прогнозируемые темпы роста мировой внешней торговли, %

	2010–2013 гг.	2014–2017 гг.
Общий объем мировой торговли товарами и услугами	8,1	7,2
Импорт	5,5	7,1
Развитые страны	6,0	5,3
Развивающиеся страны и страны с формирующимся рынком	7,5	4,5
Экспорт	5,6	5,1
Развитые страны	8,1	7,2
Развивающиеся страны и страны с формирующимся рынком	6,1	6,0

Источник: Перспективы развития мировой экономики. Возобновление роста, сохранение рисков. МВФ. Вашингтон, апрель 2012, с. 235.

Как следует из вышеприведенных показателей, прогнозы МВФ весьма оптимистичны для развивающегося мира, к которому относятся все страны ЮВА, кроме Сингапура, уже выведенного ООН из этой категории стран и включенного в клуб развитых государств. Во всем регионе ЮВА сохранится высокая динамика внешнеторговых операций. Вместе с тем аналитики ОЭСР отмечают, что неясно, будут ли страны региона придерживаться модели экспортно ориентированного развития, так как, пишут они, «политики региона выразили желание переориентировать развитие в сторону внутреннего спроса и стать более эластичными по отношению к внешним шокам»⁷.

При определении перспектив развития внешней торговли ЮВА важно учитывать и внутренние факторы, а именно социально-экономические характеристики каждой страны, которые влияют на торговые связи региона как единого экономического организма. Регион многослоен. Его верхний эшелон — Сингапур с инновационной экономикой, максимально ориентированной на мировой рынок. Второй эшелон — экономически и социально продвинутое государства — Малайзия, Таиланд, Индонезия и Филиппины с широкими торговыми связями и тоже экспортно ориентированные, но в меньшей, чем Сингапур, степени. Третий эшелон — Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Мьянма. Страны слаборазвитые, но активно интегрирующиеся в последние два десятилетия в мировое экономическое пространство. Особое место занимает Бруней-Даруссалам — самое богатое после Сингапура государство с сырьевой экономикой, крупный поставщик на мировой

⁴ Подсчитано автором по: ASEAN Statistical Yearbook. 2010 Jakarta, ASEAN Secretariat. December 2010, с. 56.

⁵ World Economic Outlook: Tensions from the Two-Speed Recovery Wash, April 2011, с. 212.

⁶ Перспективы развития мировой экономики. Возобновление роста, сохранение рисков. МВФ. Вашингтон, апрель 2012. С. 235.

⁷ Southeast Asia Economic Outlook. 2010. Development Centre of the OECD. Nov. 2010, с. 9.

рынок нефти и природного газа и очень зависимый от его конъюнктуры (в 2008 г. в нефтяном секторе было создано 70% ВВП, энергоносители приносят стране почти 98% экспортной выручки). Разность экономических потенциалов, которые определяют и объем внешнеторговых операций, проявляется в величине подушевого ВВП. Как видно из показателей табл. 5, разрыв между самым богатым Сингапуром и нищей Мьянмой огромен.

Таблица 5
ВВП на душу населения в странах ЮВА в 2011 г.,
(долл. США в текущих ценах)

Развитая экономика		Наименее развитые экономики	
Сингапур	43.928	Вьетнам	1.238
Развивающиеся экономики		ЛНДР	1.045
		Камбоджа	731
Бруней-Даруссалам	29.915	Мьянма	715
Малайзия	8.262		
Таиланд	4.735		
Индонезия	3.023		
Филиппины	2.018		

Источник: ASEAN Community in Figures, 2011, Jakarta, April 2012, с. 1.

Соответственно и внешнеторговый потенциал стран региона разновелик. Это хорошо видно из данных о внешнеторговом обороте стран ЮВА, представленных в табл. 6.

Таблица 6
Динамика внешнеторгового оборота стран ЮВА,
2000–2010 гг.

Страны	2000 г. млрд. долл.	2010 г. млрд. долл.	Темп роста (2000 г. = 100)
Развитая экономика			
Сингапур	272,3	662,6	243
Развивающиеся экономики			
Бруней-Даруссалам	5,0	11,4	226
Индонезия	108,5	293,4	270
Малайзия	180,2	363,5	202
Таиланд	130,9	380,4	291
Филиппины	76,7	109,7	143
Наименее развитые экономики			
Вьетнам	30,1	155,4	516
Камбоджа	2,5	12,5	492
ЛНДР	0,9	3,8	440
Мьянма	4,0	13,9	345

Источник: 2011 International Trade Statistics Yearbook. UN. Vol. 1 — Trade by Country (as of 14 June 2012). Table A.

Размеры внешней торговли, например, Сингапура (население 5 млн. чел.) и Мьянмы (население 60 млн. чел.) несопоставимы, так же как и их доли во внешнеторговом обороте: на Сингапур приходилось 34,2% оборота всего региона, а на Мьянму — маргинальные 0,6%. Квота внешнеторгового оборота в Сингапуре превышала ВВП более чем в 3 раза (317%), тогда как в Мьянме не достигала и трети (27%). Поэтому при определении масштабов внешней торговли на перспективу учитываются возможности каждой страны.

2. Роль внешней торговли в экономике региона

Она прослеживается при наблюдении за таким макроэкономическим показателем, как внешнеторговая квота (отношение стоимости внешнеторговых операций к ВВП). Насколько велико значение этой отрасли для экономики региона свидетельствуют данные табл. 7.

Таблица 7
Квота товарного экспорта в регионах мира
в 1990–2009 гг., %

Регионы	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2009 г.
Весь мир	15,4	19,8	22,7	21,4
Европа	21,8	29,2	29,9	28,4
Северная Америка	8,2	10,0	9,2	8,9
Юго-Восточная Азия	40,6	72,0	72,6	55,3
Восточная и Северо-Восточная Азия	13,1	16,8	24,5	22,3
Южная и Юго-Западная Азия	8,4	12,3	15,1	15,0
Латинская Америка и Карибский бассейн	13,1	17,1	21,3	17,1
Страны Тихого океана	13,4	17,0	14,9	16,0
Африка, включая ЮАС	21,5	24,9	31,0	27,4

Источник: Statistical Yearbook for Asia and the Pacific, 2011. UN ESCAP, Bangkok 2011, с. 227.

Как видно из вышеприведенных данных, роль внешней торговли в регионе чрезвычайно велика по сравнению с другими регионами, и она на протяжении двух десятилетий постоянно росла, пока начавшийся в 2008 г. кризис не прервал эту тенденцию. Это делает экономику региона и особенно ее отдельных стран очень уязвимой. В первую очередь это относится к Сингапуру с квотой более 300%, Малайзии с квотой в 152% и Таиланду с квотой в 129%.

Роль внешней торговли и в перспективе останется очень важной и вряд ли будет понижаться. В ряде стран внешнеторговая квота будет, скорее всего, повышаться. Это может относиться прежде всего к Вьетнаму, Камбодже, Лаосу и Мьянме, составляющих слаборазвитый ареал региона (в конце 80-х гг. они были включены ООН в группу наименее развитых стран мира, но Вьетнам уже выведен из

нее). Такое заключение основано на наблюдении за вектором экономической стратегии правительств этих четырех государств и за интенсивностью экономических процессов в них. Следует отметить, что названные страны только в конце 80-х гг. XX века, после длительной самоизоляции и малоуспешных попыток развития в рамках командно-административной системы хозяйствования, перешли к открытой рыночной экономике. Они проводят радикальные реформы, активно привлекают иностранный капитал, объявляют экспортно ориентированное развитие приоритетным направлением и быстро набирают темп развития своих экономик. Нарастание экономического потенциала сопровождается расширением внешнеторговых операций. За период с 1998 по 2010 г. среднегодовой прирост кумулятивного внешнеторгового оборота четырех наименее развитых стран составил 12,1% и опережал темп прироста торговли остальных государств региона (10,9%). Внешнеторговая квота тоже постепенно повышалась. В 2010 г. она достигла 146% у Вьетнама, 94% в Камбодже и 69% в Лаосе. Только в Мьянме она снизилась с 54% в 2003 г. до 27% в 2010 г., что объясняется в первую очередь экономическими санкциями, наложенными на нее развитыми государствами — США, ЕС, Великобританией, Канадой и Австралией — в конце 90-х гг. и ужесточившимися в 2003 г. Снятие большинства санкций в 2012 г. даст возможность стране развивать торговые отношения и с индустриальными странами.

Таким образом, можно утверждать, что внешняя торговля и в перспективе сохранит большое значение для экономики региона как эффективный двигатель развития.

3. Внутрорегиональная торговля

Одной из устойчивых глобальных тенденций в мировой торговле является расширение торговли внутри региона, а не между регионами. В 2009 г., по данным ВТО, 72% всей европейской торговли осуществлялись внутри Европы, 52% экспорта азиатских стран оставались внутри Азии, около 48% экспорта северо-американских государств направлялось в страны Северной Америки⁸. Такой же тренд проявляется и в ЮВА, хотя и в меньших масштабах (что частично объясняется однотипностью хозяйственных структур и номенклатуры товаров ряда стран). Динамика стоимости торговых потоков между странами в регионе характеризуется следующими данными (млн. долл.): в 1998 г. — 120,9, в 2000 г. — 166,8, в 2003 г. — 206,7, в 2008 г. — 470,1, в 2009 г. — 376,2, в 2010 г. — 519,8. Таким образом, за 12 лет внутрорегиональная торговля выросла более чем в четыре раза, хотя ее доля во всем торговом обороте региона за эти годы изменилась мало. Это видно из показателей табл. 8.

⁸ World Trade Organization/ International Trade Statistics. 2010, с. 3.

Таблица 8

Доля межрегиональной торговли в общем внешнеторговом обороте стран ЮВА, %

Начало 80-х гг.	10,0	2003 г.	25,1
1985 г.	15,0	2008 г.	24,8
1996 г.	20,0	2009 г.	24,5
1998 г.	21,0	2010 г.	25,4
2000 г.	22,0		

Источники: ASEAN Community in Figures, 2011. Jakarta, April 2012, p. 15; Tariffs and Other Barriers in Intraregional Trade. ESCAP TID Staff Working Paper 01/09,p.9 — www.networkideas.org/working/aug2008/06_2008.pdf

Хотя общий уровень торговли внутри региона втрое ниже, чем в Европейском союзе, для отдельных стран значение торговых связей с соседями очень велико, о чем можно судить по данным табл. 9 об удельном весе внутрорегиональных операций в общем торговом обороте каждой страны.

Таблица 9

Доля внутрорегиональной торговли в торговом обороте государств ЮВА в 2010 г., %

Страны	Экспорт	Импорт
Развитая экономика		
Сингапур	29,98	23,99
Развивающиеся экономики		
Бруней-Даруссалам	12,32	50,60
Индонезия	21,14	37,74
Малайзия	25,39	27,19
Таиланд	22,70	22,28
Филиппины	22,47	27,94
Наименее развитые экономики		
Вьетнам	14,31	19,27
Камбоджа	12,58	34,35
ЛНДР	47,30	68,68
Мьянма	49,21	47,47
Весь регион	25,02	25,83

Источник: ASEAN Community in Figures, 2011. Jakarta, April 2012, с. 22–23.

Очевидно, что для некоторых стран торговля с соседями имеет первостепенное значение, особенно для слаборазвитых экономик. Для Брунея — вследствие того, что его аграрный сектор слаборазвит и он вынужден ввозить до 80% продовольствия. Для Лаоса — вследствие географически замкнутого расположения в регионе. Для Мьянмы — в связи с экономическими санкциями развитых государств и невозможностью расширения торговых связей с ними.

Вполне можно предположить, что в ближайшее пятилетие межстрановая торговля в регионе будет расширяться по мере усиления интеграционных процессов, либерализации тарифной политики и устранения других торговых барьеров. Страны — чле-

Таблица 10

Изменения в географической структуре экспорта и импорта, 1990–2011 гг., % от стоимости экспорта и импорта

Страны	Азия		Европа		Север. и Цент. Америка	
	1990 г.	2011 г.	1990 г.	2011 г.	1990 г.	2011 г.
ЭКСПОРТ ТОВАРОВ						
Развитая экономика						
Сингапур	45,8	65,7	17,2	10,1	23,0	9,6
Развивающиеся экономики						
Бруней-Даруссалам	91,6	83,3	0,2	0,1	3,4	0,3
Индонезия	64,4	66,8	12,8	10,9	13,9	9,1
Малайзия	57,9	66,2	16,6	10,3	18,1	10,1
Таиланд	37,9	59,6	25,3	13,3	25,3	11,3
Филиппины	34,8	65,8	18,8	11,1	40,2	15,8
Наименее развитые экономики						
Вьетнам	39,1	47,5	48,1	21,9	0,6	21,2
Камбоджа	90,9	18,4	7,8	29,1	0,4	50,2
ЛНДР	85,2	73,7	11,1	9,6	1,7	2,1
Мьянма	67,4	88,9	10,3	3,0	2,5	0,0
ИМПОРТ ТОВАРОВ						
Развитая экономика						
Сингапур	47,7	50,0	15,8	15,2	16,9	12,3
Развивающиеся экономики						
Бруней-Даруссалам	61,5	80,7	18,6	13,2	15,4	3,9
Индонезия	43,6	67,2	22,4	9,0	13,7	7,6
Малайзия	69,2	93,6	23,3	3,6	3,1	0,4
Таиланд	53,4	54,9	19,7	14,0	12,1	6,7
Филиппины	40,0	61,8	13,2	9,1	21,1	10,2
Наименее развитые экономики						
Вьетнам	34,1	74,6	21,3	7,5	0,4	4,1
Камбоджа	64,8	88,0	28,5	2,8	0,1	2,0
ЛНДР	87,7	90,7	9,7	6,6	0,8	0,8
Мьянма	69,2	93,6	23,3	3,6	3,1	0,4

Источник: ADB Key Indicators for Asia and the Pacific, 2012. Mandaluyong City, Metro Manila, Philippines, ADB, 2012, с. 228, 229.

ны регионального сообщества принимают для этого конкретные меры. Еще в 1992 г. было принято решение о создании Зоны свободной торговли АСЕАН (АФТА) и подписано Соглашение о системе общих эффективных преференциальных тарифов (СЕРТ). В 2003 г. был подписан Протокол об устранении импортных пошлин. В результате либерализации тарифы снизились с 12,76% в 1993 г. до 0,79% в 2008 г. у Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда, Филиппин и Брунея-Даруссалама и должны были понизиться до 0% к 2010 г. Во Вьетнаме, Камбодже, Лаосе и Мьянме тарифы снизились с 7,51% в 2000 г. до 3,61% в 2008 г.⁹ Эти страны должны понизить тарифы до 0% к 2015 г. На саммите АСЕАН в феврале 2009 г. лидеры стран группировки подтвердили обязательство «достичь свободного передвижения товаров в АСЕАН как одного из основных средств формирования общего рынка и производственной

базы для более глубокой экономической интеграции региона и создания Экономического сообщества АСЕАН к 2015 г.»¹⁰ На саммите было подписано Соглашение о торговле товарами (ASEAN Trade in Goods Agreement), которое предусматривает дальнейшую либерализацию тарифов и расширение торговых связей.

4. Торговые партнеры

Помимо расширения внутрирегиональной торговли, в странах ЮВА развивается еще одна тенденция, усилившаяся в связи с неустойчивой экономической ситуацией в развитых странах. Это — переориентация торговых связей с Запада на Восток, с развитых государств Европы и Америки на быстро развивающиеся азиатские государства — Китай, Индию, Республику Корея. Указанная тенденция отчетливо видна из данных об удельном весе различ-

⁹ Tariffs and Other Barriers in Intraregional Trade. ESCAP TID Staff Working Paper 01/09, с. 12 – www.networkideas.org/working/aug2008/06_2008.pdf

¹⁰ Ibid, с. 14.

ных партнеров в товарной торговле каждой страны региона (см. табл. 10).

В экспорте только Вьетнам и Камбоджа ориентируются на европейский и американский рынки, которые являются главным местом сбыта их швейной и текстильной промышленности, в импорте же все страны сократили свои закупки в Европе и Америке. Даже Филиппины, традиционно имевшие большие торговые связи с Америкой, тоже уменьшили наполовину свой импорт из этого региона и в два с половиной раза — свой экспорт в этом направлении. Для наименее развитых стран азиатские поставки товаров стали преобладающими, хотя, как четко рас-

крывает таблица 10, и более продвинутая Малайзия тоже импортирует подавляющую часть продукции из соседних государств.

Активные действия Китая, создание группировок АСЕАН+2(Китай и Республика Корея) и АСЕАН +3 (Китай, Республика Корея и Япония) и расширение связей внутри АСЕАН — все это способствует тому, что в Восточной и Юго-Восточной Азии создается обширный и мощный торговый блок. Возможно, что после окончания мирового кризиса какие-то страны расширят торговые операции с Европой и Америкой, но пока роль последних во внешней торговле ЮВА заметно уменьшилась.

ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

И.Р. Томберг

Китай в международной торговле топливом и сырьем

Динамика внешней торговли остается наиболее надежным и точным индикатором конкурентоспособности и платежеспособности страны, а также прочности ее валюты. Структурные характеристики торговли дают достаточно материала для анализа позиций и перспектив того или иного государства в отдельных отраслях мировой экономики. Взятые вместе, динамика и структура товарной торговли позволяют, в частности, судить о возможностях страны в качестве импортера минерального сырья и топлива.

События глобального финансового кризиса отчетливо показали, что секрет высокой конкурентоспособности Китая не только в ценах или «заниженном» валютном курсе. В кризисном для мировой торговли 2009 году экспорт КНР упал менее глубоко, чем у других азиатских стран при сохранении стабильного курса юаня в отношении доллара США и существенном снижении валютных курсов у конкурентов. В настоящее время в качестве важного фактора конкурентоспособности Китая в полной мере сказывается не только валютный курс, но и принципиально иной фактор.

Мы наблюдаем постепенное становление в КНР комплексной промышленной системы, позволяющей успешно проводить локализацию разнообразных экспортных производств в сотрудничестве с промышленно развитыми странами или же осуществлять самостоятельное освоение технически сложной продукции за счет развития НИОКР и внедрения их результатов. Рост удельного веса в цене китайского экспорта стоимости, добавленной в этой стране, так же обозначает перспективу повышения доли сырья и топлива в китайском импорте — в дополнение к росту ввоза для поддержания начавшейся потребительской революции.

Хорошо виден на примере последнего десятилетия и еще один важный процесс: сближение уровня относительных внутренних цен (рассчитываемый на основе движения валютных курсов и инфляции) среди ведущих азиатских экспортеров промышленной продукции (табл. 1.4). При этом рост относительных внутренних цен в Китае был довольно высоким (за десятилетие он повысился почти в полтора раза, в том числе за счет повышения курса юаня)¹,

¹ По масштабу повышения курса национальной валюты к доллару в нулевых годах Китай уступил Японии, Таиланду и Сингапуру (приложения, табл. 1).

что не помешало стране выйти в лидеры международной торговли.

Таблица 1.4

Уровень внутренних цен по отношению к ценам в США, %

Страны	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
КНР	40.3	42.1	43,4	47.6	54.7	54.0	58.1
Индия	30.3	33.3	32.9	36.9	36.4	33.6	41.2
Индонезия	33.3	40.5	47.5	51.6	56.3	56.3	68.4
Таиланд	40.0	39.6	42.9	47.5	50.0	49.0	54.2
Филиппины	42.7	39.5	43.2	48.2	52.8	49.6'	54.1
Республика Корея	65.9	77.0	79.9	81.5	69.1	63.0	71.6
Малайзия	44.4	45.8	47.6	51.6	56.3	56.3	57.0
Тайвань	72.5	60.1	56.8	54.6	54.6	51.7	52.3
Сингапур	69.5	64.8	66.7	72.3	76.2	72.2	77.5
Вьетнам	28.4	29.7	30.6	32.1	37.7	37.7	38.3
Япония	143.6	117.5	106.9	101.9	112.7	121.8	127.6

Источник: Key Indicators for Asia and the Pacific 2011. www.adb.org/statistics

Темпы роста мирового экспорта в новом веке практически повсеместно превосходили темпы экономического роста. Увеличилось отношение вывоза к ВВП и в КНР. Тем не менее, страна сравнительно легко перенесла кризис мировой торговли в 2009 году. Напомним, что в 1997 году отношение внешней торговли КНР к ВВП страны достигло 42% (в пересчете по валютному курсу) и несколько снизилось в следующие два года. В 2008 году этот же показатель достиг 57%, а экспортная квота — почти 30%.

Казалось бы, вслед за столь значительным увеличением отношения внешней торговли к ВВП куда более глубокий, почти 14%-ный, спад внешней торговли Китая в 2009 году (по сравнению с 1998 г., когда снижение составило всего 0.4%) должен был повлечь серьезные нарушения в воспроизводстве и тяжело отразиться на темпах роста (табл. 1.5). Однако этого не случилось: в 2009 году темпы роста упали незначительно, а в 2010 году — существенно повысились (в 1998 г. и 1999 г. они последовательно снижались).

Выясняется, таким образом, что экономика Китая (если иметь в виду темпы ее роста) еще меньше зависит от внешней торговли, чем в годы азиатского

кризиса. По-видимому, это связано с новым качеством хозяйства: инвестиционный и потребительский спрос внутри страны постепенно становится, в том числе в результате успеха антикризисных мер, главным двигателем развития. Пресловутая «экспортная квота» оказалась в результате дезориентирующим (недостаточным) показателем². Не оправдались и многочисленные прогнозы, предвещавшие острый кризис китайской экономики вследствие сокращения внешнего спроса. Кредитная накачка и повышение нормы накопления (во второй половине 1990-х годов ситуация была обратной — норма накопления снижалась) в немалой мере компенсировали это сокращение. В экспортном же секторе в ходе кризиса закрылись наиболее слабые предприятия.

Таблица 1.5

Темпы роста внешней торговли и ВВП КНР в 1997–1999 и 2008–2011 гг., %

	1997	1998	1999	2008	2009	2010	2011
ВВП	8.5	7.8	7.1	9.6	9.2	10.3	9.2
Экспорт	21.0	0.5	6.1	17.2	-16.0	31.3	20.3
Импорт	2.5	-1.5	18.2	18.5	-11.2	38.7	24.9

Источник: ГСУ КНР. stats.gov.cn

Заметим, что успешно противостоять спаду в мировой торговле хозяйству Китая удалось при росте добавленной стоимости в цене экспорта.

Как известно, сборка готовых изделий из импортных компонентов, а также переработка давальческого сырья (processing trade, «цзягунмаои») — важный сегмент экспортного сектора Китая. Стратегия повышения доли стоимости, добавленной на территории КНР (сформулированная еще в конце 1980-х годов), последовательно проводится в жизнь: постепенно повышается соотношение между стоимостью экспорта и импорта в этом сегменте внешней торговли (с 1.2 — в 1994 г. до почти 1.8 в 2010 г.). При этом в годы 11-й пятилетки (2006–2010) удельный вес «цзягунмаои» сократился с 48.6 до 38.9%³, что находится в русле упомянутой стратегии⁴. Сократилась в этот период доля во внешней торговле КНР предприятий с иностранным участием, особенно сильно тяготеющих к «цзягунмаои»⁵. Особенно за-

² Zhang Wenlang, Dong He. How Dependent is the Chinese Economy of Exports and in What Sense Has Its Growth Been Export Led? // Journal of Asian Economics. 2010. Issue 21.

³ http://stats.gov.cn/tjfx/ztfx/sywcj/t201103021_402706681.htm

⁴ В 2011 году прирост внешней торговли готовой продукцией (29.2%) вновь превысил увеличение объема «цзягунмаои» (12.7%). В результате доля «цзягунмаои» во внешней торговле снизилась до 35.8%. http://www.stats.gov.cn/tjfx/jdfx/t20120117_402779443.htm

⁵ Об этой особенности предприятий с иностранным капиталом см.: Потапов М.А. Влияние мирового экономического кризиса на внешнеэкономические связи КНР / Тихоокеанская Азия: экономические и политические последствия глобально-финансового кризиса. М., 2010. С. 20.

метным было сокращение удельного веса этих предприятий в импорте КНР (табл. 1.6).

Таблица 1.6

Доля предприятий с иностранным участием во внешней торговле КНР, %

	1997	1998	1999	2000	2001
Экспорт	41.0	44.0	45.5	47.9	50.1
Импорт	54.6	54.7	51.8	52.1	51.7
	2005	2008	2009	2010	2011
Экспорт	58.3	55.3	56.0	54.6	52.4
Импорт	58.7	54.7	54.2	52.9	49.6

Источник: ГСУ КНР. stats.gov.cn

Поэтому легко предположить, что важной причиной относительной неуязвимости Китая в 2009 году была, по-видимому, и достаточно успешная переориентация части экспорта на внутренний рынок — в том числе по причине роста доходов предприятий и населения. Возможно, этому способствовало усиление локализации экспортного производства (переход от «сделано в Китае» к «сделано Китаем», если говорить языком хозяйственных установок этой страны), в том числе быстро увеличивающим свою долю во внешнеэкономических связях частным сектором. Впрочем, определенную роль в поддержании высоких темпов экономического роста сыграло и нецелевое использование экспортным сектором дешевых кредитов, уходивших, в частности, на местный рынок недвижимости, что имело ряд неблагоприятных последствий.

При этом оживление международной торговли в 2010 году позволило КНР увеличить экспорт более чем на 30%, а импорт почти на 40%, сохранив примерно 200-миллиардный актив во внешней торговле товарами, который, впрочем, постепенно сокращается⁶. Вклад внутреннего спроса (инвестиционного и потребительского) в рост ВВП составил при этом 92.1%, чистого экспорта — 7.9%⁷.

К этому остается прибавить заметное усиление позиций Китая на мировом рынке услуг. Если сложить хозяйства КНР и Гонконга (что вполне уместно в силу их практически состоявшейся интеграции), то «сумма» окажется на втором месте в мире с крупным положительным сальдо (табл. 1.7).

Примечательно, что снижение доли «цзягунмаои» во внешней торговле Китая сопровождалось нарастанием удельного веса в импорте сырьевых товаров, что вполне естественно для продолжающегося процесса локализации в этой стране производства продукции обрабатывающей промышленности.

⁶ В 2011 году (первые десять месяцев) экспорт КНР вырос на 22%, а импорт — на 27%. Актив торгового баланса за этот период составил 125 млрд. долл.

⁷ http://stats.gov.cn/tjfx/ztfx/sywcj/t20110302_402706681.htm

Таблица 1.7

Мировая торговля услугами отдельных стран в 2010 г., млрд. долл., %

	Экспорт		Импорт	
	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%
США	515	14.1	358	10.2
Германия	230	6.3	256	7.3
Великобритания	227	6.2	156	4.5
КНР	170	4.6	192	5.5
Франция	140	3.8	126	3.6
Япония	138	3.8	155	4.4
Сингапур	112	3.0	96	2.7
Индия	ПО	3.0	117	3.3
Гонконг	108	2.9	51	1.5
Республика Корея	82	2.2	93	2.7
Россия	44	1.2	70	2.0
Всего	3665	100	3505	100

Источник: World Trade 2010, Prospects for 2011. Geneva: WTO, 2011. С. 23.

Подчеркнем, что доля минерального сырья, топлива и полуфабрикатов в импорте КНР стабильно повышалась в течение всей 11-й пятилетки, увеличившись с 20.3% в 2005 году до 28.7% в 2010 году⁸.

Рост цен на эти товары на мировом рынке и существенное ухудшение условий торговли для Китая не очень сильно повлияли на состояние торгового баланса страны. Сокращение же его активного сальдо с более чем 260 млрд. долл. в 2007 году до 155 млрд. долл. в 2011 году рассматривается Пекином как положительная тенденция в силу чрезмерности валютных резервов страны.

Несомненно, что именно Китай в последние годы оказал решающее непосредственное воздействие на формирование мировых цен по ряду минерально-сырьевых товаров. Особенно значительный рост цен на железную руду и уголь в последние годы, вне всяких сомнений, был вызван именно крупными китайскими закупками. В 2010 году ввоз железной руды в КНР превысил 600 млн. т — цифра говорит сама за себя. Стоит также упомянуть, что еще в 2006 году Китай был нетто-экспортером каменного угля, а в 2010 году нетто-импорт по этой позиции составил почти 150 млн. т (табл. 1.8).

Но помимо непосредственного воздействия на цены мирового рынка Китай оказывает на их формирование еще и не столь заметное, но от этого не менее

Таблица 1.8

Добыча, экспорт и импорт каменного угля в КНР, млн. т

Показатель \ Годы	2000	2002	2004	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Добыча	1299	1455	1992	2382	2536	2793	3050	3240	3520
Экспорт	55	84	87	63	53	45	22	19	15
Импорт	2	11	19	38	55	40	126	165	182

Источник: данные ГСУ КНР (stats.gov.cn). Данные округлены.

⁸ http://stats.gov.cn/tjfx/ztfx/sywcj/t20110302_402706681.htm

весомое косвенное влияние. Оно состоит в том, что хозяйство страны сравнительно спокойно выдерживает значительный рост внутренних цен на топливо и сырье, «допуская» продолжение их приобретения на внешних рынках в периоды «пиковых» цен.

Отметим также, что в тяжелом для мировой торговли 2009 году КНР очень выручила экспортеров углеводородного топлива. В стоимостном выражении импорт этих товаров в Китай сократился на 27% (составив 124 млрд. долл., или 12.3% общей стоимости импорта страны) против сокращения импорта в США на 44% (279 млрд. долл., или 17.5% стоимости импорта)⁹.

В условиях торгового кризиса 2009 года Китай, таким образом, стал, фактически, одним из немногих стабилизаторов спроса, сделав немалый вклад в снижение волатильности на нефтегазовых рынках.

Таблица 1.9

Изменение мировых цен на некоторые сырьевые цены, (цены 2005 г. = 100)

	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011*
Железная руда	44	100	130	219	285	522	625
Алюминий	82	100	139	136	88	110	137
Медь	49	100	194	189	141	191	249
Олово	74	100	196	250	184	276	390
Натуральный каучук	46	100	153	174	126	237	353
Пшеница	78	100	167	214	147	116	222
Рис	71	100	116	243	205	166	176
Хлопок	107	100	115	124	114	163	331
Кофе	76	100	129	150	132	153	246
Нефть	53	100	133	182	116	149	207
Природный газ	60	100	117	174	ПО	113	147
Уголь	53	100	138	266	149	206	255
Урановая руда	30	100	355	230	167	165	202
Все сырьевые товары	59	100	135	172	119	144	201
Минеральное сырье**	59	100	183	169	136	202	241
Энергосители	54	100	119	132	185	147	203

* На середину года

** Не включая нефть

Источник: International Trade Statistics 2011. Geneva: WTO, 2012. С. 264.

⁹ International Trade Statistics 2010. Geneva: WTO, 2010. С. 56.

Не вызывает сомнений, что «китайский фактор» внес и вполне определенный вклад в повышение долларовых цен на сырьевые товары и топливо на мировом рынке в нулевые годы. Иногда именно этим фактором непосредственно объясняют, в частности, «завышенные» цены на нефть. Представляется, однако, что дело здесь обстоит существенно сложнее.

Стоит, например, обратить внимание на данные о движении цен на основные сырьевые товары в начале нынешнего века (табл. 1.9). Они, в частности, показывают, что рост цен на группу «минеральное сырье» в целом за период 2001–2011 годов существенно превышал рост цен на нефть. Да и в подгруппе «энергоносители» урановая руда и уголь подорожали за рассматриваемый период в гораздо большей степени, чем «черное золото».

Последнее обстоятельство, по-видимому, свидетельствует о том, что о «завышенности» цен именно на нефть говорить не приходится. Другое дело — «китайский фактор» в ценообразовании на мировых рынках. Движение мировых цен на нефть и уголь в последние семь лет, на наш взгляд, хорошо иллюстрирует тот простой факт, что импорт топлива Китаем в нулевые годы оказывал на рынки и цены куда большее воздействие, чем принято думать: очевидно, например, связь резкого повышения цены на уголь с упомянутым выше переходом КНР из числа нетто-экспортеров в число нетто-импортеров этого товара — при относительно поступательном и уже привычном для рынков увеличении объемов ввоза нефти в Китай (табл. 1.10).

Таблица 1.10.

Добыча, экспорт и импорт нефти в КНР, млн. т

Годы	2000	2002	2004	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Показатель									
Добыча	163	167	174	184	187	190	189	203	204
Экспорт	5	8	5	6	4	4	5	3	
Импорт	61	80	145	169	181	179	204	239	254

Источник: данные ГСУ КНР (stats.gov.cn). Данные округлены.

Поэтому можно предполагать, что основным фактором ценообразования на нефть (или другие биржевые товары топливно-сырьевой группы) являются отнюдь не только спекулятивные игры в финансовом секторе с «бумажной» нефтью, как полагают многие исследователи (это лишь форма реализации более фундаментальных причин, включая, разумеется, состояние самого финансового сектора). Справедливее считать, что спекулянты лишь отыгрывают уже состоявшиеся или вероятные изменения в мировой экономике и политике (включая состояние финансовой сферы).

А к таким изменениям следует отнести целый ряд новых обстоятельств, а также тенденций, возникших или продолжавших действовать в нулевые годы — помимо «китайского фактора», который сам был их частью. К ним, говоря в самом общем плане, можно отнести успешное продолжение индустриализации в странах Азии и относительное сужение той части мировой реальной экономики, которая обслуживается западной (преимущественно американской) финансовой сферой. Иначе говоря, повышение долларовых цен на сырьевые товары отражало (и, возможно, далеко не в полной мере) еще и ослабление позиций реального сектора США в мировой экономике, гипертрофию финансовой отрасли и т.п.¹⁰

Доля минерального сырья и топлива в мировом экспорте в 2011 году (3 трлн. долл.) составила чуть более 20%. Этот показатель в десятки раз меньше, чем доля финансовых ресурсов, вовлеченных в операции с производными от движения цен на топливно-сырьевые товары инструментами в биржевом и небиржевом обороте. В небиржевом обороте деривативов, например, на сырье и топливо приходится лишь около 0.4% всей их суммы¹¹. По-видимому, реальный сектор устанавливает достаточно жесткую верхнюю планку, для колебаний цен, а вот высота этой планки в конечном счете во многом зависит от платежеспособности крупнейших импортеров, включая теперь и развивающиеся страны Азии.

Кроме того, важно иметь в виду еще одно очень важное обстоятельство. Значительная доля мирового прироста, энергопотребления в XXI веке пришлась на Китай, а в самом Китае — преимущественно на увеличение добычи угля. Ее прирост за 2000–2011 годы составил гигантскую величину — 2.3 млрд. т. Иначе говоря, немалая часть минерального топлива, потребляемого в мировой экономике, миновала поступления в международную торговлю — тем самым был уменьшен спрос и, возможно, недооценены все товары топливной группы.

Многие эксперты в России и за рубежом считают, что финансовые спекуляции с «бумажной нефтью» повышают ее цену (а заодно — и цену других ПЭР)¹². Однако, как уже отмечалось, можно поставить вопрос и по-другому: цены ПЭР и действия спекулян-

¹⁰ «Маховик раскрутки» долларовых цен на нефть, включающий ослабление экономики США, понижение процентной ставки, ослабление доллара и взрывной рост фьючерсной торговли нефтью в 2000–2006 годах, хорошо показан С.В. Жуковым. — Энергетическая безопасность глобализирующегося мира и Россия. Под ред. Н.А. Симони, С.В. Жукова. М., 2008. С. 25.

¹¹ Жуков С.В. Нефть как финансовый актив/ Материалы научно-практической конференции Газпромбанк — ИМЭМО РАН «Нефть как особый класс активов — современные тенденции и риски». М., декабрь 2011. С. 2.

¹² Конопляник А. Современный мировой рынок нефти: нефтяные спекулянты правят бал // Материалы научно-практической конференции Газпромбанк — ИМЭМО РАН «Нефть как особый класс активов — современные тенденции и риски». М., декабрь 2011.

тов просто отражают (возможно, еще и не в полной мере) скрытое обесценение доллара, «запертого» на вялый экономический рост в развитых странах и финансовую слабость правительств западных стран. Такое положение может быть следствием экстенсивного характера роста западной «финансомики» в последние десятилетия, с одной стороны, и утраты Западом в новом веке ряда бесспорных прежде монополий и преимуществ¹³. Быть может, достаточно констатировать, что фьючерсная и деривативная торговля просто повышают волатильность мировых цен на топливо. Их снижение в периоды финансовых неурядиц и периодически возникающих дефицитов долларовой ликвидности также носит чрезмерный характер: к примеру, увеличение предложения нефти из-за восстановления добычи в Ираке и Ливии в первой половине 2012 года, лишь совпав с кризисом в еврозоне, привело к повышению курса доллара и значительному сокращению цен на нефть.

Не вызывает сомнений тот факт, что, «предъявляя» на внешних рынках свою устойчиво растущую и крупную экономику, Пекин в нулевые годы закономерно вызывал ожидания повышения цен на топливно-сырьевые товары, отыгрываемые финансовыми рынками. По-видимому, не совсем случайно и то, что «пиковые» цены на нефть 2007–2008 годов пришлись на период особо высоких темпов роста и перегрева китайской экономики. Но переоценивать роль «китайского фактора» на мировом рынке нефти не следует: доля этой страны в мировом импорте топлива остается еще относительно скромной.

В то же время данные статистики, характеризующие импорт топлива азиатскими странами, а также США и ЕС в нулевые годы (табл. 1.11), свидетельствуют не только о выросшей доле Китая в мировом импорте топлива, но и об очень устойчивом росте потребления в Китае. Эти цифры столь же наглядно показывают наличие у КНР значительного потенциала наращивания ввоза топлива с точки зрения удельного веса этой позиции в совокупном импорте страны (если сравнивать с другими крупными потребителями).

Последний показатель у КНР, заметим, растет, но пока остается существенно ниже соответствующего индикатора у США и в среднем вдвое ниже, чем у соседей по Азии.

В стоимостном выражении импорт топлива в четыре азиатских страны с 50% от суммарного ввоза США и ЕС в 2000 году увеличился до 70% (табл. 1.11). Можно сравнить с суммарным показателем США и ЕС только Китай и Индию. Тогда рост окажется еще более резким: с 14% в 2000 году до 34% в 2010 году.

В настоящее время доля Китая — около 8% от мирового импорта нефти, а в мировом росте спроса на этот товар с 2000 года — порядка 30%. При этом, по расчетам Кембриджской ассоциации энергети-

¹³ Салицкий А.И., Таций В.В. Мировая экономика: время переоценок? // Восток (Oriens). 2011. № 5. С. 68.

ческих исследований (CERA), на всю развивающуюся Азию в течение следующих 15 лет придется половина совокупного прироста потребления нефти. По недавнему прогнозу РЭА-ИНЭИ, до 2035 года азиатские страны обеспечат 65% прироста мирового спроса на все ПЭР, причем на Китай и Индию придется свыше половины¹⁴.

Таблица 1.11

Импорт топлива отдельными странами в 2000–2010 гг., млрд. долл., %

Импортеры Годы	Япония	Юж. Корея	Китай	Индия	США	ЕС*
2000	77	38	21	19	140	149
2008	268	143	169	116	502	673
2010	199	122	188	109	362	506
Доля импорте стран в 2005 г., %	25.8	25.8	9.7	32.4	17.2	23.1
Доля импорте стран в 2010 г., %	28.6	28.8	13.5	33.8	18.4	25.4

* Ввоз в страны ЕС–27 из других стран

Источник: International Trade Statistics 2011. Geneva: WTO, 2012. С. 76.

Прогнозирование теперь вряд ли возможно без включения сценариев развития международных финансовых рынков (и китайской политики в этой сфере). А эти сценарии в самом общем виде пока представлены прогнозами дорогих и дешевых денег, то есть двумя вариантами: повышения и понижения ставки кредита на финансовых рынках в начавшемся десятилетии¹⁵. Повышение ставки в США, как считают многие, ведет к снижению цены нефти¹⁶.

Заметим, однако, что в 2010–2012 годах наблюдались противоположные векторы движения этой ставки в США и Китае: ФРС ее понижала, а НБК повысил в октябре 2010 года (снизив лишь в июне 2012 года) — в целях борьбы с инфляцией. Поэтому совсем не обязательно, что и в будущем финансовые рынки будут демонстрировать «синхронное плавание». Инвестиционная активность и динамичный рост в Китае, да и в Азии в целом, могут со временем начать компенсировать эффект повышения процентной ставки в США, а финансовые рынки «отыгрывать» такой рост на сырьевых активах.

Для полноты картины места КНР в международной торговле энергоресурсами стоит привести данные статистики о внешней торговле Китая еще по ряду товаров топливной группы, а также электроэнергии (табл. 1.12, 1.13).

Эти данные показывают, что КНР имеет устойчивый актив в торговле электроэнергией (в основном она поставляется в Гонконг) и дизельным топливом.

¹⁴ Прогноз развития энергетики мира и России до 2035 года. М., 2012.

¹⁵ Farewell to cheap capital: The implications of long-term shifts in global investment and savings. McKinseyGlobalInstitute. 2011.

¹⁶ См., например: Копьин И. Риски цены нефти/ Материалы научно-практической конференции Газпромбанк — ИМЭМО РАН «Нефть как особый класс активов — современные тенденции и риски». М., декабрь 2011.

Столь же устойчивый пассив Китая в торговле мазутом, сжиженным попутным и природным газом. Импорт природного газа стремительно набирает обороты с середины нулевых годов.

Таблица 1.12
Импорт отдельных видов топлива в КНР

Годы	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Топливо						
Бензин, тыс. т	-	60	230	1990	40	1330
Дизельное топливо, тыс. т	530	710	1620	6240	1840	1800
Керосин, тыс. т	3280	5610	5240	6480	6120	4870
Мазут, млн. т	26.1	28.0	24.2	21.9	27.1	23.0
11СНГ, тыс. т	6170	5360	4050	2590	4080	3270
Прочие нефтепродукты, млн. т	4.4	4.4	6.9	6.7	11.5	-
Природный газ, млрд. куб. м	-	1.0	4.0	4.6	7.6	12.9
Электроэнергия, млрд. кВт.ч	-	5.4	4.3	3.8	6.0	-

Источник: Чжунгонэньюаньтунцзиняньцзянь 2011 (Статистический ежегодник энергетики Китая 2011), Пекин, 2011.

Таблица 1.13
Экспорт отдельных видов топлива из КНР

Годы	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Топливо						
Бензин, тыс. т	5600	3510	4640	2030	4920	5170
Дизельное топливо, тыс. т	1480	780	660	630	4510	4640
Керосин, тыс. т	2690	3710	4480	5360	5940	6050
Мазут, млн. т	2.3	2.6	3.8	7.3	8.6	9.9
СНГ, млн. т	30.	150	340	680	850	930
Прочие нефтепродукты, млн. т	4.7	4.7	4.2	4.2	3.0	-
Природный газ, млрд. куб. м	3.0	2.9	2.6	3.2	3.2	-
Электроэнергия, млрд. кВт.ч	11.2	12.3	14.6	16.6	17.4	19.1

Источник: Чжунгонэньюаньтунцзиняньцзянь 2011 (Статистический ежегодник энергетики Китая 2011), Пекин, 2011.

В то же время политика Китая — это политика государства, импортирующего энергоресурсы. В этом смысле ее более подходящие аналоги — политика Индии, Пакистана, ряда стран Юго-Восточной Азии. В этих и многих других странах государство также играет важную роль, непосредственно контролируя рынок. Но у Пекина есть важное преимущество в виде масштаба китайской экономики.

По суммарному объему импорта топлива из стран Среднего Востока КНР на рубеже 10-х годов опередила ЕС (а Индия — США, табл. 1.14). Это — одна из важных причин продолжающегося укрепления связей Пекина с этой группой государств. Противоречия между Ираном и арабскими странами Персидского залива Китаю удается обходить стороной, а традиционная для Пекина политика невмешательства во внутренние дела других стран

позволяет после бурных событий «арабской весны» достаточно выигрышно позиционировать себя в отношениях с любыми режимами. Некоторые же из нефтяных монархий после этих событий испытывают понятные сомнения по поводу надежности США в качестве государства, заинтересованного во внутренней стабильности стран-партнеров, охотно углубляя и диверсифицируя сотрудничество с Пекином и другими азиатскими столицами.

Таблица 1.14
Импорт топлива из стран Среднего Востока в 2005 г. и 2010 г., млрд. долл.

Импортеры	Япония	Ю. Корея	Китай	США	ЕС	Индия
Годы						
2005	86	45	25	43	52	28
2010	116	76	68	51	66	62

Источник: International Trade Statistics 2011. Geneva: WTO, 2012. с. 76.

Облегчает сотрудничество Пекина (и Дели) со странами-производителями энергоресурсов и тот простой факт, что это взаимодействие разворачивается, как правило, между государственными нефтяными компаниями (новыми мейджорами *major NOCs*)¹⁷ с обеих сторон — в отличие от традиционной схемы. В традиционной схеме компаниям развивающихся стран противостоят старые мейджоры (*international oil companies* — *IOCs*).

И наконец, необходимо упомянуть и об экспорте Китаем сырьевых товаров. В этой области внешнеэкономическая политика страны, исходя из принципа максимизации доли стоимости, добавленной на своей территории, или соображений контроля над отдельными рынками, нередко встречает закономерное недовольство партнеров. Так, в 2012 году Китай проиграл разбирательство в ВТО, инициированное ЕС, США и Мексикой. Оно касалось расхождений во внутренних и экспортных ценах на фосфор, цинк, марганец, некоторые бокситы и еще ряд позиций, по которым КНР является ведущим поставщиком на мировой рынок, формируя на нем цены. Китай будет вынужден снять экспортные пошлины как искусственные торговые барьеры.

Очевидно, что производство и потребление ПЭР в КНР будут оказывать все большее влияние не только на цены, но и на будущую структуру мирового энергетического рынка, поиск заменителей конвенционального топлива, энергосбережение и т.п.

Другой стороной укрепившихся внешнеэкономических позиций КНР стала в нулевые годы активная зарубежная экспансия этой страны, в том числе в мировую энергетику, вызвавшая целый ряд неожиданных реакций и последствий. Хотя это — отдельная большая тема.

¹⁷ *National oil companies*.

Ценовая конкурентоспособность Китая, первоначально послужив важной основой создания и успешного развития экспортного сектора промышленности, постепенно уступает место комплексной конкурентоспособности страны. Это в определенной мере стабилизирует роль Китая в мировой экономике в качестве ведущей промышленной державы и растущего потребителя импортного топлива и сырья.

Важно еще раз подчеркнуть, что КНР уверенно наращивает импорт минерального топлива, и в том числе углеводородов, без особого ущерба для внешней платежеспособности. Это позволяет предполагать возможными не только поддержание имеющегося и будущего спроса на импортное топливо, но и постепенную перестройку структуры потребления первичных энергоресурсов в Китае за счет использования внешних факторов.

Н.К. Семенова

Китайский энергетический вектор: значение ШОС и безопасность в Центральной Азии

После подведения итогов на юбилейном саммите ШОС в Астане в 2011 г. в СМИ появились публикации о недостаточном использовании потенциала и некотором периоде «застоя» в развитии организации¹. Итоги саммита 2012 г. дают понять, что, несмотря на имеющиеся проблемы², подобные мнения устаревают. Значение ШОС в мире переосмысливается³: из субрегиональной организации она стала одним из мировых центров влияния «неамериканского мира». Организация стала важным элементом формирующейся архитектуры безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На сегодняшний день ШОС представляет собой трехуровневую структуру:

- 1) институт постоянных членов (РФ, КНР, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан и Узбекистан);
- 2) группа стран-наблюдателей (Индия, Пакистан, Иран, Монголия, Афганистан);
- 3) группа стран-партнеров по диалогу (Белоруссия, Шри-Ланка, Турция).

Ряды организации прирастают новыми участниками. Дели и Исламабад официально оформили и подали заявки на вступление в группу постоянных членов ШОС, на вступление в группу партнеров по диалогу — Сеул, Токио и даже Вашингтон. Брюссель же, наоборот, подчеркивает неприятие, критикуя ШОС по гуманитарным и политическим вопросам. Позиция ЕС выглядит недаленовидной и отражает общий европейский кризис политического мышления⁴.

В своей широкомасштабной деятельности ШОС охватывает, в том числе, и экономическую сферу,

где создала эффективную платформу для углубления сотрудничества. Это привело к стремительному увеличению объема торговли между членами организации. К примеру, годовой товарооборот между Китаем и остальными членами ШОС вырос с 12,1 млрд. долл. США в 2001 году до 90 млрд. долл. в 2011 году⁵.

Основной конструктивной составляющей ШОС является взаимодействие РФ и КНР. Страны-лидеры пока с пониманием относятся к ряду сложных вопросов⁶, включая интеграционные проекты. Китай, сознавая, что Россия отстает от него в экономическом освоении Центральной Азии, политически продолжает признавать за ней неофициальное лидерство и приоритеты в регионе и все больше активизируется на центральноазиатском направлении. Объективный закон конкуренции в действии.

По мнению ведущих российских экспертов, для Китая Средняя Азия была и остается стратегическим «тылом» по многим позициям — безопасности, энергетике, противодействия Западу (США и НАТО), созданию новых рынков сбыта и источников сырья, транзитным «коридором». Однако этот «тыловой регион» вторичен для китайцев по сравнению с их океанической, глобальной политикой (инвестиции с Запада, доступ к ресурсам по всему миру). Он связан с развитием отсталых районов самого Китая, особенно Синьцзяна⁷. В этом плане среднеазиатское

⁵ Комментарий: Пекинский саммит ШОС задаст тон новому десятилетию http://russian.china.org.cn/news/txt/2012-06/06/content_25575815.htm

⁶ Китай предлагал партнерам (по ШОС) одобрить три инициативы. Первая — создание банка развития ШОС: создавать банк с нуля, разместить его штаб-квартиру в Пекине, наполнить китайскими же деньгами и поставить во главу нынешнего президента Банка развития Китая. Второй проект - создание специального счета ШОС. В свое время такую идею выдвинула РФ, в прошлом году на саммите ШОС в Астане (2011 г.) ее продвигал Дмитрий Медведев: создать фонд для финансирования предпроектных работ и ТЭО интеграционных проектов в рамках ШОС, китайцы же предложили превратить счет в инструмент поддержки стран-членов на случай, если у них возникнет дыра в бюджете, и хотели привязать счет к своему проекту банка. В ходе подготовки к саммиту (2012 г.) китайцы подняли тему о создании зоны свободной торговли на просторах ШОС, обосновывая это тем, что Китай и Киргизия уже являются членами ВТО, РФ туда вот-вот вступит, а присоединение остальных не за горами. Если бы все три проекта были реализованы, то на фоне надвигающейся второй волны кризиса и падения цен на нефть дешевые китайские деньги по линии ШОС стали бы дополнительным соблазном для многих членов организации. И тогда Пекин получил бы возможность диктовать партнерам свои условия по многим вопросам, в том числе и не имеющим прямого отношения к деятельности ШОС, отмечает «Коммерсант». В итоге российские дипломаты смогли убедить коллег: принимать решения по этим проектам на нынешнем саммите преждевременно / Пресса: Россия перед саммитом ШОС сорвала планы Китая, помешав ему укрепить позиции / <http://www.newsru.com/world/06jun2012/sco.html>

⁷ Лузянин С.Г. Центральная Азия: изменения безопас-

¹ ШОС: почему организация не расширяется? / http://www.masterforex_v.org/forex_tv/fx_clearing/entry1000_64_53.html; Изимов Р. Перспективы развития Шанхайской Организации Сотрудничества / <http://www.ru.journal-neo.com/node/3765>; Шанхайская организация сотрудничества: проблема вступления новых членов / <http://www.polutuka.ru/shanhajskaja-organizatsija-sotrudnichestva-problema-vstuplenija-novyh-chlenov.html>; Каукенов А. ШОС: внутренние противоречия и реальный потенциал сотрудничества / <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/180.html>; Николаев А. ШОС – это по-нашему! / http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=80483

² Косырев Д. За гранью десятилетия ШОС: новая эпоха, которой нужна новая политика / <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=9280>

³ Лукьянов Ф. ШОС как зеркало мира / <http://www.gazeta.ru/column/lukyjanov/3663441.shtml>; Расов С. Перспективы и интриги ШОС / <http://www.ru.journal-neo.com/node/117125>; Бушуев В., Первухин В. Энергетический клуб ШОС: каким ему быть? / <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=9616>; Лукьянов Ф. Шанхайская альтернатива? / <http://mn.ru/oped/20120606/319892790.html>

⁴ Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс / http://www.perspektivy.info/oikumena/azia/vneshnaja_politika_kitaja_do_2020_g_prognosticheskij_diskurs_2011-11-29.htm

измерение взаимодействия РФ и КНР не является главным для обеих стран. Тем не менее, в нем складывается основа для объективного «мягкого противостояния», которое не вытеснит партнерство, но будет модифицировать его по темпам и объему⁸.

В экономическом направлении интеграции в рамках ШОС в последние годы активно проявился энергетический вектор. «Государства — члены ШОС, отмечая ключевое значение энергетики для успешного развития экономики и создания благоприятных предпосылок для улучшения качества жизни граждан своих стран, заявляют о своей решимости и далее продвигать взаимовыгодное сотрудничество в этой области на основе равноправия, в целях обеспечения эффективного, надежного и экологически безопасного энергоснабжения»⁹.

Мнение китайских экспертов по этому поводу резюмировал старший консультант Китайского исследовательского центра ШОС Ван Хайюнь. Среди экономических сфер сотрудничества в рамках ШОС, по словам Ван Хайюня, энергетическое сотрудничество является центром тяжести. Во-первых, энергетика оказывает самое большое влияние на социально-экономическое развитие государств — членов ШОС. Во-вторых, между странами ШОС отмечается самая высокая взаимодополняемость в энергетической сфере. Среди них и крупный обладатель энергоресурсов, и крупный потребитель энергоресурсов. Преимущество во взаимодополняемости стало важной основой для энергетического сотрудничества. В-третьих, энергетическая сфера является важной сферой, на которую больше всего претендуют внешние силы. Разумное налаживание энергетических вопросов очень важно для экономического роста, стабильности и безопасности стран ШОС. В-четвертых, энергетическое сотрудничество является сферой, которая наиболее благополучно развивается и обладает прекрасными перспективами¹⁰.

Энергетическая стратегия Китая в условиях стремительного экономического развития

По производству и потреблению энергии Китайская Народная Республика является крупнейшей страной в мире. По добыче нефти Китай (5,1% миро-

вой добычи нефти)¹¹ занимает уже пятое (2009 г. — 6 место)¹² место после Саудовской Аравии (13,2%), США (10,4%), России (12,8%), Ирана (8,8%), и второе место¹³ в мировом потреблении энергоресурсов, импорт составляет свыше 50%¹⁴.

В связи со стремительным экономическим ростом и перманентным увеличением степени модернизации во всех отраслях народного хозяйства спрос на энергию в Китае увеличивается прогрессирующими темпами.

В последние годы китайская энергетическая политика предусматривает не только сокращение разрыва между внутренним производством и потреблением нефти, но и активное участие международного энергетического сотрудничества. В условиях нарастающей зависимости Китая от импорта нефти (см. табл. 1) и газа, наиболее важным направлением его внешней энергетической политики стала политика диверсификации импортных энергопотоков. Китайская энергетическая дипломатия действует на трех главных стратегических направлениях: в Северной Африке с опорой на Судан, в Центральной Азии и России с опорой на Казахстан и в Латинской Америке с опорой на Венесуэлу.

Таблица 1

Зависимость Китая от импорта нефти, 1998–2020 гг.

Год	Добыча (млн.т.)	Импорт (млн.т.)	Потребление (млн.т.)	Зависимость от импорта
1999	160,2	49,4	209,6	24%
2000	162,6	60	222,6	27%
2001	164,8	63,1	227,9	28%
2002	164,9	80,5	245,4	33%
2003	169,6	91,1	260,7	35%
2004	174,1	144,8	318,9	45%
2005	180,8	122,8	303,6	40%
2006	183,7	145,18	328,9	44%
2007	186,7	163,2	349,9	47%
2008	189,7	178,8	368,5	49%
2009	189	203,8	392,8	52%
2010	203,7	251,3	455	55%
2011	209,8	266,6	476,4	56%
Прогноз 2020	210	309	519	60%

Источник: составлено автором по BP Statistical Review of World Energy 2009. – London: BP 2009. BP Statistical Review 2012, IEA, CNPC.

ности и сотрудничества http://www.perspektivy.info/rus/desk/centralnaja_azija_izmerenija_bezопасnosti_i_sotrudnichestva_2012-02-06.htm

⁸ Регнум: Интеграция Путина не стыкуется с китайской стратегией в ЦА/ http://www.region.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=558:2012-07-16-05-08-23&catid=9:daidjest&Itemid=8

⁹ Екатеринбургская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества /<http://президент.рф/search?query=%D1%88%D0%BE%D1%81>

¹⁰ Ван Хайюнь. О развитии ШОС: Детство прошло, начинается юность /интервью в газете «Чжунгван» 25 мая 2012/ http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-05/25/content_25473694.htm

¹¹ BP Statistical Review of World Energy 2012.

¹² Нефть России: персоны, компании, понятия. Месторождение / информационно-аналитический портал Нефть России / <http://www.oilru.com/faces/33>. Ноябрь, 2011.

¹³ Криницкий К. Поднебесный гигаватт: великая китайская энергетика /деловой журнал Энергополис №6, 2010 / <http://energypolis.ru/portal/2010/427-podnebesnyj-gigavatt-velikaya-kitajskaya.html>.

¹⁴ Достаточно ли Китаю энергоресурсов? / по материалам Всероссийской конференции «Энергетика России в XXI веке — восточный вектор» и 7-я Международная конференция АЕС «Экономическая кооперация в Азии: что после кризиса» в рамках Байкальского экономического форума 13.09.2010 / <http://www.chinapro.ru/blogs/6/4915/print>.

Одним из приоритетных направлений в реализации энергетической стратегии Китая является развитие внутриконтинентальных поставок нефтегазового сырья из России и государств Центральной Азии посредством трубопроводного транспорта.

Привлекательность «центральноазиатского вектора» энергетической стратегии КНР, по мнению китайских экспертов, определяют следующие факторы: во-первых, взаимодополняемость интересов. Странам Центральной Азии необходимы инвестиции для освоения своих нефтегазовых ресурсов и рынки сбыта, а Китай нуждается в диверсификации источников энергии.

Во-вторых, наличие общих границ, что позволяет транспортировать нефтегазовые ресурсы без посредников. В Пекине понимают значение транзитных возможностей ЦА для транспортировки энергоносителей по сухопутным магистральным трубопроводам, что представляется лучшей гарантией собственной энергобезопасности.

В-третьих, содействие программе развития Северо-Западного Китая. Это обеспечит новые рабочие места в СУАР, что должно, по мнению Китая, способствовать стабилизации ситуации в районе.

В-четвертых, обеспечение мирного окружения и расширение влияния на страны Центральной Азии, что немаловажно с точки зрения перспективных геополитических целей Пекина¹⁵.

Китайцы уверенно и неторопливо укрепляют свое влияние и мощь, действуя в духе мудрой китайской поговорки «мань цзоу» – «шестьдесят медленно». С этой целью они используют торгово-экономические связи, предоставление кредитов на льготных условиях, поставки технологий, подготовку кадров и командирование квалифицированных рабочих и т.п. Особое место отводится взаимовыгодным инфраструктурным проектам¹⁶.

Активизация КНР в Центральной Азии на двусторонней основе и через ШОС

Осуществляя свою внешнюю энергетическую стратегию «выход за пределы», Китай делает ставку на быструю и эффективную реализацию своих транспортных, энергетических и инвестиционных проектов в двусторонних форматах. Формат ШОС рассматривается Китаем как в региональном (Центрально-Азиатском), так и глобальном аспектах. После арабских революций традиционные пути доставки Китаю нефти и газа с Ближнего Востока становятся все более опасными и нестабильными. В этих условиях резко возрастают роль и цена сухопутных

¹⁵ Пань Гуан. Энергетическая политика Китая и обеспечение энергетической безопасности в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2007, №6. С. 102.

¹⁶ Лебедева Н. Б. Большой Индийский океан и китайская стратегия «Нить жемчуга»/ <http://www.perspectivy.info/print.php?ID=104809>

энергетических коридоров из Центральной Азии (ЦА) и России.

Общий объем осваиваемых китайских инвестиций в странах Центральной Азии составил в 2011 г., по некоторым данным, около 17 млрд долл.¹⁷ Освоение китайских инвестиций любого назначения стимулирует товарооборот между КНР и государствами ЦА, а также улучшает ряд макроэкономических показателей стран региона. Сотрудничество в торговле энергоресурсами с таким стабильным «оптовиком»-импортером, как Китай, способствует устойчивости коммерческих связей государств ЦА на трансрегиональном уровне, а также росту их добывающего комплекса. Однако фокусировка на сырьевой сфере отвлекает ресурсы от обрабатывающего кластера, без которого формирование в регионе сбалансированной экономической структуры крайне проблематично. Справедливости ради, необходимо упомянуть, что КНР имеет планы по инвестициям и в обрабатывающие отрасли некоторых стран ЦА¹⁸.

И хотя нефтегазовый вектор пока остается главным в энергетической и, в целом, в экономической политике Китая в Центральной Азии, тем не менее, некоторая диверсификация экономической активности КНР в странах ЦА по отраслям экономик также имеет место (см. табл. 2).

В частности, среди отраслей ТЭК помимо нефтегазовой отрасли китайские интересы в регионе в последние годы все больше затрагивают атомную энергетику (Казахстан), электроэнергетику (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан), а также угольную отрасль (Кыргызстан). В результате экономическое влияние Китая в Центральной Азии постепенно распространяется уже и на Таджикистан и Кыргызстан, которые не имеют промышленных запасов углеводородов, а также на Узбекистан (см. табл. 3), который обладает промышленными запасами нефти и газа, но не ориентирует свою политику на масштабное увеличение их экспорта¹⁹.

¹⁷ Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая ...

¹⁸ КНР построит в Киргизии машинно-тракторный завод и завод по производству азотных удобрений. Планируется также строительство завода по переработке хлопка и текстильной промышленности/Китайские инвесторы нацелились на Киргизию/ интернет-журнал «Новая политика»/ <http://www.novopol.ru/-kitayskie-investoryi-natselilis-na-kirgiziyu-text132655.html>

¹⁹ Парамонов В., Строков А. Энергетическая политика Китая в Центральной Азии и ее современное значение для России / <http://www.ru.journal-neo.com/node/7852>

Таблица 2
Ресурсно-транспортные проекты с китайским участием в ЦАР*

Государство	Цель	Объем вложений	Новые крупные ресурсно-транспортные проекты с китайским участием
Казахстан	энергетическая безопасность КНР – обеспечение стабильного и долгосрочного доступа к углеводородам РК и Прикаспийского бассейна.	23,6 млрд. дол. (на отрасли ТЭК -95%) инвестиции - 11 млрд. дол., кредиты - 0,55 млрд. дол., активы - 12,1 млрд. дол.	-25-30% добычи нефти на территории Казахстана: -китайские компании имеют доли ОТ 50 ДО 100% в более 20 нефтегазовых компаний РК (см. Таб.) - освоение нефтяных месторождений в Актобинской, Атырауской, Мангистауской, Кызылординской и Карагандинской областях - подготовка к геологоразведке и освоению нефтегазового месторождения Дархан в шельфе Каспийского моря; -расширение мощности нефтепровода «Атасу–Алашанькоу», - строительство газопровода в Актобинской области казахстанского участка магистрального газопровода «Туркменистан– Китай» - поставки сжиженного нефтяного газа из РК по железной дороге через КПП «Алашанькоу». соглашение между «Казатомпромом» и Китайской государственной корпорацией ядерной промышленности о поставках в КНР топливных таблеток из РК. приобретения доли в двух из трех нефтеперерабатывающих предприятий Казахстана, заводов в Шымкенте и Актау CNPC и Китайская национальная морская нефтяная корпорация (CNOOC) приобрели 50-100% доли в пятнадцати энергетических компаниях РК.
Таджикистан	интенсификация китайско-таджикской торговли, проникновение в различные отрасли таджикской экономики в т.ч. энергетику	878,5 млн. дол. (44% на отрасли ТЭК), включая кредиты - 600 млн. дол., инвестиции – 50 млн. дол., активы – 82 млн. дол.	-строительство высоковольтных линий электропередач «Лолазор-Хатлон» и «Юг-Север» (сданы в эксплуатацию в 2009 году), -строительство Нурабадской ГЭС-2 и Зеравшанской ГЭС («Синохидро»). -реконструкция автомобильной трассы «Душанбе–Худжанд–Чаню»; -строительство автомобильного туннеля «Шахристан» (Сев. г. Душанбе); -строительство автомобильного туннеля «Шар-Шар» (ю-в. г. Душанбе). -автомобильное шоссе Куляб-Мургаб-Каракорум (КНР), - туннель Шар-шар, мосты на реке Пяндж, соединяющие Таджикистан и Афганистан. -между Таджикистаном и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC) было подписано соглашение о разведке нефти и газа в Таджикистане Значительный (свыше 80%) объем кредитов - расчет на возврат долгов в виде доступа к минеральным и другим ресурсам, контрольными пакетами акций таджикских стратегических предприятий и территориальными уступками (часть Горного Бадахшана 1122 кв. км).
Кыргызстан	Стратегический план для торговой экспансии в ЦА и на постсоветское пространство в целом	160-180 млн. дол.: (5% на отрасли ТЭК) кредиты - 120 млн. дол., инвестиции – 40-60 млн. дол.	финансовая активность нацелена на оказание технической помощи правительству республики и реализацию небольших по масштабам проектов в горнодобывающей, транспортной отраслях, производстве строительных материалов. Проекты в отраслях ТЭК носят единичный характер.
Узбекистан	Усиление геополитического влияния в ЦА. Интерес китайских компаний – ТЭК и смежные отрасли: нефтегазовая, электроэнергетическая, химическая.	640 млн. дол. (85% - отрасли ТЭК), включая 167 млн. дол. кредитов, 473 млн. дол. – инвестиций.	Китайская национальная нефтегазовая компания (CNPC) по соглашению с Национальной холдинговой компанией (НХК) «Узбекнефтегаз»= СП «УзCNPC Петролеум» -строительство узбекского участка газопровода «Туркменистан-Китай»; -освоение нефтяных месторождений в Ферганской долине (Ферганская, Андижанская и Наманганская области, восточная часть Узбекистана); -подготовка к освоению 23 нефтегазоконденсатных месторождений в Бухарско-Хивинском регионе и на плато Устюрт; -подготовка к освоению нефтегазоносных месторождений в узбекской части Аральского моря (северо-западная часть Узбекистана); -участие в финансировании строительства установки по производству сжиженного газа на Мубаракском ГПЗ (г. Мубарак, Кашкардарьинская область); -планы по организации совместного производства нефтегазового оборудования на территории Узбекистана -соглашение о строительстве третьей нити газопровода «Узбекистан-Китай», пропускная способность которого будет увеличена на 25 млрд кубометров в год. В Госкомитет по геологии и минеральным ресурсам Узбекистана и китайская компания CGNPC Uranium Resources Co Ltd создали СП ООО Uz-China Uran для разведки урана на Бозтауской перспективной площади под Назов. СП «Мингбулакнефть»: доразведка и разработка месторождения Мингбулак Наманганской обл.
Туркменистан	долгосрочный стратегический интерес к газовым ресурсам	1,1 млрд. дол. (42% - на нефтегазовую отрасль), кредитов - 700 млн. дол., инвестиции – 450 млн. дол.	Большая часть китайского экспорта в Туркменистан - машины и оборудование для реализации проектов китайских компаний в туркменской нефтегазовой отрасли -стремительный рост масштабов проектно-инвестиционной деятельности китайских нефтегазовой отрасли, -освоение нефтегазовых месторождений как на суше, так и на шельфе Каспийского моря (в т.ч. газосносной территории «Багтиярлык» (восточная часть Туркменистана, правобережье реки Амударья, геологоразведка газового месторождения «Южный Илолтань») -строительство газоперерабатывающего завода вблизи газосносной территории «Багтиярлык» (ю-в. Туркменистана) -строительство туркменского участка магистрального газопровода «Туркменистан – Китай». CNPC- в двух совместных проектах с туркменской государственной компанией «Туркменнефть» по разработке нефтяного месторождения Гумдаг, а также месторождений на шельфе Каспийского моря.

* Составлено автором по : Энергетическая политика Китая в Центральной Азии и ее современное значение для России/ <http://rusenergetics.ru/2011/09/08/energeticheskaya-politika-kitaya-v-tsentralnoj-azii-i-ee-sovremennoe-znachenie-dlya-rossii/>; Российское энергетическое агентство/ <http://rosenergo.gov.ru/upload/00039.pdf>; Абдурахим А., В традициях дружбы, братства и сотрудничества / <http://tdh.gov.tm/?id=1722>; Асоров А., Альтернатива России и ЕС <http://articles.gazeta.kz/art.asp?aid=138121>; Бессарабов Г.Д., Собянин А.Д. Нефть Китая и перспективы России/ <http://www.transcaspian.ru/cgi-bin/web.exe/rus/14006.html>; Парамонов В., Строков А., Столповский О. Экономическое присутствие Китая в Турк-

менистане / <http://www.easttime.ru/analitic/3/8/702.html>; Парамонов В., Строков А. Экономическое проникновение Китая в Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан <http://www.ceasia.ru/ekonomika/ekonomicheskoe-proniknovenie-kitaya-v-tadzhikistan-turkmenistan-i-uzbekistan.html>; Китай поможет Таджикистану освоить природные ресурсы. Таджикистан пригласил CNPC на разведку нефти и газа / <http://mob.inozpress.kg/view.php?id=36088>; Узбекистан наращивает объемы поставок сырья в Китай / Секретариат Делового Совета Шанхайской Организации Сотрудничества / <http://www.bc-sco.org/?level=10&id=1344&lng=ru>;

Таблица 3

Участие китайских компаний в энергетическом секторе Республики Узбекистан **

Наименование предприятия	Соучредители	Кап. вложения	Сфера деятельности	Месторождения
«УзСНПСПетролеум»	China National Petroleum Corporation (CNPC)	647,3 млн дол.	Доразведка, обустройство, ввод в эксплуатацию месторождений с трудноизвлекаемыми жидкими углеводородами	23 месторождения на Устюрте (в т.ч. Арнияз, Сардоб, Марковское, Умид, Устюрт) и в Бухаро-Хивинском регионе
«УзДунгшен»	«Дунгшен» (КНР) (Dong Sheng) НКХ «Узбекнефтегаз»	113,0 млн дол.	геологоразведка, разработка месторождений	Месторождения в Ферганской долине Андиканской области
СП «Мингбулакнефть»	Китайская национальная корпорация по разведке и разработке нефти и газа CNODC (подр. CNPC) – 50% ОАО «Андиканнефть» -50%	Данные не опубликованы	геологоразведка, разработка месторождений	Доразведка и разработка месторождения Мингбулак Наманганской обл. РУз
«CNPC Silk Road»	Китайская национальная корпорация по разведке и разработке нефти и газа CNODC (подр. CNPC)– 100%	208,5 млн дол.	геологоразведка, разработка месторождений	Геологоразведка 5 инвест. блоков: Устюртского, Бухаро - Хивинского и Ферганского нефтегазовых регионов
СП ООО «Asia Trans Gaz»	CNPC, НКХ «Узбекнефтегаз»	2 млрд. дол.	Проектирование, строительство и эксплуатация газопроводов	Проектирование, строительство и эксплуатация газопровода «Узбекистан-Китай» мощн. 30 млрд. куб. для транзита туркменского газа
СП на паритетных началах	CNPC (КНР), НКХ «Узбекнефтегаз», Lukoil Overseas (РФ), Nationalm Oil (Республика Корея)	Данные не опубликованы	геологоразведка, разработка месторождений	Разведка нефтегазовых ресурсов Аральского моря

** Составлено автором по: Деловой Узбекистан. Т.9–12 /Справочники ПОЛПРЕД. Совет ветеранов МИД РФ <http://polpred.com/free/uzbekistan/book.pdf>; Парамонов В., Строков А., Экономическое проникновение Китая в Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан <http://www.ceasia.ru/ekonomika/ekonomicheskoe-proniknovenie-kitaya-v-tadzhikistan-turkmenistan-i-uzbekistan.html>; Узбекистан наращивает объемы поставок сырья в Китай/Секретариат Делового Совета

Шанхайской Организации Сотрудничества / <http://www.bc-sco.org/?level=10&id=1344&lng=ru>; Бизнес-форум деловых кругов Узбекистана и Китая/ Правительственный портал Республики Узбекистан <http://www.gov.uz/ru/press/economics/15592>; Коржубаев А.Г., Филимонова И.В. Нефтегазовый комплекс Узбекистана в международной системе энергообеспечения/ <http://www.vipstd.ru/gim/content/view/403/285>

Таблица 4

Участие китайских компаний в нефтегазовом секторе Казахстана ***

Наименование компании	Доля китайской стороны в общей собственности	Сфера деятельности	Осваиваемые месторождения	Объем добычи в 2010 г.
АО "CNPC-Актобемунайгаз" (СП)	Доля китайской China National Petroleum Corporation (CNPC) 94,47 %	Геологоразведка, разработка углеводородных месторождений, продажа сырой нефти и нефтепродуктов	Актюбинской области на западе Казахстана (Жанжол, Кенкияк надсолевой и Кенкияк подсолевой, геологоразведка на Центральном блоке Восточной части Прикаспийской впадины).	6,2 млн. т. нефти 3,4 млрд. куб. м газа.
АО "Мангистаумунайгаз"	China National Petroleum Corporation (CNPC) - 50 %	одно из крупнейших нефтегазодобывающих предприятий РК (31 % добычи в регионе и 8 % по РК).	15 месторождений нефти и газа с общими начальными запасами 969 млн. т. (основные - Каламкас и Жетыйбай)	5,475 млн. т. нефти, план на 2012 год - 5,9 млн. т. нефти
Buzachi Operating Ltd.	СП: CNPC (50%) и Caspian Investments Resources (50%)	нефтегазодобывающая компания	Северные Бузачи в Мангистауской области	Добыча нефти и газа в нефтяном эквиваленте около 1,88 млн. т.
АО "ПетроКазахстан" вертикально интегрированная энергетическая группа. Акционеры - CNPC и НК КМГ.	Добыча нефти АО "ПетроКазахстан Кумколь Ресорсиз" (доля CNPC - 67 %) нефтепереработка - ТОО "ПетроКазахстан Ойл Продактс" (ШНПЗ; доля CNPC 50 %)	геологоразведка, разработка месторождений, добыча нефти и газа, а также приобретения, переработка и продажа нефти и нефтепродуктов	Южно-Тургайской нефтеносной бассейн, нефтепереработка - Шымкентский нефтеперерабатывающий завод	6,048 млн. т. нефти, переработка нефти на ШНОС - 4,58 млн. т.
ОАО "Каражанбас-мунай"	Акционеры China International Trust and Investment Corporation (CITIC) и "Разведка Добыча "КазМунайГаз" - по 50 %	нефтегазодобывающая компания: битумы нефтяные, газовый конденсат, нефть сырая, породы сланцевые, топливо нефтяное	Каражанбас в Мангистауской области Казахстана	Добыча нефти и газа в нефтяном эквиваленте около 1,8 - 1,9 млн. т.
АО "CNPC-Айданмунай"	National Oil and Gas Exploration and Development Corporation (CNODC)- 100%	нефтегазодобывающая компания, продажа нефтепродуктов	Арыское в Кызылординской области РК	Добыча нефти и газа в нефтяном эквиваленте около 400-450 тыс. т.
ТОО СП "Куат Амлон Мунай"	China Zhenhua Oil Co Ltd. - 100 %	нефтегазодобывающая компания	Право недропользования на проведение разведки и добычи углеводородного сырья на месторождениях Коныс и Бектас в Кызылординской области	Добыча нефти и газа в нефтяном эквиваленте около 600 тыс. т.
ТОО "Эмир Ойл"	MEI Holdings Corporation (КНР) - 100 %	Нефтегазодобывающая компания	Право недропользования на месторождениях группы Аксаз, Долинное и Эмирблок, нефтегазовом месторождении Кариман, разведочных структурах Борлы и Ессен, разведочной территории Северо-Западного блока, расположенных на побережье Каспийского моря (Мангистауская область).	Добыча нефти и газа в нефтяном эквиваленте около 150 тыс. т.
АО "КМК Мунай"	China National Petroleum Corporation (CNPC) - 86,79%	нефтегазодобывающая компания	Кокжиде, Кумсайи Мортук в Актюбинской области	Добыча нефти и газа в нефтяном эквиваленте около 200-250 тыс. т.

*** Составлено автором по: «ШНПЗ-АКТОБЕМУНАЙГАЗ» / <http://www.cnpc-amg.kz/index.php?p=about>; АО «Разведка Добыча «КазМунайГаз» / http://www.kmg.kz/group_companies/subsidiary/rd/; Итоги рассмотрения ходатайства ТОО «Sinooil»/ Агентство Республики Казахстан по защите конкуренции (Антимонопольное агентство) <http://www.azk.gov.kz>; «ПетроКазахстан»/ petrokazakhstan.kz; Министерство нефти и газа Республики Казахстан/ [http://mgm.gov.kz/index](http://mgm.gov.kz/index.php?option=com_content&view=frontpage&Itemid=1&lang=ru)

http://www.cnpc-amg.kz/index.php?option=com_content&view=frontpage&Itemid=1&lang=ru; Отмена СПИ — вторая волна / Промышленный портал 1akz.ru; ОАО «Каражанбасмунай» (Казахстан) / <http://www.em-alliance.ru/projects/karazhanbasmunay/>; Марат Шибатов. Активы Китая в Казахстане <http://tengrinews.kz/opinion/258/>; Две стороны казахстанской нефти/ Ежедневная республиканская общественно-политическая газета «Литер»/ <http://www.liter.kz>

АО "КМК Мунай"	China National Petroleum Corporation (CNPC) - 86,79%	нефтегазодобывающая компания	Кокжиде, Кумсайи Мортук в Актюбинской области	Добыча нефти и газа в нефтяном эквиваленте около 200-250 тыс.т.
ТОО "Сазанкурак"	First International Oil Company (принадлежит China Petroleum & Chemical Corporation (SINOPEC)) - 100 %	нефтегазодобывающая компания	Сазанкурак в Атырауской области	Добыча нефти и газа в нефтяном эквиваленте около 100-150 тысяч тонн.
ТОО "Прикаспий Петролеум Компани"	First International Oil Company (принадлежит China Petroleum & Chemical Corporation (SINOPEC)) - 100 %	нефтегазодобывающая компания	Мынтыке Южный и Междуреченское в Атырауской области РК.	Добыча нефти и газа в нефтяном эквиваленте около 50 тысяч тонн.
ТОО "Сагиз Петролеум Компани"	First International Oil Company (принадлежит China Petroleum & Chemical Corporation (SINOPEC)) - 100 %	нефтегазодобывающая компания	Месторождения Сагиз в Актюбинской области РК	Данные не опубликованы
ТОО "Адай Петролеум Компани"	First International Oil Company (принадлежит China Petroleum & Chemical Corporation (SINOPEC)) - 50 %	нефтегазодобывающая компания	Месторождение Адайское в Атырауской области РК	Данные не опубликованы
ТОО "Уралс Ойл и Газ"	First International Oil Company (принадлежит China Petroleum & Chemical Corporation (SINOPEC)) - 22,5 %	нефтегазодобывающая компания	Работает на нефтегазовом блоке Федоровский в Западно-Казахстанской области	Данные не опубликованы
Caspian Investments Resources	China Petroleum & Chemical Corporation (SINOPEC) - 50%	инвестиционная компания, основные активы вложены в нефтегазовые проекты РК	компания владеет: месторождение Каракудук-100 %; месторождения Алибекмола, Кожасай, Северные Бузачи, Арман - 50%; месторождения Жамбай Южный, Забурунь Южное - 25 %	Данные не опубликованы
АО "Разведка Добыча "КазМунайГаз" (дочерняя компания АО Национальная компания "КазМунайГаз")	АО "Национальная компания "КазМунайГаз" - 57,9 %; China Investment Corporation - 11 %	геологоразведочные и изыскательские работ, разработка нефтяных, газоконденсатных и газовых месторождений; добыча и транс-портировка нефти и природного газа	разрабатывает 42 месторождения в Западном Казахстане. Крупнейшим из них является месторождение Узень	2011 году 7,9 млн. т. нефти.
ТОО "Азиатский Газопровод"	АО "КазТрансГаз" - 50% Trans-Asia Gas Pipeline Company Ltd. (принадлежит (CNPC) - 50%	компания является собственником газопроводов "Казахстан - Китай" и "Бейнеу - Шымкент".		
ТОО "Казахстанско-китайская буровая компания "Большая стена"	100% доля КНР: АО "CNPC-Актобемунайгаз" (CNPC-94,47%) и "Буровая компания "Большая стена".	нефтесервисная компания (буровые услуги)		
"Международная Нефтяная Сервисная компания SINOPEC Казахстан"	Дочернее предприятие SINOPEC	нефтесервисная компания: разведочное бурение, прокладку инженерных сетей, монтажные работы и т.п		
ТОО "Sinooil"	100% доля КНР: CNPC (National Petroleum Corporation)	одна из ведущих компаний в области поставок и реализации ГСМ в РК	имеет филиалы в городах: Алматы, Астана, Шымкент, Актобе, Усть-Каменогорск, Кызылорда, Тараз, Актау, Атырау	

Казахстан остается главным приоритетом для Китая в ЦА в плане развития двустороннего сотрудничества. На него приходится около 80% товарооборота между Китаем и всеми центральноазиатскими странами – членами ШОС²⁰. Самой большой сферой китайских инвестиций стала нефтегазовая (см. табл. 4).

2009 г. принес Китаю подлинный успех: за кредит в \$10 млрд. он получил один из главных активов в казахском нефтяном секторе, на который претендовала «Газпром нефть», – 49% компании «Мангистаумунайгаз» (ММГ), а также потенциальный доступ к урановым месторождениям²¹. В экспертных кругах Казахстана есть мнение, что Китаем достигнута критическая доля собственности в ТЭК республики и, возможно, продаж активов по этому направлению для КНР не предстоит²².

При этом Китай находится только на третьем месте в списке стран, активно инвестирующих в экономику Республики Казахстан. Сообщается, что в разрезе стран-инвесторов за 2011 г. основными являются Нидерланды (\$7,9 млрд., 40%), Франция (\$1,5 млрд., 7,8%), Китай (\$1,2 млрд., 5,9%), США (\$1 млрд., 5,2%) и Великобритания (\$911,9 млн., 5%)²³.

В последовательном наращивании китайского экономического присутствия в Центральной Азии, создание трубопроводной инфраструктуры играет не последнюю роль (см. рис. 1). С 2009 г. введен в строй экспортный газопровод «Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай» (ТУКК)²⁴ протяженностью более 1800 км. В настоящее время пропускная способность газопровода составляет до 24,5 млн. куб. м газа в сутки, это примерно 9 млрд. куб. м в год, всего по газопроводу планируется в течение 30 лет поставлять в КНР до 40 млрд. куб. м природного газа ежегодно²⁵. Новый газопровод соединил с Ки-

таем все государства Центральной Азии, располагающие значительными нефтегазовыми ресурсами. В Киргизии и Таджикистане, территорию которых газопровод обошел, промышленных запасов нефти и газа пока не найдено. Причем помимо Туркмении, квота которой в газопроводе составляет 30 млрд. кубометров, экспорт газа в КНР будут также осуществлять Казахстан и Узбекистан, получившие помимо статуса транзитных стран дополнительный рынок сбыта. Казахстану новый газопровод позволит также улучшить газоснабжение Жамбылской, Южно-Казахстанской и Алма-Атинской областей, до сих пор зависевших от поставок узбекского газа.

В этой связи нельзя не напомнить о запущенном в эксплуатацию в 2006 г. и успешно действующем трубопроводе Атасу – Алашанькоу – китайско-казахстанский нефтепровод общей протяженностью 962,2 км. Он берет начало на западе в Атасу (Казахстан) и заканчивается на востоке на КПП Алашанькоу²⁶ (Синьцзян-Уйгурского автономного района, Китай) и является частью казахстанской нефтетранспортной системы, в которую входят каспийские порты и уже действующий нефтепровод Атырау – Самара. Согласно проекту, годовая мощность нефтепровода составляет 20 млн. тонн.

Все это свидетельствует о том, что трубопроводная инфраструктура государств Центральной Азии, которая в советский период шла исключительно в северном направлении, в последнее время активно разворачивается на восток²⁷. Это внесло элементы конкуренции в ситуацию с экспортом центральноазиатского газа между Россией и Китаем. КНР покупает туркменский газ по ценам ниже рыночных, что автоматически влияет на российско-китайские переговоры по обсуждаемым Москвой и Пекином ценам сибирского газа. Предлагаемая Китаем цена автоматически делает нерентабельным экспорт российского газа в КНР. Российские же предложения на рыночных условиях отвергаются, при этом китайская сторона ссылается на китайско-туркменские газовые контракты²⁸.

Увеличивающийся импорт сырой нефти и газа из Центральной Азии в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая предоставит определенные энергетические гарантии для обеспечения продолжительного развития экономики региона. Согласно данным Управления иммиграционного и карантинного контроля Синьцзян-Уйгурского автономного

²⁰ Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая ...

²¹ Фомин А. Кто на новенького? / www.crisis-blog.ru

²² Шибутов М. Активы Китая в Казахстане / <http://tengrinews.kz/opinion/258/>

²³ В экономику Казахстана в 2011 году привлечено \$19,9 млрд ПИИ / <http://www.kursiv.kz/novosti/v-kazakhstane/1195224807-v-ekonomiku-kazakhstana-v-2011-godu-privlecheno-199-mlrd-pii.html>

²⁴ Межправительственное соглашение по строительству газопровода Туркменистан–Узбекистан–Казахстан–Китай (ТУКК) длиной около 7 тыс. километров было заключено в апреле 2006 г., работы начались в 2007 г. и заняли меньше трех лет. Протяженность трубопровода до границы КНР превышает 1800 км. 14 декабря 2009 г. в Туркмении был открыт транснациональный газопровод Туркмения – Узбекистан – Казахстан – Китай, который берет начало на востоке страны близ туркмено-узбекской границы на правом берегу реки Амударья. Здесь расположено месторождение сернистого газа Самантепе, которое относится к договорной территории «Багтыярлык» (с туркменского – «приносящая счастье») Китайской национальной нефтегазовой корпорации. Ее запасы составляют 13 трлн кубометров газа. Лицензию на разведку и добычу газа в Туркмении корпорация получила в 2007 г. / <http://www.segodnjachko.ru/22/6489.html>

²⁵ Принят план поставок газа по трубопроводу Туркменистан – Китай в 2011 г. / <http://www.turkmenistan.ru/ru/>

articles/34981.html

²⁶ Китайско-казахстанский нефтепровод 25 мая 2006 г. был запущен в эксплуатацию, впервые связав Китай с зарубежными нефтяными месторождениями. / <http://www.usinenouvelle.com/mediatheque/9/0/8/000122809.jpg>

²⁷ Шустов А. Китайская газовая экспансия / Информационно-аналитический портал Азия информ / <http://asia-a.ru/content/view/4650/1/>

²⁸ Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая...

района, за три года после сдачи в коммерческую эксплуатацию объем импорта сырой нефти в Китай через нефтепровод Атасу – Алашанькоу составил в общей сложности 20,39 млн. тонн, или 12% от годового импорта сырой нефти в Китай²⁹.

Рисунок 1

Основные регионально-евразийские маршруты транспортировки нефти и газа в КНР³⁰

Таким образом, создав энергетическую основу, центральные китайские власти планируют в ближайшее время создать в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) две новые свободные экономические зоны в округах Кашгар и Хорос на границах с Кыргызстаном и Казахстаном³¹. Китай столкнулся с дисбалансом развития регионов: западные территории отстают от восточных, в частности в западной части Китая, в том числе и Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) – крупнейшее территориальное образование в Китае (1,66 млн. кв. км, или 1/6 часть всей территории страны), расположенный на границе с Центральной Азией³². Из-за высокой плотности населения здесь в отдельных местностях накопилось много. При низком образовательном уровне местного населения в СУАР сложились идеальные условия для процветания сепаратизма и религиозного экстремизма. Это один из самых бедных районов Китая. Но правительство КНР принимает меры по сбалансированию регионов. Создание в СУАР свободных экономических зон —

²⁹ Объем транспортировки сырой нефти в Китай по китайско-казахстанскому нефтепроводу превысил 20 млн. т /<http://hongkong.russiaregionpress.ru/archives/819>

³⁰ Габуев А., Гриб Н. По российской монополии на транзит газа из Центральной Азии нанесен мощный удар. / <http://mosbusinessconsulting.com/article/167/>

³¹ Китай создаст свободные экономические зоны на границах с Кыргызстаном и Казахстаном / <http://www.fergananews.com/news.php?id=16901>

³² Дынниченко А. В Синьцзян-Уйгурском АР создадут две новые экономические зоны / <http://www.profi-forex.org/news/entry1008090416.html>

сильный шаг в сторону социально-экономического развития региона³³.

Очевидно, что в целом инвестиционная политика Китая в Центральной Азии носит системный, масштабный и долгосрочный характер, преследуя как текущие коммерческие, так и стратегические цели:

- удовлетворение растущих потребностей китайской экономики в сырье (нефть, газ, уран, золото, алюминий и др.);
- стремление снизить зависимость и риски морских поставок энергоресурсов с Ближнего Востока и Африки (около 90% импорта);
- финансируя экономики соседних стран ЦАР, Китай способствует социально-экономическому развитию и укреплению стабильности своих западных провинций, обеспечению безопасной среды по периметру границ СУАР (проблема уйгурского сепаратизма);
- создание условий для экономической, транспортной и энергетической интеграции стран ЦА с Китаем, превращение региона в плацдарм для выхода к ключевым мировым рынкам (Южная Азия, Ближний Восток, СНГ, Европа)³⁴.

Формат ШОС рассматривается Китаем как в региональном, Центрально-Азиатском, так и глобальном аспектах. Надо отметить, что льготное финансирование и инвестиции КНР проходят в ЦА чаще всего по линии взаимодействия и через финансовые структуры ШОС. Налаживая двусторонние связи с партнерами по организации, решая свои стратегические вопросы, «привязывая» страны ЦА транспортно-энергетическими проектами, КНР, по сути, выстраивает стройную структуру коллективного формата в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества.

Угрозы и риски безопасности в ЦАР

В реализации энергетического вектора стратегии «выход за пределы» Китайская Народная Республика достигла впечатляющих успехов по освоению зарубежных месторождений углеводородов в Центрально-Азиатском регионе (и не только). Но долгосрочность действующих и осуществление перспективных энергетических проектов, в том числе и китайских, находится в прямой зависимости от обеспечения их безопасности. Каким образом Ки-

³³ Из выступления посла Китая в Кыргызстане господина Ван Кайвэня / http://russian.xjts.cn/xinjiang/content/2011-06/20/content_5905586.htm; Из выступления руководителя отдела по вопросам политики и экономики администрации города Шеньчжень господина Ли Да Мина / <http://www.cci.kz/index.php/ru/all-news/679>; Деловые новости ЕвразЭС / <http://www.evrases-bc.ru/news/view/6536Кабар>; Лу Гань Строительство зоны свободной торговли в рамках ШОС: значение в продвижении китайско-казахстанского сотрудничества / http://www.sng.allbusiness.ru/content/document_r_97AAE082-2AE2-4D65-95ED-D57AE8288E0F.html

³⁴ Авликулов Б. Инвестиционное наступление Китая <http://www.review.uz/ru/article/301>

тай гарантирует безопасность своих многочисленных энергетических объектов в регионе – тема отдельного исследования. Рассмотрим, какие именно угрозы и риски присутствуют в ЦАР. Регион находится в центре геостратегического треугольника: Европы, Азии и Ближнего Востока. Нефтяные и газовые месторождения ЦА и Каспия превратились в объект международной конкуренции, геостратегического противостояния, военных вызовов и угроз, обусловленных устремлениями ведущих стран мира и межгосударственных союзов к нефтегазовым ресурсам региона³⁵. Регион ЦА, Каспия и примыкающие «горячие» регионы (Кавказский, Южно-Азиатский и Ближневосточный) переполнены проблемами, противоречиями, конфликтными ситуациями, которые потенциально являются существенными дестабилизирующими факторами, и не только с точки зрения энергетической безопасности. Этот клубок угроз и рисков – этнических, экономических, политических и др. – (см. рис. 2) требует самого пристального внимания со стороны международных организаций (ШОС, ОДКБ) и постоянного мониторинга ситуации в ЦАР. В этой связи можно выделить, по крайней мере, три уровня рисков и угроз безопасности в регионе: внутригосударственный, межстрановой, субрегиональный.

Рисунок 2
Основные дестабилизирующие факторы в ЦАР

На внутригосударственном уровне первым и основным фактором безопасности являются вопросы внутренней стабильности государств ЦА. В этом контексте можно выделить, по крайней мере, два вида внутренних угроз, условий нестабильности и рисков безопасности: генерализованные, которые, в силу множества причин, присутствуют во всех центральноазиатских странах, и особенные, присущие каждому конкретному государству ЦА.

Генерализованные угрозы и риски в государствах ЦА следующие:

1. Архаизация госинститутов в процессе строительства национальных государств после распада

³⁵ Гушер А.И. Каспийский регион как арена стратегической конкуренции и противоборства. Вызовы, риски и угрозы / <http://journal-neo.com/?q=ru/node/1875>

СССР. В них появились четкие элементы, характерные для восточных деспотий прошлых веков.

2. Слабость демократических начал в сочетании с клановыми принципами формирования институтов государственного управления и соответствующим подходом к решению социально-экономических проблем. Внешней подпиткой этого потенциала выступает исламский радикализм, выражающийся в пропаганде сепаратизма и экстремизма, оправдывающего террористические методы борьбы³⁶.

3. Противоборство ценностей либеральной (западной) и традиционалистской (восточной) культур³⁷, так как протекающие в ЦА процессы модернизации не имеют внутренних корней и источников саморазвития и поэтому вступают в конфликт с традициями азиатского общества. Это приводит к возрождению традиционалистских установок и нарастанию взаимного отчуждения культур.

4. Обострение изъянов национальных экономик в результате глобального экономического кризиса, ограничения экономического роста³⁸.

5. Сырьевая экономика не обеспечивает занятости населения, что ведет к нарастанию трудовой миграции, социально-культурному распаду наций, маргинализации населения, особенно молодежи³⁹.

6. В экономиках стран Центральной Азии большую долю занимает криминальный бизнес, в первую очередь теневая экономика и наркотрафик⁴⁰.

В СМИ муссируются идеи относительно возможности повторения «арабской весны» в центральноазиатских странах. Мнения экспертов разделяются. Одни высказывают предположение о том, что в странах Центральной Азии ситуация не позволяет прогнозировать волну революционных волнений⁴¹.

³⁶ Морозов Ю.В. Влияние политики ведущих государств мира на трансформацию военно-политических отношений в Центральной Азии / электронный научный журнал «Россия и Америка в XXI веке» / <http://www.rusus.ru/?act=read&id=144>

³⁷ Омаров Н. «Столетие глобальной альтернативы» для формирования нового пространства безопасности в постсоветской Евразии. 2007. С. 252.

³⁸ Сырьевые модели экономического развития стран ЦА не обеспечивают процветания общества, обладают многочисленными изъянами, в том числе ростом разрыва между слоями с высокими и низкими доходами, коррупцией, несправедливым распределением национальных богатств в пользу отдельных кланов. Слабо развиваются рыночные механизмы. Экономические институты, в том числе финансовые, обладают очень низкой степенью устойчивости. Для экономик характерна низкая конкурентоспособность на региональных и мировых рынках, высокая степень зависимости от импорта товаров или экспорта ресурсов / <http://www.ru.journal-neo.com/node/2793>

³⁹ Звягельская И.Д. К вопросу об угрозах безопасности в Центральной Азии / <http://www.niiss.ru/05.shtml>

⁴⁰ Богатырёв В. Развитие политической ситуации в Центральной Азии: проекты и сценарии / открытый дискуссионный журнал Новое восточное обозрение / <http://www.ru.journal-neo.com/node/2793>

⁴¹ Корецкий В.А. К вопросу о социально-политической ситуации в Центральной Азии (геополитический анализ) / Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2008. № 2; С. Шохзода называет несколько причин,

Таблица 5
Факторы нестабильности ситуации в государствах ЦА

Государство и политическая ситуация	Экономическая ситуация	Вызовы безопасности	Социальная сфера
<p>Казахстан</p> <ul style="list-style-type: none"> - однополюсная политическая система; - вся полнота власти у действующего президента – гаранта стабильности в стране; - не разработан реальный механизм безболезненной передачи власти; - индекс свободы прессы (ИСП) за 2011–2012 гг. среди 179 стран 154-е место 	<ul style="list-style-type: none"> - обвал рынка недвижимости; - банкротство строительных компаний; - усугубляющиеся проблемы банковской системы 	<ul style="list-style-type: none"> - огромная территория и маленькое население не позволяют обеспечить надлежащую охрану внешних рубежей государства; - контрабанда; - незаконная миграция; - террористические акты; - прецеденты с военнослужащими 	<ul style="list-style-type: none"> - высокий уровень социальной напряженности; - массовые выступления рабочих
<p>Узбекистан</p> <ul style="list-style-type: none"> - жесткая авторитарность правящего режима; - скрытая борьба околовластных группировок; - высокий уровень коррумпированности; - низкий уровень системы управления и фактическое упразднение самостоятельности ветвей власти; - «раздутый» чиновничий аппарат; - практически неприкрытая система торговли госдолжностями; - рост службы национальной безопасности (до 1 млн. чел.); - ИСП за 2011–2012 гг. среди 179 стран 157-е место; - полный запрет манифестаций, митингов, демонстраций; - цензура; - сведения о новых тюрьмах для верующих и оппозиционеров, о применении пыток 	<ul style="list-style-type: none"> - банкротство крупнейших производственных предприятий (Ташкентского авиационного производственного объединения имени Чкалова Бухарского текстильного комбината); - рост цен на продовольствие; - разрушены объекты электроэнергетики; - сбои в электросети; - беспрецедентные расходы на содержание и обслуживание национальной энергосистемы; - ухудшение инвестиционного климата 	<ul style="list-style-type: none"> - государственное рейдерство: национализация активов зарубежных компаний; - социальное расслоение; - клановость и местничество (регионализм); - ограниченные ресурсы для реализации крупных проектов; - религиозный фактор (радикализм) 	<ul style="list-style-type: none"> - принудительный труд жителей с/х районов, в т.ч. детей школьного возраста на ручном сборе хлопка на государственных землях; - демографическая проблема (30 млн. чел.); - бедность; - высокий уровень трудовой миграции
<p>Киргизия</p> <ul style="list-style-type: none"> - острый политический кризис; - смена типичного для Азии авторитарного управления на коллективное привело к разделению региона и потере управляемости в нем; - восстановление родового правления; - угроза ослабления государственности; - влияние на внутреннюю политику внешнего фактора; - системная коррупция; - несовершенство механизмов и институтов надзора за выполнением законодательных актов; - ИСП за 2011–2012 гг. среди 179 стран 108-е место; - демократия в Киргизии держится на борьбе территориальных кланов и бизнес-группировок, не имеющих верховного арбитра 	<ul style="list-style-type: none"> - внешний долг 3 млрд. долл.; - значительный дефицит государственного бюджета - застой в экономике; - коррупционная составляющая минимизирует доход от золотоносных месторождений; - ухудшение инвестиционного климата; - стагнация в промышленном секторе: падение показателей в строительстве, торговле и туристической индустрии в среднем за год составило 7–22%; - отсутствие серьезных инвестиционных вливаний; - не сформирована серьезная проектная база и программа развития в промышленности; - избыток производства электроэнергии; - провал программы помощи с/х производителям из-за управленческих недостатков 	<ul style="list-style-type: none"> - «северный маршрут» по поставке опиума из Афганистана в Россию и далее в страны Европы; - имеются данные о связи высокопоставленных чиновников и партийных деятелей с игорным и наркотическим бизнесом; - подъем националистических настроений: трагические события в Оше и Джалал-Абаде (2010 г.); - отсутствие межнационального перемирия 	<ul style="list-style-type: none"> - тяжелейшее социально-экономическое положение: большая часть населения занята в сфере торговых посреднических и сервисно-бытовых услуг, которые осуществляются по серым схемам; - дисфункции макросреды для малого бизнеса; - снижение уровня покупательной от 20 до 40%; - высокий уровень темпа роста цен; - ограничение источников дохода населения; - спад темпов роста в среднем и малом бизнесе

Таблица 5
Факторы нестабильности ситуации в государствах ЦА

Государство и политическая ситуация	Экономическая ситуация	Вызовы безопасности	Социальная сфера
<p>Таджикистан</p> <ul style="list-style-type: none"> - проведение руководством политики полной монополизации власти и экономических активов; - усиление напряженности внутри правящей элиты; - стабильность сохраняется благодаря отсутствию сильного популярного оппозиционного лидера или радикальной сплоченной организации; - ИСП за 2011–2012 гг. среди 179 стран 122-е место; - национальный банк, министерства финансов, экономики, безопасности, здравоохранения, образования, труда и занятости населения закрыты для журналистов; - отсутствие независимой судебной власти 	<ul style="list-style-type: none"> - экономический коллапс; - промышленность практически простаивает (за искл. алюминиевого завода и некоторых объектов гидроэнергетики); - аграрный сектор малопродуктивен 	<ul style="list-style-type: none"> - «прозрачная» для транзита наркотиков и вооружения таджикско-афганская граница; - конфликт в соседнем Афганистане оказывает большое влияние на усиление внутренней нестабильности; - наличие вооруженной оппозиции; - увеличение числа беженцев; - вооруженные конфликты; - террористические акции; - раздробленность таджиков на клановые этнические подгруппы; - острые межклановые противоречия; - рост симпатий населения к оппозиционной Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) 	<ul style="list-style-type: none"> - разрушена социальная сфера; - бедственное положение населения; - массовая трудовая миграция (1,5 млн. чел.); - чрезвычайно высокий уровень безработицы; - бедность большей части населения
<p>Туркменистан</p> <ul style="list-style-type: none"> - жесткое авторитарное правление; - коррупция; - злоупотребления правительства нефтяными, газовыми доходами; - абсолютная государственная монополия на СМИ^{***}; - идеологическое обслуживание правящего режима; - ИСП за 2011–2012 гг. среди 179 стран 178-е место 	<ul style="list-style-type: none"> - нежелание правительства осуществить рыночные реформы 	<ul style="list-style-type: none"> - транзит наркотиков; - политика «племенного национализма» правительства направлена на ликвидацию всех нетуркменских диалектов; - обострение межплеменных конфликтов; - ухудшение положения национальных меньшинств 	<ul style="list-style-type: none"> - низкий уровень образования; - вмешательство государства в частную жизнь населения; - трудовые ресурсы составляют 2,3 млн. чел.; - безработица 60%; - 30% населения живет ниже черты бедности; - высокий уровень наркомании; - ограничение социальных достижений в области культуры, здравоохранения, образования и пенсионного обеспечения, закрыты больницы, районные библиотеки, упразднены многие объекты культуры и искусства

Составлено автором по материалам СМИ.****

**** Революционный кафтан для Центральной Азии/ <http://www.informacia.ru/zagranica/3/1238-541.html>; Марат Шибатов: Родовой дисбаланс в Астане вынудит региональную элиту

идти на обострение/<http://www.regnum.ru/news/1559128.html#ixzz2B07ggBbJ>; Press Freedom Index 2011–2012/ <http://en.rsf.org/press-freedom-index-2011-2012,1043.html>; Ревя-

кин С. Влияние мирового финансового кризиса на экономику Казахстана / <http://www.kazenergy.com/ru/2012-06-20-08-42-46/6241-2012-01-19-09-45-06.html>; Куртов А. Политическая ситуация в Казахстане / http://otherreferats.allbest.ru/international/00114252_0.html; Страна превратилась в минное поле, и взрыв может прогреметь в любом регионе - политологи / <http://uk-news.kz/spets-proekt/97>; Почему теракты в Казахстане начались на западе страны? / http://rus.azattyq.org/content/terakt_fokina_babitski_taraz_kizatova_demos_kazakistan_aktobe/24406772.html; Ерлан Карин Терроризм в Казахстане: от виртуального к реальному / <http://www.kursiv.kz/1195212255-terrorizm-v-kazaxstane-ot-virtualnogo-krealnomu.html>; Теракты в Казахстане: уже не угрозы, а реальность / http://news.headline.kz/huje_ne_pridumaesh_teraktyi_v_kazahstane_uje_ne_ugrozyi_a_realnost.html; Нашли виноватого / <http://lenta.ru/articles/2012/06/06/border/>; В Казахстане разыскивают 11 солдат срочной службы, самовольно покинувших территорию пограничной заставы «Терсайрык» / <http://www.ntv.ru/povosti/305519/#ixzz2B077Euaa>; Самат Ержанулы Размышления у подъезда Акорды... Кто и зачем дестабилизирует ситуацию в Казахстане? / <http://www.russianskz.info/3344-razmyshleniya-u-podezda-akoridy-kto-i-zachem-destabiliziruet-situaciyu-v-kazahstane.html>; Грозина В. Узбекистан: не радуют ни золото, ни хлопок / <http://www.materik.ru/problem/detail.php?ID=15381>; Мухаммад Салих. Ситуация в Узбекистане напоминает Советский Союз перед распадом / <http://www.slavic-europe.eu/index.php/comments/39-sng-comments/9149-2011-03-08-07-33-424>; Ташпулат Юлдашев. Обстоятельства выхода Узбекистана из ОЭС / http://www.uznews.net/news_single.php?lng=ru&sub=&cid=2&nid=19597; Юлдашев Т. Готовьтесь, со светом будет еще хуже / http://www.uznews.net/news_single.php?lng=ru&sub=&cid=2&nid=19062; Энергетический кризис - факты для размышления / http://www.uznews.net/news_single.php?lng=ru&sub=&cid=32&nid=19366; Грабежи электроэнергии среди бела дня / http://www.uznews.net/news_single.php?lng=ru&sub=&cid=2&nid=18912; Цена решения - миллиарды долларов / http://www.uznews.net/news_single.php?lng=ru&sub=&cid=2&nid=18822; Куда ушли свет и тепло? / http://www.uznews.net/news_single.php?lng=ru&sub=&cid=2&nid=18765; Ташкентский захват / <http://www.rg.ru/2012/10/02/zahvat.html>; День шакалов, или Что случилось с МТС в Узбекистане / <http://www.fergananews.com/article.php?id=7429>; Концерн TeliaSonera о бизнесе в Узбекистане: Мы можем уйти / [http://www.dw.de/МИД_РФ:_ситуация_вокруг_дочки_МТС_в_Узбекистане_требует](http://www.dw.de/МИД_РФ:_ситуация_вокруг_дочки_МТС_в_Узбекистане_требует_решения/http://ria.ru/economy/20120814/723482951.html)

решения / <http://ria.ru/economy/20120814/723482951.html>; Почему инвесторы опасаются вкладывать средства в Узбекистан? / <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-sng/uzbekistan/entry1008125067.html>; Кадыр Маликов. Экспертное сообщество не исключает обострения политической ситуации в Кыргызстане и вокруг него к осени 2012 года / <http://www.24kg.org/politic/133172-kadyr-malikov-yekspertnoe-soobshhestvo-ne.htm>; О ситуации в Киргизии. Мнения экспертов / <http://oko-planet.su/politik/politikmir/40455-o-situacii-v-kirgizii-mneniya-yekspertov.html>; Кожемякин С. Киргизия: ни стабильности, ни достойной жизни / <http://gazetapravda.ru/content/view/10342/74/>; Мамонтова Д. В Кыргызстане на госбалансе имеются месторождения золота с разведанными запасами в 430 тонн / <http://www.knews.kg/ru/econom/22000/>; Аждар Куртов. Кого привлекает блеск киргизского золота? / <http://www.apn.kz/publications/article5878.htm>; В Киргизии снова митингуют, на сей раз - за национализацию рудника / <http://ria.ru/world/20121003/765322014.html>; В общем объеме экспорта доля кумторского золота в прошлом году составила 51,1%. «Кумтор» сегодня - не только крупнейший инвестиционный проект, но и главный источник налоговых поступлений и экспортных доходов киргизского бюджета / Волнения в Киргизии — или борьба за золото? / <http://voprosik.net/volneniya-v-kirgizii-ili-borba-za-zoloto/>; Polyus и «Норникель» заинтересованы в золоте Киргизии / <http://gold.1prime.ru/show.asp?id=26310> Экономист об экономических итогах «послереволюционной» Киргизии / <http://www.regnum.ru/news/kirghizia/1423225.html#ixzz2C074cuun>; Руководство антиярктической службы Киргизии отправлено в отставку / <http://ria.ru/world/20120719/703628341.html>; До 70% героина в Россию идет через Киргизию, в которой происходит сращивание власти с наркомафией / <http://informacia.ru/zagranica/3/1946-1047.html>; Об осенних политических интригах и изменении политической ситуации в Кыргызстане / <http://rus.kg/news/analytics/7144-ob-osennih-politicheskikh-intrigah-i-izmenenii-politicheskoy-situacii-v-kyrgyzstane.html>; Об обстоятельствах и хронологии трагических событий мая-июня 2010 года в городах Ош, Джалал-Абад, отдельных районах Ошской и Джалал-Абадской областей / документ Рабочей группы Государственного комитета национальной безопасности, Министерства внутренних дел, Генеральной Прокуратуры Кыргызской Республики при участии специалистов Аппарата Президента, Секретариата Совета обороны Кыргызской Республики по поручению президента Кыргызстана А.Ш. Атамбаева / <http://www.fergananews.com/article.php?id=7389>; Сюй Сяотянь. Тенденции в развитии политической ситуации в Киргизии. Взгляд из Пекина / <http://www.easttime.ru/analitic/3/9/950.html>

Однако, по мнению других, под действием организующей силы, в том числе внешней, волнения могут вспыхнуть⁴².

Следующий вид внутренних угроз и рисков безопасности – особенные. Рассмотрим основные условия нестабильности политической ситуации в каждом из государств ЦА.

Казахстан. Экономический лидер среди стран ЦА. Многие эксперты высказывают схожее мнение о том, что Казахстан добился определенных успехов на международной арене, в сфере экономики и вероятность революционных процессов в стране является одной из самых низких⁴³. Но есть мнение, что стабильность в РК во многом иллюзорна. Об этом могут говорить следующие факты (см. табл. 5).

Узбекистан. При наличии серьезных дестабилизирующих факторов (см. табл. 5) в целом ситуация в Узбекистане находится под жестким контролем государства, возможность «узбекской весны», по мнению экспертов⁴⁴, без внешнего вмешательства маловероятна. К радикальным переменам узбекский народ пока не готов, напуганный жестким подавлением восстания в Андижане в 2005 г., затем событиями апреля–июня в 2010 г. в соседнем Кыргызстане⁴⁵. Оппозиционное Народное Движение Узбекистана в основном действует в эмиграции, представляет собой довольно разрозненную силу.

Киргизия. Республика имеет печальный опыт «цветочных» революций: за последние семь лет здесь произошли уже две революции, свергнувшие сначала в 2005 г. президента Аскара Акаева, а в 2010-м – пришедшего ему на смену Бакиева. Острый политический кризис и «проблемные зоны» (см. табл. 5) делают вероятность революционных процессов в Киргизии высокой⁴⁶.

Таджикистан. Беднейшая страна из бывших советских республик. Современную ситуацию в Таджикистане можно охарактеризовать как нестабильную (см. табл. 5). Республика пережила пятилетнюю кровопролитную гражданскую войну (1992–1997 гг.)⁴⁷. Система политической власти в Таджикистане базируется на мирном соглашении между нынешним руководством во главе с Э. Рахмоном и Объединенной таджикской оппозицией (ОТО), до-

стигнутом в 1997 г. По мнению А.В. Малашенко, вероятность революционных процессов в Таджикистане самая высокая в регионе⁴⁸.

Туркменистан остается закрытой страной с отсутствием альтернативных политических партий, СМИ и прочих свобод (см. табл. 5). Вероятность революционных процессов в Туркмении низкая⁴⁹, но обострение межплеменных конфликтов, вызванных политикой «племенного национализма», по оценкам некоторых экспертов⁵⁰, создает возможность социального взрыва. Большая часть экономической статистики Туркмении является государственной тайной.

Межстрановые отношения государств ЦА и Каспия осложняет столкновение национальных экономических интересов. Во-первых, вопрос территориального размежевания Каспийского моря с разделом ресурсов шельфа — нефти и газа, а также его биологических ресурсов и акватории между пятью прикаспийскими государствами⁵¹. Азербайджан, Казахстан и Туркмения настаивали на разделе Каспия по срединной линии, Иран — на разделе по одной пятой части моря между всеми прикаспийскими государствами. В 2003 г. Россия, Азербайджан и Казахстан подписали соглашение о частичном разделе Каспийского моря по срединной линии. В то же время между Ираном, Туркменией и Азербайджаном остались неурегулированными спорные вопросы, в том числе о национальной принадлежности некоторых месторождений нефти на морском дне (Азербайджаном и Ираном: месторождения Араз-Алов-Шарг; Азербайджаном и Туркменией: месторождения Осман (Чираг), Хазар (Азери) и Алтын Асыр (Шарг)).

Вторая проблема на этом уровне — вода и гидроэнергетические ресурсы⁵². В силу географического расположения Узбекистан, Казахстан и Туркменистан попадают в гидрозависимость от Таджикистана и Кыргызстана, обладающими мощными водными запасами. Узбекистан препятствует строительству новых ГЭС в Таджикистане и Кыргызстане, используя как инструмент давления прекращение поставок газа в эти страны. Получается замкнутый круг: увеличение выработки электроэнергии на ГЭС Таджикистана и Кыргызстана зимой, сброс воды, Узбекистан лишается поливной воды летом и применяет санкции к оппонентам — задерживает тран-

⁴² Гасаналиев М. Политическая ситуация в странах Центральной Азии со временем может осложниться — эксперты/ <http://kavkaz.ge/2011/09/16/politicheskaya-situaciya-v-stranax-centralnoj-azii-so-vremenem-mozhet-oslozhnitsya-eksperty/>

⁴³ Революционный кафтан для Центральной Азии/ <http://www.informacia.ru/zagranica/3/1238-541.html>

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Общая ситуация в Узбекистане. <http://www.analitika.org/uzbekistan/uz-politics/2536-obschaya-situaciya-v-uzbekistane.html>

⁴⁶ Революционный кафтан...

⁴⁷ Бушков В.И., Микульский Д.В. Анатомия гражданской войны в Таджикистане (этносоциальные процессы и политическая борьба 1992–1995)/ Институт этнологии и антропологии РАН, Институт практического востоковедения. М. 1996. (http://www.ca-c.org/datarus/st_08_bush.shtml)

⁴⁸ Революционный кафтан для Центральной Азии/ <http://www.informacia.ru/zagranica/3/1238-541.html>

⁴⁹ Революционный кафтан для Центральной Азии/ <http://www.informacia.ru/zagranica/3/1238-541.html>

⁵⁰ Зачистка в Туркмении: Обладателей российских паспортов заставляют менять гражданство/ <http://www.regnum.ru/news/polit/1560740.html#ixzz2C2gIR2JQ>

⁵¹ Гушер А. Вызовы, риски и угрозы интересам и безопасности России в зоне Каспийского региона. Часть 2/ <http://www.ru.journal-neo.com/node/9561>

⁵² Рудов Г.А. Проблемы и сложности развития государств Центральной Азии/ Обозреватель, №4 (255), апр. 2011.

зитные грузы, периодически прекращает поставки газа. Комплекс гидроэнергетических противоречий в отношениях Таджикистан–Узбекистан связан со строительством Рогунской ГЭС. Для Таджикистана, при отсутствии других энергоресурсов, это вопрос выживания: в зимний период возникает дефицит электроэнергии, так как ГЭС не работают на полную мощность. В то же время массовый сброс воды зимой приводит летом к дефициту поливной воды в Узбекистане и, как следствие, к социально-экономическому кризису – три четверти населения заняты там в сельском хозяйстве⁵³.

В-третьих, спорные вопросы пограничного размежевания – земля Ферганской долины:

- Таджикистан – Кыргызстан – Узбекистан⁵⁴. Нерешенность вопросов пограничного урегулирования в Ферганской долине означает не только демаркацию, определение и введение режима границ. Это еще и крупная этническая проблема – национальный характер границ или, точнее, придание национального содержания их территориям: по разные стороны границ Кыргызстана с Таджикистаном, Узбекистана с Кыргызстаном и, наоборот, проживают крупные диаспоры этих народов в виде анклавных вкраплений в каждом из государств.

- трудноразрешимый историко-территориальный конфликт Таджикистан–Узбекистан, возникший после распада СССР: по мнению определенной части элиты Таджикистана, города Бухара и Самарканд, населенные таджиками, «несправедливо» достались Узбекистану по национально-территориальному делению 1920 г.

Субрегиональный уровень характеризуется в первую очередь разобщенностью стран региона, обусловленной превалированием политических амбиций правящих элит, преследующих узкие националистические интересы в межгосударственных отношениях⁵⁵.

Во-вторых, зависимость стран региона от внешних субсидий порождает борьбу за региональное лидерство и несогласованность в вопросах внешней политики.

В-третьих, демографические проблемы: высокий уровень рождаемости в ЦАР, большая плотность населения (численность населения более 57 млн. чел.)⁵⁶, как следствие – нехватка жизнеобеспечивающих ресурсов, земли и воды.

В-четвертых, проблемы ухудшения окружающей среды: повышение уровня Каспия, способное привести к затоплению огромной густонаселенной

территории; сложная ситуация в районе Аральского моря; низкое качество питьевой воды и, как следствие эпидемии, инфекционных и респираторных заболеваний; хранение радиоактивных отходов⁵⁷.

Следующий, пятый, фактор – рост религиозного экстремизма, фундаментализма⁵⁸ и международного терроризма (Афганистан), повышение активности зарубежных исламских экстремистских организаций и движений⁵⁹ в ЦАР и, как следствие – диверсионно-террористическая активность в ЦАР и непосредственно граничащих с ним регионах (Кавказ, Ближний Восток, Южная Азия, СУАР); диверсии на транспорте, нефте- и газопроводах, объектах электроэнергетики (электростанции и линии электропередач) и связи, хищения нефти и газа из магистральных трубопроводов.

В этой связи для Центральной Азии подтверждается гипотеза д.п.н. профессора А.Д. Богатурова о том, что в современных условиях масштабные энергопроекты провоцируют и будут провоцировать международные конфликты, чью географическую конфигурацию будет сложно прогнозировать в отрыве от анализа политических рисков вдоль маршрутов пролегания трубопроводов. Не исключено, что газо- и нефтегазопроводы в нынешнем веке воспримут весьма двусмысленную (экономически прогрессивную и военно-политически провоцирующую) роль, которую в международных отношениях XIX и XX веков играли железные дороги⁶⁰.

Шестой фактор – большая и трудноразрешимая проблема – наркотрафик из Афганистана, осложняемая отсутствием строго контролируемых границ, как внешних границ СНГ, так и между странами – соседями.

К сожалению, это не полный список из многообразия угроз региональной безопасности. Трудно недооценить каждый из перечисленных факторов и ранжировать их по степени риска. Ясно одно – эти

⁵⁷ Звягельская И.Д. К вопросу об угрозах безопасности в Центральной Азии / <http://www.niiss.ru/05.shtml>

⁵⁸ Рудов Г.А. Проблемы и сложности...

⁵⁹ Звягельская И.Д. К вопросу об угрозах безопасности в Центральной Азии / <http://viperson.ru/wind.php?ID=277297>; Ханбабаев К.М. Исламский радикализм на Северном Кавказе / <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-12914.html>; Доклад Центра антитеррористических программ «Специфика проявлений терроризма и экстремизма в Центральной Азии» / <http://www.terrorunet.ru/analitic/64.html>; Вихрев М. Исламские организации и их влияние на существование и распространение исламистского экстремизма / <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1122192600>; Шохзода С. Проблемы региональной безопасности Центральной Азии: внутренние аспекты в теории и на практике / <http://centralasia.narod.ru/articles/1.htm>; Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами : мировая политика и Центральная Азия / http://www.fundeh.org/files/publications/132/kazancev_a_a_bolshaya_igra_s_neizvestnymi_pravilam.pdf

⁶⁰ Богатуров А.Д. Россия в глобальной системе обеспечения энергетической безопасности // Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: энергетика и политика. Вып. 2 / Под ред. А.В. Мальгина и М.М. Наринского. М., 2005. С. 12.

⁵³ Шустов А. Таджикско-узбекский конфликт: зимнее обострение / http://analitika.at.ua/news/tadzhijsko_uzbekskij_konflikt_zimnee_obostrenie/2010-01-02-19229

⁵⁴ Цит. по: Вопросы пограничного урегулирования в Центральной Азии / <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/29p.html>

⁵⁵ Рудов Г.А. Проблемы и сложности развития государств Центральной Азии / *Обозреватель*, №4 (255), апр. 2011. С.103.

⁵⁶ Рассчитано по: «Классификатор стран мира» / <http://www.mir-geo.ru/>

противоречия создают почву для возникновения конфликтных ситуаций (в том числе с привлечением военной силы) между странами региона и повод для вмешательства нерегionalных государств.

Еще один острый вопрос на повестке дня – вывод военных сил США из Афганистана. ШОС непременно предстоят новые суровые вызовы. Террористические акты, скорее всего, распространятся из Афганистана на Центральную Азию. Кроме того, некоторые политические силы могут воспользоваться внутренними противоречиями между государствами – членами ШОС и создать беспорядки в целях «перетрансляции цветных революций в разных формах». Западные страны изо всех сил привлекают отдельные государства – члены ШОС к статусу партнеров НАТО, настоящим они пытаются разорвать ШОС⁶¹.

«В контексте вывода международных сил действия безопасности из Афганистана в 2014 г. ожидается активизация террористических и экстремистских организаций, различных деструктивных сил... Предоставление Кабулу статуса наблюдателя в Шанхайской организации создает условия для тесного взаимодействия с афганскими партнерами по противодействию транснациональным вызовам и угрозам»⁶².

Необходимо учитывать большой опыт ШОС по эффективной координации деятельности государств региона в противостоянии терроризму, религиозному экстремизму и сепаратизму, а также таким нетрадиционным угрозам современности, как наркотрафик, нелегальная миграция, контрабанда оружия, кибер-преступность и другим угрозам⁶³. Национальные стратегии безопасности и развития имеют свои особенности и требуют определенного согласования. В этих обстоятельствах ШОС, являясь комплексной структурой, адаптирует и гармонизирует нестыковки и выступает «уникальным механизмом мягкой конкуренции». Динамика сотрудничества между странами – членами ШОС по вопросам безопасности свидетельствует о достижении определенного прогресса. На этом весьма сложном пути важно установить и укрепить отношения членов ШОС с другими региональными организациями, цели и задачи которых тесным образом переплетаются: СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, Таможенный союз. Укрепление сотрудничества между этими организациями, учитывая идентичность стоящих перед ними вызовов и угроз, а также существенное совпадение их составов, является естественным и своевременным процессом.

⁶¹ «Шанхайский дух» – богатство мира http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-06/06/content_25577189.htm

⁶² Из тезисов к выступлению Президента Республики Казахстан Назарбаева Н.А. на заседании СГТ ШОС в расширенном составе. Пекин 6–7 июня 2012. / Стенограмма выступления / <http://www.mid.ru>

⁶³ Волков А. Мировой финансовый кризис проверяет ШОС на прочность / Факты, № 1 (37) январь-февраль 2009.

Возможности и перспективы интеграции в ЦА

Дальнейшая динамика и объемы китайского проникновения в ЦАР будут зависеть не столько от возможностей Москвы и Пекина, экономических, инвестиционных и т.п., сколько от настроений государств региона. Элиты стран Центральной Азии рассматривают китайский компонент, учитывая растущие возможности КНР, как один из важнейших – он дает возможность получения внешних инвестиций, кредитов, строительства инфраструктуры, развития торговли, реализации энергетических проектов.

Курс на расширение своего влияния в регионе Китай прокладывает осмотрительно, дипломатично, стремясь избежать открытой конкуренции с Россией, признавая российские политические приоритеты в данном регионе. Однако экономически, по объемам инвестиций, числу реализованных за последние 15 лет инфраструктурных и энергетических проектов, КНР здесь обошла Россию. Подобная ситуация затрагивает интересы России. Нарастает определенное российско-китайское энергетическое соперничество, особенно после открытия в конце 2009 г. китайского трансасиатского газопровода Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай. Сегодня мы наблюдаем этап «мягкой» конкуренции Москвы и Пекина на углеводородных рынках Центральной Азии. ШОС – средство сохранить этот уровень и не допустить перехода к «жесткой» конкуренции, когда технологические и коммерческие вопросы начнут переходить в политическую плоскость. При этом мнения экспертов сводятся к тому, что главным приоритетом в отношениях Китая с внешним миром будет принцип сохранения стабильности и баланса, ухода от угрозы хаоса, чего бы это ему ни стоило⁶⁴.

Настроения правящих кругов в ЦА ныне имеют китайскую направленность. Об этом говорят многие факты, в частности состоявшийся в октябре текущего года в Астане VII евразийский форум KazEnergy определил приоритеты и позволяет делать прогнозы о дальнейшем развитии нефтегазовой промышленности Казахстана. Министр нефти и газа Казахстана Сауат Мынбаев заявил, что республика намерена увеличить экспорт нефти на рынки Китая (с нынешних 11 млн. т до 20 млн. т) и Евросоюза. «Казахстан находится в центре между ключевыми рынками потребления нефти – ЕС и КНР. Возможны поставки и на другие дальние рынки с выходом на них через Черное море, по трубе БТД (Баку – Тбилиси – Джейхан), не говоря уже о рынках Афганистана и Узбекистана. Тем не менее, с точки зрения объемов экспорта, главные экспортные рынки для нас – это ЕС и Китай». Эксперты полагают, что в китайском направлении по «черному золоту» Казахстан может составить конкуренцию России, так как у Ка-

⁶⁴ Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс / http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/vneshnaja_politika_kitaja_do_2020_g_prognosticheskij_diskurs_2011-11-29.htm

захстана есть существенное преимущество – более короткое транспортное плечо при трубопроводных поставках⁶⁵.

Последние месяцы были ознаменованы активизацией России на центральноазиатском направлении, в результате чего можно констатировать укрепление и расширение присутствия Москвы в этом регионе. Тема участия РФ в энергопроектах ЦА не остается без внимания экспертного сообщества и достаточно широко освещена⁶⁶. Россия предлагает этим странам модель интеграции, альтернативную китайской, американской и турецкой, основанную на механизмах Таможенного союза, а в перспективе и Евразийского союза. Это ставит их перед жестким стратегическим выбором, который ограничивает прежнюю маятникообразную модель их внешнеполитического поведения.

Очевидно, что идея В. Путина о создании на базе трех государств Евразийского союза, воспринятая в Пекине внешне спокойно, на самом деле вызвала серьезное беспокойство Китая, особенно в отношении перспектив реализации китайской модели создания Зоны свободной торговли в рамках проекта ШОС. Как известно, с 2004 г. китайская версия создания такой зоны отклоняется центральноазиатскими государствами – членами ШОС. Подготовленный в Китае новый вариант проекта постигла та же участь (см. выше). Планы В. Путина по евразийской интеграции объективно не стыкуются с китайскими стратегемами региональной интеграции Центральной Азии⁶⁷.

Начальник канцелярии по исследованию Центральной Азии Института стран Восточной Европы

и Центральной Азии Китайской Академии социальных наук, исследователь У Хунвэй откровенно отметил, что на будущем пути развития ШОС Китаю предстоят испытания. Первый негативный фактор исходил из западных стран и США, особенно после перемещения стратегического центра США на восток. Ожидается более усиленное сдерживание Китая. США будут привлекать к себе важные и соседние с Китаем районы, в частности – Центральную Азию. Вторым негативным фактором – Россия инициирует внутреннюю интеграцию СНГ. Как рационально относиться к Евразийскому союзу – это станет, скорее всего, очень сложным и острым вопросом для Китая⁶⁸.

Примет ли российско-китайское энергетическое взаимодействие в Центральной Азии форму партнерства или, напротив, соперничества во многом зависит от самой России, а точнее, от выбранных моделей промышленно-инновационного развития и экономической реинтеграции на постсоветском пространстве, в первую очередь в рамках ЕврАзЭС и ШОС. Учитывая подписанное 5 июня 2012 г. «Совместное заявление КНР и РФ о дальнейшем углублении равноправного и доверительного всестороннего партнерства стратегического взаимодействия», и также 11 документов о сотрудничестве в сферах энергетики, промышленности, туризма, инвестиций⁶⁹ и др., Китай способен выступить в качестве стратегического партнера России, тем самым обеспечив прорыв в плане развития российско-китайско-центральноазиатского энергетического и, в целом, экономического сотрудничества на многосторонней основе.

⁶⁵ Расов С. Куда пойдет нефть Казахстана? <http://www.ru.journal-neo.com/node/119144>

⁶⁶ Лузянин С.Г. Центральная Азия: измерения безопасности и сотрудничества /http://www.perspektivy.info/oikumena/azia/centralnaja_azija_izmerenija_bezопасности_i_sotrudnichestva_2012-02-06.htm; Парамонов В., Строков А. Укрепление позиций России в энергетике стран Центральной Азии возможно в стратегическом союзе с Китаем // <http://ceasia.ru/energetika/ukreplenie-pozitsiy-rossii-v-energetike-stran-tsentralnoy-azii-vozmozhno-v-strategicheskom-soiuze-s-kitaem/pechat.html>; Парамонов В., Строков АЮ, Столповский О. Российско-туркменское взаимодействие в отраслях ТЭК <http://www.easttime.ru/analytic/1/2/842.html>; Парамонов В. Эксперты из СНГ об основных внешнеполитических задачах для России: советы Владимиру Путину <http://www.ceasia.ru/forum/eksperti-iz-sng-ob-osnovnich-vneshnepoliticheskich-zadachach-dlya-rossii-soveti-vladimiru-putinu.html>; Ларионов Р. Россия-Таджикистан: новые плоды евразийской интеграции / Новое восточное обозрение (<http://www.ru.journal-neo.com>); Коржубаев А.Г., Филимонова И.В. Нефтегазовый комплекс Узбекистана в международной системе энергообеспечения/ <http://www.vipstd.ru/gim/content/view/403/285>

⁶⁷ Лузянин С.Г. Центральная Азия: измерения безопасности...

⁶⁸ Второе десятилетие ШОС: перспективы и сложности/ http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-06/11/content_25618503.htm

⁶⁹ Китай и Россия: срочный противовес или плановая дружба?/ http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-06/11/content_25617456.htm

С. В. Чеснокова

Китай сохраняет лидерство в развитии возобновляемой энергетики

Согласно опубликованным в начале августа текущего года отчетам по возобновляемой энергетике, в 2011 г. возобновляемые источники энергии (ВИЭ) обеспечили 16,7% конечного потребления энергии в мире, увеличившись на 0,7% по сравнению с 2010 г., а инвестиции в ВИЭ достигли 257 млрд. долл., что на 17% превышает уровень предыдущего года.

В Отчете REN21 (Renewables Global Status Report 2012) о состоянии ВИЭ нашли отражение тенденции изменения роли ВИЭ в мире за 2011 г. Во всех секторах конечного потребления наблюдался рост востребованности ВИЭ. Вклад электростанций на ВИЭ (исключая большие ГЭС) в увеличение генерирующих мощностей в 2011 г. достиг 44% (34% в 2010 г.).¹ Лидерами по внедрению генерирующих мощностей на ВИЭ стали Китай, США, Германия, Испания, Италия, Индия и Япония. На эти страны приходится около 70% установленных мощностей электростанций на ВИЭ (исключая гидроэлектростанции) в мире.

Новые сектора китайского ТЭК

Для прояснения роли ВИЭ в энергобалансе страны, целесообразно сначала коротко охарактеризовать общее положение с производством и потреблением ископаемых, традиционных и возобновляемых ресурсов в Китае. Хорошо известно, что основу ТЭК страны составляет каменный уголь. Его роль в потреблении энергии в КНР в относительном выражении даже выросла по сравнению с началом нынешнего века — при существенном снижении удельного веса традиционного топлива и медленно сокращающейся доли нефти. Об этом можно судить по оценочным данным (табл. 1).

Таблица 1

Структура потребления энергии в КНР, %

Годы\ Источники	Уголь	Нефть	Природный газ	Традиционное топливо	Гидро-, атомная и ветряная энергия
2000	57,1	20,2	1,9	18,6	2,2
2011	70,3	16	4,5	1,8	7,4

Подсчитано по: BP Statistical Review of World Energy. June 2012. С. 41.

При этом характерно последовательное наращивание доли новых и возобновляемых источни-

¹ Еженедельный обзор мировой энергетики и экономики. — Российское энергетическое агентство, 15.06.12, с. 3.

ков энергии (НВИЭ) в энергопотреблении, причем темпы роста впечатляют. По данным ВР, потребление НВИЭ в КНР выросло в 2011 г. по сравнению с предыдущим годом на 48,4% и составило 9,1% общемирового². По этому показателю КНР занимает третье место в мире после США (23,2%) и Германии (11,9%)³.

Более точные сведения о роли новых и возобновляемых источников энергии в экономике КНР можно получить из данных по производству электроэнергии (табл. 2). Достаточно отчетливо видно, что масштабы нового производства электроэнергии на ветряных электростанциях (ВЭС) в Китае (наиболее динамичном секторе новой энергетики и в Китае, и в мире в 2010 г.)⁴ при весьма внушительных темпах роста остаются сравнительно скромными на общем фоне гигантских темпов роста производства электроэнергии в этой стране. Вместе с тем в 2009 г. только на атомных и ветряных электростанциях в КНР было выработано энергии столько же, сколько её всего производилось в стране в середине 1960-х годов.

Таблица 2

Производство электроэнергии в КНР в 2010 г.

Вид генерации	Млрд. кВт/ч	Прирост, % к 2009 г.	Абсолютный прирост, млрд. кВт/ч
ТЭС	3330	10,8	325
ГЭС	721	17,1	105
АЭС	74	5,3	4
ВЭС	50	78,9	22

Подсчитано по данным ГСУ КНР (stats.gov.cn), данные округлены.

Стоит обратить внимание на прирост мощностей и особенно инвестиций в ветряную энергетику. Как показывают данные статистики (табл. 3), эта отрасль китайского энергохозяйства явно находится в привилегированном положении.

Поддержка отрасли включает гарантированный сбыт всей производимой в ней продукции. Сетевые компании обязываются приобретать такую продукцию в объемах не ниже установленного минимума. В результате в отрасль активно пошел частный и иностранный капитал.

² BP Statistical Review of World Energy. June 2012. с. 38.

³ Там же.

⁴ Из общей суммы мировых инвестиций в новую энергетику в 211 млрд. долл. на ветряную энергетику пришлось около 95 млрд. долл.

Таблица 3
Ввод мощностей и инвестиции в отдельные звенья электроэнергетики КНР в 2010 г.

Вид генерации	Инвестиции, млрд. юаней	Ввод мощностей, млн. кВт/ч
ТЭС	131	70.6
ГЭС	79	21.3
АЭС	63	1.1
ВЭС	89	7.0
Энергосети	341	...

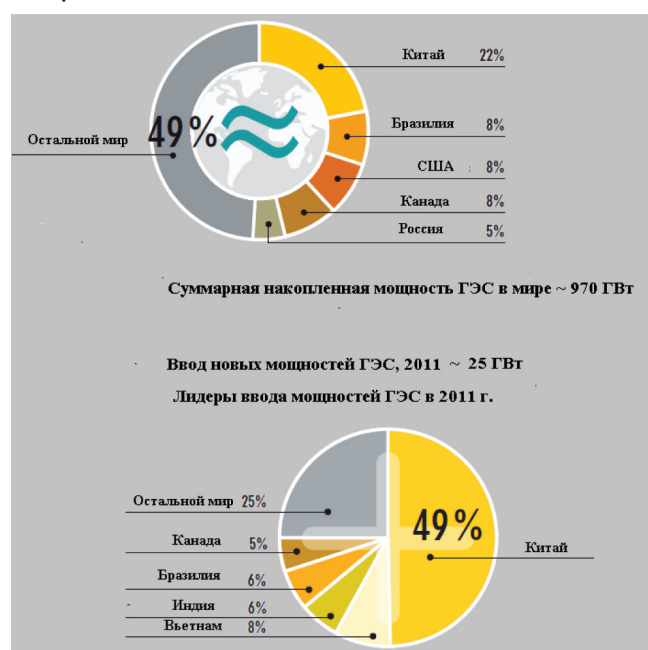
Подсчитано по данным ГСУ КНР (stats.gov.cn), данные округлены.

В 2011 г. Китай вышел в мировые лидеры по использованию ВИЭ в энергогенерации. Накопленная мощность ВИЭ-генерации оценивалась в 282 ГВт.

По приведённым выше данным можно также сделать вывод о том, что генерация и сетевое хозяйство примерно на равных выступают в качестве современных инвестиционных приоритетов Китая.

Это, разумеется, не значит, что другие отрасли возобновляемой энергетики остаются «за бортом». По-прежнему КНР прилагает значительные усилия к использованию гидроэнергетического потенциала страны — крупнейшего в мире. Страна лидирует по показателю установленной мощности ГЭС (рис. 1). В 2011 г. этот показатель составил 212 ГВт, и, согласно ориентирам на 12-ю пятилетку, должен достичь в 2015 г. 300 ГВт. В прошлом году почти половина (49%) ввода новых мощностей ГЭС в мире пришлась на КНР (12,3 ГВт)⁵.

Рисунок 1
Накопленная мощность ГЭС в мире и ввод мощностей в 2011 г.

Источник: REN21, Renewables Global Status Report 2012, с. 43.

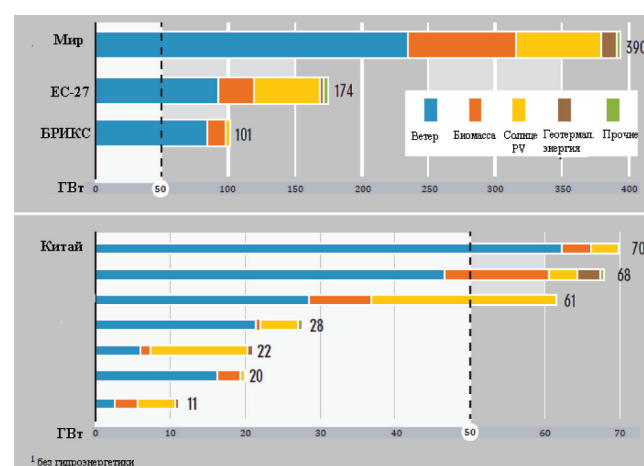
К 2020 г. предполагается, в частности, возведение и ввод в эксплуатацию в верхнем течении Янцзы

⁵ REN21, Renewables Global Status Report 2012, с. 42.

(где она носит название Цзиньшацзян) четырёх гигантских ГЭС суммарной мощностью около 43 млн. кВт. Эта задача возложена на корпорацию «Санься», построившую одноимённую ГЭС — кстати, крупнейшую в мире (20 млн. кВт). Корпорации уже предоставлены кредиты китайских и зарубежных банков на сумму 330 млрд. юаней (более 50 млрд. долл.) на реализацию задач в рамках двенадцатой пятилетки (2011–2015).

К концу 2011 г. накопленные мощности ВИЭ-генерации в Китае достигли 282 ГВт, четверть из которых (70 ГВт) — отличные от ГЭС виды генерации. Из 90 ГВт электроэнергетических мощностей, введенных в Китае в 2011 г., на ВИЭ приходилась 1/3, в том числе на виды генерации, отличные от ГЭС — более 1/5 мощностей⁶.

Рисунок 2
Глобальные мощности ВИЭ-генерации, 2011 г.

Источник: REN21, Renewables Global Status Report 2012, с. 25

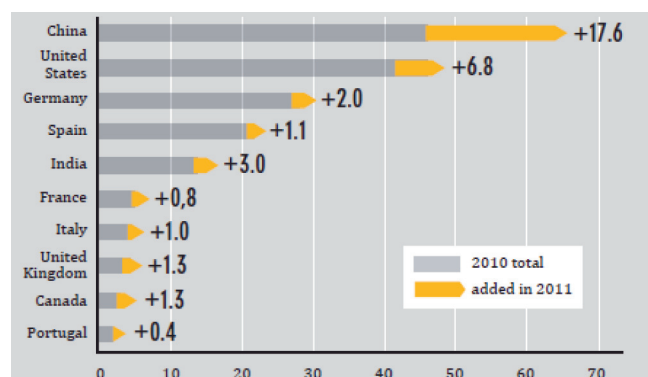
Китай уже является мировым лидером в использовании ветряной энергетики. На территории Китая ветрогенераторы многочисленны настолько, что не хватает мощностей для передачи электроэнергии в промышленные регионы страны. В 2011 г. прирост установленной мощности ветрогенерации в стране составил 17,6 ГВт — 44% глобального прироста этого типа мощностей. На конец года накопленные мощности китайской ветряной генерации составляли 62,4 ГВт, или более четверти общемировой. Рост за 5 лет — в 24 раза⁷.

Сегодня Китай впервые всерьёз рассматривает масштабное использование таких видов энергетики, как геотермическая, а также энергия приливов и отливов. Уже сейчас Китай лидирует по прямому использованию геотермальной энергии (для обогрева с помощью тепловых насосов). В 2010 г. потребление составило 21 ГВт-час. На очереди — геотермальные электростанции.

⁶ REN21, Renewables Global Status Report 2012, с. 14.

⁷ Там же, с. 57.

Рисунок 3

Мощности ветрогенерации, первая десятка стран, 2011 год (ГВт)

Источник: REN21, Renewables Global Status Report 2012, с. 58.

В 2011 г. рынок солнечной энергетики Китая увеличился в четыре раза: установленная мощность составила 3,1 ГВт. Китай производит ежегодно 700 МВт солнечной энергии, при этом значительно отстает от США (2,6 ГВт). К 2015 г. Китай планирует установить достаточно солнечных батарей для того, чтобы этот показатель вырос до 10 ГВт, а к 2020 г. нацелен вырабатывать 50 ГВт солнечной энергии ежегодно.

Как уже было отмечено выше, в 2011 г. инвестиции в возобновляемые источники энергии составили 257 млрд. долл. (в мире), что на 17% превышает уровень 2010 г. В 2010 г. прирост инвестиций в ВИЭ был оценен в 34%. Такое замедление инвестиционной активности связано с усилением кризисных явлений в мировой экономике, прежде всего с усилением неопределенности в отношении мер государственной поддержки. Однако инвестиционные усилия прошлых лет дают эффект: в 2011 г. издержки производства электроэнергии на ветряных станциях снизились на 9%, а на фотогальванических — более чем на 30%⁸. Среди главных мировых инвесторов в НВИЭ третий год лидирует Китай, далее следуют США, Германия, Италия и Индия.

Реформы, направленные на стимулирование развития ВИЭ, к началу текущего года отмечены в 118 странах (годом ранее — в 96), более половины из которых — развивающиеся. Наиболее распространенной мерой остается поддержка электрогенерации на основе ВИЭ: по крайней мере, 65 стран мира уже применяют «зелёные тарифы». В то же время в ряде стран наметилось ослабление поддержки ВИЭ, которое в первую очередь было продиктовано ужесточением бюджетных ограничений в ЕС и препятствиями на пути развития американского законодательства о ВИЭ. Это не относится к Китаю, где недавно было объявлено о намерении развивать солнечную энергетику и использовать для этого «зелёные тарифы».

Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) приняло поправку к закону о возобнов-

ляемых источниках энергии, которая требует от всех сетевых компаний в Китае приобретать всю электроэнергию, произведенную электростанциями на ВИЭ. Поправка ориентирована на повышение доли ВИЭ в общей энерговыработке, а также на увеличение количества подключений ВИЭ к энергосистеме. Электроэнергетические компании, отказывающиеся приобретать электроэнергию, выработанную компаниями-производителями ВИЭ, в том числе энергию из биомассы, должны быть оштрафованы в двойном размере убытка, понесенного компанией-производителем ВИЭ.

Это создает все предпосылки для того, чтобы Китай, уже являющийся крупнейшим мировым производителем солнечных панелей, теперь стал и ведущим покупателем этих изделий. Судя по прошлогодним результатам, политика стимулирования дает плоды. Китай вышел на третье место в мире, обогнав США, по введенным мощностям солнечной энергетики, хотя пока отстает от лидеров (Германии, Италии, Японии, США, Испании) по накопленной мощности (табл. 4).

Таблица 4

Крупнейшие мировые рынки солнечных панелей (МВт)

Страна	Новые мощности, 2011	Накопленные мощности, 2011
1. Италия	9000	12 500
2. Германия	7500	24 700
3. Китай	2000	2900
4. США	1600	4200
5. Франция	1500	2500
6. Япония	1100	4700
7. Австралия	700	1200
8. Великобритания	700	750
9. Бельгия	550	1500
10. Испания	400	4200
11. Греция	350	550
12. Словакия	350	500
13. Канада	300	500
14. Индия	300	450
15. Украина	140	140
Остальной мир	1160	6060
ВСЕГО	27 650	67 350

Источник: European Photovoltaic Industry Association, 2011 Market Report.

Именно Китай — который у многих ассоциируется с загрязнением окружающей среды — развил у себя в стране огромный рынок технологий получения энергии из возобновляемых источников. Китайские фирмы, производящие солнечные батареи, сегодня доминируют на мировом рынке. В последние годы производство оборудования в сфере ВИЭ переместилось туда, где затраты на него меньше, то есть в Китай. Сегодня Китай обеспечивает половину мирового производства данной техники. Две трети

⁸ Еженедельный обзор мировой энергетики и экономики, — Российское энергетическое агентство, 15.06.12, с. 3–4.

устанавливаемых в Германии модулей солнечных батарей на сегодняшний день производятся в Китае. По состоянию на 2009 г., из семи ведущих производителей оборудования для получения электроэнергии из энергии солнца четыре находились в КНР и лишь один в Германии. Производство солнечных батарей в Китае поддерживает и правительство: государство выдает свои гарантии на инвестиции в эту область. Растут объемы производства ветрогенераторов в Китае, однако качество китайской продукции отстает от европейских аналогов.

Производимое в Китае оборудование для производства ветряной и солнечной энергии экспортируется в другие страны. Особенно велика доля экспорта в производстве фотоэлектрических панелей, что отчасти объясняет снижение цен на них к 2011 г. на 60% по сравнению с 2008 г.⁹

В 2010 г. производство в КНР фотоэлектрических панелей достигло 8 млн. кВт — почти половина от мирового выпуска этих изделий. В то же время в самом Китае таких панелей было установлено мощностью лишь около 400 тыс. кВт. Почти вся продукция отрасли была реализована на внешнем рынке.

Летом 2012 г. европейские производители солнечных панелей под руководством немецкой компании SolarWorld направили жалобу в Европейскую Комиссию (ЕК) по поводу недобросовестной конкуренции со стороны китайских экспортеров. Они обвинили китайские компании в том, что они продают солнечные панели в Европе по ценам ниже рыночных. 6 сентября 2012 г. Европейская Комиссия сообщила о решении провести антидемпинговое расследование в отношении китайских производителей солнечных панелей. В 2011 г. импорт китайских солнечных панелей и оборудования в ЕС был оценен приблизительно в \$26,5 млрд.¹⁰ Теперь, когда ЕК согласилась провести формальное расследование, она должна будет ответить на вопросы, имел ли место демпинг, оказывал ли он негативное влияние на развитие европейского производства солнечных панелей и как повлияет на рынок ЕС введение импортных пошлин. В ЕС импортные пошлины действуют 5 лет и могут быть продлены.

Примечательно, что не все участники европейского рынка разделяют негативное отношение к импорту более дешёвых китайских панелей. Так, ряд компаний, особенно специализирующихся на установке панелей, указывают, что китайский импорт делает солнечную энергию более доступной для европейских стран. Китай также предупредил, что введение импортных пошлин или других торговых ограничений может негативно отразиться на секторе «чистой энергетики» не только в Китае и ЕС, но и мире в целом. В любом случае, очевидно, что

если на рынок пришли производители из Китая, это значит, что технология перестала быть экзотикой, а сам рынок ждёт падение цен. Кроме того, очевидно, что перенос в Китай производства достаточно дорогостоящих изделий и компонентов, применяемых в области ВИЭ, и их соответствующее удешевление оказал серьезный стимулирующий эффект на развитие глобальной альтернативной энергетики.

Прогнозы и перспективы развития ВИЭ в Китае

Согласно оценкам Института энергетических исследований при Комитете по развитию и реформам Китая, потенциал новых возобновляемых источников в КНР многократно превышает текущие производственные возможности этого сектора. Особенно большие перспективы развития имеют ветроэнергетика, солнечная энергетика и энергия океана (табл. 5).

Таблица 5
Потенциал возобновляемой энергетики в КНР

Вид энергии	Потенциал, млрд. кВт/ч	
	экономический	теоретический
Ветряная энергия	0,7–1,2	4,3
Солнечная энергия	2,2	1700*
Геотермальная энергия	0,02	463*
Энергия океана	0,99	610

*млрд. т угольного эквивалента.

Источник: Азиатские энергетические сценарии 2030. М., 2012, с. 56.

И казалось бы, ничто не мешает строить самые благоприятные прогнозы будущего развития данного сектора китайского ТЭКа. Однако, не вдаваясь в цифровое моделирование перспектив развития, стоит отнестись к вопросу более осторожно, не делая завышенных прогнозов. При обилии впечатляющих цифр, характеризующих современные темпы роста ВИЭ, не стоит забывать об эффекте чрезвычайно низкой начальной базы. На практике доля этого типа энергетики в совокупном спросе на первичную энергию составляла в Китае в 2010 г. всего 0,7%, а доля в электрогенерации — 1,3%¹¹. Стоит учитывать, что замедление экономического роста и нарастающие бюджетные проблемы в развитых экономиках уже сегодня тормозят развитие новой энергетики, продвижение которой опирается на государственные дотации, субсидии и прочие меры господдержки. И даже, если Китай в силу политических, экологических и других причин сохранит финансовую и административную поддержку сектора ВИЭ, сжатие рынков сбыта соответствующей техники станет препятствием и для ее использования внутри страны.

⁹ Global Trends in Renewable Energy Investment 2011. Frankfurt School, UNEP Collaborating Centre for Climate and Sustainable Energy Finance, Bloomberg New Energy Finance, с. 12

¹⁰ Еженедельный обзор мировой энергетики и экономики. — Российское энергетическое агентство, 07.09.12, с. 4.

¹¹ Азиатские энергетические сценарии 2030. М., 2012, с. 34.

Д.А. Марьясис

Израильские месторождения газа — новая реальность энергообеспечения страны, новые горизонты

Россия в силу своих географических особенностей является сегодня одним из крупнейших производителей и экспортеров углеводородов в мире. Израиль в то же время до последних лет считался страной, крайне зависимой от внешних поставок энергоносителей, что делало его стратегически достаточно уязвимым. Однако в последнее время картина начала стремительно меняться. В этой статье мы рассмотрим новую для региона ситуацию, связанную с открытием на средиземноморском израильском шельфе значительных запасов природного газа; проанализируем новые возможности и проблемы, встающие в связи с этим перед Израилем и другими странами Ближнего Востока; обсудим возможные варианты участия России в эксплуатации найденных месторождений.

Израиль же с самого начала своего существования оказался в сложном положении с точки зрения поставок энергоносителей. Будучи одной из немногих разделяющих западные ценности демократических стран, находящихся географически рядом с крупнейшими запасами нефти и газа, страна была, по сути, от них изолирована из-за арабского бойкота. Только в 1990-х гг. по мере улучшения отношений с Египтом появилась возможность получать газ из этой страны, которая полностью реализовалась только в 2000-х гг. Однако научно-технический прогресс внес свои корректировки и в эту ситуацию. В 2010 г. подтвердилось наличие больших запасов природного газа на шельфе Средиземного моря. Стало очевидно, что положение страны с этой точки зрения может сильно измениться. Сегодня есть основания говорить о том, что обнаруженные запасы окажут большое влияние и на геополитическую обстановку в регионе. О различных аспектах сделанных открытий и вариантах будущего развития событий и пойдет речь далее.

Ситуация с природным газом в Израиле

Общие сведения¹

Освоение газовых месторождений Израиля началось в конце 1950-х гг., когда на западном побережье Мертвого моря, в северо-западной части пустыни Негев, было обнаружено месторождение «Zohar»,

¹ Этот раздел подготовлен на основе материалов дипломной работы студентки ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова Суворовой М.С. «Стратегия энергетического развития Израиля в первой четверти XXI века». М., 2011 г.

где наряду с газом отмечалось наличие нефти. В настоящее время данное месторождение снабжает газом город Арад.

В конце 1990-х Израиль планировал прокладку трубопровода из Египта для транспортировки газа. Однако в 1999 г. предприятием «Yam Tethys Joint Venture» были обнаружены месторождения «Noa» и «Mari-B». Совладельцами этого совместного предприятия являются «Noble Energy» (бывший «Samedan»), «Avner Oil Limited Partnership», «Delek Drilling Ltd Partnership» и несколько других подразделений компании «Delek Group». Суммарные запасы газа на них были оценены в 32 млрд м³. В феврале 2004 г. начались поставки газа с месторождения «Mari-B». Установка дополнительной наземной и подводной инфраструктуры для продвижения газа на местные рынки продолжается и в настоящее время, эти работы осуществляются государственной компанией «Netivey Gas» («Israel Natural Gas Lines Ltd» — INGL). Начало эксплуатации «Mari-B» позволило рассчитывать на продажу 114 млн м³ газа в год нефтеочистительному заводу в Ашдоде. Кроме того, «Yam Tethys» также планировал повышать пропускную способность береговой инфраструктуры до 6,2 млрд м³ в год, чтобы она соответствовала мощности оборудования на самом месторождении и отвечала растущему спросу на газ.

Еще одним игроком на израильском газовом рынке является «Eastern Mediterranean Gas» (EMG), объединенная египетско-израильская группа компаний, в которую входят «Egyptian General Petroleum Corp.» (EGPC — 68,4%), «Merhav» (25%) и «Ampal-American Israel Corp.» (6,6%). Компания занимается поставками сжиженного природного газа (LNG) из Египта, а также эксплуатирует 100-километровый подводный участок Арабского газопровода («Arab Gas Pipeline») «Эль-Ариш — Ашкелон». Его запуск произошел в феврале 2008 г., а договор на 15 лет между Египтом и Израилем о поставках 1,7 млрд м³ природного газа в год по данной ветке был подписан еще в 2005 г.

И произведенный «Yam Tethys», и доставленный из Египта природный газ в Израиле закупается индивидуальными потребителями через частных поставщиков — «Delek» или EMG соответственно. Эта практика во многом отлична от опыта других стран, где газ используется в качестве топлива, и особенно стран, сопоставимых с Израилем по площади.

В большинстве случаев либо государственные, либо регулируемые государством компании являют-

ся первичными закупщиками газа, распространяя его впоследствии среди своих клиентов либо напрямую, либо через распределительные компании. Такая система объясняется сложностью транспортировки газа, для осуществления которой необходима дорогостоящая инфраструктура. Объем требуемых для этого инвестиций предполагает, что поставщики берут на себя долгосрочные обязательства (что в том числе сокращает количество потенциальных источников газоснабжения, делая газ возможным предметом эмбарго и инструментом экономического и политического шантажа).

К тому же природный газ более взрывоопасен, чем другие виды топлива. Это предполагает необходимость более надежных систем для достижения необходимого уровня физической безопасности других инфраструктурных объектов, людей и близлежащих районов при использовании природного газа по сравнению с другими видами первичной энергии.

Все эти факторы учитывались при закладке израильской газовой инфраструктуры, однако в большей степени на ее развитие повлияло желание избежать появления еще одной монополии, избавление от которых является серьезной проблемой израильской экономики².

В 2003 г. была основана государственная компания INGL. Она получила льготы на природный газ с целью разработки и создания южной части национальной газовой системы Израиля. Согласно трехстороннему соглашению (между правительством Израиля, INGL и Израильской электрической компанией — ИЭК), подписанному в ноябре 2004 г., ИЭК встанет во главе и будет финансировать проект, чей утвержденный бюджет — \$249 млн — будет возвращен компании по прошествии 15 лет.

Морской участок (около 90 км) между Ашдодом и Тель-Авивом/Хадерой/Дором был построен при финансовой поддержке и обязательствах ИЭК. На участке Ашдод–Тель-Авив газ уже подается. Подключение к электростанции «Nagit» проходит также под ответственностью ИЭК. Участок Ашдод–электростанция «Gezer»–Кирият Гат–Ашкелон был завершён и введен в эксплуатацию. Участок к югу от Кирият Гата был завершён в 2008 г. Северный участок Электростанция «Nagit»–Тель Кашиш–Хайфа–Алон Тавор должен был быть запущен к концу 2009 г., но в начале 2011 г. все еще находился на стадии строительства³. Компания INGL прилагает все возможные усилия по подключению к трубопроводу расположенных рядом с ним промышленных зон, таких как Рамат Ховав и Мишор Ротем.

ИЭК и INGL сотрудничали на основе временного контракта, оговаривавшего поставку газа на определенный участок до июня 2006 г., когда ими был

подписан пятнадцатилетний контракт. В феврале 2008 г. его заменило аналогичное, но скорректированное долгосрочное соглашение о транспортировке газа.

Следует отметить, что начиная с 2004 г. ИЭК проводит переключение своих станций на природный газ. Дело в том, что его использование очень выгодно электрической компании, так как расход природного газа на выработку энергии ниже даже, чем расход нефтяного газа, а КПД при правильном использовании гораздо выше. Потребление этого энергоносителя из года в год растет, и уже в 2006 г. объем используемого газа уступал только объему используемого угля. Долю газа в выработке электроэнергии планируется довести до 60% и более. По состоянию на 2010 г. источником порядка 40% произведенной ИЭК энергии послужил этот углеводород. Поставщиками газа стали: «Yam Tethys», осуществляющая поставки для ИЭК с месторождения «Mari-B» по одиннадцатилетнему контракту на 18 млрд м³; а также EMG, о контракте с которой упоминалось выше. ИЭК использует природный газ на своих электростанциях «Eshkol» в Ашдоде (с февраля 2004 г.) и «Riding» (с июля 2006 г.). Кроме того, на стадии строительства находятся еще несколько комбинированных газотурбинных циклов для будущего пользования на станциях «Nagit» и «Gezer».

В первом десятилетии XXI в. потребление газа в Израиле постоянно росло, что видно из приведенной ниже таблицы:

Потребление природного газа в Израиле, млрд м³

2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
1,2	1,7	2,3	2,8	4,1	4,5	5,3	5,0

Источник: BP Statistical Review of World Energy. June 2012. www.bp.com.

О том, что газ занимает все более значительное место в израильской энергетике, свидетельствует то, что частные компании также переходят к его использованию в целях производства электроэнергии. Так, на начало 2014 г. намечено начало эксплуатации крупнейшей частной электростанции в стране в Тель-Цафите, которая будет построена в 2 этапа по 435 МВт каждый, и топливом для электрогенерации на которой будет служить именно природный газ.

В 2009 г. произошло, пожалуй, одно из самых значимых событий в истории Израиля начала XXI в. — консорциум, возглавляемый американской частной компанией «Noble Energy», открыл два крупнейших газовых месторождения на израильском шельфе Средиземного моря. Первое из них — «Tamar» — расположено в 92 км от берега; глубина моря в этом месте составляет около 1600 м, мощность пласта 140 м, площадь месторождения составляет 250 км². По состоянию на июль 2012 г. доказанная величина запасов природного газа в месторождении составляет 238 млрд м³. По данным на август 2012 г., первые поставки газа из него начнутся во второй половине

² Popper S.W., Griffin J., Berrebi C. Natural Gas and Israel's Energy Future. Santa Monica: RAND Corporation, 2009, с. 13–14.

³ "עב לארשיל יעבטה זגה יביתן, יעבטה זגה קשמ" (Israel Natural Gas Lines Ltd. Natural Gas Market — Hebrew.) www.ingl.co.il.

2013 г. Общая величина затрат на запуск газодобычи на месторождении «Тамар» составляет \$3 млрд. Прибыль от эксплуатации месторождения составит не менее \$70 млрд. В тот же год консорциум обнаружил и месторождение «Leviathan», находящееся на глубине 5200 м и на удалении 130 км от берега, которое стало крупнейшим по разведанным запасам газа по состоянию на июль 2012 г. — 586,25 млрд м³. Исходя из опубликованных планов «Noble Energy» должна начать эксплуатацию этого месторождения в 2016 г. В результате сделанных открытий общий объем доказанных месторождений природного газа в Израиле по состоянию на лето 2012 г. составил приблизительно 853 млрд м³.

Таким образом, ситуация в сфере газодобычи и газопользования в Израиле кардинально меняется. Как бы ни складывались обстоятельства, очевидно, что использование газа в стране будет только расти. Ожидается увеличение его доли в производстве электроэнергии за счет значительного снижения использования угля.

Изменение ситуации в 2011–2012 гг.

В 2011 г. произошло кардинальное изменение в сфере поставок газа из Египта — основного внешнего поставщика этого энергоносителя в Израиль, обеспечивающего 40% потребляемого в стране газа. Свержение правительства Хосни Мубарака привело к полной дестабилизации обстановки в Египте. Уже 5 февраля произошел первый подрыв газотранспортной системы, нарушивший поставку природного газа из этой страны. 15 марта поставки газа возобновились. Однако к концу месяца их объем не достиг даже 80% от необходимого в рамках подписанного двустороннего договора. В апреле произошло вторичное прекращение поставок египетского газа в Израиль по причине подрыва газопровода. При этом министр нефти нового правительства Египта Абдулла Гхораб сказал, что его страна не обязана платить неустойку Израилю, так как прекращение поставок вызвано чрезвычайными обстоятельствами. В июне после полуторамесячного перерыва поставка египетского газа в Израиль возобновилась, однако объем поставок составил лишь 30% количества, поставляемого Египтом в Израиль до террористических атак начала 2011 г. В июле было совершено еще 3 подрыва египетской газотранспортной системы на Синае.

При этом нельзя сказать, что египтяне совсем не заботились о своем международном имидже. Так, компания «Gamco», являющаяся оператором газопровода, по которому осуществляются поставки газа в Иорданию и Израиль, провела в августе 2011 г. комплекс мероприятий по защите трубы в проблемных районах специальным взрывоустойчивым покрытием. Этот проект обошелся египтянам в \$1,8 млрд. Кроме того, труба была застрахована

дорогостоящим полисом, стоимость которого превысила \$106 млн⁴.

Однако проведенные египтянами мероприятия ситуацию не изменили. Хотя в октябре 2011 г. поставки были частично восстановлены, однако в ноябре произошёл очередной подрыв. Таким образом, теракты 2011 г. привели к тому, что 200 дней из 365 газ из Египта в Израиль не поступал. В январе 2012 г. поставки газа из этой страны были вновь частично восстановлены. В феврале и марте 2012 г. также происходили подрывы газопровода, после которых имело место лишь частичное возобновление поставок египетского газа в Израиль.

В течение 2011 г. в Израиле рассчитывали, что египтянам все же удастся восстановить порядок на газотранспортной системе и поставки газа оттуда продолжатся и в 2012 г., что позволило бы израильтянам продержаться до начала эксплуатации собственных больших месторождений. Однако прекращение терактов на газопроводе, как оказалось, не гарантировало автоматического возобновления поставок, так как — неожиданно для Израиля, — несмотря на наличие действующего договора, встал вопрос увеличения цены египетского газа. Дело в том, что с приходом в Египте к власти нового правительства в 2011 г. всё чаще стали раздаваться голоса о необходимости пересмотра двустороннего соглашения по поставкам газа в Израиль.

Дело в том, что существующий двусторонний договор о поставках египетского газа в Израиль по выгодной для последнего цене (тариф для Израиля ниже, чем для стран Европы, но выше, чем для Сирии, Иордании и Ливана) вызывает массу вопросов у нового египетского истеблишмента. К тому же уже имеется прецедент — в 2009 г. прошел раунд повышения цены на 46%. Египетские власти прикладывают все усилия, чтобы добиться повышения цены поставок. Израильские представители поначалу ограничивались выражением общей надежды на возвращение к достигнутым договоренностям, не вдаваясь в детали. Однако напряжение вокруг поставок египетского газа в Израиль продолжало нарастать. В результате EMG (среди крупных акционеров которой есть, помимо представителей США и Таиланда, представители Израиля) объявила о желании подать иск в размере \$8 млрд в вашингтонский Международный арбитражный суд относительно невыполнения Египтом договорных обязательств по отношению к Израилю из-за постоянных терактов на Синае (по состоянию на лето 2012 г. суд должен состояться в октябре этого года). В свою очередь, министр нефти и газа Египта, с одной стороны, пригрозил разорвать контракт с Израилем, с другой — потребовал, чтобы сумма контракта на поставки египетского газа в Израиль была увеличена до \$10 млрд. Какова сумма контракта в настоящее время, неизвестно.

⁴ Ради Израиля: на Синае строят взрывоустойчивый газопровод. Mignews.com, 18.08.2011.

Экономические обозреватели указывают на то, что разбирательство в международном арбитраже, независимо от исхода, приведет к большому скандалу и неминуемому дальнейшему падению привлекательности Египта для международных инвесторов.

В январе 2012 г. стало известно, что министр топлива Египта провел успешные переговоры со странами-импортерами египетского газа о росте стоимости его поставок на 30%. При этом министр сообщил, что есть одна страна, с которой не удалось договориться. Он ее не назвал. Но, судя по всему, речь идет как раз об Израиле.

Финалом конфликта вокруг поставок египетского газа в Израиль стало одностороннее расторжение египетской стороной действующего контракта по поставкам этого энергоносителя. Это произошло в конце апреля 2012 г. Случившееся является нарушением мирного договора между двумя странами. В Египте готовы продолжить поставки газа в Израиль только по новому контракту с более высокой ценой. Израильские официальные лица пока не склонны педалировать решение проблемы на дипломатическом уровне, предпочитая считать это сугубо коммерческим спором. Между тем необходимо отметить, что в начале апреля 2012 г. в очередной, уже 14-й, раз с момента свержения Х. Мубарака зимой 2011 г., был взорван газопровод на Синае. Таким образом, он так и не был введен в эксплуатацию с 5 февраля этого года. В связи с этим некоторые эксперты склонны рассматривать произошедший разрыв двустороннего договора как попытку затянуть время, чтобы не компенсировать Израилу и другим странам-клиентам издержек из-за невыполнения египетской стороной своих обязательств. К тому же, как известно, в самом Египте возникла нехватка природного газа для внутреннего потребления, выросшего за год на 8%. Таким образом, отказ от поставки газа в Израиль на самом деле мог быть вызван необходимостью снабдить им внутренний рынок, что и было сделано по факту.

С приходом к власти в Египте нового президента М. Мурси ситуация не изменилась. Представляется, что Израиль не пойдет на египетские условия и будет использовать альтернативные источники для обеспечения себя газом в период до введения в эксплуатацию шельфового месторождения «Тамар».

Сложившаяся ситуация привела к тому, что основной производитель электроэнергии в Израиле — ИЭК — была вынуждена переключиться на другие виды топлива. Еще после первого подрыва газопровода компании пришлось тратить дополнительные \$1,5 млн в день на закупку дизельного топлива и мазута, стоящих в 10 раз дороже природного газа. Летом 2011 г. финансовая нагрузка на ИЭК настолько увеличилась, что от правительства Израиля потребовалось немедленно предоставить компании финансовую помощь в размере 3–3,5 млрд шек. Возникла необходимость повысить тарифы на электроэнергию в стране. Изначально обсуждалась возмож-

ность их роста на 20%. Однако в результате экстренных мер, предпринятых правительством Израиля, удалось уменьшить эту величину на 10%. Это было достигнуто, в частности, путем ретроактивного сокращения министерством финансов страны ввозной пошлины на дизельное топливо, а также одобрения министерством охраны окружающей среды временного перехода некоторых электростанций на мазут, что хотя и наносит вред экологии, но зато значительно дешевле.

По подсчетам экспертов, если ситуация не изменится, то к середине 2013 г. ущерб экономики страны из-за необходимости переходить на более дорогие и менее эффективные способы производства электроэнергии может достичь 15 млрд шек. Дело в том, что из-за нехватки природного газа в 2011 г. на 200% выросло потребление дизельного топлива для производства электроэнергии, а использование в тех же целях нефти выросло в указанный период на 108%. Совокупное потребление нефтепродуктов в Израиле и ПНА выросло в 2011 г. на 5%, достигнув 11 млн тонн.

Для того чтобы справиться со сложившейся ситуацией, в любом случае необходимо продолжать процесс увеличения тарифов на потребление электроэнергии, начатый в 2011 г. Однако это очень чувствительный момент для населения страны, которое и так не очень довольно социально-экономической политикой правительства. ИЭК требовала в январе 2012 г. увеличения тарифов в текущем году на 13%. С целью смягчения ситуации Управление общественных ресурсов Израиля выдвинуло предложение разбить это увеличение на 3 года: 6,6% в 2012 г., 2,6% в 2013 г., 3,7% в 2014 г. Для этого предлагается государству сильно снизить финансовую нагрузку на ИЭК путем значительного сокращения таможенных пошлин на ввозимое компанией топливо. Вместе с тем ИЭК тоже должна выполнить свои обязательства по повышению эффективности работы, а также впервые за многие годы осуществить размещение своих ценных бумаг на бирже.

В результате переговоров между правительством и ИЭК данное предложение было принято. Однако уже к марту 2012 г. стало очевидно, что компании придется тратить более значимые по сравнению с первоначальными расчетами суммы на покупку дизельного топлива, что привело к дефициту бюджета ИЭК в размере 3 млрд шек. В связи с этим Агентству государственных услуг Израиля пришлось в марте одобрить увеличение на 8,9% тарифа на пользование электроэнергией, которое вступило в силу уже в апреле 2012 г. По состоянию на март 2012 г., с лета 2011 г. цены на электроэнергию в Израиле выросли на 25%.

К этому следует добавить, что в 2011 г. на 31% по сравнению с 2010 г. возросло использование единственного на сегодняшний день эксплуатируемого Израилем оффшорного месторождения газа «Yam Tethys», что привело к его истощению к концу того же года.

Сложившаяся вокруг египетского газа ситуация заставила пересматривать свои планы и компании-разработчики средиземноморских шельфовых месторождений. Так, владельцы небольшого израильского месторождения «Ноа» (см. выше), расположенного на шельфе напротив Сектора Газа, стали серьезно рассматривать планы начала его эксплуатации в ближайшем будущем. Ранее считалось неприбыльным эксплуатировать «Ноа», так как для этого нужно потратить \$200 млн, а выход газа составляет всего 2 млрд м³, что было малорентабельным. Однако повышение цен на газ в регионе из-за перебоев с египетскими поставками изменило положение. Появилась возможность получить за указанное количество газа \$600 млн, что сделало эксплуатацию этого месторождения рентабельным. К тому же в июне 2011 г. владельцам месторождения удалось доказать израильским властям, что эксплуатация «Ноа» не повлияет на запасы газа, находящиеся в экономической зоне ПНА. Таким образом, все препятствия, как экономические, так и политические, к началу разработки месторождения устранены.

В свете острой нехватки энергоресурсов правительство Израиля ищет различные способы обеспечить бесперебойные поставки газа в страну как минимум в 2012–2013 гг. Так, в июле 2011 г. было решено построить плавающий терминал для газоналивных танкеров и приобрести судно с оборудованием, позволяющим возвращать газ из сжиженного состояния в газообразное. В частности, в море, в 10 км от Хадеры, строится терминал для приема танкеров. Считается, что инфраструктура будет готова к концу 2012 г. и сможет принимать до 2,5 млрд м³ природного газа в год. Важным негативным аспектом этого проекта является его дороговизна (полученный таким образом газ будет в 2–3 раза дороже египетского), хотя это всё же дешевле использования других видов топлива.

Интересно, что некоторые страны уже выражают готовность осуществлять поставки сжиженного газа в Израиль. Так, в начале мая 2011 г. арабские СМИ сообщили, что Катар якобы предложил Израилю поставки природного газа. Министр индустрии и коммерции этой страны Хассан Абдулла Фахро позвонил министру инфраструктуры Израиля и выразил готовность подписать контракт о поставке газа на неограниченный период времени и по ценам ниже рыночных. Подтверждения, как и опровержения, этой информации по состоянию на август 2012 г. не поступило.

Возможности увеличения доказанных запасов

Открытые месторождения позволили предполагать, что в Израиле могут находиться еще более значительные резервы углеводородов, как газа, так и нефти. Представители частного бизнеса и государственные структуры продолжили геологоразведку как в самом Израиле, так и на шельфе. Более того,

власти страны решили в ближайшем будущем нанять консультантов по разведке и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений, а также экспертов по правовым вопросам в этой сфере.

Весной 2011 г. прошла информация, что, по данным компании «Noble Energy», существует большая вероятность увеличения разведанных запасов израильского шельфового газа приблизительно на 30%. В частности, были проведены новые тестовые бурения в районе месторождения «Tamar», в результате чего был обнаружен еще один газоносный слой толщиной 25 м. Бурение третьей тестовой скважины показало, что на глубине в 5160 м ниже уровня моря есть не замеченный ранее газоносный пласт, однако по первым результатам невозможно оценить имеющийся в нем запас газа и, соответственно, решить, рентабельна ли разработка скважины «Tamar-3»⁵.

Также стало известно, что ученые университета Хайфы предполагают: газовые месторождения «Leviathan» и «Tamar» могут быть только началом. Источников газа, причем более близких к берегу, у Израиля может быть гораздо больше. Поводом для этого послужило обнаружение многочисленных утечек и просачиваний газа с морского дна в районе Акко, Тель-Авива и Ашдода. Природа этих утечек пока не ясна, но она может указывать на наличие крупных газовых месторождений. В отличие от «Leviathan», который необходимо бурить на глубине 5200 м, и «Tamar» — на глубине 1600 м, речь идет о признаках наличия газа в непосредственной близости от побережья, т.е. на глубине всего 40–50 м, а иногда и 10 м. Исследование возможности добычи газа из месторождений, расположенных непосредственно у береговой линии, является передним краем современной науки. Трудность заключается в том, что пока механизм подобной разработки не придуман. Газ находится в ледяных ловушках, лежащих под морским дном. Традиционно на шельфе занимаются добычей газа, находящегося в каменных резервуарах на очень большой глубине. Если будет придуман способ добычи газа на мелководье, это открывает перед энергетикой совершенно новые перспективы. Ученые уверены, что, по крайней мере, часть подобных месторождений возобновляема. Однако говорить об этом пока еще очень рано.

Другая оптимистичная новость из области энергетики пришла из иерусалимского Еврейского университета. Она, правда, несколько выходит за рамки данной статьи, так как относится к нефти, но в свете общих вопросов энергетики, а также возможности добычи попутного газа при эксплуатации нефтяных месторождений представляется интересным дать

⁵ В июле 2011 г. голландская компания «Netherlands Sewell and Associates Inc» провела свою оценку доказанных и потенциальных запасов природного газа на месторождении «Tamar» и получила результат в 258 млрд м³, что добавляет еще 20 млрд м³ к уже доказанному объему. Пока непонятно, как эта информация коррелирует с предварительными данными геологоразведки компании «Noble Energy».

краткую информацию и об этом. И так, геологическая карта, представленная в университете в конце мая 2011 г., показала, что Левантский бассейн, который включает в себя ряд значительных месторождений природного газа, может содержать еще и большое количество нефти. Д-р Яаков Мимран отмечает, что, если при бурении в районе месторождения «Leviathan» будет обнаружена нефть, есть шанс, что еще больше «черного золота» ждет своего открытия в аналогичных слоях. Согласно представленной карте получается, что еще несколько шельфовых зон, где проводится геологическая разведка, могут содержать нефть. Израиль, судя по всему, расположен на огромных нефтяных месторождениях. Израильская компания «Energy Initiatives» надеется к концу 2011 г. приступить к осуществлению пилотного проекта, который позволит пока получать до 50 тыс. баррелей нефти в день, или одну пятую от нынешнего потребления Израиля. Нефтяные месторождения занимают 15% территории страны. По оценкам министерства инфраструктуры, у Израиля могут оказаться одни из крупнейших запасов нефти в мире. Всемирный энергетический совет полагает, что на территории Израиля может находиться до 250 млрд баррелей нефти, что почти равно разведанным запасам нефти в Саудовской Аравии⁶.

Драматично развивались события вокруг найденного в августе 2011 г. компаниями «Delek», «Ratio» и «Noble Energy» шельфового месторождения «Dolphin-1», которое находится в 110 км от побережья Хайфы и залегает на глубине 4440 м. Сначала оценки его запасов составляли 15 млрд м³. Каждые последующие исследования увеличивали этот показатель, который достиг к февралю 2012 г. 16,5 млрд м³. Но в феврале стало известно, что голландские специалисты, проводившие экспертизу месторождения «Dolphin», на 85% сократили оценку запасов природного газа на нем. Получается, что в этом месторождении находится примерно 2,5 млрд м³. Вряд ли владельцы месторождения будут заниматься его эксплуатацией в ближайшее время, так как экономически это не обосновано.

В феврале 2012 г. также стало известно, что к северу от месторождения «Leviathan» находятся крупные месторождения природного газа. Их назвали «Tanin». Объем запасов месторождения, по предварительным оценкам, превышает 340 млрд м³ природного газа. А в июне 2012 г. техасская компания «Ryder Scott» опубликовала отчет об исследовании прибрежного месторождения «Pelagic» близ Хайфы. Компания полагает, что месторождение содержит около 189 млрд м³ природного газа и 1,4 млрд баррелей нефти. Месторождение находится в 170 км от берега Израиля.

Компания «Global Exploration» приступила в октябре 2011 г. к бурению на оффшорном месторож-

дении нефти «Ofek-1» в центре Израиля. «Ofek-1» находится напротив поселка Нир Цви. Глубина скважины составит 2,5 тыс. м. Стоимость сооружения буровой — \$2,5 млн. Предполагается, что запасы этого месторождения составляют около 30 млн баррелей. «Global Exploration» намерена пробурить 6–8 скважин. А в марте 2012 г. поступила информация о том, что компании «Modiin Energy» и «Adira Energy Corporation» обнаружили оффшорные месторождения нефти в 24 км к северо-западу от Тель-Авива. Речь идет о двух месторождениях, «Gabriella» и «Yitzhak». Согласно оптимистичному прогнозу, эти месторождения содержат 232 млн баррелей нефти. К этому следует добавить 51 млрд м³.

Таким образом, успехи геологоразведки позволяют сегодня экспертам отрасли полагать, что в течение нескольких лет запасы природного газа, оказавшиеся в распоряжении Израиля, составят 1–1,3 трлн м³.

Шельфовые месторождения газа. Различные аспекты новой реальности

Открытие крупных шельфовых месторождений газа создало для Израиля новую реальность. Возникла необходимость пересмотреть энергетическую политику страны, а также найти приемлемые решения проблем, с которыми она до этого момента не сталкивалась. В этом разделе рассматриваются различные аспекты абсолютно новой для Израиля ситуации.

Морские границы

По данным геологической разведки, шельфовые нефтегазовые поля располагаются на морской территории между Египтом, Израилем, Ливаном, Сирией и Кипром (см. прил. 1). Возникает вопрос согласования морских границ между соответствующими странами, для того чтобы эксплуатация месторождений одной страной не причиняла ущерб другим. В принципе для урегулирования этой проблемы существуют нормы международного законодательства об эксклюзивных экономических зонах (см. прил. 2), выраженное в Конвенции ООН по морскому праву от 1982 г.⁷ Однако существует ряд привходящих моментов.

В частности, у израильтян долгое время не было уверенности в необходимости присоединения к Конвенции ООН по морскому праву. С одной стороны, всё больше стран к ней присоединяются. Это общемировая тенденция. С другой — противники присоединения Израиля к «морской» Конвенции заявляют, что некоторые страны Средиземноморья не хотят этого делать, поскольку это море закрытое и тесное и в нем много «чувствительных» регионов.

⁶ Моисей привел евреев к «гигантской бочке с нефтью». MIGnews.com, 01.06.2011.

⁷ Официальные материалы Конвенции: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/convention_overview_convention.htm

Например, установление морской границы между Египтом и Кипром растянулось на целых 14 лет. К тому же израильские специалисты по морскому праву утверждают, что, по сути, нет необходимости в объявлении эксклюзивной экономической зоны, так как израильский закон 1953 г. — достаточная правовая база для разведки и эксплуатации природных ресурсов. «Территория Израиля включает морское дно, пока глубина моря позволяет добычу полезных ископаемых», — говорится в этом законе⁸. Тем не менее возобладала точка зрения сторонников присоединения к Конвенции. 10 июля 2011 г. правительство Израиля утвердило границы исключительной экономической зоны Израиля в Средиземном море. Это означает фактическое присоединение к данному документу. Одним из главных мотивов подобного шага явилась необходимость дать чувство уверенности в завтрашнем дне иностранным компаниям, которые захотят инвестировать в нефтегазовые разработки у берегов страны.

Другим важным моментом является тот факт, что не существует однозначного метода определения границ эксклюзивной экономической зоны. Имеются два принятых в мировой практике способа: продление береговой линии в море на расстояние в 200 морских миль; проведение линии в море на то же расстояние под углом в 90 градусов по отношению к линии сухопутной границы между странами.

Израиль взял за основу второй способ. Демаркация границ с Египтом прошла успешно. 17 декабря 2010 г. было подписано соглашение о морских границах с Кипром. Однако, как и ожидалось, возникли проблемы с Ливаном. Ливанцы при определении своих морских границ использовали первый способ; таким образом, возникли территориальные разногласия с Израилем. Проблема осложняется тем, что страны находятся в состоянии войны. К тому же некоторые радикальные группировки в самом Ливане (в основном Хизболла и подконтрольные ей группы) пытаются использовать этот юридический и экономический спор для разжигания ненависти к Израилю и эскалации напряженности в регионе.

Так, еще осенью 2010 г. усилиями Ливана в этот территориальный спор включилась ООН. Интересно, что на первый запрос представителей этой страны с просьбой принять участие в демаркации водной границы между Израилем и Ливаном представители ООН ответили отказом. Однако позднее специальный координатор этой организации по Ливану Майкл Вильямс высказался в том смысле, что у Ливана есть право получать доход от газа, найденного на шельфе Средиземного моря. Это означало некоторое изменение позиции ООН в данном вопросе и стремление организации играть более активную роль в урегулировании противоречий между двумя странами в сфере эксплуатации шельфовых месторождений⁹.

⁸ Израиль на пути к объявлению эксклюзивной экономической зоны. www.zman.com. 30.06.2010.

⁹ По материалам статей израильского экономического издания «Globes» за январь 2011 г.

После того как Израиль официально определил границы своей эксклюзивной экономической зоны, Ливан снова обратился в ООН. Но, поскольку единственного «правильного» варианта не существует, странам предложено договориться. Однако Израиль с Ливаном по указанным выше причинам этого сделать в ближайшее время, судя по всему, не могут. Нельзя сказать, что ливанский вариант серьезно угрожает шельфовым месторождениям газа, которые Израиль считает своими, а именно: «Leviathan», «Tamar», «Sarah», «Mirra». По нынешней ливанской версии они в любом случае находятся на территории Израиля. После открытия месторождения «Tamar» в 2009 г. ливанцы пытались доказать, что оно лежит в их водах, но достаточно быстро стало понятно, что эти претензии безосновательны. Однако Ливан претендует на часть вод экономической зоны Израиля, в которых, согласно оценкам геологов, могут находиться крупные залежи полезных ископаемых. В частности, речь идет о газовых и нефтяных полях «Ruth» и «Alon». Израиль собирается подать на них заявку в ООН. Ожидается, что эта организация назначит своего арбитра в споре. Вместе с тем, судя по реакции ливанских властей, соседи Израиля вряд ли согласятся с каким-либо решением, если оно не будет их устраивать. Пока эксплуатация этих полей является делом будущего, но не такого далекого. Таким образом эта проблема должна быть урегулирована, иначе возможна эскалация конфликта в регионе.

Внешнеэкономические аспекты

Как только были доказаны значительные запасы шельфового газа, стали обсуждаться варианты их использования. В принципе наиболее логичным и широко поддерживаемым является вариант, при котором Израиль будет экспортировать газ и импортировать нефть, став при этом чистым экспортером энергоносителей. Существует также подход, в соответствии с которым экспортоориентированная стратегия в этой сфере для Израиля не подходит.

Вторая позиция наиболее полно была озвучена в ходе ежегодной Герцлийской Конференции, прошедшей в феврале 2012 г. Некоторые израильские экономисты предупредили правительство о необходимости пересмотра разделяемого многими предположения о выгодах экспорта газа, которое постепенно превращается в аксиому. Эксперты указывают на то, что прежде всего следует изучить вопрос о замене газом бензина в общественном транспорте. Это позволит стране экономить до \$2,65 млрд в год. Кроме того, следует помнить о том, что энергопотребление в Израиле будет постоянно расти, главным образом из-за необходимости опреснения всё большего количества воды. На опреснение воды будет уходить до 10% производимой в стране энергии. Опреснение воды в промышленных масштабах

имеет дополнительные плюсы. Оно позволит продавать воду соседним странам — Иордании, Ливану и, возможно, Сирии. Некоторые эксперты считают, что экспорт газа может не улучшить, а, наоборот, значительно ухудшить и экономическое положение Израиля, и его безопасность. Так как для этого Израилу потребуется создать чрезвычайно дорогостоящую и уязвимую инфраструктуру — заводы по сжижению газа и терминалы для экспорта газа в сжиженном виде (LNG). Танкеры и терминалы LNG сами по себе являются прекрасной мишенью для террористов. Кроме того, экспорт газа из Израиля, по их мнению, противоречит основам экономической логики. Израиль выходит на газовый рынок в момент, когда несколько гигантов — Россия, Австралия, Индонезия — остро конкурируют за новые рынки сбыта. Это, скорее всего, приведет к снижению цен. Себестоимость добычи в Израиле будет относительно высокой из-за того, что месторождения расположены достаточно глубоко под водой. Эксперты также полагают, что государство обязано разработать внятную энергетическую политику, которая предусматривает диверсификацию источников энергии. Опора только на один источник может стать стратегической ошибкой.

Судя по всему, в Израиле все же возобладал подход, ориентированный на экспорт природного газа. При этом он не исключает значительного увеличения доли газа в энергобалансе страны. Уверенность в правильности избранной стратегии крепла по мере того, как стала поступать информация о заинтересованности, проявленной Японией, Тайванем и Южной Кореей к новым израильским месторождениям¹⁰. Подобная заинтересованность могла бы стать основой международного сотрудничества в регионе и стартовой площадкой внешнеэкономической активности Израиля по продаже добытого газа. Также есть данные, что частная израильская компания «All Energy Holding» начала в конце 2010 г. переговоры с китайским энергетическим гигантом «Синорес». Этот концерн заинтересован войти на израильский энергетический рынок, и в частности начать инвестировать в разработку ряда месторождений энергоресурсов у израильского побережья. Препятствием для заключения такого рода соглашения является, по данным израильского информационного экономического издания «The Marker», тот факт, что китайская корпорация является с 2007 г. одним из ключевых партнеров Ирана в энергетической сфере.

Однако, чтобы доставить газ в ЮВА, необходимо создать инфраструктуру его сжижения, что может стоить порядка \$6 млрд, не говоря уже о необходимости выделения под это земли на средиземноморском побережье, которая сама по себе на вес золота в Израиле. Ряд специалистов считают такой проект более безопасным по сравнению со строительством

длинных трубопроводов на проблемной с политической точки зрения территории. Существует вероятность поставки газа по трубам на один из двух заводов по сжижению газа в Египте. Однако в свете последних событий «арабской весны» этот вариант серьезному рассмотрению не подлежит. Специалисты «Noble Energy» также рассматривали вариант строительства подобной инфраструктуры на Кипре, которая бы обслуживала как израильские, так и киприотские интересы. Но уже в ноябре 2011 г. стало известно, что консорциум, разрабатывающий месторождение «Tamar», близок к подписанию долгосрочного контракта по строительству и эксплуатации плавучего терминала по сжижению газа с южнокорейской компанией «Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering». Сжиженный таким образом газ планировалось продавать в Южную Корею. Мощность терминала позволит сжижать 2–3 млн тонн (3–4,5 млрд м³) газа в год. Плавучий терминал гораздо выгоднее наземного, так как не предполагает длительного процесса согласования со всевозможными службами. Стоимость такого терминала составляет \$5 млрд.

В январе 2012 г. в очередной раз был поднят вопрос о строительстве завода по сжижению газа. На этот раз предлагалось построить его в Эйлате. Место выбрано исходя из того, что это сократит путь до значительной части будущих потребителей израильского газа. Считается, что завод можно будет ввести в эксплуатацию в 2018 г. Завод будет строиться государственными структурами, однако потом его совладельцами смогут стать и представители частного бизнеса. Он сможет производить 7 млрд м³ сжиженного газа в год. Согласно расчетам, возвратность инвестиций составит 10%. Инициаторы проекта предполагают, что не весь сжиженный газ будет экспортироваться — определенная часть будет отправляться в хранилища. Это позволит создать стратегический запас энергоносителей. Этот проект поддержали эксперты одного французского инвестиционного банка.

Израиль между тем не прекращает поиск различных возможностей экспорта газа. В частности, этот вопрос был центральным в ходе встречи премьер-министра страны Б. Нетаньяху с президентом Кипра Д. Христофиасом, состоявшейся в Иерусалиме в марте 2011 г. Лидеры двух государств рассматривали варианты поставки израильского газа из месторождения «Leviathan» в Европу через Кипр. Вместе с тем в апреле того же года был достигнут значительный прогресс на пути подписания меморандума о взаимопонимании между Израилем и Грецией относительно соглашения об экспорте через эту страну газа в Европу из месторождения «Leviathan». Стороны также договорились о совместном обращении в ЕС для получения финансовой поддержки на реализацию этого проекта. Израильские и греческие специалисты пришли к соглашению о проведении экспертизы возможности прокладки трубопровода из

¹⁰ Barkat A. Energy-starved Asia waits for Leviathan. www.globes.co.il, 29.12.2010.

Израиля в Грецию как с экономической, так и с технологической точки зрения. Однако уже сейчас очевидно, что, с одной стороны, — это единственный адекватный вариант доставки израильского газа в Европу, а с другой — он очень сложный и дорогой (по предварительным оценкам, не менее \$6 млрд). К тому же существуют геополитические трудности, например проблемы взаимоотношений с Турцией. Нельзя также и забывать, что, согласно международной статистике, в период с 1999 по 2005 г. 70% террористических атак на объекты, связанные с добычей и эксплуатацией нефти и газа, приходится именно на транспортную систему, подтверждением чему, в частности, являются теракты на египетском газопроводе на Синае в 2011–2012 гг.¹¹

Между тем в течение всего исследуемого периода переговоры между Израилем и Кипром по сотрудничеству в области газодобычи и созданию единой газотранспортной системы продолжались. Так, в июне 2012 г. в Иерусалиме прошли переговоры с представителями Кипра о возможности закупки последними израильского шельфового газа до тех пор, пока не начнется эксплуатация их собственных месторождений¹². По существующим оценкам, Кипр будет потреблять в год в среднем 1,5 млрд м³ природного газа, что составляет приблизительно 20% израильского ежегодного потребления этого энергоносителя. По мнению ряда израильских экспертов, при всей кажущейся простоте, проект транспортировки израильского газа на Кипр только для местного потребления будет экономически не выгоден из-за необходимости создавать дорогостоящую инфраструктуру. В таком случае имеет смысл строить на Кипре полноценную газозжижающую установку и использовать её и для сжижения израильского газа, предназначенного на экспорт в третьи страны.

Однако киприоты настроены крайне серьезно. Уже в июле 2012 г. стало известно, что Кипр активно продвигается в сторону создания совместного подводного газопровода из Израиля через Кипр в Европу. Министерство промышленности и торговли страны подало в Европейскую комиссию этот план с целью получения им статуса «Проекта общего интереса», что позволит получить в ЕС финансирование на его осуществление. Согласно плану должны быть проложены 1400 км труб от шельфовых месторождений в Грецию, которая через свою газотранспортную систему будет поставлять его в другие европейские страны. Предполагаемый срок исполнения проекта — до 2018 г. Стоимость проекта не

раскрывается. Кипр также активно продвигает план по прокладке подводного электрического кабеля на 2 тыс. МВт длиной 540 морских миль, который должен соединить Израиль, Кипр и Крит. По предварительным оценкам, стоимость этого проекта составляет 1,5 млрд. Предполагается, что эксплуатация этого кабеля начнется в 2016 г. По состоянию на август 2012 г., окончательного решения по реализации этих двух проектов нет, но, с учётом сложной экономической ситуации в Греции и финансовых проблем на Кипре, сотрудничество в области энергетики с Израилем видится этим двум странам перспективным. Это стимулирует их прикладывать максимум усилий по продвижению указанных проектов. Поэтому вероятность создания газотранспортной и энергетической системы в указанных параметрах достаточно велика.

Экономическая политика

Новая реальность в сфере газодобычи и газопользования потребовала от правительства Израиля переосмыслить некоторые пункты своей экономической политики в этой сфере. По существовавшему до 2011 г. в Израиле закону, налоговые льготы и низкая плата за право пользования недрами (роялти) приводили к тому, что государство получало относительно малый, по международным стандартам, доход по сравнению с энергетическими компаниями, владеющими газовыми месторождениями.

Министерством финансов Израиля в апреле 2010 г. была создана специальная комиссия под руководством профессора Эйтана Шешински для анализа ситуации в сфере налогов в области энергетики и внесения рекомендаций по изменению системы налогообложения с учетом появления нового фактора — шельфовых месторождений газа. В ноябре того же года она представила свои рекомендации, которые кратко можно свести к следующему: следует отменить налоговую скидку, предоставляемую в связи с истощением запасов минерального сырья; увеличить налог с доходов от продажи энергоносителей с 33 до 52–62,5%; оставить существующий уровень выплат роялти (12,5%) и некоторые налоговые льготы. Сбор налогов с прибыли за реализацию добытых энергоносителей начнется только тогда, когда эксплуатирующие эти месторождения структуры окупят свои первоначальные инвестиции, причем по достижении прибылями 150% от начальных вложений налог на прибыль будет 20%, а по достижении нормы прибыли в 230% — достигнет 50%, таким образом, путем сложения роялти и налога и получают указанные 62,5%.

Развернулась оживленная общественная дискуссия, подогреваемая представителями добывающих компаний, выступивших против принятия этих рекомендаций. В январе 2011 г. правительство Израиля провело интернет-опрос общественного мнения, итоги которого (65% опрошенных полностью под-

¹¹ Barkat A. Gas export pipeline will be hard to protect. www.globes.co.il, 26.06.2011.

¹² Предположительно речь идёт о шестилетнем сроке. Сейчас Кипр использует для производства электричества дизельное топливо, которое дороже газа, более вредно для окружающей среды и менее эффективно. Власти острова планируют в ближайшее время перестроить свою энергогенерирующую систему так, чтобы основным источником получения энергии стал газ.

держали выводы комиссии, а 80% — высказались в поддержку той их части, которая касается увеличения налогов на доход от добычи ресурсов) позволили премьер-министру Б. Нетаньяху однозначно высказаться в поддержку рекомендаций. Того же мнения придерживается и управляющий Банком Израиля, который отметил, что если это не сделать сейчас, то потом уже такой возможности не представится, а ведь речь идет о долгосрочном периоде.

23 января правительство страны официально путем голосования одобрило рекомендации Комиссии Шешински. 30 марта 2011 г. парламент Израиля абсолютным большинством голосов одобрил новый закон, получивший название «закон Шешински». В итоговом документе есть два изменения по сравнению с рекомендациями комиссии. Во-первых, по настоянию премьер-министра был добавлен пункт о том, что налогообложение газодобывающих компаний будет привязано к среднему уровню корпоративного налогообложения. Это означает, что налог на продажу добытого газа будет сокращаться по мере роста общего уровня корпоративного налогообложения и наоборот. Во-вторых, будет создан специальный государственный фонд, который займется распределением дополнительных доходов, полученных от добычи газа в результате действия новой налоговой системы, на различные бюджетные нужды. Депутаты Кнессета настаивают, чтобы эти деньги шли конкретно на социальные и образовательные проекты¹³. Реализация принятого закона началась уже в 2011 г. Так, в ноябре того года министр финансов Израиля Ю. Штайниц подписал директиву о выплате добывающими компаниями налогового аванса. Эта мера позволяет казне получить часть налоговых поступлений не в следующем году, а уже в этом. Аванс за 2011 г. должен быть не менее 8% прибыли, а за 2012 г. — 13%.

Правительство Израиля также задумалось о создании конкурентной среды в сфере добычи и реализации природного шельфового газа. Дело в том, что этот сектор обладает значительной долей концентрации, так как министерство национальной инфраструктуры последние 10 лет выдавало лицензии на исследования и добычу на неконкурентной, непрозрачной основе. Возник стратегический альянс между «Delek Group» и «Noble Energy», контролирующей практически все лицензии на добычу природного газа. К тому же на данном этапе только владельцы месторождений «Leviathan» и «Tamar» будут обладать газотранспортной инфраструктурой, чтобы доставить газ с шельфа на берег, что автоматически вынуждает разработчиков месторождений «Mirra» или «Samson» (эти месторождения контролируются «Israel Land Development Company» и «Isramco») пользоваться этим же трубопроводом. Подобная ситуация не устраивает руководство страны. По его распоряжению разрабатывается план открытия труб для других компаний при условии

взимания с них определенной платы. Специалисты считают, что в качестве компенсации будут облегчены условия экспорта энергоносителей, что тоже может стать стимулом к развитию конкуренции в этой сфере¹⁴.

Для того чтобы досконально разобраться во всех проблемных аспектах добычи, транспортировки и экспорта газа, канцелярия премьер-министра и министерство водных и энергетических ресурсов создали в декабре 2011 г. межминистерскую комиссию. В июле 2012 г. эта комиссия выпустила промежуточный отчет, в котором прогнозируется рост к 2040 г. на 20% по сравнению с предыдущими оценками израильского спроса на газ. По мнению экспертов комиссии, он составит 501 млрд м³. Таким образом, возникает необходимость пересмотреть политику в отношении экспорта этого энергоносителя, так как появляется необходимость увеличить внутренние запасы газа. Скорей всего, эксплуатанты месторождений получат разрешение экспортировать не более 50% добываемого ими газа.

Более того, сначала предполагалось, что «Tamar» будет обслуживать внутренние нужды Израиля, а «Leviathan» отправлять газ на экспорт. Однако в связи с тем, что заинтересованность местного рынка в поставках природного газа выше ожидавшейся, владельцы месторождения решили пересмотреть структуру добычи, и было решено, что и «Leviathan» будет обслуживать внутренние нужды. Добываемый из обоих месторождений газ будет идти как на внутренний рынок, так и на экспорт. При этом формирование экспортной составляющей — это более долгосрочный проект, а внутренний рынок необходимо наполнить, по сути, уже сейчас. Поэтому ИЭК стремится ускорить заключение контрактов о поставках газа из месторождения «Leviathan»¹⁵ в Израиль, хотя поставки начнутся не ранее 2016 г.

Взаимоотношения с ПНА

Известная английская компания, специализирующаяся на добыче природного газа, «BG Group» начала вести активную деятельность на шельфах Израиля и ПНА в 1996 г. После исследования 1000 м² дна при помощи трехмерной сейсмической базы данных «BG Group» успешно пробурила две скважины во второй половине 2000 г. — «Gaza Marine-1» и «Gaza Marine-2». Запасы оцениваются приблизительно в 35 млрд м³. По результатам технологического анализа был выдвинут проект подводного трубопровода, ведущего к перерабатывающему терминалу на побережье. В 2002 г. предварительный План развития был одобрен палестинскими властями. Доля

¹⁴ Bar-Eli A. Government seeks competition for Delek, Noble in natural gas. www.haaretz.com, 27.03.2011.

¹⁵ Контракт на поставку газа из месторождения «Tamar» после длительного и тяжелого процесса согласования все-таки был заключен и одобрен всеми инстанциями в июле 2012 г.

¹³ Stoil R.A. Knesset approves Sheshinski bill on oil and gas taxation. www.jpost.com. 30.03.2011.

«BG Group» в этих месторождениях, составляющая сейчас 90%, должна, согласно плану, сократиться до 60%, как только Палестинский инвестиционный фонд и «Consolidated Contractors Company» (сейчас владеет 10%) используют свои опционы, чего по состоянию на сентябрь 2012 г. еще не произошло¹⁶.

Израиль начал переговоры с «BG Group» в феврале 2006 г. В мае того же года Израиль заявил, что планирует покупать у «BG Group» 1,5 млрд м³ газа ежегодно, начиная с 2009 г. Вскоре «BG Group» прекратила переговоры с Израилем и заявила, что предпочитает доставлять газ в Египет, сжигать его и переправлять на танкерах в США, Европу и на Дальний Восток. Переговоры возобновились в июле 2006 г., и кабинет министров Израиля проголосовал за финансирование группы, ведущей переговоры о приобретении газа с месторождения «Gaza Marine». Правительство страны и «BG Group» нашли способ добывать газ на шельфе сектора Газа, не отдавая при этом часть выручки нынешним властям этой территории: предполагалось, что средства, предназначенные для ПНА, будут временно храниться на международном банковском счете. Газ, приобретенный на эти средства, будет попадать в подводный газопровод и идти до перерабатывающего завода в Ашкелоне¹⁷. Однако в 2007 г. переговоры зашли в тупик, и «BG Group» в 2008 г. закрыла свое представительство в Израиле¹⁸.

Между тем периодически в прессу попадает информация о переговорах владельцев газового месторождения «Тамар» с представителями ПНА¹⁹. Речь идет о продаже 1 млрд м³ газа четырем строящимся электростанциям в Дженине, Рамалле, Иерихоне и Хевроне. Подписание подобного соглашения будет означать освобождение Израиля от его обязательства поставлять электроэнергию на Западный берег реки Иордан, что высвободит дополнительные ресурсы для обеспечения энергоснабжения внутри страны (в настоящий момент потребление ПНА составляет 6% объемов энергии, производимой ИЭК). К тому же такой пример сотрудничества может стать импульсом к более интенсивным контактам между Израилем и ПНА на уровне представителей бизнеса с обеих сторон.

Российские интересы

Своеобразным эпиграфом к этому разделу статьи может послужить цитата из интервью, данного 26 апреля 2011 г. журналу «Газпром» заместителем Председателя Правления ОАО «Газпром», генераль-

ным директором ООО «Газпром экспорт» Александром Медведевым, который на вопрос о планах сотрудничества с Израилем ответил: «Израильская нефтегазовая отрасль тоже представляет для нас значительный интерес в плане участия как в проектах геологоразведки и добычи углеводородов, так и в их последующем маркетинге в самом Израиле и поставках в третьи страны»²⁰.

Интересно, что информации о реальных действиях российского газового гиганта по внедрению на израильский рынок добычи и транспортировки газа поступает очень мало. Известно, что «Газпром» хотел стать поставщиком российского газа в эту страну. Осенью 2010 г. в свете возникшей новой ситуации в этой сфере в Израиле российский монополист несколько сменил тактику: не отказываясь от планов организовать поставку отечественного газа в эту страну, «Газпром», как стало известно, стал рассматривать возможность приобретения 50% частной израильской компании, имеющей лицензии на разведку и добычу газа на шельфе²¹. В январе 2011 г. активные переговоры о приобретении доли в одной или нескольких израильских газодобывающих компаниях продолжились. Появились даже некоторые уточнения о том, что речь ведется о покупке части газовых лицензий компании «Isramco Ltd.», владеющей 28,7% газового поля «Тамар» и некоторыми другими активами на шельфе. Есть сведения о переговорах «Газпрома» с другими компаниями, имеющими отношение к разработке шельфовых месторождений в экономической зоне Израиля²².

Новый виток переговоров произошёл на волне состоявшегося в июне 2012 г. визита в Израиль президента РФ В. Путина, который поставил задачу перед государственными нефтегазовыми холдингами активизировать работу в Израиле. В частности, в июле стало известно, что «Газпром» собирается открыть в Израиле свою дочернюю компанию, чтобы иметь доступ ко всем внутриизраильским процессам, проходящим в нефтегазовой сфере. Предполагается, что в скором времени на израильский рынок выйдет ещё один крупный игрок — компания «Роснефть», возглавляемая И. Сечиным. Есть свой интерес в сфере энергетики Израиля и у «Интер РАО ЕЭС».

В Израиле далеко не все довольны потенциальным приходом российских государственных компаний на энергетический рынок страны, поскольку боятся усиления политического давления на страну со стороны Москвы. К тому же у израильтян есть

¹⁶ Информация с официального сайта «BG Group» www.bg-group.com.

¹⁷ Израильяне и британцы не отдадут ХАМАСу углеводородные деньги. Информационный портал www.lenta.ru, 06.07.2007.

¹⁸ Информация с официального сайта «BG Group» www.bg-group.com.

¹⁹ См. в частности, Barkat A. Dov Weissglass to negotiate Palestinian Tamar gas purchases. www.globes.co.il, 22.03.2012.

²⁰ Правосудов С. Главное — прибыль. Официальный сайт ОАО «Газпром» www.gazprom.ru, 28.04.2011.

²¹ Гриб Н. «Газпром» забурится в Израиле. Guide Израиль. Тематическое приложение к газете «Коммерсантъ», №53, с. 8, 21.12.2010.

²² См., в частности: Yeshayahou K. Gazprom in talks to buy into Isramco gas licenses. www.globes.co.il, 19.01.2011.

опасения, что «Газпром», будучи крупнейшим поставщиком газа в Европу, сможет помешать плану Израиля осуществлять поставки из своих месторождений на континент²³.

Возможные сценарии развития ситуации

Открытие значительных запасов газа на шельфе Средиземного моря серьезно изменило ситуацию на Ближнем Востоке. Государства, до сих пор зависимые от внешних поставок энергоносителей (в первую очередь Израиль и Ливан), теперь имеют возможность не только удовлетворить свои собственные потребности, но и экспортировать часть добываемых углеводородов. Представляется, что могут быть различные сценарии развития ситуации. Рассмотрим наиболее интересные варианты.

Вариант 1. Мирно-идеалистический

«Газпром» успешно завершает переговоры с израильтянами. Российский газовый гигант по состоянию на сентябрь 2012 г. является единственным крупным международным игроком, интересующимся израильскими шельфовыми месторождениями. Все другие опасаются проблем с мусульманскими странами, во многих из которых у них есть крупные контракты. Такая ситуация теоретически дает возможность «Газпрому» создать под своей эгидой международный холдинг по эксплуатации шельфовых газовых месторождений с участием Израиля, Египта, Ливана, Кипра, ПНА. С его помощью можно будет не только организовать эффективную эксплуатацию газовых месторождений, но и урегулировать территориальный спор между Израилем и Ливаном, а также обеспечить ПНА собственным природным газом. Это сделало бы палестинцев менее зависимыми от Израиля. Не исключено, что с учетом положения России как равноудаленного арбитра на Ближнем Востоке с помощью «Газпрома» появится возможность не только предотвратить потенциальную эскалацию ливано-израильского конфликта, но и заложить фундамент долгосрочного сотрудничества в регионе на основе экономически выгодного взаимодействия. Это в перспективе может послужить основой для подписания мирного договора между Израилем и Ливаном, а также изменить систему отношений между Израилем и ПНА. К тому же в получившейся конфигурации Греции и Кипру будет отведена второстепенная роль, что устроит Турцию, опасующуюся интенсификации взаимоотношений между Израилем и этими странами.

Анализируя этот вариант, необходимо сделать несколько важных оговорок. Во-первых, до сих пор экономическая выгода ни разу не приводила к продвижению мирного процесса на Ближнем Востоке.

Именно опыт Израиля и ПНА является тому примером. Во-вторых, само по себе создание такого холдинга вызывает большие сомнения, связанные со сложностью вопросов, которые необходимо будет решить для возникновения такой структуры. Тем не менее ситуация в регионе постоянно меняется. Еще три года назад появление такой статьи было бы невозможно, так как не существовало самой темы исследования. Нельзя исключать вероятность того, что такие кардинальные изменения в энергетическом балансе Ближнего Востока будут способствовать и благотворным политическим изменениям. У России есть все возможности сыграть в этих процессах ключевую роль.

Вариант 2. Конфликтный

Израиль не договаривается с Ливаном. России не удастся занять сколь-либо значимую позицию на энергетическом рынке страны. Вместе с тем усиливается стратегическое партнерство между Израилем, Грецией и Кипром. Турция, опасаясь ущемления прав турков-киприотов и ослабления своих собственных позиций как транзитного газового хаба, усиливает давление как на региональных игроков, так и на международные организации с целью не допустить реального сотрудничества между этими тремя странами по добыче и транспортировке газа в Европу.

Израиль, выстраивающий свою новую стратегию энергетической безопасности, не может мириться с турецким давлением и продолжает проводить все необходимые действия для начала эксплуатации шельфовых месторождений. Турецкие власти усиливают свою группировку ВМС на границе экономических зон Кипра и Израиля с целью не допустить добычу газа этими странами. Нарушение турецкими кораблями морской конвенции вызывает жесткий ответ израильских ВМС. Вооруженные силы обеих стран приводятся в повышенную боевую готовность.

Иран, заинтересованный в ослаблении Израиля и переключении его с потенциального удара по иранским ядерным объектам на другие проблемы, пользуясь возникшей напряженностью, инициирует ракетный удар Хизбаллы по северу страны. Формальная причина — защита национальных экономических интересов Ливана в Средиземном море от израильской агрессии. Израиль оказывается втянутым в очередной военный конфликт у своей северной границы.

Международное сообщество оказывает давление на Израиль и Кипр с тем, чтобы обе страны приостановили все разработки шельфового газа до тех пор, пока не будет найдено справедливое решение, устраивающее все стороны конфликта. Опасаясь превращения ограниченного военного конфликта в полномасштабную войну на Ближнем Востоке, Израиль уступает этим требованиям. Военный конфликт с Хизбаллой не меняет статус-кво. Израиль-

²³ См., в частности: Korin-Lieber S. Israel not Gasprom must control its gas. www.globes.co.il, 09.09.2012.

ско-турецкие отношения достигают самой низкой точки, вплоть до отзыва послов.

Поскольку справедливое решение не может быть найдено в ближайшее время, а возобновления поставок египетского газа по новым ценам израильские власти не допустят, то стране вновь придётся пересмотреть свою стратегию развития энергетики. Вполне возможно, что в результате газ будет поставляться в Израиль в сжиженном виде. Это дорого. Бюджет страны претерпит серьезные изменения, как и система тарификации за потребление электроэнергии.

Анализируя этот вариант, к сожалению, приходится признать, что сейчас имеются все предпосылки для развития ситуации именно по нему. Однако все же хочется надеяться, что ни израильские власти, ни турецкие, при всей напряженности двусторонних отношений, не допустят дальнейшей эскалации конфликта в этой сфере. Представляется, что и в этом случае у России как у крупнейшего игрока на международном рынке энергоносителей, имеющего хорошие рабочие отношения со всеми сторонами потенциального конфликта, может быть своя роль — роль посредника и арбитра между сторонами.

Вариант 3. Умеренно реалистичный

Израиль не договаривается с Ливаном. Российские компании получают определённую, но незначительную долю рынка как в сфере газодобычи, так и торговли добытым газом. Турция, оказывая постоянное политическое давление на Израиль и Кипр, понимает, что в свете проблем на границе с Сирией не готова ввязываться в еще один конфликт, поэтому балансирует.

Сложившаяся ситуация не мешает Израилю продвигаться по пути эксплуатации шельфовых месторождений газа. В установленные сроки газ начинает поступать на израильский рынок. Однако с экспортом этого углеводорода у страны возникают серьезные проблемы по причинам, оказанным ранее в этой статье. Лишь небольшие объёмы газа удается продавать за рубеж. Альянс с Кипром оказывается достаточно успешным, но транзит газа через Грецию встречает резкий отпор у России и Турции, которые фактически блокируют реализацию этого проекта.

В целом такое развитие событий нельзя назвать негативным для Израиля, так как он все-таки имеет возможность добывать собственный газ, а значит, становится мало зависимым от импорта энергоно-

сителей. Пересмотрев свою стратегию энергетического развития, страна сможет переключить основные объёмы добываемого газа на внутренние нужды. Однако всё время будет существовать вероятность развития ситуации по второму сценарию, что будет вносить определенную долю нестабильности в концепцию энергетической безопасности Израиля и будет давать пищу всевозможным алармистским настроениям в обществе, а также политическим спекуляциям.

* * *

Итак, в результате геологических открытий последних трёх лет ситуация в сфере энергетики на Ближнем Востоке претерпела значительные изменения. **Израиль из страны-импортера энергоресурсов в скором времени может стать чистым их экспортером.** К тому же появляется возможность значительно увеличить использование природного газа для производства электроэнергии в стране, что сделает энергетическую систему Израиля не только более эффективной, но и более экологически чистой.

Проблемы, которые стоят перед страной в этой связи, имеют в основном технический характер. Однако остаются и сложные геополитические проблемы, связанные с взаимоотношениями между Израилем и его соседями — Египтом, Ливаном, Турцией, ПНА. На данном этапе существует опасность, что эксплуатация шельфовых месторождений газа может стать еще одним фактором напряженности между этими странами. А это в условиях крайней нестабильности в регионе может привести к эскалации насилия. Возможны различные варианты развития событий. В статье рассмотрены три, по нашему мнению, основных сценария, которые, безусловно, могут быть дополнены разными деталями и вариациями.

У России есть интерес к участию в эксплуатации газовых месторождений на шельфе Средиземного моря. Однако пока он не достаточно подтвержден реальными действиями, несмотря на неоднократно декларируемые намерения. Скорее всего, этому есть ряд причин из области политики. Вместе с тем нельзя исключать вероятность того, что через организацию совместной эксплуатации этих месторождений странами Ближнего Востока под эгидой «Газпрома» России удастся стимулировать мирный процесс в регионе, что позволит говорить не только об экономической выгоде, но и о значительном росте ее политического влияния на всём Ближнем Востоке.

Приложения

Приложение 1. Газовые месторождения Израиля

Источник: Guide Израиль. Тематическое приложение к газете «Коммерсантъ». № 53, с. 8, 21.12.2010.

Приложение 2. Экономическая зона

Прилегающий к территориальным водам морской район шириной до 200 морских миль от побережья, в котором прибрежное государство осуществляет определенные суверенные права.

В соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., прибрежное государство имеет суверенные права в Э.з. в целях разведки, разработки и сохранения природных ресурсов, как живых, так и неживых, в водах, покрывающих морское дно, на морском дне и в его недрах, а также в целях управления этими ресурсами и в отношении других видов деятельности по экономической разведке и разработке указанной зоны, таких как производство энергии путем использования воды, течений и ветра; создание и использование искусственных островов, установок и сооружений; морские научные исследования; защита и сохранение морской среды. При осуществлении своих прав прибрежное государство должно учитывать права других государств.

Все государства при условии соблюдения соответствующих положений Конвенции пользуются в Э.з. свободами судоходства и полетов, включая военное мореплавание, прокладку подводных кабелей и трубопроводов, а также другими правомерными с точки зрения международного права видами использования моря, относящимися к этим свободам (такими, как связанные с эксплуатацией судов, летательных аппаратов и подводных кабелей, трубо-

проводов) и совместимыми с другими положениями Конвенции.

Государства, не имеющие выхода к морю, и государства, находящиеся в неблагоприятном географическом положении, имеют право участвовать на справедливой основе в эксплуатации соответствующей части остатка допустимого улова живых ресурсов Э.з. Условия и порядок такого участия устанавливаются заинтересованными государствами посредством соответствующих соглашений. Конвенция предусматривает также положения, касающиеся управления и сохранения отдельных видов рыб и млекопитающих.

Приведено по: Энциклопедический словарь экономики и права. www.dic.academic.ru.

Источники

1. Гриб Н. «Газпром» забурится в Израиле. Guide Израиль. Тематическое приложение к газете «Коммерсантъ», №53, с. 8. Москва, 21.12.2010.

2. Израиль на пути к объявлению эксклюзивной экономической зоны. www.zman.com. 30.06.2010

3. Израильяне и британцы не отдадут ХАМАСу углеводородные деньги. Информационный портал www.lenta.ru, 06.07.2007.

4. Интернет-портал словарей по различным отраслям знаний www.dic.academic.ru.

5. Марьясис Д.А. Израиль, экономические обзоры за ноябрь 2010 – июль 2012 г. Институт Ближнего Востока (ИБВ). www.iimes.ru. Москва, 2010–2012 гг.

6. Международный портал по экономической географии www.indexmundi.com.

7. Моисей привел евреев к «гигантской бочке с нефтью», MIGnews.com, 01.06.2011.

8. Официальный интернет-портал ООН. Конвенция по морскому праву. http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/convention_overview_convention.htm

9. Официальный сайт газодобывающей компании «BG Group» www.bg-group.com.

10. Официальный сайт Министерства национальной инфраструктуры Израиля www.mni.gov.il.

11. Официальный сайт Управления энергетической информации США www.eia.gov.

12. Правосудов С. Главное — прибыль. Официальный сайт ОАО «Газпром» www.gazprom.ru, 28.04.2011

13. Ради Израия: на Синае строят взрывоустойчивый газопровод. Mignews.com, 18.08.2011.

14. Сайт израильского экономического издания «The Marker» www.themarket.com.

15. Суворова М.С. Стратегия энергетического развития Израиля в первой четверти XXI века. Дипломная работа / ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 2011 г.

16. Электронная библиотека Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html>

17. Bar-Eli A. Government seeks competition for Delek, Noble in natural gas. www.haaretz.com, 27.03.2011.
18. Barkat A. Energy-starved Asia waits for Leviathan. www.globes.co.il, 29.12.2010.
19. Barkat A. Gas export pipeline will be hard to protect. www.globes.co.il, 26.06.2011.
20. Barkat A. Leviathan discovery not well timed. www.globes.co.il, 30.12.2010.
21. Barkat A. Dov Weissglass to negotiate Palestinian Tamar gas purchases. www.globes.co.il, 22.03.2012.
22. BP Statistical Review of World Energy. June 2012. www.bp.com.
23. El Deeb S. Egypt terminates gas deal with Israel. www.washingtontimes.com, 22.04.2012.
24. Korin-Lieber S. Israel not Gasprom must control its gas. www.globes.co.il, 09.09.2012.
25. Popper S.W., Griffin J., Berrebi C. Natural Gas and Israel's Energy Future . Santa Monica: RAND Corporation, 2009, c. 13–14.
26. Stoil R.A. Knesset approves Sheshinski bill on oil and gas taxation. www.jpost.com. 30.03.2011
27. Wietfeld A,M. Understanding Middle East Gas Exporting Behavior.//The Energy Journal, Volume 32, №2, 2011, p. 203–228.
28. Yeshayahou K. Gazprom in talks to buy into Isramco gas licenses. www.globes.co.il, 19.01.2011.
29. ם"עב לארשיל יעבטה זגה יביתג, יעבטה זגה קשמ (Israel Natural Gas Lines Ltd. Natural Gas Market — Hebrew.) www.ingl.co.il.

НАУЧНЫЕ ЭССЕ И ОПЫТ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Л.И. Медведко

Глобализация versus глобализм. Трехдневная безопасность России

Глобализация и глобализм сравнительно недавно воспринимались как слова синонимы. В последнее время эти понятия стали выступать как антиподы и в политике, и в геостратегии. Такое расхождение стало проявляться в первое же десятилетие XXI века с объявлением Вашингтоном после 11 сентября 2001 г. «глобальной антитеррористической войны» (ГАТВ). Очередная годовщина трагедии «9/11» совпала с саммитом АТЭС во Владивостоке, что дало президенту США Бараку Обаме повод не присутствовать на саммите. Но это вряд ли, как и президентские выборы, оправдывает игнорирование им саммита АТЭС (Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества), который проходил 2–9 сентября во Владивостоке, на острове Русском. Те дни, можно считать, были не просто историческими, но и в высшей степени знаменательными. Ибо саммит проходил, во-первых, в период, когда в России так же, как и в Америке, отмечалось окончание Второй мировой войны. В геостратегической парадигме переломом в ее победном для союзников исходе стала происходившая 70 лет назад Сталинградская битва. Так что проходивший в сентябре на Дальнем Востоке саммит АТЭС имел как свои геоисторические, так и новые геополитические измерения.

Для России Азиатско-Тихоокеанский регион с незавершенной там формально войной и «отложенными» конфликтами остается столь же близким, как Средиземноморье и Ближний Восток. Отложенные и нерешенные территориальные споры и конфликты (между Россией и Японией из-за Курил), КНР и Японией, Кореей и Китаем в Восточно-Китайском море дают о себе знать, как и затянувшийся ближневосточный конфликт, и война в Афганистане и Ираке, а затем в Ливии и теперь в Сирии.

Взаимосвязанная взаимоуязвимость

Глобальное противостояние Востока–Запада исторически существовало в течение всего XX столетия. Борьба с глобализмом велась за выживание наций и народов в конфликтах и войнах против гегемонизма колониальных и постколониальных держав. Наиболее отчетливо это прослеживается в странах Ближнего и Среднего Востока. Когда теперь в лексикон политологов вошла дефиниция «Большого Ближнего Востока» (ББВ), то под ним обычно имеют в виду не только Ближний и Средний Восток, но еще

и Черноморско-Каспийский регион с Центральной Азией. Вооруженные конфликты и войны на ББВ с постоянной регулярностью чередуются с кризисными потрясениями глобального масштаба. В нынешнем столетии борьбу с гегемонизмом справедливо отождествляют с сопротивлением глобализму, имея в виду прежде всего сопротивление и противостояние глобальной экспансии США и их союзников, к Западу и Востоку от Босфора.

В то же время аналитики не только на Западе, но порой и в России предсказывают, что в условиях глобальных кризисов и потрясений конфликты на Ближнем Востоке могут показаться некими «междусобойчиками» в сравнении с последствиями от отложенных территориальных споров и конфликтов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Понятия глобализации и глобализма в глазах радикальных антиглобалистов на Западе и исламистов на Востоке по-прежнему продолжают отождествляться. Ситуация в ББВ показывает, что это далеко не одно и то же. Глобализация и глобализм на близком для России «Востоко–Западе» выступают не столько в сопряженной связке, которая по латыни обозначается *versus*, сколько в их противопоставлении — по латыни *contreversus*.

Объявленную Вашингтоном «глобальную войну» антитеррора против террора не удалось ограничить проведением двух последовавших за этим операций «Несокрушимая свобода» в Афганистане и «Шок и трепет» в Ираке. Они после официального объявления об их завершении продолжают как затяжная война «антитеррористического террора» в Палестине и Израиле, а теперь и по соседству с ними в Сирии. Конца этим войнам пока не видно. Людские потери от американо-натовских войск в АфПаке и Ираке превзошли число жертв катастрофы 9 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне. Масштабы людских потерь, и особенно жертв среди мирного населения в «горячих точках» ББВ (в Палестине-Израиле, Сирии, а до этого в Ливии), уже приблизились к потерям в восьмилетней войне Ирака и Ирана (1980–1988). Расходы на ведение этих операций уже выражаются в триллионах долларов. Для сравнения, цена Второй мировой войны для США авторами Харперской энциклопедии «Всемирной истории войн» определялась (по курсу того времени) в 350 миллионов долларов. Общая численность войск США, задействованных в горячих точках ББВ, становится сопоставимой с числом американских

солдат — 350 тысяч, воевавших на полях сражений Второй мировой войны¹.

Волны террора все больше захлестывают весь мир. Москва одна из первых предложила свою поддержку Вашингтону после объявления им «глобальной войны» против террора. По подсчету военных экспертов, делавшемуся к десятилетию терактов «9/11», война с терроризмом обошлась Америке в 3,3 трлн. долларов. Из них на военные действия только в Афганистане и Ираке израсходовано более половины этой суммы.

Общие расходы в мире на борьбу с терроризмом, который с успехом использует свое ОМУ (террор как «оружие массового устрашения»), за прошедшие годы никто еще не подсчитал. Образ жизни людей за это время на всей планете изменился до неузнаваемости. Все уже привыкли к досмотрам в аэропортах, на железнодорожных вокзалах и даже при проведении концертов Олимпийских игр, будь то в Пекине или Лондоне.

Военно-политическая обстановка на Большом Ближнем Востоке продолжает обостряться. Не прекращаются вооруженные столкновения и теракты в Афганистане и Ираке. Новые вспышки насилия в секторе Газа и в Восточном Иерусалиме, вооруженный конфликт между Израилем и палестинской ХАМАС поставили под угрозу срыва израильско-палестинский диалог. Заметно активизировалась диверсионная деятельность талибов в АфПаке, «Аль-Каиды» в Йемене и в Северной Африке.

Не ослабевает острота и «ядерного кризиса» вокруг Ирана. Все это превращает регион ББВ в расширенную арену «глобальной войны» террора-анти-террора. Глобализация с глобализмом продолжают совместно преподносить здесь гораздо больше неприятных сюрпризов, чем поощряемых «призов», вроде присуждения авансом Нобелевской премии мира президенту США Б. Обаме за благие намерения сделать «мир без войны, свободным от ядерного оружия». Вряд ли эту премию Обаме удастся оправдать и после избрания на второй президентский срок.

Нынешний глобальный кризис на фоне незавершенных войн в Афганистане и Ираке, развивающегося ядерного кризиса вокруг Ирана может стать катализатором распада и единственного глобального военно-политического блока НАТО (Организации Северо-Атлантического договора). Наверное, только время покажет, придет ли на смену стратегии американо-натовского глобализма «многополюсное мироустройство» в глобальном масштабе.

Примечательно, что президент Казахстана Нурсултан Назарбаев — глава государства, находящегося, как и Россия, на стыке Европы и Азии, — четыре года назад охарактеризовал создавшееся положение как «общесистемный кризис». В своей статье

«Пятый путь» в газете «Известия» он отмечал, что в нем «одновременно проявляются признаки ряда давно назревших кризисов — производственного, энергетического, экологического, продовольственного, социального и даже военно-политического»². Это дает также основание для определения его как глобального кризиса, развивающегося, по меньшей мере, в трех сферах — экономике, политике и безопасности. Глобальные угрозы, порождаемые этим кризисом, предопределяют и определенные условия выработки адекватных ответов. Американский глобализм становится при этом не меньшим препятствием на пути развития процесса глобализации, чем сам международный терроризм, которому объявлена глобальная война.

Этот процесс развивается, как предпочитают говорить в Китае, при «двухколейном пути социально-экономического развития». При этом в КНР по-прежнему убеждены, что «ветер с Востока» в конечном итоге осилит «ветры с Запада».

Оптимистическая трагедия «альтернативной истории»

Исторический парадокс «оптимистического трагизма» в XX столетии проявился в том, что катастрофическому сценарию «альтернативной истории» помешала «глобализация» Второй мировой войны после того, как в нее почти одновременно были втянуты СССР и США. Альтернативные сценарии послевоенной истории могли бы складываться тоже совсем по-иному, не будь «интернациональной» солидарности Советского Союза, оказывавшего решающую поддержку антиколониальным и освободительным движениям и революциям, как, например, в Китае, Вьетнаме, на Кубе, в арабских и ряде других афро-азиатских стран.

Мировое сообщество с трудом поспекает теперь следить за современными процессами многоуровневой глобализации и порождаемых ею кризисов. Это касается как нынешнего обвального хода событий, так и оценок отмечаемых ныне знаменательных годовщин и исторических дат недавнего прошлого. Ни политики, ни политологи, ни мировое научное сообщество далеко не всегда поспевают за событиями. К примеру, авторы вышедшего Международного энциклопедического словаря «Глобалистика» (М., 2006), в котором участвовало более 650 ученых из 58 стран, не смогли спрогнозировать надвигающийся уже тогда глобальный кризис. Хотя в словнике Энциклопедии различным процессам глобализации посвящено более полусотни статей — ни в одной из них не было упоминания о надвигающемся экономическом, тем более, общесистемном и общесистемном кризисе.

Глобальный кризис обозначил обратную цикличность в прежней сменяемости кризисов и войн.

¹ Дюпюи Э., Дюпюи Т. «Всемирная история войн». Т.4. СПб, с. 479.

² Нурсултан Назарбаев. Пятый путь. — Известия, 22.09.09.

Можно еще раз напомнить, что во Вторую мировую войну, последовавшую за Великой депрессией в Америке, оказались втянутыми СССР/Россия и США почти одновременно. Нынешний глобальный кризис стал продолжением ГАТВ и незавершенных на Востоке войн «неведомого поколения» с неизвестным исходом.

Окончание Второй мировой войны в Вашингтоне как бы совместили с начавшейся уже тогда Холодной войной. По определению авторов той же Харперской Энциклопедии «Всемирной истории войн», после применения в ней атомного оружия наступила «ядерная эпоха» двух сверхдержав³. С расширением «ядерного клуба» и присоединением к его пяти легальным членам еще четырех «нелегалов» наступила «ядерная эпоха» уже для всего многополюсного глобализирующегося мира.

Политика и экономика сами выступают в глобальном кризисе как продолжение сразу нескольких незавершенных или «прерванных» войн на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Россия опять оказывается вовлеченной в «глобальную войну», на этот раз почти одновременно извне и изнутри.

Вспоминается, как за год до начала глобального кризиса (2008–2009) президент России Владимир Путин встретился с группой молодых писателей. В беседе с ними он так часто произносил слово «конкуренция», что одному молодому писателю приснилось, будто «мировая война конкуренций» уже началась. Нынешний глобальный кризис синтезировал в себе конкурентные войны не только в экономике, но также в политике, идеологии и военной сфере. Войны «неведомого поколения» ведутся уже на многих фронтах с переменными «победами-поражениями».

Остается только благодарить Бога, что в военной сфере они ведутся без применения ядерного оружия, относимого к «оружию пятого поколения». Когда порой возникают споры о правомочности Израиля, Пакистана и Индии или Северной Кореи с Ираном иметь свое ядерное оружие, далеко не теоретически встает вопрос, насколько каждый из них и других желающих вступить в «ядерный клуб» дозрел до необходимого уровня моральной ответственности, чтобы использовать это оружие как средство сдерживания от самоубийственной войны. Приходится отдать должное Вашингтону и Москве — будь то демократам и республиканцам в Белом доме или герантократам в Кремле, — что у них в свое время хватило сдержанности или простого инстинкта самосохранения, чтобы избежать глобальной катастрофы.

Императивы триединой безопасности

В условиях новых вызовов и угроз странам ОДКБ (Организации Договора о коллективной безопасности) и ШОС (Шанхайской организации сотрудни-

чества) приходится по-новому оценивать складывающуюся в мире ситуацию и соответственно на нее реагировать. Это объясняет, наверное, и причины присоединения к ШОС пока лишь в роли «партнеров» не только азиатской Шри-Ланки, но и европейской Белоруссии. Установленное Минском «партнерство» с ШОС значительно усиливает и роль Союзного государства Россия и Белоруссии как связующего звена между Центральной Европой и образовавшейся после распада СССР Центральной Евразией. В новую геополитическую структуру Центральной Евразии входят также Центральный (Южный) Кавказ и Центральная Азия с Казахстаном. Уникальное положение России при этом состоит в том, что она единственная Евразийская держава, которая имеет общие сухопутные границы со странами, с которыми состоит в партнерстве как в Европе, так и Азии.

Вместе с другими странами ОДКБ и ШОС ей приходится одной из первых вносить корректировки в свои военные доктрины, уточняя заключенные ранее соглашения и договора о совместной обороне с другими государствами.

Глобальный общесистемный кризис поднял вместе с АТЭС и Шанхайскую организацию сотрудничества до уровня решения новых мировых проблем. Собравшийся в Пекине в год празднования 60-летия КНР в 2009 г. Совет глав правительств стран ШОС был особенно знаменательным. В центре его внимания находилась выработка общей стратегии в преодолении глобального финансово-экономического кризиса. Пожалуй, наиболее важным принятым на той встрече решением было создание Межбанковского объединения ШОС и единого инвестиционного фонда. Премьер-министр В.В. Путин, подводя тогда итоги своего визита в КНР, особо отмечал, что сотрудничество с Китаем в рамках ШОС становится подлинно стратегическим. Основываясь на взаимном доверии, ШОС становится «реально признаваемым в мире фактором глобальной безопасности и экономического взаимодействия»⁴.

Глобализм и регионализация без границ

Вспыхнувшая в августе 2008 г. война на Кавказе представлялась Западу в его давнишней «Большой игре» против России как повод не только для наращивания военного присутствия НАТО в Грузии. Весьма заманчивой представлялась для США перспектива обеспечить периодическое появление американского флота на Черном море. Это позволило бы ускорить создание кольца американо-натовских баз и передовых позиций ПРО (противоракетной обороны) на встречах курсах «расширения» ББВ и Северо-Атлантического альянса, без формального вступления в последний Грузии, Азербайджана, а в будущем, возможно, Молдавии и Узбекистана. Факт признания Россией Южной Осетии и Абхазии остав-

³ The Encyclopedia Harper of Military History, 4th edition. Всемирная история войн, т. 4. СПб, 1998, с. 478–479.

⁴ www.rg.ru 15.10.09

ляет пока открытым вопрос об их будущем статусе. Это не должно, однако, исключать возможного их присоединения в будущем к ОДКБ или ШОС.

На первый план в порядке приоритетов новой Стратегии национальной безопасности РФ в связи с этим становились проблемы обеспечения взаимосвязанных между собой общеевропейской и евразийской безопасности. Но в ней не может игнорироваться и отстаивание суверенитета новых кавказских государств в случае продолжающихся провокаций и посягательств на их суверенитет со стороны Грузии при поддержке или поощрении со стороны американо-натовских глобалистов.

После принятия обязательств по заключенным договорам о дружбе и сотрудничестве с новыми независимыми государствами на Кавказе концепция военной (оборонной) стратегии России будет оставаться «триединой» — с включением в нее национальной (с приоритетом защиты прав каждого гражданина и общества в целом), федеральной (государственной) целостности, а также геополитической (внешней и внутренней) безопасности Российской Федерации. Такая триада способна будет гарантировать защиту наших национальных интересов и интересов тех государств, с которыми Россия связана договорными обязательствами. Геополитическая безопасность сможет более эффективно обеспечиваться обновленной стратегической триадой ракетно-ядерного сдерживания наземных, морских и воздушно-космических сил. Она должна включать комплекс мер по военно-техническому, организационному реформированию вооруженных сил страны, переоснащению и совершенствованию всей системы подготовки и социального обеспечения военнослужащих.

Важным при этом становится использование миротворительной роли России не только в Афганистане, но теперь и в Сирии, а также в урегулировании ближневосточного конфликта с учетом возрастающей роли Ирана на Большом Ближнем Востоке. Председатель КНР Ху Цзиньтао особо отметил, что отмечавшееся в 2009 г. 60-летие образования КНР совпало с традиционным для Китая шестидесятилетним «великим историческим циклом». На Ближнем Востоке он наложился на другой шестидесятилетний «длинный военный цикл», по истечении которого для ставившихся прежде целей должны искаться другие пути их достижения.

Худшим сценарием развития событий, будь то на БВВ или в Азиатско-Тихоокеанском регионе, стало бы обострение военно-политической обстановки, которое может стать одинаково опасным для всех сторон. Не всегда все, что плохо для России, хорошо для США или Японии. Появление, к примеру, на Северном Кавказе некоего «исламистского халифата» могло бы стать таким же неприятным «подарком» для США, как то было с Исламским Эмиратом в Афганистане при талибах.

Можно было бы напомнить и еще об одном немаловажном обстоятельстве. Россия несколько поспешила признавать свое поражение в «стратегической контригре» с США на «расширенном» ныне Ближнем Востоке. Америка продолжает там скорее терять, чем укреплять свои позиции. Многие политологи, даже на Западе, приходят к заключению, что США в не меньшей, а, может быть, даже в большей степени, чем Россия, проиграли там войну за влияние.

Глобальный экономический кризис наслонился, как выше уже отмечалось, на продолжающуюся «глобальную войну» с международным терроризмом. В этих условиях можно ожидать не только идеологического, но и силового раздела мира в традиционном противостоянии мусульманского Востока и христианского Запада. США ведь не собираются отказываться от идеологии монетарного фетишизма под долларовой девизом «С нами Бог», а мусульманские радикалы не будут отмежевываться от воинствующего исламизма. Вплотную над планетой Земля нависает угроза дезинтеграции и раскола. Во всяком случае курс на «деидеологизацию» внешней, и особенно оборонной, политики России придется, видимо, корректировать с оглядкой, взвешивая и просчитывая, к чему могут привести возможные просчеты при непродуманном, а нередко и рискованном «партнерстве» с НАТО. Так как внешняя политика России должна быть прагматичной, то есть взвешенной и просчитанной, то она должна оставлять и вырабатывать реальные противовесы глобализму.

При этом речь идет не столько о возвращении утраченной былой роли «советской сверхдержавы», сколько об утверждении России в статусе великой евразийской державы — такого сильного государства, которое сможет реагировать на любые угрозы и вызовы. России есть что защищать. Она способна быть не только связующим звеном в новой дихотомии Востока–Запада, но и носителем миротворительной миссии в многополярном мире.

«Русская Медитерра» перед глобализмом

Как некогда Россия «прирастала Сибирью», так после развала Советского Союза она стала прирастать расширившимся «Русским миром». В чем-то судьба России оказалась схожей с тем, что происходило и происходит на Святой земле после распада сначала Османской, а потом Британской империи. Возрождение и становление Русского мира тоже происходит после последовательного распада двух империй — царской и «советской». Роль определенного катализатора в этом процессе сыграло каноническое воссоединение Московской и Зарубежной Русских Православных Церквей. К тому же распад бывшей «братской семьи советских народов» не помешал появлению новых смешанных русскоязычных семей, в том числе и за рубежом. Но прежней

«матушки-Руси» уже не стало после того, как она потеряла Малую и Белую Русь. Зато возрождение Русского мира продолжилось через синтез культур, входящих в Российскую Федерацию более 300 ее народов и этносов.

Россия, осознав себя заново как часть Русского мира, способна не только противостоять глобализму, но и нести реальную миротворительную миссию на всем мегаконтиненте Евро-Афро-Азии. На всем огромном пространстве бывшего Советского Союза немало представителей тюркских народов и евреев, которые приняли православие и причисляют себя тоже к Русскому миру.

По числу говорящих на русском языке новый Русский мир насчитывает ныне более 200 миллионов человек. Сама же Россия с конца 1980-х годов оказалась, однако, страной, страдающей от депопуляции преимущественно русских людей. Как ни странно, в зарубежных общинах Русского мира происходит обратная картина. На северо-западе Китая, например, за последние десятилетия число русских выросло почти в пять раз, составив более 30 тысяч человек. Количество русскоязычных в смешанных семьях в России, за счет приезжих из стран СНГ, все последнее время прирастает еще большими темпами.

В то же время российское ядро Русского мира — самая большая по численности в Европе русская нация после распада СССР не только уменьшилась по численности, но и стала наиболее разделенной. На постсоветском пространстве не менее 25 миллионов русских оказались людьми без родины. В странах Балтии их называют «людьми без гражданства», точнее, людьми, лишенными права называться их гражданами. Дело в ряде случаев идет об открытой дискриминации русских. Такая же участь может ожидать русских в Центральной Азии.

С ростом «утечки мозгов» из России и из всего постсоветского пространства, наряду с депопуляцией, происходит также их интеллектуальное обеднение. Выдвинутый Александром Солженицыным призыв к «сбережению наций» требует теперь дополнения. Сбережение нашего народа подразумевает не столько количественное, сколько качественное его сохранение и духовно-нравственное обогащение. Это становится еще более актуальным из-за безудержного роста алкоголизма и наркомании в стране.

В условиях глобализации Русский мир могут составлять люди не только знающие русский язык, но и приобщенные к ее многогранной, многонациональной культуре, великой культуре страны, где веками уживались народы, исповедующие христианство, ислам, буддизм и другие традиционные религии. Русский мир многим, однако, отличается от традиционных диаспорных наций — армянской, греческой, ливанской, палестинской, курдской и других. Он был порожден не столько внешними нашествиями, сколько внутренними катаклизмами в стране — революциями, гражданскими войнами,

массовыми репрессиями. В немалой степени здесь сыграла роль и духовно-нравственная «разруха в головах» наших соотечественников. Чаще и больше всего людей за пределы бывшей родины выталкивала своя же «страна родная».

К Русскому миру вправе теперь себя относить многие эмигранты и приобщенные к русской культуре члены смешанных семей, например русско-арабских. Наряду с 200 тысячами арабов, получивших высшее и специальное образование в СССР и России, многие члены их семей считают себя тоже «породненными» с Россией. Большое число подобных «русских» проживают в настоящее время и в Иране. Это уже третье поколение иранцев, которые в свое время по разным причинам эмигрировали сначала из Ирана в Россию, а затем снова вернулись на родину своих предков. Многие из них считают своей родиной русскую землю и разговаривают между собой по-русски. Тысячи таких семей имеются также на Западе, в Европе и Америке. Такой возрождающийся ныне новый Русский мир, хотя еще и не сплочен, способен сыграть роль надежной опоры для России в ее миссии противостояния агрессивному глобализму. На состоявшемся в начале декабря 2009 г. Третьем Всемирном Конгрессе российских соотечественников, проживающих за рубежом, отмечалось, что их число уже достигает почти 30 миллионов. Они имеют свои общины в более чем 80 странах мира, уже находятся лицом к лицу с глобализмом и, являясь частью общего духовного пространства Русского мира, составляют, по сути, будущий резерв как модернизации России, так и, хочется надеяться, антиглобалистского движения.

Неологизм Русская «Медитерра» по аналогии со Средиземноморьем («Mediterranean»), соединяющим три материка — Европу, Африку и Азию, появился в первый же год после развала Советского Союза. Именно тогда раскрылся подлинный смысл этого неологизма. То, что когда-то русский мыслитель и историк Иван Солоневич называл «историей преодоления географии», сменилось для России в последующие годы в преодолении ею не только политической и военно-стратегической географии, но и геополитической катастрофы.

Проблема обеспечения национальной безопасности России значительно осложнилась еще до объявления Вашингтоном «глобальной войны» террора-антитеррора. Русская Медитерра по своей территории заметно уменьшилась, перестав быть одной шестой частью земли. Почти вполовину сократилась и общая численность ее населения, а также уменьшилось число самих русских в границах нового государства Российского. Хотя по протяженности своих сухопутных границ Россия продолжает занимать первое место в мире, протяженность ее морских берегов на Балтийском, Черном и Каспийском морях заметно уменьшилась, как и общее число ее «морских ворот».

После значительного сокращения своих производственных мощностей и валового национального продукта Россия перестала быть одной из двух экономических и военно-технических «сверхдержав». Такие последствия «геополитической катастрофы» будут давать о себе знать не только на всех трех направлениях экономической, социальной и политической модернизации страны. Они могут сказаться и на путях к достижению триады приоритетных целей обеспечения безопасности человека, общества и самого Российского государства.

Россия, наряду с развитием партнерства на западном направлении, должна будет еще активнее расширять сотрудничество со странами ЕвразЭС (Евразийского Экономического Сообщества), ОДКБ, СНГ (Содружества Независимых Государств). Дополнение этого процесса происходит и во «всемерной кооперации» с новыми партнерами, а возможно, и будущими союзниками по ШОС и БРИКС (форум Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики). Все это не может не вносить свои коррективы в геополитические координаты триединой безопасности. Россия остается связующим звеном между всеми упомянутыми выше международными структурами. Возникающие порой трудности такого совмещения усугубляются к тому же глобалистскими планами НАТО.

В таких условиях модернизация экономики, политики и стратегии России в наибольшей степени должна исходить из интересов триединой безопасности — национальной, государственной и геополитической. Важно, чтобы эти интересы со своей стороны увязывались с важнейшими задачами модернизации, в частности: 1) преодолением экономического отставания; 2) избавлением от коррупции; 3) изживанием широко распространенного в обществе «патернализма» — когда человек и общество больше полагаются на государство, чем на себя.

В заключение отметим, что коль скоро заходит речь о востребованности некой новой «дорожной карты» на пути к справедливому мироустройству, нужно помнить, что Россия в одиночку не способна противостоять глобальным угрозам, таким, например, как терроризм. В мире до сих пор продолжается более 15 вооруженных конфликтов. В целом на нашей планете сохраняется к тому же не менее ста горячих точек. Из них — около 60 замороженных конфликтов или еще «тлеющих пожаров». В этих условиях важным становится определение особого места и роли России при возможном формировании в будущем «антиглобалистских сил». Роль в них России будет определяться статусом полноправного члена в ОДКБ и ШОС без нацеленности на их «переструктурирование» в блок или военно-политический союз.

Опыт революции 1968 года и «арабской весны»

Устойчивая повторяемость отдельных явлений, очевидное сходство ряда процессов в экономической, социальной и политической жизни многих стран в новейшее время позволяют предположить существование некоторых общих закономерностей и общего механизма модернизации общества. Это дает возможность рассматривать наиболее яркие, «пиковые» события в качестве модели для прогностических целей¹.

Представляется целесообразным рассмотрение опыта такого яркого и важного явления новейшей истории, как события 1968 г., давшие «второе дыхание» западной модели современного развития, а также оказавшие существенное влияние на общественно-политическое и культурное развитие не только стран Запада, но и Востока. Спустя несколько десятилетий в них видны не случайные совпадения разнородных явлений, а проявления одного механизма общественного кризиса, элементы которого можно обнаружить в событиях сегодняшнего и вчерашнего дня не только в западноевропейских странах, но и в КНР, Египте, Бахрейне и других странах Востока².

«Исторический бумеранг» напоминает нам в иной ситуации и подчас с иной направленностью о тех же явлениях, что происходили в 1968 г.

1

Вплоть до настоящего времени 1960-е годы рассматриваются преимущественно в контексте «холодной войны», противоборства стран Востока с Западом или замечательных технических достижений. Все остальные события, занимавшие тогда умы людей и притягивавшие их напряженное внимание, изрядно подзабыты.

Но мы недооценивали 1960-е годы. Сейчас очевидно, что они оказались водоразделом, за которым начиналась новая эпоха. И Революция 1968 г. не сводится к политическим переменам во Франции или тогдашней Чехословакии. Различные события, происходившие на протяжении одного 1968 г. в различных странах мира, по нашему мнению, оказались элементами общемирового явления.

¹ В год юбилея Отечественной войны 1812 г., как не вспомнить поразительное до деталей сходство агрессии Наполеона и предшествующих ей событий во французско-русских отношениях с событиями Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (назревание конфликта, его оттягивание, дружественные соглашения и катастрофическое начало боевых действий).

² Механизм реформ, общий для различных типов общества, рассматривался автором в: Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX–XX веках. М., 2006.

То была первая *глобальная революция*, открывшая эпоху глобализации; то было видимое начало процесса угасания одной формации и возникновения новой формационной системы, начало новой *Большой волны развития* (К. Перес), наряду с технологической революцией и началом господства финансового капитала. Отдельные ученые давно указывали на это (П. Сорокин, Э. Тоффлер). Но изменения происходили медленно, в разрозненных сферах общественной жизни, и обыденное сознание не было готово воспринимать их всерьез.

Кризис капиталистической (индустриальной, современной) системы (формации) проявился вначале не в экономике, а в сфере политики в таких разных странах, как США и Франция, Германия и Италия, СССР и ЧССР. Это массовые студенческие волнения в большинстве западноевропейских стран, следствием которых стали во Франции уход президента де Голля и завершение периода президентов-демократов в США; это крах надежд на либерализацию коммунистической системы в СССР и социалистических странах, наряду с провалом «культурной революции» в КНР; это мощные волны забастовок рабочих во Франции и Италии и появление леворадикальных молодежных организаций, развернувших вооруженную борьбу с властью в Германии и Италии, а в Мексике — формирование широкой оппозиции власти, после массового убийства студентов в Тлателолко³. В это десятилетие страны Востока переживают немало общественно-политических переворотов, ставших выражением объективной потребности в модернизации по западной модели. И находящиеся в западной модели «семена кризисности» кое-где дали ростки.

Само по себе явление кризисности свидетельствует либо о неблагополучии системы, либо о выработке системой своего ресурса, однако ее проявления воспринимались несерьезно.

Ведь по многим формальным показателям в названных странах развитие шло вполне успешно. Большинство населения полагало, что «золотая эпоха» prosperity (процветания) продолжится.

1950–1960-е годы стали периодом промышленного бума в глобальном масштабе. Промышленность стала ведущей отраслью экономики, а сельское хозяйство отошло на второй план. Изменились уровень и качество жизни. Возросли потребности общества и возможности их удовлетворения.

Таким образом, к середине XX века западная модель подошла к пределу своего многовекового

³ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004, с. 321.

развития, произошло то, что предсказал в 1935 г. Й. Хейзинга: «Духовно и материально мы уже давно живем в избытке. Мы так носимся с жизнью, потому что она стала для нас чрезвычайно удобна. Постоянно обостряющиеся возможности восприятия, легкость духовного общения вносят в жизнь силу и дерзновение. Более чем до середины XIX столетия даже состоятельные люди на Западе гораздо чаще и непосредственнее соприкасались со скудостью существования, чем привыкли мы, считая к тому же, что так оно и должно быть... Человек постоянно ощущал со всех сторон природные ограничения земного благополучия. Действенные усилия техники, гигиена и улучшение санитарного состояния среды избаловали человека. Он утратил добродушное смирение, привычку к каждодневной нехватке удобств — урок предшествующих поколений... Жизнь сделалась слишком легкой. Моральная опора оказалась слишком слабой, чтобы нести все эти богатства»⁴.

Стоит обратить внимание на важное значение рационализации мышления и мировосприятия буржуазного общества на Западе, отмеченного еще М. Вебером. Последствия этой «интеллектуальной революции» сыграли важную роль в ходе становления современного капиталистического общества. К. Доусон отводит ей главную роль наряду с политическими и экономическими революциями: «Именно эта революция ответственна за секуляризацию западной культуры. Это интеллектуальное движение, подобно большинству движений, изменивших мир, было религиозным по своему происхождению, хотя и антирелигиозным по своим результатам»⁵.

В результате нарушения органичного развития самой системы возникла оппозиция системе внутри нее. Эта оппозиция виделась настолько слабой и незначительной, что ее вызов не воспринимался как реальная угроза существованию системы. Власти во всех странах Западе привычно ожидали угрозу со стороны известных политических противников, ведь ранее революции всегда начинались в сфере политики. Забывалось, однако, что главное всегда совершалось за рамками политической жизни, принося в нее лишь свои результаты. Главное же — перемены в сознании людей.

Таким образом, возникший в странах Западе кризис захватывал преимущественно идейную, политическую, духовную и культурную сферы общественной жизни. Проявления неблагополучия в экономике были намного слабее, хотя и на них указал первый доклад Римского клуба⁶.

В связи с этим правомерно ли применение понятия революция к событиям 1968 г.? Полагаем, что

да, исходя не из последующих результатов, а из объективно и субъективно возникших целей протестного движения и методов действия их участников.

Прежде всего, укажем на насилие, физическое и нефизическое, повсеместно используемое в ходе событий 1968 г. А также цель, очевидная для большинства участников тогдашних событий, — радикальное изменение общественного уклада, разрыв с существующей общественной системой. Принцип незаконного насилия и коренное изменение существующих уклада и образа жизни есть очевидные параметры революционного явления. Наконец, «отделение религии от политики и возрастающая значимость мирских дел на самом деле представляют главный фактор феномена революции», — подчеркивала Х. Арендт, заключая, что сама революционная логика ведет к «установлению нового секулярного миропорядка»⁷.

Нельзя обойти важное определение революции, данное П.А. Сорокиным: «Революция — это прежде всего определенное изменение поведения членов общества, с одной стороны; их психики, идеологии, убеждений и верований, морали и оценок — с другой... (курсив наш. — А.Я.)»⁸. Конечно, Сорокин думал и писал о великих социальных революциях, однако их дело в рамках общественной системы завершают и закрепляют «малые» революции, обладающие теми же родовыми чертами.

Необходимым условием революций был и остается пересмотр системообразующих принципов системы. Обязательным и первоисходным был, предлагался и насаждался — отказ от таких системообразующих принципов общественной жизни, как иерархичность и нормативность. Ведь классический либерализм, ставший преобладающей идеологией современного общества, выработал формулу «плюрализма ценностей», обретшую позднее ярлык «толерантности», что означало либо отсутствие абсолютных ценностей, либо относительность всевозможных ценностей.

Между тем принцип иерархичности основывался на вертикально ориентированной системе ценностей христианской цивилизации, в которой существовала изначально высшая и безусловная, абсолютная ценность — Бог. Жизнь семьи и общества строилась на этом принципе, производным от которого стал принцип патриархальности, патернализма. Теперь же уравнивалось высокое и низкое, большое и малое, горнее и дольнее.

Принцип нормативности имеет историческую обусловленность и временные границы. Различным историческим эпохам присущи различные нормы в экономической и социальной жизни, политике и культуре, в семейных отношениях и взаимоотношениях государств, и различные субъекты общественной жизни, так или иначе, руководствуются или

⁴ Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. За темный мир. Эссе. СПб., 2010, с. 73–74.

⁵ Доусон К.Д. Боги революции. СПб., 2002, с. 68.

⁶ См.: Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста: 30 лет спустя (пер. с англ.). М., 2012, с. 14–16.

⁷ Арендт Х. О революции (пер. с англ.). М., 2011, с. 26.

⁸ Сорокин П. Социология революции. М., 2008, с. 32.

принимают во внимание общепризнанные на определенный момент правила. В 1968 г. норма нигде не принималась во внимание. Согласно возникшему тогда афоризму, «единственное правило нашего времени состоит в том, что правил больше нет».

Таким образом, протест возник не против отдельных недостатков системы, а против ее системообразующих начал. Взамен предлагались иные начала, иные принципы и ценности.

Самоидентификация восставшей внутренней оппозиции определялась принципами плюрализма и относительности всех ценностей, а также двумя критериями: возраст и отказ от Традиции.

Ранее дети и молодежь неизменно были состоянием, предшествующим настоящей, взрослой жизни. Теперь же было декларировано, что молодость — это самодостаточное состояние, не нуждающееся в дальнейшем развитии.

Обществу были предложены, как это неизменно случается в эпоху революционных перемен, новые ценности, новые идеалы и цели жизни. Названные идеи, как всякие революционные идеи, были впоследствии смягчены временем. После революционного «забегания» далеко вперед произошел неизбежный «откат», смягчение радикализма идей, но — не отказ от них.

Что же это за новые идеи? Их новизна не в историческом плане, ибо *нет ничего нового под солнцем* (Еккл. 1:9), а в том, что они впервые претендовали на статус господствующих в обществе.

Новые идеалы (личность, абсолютно свободная от всего и всех). Новые ценности (эгоизм, эгоцентризм). Новые цели жизни (хочу всегда радоваться, не хочу страдать). Новый образ жизни (получение удовольствия). Новая мораль (мне можно все, что доставляет мне удовольствие).

Такого рода гедонистические начала присутствовали всегда, но их сдерживала и ограничивала Традиция, основанная на христианской системе ценностей. Теперь же появился немалый социальный слой — молодежь (а не отдельные личности, как это было ранее на протяжении столетий), — готовый отказаться от Традиции и желающий жить по новым началам.

Вот этот «пафос новизны» в сочетании с абстрактной «идеей свободы», по мнению Х. Арндт, также позволяет говорить не просто о *бунте* или *мятеже*, не покушающемся на коренные начала, а именно о *революции*⁹. Ранее П.А. Сорокин в качестве решающей причины революции называл *дезинтеграцию* религиозных, моральных, юридических и других ценностей общества, в котором возникает расширяющийся разрыв между системой ценностей привилегированных и правящих групп и системой ценностей низших, средних и непривилегированных групп. Такого рода конфликт ценностей дополняется экономическими и социальными контрастами.

В 1960-е годы в индустриальном западном обществе возникла молодежная культура, новые нормы морали и новый уклад жизни. После спада волны революции, в 1970-е годы, произошел определенный ее «откат» от явно радикальных целей и норм. Тем не менее, возникшее явление заняло свою нишу в западном обществе, существенно повлияв на него, а затем, в 1980-е годы, плавно укоренилось в Восточной Европе и СССР, во многих странах Азии. Более того, по мнению Э. Хобсбаума, «молодежная культура стала ферментом культурной революции в более широком смысле этого слова — а именно революции в привычках и обычаях, в способах проведения досуга и в области коммерческого искусства, которое все больше формировало атмосферу городской жизни»¹⁰. Таким образом, молодежная культура оказалась естественным порождением мирового процесса урбанизации.

Этой культуре был присущ нигилистический элемент, отрицание «старой» морали и всего «старого» порядка жизни. По сути дела, революция ставила своей целью личное и социальное освобождение индивида от сковывающих его уз государства и родителей, законов и обычаев. Эти основы расшатывались экстремистскими действиями, свободным сексом и наркотиками, которые, конечно, существовали и раньше, но с 1968 г. стали публичными, были превращены в нормативные.

Тем самым утверждался принцип неограниченной свободы желаний любого индивида. Миру предлагался путь распада миллиарда индивидов, которых характеризовали бы лишь их личные желания.

Новая система ценностей разительно противоречила традиционной, основанной на аскетических идеалах протестантского общества раннего капитализма. Она так и осталась бы маргинальным проявлением определенной исторической ситуации, если бы ее перспективность не оценили дальновидные представители бизнеса.

В то время в мощной западной экономике назревал экономический кризис перепроизводства, разрешить который привычными методами было затруднительно. И тогда началось всемирное развертывание новой модели капиталистического производства, опробованной к тому времени в США: модели массового производства. В ее основу были положены идеи новой «молодежной» субкультуры — непрерывное удовольствие, которое следовало получать от непрерывного и неограниченного потребления разных товаров. Ведь бунтари против всех и всяческих устоев вполне принимали принципы, на которых построено общество массового потребления, общество крайних индивидуалистов.

Традиционный принцип *потребления для удовлетворения потребностей* человека (всегда более или менее ограниченных) был заменен принципом

⁹ Арндт Х. О революции (пер. с англ.). М., 2011, с. 39.

¹⁰ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004, с. 353.

потребления ради удовлетворения желаний человека (всегда не имеющих границ). Таким образом, смена аксиоматики означала смену модели экономического развития.

Начинается эпоха господства новой системы ценностей, редко осознаваемая современниками. Ведь перемены происходят постепенно, год за годом, десятилетие за десятилетием. И мы точно так же, как жители Римской империи, переживавшей кризис на протяжении трех столетий, не осознаем глубинных причин и последствий неотвратимо наступающих перемен.

Неизбежно ли это? Можем ли мы остановиться или повернуть вспять? В пределах человеческой жизни возможно, но развитие общественно-производственного организма, каким является наше общество, происходит по присущим ему законам. Возможность выбора есть всегда, но если пройдена точка выбора и начинается зона невозврата к исходному состоянию, то тут ничего не поделаешь. Возможно, что не сойдись в одной точке два явления — молодежный протест и кризис материального производства, общественное развитие западного мира пошло бы немного иным путем, а за ним — и развитие остального мира. Но произошло то, что произошло.

2

Рассмотрим названные явления подробнее.

Имелись различные и реальные причины недовольства молодежи на Западе в 1968 г. В то же время в интеллектуальной жизни стран Запады сложилась левая идеологическая основа протестного движения.

В марте 1968 г. студенты Римского университета вышли на демонстрацию, неся плакат с тремя большими буквами М, означавшими их идеологов: Маркс, Мао и Маркузе. Впрочем, идеологов было больше.

В Китае в 1968 г. в самом разгаре была «культурная революция», начатая Мао Цзедунем в 1966 г. Ради укрепления своей власти Мао обратился к новому, послереволюционному поколению китайцев, к 17-летним юношам и девушкам, выросшим в условиях коммунистического Китая. В апреле 1966 г. он опубликовал 16 пунктов, как бороться и сокрушить людей, «стоящих у власти в партии и идущих по капиталистическому пути», к числу которых он причислил всю оппозицию.

Леваки во всем мире восхитились этой попыткой сделать революцию чище и лучше, бороться с «ползучим буржуазным сознанием» усилиями молодых «красных охранников» (хунвейбинов), в отличие от «лицемерия» «обуржуазившегося» СССР. Леваки не видели, что в Китае возникло не стихийное движение чистой молодежи, столь их восхитившее, а действовал политический расчет.

За активностью житейски неопытных и нетерпеливых студентов и старшеклассников стояло близкое окружение Мао, желавшего сохранить власть. В августе 1966 г. его собственная дацзыбао «Открыть огонь по штабам» привела к возникновению отрядов цзаофаней (бунтарей) из числа рабочей молодежи. К лету 1968 г. «культурная революция» привела к спаду промышленного производства в Китае и ослаблению государственных и партийных структур, подавляемых самозваной властью ревкомов. Сам Мао в июле 1968 г. заявил руководителям хунвейбиновских организаций о необходимости «прекратить борьбу с применением силы», вскоре началась ликвидация хунвейбиновского движения¹¹.

В то время на поверхность выносились и приобретали широкую известность идеи разных людей. В Европе широкой известностью и авторитетом пользовались идеи Альбера Камю, писателя, участника французского Сопротивления, лауреата Нобелевской премии (1957), погибшего в автокатастрофе в 1960 г. в возрасте 47 лет. В эссе «Миф о Сизифе» (1942) он утверждал абсурдность человеческого существования, в повести «Посторонний» (1942) описал современный мир как мир бесправия, отчуждения, обреченности и равнодушия, где человек ощущает себя «посторонним»; а в романе «Чума» (1948) молодые читатели находили призыв к активности, к человеческой солидарности в борьбе против зла. В трактате «Бунтующий человек» (1951) Камю утверждал, что бунт — это дело человека информированного, обладающего сознанием своих прав. Бунт возникает в обществах, отпавших от Священного, и для людей, живущих в «десакрализованной истории», бунт является одним из существенных измерений их бытия: «Я бунтую, следовательно, мы существуем», поэтому уделом современного человека являются «война и революция». В стремлении выработать новый гуманизм Камю полагал, что красота и свобода способны вывести человека из изоляции, обогатить его духовно, помочь установлению в обществе социальной справедливости.

Роже Гароди в то время был членом Политбюро ЦК Французской компартии, но заслужил в СССР наименование «ревизиониста» за критику советской модели социализма и призыв к новой революции. В своей книге «За возрождение надежды» он призывает к борьбе с «главным врагом» — «капитализмом сегодняшнего дня» и его «иллюзиями парламентаризма», а «новыми революционными силами» называет народные массы, в том числе студенчество. Завершается книга призывом: «Предстоит совершить самую великую из революций»¹².

Другой известный французский мыслитель Жан Поль Сартр также был членом компартии, критиковал пороки капиталистического общества и осуждал агрессию США во Вьетнаме. В то же время в конце

¹¹ История Китая. М., 2004, с. 674–686.

¹² Гароди Р. За возрождение надежды. М., 1971, с. 25, 85.

1960-х годов он критиковал «буржуазный уклон» в СССР и склонялся к ультралевым идеям, заявлял о солидарности с маоизмом.

В своих попытках «дополнить» марксизм Сартр способствовал появлению течения атеистического экзистенциализма. Этические воззрения его определяются чистой субъективностью, и основным критерием морали для него становится свобода личности: «человек всегда и целиком свободен или его нет вовсе»; каждый человек «вынужден сам изобретать для себя свой закон», выбирать свою собственную мораль.

В 1968 г. семидесятилетний Герберт Маркузе, философ и социолог, преподававший в государственном университете Сан-Диего (США), неожиданно приобрел широкую известность своей идеей «великого отказа». Он сам был поражен, оказавшись «теоретиком студенческой революции». В своих теоретических работах Маркузе отрицал существование принципиальной разницы между капиталистической и социалистической системами на том основании, что обе они являются модификациями индустриального общества с мощными производительными силами, и в обеих существует состояние «несвободы». Он предлагал «Великий Отказ» как от капитализма, так и от социализма. Маркузе полагал, что в ходе современного социального кризиса произошло формирование «одномерного» человека, утратившего критическое отношение к обществу. Этот тип личности стал массовым, в результате чего, утверждал Маркузе, широкие народные массы уже не могут быть носителями революционной инициативы, она переходит к «аутсайдерам» — студенчеству, национальным меньшинствам, безработным. Впрочем, по мнению Т. Пиркера, Маркузе разрабатывал «теорию метафизической революции» и представлял «революционное насилие лишь как образ»¹³. Но эти идеи были востребованы.

Идея перманентной революции в XX веке связана прежде всего с именем и деятельностью Л.Д. Троцкого. Троцкистское движение продолжало существовать в трудах идеологов (Режи Дебре, Франц Фанон) и практиков.

В октябре 1967 г. в Боливии погиб Че Гевара, желавший поднять в этой стране революцию, подобную Кубинской. В начале 1968 г. в центре Гаваны ему, олицетворению революции, поставили памятник. И происходит фактическая «канонизация» одержимого идеей революции Че, улыбающегося, «вечно молодого», с бородой и в берете, как «революционного святого». *Культ Че* распространяется по всему миру.

А сам Фидель Кастро, лидер Кубинской революции, в 1968 г. отвернулся от СССР. 14 марта он провозгласил «революционное наступление» для создания «нового человека». Прежде всего, были

ликвидированы все остатки частного сектора (прачечные, ларьки, гаражи, бары и рестораны). Кастро желал «чистого коммунизма» и обещал избавление от «мистики денег».

Считаем уместным поставить в ряд идеологов Революции 1968 г. имя человека, весьма далекого от идеологической борьбы — это доктор Бенджамин Спок. Американский педиатр всего лишь выпустил в 1946 г. книгу «Ребенок и уход за ним». Книга стала одним из крупнейших бестселлеров в истории США, а затем завоевала и весь западный мир.

Спок предложил новый, революционный, подход к воспитанию детей: ребенок изначально имеет права, родители должны относиться к детям как к самостоятельным личностям, не стесняя их нормами послушания и дисциплины. Это потом, спустя десятилетия, обнаружили, что идеи доктора Спока не во всем верны (рекомендация спать младенцу на груди, а не на спине, оказалась смертельно опасной; запрет на укачивание плачущего ребенка привел к тому, что из-за отсутствия у младенца информации от матери на тактильном уровне было нарушено воспитание у нескольких поколений детей). А в 1968 г. в жизнь вступило первое поколение «детей доктора Спока», воспитанных по принципу *pop-frustration* (без расстройства, без разочарования), фактически устранившего иерархические отношения между людьми.

Таким образом, помимо привычных идейных (религиозных) и идеологических (либерализм, коммунизм) конструкций, в западном обществе в 1968 г. стали широко известны смелые и радикальные идейные построения разного толка, совпадающие, однако, в одном — радикальном отвержении безусловного авторитета и власти, Традиции и господствующего порядка.

Казалось бы, что такое — идеи, так, сотрясение воздуха. Однако именно идеи названных выше нескольких деятелей западноевропейской культуры и политическая практика малой части представителей молодежи в нескольких странах привели к радикальным переменам в мировосприятии и мировоззрении целого поколения во всем мире.

Наконец, нельзя не упомянуть и об идеологии «правых», сформировавшегося на Западе «массового общества». Она вроде бы неопределенна, лишена четких формул («довольство, благополучие, работа, послушание») и не имеет своих лидеров, однако именно под ее мягким воздействием формировалось новое поколение (большинство) западного среднего класса, покорное и послушное власти.

В то же время царствующий дух прагматизма порождал смутную неудовлетворенность. «Складывается впечатление, что в конце 60-х гг. влияние секуляризации внезапно сказалось, наконец, в полной мере на образованных американцах, которые теперь отчаянно ищут какие-то устойчивые ценности и не находят их, — писал в 1973 г. американский социолог П. Холландер. — Кризис авторитета взрослых

¹³ Перманентная революция от Маркса до Маркузе. Сборник статей. М., 1971, с. 130.

в школе, как и в семье, поддерживается также общим преклонением перед молодежью, молодостью, новизной, усилившимся на протяжении последнего десятилетия и, видимо, связанного с растущими сомнениями в отношении ценностей, норм жизни и опыта прошлого»¹⁴.

3

Помимо идеологических, существовали и объективные причины, сделавшие возможным «революцию новых левых».

В 1960-е годы молодежь в возрастном интервале от достижения половой зрелости (которая в развитых странах теперь наступала на несколько лет раньше, чем у предыдущих поколений) и до 25 лет, когда молодые люди фактически и формально обретали статус «взрослых», неожиданно осознала себя независимой общественной силой. Молодые люди с готовностью воспринимали политически радикальные идеи ради утверждения своей «взрослости», самостоятельности, и ради отвержения своего неравноправного, формально «подросткового статуса», отрицания ставшего им чуждым «мира взрослых», то есть всех старше 30 лет. Таким образом, молодежь оказалась отрезанной от прошлого своего народа и своей страны, от опыта поколений, от корней своей цивилизации — точно так же, как это произошло в результате великих революций в России в 1917 г. и в Китае в 1949 г.

Впрочем, если искать исторические прецеденты, то их можно обнаружить и ранее. Платон в своем трактате «Законы» (354 г. до н.э.) указывал на возможную опасность, когда молодые «колеблют единообразие»: «они вводят новшества, ищут постоянно перемен и считают приятными разные вещи», они «не признают раз навсегда установленных правил о том, что благообразно и что безобразно, но особенно высоко чтят тех людей, которые постоянно вводят какие-то новшества, что-то иное, непривычное во внешний облик, в цвета и в другие подобные вещи... мы полностью вправе сказать, что для государства нет ничего более губительного, чем все это. В самом деле, все это незаметно изменяет нравы молодых людей и заставляет их бесчестить старое и почитать только новое. Я снова повторяю: для всех государств нет худшего наказания, чем подобного рода мнения и установки»¹⁵.

Изменилось не только социальное положение, но и социальная роль молодых, которые стали «мотором» социально-экономического развития. Молодые росли в послевоенную эпоху стабильности и широких возможностей, не боялись нового и были готовы рисковать. Мальчики и девочки уже не стре-

мились прежде всего получить работу, в отличие от своих родителей, а могли запросто бросить ее, например, для того, чтобы съездить в Непал. Стремительное и широкое внедрение в повседневную жизнь многих достижений научно-технической революции давало им некоторое преимущество перед предыдущим поколением, более консервативным и менее способным к усвоению новой техники и технологий. У пожилых людей это порождало мнение о своей неполноценности, у молодых — о своем превосходстве. Поколения поменялись местами: дети стали учить родителей.

Сыграли свою роль урбанизация и рост городского населения. Молодежная культура, естественно, оставалась городской, и это вызвало к жизни *молодежный интернационализм*, «метками» которого стали джинсы и рок-музыка. Слова рок-песен, как правило, не переводились, тем самым *английский язык становился языком общения молодых*. Возникший во второй половине 1960-х годов обмен студентами между западными университетами, а также молодежный туризм закрепляли особое положение «молодежного интернационала».

Высокий уровень и качество жизни западноевропейских стран и США, в свою очередь, создали предпосылки для формирования *глобальной молодежной культуры*.

«Золотой век» prosperity в 1950–1960-е годы привел к тому, что подростки располагали большими, чем их родители в их годы, денежными суммами, которые могли расходовать самостоятельно; они располагали большим свободным временем, потому что не были обязаны работать для помощи семье. «Покупательную способность молодежи, — отмечал Э. Хобсбаум, — можно измерить продажами грампластинок в США, которые выросли с 277 млн. долл. в 1955 г., когда рок только появился, до 600 млн. в 1959 г. и 2 млрд. в 1973 г.»¹⁶

Наконец, и в политической жизни стран мира неожиданно была осознана важность нового фактора, роль и значение которого поначалу повсеместно недооценивалась — это молодежь. Мир, которым правила геронтократия, поначалу не оценил этого явления. Лидерам большинства ведущих стран мира в 1960-е годы было за 70 лет (К. Аденауэр, Л. Эрхард, Ш. де Голль, Ф. Франко, Н.С. Хрущев, И. Тито, Мао Цзедун, Хо Шимин, Сукарно).

4

Молодые люди из рабочих окраин больших индустриальных городов, имевшие низкий достаток, минимальные шансы для получения высшего образования и престижной работы были обречены на социальную роль «синих воротничков». Однако в отличие от предшествовавших столетий эти мо-

¹⁴ Холландер П. Советское и американское общества. Сравнительный анализ. М., 1974, с. 212.

¹⁵ Платон. Диалоги. Книга вторая (пер. с греч.). М., 2008, с. 959.

¹⁶ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004, с. 351.

лодые росли и формировались в условиях подъема массовой культуры, они все получали обязательное начальное и неполное среднее образование, что усиливало неудовлетворенность своим положением.

Молодые люди не видели для себя места в господствующей культуре с ее нормами, правилами и запретами — и они отвергли эту культуру. Полуграмотные подростки, не обузданные ни воспитанием, ни традицией, руководствовались своими эмоциями и темпераментом.

И все-таки центрами бунта стали не рабочие окраины, а университеты. Вызывал удивление тот факт, что студенчество представляло собой средний класс, тот привилегированный и обеспеченный социальный слой, который ранее неизменно служил основой стабильности общества. Впрочем, Э. Хобсбаум отмечал, что группы молодежи, «не нашедшие себе пока места во взрослой жизни, являются традиционным средоточием высоких идей, волнений и беспорядков, о чем знали еще ректоры средневековых университетов»¹⁷.

Глобальный мятеж не был спланирован и не был организован, однако это не означает, что он возник на пустом месте. Совпали объективные предпосылки (возрастание доли молодежи в составе населения, само по себе расширение сферы высшего образования) и субъективные поводы (неправомерные действия властей разного уровня, антивоенное движение, борьба против расовой сегрегации). Нашлись также идейные вдохновители и практические руководители.

Стоит назвать также технологический фактор: именно в 1968 г. средства массовой информации впервые проявили силу влияния на умы и действия людей (тогда М. Маклюэн ввел понятие «мировая деревня»). Видеозапись и прямое спутниковое вещание кардинально изменили новостные передачи телевидения, усилив впечатление (иллюзию) прямого сопереживания. Наконец, существенно развились средства сообщений: даже молодые люди могли на автомобиле или скоростном поезде в течение суток перемещаться по всей Европе.

И все-таки, нельзя не удивиться фактору случайности. Ведь действующий мэр Чикаго или ректор Сорбонны разумнее и дальновиднее, гибче и осторожнее, — «революция 1968 года» пошла бы иначе или случилась позднее.

Главной причиной, вызвавшей события 1968 г., стал кризис системы ценностей.

Все многообразии причин и поводов политических событий 1968 г. можно свести к одному: это был мятеж против авторитета. Мятеж против любого авторитета — родного отца, полицейского, ректора университета, директора завода или президента страны. Отвергалась вся система ценностей, молодое поколение (прежде всего в странах Западной Европы) ощущало себя отделенным от всего осталь-

ного мира, отчужденным от своей цивилизационной основы.

1968 г. был ужасным годом, и все же многие по-тому испытывали по нему ностальгию.

Что же это было: случайное проявление недовольства разных социальных сил по разным поводам, воспринимаемое нами в единстве лишь в силу ретроспективности, или все же кризис западной (европейской) индустриальной модели развития? Полагаем, второе.

В большинстве стран Запада старый социальный строй был расшатан, но не разрушен. Революция 1968 г., как всякая революция, забежала далеко вперед в своих радикально исконных целях, но, вследствие невосприятости этих целей большинством общества, откатилась немного назад.

Некоторые революции «заканчиваются быстро, не успевая разрастись и углубиться», — отмечал П.А. Сорокин. Это вызвано тем, что «их причины — как необходимая, так дополнительные — были поверхностны и легко устранимы. Это означает, что их необходимая причина — дезинтеграция преобладающих религиозных, нравственных, юридических и социальных ценностей — зашла не очень далеко»¹⁸. Власти не только использовали силу для подавления революционных выступлений, но также сумели провести обновление некоторых социальных и политических институтов, залатали и заштопали обнаружившиеся прорехи, не покушаясь, естественно, на пересмотр основополагающих принципов системы. Тем не менее, такие традиционные социальные институты западного общества, как община, семья и Церковь, были существенно поколеблены; в социалистических странах упал авторитет партии и государства.

Революционные потрясения вызвали заметные положительные перемены в общественной жизни стран Запада. Происходила ускоренная переоценка всех ценностей, крушение иллюзий и незыблемых ранее идеалов, огромные сдвиги в мировоззрении общества, которое адаптировалось к новым условиям жизни.

В США и многих западноевропейских странах был существенно — до 18 лет — понижен возраст ценз на выборах в органы власти. Впрочем, именно слой молодежи от 18 до 21 года оказался наименее заинтересованным в том, чтобы участвовать в выборах. В США в августе 1968 г. был принят закон о жилищном строительстве, в том числе — квартир для бедняков. С января 1969 г. начинается постепенная ликвидация дискриминации по расовым основаниям (при найме квартир и владении домами).

В ФРГ в 1969 г. к власти пришли социал-демократы (впервые с 1930 г.) под лозунгом «Отважиться на расширение демократии!». Начались реформы во всех сферах жизни общества. В большей части фирм

¹⁷ Там же, с. 322.

¹⁸ Сорокин П. Человек и общество в условиях бедствий (пер. с англ.). СПб., 2012, с. 231.

появились производственные советы, в которые вошел представитель молодых рабочих. По закону о «перераспределении собственности» рабочие стали получать именные сертификаты на постепенно растущую сумму. В ходе реформы образования была введена система стипендий и бесплатного обучения в вузах. В результате к 1970 г. число студентов из рабочих семей выросло с 7 до 14%¹⁹.

Во Франции власти вынуждены были согласиться на подписание Гренельских соглашений о повышении зарплаты, сокращении рабочей недели, улучшении условий труда, гарантии прав профсоюзов. Майские события 1968 г. привели в конечном счете к отставке генерала де Голля с поста президента. В 1969–1972 гг. были проведены социальные реформы под лозунгом «нового общества» (реорганизация высшей школы, расширение прав профсоюзов на предприятиях, введение дополнительных пенсий и т.п.). В 1971 г. образовалась новая Социалистическая партия.

Конечно, хиппи и панки и иные течения сменились новыми, а бывшие бунтари умылись, побрились и переоделись в «нормальные» костюмы. Однако привнесенные ими в общественную жизнь Запада агрессивные и саморазрушительные начала протеста против *власти и авторитета* никуда не исчезли. Нигилизм пустил глубокие корни.

За ускорение развития надо платить. И Запад заплатил немалую цену за модернизацию — ускорение своего развития и обновление модели индустриального общества, успешно развивавшегося до нового рубежа — начала 2000-х годов, начала нового кризиса системы.

5

С точки зрения прогнозирования привычным было сопоставление однородного опыта стран Востока. Так, в политике турецкого премьер-министра Эрдогана видны элементы отторжения опыта Ата-тюрка, в курсе президента Ирана Ахмадинежада — следование курсу умеренной модернизации Резашаха. Но в начале XXI века весь мир уже находится в современном состоянии (частью в полусовременном или постсовременном). Существует набор объективных условий, обуславливающих определенный ход действий и направление развития. Зная некоторые исходные параметры, можно с определенной долей вероятности ожидать определенных действий или исключать определенные последствия.

К. Перес, рассматривая механизм Технологической революции, указывает на прохождение общественной системой «сложного и длительного жизненного периода, в течение которого грядущее истощение... потенциала становится все более заметным». Поэтому, указывает она, «стремление четко обозначить

дату “Большого взрыва”... полезно для формирования представлений о последующей цепочке событий. Рассматриваемое событие, с виду незначительное, воспринимается новаторами своей эпохи как указание на то, на что способны новые технологии в будущем, и как сигнал к деловой активности»²⁰. «Большой взрыв» — знаковое событие, определяющее основной вектор последующего развития общества. Одним из таких событий на Западе (наряду с технологической революцией и гегемонией финансового капитала) стала революция 1968 г. Таким образом, отмечает К. Перес, «потоки развития... зарождаются в странах, образующих экономическое “ядро”, и постепенно переносятся от “ядра” к периферии. Это означает, что даты всплесков экономического развития (*равно как и более медленного идейного, политического.* — А.Я.) различны в разных странах и разница может составлять от 20 до 30 лет в некоторых случаях»²¹.

«Арабская весна» 2011 г. стала очевидным, хотя и не буквальным, повторением движений молодежного протеста стран Запада: бунтом молодых против власти стариков. Однако иные цивилизационные основы арабского общества и иной исторический опыт породили иные последствия протеста.

Во второй половине XX века арабские общества пережили этапы национального освобождения, становления национальной экономики, модернизации путем проведения социально-экономических реформ и к концу XX века обрели определенную устойчивость, а также многие качества современного общества. Правящие и господствующие слои в арабских странах стремились к сохранению выгодного для них общественного порядка. Однако постепенно стали проявляться те объективные и субъективные факторы, которые неизбежно вели к усугублению кризиса. Теоретически власти имели возможность предупредить стихийный протест, однако в реальной жизни крайне редко встречается подобная дальновидность власть предержащих.

Доля молодежи в структуре населения арабских стран стала очень большой. «Молодежный бугор», необычно высокая доля молодежи в 30–40% в общем взрослом населении, стал очевиден, а у власти не имелось средств для его нейтрализации. Между тем высокая концентрация молодежи вела ее к внутреннему сплочению и поискам общей позиции.

Уровень и качество жизни в городах оказались вполне удовлетворительными не только по региональным, но и по мировым меркам, несмотря на безработицу и определенный рост цен на продовольствие в 2007–2008 годах. Первое объяснение «Арабской весны» бойкими журналистами оказалось неверным: не голод, не нехватка лепешек вывели людей на улицы. В Египте социально-экономи-

¹⁹ Патрушев А. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2007, с. 591–592.

²⁰ Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М., 2011, с. 36, 35.

²¹ Там же, с. 33.

ческая ситуация была в начале 2011 г. вполне благополучной, доля людей, живших менее чем на 1\$ в день (уровень критической бедности), составляла менее 2%²².

Возросший уровень образования молодых людей наряду с демонстрационным эффектом западной модели развития привел к возрастанию неудовлетворенности существующим порядком. Современная молодежь решительна и мобильна, потому что всегда тянется от скучного старого порядка родителей к привлекательным новым идеям, тем более — к идеям, бросающим вызов несправедливой власти, а также еще не имеет обязательств в отношении семьи и общественного положения.

Казалось бы, это очевидно сближает ситуацию с событиями 1968 г. И до 2011 г. в таком ракурсе и рассматривались либерального толка наблюдателями перспективы грядущей «Арабской революции»: «Будущее Ближнего Востока покажет (как показало время в других районах мира), что угнетенных, стремящихся к борьбе за свободу, намного больше, чем можно подумать»²³, — писал в июле 2010 г. живущий в США ливанец Валид Фарес.

Однако модернизация восточных стран во второй половине XX века изменила (более или менее успешно) их социально-экономический строй, но в намного меньшей степени мировоззрение и мировосприятие людей, остававшихся в массе своей верными Традиции. В свое время Ш. Эйзенштадт указывал на особенную приверженность восточного общества своим традициям, в связи с чем власти «нужно сознательно использовать традиции, включая религию, для осуществления модернизации»²⁴.

Идеологический фактор сыграл огромную роль в общественной жизни Запада. Ж.Ф. Лиотар даже называл всю современную эпоху Запада в XVIII–XX вв. «эпохой идеи», которой предшествовала более протяженная «эпоха веры». Идеология породила и сформировала протестное левое движение на Западе в 1968 г. Но эпоха идеологии закончилась на Западе к концу XX века, а на Востоке оказалась скоротечной,

там еще не успели изжить «эпоху веры». В 2011 г. *арабская улица* бушевала не под идеологическими, а под религиозными, социальными и политическими лозунгами. На Ближнем Востоке результатом молодежных протестов оказалось *торжество Традиции*.

В отличие от событий 1968 г., немалую роль сыграл внешний фактор (хотя в то время таковым могла рассматриваться война во Вьетнаме). В этой роли выступили западные страны, прежде всего США и Франция, а также монархические режимы в странах Аравийского полуострова, прежде всего Саудовская Аравия и Катар. В то же время в каждой стране имелись конфликты внутри правящих и господствующих групп, имелась и оппозиция — исламская и либеральная, предлагавшие свой набор идей и лозунгов.

В сложившихся объективно обстоятельствах, как и на Западе сорок с лишним лет назад, дело оставалось за малым — за поводом. И он, конечно же, нашелся. 17 декабря 2010 г. 26-летний тунисец Мухаммед Буазизи, униженный самоуправством властей, совершил самоубийство. В первые дни января 2011 г. независимые каналы и Интернет сообщили о его смерти²⁵. Эта трагедия взорвала тунисское общество. Десятки тысяч человек вышли на улицы...

Каждая из сил, действовавших в ходе «Арабской весны», имела свои собственные интересы, не совпадавшие, иногда прямо противоположные интересам других сил, но их объединяло стремление к уничтожению существующей политической власти. В протесте против власти сошлись все социальные силы, и кумулятивный эффект от сложения разнородных сил оказался впечатляющим. Однако в отличие от событий 1968 г. протест арабской улицы не был направлен на сокрушение авторитета — Традиции.

Как бы то ни было, большая часть Ближневосточного региона обрела новое качество и новые перспективы. И вновь, как и в 1968 г. на Западе, тараном, сокрушившим старый порядок, оказалась молодежь.

²² Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута XXI века. М., 2012, с. 31.

²³ Фарес В. Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке. М., 2012, с. 448.

²⁴ Эйзенштадт Ш. Революции и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999, с. 79.

²⁵ См.: Васильев А., Петров Н. Рецепты Арабской весны: русская версия. М., 2012.

А.В. Акимов, Е.Ю. Ванина, Т.Л. Шаумян

Отечественные индологи о перспективах развития Индии

Быстрое экономическое развитие Индии в последние годы вызывает повышенный интерес к будущему этой страны. Сложились две оценки перспектив Индии. Одна базируется на работах экономистов, которые указывают на огромный демографический потенциал Индии, ее успехи в образовании и здравоохранении, успешное развитие промышленности, включая высокотехнологичные отрасли. Сторонники этой оценки прогнозируют в ближайшие десятилетия выход страны на передовые позиции в мире по объему ВВП и большие успехи страны на пути догоняющего развития. Другая оценка в значительной степени опирается на исследования, рассматривающие природный потенциал страны, особенно возможности сельского хозяйства, и указывает на возможность катастрофического развития событий из-за экологических проблем. Обе позиции хорошо обоснованы авторами, которые ее разделяют, в поддержку каждой имеется много фактов, аргументов и работ авторитетных специалистов. Не представляется возможным отдать предпочтение той или иной точке зрения на основе анализа фактов, оценок и трендов, так как выбор будет носить субъективный характер.

Для того чтобы добиться определенности в столь важном для Индии и индологического сообщества вопросе, Центром индийских исследований совместно с Отделом экономических исследований Института востоковедения РАН был проведен опрос экспертов-индологов относительно перспектив развития Индии. Эта работа имела две цели. Во-первых, выработка сообществом экспертов-индологов обобщенной оценки по одному из важных вопросов развития индийской экономики и общества в целом. Во-вторых, определение возможностей использования групповой экспертной оценки для решения других проблем, по которым мнение экспертного сообщества расходится.

Экспертам был предложен следующий текст, ниже он представлен с небольшими сокращениями:

«В средне- и долгосрочной перспективе развития Индии выделяется альтернатива: Индия успешно следует путем догоняющего развития и вслед за Китаем выходит в число мировых экономических лидеров, или же демографические и экологические проблемы препятствуют этому, и Индия следует сценарию, который имеет схожие черты с ситуацией в Пакистане. Социально-экономическое развитие в этом случае будет сопровождаться кризисами, которые характерны для стран с замедленными темпами догоняющего развития.

Представляется, что после выявления коллективной оценки вероятности развития по обоим сценариям целесообразно провести исследование путей

предотвращения кризисного сценария и обеспечения устойчивого догоняющего развития.

Ниже представлены сценарии, которые нужно оценить.

«**Эколого-демографическая катастрофа**». Большое население, особенно в сельской местности, и ограниченные экономические ресурсы, недостаточные для реализации широкомасштабных программ модернизации экономики в целом и сельского хозяйства в частности, создают условия для экологического кризиса большого масштаба, поскольку уже многие десятилетия в Индии нарастает аграрное перенаселение, которое ведет к разрушению природной среды в деревне. По словам В.Г. Растяникова, «современная Индия переживает острейший кризис, несмотря на головокружительные успехи экономического роста за последние десятилетия. Червоточина этого кризиса под названием “давление населения на землю” (pressure of population on land) весьма болезненно ощущалась крестьянами Индии еще в 30-е годы XX века, к началу XXI века она разрослась в огромную раковую опухоль. Этот кризис имеет перманентный характер. Его причина — не конъюнктурно-рыночного происхождения, не некий особый феномен спада экономического цикла, это кризис самих фундаментальных основ земледельческого производства, исторически главной сферы экономической деятельности народов Индии. Первопричина этого кризиса — чрезмерно интенсивный, не сообразующийся с массой имеющихся природных ресурсов рост населения»¹. Состояние современного сельского хозяйства Индии характеризует тот факт, что производство продовольственного зерна на душу населения в начале XXI в. ниже, чем в конце XIX в.²

Как пишет А.М. Горячева: «Уже сейчас страна отягчена таким количеством “избыточного”, бедного, неграмотного и больного населения (“биомассой”, по выражению одного индийского социолога), что ее никак не удастся включить в современный экономический процесс (inclusive growth). Руководство страны отдает себе отчет в том, что даже темпы экономического роста в 8–10% в год не могут решить проблему кардинально»³.

«**Успешное догоняющее развитие и борьба за лидерство в мире**». Создатели аббревиатуры БРИК,

¹ Растяников В.Г. Аграрная Индия: парадоксы экономического роста. Вторая половина XX в. — начало XXI в. М., 2010. С. 9.

² Там же. С. 95.

³ Горячева А.М. Какое будущее ожидает азиатского гиганта № 2? // Восток (Oriens), № 20. С. 109.

обозначающей страны с большим потенциалом развития в XXI в., из международной консалтинговой фирмы Goldman Sachs считают, что при успешном развитии к 2050 г. экономика Индии по своим масштабам может превзойти экономику США⁴.

Рост роли Индии в мире в ближайшие десятилетия уже не вызывает сомнений, эта перспектива широко обсуждается: «В следующие 15–20 лет индийские лидеры будут бороться за многополярную международную систему, в которой Нью-Дели стал бы одним из таких полюсов, а также политическим и культурным мостом между поднимающимся Китаем и Соединенными Штатами. Все более уверенное поведение Индии на международной арене, питаемое главным образом экономическим ростом и успешным демократическим развитием, подталкивает страну к партнерству со многими государствами. Однако это партнерство нацелено на максимизацию самостоятельности Индии, а не на союз с какой-либо страной или коалициями стран»⁵.

Экспертам было предложено указать по одному значению или диапазон значений, которые характеризуют вероятность развития по тому и другому сценарию. Сумма обоих вариантов должна составить 100%.

Для опроса была использована база данных, содержащая сведения об индологах, работающих в странах СНГ. По договоренности с участниками опроса данные представлены анонимно. Состав экспертов характеризуется следующими данными. Среди участников четыре доктора наук, два кандидата наук, два опрошенных без степени. Трое участников опроса — историки, один географ, один политолог, два специалиста по международным отношениям, один антрополог. Четверо участников работают в академических учреждениях, четверо в вузах, семеро из Москвы, один из Киева.

В таблице 1 представлены ответы экспертов. Для расчета интервальные ответы усреднились. Последняя строка — средние арифметические значения. В ходе опроса тремя участниками был предложен третий сценарий. Текст в ячейках третьего столбца взят из ответов экспертов для характеристики того, что они имели в виду.

После первого тура опроса экспертам была разослана таблица 1 и было предложено изменить ответ,

если они сочли бы это необходимым. Изменений внесено не было.

Таким образом, на первом месте по вероятности оказался сценарий успешного догоняющего развития. Его вероятность расценена максимальной с существенным отрывом от сценария экологической катастрофы. Третий сценарий, определенный самими экспертами, оказался на третьем месте.

Таблица 1

Ответы экспертов на вопросы о будущем Индии

Экологическая катастрофа	Успешное догоняющее развитие	Стагнация, оба сценария реализуются одновременно
10	90	-
20–40 (30)	60–80 (70)	Сценарии могут реализовываться одновременно. Возможен экономический рост на фоне углубляющегося эколого-демографического кризиса
5	60	35 — стагнация
15–25 (20)	75–85 (80)	-
10	10–15 (12,5)	80 — Индия так и будет жить. Слишком уж давно в Индии все началось, чтобы вот так вдруг кончиться экологической катастрофой или резким развитием (тоже катастрофой)
100	-	-
60–70 (65)	30–40 (35)	-
10–15 (12,5)	85–95 (90)	-
31,6	54,7	14,4

Опрос показал интересные результаты. Прежде всего, необходимо отметить, что сообщество индологов сумело использовать экспертный опрос в виде инструмента исследования. Полученные результаты позволяют надеяться, что и в дальнейшем этот метод анализа найдет применение в индологии и применительно к другим странам.

Представляется, что проделанное исследование носит предварительный характер. В дальнейшем желательно провести опрос с участием существенно большего числа экспертов. При анализе перспектив развития Индии данное исследование может стать ориентиром для более детального и конкретного определения проблем и стратегий эволюции.

⁴ J. O'Neill and T. Poddar. Ten Things for India to Achieve its 2050 Potential // Goldman Sachs Economic Research. Global Economic Paper No 169, June 16, 2008.

⁵ Мир после кризиса. Глобальные тенденции -2025: меняющийся мир. М., 2009. С. 74.

Т.Л. Шаумян

Внешняя политика Индии от 1980-х до 2000-х годов (прогнозы и реалии)

Одним из приоритетных направлений отечественной политологии является разработка прогнозов политического, социально-экономического и внешнеполитического развития зарубежных стран. При прогнозировании развития стран Востока целесообразно обратиться к прошлому опыту работы над прогнозами, которые осуществлялись востоковедами, в частности индологами, еще в середине 1980-х гг.

В июне 1985 г. в Отделе Индии и Южной Азии (с 1987 г. — Центр индийских исследований) был подготовлен Прогноз внешнеполитического развития Индии в 1985–1990 гг. Чем определялась необходимость разработки прогноза именно в этот период и в отношении именно этой страны?

К середине 1980-х гг. подготовка прогнозов и проведение ситуационных анализов в принципе стали одним из приоритетных направлений в отечественной политологии, в деятельности экономистов, политологов, социологов, культурологов и пр. Новые тенденции в развитии прогностических исследований были связаны с серьезными внутриполитическими изменениями в СССР, с началом перестройки, которая стала во многом определять и внешнеполитический курс страны. Приход к руководству в Москве политика нового поколения — М.С. Горбачева, начало разрядки напряженности в отношениях с США в значительной степени определяли политику СССР по многим направлениям внешнеполитической стратегии страны. В то же время внешняя политика СССР характеризовалась стремлением сохранить и приумножить внешнеполитические достижения предшествующего периода, вкладывая в них новый смысл и новое содержание, с учетом изменений, которые происходили в странах, с которыми у СССР уже сложились определенные отношения.

События первой половины 1980-х гг. в стране и мире совпали с началом нового периода и в деятельности Института востоковедения, который возглавлялся тогда Е.М. Примаковым. Именно по инициативе нового директора и при участии пришедших с ним сотрудников (сектор прогнозирования возглавил опытный специалист по системному анализу и прогнозированию В.И. Любченко) началась серия ситуационных анализов, которые постепенно выводили нас на уровень прогнозирования.

Совершенно очевидно, что любые попытки разработки внешнеполитической стратегии СССР/России в отношении конкретного государства требуют оценки положения в стране-партнере, четкого понимания происходящих в ней процессов. В дан-

ном случае речь шла об Индии — традиционном союзнике и партнере, с которым у СССР сложились тесные отношения в военно-политической, торгово-экономической, культурной и пр. областях.

Стратегическое партнерство между Россией и Индией определяло политику СССР в Южной Азии. В начале 1980-х гг. Индия возглавлялась дочерью первого премьер-министра страны Джавахарлала Неру — Индирой Ганди, выдающимся политиком, с которым у руководства СССР сложились отношения взаимопонимания и сотрудничества. Именно в эпоху И. Ганди, когда Индия сталкивалась с серьезными внешне- и внутривнутриполитическими вызовами, Советский Союз демонстрировал понимание и поддержку.

В 1984 г. в Индии произошла трагедия: премьер-министр была убита в своей резиденции охранником-сикхом. Это событие вызвало всплеск терроризма и жестокости в отношении сикхского населения страны, и потребовались решительные меры для прекращения разгула мести и насилия. В этот момент к руководству страной пришел сын И. Ганди Раджив Ганди. Сохранялась надежда на то, что новый премьер-министр — представитель династии Неру-Ганди, не откажется от традиционной политики дружбы и сотрудничества с СССР. В то же время Раджив Ганди демонстрировал стремление к модернизации страны, и эта политика могла осуществляться в сотрудничестве с США, что, в свою очередь, могло бы повлечь за собой перемены и во внешнеполитической ориентации страны. Такое развитие событий вряд ли отвечало тогдашним интересам СССР. Скорее всего, именно поэтому возникла потребность во всестороннем анализе внутривнутриполитического и экономического положения в Индии и его вероятного воздействия на внешнеполитические позиции страны. Именно в этот период и была поставлена задача — подготовить Прогноз внешнеполитического развития Индии в 1985–1990 гг.

Прогноз на пятилетие можно считать краткосрочным. Как и всякий прогноз, он базируется на выявлении основных долгосрочных и краткосрочных, объективных и субъективных, внутренних и внешних факторов, которые могут оказывать воздействие на формирование внешней политики страны.

По-видимому, нет смысла, да и возможности, повторять все сказанное в анализируемом тексте прогноза, следует выделить лишь некоторые его разделы.

Совершенно очевидно, что факторы геополитического и геостратегического порядка вряд ли могли претерпеть особые изменения. Причем мы попытаемся соотнести их с реалиями сегодняшнего дня.

Как и 27 лет тому назад, геостратегическое положение Индии определяет ее заинтересованность в разрешении спорных нерешенных проблем в отношениях с соседними государствами, в том числе погранично-территориальных, распределения водных ресурсов, трансграничного терроризма и пр., мира и стабильности в сопредельных с ней регионах Юго-Западной, Восточной и Юго-Восточной Азии, снижении уровня иностранного военного присутствия в зоне Индийского океана. Что касается факторов демографического характера, то Индия по-прежнему остается на втором месте в мире после Китая по численности населения, однако это соотношение сегодня изменилось в пользу Индии. В той или иной степени сохранил свое значение и тезис о том, что столкновения между индусской и мусульманской общинами продолжают оказывать дестабилизирующее воздействие на политическую жизнь Индии и ее отношения со странами мусульманского мира, роль которых в мировой политике возрастает. Для середины 1980-х гг. актуальной оставались требования влиятельных сепаратистских группировок сикхов Пенджаба о создании независимого государства Халистан.

Что касается факторов экономического порядка, то оправдались, в частности, оба предположения, высказанные в прогнозе: 1) продолжение курса, осуществлявшегося Р. Ганди и направленного на решение социально-экономических проблем технико-экономическими методами, путем опоры на крупный частный сектор; 2) сотрудничество с ТНК (прежде всего американскими), стремление получить наиболее современную западную технологию и широкую экономическую помощь США и контролируемых ими международных финансовых организаций. Высказывалось предположение, что одновременно могло быть усилено и политическое давление США на руководство Индии.

В прогнозе 1985 г. было высказано предположение, что, несмотря на рекордную победу ИНК(И) на парламентских выборах 1984 г. на волне трагической гибели лидера партии Индиры Ганди и завоевание им абсолютного большинства в нижней палате центрального парламента, оппозиционные партии сохраняют существенное массовое влияние, располагая в общей сложности примерно половиной голосов избирателей в масштабе всей страны. Политическая картина в Индии уже в период прогноза характеризовалась наличием серьезной оппозиции ИНК(И) как справа, так и слева. В таких условиях можно было ожидать, что давление мелкой буржуазии и рост социальной напряженности потребуют от Р. Ганди компромиссных решений в области экономики, корректировки первоначального курса, что может сопровождаться усилением авторитарных тенденций в политике. Последующие события показали, что эти предположения в определенной степени оправдались. Усиление роли региональных

партий сегодня является одной из самых серьезных тенденций в политической жизни Индии.

В прогнозе был выделен ряд внешних факторов, оказывавших влияние на формирование внешнеполитического курса Индии. Так, в качестве угрозы безопасности, территориальной целостности и суверенитета страны рассматривалась ситуация вокруг и внутри Афганистана. Отмечалось сохранение потенциальной опасности нового обострения конфликта в Южной Азии, причем одной из возможных причин этого обострения рассматривалась информация о разработке в Пакистане ядерного оружия. Следует заметить, что ядерные разработки в военной области в Индии вообще не упоминались. Наконец, отмечалось формирование СААРК (Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии) как противовеса, противодействия «малых» стран региона экспансии со стороны Индии.

Прогноз составлялся в середине 1980-х гг., когда М.С.Горбачев только разрабатывал план перестройки и разрядки международной напряженности, поэтому не случайно, что в качестве одного из наиболее существенных факторов, воздействовавших на формирование внешней политики Индии, отмечалось «резкое усиление глобальной конфронтации и перенесение ее на региональный уровень» со всеми вытекающими для этого процесса последствиями. Неоднократно упоминалось американо-китайское сотрудничество в военной области и совместное использование Вашингтоном и Пекином Пакистана в качестве опорной базы в Юго-Западной Азии.

В прогнозе содержалось следующее утверждение: «Внешиполитический курс, базирующийся на концепции неприсоединения, обеспечивает Индии статус независимого государства, создает условия для усиления ее влияния среди развивающихся стран, давая ей возможность маневрировать в отношениях с великими державами, одновременно сохраняя и укрепляя советско-индийские отношения, развивая и расширяя сотрудничество с США и нормализуя отношения с Китаем».

Посмотрим, каким же образом, по крайней мере, некоторые из сформулированных в прогнозе внешнеполитических задач Индии на вторую половину 1980-х гг. были реализованы — или не реализованы — пришедшим к власти новым поколением индийских руководителей? Что произошло в Индии, регионе и мире к моменту окончания периода прогноза? Как эти сформулированные принципы и задачи выглядят сегодня, по прошествии почти трех десятилетий?

Можно констатировать, что на период прогноза оправдалось предположение об активной внешнеполитической деятельности премьер-министра Р. Ганди, который совершил ряд зарубежных поездок и достиг важных договоренностей с руководителями крупных стран мира, включая США, СССР, ведущие страны Европы, Японию. В 1988 г. состоялся визит нового премьер-министра в Китай, что сыграло су-

ществленную роль в процессе нормализации отношений между двумя азиатскими гигантами. В 1989 г. Раджив Ганди посетил Пакистан, где состоялись его переговоры с Беназир Бхутто. Посетил он и ряд стран Африки. Оправдалось предположение о том, что в прогнозируемый период будут развиваться и советско-индийские отношения: состоялся обмен визитами руководителей двух стран; в ноябре 1986 г. была подписана Делийская декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира. По инициативе Индии 28 января 1985 г. в Дели состоялась встреча руководителей шести стран: Индии, Танзании, Мексики, Аргентины, Швеции, Греции, обратившихся с призывом к ядерным державам, прежде всего СССР и США, прекратить испытания, производство и размещение систем ядерного оружия и средств его доставки. Приглашение в Индию руководителей стран, представлявших континенты Европы, Африки и Латинской Америки, можно было бы считать предвестником формирования такого объединения, как БРИКС.

Анализируя сегодня события почти тридцатилетней давности и видение их из Москвы, можно констатировать, что в течение всего пяти лет прогнозируемого периода в регионе и мире произошли или «созрели» события, которые по понятным объективным или субъективным причинам не укладывались в рамки прогноза. Вот хотя бы некоторые из них.

Прежде всего, это уже упоминавшиеся серьезные перемены во внутри- и внешнеполитических позициях СССР к середине 1980-х гг., начало процесса разрядки в отношениях с США и распада биполярной мировой системы. Геостратегическая ситуация в регионе Центральной Азии и в международных отношениях на глобальном уровне коренным образом изменилась, в том числе в результате вывода советских войск из Афганистана в 1989 г., а затем и после распада СССР, что не могло не отразиться на общей обстановке в мире и на советско-индийских отношениях. Нельзя не напомнить также и о серьезных позитивных сдвигах в отношениях СССР и Индии с Китаем, в том числе уже упоминавшийся визит Раджива Ганди в Пекин в 1988 г. как переломный момент в процессе разрядки напряженности в индийско-китайских отношениях.

Что касается внутривосточных событий в Индии, то наряду со стабилизацией обстановки в Панджабе, к началу 1990-х гг. серьезно обострилась ситуация в Джамму и Кашмире, где активизировались требования ряда политических партий и групп, выступавших за самоопределение путем проведения плебисцита под международным контролем, резко усилились террористические действия боевиков, которые проходили специальную подготовку в лагерях, расположенных на территории Пакистана. Это неизбежно повлекло за собой принятие специальных мер со стороны правительства в Дели, вплоть до ввода воинского контингента на территорию штата. В результате серьезно осложнилась внутривосточная

ситуация в Джамму и Кашмире, произошло резкое обострение индийско-пакистанских отношений; усилилось вмешательство во внутренние дела индийского штата Джамму и Кашмир с территории Пакистана, активизировались действия боевиков, жертвами которых становилось мирное население. Действия Индии в Кашмире по подавлению массовых выступлений осуждались странами Запада, в ряде международных организаций, прежде всего ООН.

В начале 1980-х гг. серьезно осложнилась обстановка на Шри Ланке в связи с обострением этнического конфликта. В 1987 г. было подписано индийско-ланкийское соглашение, согласно условиям которого Индия ввела свои войска на остров. Конфликт удалось несколько притушить, однако ланкийские сепаратистские и террористические организации не могли простить Индии и лично Радживу Ганди вмешательства в события на острове, что привело к его жестокому убийству в мае 1991 г. Таким образом, в течение семи лет в Индии, стремившейся утвердить свою репутацию крупнейшей демократии в мире, произошло два жестоких политических убийства лидеров страны. Такого рода события вряд ли можно было прогнозировать.

Наконец, трудно было заранее предвидеть распад СССР и образование России и новых независимых государств, в том числе государств Центральной Азии. Это событие, по существу, изменило всю мировую систему, непосредственно затронуло интересы как глобальных, так и региональных держав.

Высказанное в прогнозе предположение об усилении глобальной конфронтации и перенесении ее на региональный уровень осуществилось лишь частично: распад одной из противоборствующих великих держав, а с ним и всей биполярной мировой системы, неизбежно привел к постепенному снижению уровня глобальной конфронтации. В то же время ситуация в ряде регионов систематически обострялась и обостряется, что неизбежно отражается на ситуации на глобальном уровне.

В подготовленном в иных исторических условиях прогнозе основная ставка во внешней политике Индии определялась как приверженность Движению Неприсоединения (ДН) и всему тому, что с этим связано. В условиях же окончания «холодной войны», ликвидации Варшавского договора и трансформации понятия двух противостоящих военных блоков изменилась и роль ДН, которое должно было переориентировать свои задачи на решение экономических и социальных проблем, борьбу с бедностью, противодействием терроризму и религиозному экстремизму.

Естественно, что в прогнозе 1985 г. большое внимание было уделено ситуации внутри и вокруг Афганистана. Предполагалось, что Индия и впредь будет способствовать поискам разрешения проблемы на региональной основе, реалистически оценивая сложившееся положение, а именно — возможность вывода из Афганистана ограниченного контингента

советских войск. При этом оговаривалось, что войска могут быть выведены «лишь при условии прекращения внешнего вмешательства во внутренние дела страны и гарантирование невозобновления подобного вмешательства». Далее отмечалось, что при условии сохранения напряженности вокруг Афганистана в прогнозируемый период уровень американского, а также китайского присутствия в регионе не только не снизится, а сохранится на прежнем уровне или даже будет возрастать. В прогнозе было высказано предположение, что в случае развития к концу прогнозного периода (1990 г.) тенденции к снижению напряженности вокруг Афганистана США и Китай могли бы лишиться одного из поводов для дальнейшей эскалации военной помощи Пакистану, что несколько снизило бы его значение в стратегии этих двух стран в южноазиатском регионе, сохранив его важную роль в глобальной антисоветской стратегии Вашингтона. Наконец, предполагалось, что это могло бы уменьшить напряженность в индо-пакистанских отношениях, способствовать нормализации отношений Индии с Пакистаном, Китаем и США, при сохранении прежнего высокого уровня отношений Индии с СССР и ДРА.

Советские войска были выведены из Афганистана в 1989 г. (через четыре года после составления прогноза!). Но ни о какой стабилизации положения или укрепления позиций правящего режима не было и речи.

И никакие, даже самые опытные и квалифицированные, прогнозисты не смогли бы предвидеть того, что произошло уже за пределами прогнозного периода — 11 сентября 2001 г. После трагических событий этого дня резко обострилась ситуация вокруг Афганистана, так как именно на эту страну была возложена главная ответственность за террористические акты, совершенные в Нью-Йорке и Вашингтоне. Предполагалось, что именно здесь, на контролируемой с 1996 г. талибами территории нашел убежище идеолог и организатор этих преступлений Усама бен Ладена. И именно Индия стала одним из государств, выразивших готовность участвовать в «антитеррористическом интернационале» и оказывать содействие США и Великобритании в осуществлении ими карательных акций в отношении талибов. Правда, ее реальное участие в урегулировании ситуации вокруг Афганистана сегодня, как и почти тридцать лет тому назад, представляется ограниченным, в том числе в связи с отсутствием реальных рычагов воздействия, а также сохранением напряженности в индо-пакистанских отношениях.

Около тридцати лет тому назад, в период подготовки прогноза, создавалось впечатление, что установление в Афганистане режима проамериканской, пропакистанской, прокитайской ориентации могло бы иметь крайне негативные последствия для внешнеполитических позиций Индии, привело бы к эскалации иностранного (американского и китайского) военного присутствия в регионе, значительно

укрепило бы позиции Пакистана, изменив, таким образом, существующий военно-стратегический баланс в Южной Азии. Отмечалась «маловероятность» такого развития событий. Хотя Индия в долгосрочной перспективе по-прежнему не заинтересована в иностранном военном присутствии в регионе Афганистана, однако сегодня индийские аналитики с серьезной обеспокоенностью ожидают вывода войск США и НАТО с территории Афганистана в 2014 г., справедливо опасаясь, что это может привести к возврату страны к мрачной эпохе господства талибов.

Раздел о возможной политике США в регионе был написан, конечно, в соответствии с законами «холодной войны»: «Политика США в Южной Азии преследует цели ограничения влияния СССР, ослабления Индии как влиятельной политической силы, противостоящей милитаристской политике Вашингтона; укрепления позиций своего главного военно-политического союзника в регионе — Пакистана. США будут оказывать военную помощь и политическую поддержку режиму Исламабада; развивать отношения с «малыми» странами региона, в том числе и в военной области, используя внутривнутриполитическую нестабильность в этих странах». Можно предположить, что и сегодня США вряд ли заинтересованы в усилении позиций России в Южной Азии, да и американо-пакистанские отношения переживают не лучшие времена. Однако место Индии в стратегии США в регионе не только не уменьшилось, но, напротив, вышло на совершенно новый качественный уровень. Сотрудничество между Дели и Вашингтоном активно развивается по самому широкому кругу проблем.

Характеристика политики Китая базировалась на признании его заинтересованности в снижении уровня советско-индийских отношений и ослабления влияния Индии как своего главного геополитического соперника, усилении позиции Пакистана. Предполагалось, что Пекин будет продолжать военно-политическое сотрудничество с режимом Исламабада, развивать отношения с «малыми» странами Южной Азии в военной области (размещение подводных лодок в портах Бангладеш, оказание военной помощи Шри Ланке). Можно констатировать, что Китай в меньшей степени отступил от этого своего курса и через почти три десятилетия. В то же время развиваются индийско-китайские отношения, в том числе между Россией, Индией и Китаем в трехстороннем формате РИК, в многостороннем — БРИКС и ШОС.

Нормализация же отношений Индии со странами Южной Азии, как указывалось в прогнозе, снижение напряженности на ее границах могли бы создать такие внешние условия, при которых объективно снизится заинтересованность Дели в дальнейшем укреплении советско-индийского сотрудничества, в советской военной помощи и политической поддержке, что отвечает долгосрочным целям политики США и КНР в регионе. Однако, почти че-

рез тридцать лет после составления прогноза, можно констатировать, что, несмотря на все изменения в мире и регионе, заинтересованность и России, и Индии в тесном сотрудничестве в политической и военно-стратегической областях отнюдь не снизилась, а, как минимум, сохранилась. Может быть, это обстоятельство и не соответствовало долгосрочным планам американской и китайской политики в регионе. Как отмечалось в прогнозе, «Китай и США, не снижая, а, возможно, даже расширяя свои отношения с Пакистаном и “малыми странами”, будут на дипломатическом уровне подчеркивать свое признание доминирующих позиций Индии в регионе, свою заинтересованность в нормализации с ней отношений, поддержку процессов нормализации отношений Индии с соседями». Это предположение можно считать оправдавшимся; изменилось лишь то, что отношения Индии с Россией, Китаем и США развиваются сегодня в большей степени в самостоятельном формате, на двустороннем уровне, хотя, несомненно, и испытывают на себе влияние других партнеров. Что же касается ограничения вмешательства Китая и США в проблемы Южной Азии, то в 2005 г. в СААРК был создан институт наблюдателей, в состав которых были приняты, наряду с другими странами, именно США и Китай (но не Россия!?).

Единственный раздел прогноза, который сохранил практически полную актуальность и сегодня — это анализ индо-пакистанских отношений. Как и прежде, они характеризуются сохранением напряженности, вызываемой глубокими расхождениями по проблемам глобальных и региональных международных отношений и наличием спорных проблем двусторонних отношений, главная из которых — кашмирская. Отношения осложнились в связи с усилением действия факторов этнонационального и религиозного порядка (утверждения Индии о поддержке Пакистаном сил, дестабилизирующих внутривнутриполитическую обстановку в Индии, открыто выступающих против ее единства и территориальной целостности, призывающих к дальнейшим террористическим актам в отношении Индии). Как и прежде, проблема отношений с Пакистаном — один из действенных факторов внутривнутриполитической борьбы в Индии, так как «угроза», нависшая над страной, используется правящей партией как для мобилизации своих собственных рядов, так и в качестве аргумента против деятельности оппозиционных партий, пытающихся «расколоть страну».

В тексте прогноза было высказано предположение, что напряженность в регионе может резко усилиться в случае испытания Пакистаном ядерного оружия, однако это представлялось сомнительным на период прогноза, так как «пакистанская ядерная программа встречает серьезную оппозицию в США, а сами пакистанские правящие круги, располагая, по-видимому, материальными возможностями для проведения подобного испытания, могут предпочесть сохранять свой статус “околоядерной

державы”, имея в виду принадлежность Движению Неприсоединения, а также опасаясь резкого обострения отношений с Индией».

Можно констатировать, что это положение прогноза не оправдалось: события, связанные с ядерной проблемой в Южной Азии, стали развиваться по несколько иному сценарию: выполняя предвыборные обязательства, правительство А.Б. Ваджапай санкционировало проведение ядерных взрывов в мае 1998 г. Вслед за Индией ядерные испытания провел и Пакистан, так что предположения о выгоде сохранения для обеих стран околоядерного статуса не оправдались.

К сожалению, полностью оправдалось предположение, что в прогнозируемый период кашмирская проблема не будет разрешена. Пакистанская сторона, для которой кашмирская проблема имеет особое внутривнутриполитическое значение, вряд ли пойдет на достижение соглашения по Кашмиру, т.е. признание статус-кво (вопрос об освобождении Пакистаном оккупированной части Кашмира не стоит в повестке дня). Как Индии, так и Пакистану выгодно сохранение и ныне кашмирского спора в «приглушенном» состоянии, однако Пакистан время от времени и впредь будет поднимать этот вопрос на международных форумах.

Попытки обеих сторон разрешить эту проблему силой представлялись маловероятными, так же как и формальное признание статус-кво в Кашмире (этот вариант был бы возможен лишь в случае полной и необратимой нормализации индо-пакистанских отношений во всех остальных сферах в условиях стабилизации обстановки как в Индии, так и в Пакистане, сближения их внешнеполитических концепций, что не представлялось вероятным на период прогноза). Это предположение остается в силе и сегодня.

Дальнейшее обострение индо-пакистанских отношений, вплоть до вооруженного конфликта, на период прогноза представлялось не слишком вероятным, хотя полностью это не исключалось. И действительно, такой прогноз оправдался: об этом свидетельствовал Каргильский конфликт лета 1999 г. как «проба сил» для только что обретших ядерный статус держав.

Анализ перспектив развития индо-американских отношений базировался на утверждении, что Индия «не представляет собой решающего звена в глобальной стратегии США», поэтому американская администрация вряд ли прекратит или ограничит развитие сотрудничества с Пакистаном, являющимся важным стратегическим фактором для Вашингтона. На практике Вашингтон продолжает военнополитическое сотрудничество с Пакистаном, хотя и в ограниченных масштабах, придавая ему более самостоятельное и менее зависимое от состояния отношений с Индией значение. Что же касается Индии, то ее место и роль во внешнеполитических приоритетах США явно повысились.

США и Китай, как и несколько десятилетий тому назад, «заинтересованы в поддержании такого уровня вовлеченности в проблемы региона, который дает им возможность держать под контролем не только развитие конфликтной ситуации между Индией и Пакистаном, но и процесс ее урегулирования». Две великие державы вряд ли заинтересованы в усилении напряженности в Южной Азии, правда, не только потому, что нормализация отношений Индии с соседями (главным образом с Пакистаном, а также с самим Китаем) снизит значение такого фактора, как совпадение геостратегических интересов Индии и России, а вследствие причин более широкого характера, связанных с сохранением напряженности внутри и вокруг Афганистана, обострением американо-иранских отношений, общим изменением геополитической ситуации в Центральной Азии, изменившейся ролью Китая в мире.

В подготовленном около тридцати лет тому назад прогнозе активно использовалось понятие «равноудаленности» (или «равноприближенности») в отношениях Индии с великими державами, причем рассматривались, по крайней мере, два варианта развития событий в этой связи: повышение уровня отношений с Китаем и США при сохранении или даже некотором повышении уровня отношений с СССР, или повышение уровня отношений с США и Китаем при ослаблении связей с СССР. Был сделан следующий вывод: «Поскольку Индия расценивает ситуацию, сложившуюся в Юго-Западной Азии и Индийском океане и поставки оружия Пакистану как угрозу ее территориальной целостности и суверенитету; учитывая сохранение напряженности в индо-пакистанских отношениях, нерешенность в долгосрочном плане спорных проблем с Китаем, можно предположить, что в этих условиях совпадение геостратегических интересов Индии и СССР, по крайней мере до конца 80-х годов, делает первый вариант более вероятным». Сама по себе такая постановка вопроса сегодня утратила свой смысл: вряд ли сегодня может идти речь о том, чтобы сравнивать и измерять на чаше весов отношения Индии с США, Китаем и Россией, отношения с которыми в новых условиях вряд ли целесообразно рассматривать с позиции «баланса сил», свойственной периоду «холодной войны». С каждой из этих великих держав Индия сегодня развивает самостоятельные отношения, базирующиеся на исторических ценностях и четком осознании национальных политических и экономических интересов страны.

Общее направление развития индийско-китайских отношений, а именно — «продолжение процесса нормализации при сохранении глубоких разногласий по проблемам региональных, двусторонних и глобальных отношений» в прогнозируемый период и после него в целом продолжается. Было справедливо отмечено, что способствовать процессу нормализации отношений будет новая тактическая

линия Пекина в отношении региональных проблем Южной Азии — переход от поддержки конфронтации в отношениях Индии со странами региона к заявлениям о поддержке нормализации отношений между ними. Китай, с одной стороны, и индийские торгово-промышленные круги — с другой, заинтересованы в развитии торгово-экономических и научно-технических связей между двумя странами, тем более что «экономическая модернизация», осуществляемая в Китае, вызывает большой интерес в Индии. В связи с этим следует заметить, что в последнее время экономические интересы сторон явно одержали верх над геополитическими соображениями: товарооборот между Индией и Китаем активно развивается, и к 2015 г. планируется его увеличить до 100 млрд. долл. (К этому же моменту планируется увеличить товарооборот между Индией и Россией до 20 млрд.!)

Оправдались предположения, что погранично-территориальная проблема в прогнозируемый период не будет разрешена. Находится «под сукном» она и сегодня. Индия не пойдет на принятие предложения Китая о так называемой «комплексной сделке» (сохранение статус-кво в Аксай Чине взамен на признание Китаем линии Макмагона в качестве международной границы), которая ущемляет национальные интересы Индии. Вряд ли можно предположить, что Китай согласится освободить хотя бы часть незаконно оккупированной, по мнению Индии, территории и лишиться, таким образом, мощного рычага давления на Индию.

Предположение, что Индия, отдавая себе отчет в том, что пограничная проблема является лишь формальным препятствием на пути нормализации отношений, в конечном счете пойдет на фактическое сохранение статус-кво, т.е. не будучи готовой добиваться возврата территории вооруженным путем, будет продолжать переговоры, не форсируя разрешение погранично-территориального вопроса на невыгодных для себя условиях, в целом можно считать оправдавшимся, хотя формально это не закреплено ни в одном из документов.

В прогнозе была высказана точка зрения, что тибетская проблема вряд ли будет стоять на пути нормализации отношений. Это предположение не оправдалось: сегодня можно констатировать, что будущее Далай ламы и тибетских беженцев, возможно, создает даже большую напряженность в отношениях между Индией и Китаем, чем территориальная проблема.

Нашло свое подтверждение в реальной политике и утверждение о том, что «в прогнозируемый период Индия будет стремиться к реальному улучшению отношений с США с целью утверждения независимости своего внешнеполитического курса, демонстрации отсутствия “крена” в сторону СССР, в особенности перед неприсоединившимися странами, получения доступа к американской технологии

для осуществления дальнейшей экономической и научно-технической модернизации». Правда, для США уже вряд ли есть необходимость «использовать заинтересованность индийского руководства в улучшении индо-американских отношений для отрыва Индии от СССР, а также для ослабления давления Индии на Пакистан, чтобы таким образом упрочить нынешний режим и антисоветские позиции Пакистана, в особенности в связи с ситуацией вокруг Афганистана». США и без этого пошли на предоставление Индии современной американской технологии, в том числе и двойного назначения; увеличиваются американские инвестиции в индийскую экономику и расширяются торговые и военные связи.

В тексте прогноза было высказано предположение, что «изменение отношения Вашингтона к Индии возможно в случае коренных перемен в отношениях Запада и Востока», а также «развития событий в Юго-Западной Азии в нежелательном для США направлении, что представляется маловероятным на период прогноза». То, что три десятилетия тому назад казалось «маловероятным», трудно предсказуемым, сегодня превратилось в реальность, определяющую развитие бурных событий на Ближнем и Среднем Востоке. Именно резкое обострение обстановки в исламском мире и усиление антиамериканских настроений сегодня играют значительную роль в развитии ситуации в арабском мире.

Перспективы отношений с СССР в тексте прогноза были сформулированы следующим образом. «Советско-индийские отношения, базирующиеся на Договоре о мире, дружбе и сотрудничестве 1971 г., будут и в прогнозируемый период оставаться важной составной частью внешнеполитического курса как СССР, так и Индии. Сохранится общность или близость позиций по проблемам обеспечения мира, ликвидации опасности возникновения войны, возврата к разрядке и необходимости распространения ее на все регионы мира, обуздания гонки вооружений, в особенности ракетно-ядерных, соблюдения принципов мирного сосуществования в отношениях между государствами, осуществления практических шагов в целях ликвидации существующих и предотвращения возникновения новых конфликтов». Можно констатировать, что это предположение в основных чертах оправдалось.

Возвращение к тексту внешнеполитического прогноза, составленного около тридцати лет тому назад, неизбежно ставит вопрос о том, насколько реально и целесообразно подготавливать такого рода прогнозы. На этот вопрос, как представляется, может быть дан положительный ответ. Конечно, подготовка прогноза

требует широких знаний в области как внутреннего положения в стране, ее экономической и социальной политики, так и учета широкого круга страновых, региональных и глобальных факторов. Правда, как показывает опыт, возможно возникновение непредвиденных обстоятельств, неожиданных событий, которые могут коренным образом изменить ситуацию в стране и мире. К таким факторам, например, можно было бы отнести распад Советского Союза или события 11 сентября 2011 г. в США.

И, тем не менее, основные тенденции развития стран и регионов могут быть подвергнуты анализу, что дает возможность заглянуть в будущее. Опыт подготовки внешнеполитического прогноза Индии на 1985–1990 гг. показал, что, даже несмотря на неожиданные события и глобальные катаклизмы, многие предположения о действиях Индии на международной арене в основном оправдались. Так, не потеряло своей актуальности и определение важнейшей внешнеполитической задачи как укрепление неформального лидерства в Движении Неприсоединения, утверждение позиций в качестве великой азиатской державы. Региональная политика Индии, как отмечалось в прогнозе, будет и впредь определяться отношением к Южной Азии как сфере своих исключительных интересов и будет направлена на дальнейшее утверждение доминирующих политических, экономических и военно-стратегических позиций в южноазиатском регионе, на разрешение спорных проблем двусторонних отношений на выгодных для себя условиях. Индия будет стремиться не допускать вмешательства «третьих» сторон — как других стран Южной Азии, так и великих держав, в разрешение спорных проблем двусторонних отношений и вынесения их на рассмотрение международных форумов. Вряд ли эти подходы Индии претерпели серьезные изменения. Хотя Индия сегодня согласилась с приданием США и Китаю статуса наблюдателей в СААРК, она по-прежнему не заинтересована во вмешательстве Вашингтона и Пекина в региональные проблемы Южной Азии. Более того, упоминавшаяся «настороженность» Дели в отношении «попыток СССР развивать отношения со странами региона» неожиданно получила свое продолжение: намерение российского президента посетить Пакистан в начале октября 2012 г. было с глубокой озабоченностью встречено в Дели. Визит был отменен, и каждая из трех заинтересованных сторон приводит свою версию случившегося. По крайней мере, в Дели утверждают, что отложить поездку президента В.В. Путина попросил премьер-министр Индии Манмохан Сингх.

РЕЦЕНЗИИ

В.Я. Белокреницкий

А.В. Акимов, А.И. Яковлев. Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. М.: Издательство Московского университета, 2012, 247 с.

Трудно ошибиться в оценке значения и качества рецензируемой книги. Она принадлежит к числу наиболее важных и интересных отечественных изданий по перспективам и проблемам развития мира в нынешнем столетии. Вызывает уважение органичное сочетание авторами своих собственных наработок и теоретических предпочтений и учет ими иных точек зрения на проблематику столь актуальную и широко востребованную, что она, безусловно, не ограничивается лишь специалистами-международниками, как сказано в аннотации, но включает экономистов, социологов, политологов, философов и культурологов, а также всех тех, кого можно отнести к широкому кругу читателей. На первом месте тут стоит студенческая аудитория, так как именно к ней в существенной мере обращаются оба автора, совмещающие интенсивную научную работу в Институте востоковедения РАН с преподаванием в МГУ (на факультете мировой политики и в ИСАА), Институте стран Востока, Высшей школе экономики и Православном Свято-Тихоновском госуниверситете.

Оба автора давно известны как ведущие профессионалы в смежных областях социально-гуманитарного знания. А.В. Акимов — экономист и демограф, автор оригинальной методики долгосрочных демографических прогнозов¹. А.И. Яковлев — историк-арабист, специалист по истории и сравнительному изучению модернизации и реформ в странах Запада, Востока и в России². Данное издание занимает место в одном ряду с некоторыми основными их предшествующими работами, развивает и углубляет анализ и обобщения, содержащиеся там.

Для коллективной по сути монографии ей присуща высокая степень согласованности выражаемых авторами точек зрения и выводов. Во многих случаях знакомому с трудами А.В. Акимова и А.И. Яковлева читателю видно авторство того или другого из них (не отмеченное в издании), но в ряде других это сделать нелегко.

¹ См: Акимов А.В. Мировое население: взгляд в будущее. М., 1992; Акимов А.В. 2300 год: глобальные проблемы и Россия. М.

² См: Яковлев А.И. Страны Востока: синтез традиционного и современного. М., 2007; Яковлев А.И. Очерки модернизации стран Востока и Запада. М., 2006.

Первое представление о содержании дает структура работы. Во введении, где говорится об актуальности изучения цивилизаций, сложившихся в наше время, привлекает внимание тезис авторов о скачкообразном росте материального уровня и качества жизни огромного количества людей, сразу же отмечается значительная степень сходства большей части стран мира по социально-экономическим показателям (с. 5). Этот тезис рефреном проходит через всю книгу, определяя ее достаточно мажорную общую тональность.

Среди проблем, решить которые ставят себе целью авторы, выделяется коренной вопрос о целях развития, соотношении сугубо экономических (прибыль) и неэкономических, культурных и духовных факторов. Обсуждается также тема прогнозирования, позволяющего предвидеть последствия текущих процессов и основных тенденций развития человеческого общества (с. 6).

Глава первая посвящена анализу мирового развития с использованием цивилизационного, ресурсного и сценарного подходов. Особый интерес, учитывая тему монографии, имеет первый из указанных методов. Авторы дают сжатый обзор литературы по роли цивилизаций в истории, обращая внимание на их определенное сближение по мере становления капитализма как начала современной эпохи. Вместе с тем различия между цивилизациями остались, и именно существование разных цивилизаций кладут авторы в основу своего анализа. Стоит процитировать определение цивилизации, даваемое в книге: «Стабильная этнодемографическая и социально-культурная общность, населяющая определенную территорию и обладающая в течение многих веков явно выраженными духовными (религиозными и моральными) идеалами и ценностями, непреходящими во времени основами бытовой и художественной культуры, особым мировосприятием и нормами поведения» (с. 18–19). Задаваясь целью определить единое основание-признак, на котором зиждется цивилизация, авторы остановились на религии как верной ее «метке», хотя и отметили различия между ролью таких религий, как ислам и буддизм (абсолютное мировоззренческое значение первой и относительное — второй). При-

няв за критерий религиозное (а также культурное и региональное, заметим от себя) начало, авторы выделили ставший почти «классическим» после работ С. Хантингтона, посвященный геополитике, которой авторы, как ими оговорено, не касаются, набор из 8 цивилизаций — европейской (Европа, США и др.), православной (Россия и др.), китайской, японской, индийской, исламской, африканской и латиноамериканской. Израиль, Корея, немусульманские страны ЮВА, страны Океании не вошли в состав цивилизаций. В то время как китайская, японская и индийская цивилизации представлены одним государством (с. 24–25).

Помимо цивилизационного подхода, авторы в первой главе обсуждают особенности прогнозного анализа с помощью ресурсных ограничителей экономического роста и сценариев будущего развития. Хотя сам по себе этот материал носит скорее ознакомительный, учебный характер, он дает возможность во второй и третьей главах эффективно использовать оба инструментария для прогнозирования.

Вторая глава посвящена росту населения и потребностей в ресурсах в XXI в. В ней рассматриваются сначала общемировые тенденции демографического развития, а затем рост по цивилизациям. Прогноз сделан на основе методики одного из авторов (А.В. Акимова) и имеет четыре сценария — максимальный и минимальный, которые задают верхнюю и нижнюю границу возможного, а также средний между ними и реальный с коррективами в отношении темпов роста населения в Южной Азии — слишком больших по среднему варианту из-за экологических ограничений. Некоторые прогнозные оценки, хотя и существенные с демографической точки зрения, выходят за рамки XXI столетия. Если ограничиться расчетами в его рамках, то по минимальному сценарию в 2050 г. мировое население составит 8,8 млрд. чел., а по среднему и реальному — будет на 1–2 млрд. больше, при этом по реальному сценарию к концу века оно превысит 11 млрд. чел. (с. 44).

Существенными представляются комментарии автора методики по поводу различий между его сценарными прогнозами и прогнозами ООН, сделанными до 2300 г. Последние ориентируются на тенденцию к стабилизации населения, в то время как приводимый в книге расчет более учитывает динамику с ускоренным ростом, достижением пика, а затем неуклонным спадом (с. 48).

Нужно заметить, что реальный прогноз предполагает значительный, почти двукратный рост населения в течение XXI в., что серьезно увеличивает демографическую нагрузку на планету. При этом он имеет место в условиях неуклонно снижающихся темпов прироста всего мирового населения и достигается за счет не всех, а лишь ряда из крупных регионов и цивилизаций. Так, если ныне доля Европы, Северной Америки и Океании равняется примерно 17% населения, а на Азию и Африку приходится 74% (разрыв

в 4,3 раза), то по среднему сценарию уже в 2050 г. соотношение меняется на 11 и 81%, а к 2010 г. — 8,5 и 85% (десятикратный разрыв). Два главных региона ускоренного роста численности и доли населения по всем сценариям — Южная Азия (Индия, Пакистан, Бангладеш) и Африка к югу от Сахары (самая крупная страна — Нигерия) (с. 45–47).

Переходя от общих и региональных к прогнозам роста по цивилизациям, авторы отмечают огромный потенциал абсолютного и относительного роста индийской, исламской и африканской цивилизаций. Их прирост за 2005–2100 гг. по реальному прогнозируемому сценарию составляет соответственно 642, 2157 и 3119 млн. чел. Китайская цивилизация растет медленно, увеличиваясь на 213 млн. Число жителей в Латинской Америке должно вырасти на 348 млн. чел. Население трех цивилизаций сокращается — японской на 31 млн., европейской — на 12 млн., православной — на 58 млн. чел. Численность жителей в России сокращается со 143 до 112 млн. (табл. 2.2.1.).

Все эти, на наш взгляд, довольно правдоподобные прогнозы сопровождаются в книге указаниями на причины и факторы различных темпов роста по цивилизациям, обсуждением известных феноменов административного регулирования рождаемости (Китай) и успешного осуществления к низкой рождаемости в условиях исламской цивилизации (Иран). Вестернизация, как отмечается в книге, распространяет западные стандарты на незападные культуры, но они воспринимаются там как инструментальная часть современности, а не принципиальные цивилизационные различия (с. 69–70).

Значительное внимание авторов справедливо привлечено феномен старения. Демографический переход, отмечают они, т.е. низкая рождаемость и низкая смертность, став неизбежным и в перспективе универсальным явлением, приводит к повышению продолжительности жизни больших масс людей и увеличивает долю пожилых в составе населения. Старение имеет целый ряд отрицательных экономических и социальных последствий и затронет не только те цивилизации, в которых давно произошел демографический переход, но и новую для этого процесса китайскую цивилизацию, а в той или иной мере все другие. Там вырастет число иждивенцев не только детского, но и старческого возраста.

Заканчивая обзор долгосрочных демографических перспектив, авторы делают несколько заслуживающих внимания выводов. Догоняющее развитие, как сторона глобализации, приводит к тому, что качественные показатели населения мира сближаются, и в этих условиях его численность может играть роль фактора, обеспечивающего преимущества в экономической жизни. Вместе с тем процесс сближения носит во многих случаях не абсолютный, а относительный характер, распространяясь далеко не на все население. В развивающихся странах такое развитие оставляет громадные и растущие мас-

сы людей голодными и нищими. Но это не исключает того, что та страна, где больше численность населения может стать лидером в трудоемких отраслях экономики, в том числе и в наукоемких (с. 70).

Большой интерес представляют разделы второй главы, посвященные ресурсным ограничителям экономического роста в XXI столетии — энергетике и продовольствию. В книге представлена прогнозная оценка потребности в ТЭР (топливно-энергетических ресурсах) на основе анализа роста численности населения мира и изменения нормативов потребления по мере социально-экономического развития. На основании собственных расчетов нормативов и их изменений авторы предлагают сводные данные и сравнение потребностей в ТЭР по цивилизациям в 2005 г. и 2100 г. по реальному и среднему сценариям демографического прогноза. Среднегодовые темпы прироста потребностей оказались равными 1,33 и 1,26%, что в целом ниже сложившихся в последние годы. Это позволило сделать оптимистический вывод о том, что «ускорение социально-экономического развития, которое должен обеспечить рассчитанный рост потребления ТЭР, может быть оплачено не беспрецедентно высокой ценой» (с. 84).

Однако проблемы в мировой энергетике остаются, и одна из них связана с неоднородностью распределения геологических запасов природного газа и нефти по цивилизациям, а также возможностью их исчерпания и поисками альтернативных возобновляемых видов энергии. Уже активно ведущиеся попытки заменить невозобновляемые источники энергии возобновляемыми создают коллизии, упоминаемые и анализируемые в книге. Например, использование отдельных видов сельхозпродукции в качестве биоэтанола и биодизельного топлива сокращает пахотные земли под продовольственными культурами (с. 89).

Отмечая принципиальную возможность ускоренного, догоняющего развития отстающими странами передовых, авторы анализируют многочисленные проблемы на этом пути и, помимо энергетической, закономерно выделяют продовольственную ситуацию. В мире, как известно, сосуществуют два вида сельского хозяйства: традиционное и современное. Опираясь на работы В.Г. Растянникова и И.В. Дерюгиной, авторы делают вывод об углубляющемся кризисе в рамках первого вида, отмечая, что другой вид, высокотехнологичное, капиталоемкое и наукоемкое аграрное производство (АПК) в основном фактически и «кормит человечество». Глобализация, отмечается в книге, выступает как механизм решения продовольственной проблемы, но чтобы он был и в дальнейшем достаточно эффективным, требуется высокая степень международного, в том числе межцивилизационного, взаимодействия (с. 90–92, 111).

Глава содержит поучительный прогноз обеспеченности цивилизаций сельскохозяйственными землями и пресной водой. Оба этих фактора являются критическими для сельского хозяйства. Про-

гноз на весь период XXI в. наглядно демонстрирует ухудшающиеся показатели наличия пахотной земли на душу населения по реальному сценарию для таких цивилизаций, как исламская, индийская и китайская, где они и в начале века крайне неблагоприятны. Значительными ресурсами земли обладает африканская цивилизация, но к концу столетия они будут в значительной степени израсходованы — их наличие приблизится, хотя и не достигнет еще уровней исламской, индийской и японской цивилизаций. Наиболее благоприятная ситуация в этой области складывается для православной цивилизации, где показатели улучшаются, и европейской, где они остаются стабильными. Несколько ухудшаются (с самого высокого в начале века соотношения «земля-люди») латиноамериканские показатели, оставаясь выше европейских (с. 101).

Аналогичный прогноз обеспеченности водными ресурсами наименее благоприятен для все тех же индийской, китайской и исламской цивилизаций. Несколько улучшается ситуация у японской цивилизации. Зато заметно ухудшается она в Африке к югу от Сахары, достигая к концу века показателей самых неблагоприятных цивилизаций. Стабильно благоприятный прогноз дают приводимые в книге данные для европейской, улучшающиеся — для православной цивилизации и несколько ухудшающиеся — для Латинской Америки (с. 103).

Исходя из неравномерности демографического роста и различий в обеспеченности продовольственных факторов по цивилизациям, авторы делают заключение, что проблемы обеспечения продовольствия будут стоять в XXI в. очень остро. Долговременная тенденция к исчерпанию природных ресурсов для ведения сельского хозяйства традиционного вида повышает риск обострения ситуации при неблагоприятных конъюнктурных, погодно-климатических прежде всего, условиях (с. 102, 111). К принципиально важным, хотя и ожидаемым, выводам авторов в отношении не только ключевых природных факторов сельскохозяйственного, но и индустриального развития (минеральное топливо) нужно отнести указание на то, что обеспечение прогрессирующего в целом и догоняющего развития будет возможно лишь при существенном технологическом прогрессе. При этом глобальная естественная убыль населения может стать дополнительным позитивным фактором (с. 111).

Тема третьей главы, короткой, но очень емкой и, пожалуй, самой новаторской — взаимодействие цивилизаций в условиях глобализации в XXI в. Отметив перемены в мировой системе к началу третьего тысячелетия, авторы предложили набор сценариев возможного развития цивилизаций и сценарии взаимодействия цивилизаций при этих обстоятельствах. Базируются они при этом на интерпретации современного опыта и тенденций, выявленных проведенным ими анализом. Для каждой цивилизации намечен свой спектр возможностей, порой прямо

противоположных. Варианты имеют названия, говорящие, чаще всего, сами за себя. Они известны по предыдущей работе одного из соавторов³, но в отличие от нее, здесь сценарии представляются более разработанными и убедительными.

Достижением нужно считать сочетание сценариев мирового развития и эволюции цивилизаций, сведенное в удобную таблицу (с. 153). Четыре сценария развития мира на перспективу всего текущего столетия названы «Конвергенция цивилизаций», «Запад сохраняет лидерство», «Лидерство переходит на Восток и Юг», «Борьба за ресурсы». Первый сценарий представляется самым идеальным и идеалистическим. Как отмечают авторы, в ходе его реализации народы, принадлежащие к различным цивилизациям, сближаются настолько, что исчезает антагонизм между носителями различных религиозно-культурных традиций и систем ценностей. Это приводит к возникновению новой мировой общности «просто людей», признанию равноправия всех наций и отсутствию открытого конфликта между ними. При этом авторы учитывают «естественную иерархичность» мировой политической системы, соперничество за ресурсы, но полагают, что конфликты и проблемы будут решаться путем консенсуса. Впрочем, такой сценарий намечает лишь желательный тренд и для его осуществления, замечают авторы, потребуются целенаправленные усилия, «так как неочевидно, что такая система сложится сама по себе» (с. 150–151).

Второй сценарий предполагает сохранение современного положения вещей на весь XXI в. Он возможен лишь в случае преодоления Западом (ЕС, США и Японией) нынешних проблем экономического развития и разрешения кризисных ситуаций с ресурсами, экологией и демографией. По третьему сценарию ведущими в процессе развития мира становятся Китай и Индия. Относительное ослабление Запада не умаляет при этом его крупной роли и значения.

Согласно четвертому сценарию не удастся сохранить баланс между растущими потребностями людей и убывающими природными ресурсами. Это приводит к длительному и затяжному хаосу мировой системы. Выход из него может обеспечить либо появление абсолютного лидера, силой навязывающего основы нового миропорядка на базе своих ценностей, либо солидарная политика ведущих стран, изменяющих цели мирового развития с тем, чтобы они увязывались с природно-ресурсными возможностями (с. 153–154).

Четырем сценариям мирового социально-экономического развития соответствуют группы сценариев развития и взаимодействия цивилизаций. В ряде случаев в монографии даются варианты эволюции как цивилизаций, так и отдельных стран в их рамках. Так, для восточноевропейской цивилизации, в частности России, не исключен сценарий «Угасание

и распад», для Японии — вариант «Закисание», а также «Младший партнер Китая». У китайской цивилизации выбор из четырех вариантов: «Конвергенция цивилизаций», «Борьба за лидерство в мире», «Быстрое старение населения и угасание по японскому образцу», «Экологическая катастрофа». Индийскую цивилизацию могут ждать, помимо общей для всех «Конвергенции», сценарии: «Эколого-демографическая катастрофа» и «Успешное догоняющее развитие и борьба за лидерство в мире». В отношении исламской цивилизации нет общего сценария. Варианты для арабских стран-нефтеэкспортеров (помимо «Конвергенции») — «Энергетика навсегда» и «Возвращение в пустыню». Для арабских государств, не являющихся экспортерами нефти, возможны варианты: «Средиземноморская интеграция» и «Арабская улица» (восстание городских масс). Турция, Малайзия, Иран, Индонезия могут развиваться по сценарию «Исламские тигры», а Пакистан, Афганистан, Бангладеш — по варианту «Прозябание». Для африканской цивилизации возможны сценарии «Неудача догоняющего развития», «Догоняющее развитие с разновекторной ориентацией» и «Догоняющее развитие и партнерство с латиноамериканской цивилизацией», а для последней выделяются два таких варианта, как «Догоняющее развитие и встраивание в европейскую цивилизацию» и «Догоняющее развитие и борьба за влияние на африканскую цивилизацию». Сценарии для западноевропейской (включая США, Канаду, Австралию и т.п.) и восточноевропейской цивилизаций исключают момент их геополитического соперничества, и они рассматриваются как родственные. Для них (особенно для ЕС) в рамках мирового сценария «Запад сохраняет свое лидерство» возможны сценарии «Торжество технологий», «Торжество рантье», «Злые соседи» (мусульмане в Европе) и ее крайний вариант «Варфоломеевская ночь» (насильственные действия европейского большинства против мусульманского меньшинства), а в варианте «Лидерство переходит на Восток и Юг» вероятны сценарии «Европа — русская деревня» (обезлюдение и деградация) и «Человек западный — исчезающий вид». Четвертому сценарию мирового развития «Борьба за ресурсы» соответствуют неблагоприятные варианты эволюции китайской, индийской, арабо-мусульманской и африканской цивилизаций (с. 118–148).

При всех условностях и ограничениях такого рода проекций на будущее выделенные в книге сценарии внутренне достаточно непротиворечивы и логично увязаны между собой. Они, на наш взгляд, могут быть положены в основу мониторинга и оценки ситуации в социально-экономической и политической сферах отдельных стран и цивилизаций (групп государств).

Четвертая и пятая главы коллективной монографии посвящены нескольким иным вопросам, хотя и тесно связанным с рассмотренными перед этим. Речь идет о реформе и модернизации как инстру-

³ См. Акимов А.В. Глобальные проблемы и Россия. Указ соч.

ментах управления развитием. Не оставляя без внимания цивилизационные особенности, авторы переносят акцент на переход обществ, принадлежащих разным цивилизациям, от одного состояния к другому. Поскольку анализируется модернизация эпохи Нового времени, то, очевидно, что ими имеется в виду трансформация докапиталистической формации в капиталистическую. Формация, впрочем, рассматривается не как абстрактная категория, а как конкретная, применительно к тому или иному обществу. Из двух известных типов перехода — реформы и революции, а также смешанных форм с революционными и реформистскими чертами — авторы выбирают реформу для выявления ее общих типологических свойств. Большое значение они придают двум моментам — кризису системы и воздействию внешнего примера. Говоря их словами, «общество решает объективно возникшую задачу модернизации: выхода из системного кризиса путем своего осовременивания, приспособления к изменившимся внутренним и внешним условиям жизни, имея ... в качестве образца для подражания пример более развитого (на новых основах) и сильного общества» (с. 155).

Из двух факторов, на которых делается упор, — кризис системы и внешний демонстрационный эффект — большего внимания заслуживает, по нашему мнению, первый. Интересно отмеченное авторами положение, что кризис системы может быть как реальным, так и воображаемым, но только он вызывает настоящие перемены (с. 156).

Между тем не всякий кризис системы приводит к ним. Общество может продолжать двигаться по старому пути, что заводит его в тупик. Новый путь, модернизация, приводит к обновлению общества как общественно-производственного организма. При этом оно, по убеждению авторов, до некоторых пор «развивается органично и естественно по своим законам, переживая разного рода кризисные состояния в сферах экономики, политики, культуры. И там, где эти кризисы не затрагивают системообразующих основ, их можно разрешать частичными преобразованиями, «реформами внутри системы» (с. 159).

Используя понятие «реформы внутри системы», авторы вводят парный термин «реформа системы», которая только и может устранить ее кризис. Именно такая реформа системы есть комплексный процесс переустройства общества на новых началах. При этом страны Востока, следуя примеру Запада, совершают качественный скачок без насильственного изменения политической культуры общества, «без разрыва с Традицией» (с. 162). Реформа системы — это фактически «революция сверху», осуществляемая властью, правящей и господствующей элитой, для модернизации экономики, военного дела и других сторон общественно-производственной жизни. В XIX в. ее для модернизации использовали и Германия, и Россия, и Япония, и другие государства

«второго эшелона» капиталистического развития. Не порывая, таким образом, с накопленным в нашей научной литературе багажом, ибо понятия первого, второго, третьего эшелона буржуазного развития использовались у нас еще в работах 1970–1980-х годов, авторы обращают внимание на длительность реформ и выделяют сходные характеристики и этапы (см. с. 167–171 и Приложение 2).

Изучение успешных реформ, проведенных в разных странах и в разное время, позволило выявить пять их организационных особенностей: длительность (не менее 20 лет); наличие стадий соответствующих достижению отдельных целей; необходимость лидера (формального или неформального) и ядра единомышленников; сопротивление части общества, которая затем может оказаться в выигрыше; авторитарная власть, но лучше без ее узурпации (с. 171–172). В ходе сравнения выявляются неизменные элементы модернизации — схема, механизм, основные факторы. Из них нужно отметить критерий успеха модернизации. Им является, по суждению авторов, не только выход общества и государства из кризиса и достижение устойчивого характера развития, но и главное — достижение страной стадии наиболее развитых государств и обретение «достойного положения» в мировой системе (с. 173). Хотя последний критерий применим, пожалуй, не ко всем странам, бесспорным кажется тезис о том, что в условиях нынешней глобализации реформы вряд ли можно проводить на национальном уровне, без прямого или косвенного существенного влияния мирового сообщества (там же).

Заключительные разделы книги являются в какой-то степени попыткой синтеза цивилизационного и формационного подходов. В монографии отмечается, что качественно новыми факторами в нынешней, постсовременной модернизации становятся глобализация как формирование единого финансово-экономико-политико-культурного пространства и возрастающая роль культуры в общественной жизни мира. Два этих фактора, отчасти согласуясь между собой, вступают и в известное противоречие. Глобализация базируется на идеологии прогресса, отрицания того, что было «вчера», а культура включает это «вчера» в виде традиции, в форме верности своей культуре, религии, истории.

Возможно именно это, сохранение приверженности различным цивилизационным традициям, и станет, задаются вопросом авторы, системообразующим элементом в процессе складывания новой постсовременной мировой формации (с. 201–202). Пессимистически оценивая перспективы либеральной системы ценностей, господствующей на Западе, авторы постулируют, что в будущем следует ожидать либо его крах в случае верности такой системе, либо возвращение к исходным цивилизационным (читай — религиозным) ценностям (с. 203).

Та же тональность, не слишком впрочем, для нас убедительная, прослеживается и в отношении Вос-

тока. Авторы отмечают, что ему легче сохранить верность культурно-религиозной традиции, и это позволяет сопротивляться тотальному наступлению универсальной массовой культуры. Определенный выход из положения видится в распространении регионализации «мир-системы», которая уже проявилась в сферах экономики и политики, на область культуры и духовной жизни (с. 204).

Наиболее интересными из заключений о будущем новой системы XXI в. нам представляются следующие предположения авторов: «Вероятно, что в глобализованном мире процесс модернизации пройдет в ряде случаев поверх национально-государственных границ, втягивая в свой поток лишь часть общественно-производственного организма, а часть сохранит прежнее, до-современное качество. Результатом такого процесса в национально-государственных границах станет не синтез Современности и Традиции, а ее симбиоз (или отторжение)» (с. 207–208). Опасности такого рода развития, обнаруживающиеся и в применении к миру в целом, связаны с попыткой использовать универсальную модель нового строя (новой формации) вместо активизации процесса диалога и сотрудничества цивилизаций (с. 209).

Практически важными являются выводы авторов о будущем России. Хотя среди прогнозных сценариев ее развития есть и весьма неблагоприятные (о них упоминалось выше), богатые природные ресурсы, топливные и сельскохозяйственные, могут стать существенным и устойчивым конкурентным преимуществом России в XXI столетии. Развитие ТЭК и экспорториентированного сельского хозяйства способны превратиться в две составляющие нового ее места в международном разделении труда на многие десятилетия (с. 217).

Заслуживает внимания высказанное авторами пожелание продолжить работу по прогнозированию. Причем они предполагают, что разработанная ими расчетная методика может быть применена широким кругом специалистов. Комплексное исследование будущего регионоведцами, в том числе, разумеется, востоковедами, может быть осуществлено, по их мнению, с использованием широкой гаммы подходов, от ситуационных анализов до углубленных исследований отдельных вопросов (с. 218).

Разделяя такое предложение авторов монографии, следует отметить, что это придает их книге

особое значение как работе, закладывающей основу для практически востребованных исследований регионально-прогнозного характера.

Не ставя перед собой задачу критической оценки различных положений, содержащихся в насыщенной богатым содержанием книги, хотелось бы высказать в заключение несколько общих соображений. Сценарный набор при рассмотрении перспектив различных цивилизаций и мирового развития в целом обедняет, как кажется, отсутствие глубоко кризисных и катастрофических вариантов. Нельзя утверждать, что их совсем нет, но фактор конфликтности и угроза войны, всемирного хаоса едва обозначены. Такой взгляд, впрочем, отличает не только данную работу по прогнозированию, но и другие, выполненные в последнее время у нас и за рубежом⁴. Для кризисно-пессимистических сценариев, скорее всего, не остается места в связи с исходными постулатами авторов об эволюции в условиях длительного мира, продолжающейся глобализации и наблюдаемой ныне и принципиально допускаемой возможности догоняющего развития отстающими цивилизациями передовых.

Не случайно, что и геополитика оставлена за рамками исследования. Но оставить за бортом политику, прогнозировать развитие в условиях его нерегулируемости представляется достаточно сильным ограничителем. Вместе с тем при обсуждении реформ как инструмента модернизации политика входит в анализ через акцент на значение власти, лидера, правящей элиты как необходимых условий успешных реформ догоняющего типа. Вероятно, мы имеем здесь момент неполного совпадения подходов соавторов, что проявляется также, как показалось, и в трактовке перспектив западной цивилизации. Так или иначе, но несколько больший учет политического фактора будет, наверное, необходим при дальнейшей работе над сценариями мирового и цивилизационного развития.

При этом к власти и правящим элитам в качестве еще одного агента реформы и развития надо бы, видимо, добавить гражданское общество, активность граждан и создаваемых ими добровольных ассоциаций. Именно ГО, в отличие от общества в целом, понимаемого как общественно-производственный организм, подчас лучше воспринимает извне и продуцирует «из себя» импульсы для перемен и оказывает давление на власть с тем, чтобы реализовать их.

⁴ Достаточно будет назвать монографию ИМЭМО: Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант. Под ред. акад. А.А. Дынкина. М., 2011.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдаков Игорь Юрьевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Акимов Александр Владимирович, доктор экономических наук, заведующий отделом Института востоковедения РАН.

Бектимирова Надежда Николаевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой Института стран Азии и Африки МГУ.

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института востоковедения РАН.

Бойцов Валерий Васильевич, кандидат экономических наук, зав. кафедрой Института стран Азии и Африки МГУ.

Ванина Евгения Юрьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Дерюгина Ирина Владимировна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Евсеев Владимир Валерьевич, кандидат технических наук, директор Центра общественно-политических наук РАН.

Жигалина Ольга Ивановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Жукова Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Звягельская Ирина Доновна, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Кандалинцев Виталий Геннадьевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Макеев Юрий Анатольевич, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Маркарьян Седа Багдасаровна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник-консультант Института востоковедения РАН.

Марьясис Дмитрий Александрович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Медведко Леонид Иванович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Мельянцев Виталий Альбертович, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ.

Молодякова Эльгена Васильевна, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института востоковедения РАН.

Муранова Анна Петровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Притчин Станислав Александрович, кандидат политических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Семенова Нелли Кимовна, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Томберг Игорь Ромуальдович, кандидат экономических наук, руководитель Центра Института востоковедения РАН.

Ульченко Наталья Юрьевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Института стран Азии и Африки МГУ.

Цветкова Нина Николаевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Чеснокова Светлана Викторовна, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Шаумян Татьяна Львовна, кандидат исторических наук, руководитель Центра Института востоковедения РАН.

Яковлев Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор факультета мировой политики МГУ.

Научное издание

Восточная аналитика

Ежегодник 2012

Тенденции, перспективы, прогнозы развития стран Востока

Утверждено к печати

Институтом востоковедения РАН

Компьютерный набор З.А. Исаева

Техническая помощь М.А. Репенков

Внешнее оформление А.В. Ельцевой

Корректор М.Я. Колесник

Компьютерная верстка А.В. Горюновой, Д.И. Стребкова, Л.А. Юшкевич

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт востоковедения РАН

Информационно-издательский отдел

Зав. отделом А.В. Сарабьев

107031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Формат 60x90/8. Усл. печ. л. 27,3. Уч-изд. л. 23,8

Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО типографии

«Издательство МБА»

119361, Озерная, д. 46

(495) 781-86-28, (495) 625-38-13